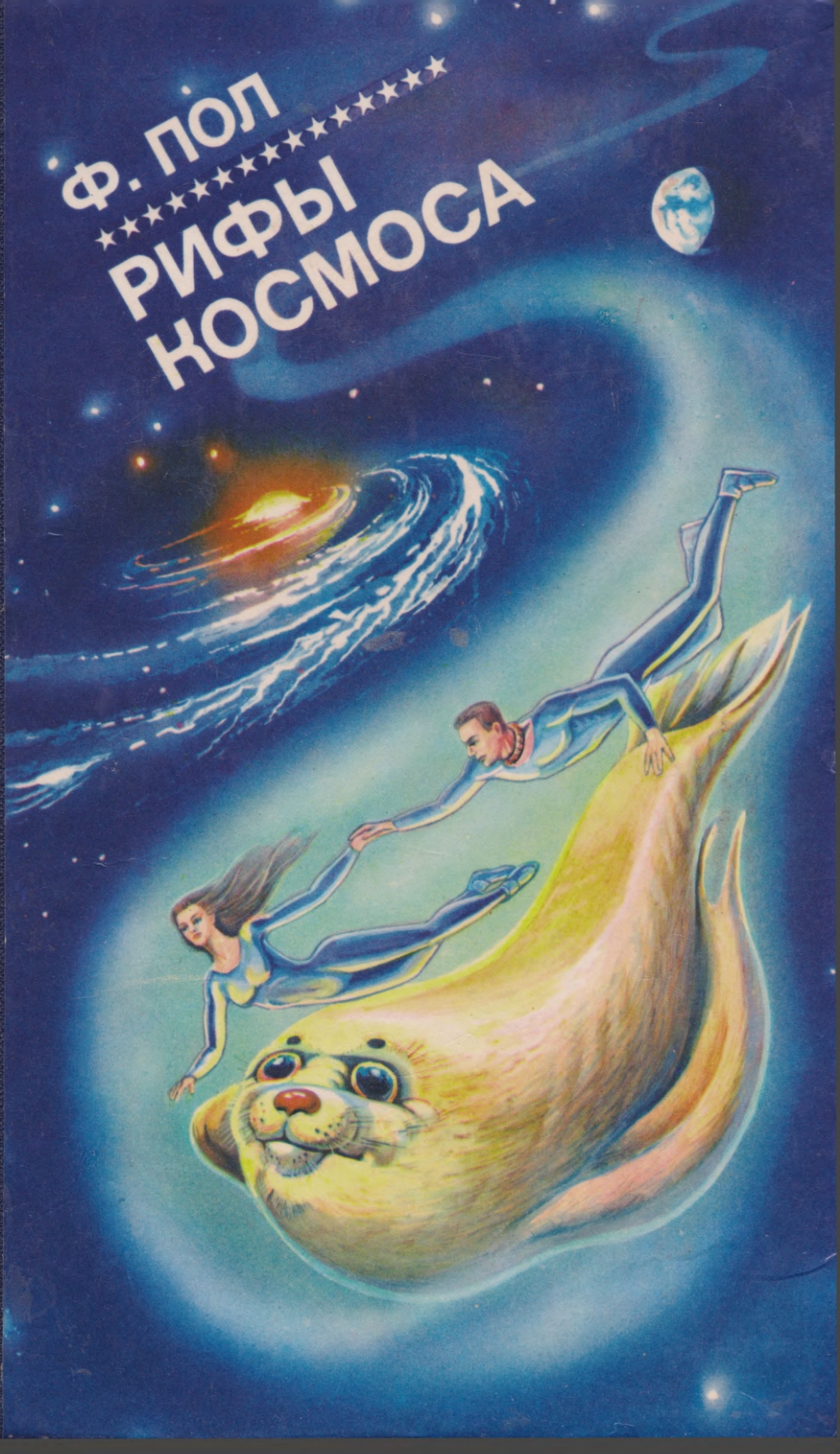
Ф. ПОЛ

РИФЫ КОСМОСА



ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

18

Фредерик Пол

РИФЫ КОСМОСА

Перевод с английского

«ЭЯ»
Кишинев
1992

П 24

Составитель *В. П. КИРЧЕВ*

Ф. Пол, Д. Уильямсон

П24 В книгу вошли трилогия Ф. Пола и Д. Уильямсона «Рифы космоса», «Дитя звезд», «Блуждающая звезда» и роман Ф. Пола «Сын Кунга». Перевод с англ. Сост. В. П. Кирчев, Кишинев «ЭЯ», 1992 г.— 576 с. (Серия «Зарубежная фантастика», выпуск 18.).

ISBN 5-85268-050-8

© Составитель В. П. Кирчев, 1992

РИФЫ КОСМОСА

— Зарегистрироваться, быстро! — резко скомандовал майор.— Опы, вы что там, заснули? — Майор с антеннами радара напоминал рогатого черта. И был, действительно, опасен, как дьявол. Хотя вид у него был сонный и нижняя челюсть ослабленно отвисла.

— Слушаюсь, сэр,— ответил Стив Райленд, оглядываясь по сторонам. Вот он, Рейкьявик, совершенно новый мир для Райленда, который только что прибыл из лагеря максимальной безопасности, что находится за Полярным кругом. Он никак не мог отвести взгляд от высоченных зданий, от реактивных лайнеров и ракет, разбросанных по полю аэропорта. Невысокий человек, стоявший рядом с ним, чихнул и подтолкнул Райленда.— Порядок,— успокоил его Райленд и вошел в пустую тесную комнатушку Службы Безопасности. Он выстучал на клавишах телетайпа, стоявшего в углу комнаты — типичного для этого здания:

«ИНФОРМАЦИЯ. Стивен Райленд, оп. АВС-38440 и О. В. Опорто, оп. ХУ-88842, прибыли на...— он взглянул на табличку с буквами кода, прикрепленную к корпусу телетайпа,— станцию З, радиус — 4-261, Рейкьявик, Исландия. ЗАПРОС: Какие следуют указания?»

Через мгновение от Планирующей Машины пришел ответ, одна-единственная буква «П». Машина приняла и поняла сообщение и ввела его в свои банки памяти. А это означало, что сейчас последуют приказы. В комнату заглянула сотрудница службы. Губы ее, уже было изобразившие профессиональную улыбку, при виде железных воротников на шеях Райленда и Опорта вытянулись в тонкую линию. Преступники. Девушка кивнула майору и удалилась. Прозвенел сигнал телетайпа, и Машина напечатала приказание:

«ДЕЙСТВИЯ. Проследовать к поезду № 667, путь 6, купе 93».

Райленд прочел сообщение. Майор, заглянув через его плечо, ухмыльнулся: «Прямой билет в орган-банк, как мне думается».

— Да, сэр,— сказал Райленд. Он не собирался вступать в споры. Бесполезно. Опу не переспорить офицера, у которого на шлеме майорские радарные антенны.

— Тогда пошевеливайтесь,— проворчал майор.— Да, Райленд...

— Слушаю, сэр?

Майор подмигнул.

— Спасибо за шахматы. Надеюсь, еще увижу вас. По крайней мере, отдельными частями.— Он довольно загоготал им вслед.—И без глупостей, не забывай, где находишься, предупредил он.

— Я не забуду,—тихо сказал Стив Райленд, дотронувшись до железного кольца на шее.

Опорто снова чихнул.

- Пойдем,— проворчал он.

Ладно. Какой там был номер?

Темноволосый коротышка усмехнулся.

— Поезд № 667, путь 6, купе 93. Легко запомнить. Апчхи! Проклятье,— сказал он,— я уже, кажется, простудился. Давай скорее уберемся с этого сквозняка.

Райленд направился к выходу. Без всякой охраны они пересекли тротуар и подошли к ряду такси, где сели в свободную машину. Туристы, работник аэропорта, все, кто проходил мимо, бросали на них мимолетный взгляд, замечали железные воротники и отворачивались. Никто не заговорил с ними. Райленд набрал на пульте код места назначения, и такси помчалось по широким бульварам к огромному мраморному зданию на другом конце города.

Над входом в здание было высечено:

ПЛАН ЧЕЛОВЕКА
СТАНЦИЯ СУБПОЕЗДА

Они пересекли обширный зал ожидания, наполненный гулом пассажиров. Сделать это было нетрудно. Райленд грустно усмехнулся. Без глупостей, помни! Еще бы — причина ясна. Человеку с железным кольцом на шее не стоит уклоняться от назначенного маршрута. А если он это сделает, то всем остальным лучше быть в этот момент где-нибудь подальше — так будет полезней для их здоровья.

— Нам на шестой путь, так?

— Да, поезд 667, купе 93. Память у тебя дырявая, что ли? — поинтересовался Опорто.

— Шестой путь — это сюда,— Райленд показал вперед. Шестой путь оказался грузовой платформой. Они спустились по пролету выключенного эскалатора и вышли к путям субпоезда. С тех пор, как подземные линии субпоезда опоясали весь мир, невозможно было сказать, куда именно направляется ваш состав. Из Исландии он мог идти в Канаду, Бразилию, даже Африку; чудовищные атомные буры Плана Человека прогрызли идеально прямые туннели сквозь любую породу. Субпоезда пролетали в безвоздушном пространстве туннелей, подстегиваемые электростатическими силами кольцевых ускорителей. Поскольку трения не было, скорость их была сравнима со скоростями межпланетных лайнеров.

Где же наш поезд? — проворчал Опорто, озираясь.

Режущий свет заливал неуютную платформу, сверкая на боках гигантских алюминиевых емкостей, лежавших в гнездах люлек, пока еще по эту сторону вакуум-створов. Рабочие с помощью кранов и грузовиков загружали транспортные емкости на соседней платформе. На платформе в сотне ярдов от них у выхода с эскалатора появилась небольшая группа пассажиров.

— Ставлю шесть против пяти, что следующий поезд — наш,— коротко сказал Опорто.

— Я пас,— ответил Райленд, решивший не заключать пари. Но втайне он надеялся, что коротышка прав. На платформе было холодно. Остуженный воздух гудел в раструбах вентиляторов. Опорто, и без того продрогший, чихнул и начал шмыгать носом. Райленд и сам поеживался в своей лагерной робе. Когда в лагерь пришло указание об их отправке, заключенных, как того требовали правила, подвергли тщательному медицинскому осмотру. Таково было всеобщее правило Плана Человека, и осмотр включал в себя горячий душ. «В орган-банке требуется чистенькое мясо»,— грубо захохотал охранник, но Райленд не обратил на него внимания. Он не имел права размышлять. Человеку с железным кольцом на шее не разрешалось заглядывать в будущее. Он мог думать только о том, как избавиться от кольца — и ни о чем больше. В шахте туннеля прозвучал вопль предупреждающей сирены. Райленд едва не подпрыгнул. Опорто повернулся немного медленнее, словно он этого и ожидал. На вакуум-створах шестого пути замигали красные огни. Начали работать воздушные клапаны. Створы медленно разошлись, и появился тягач, тащивший за собой установленный на люльку-тележку вагон, который они и ждали.

— Ты бы проиграл,— заявил Опорто, и Райленд кивнул.

Вагон остановился. Снова зафыркали выравнивающие давление клапаны, и затем высокие двери откинулись и легли на платформу. Вдоль них побежали ленты эскалатора.

— Стив, мне это совсем не нравится! — с тревогой сказал Опорто. Из дверей вагона показались два человека в форме. Они не взглянули на Райленда и Опорто, они спешили. У каждого была толстая кожаная сумка курьера, и была она такого же цвета, как и сама униформа. Ярко-голубые униформы! Но ведь это же цвет особой охраны... Не веря себе, Райленд поднял взгляд. Под потолком, среди путаницы трубопроводов и кабелей, вспыхнул ослепительный свет, падая на сферу вагона. На ее вершине, в сорока футах над платформой, ясно выделилась сверкающая голубая звезда, а под ней выведенные белой краской слова:

ПЛАН ЧЕЛОВЕКА
КАБИНЕТ ПЛАНИРУЮЩЕГО

Специальный вагон, которого они ждали, был личным вагоном самого Планирующего!!!

Первой мыслью, мелькнувшей в голове Райленда, было: теперь я наконец смогу представить мой случай самому Планирующему! Но вторая мысль перечеркнула первую. Планирующий, как и всякий человек на Земле и планетах Солнечной системы, был лишь орудием Планирующей Машины. Если Райленд когда-нибудь будет свободен, если воротник снимут с его шеи, то это произойдет только потому, что Машина примет соответствующее решение. Человеческие аргументы на нее не действуют. Усилием воли Райленд выбросил мысль из головы. И все же он не мог избавиться от слабой надежды. По крайней мере, они почти наверняка направляются не в орган-банк!

— Какое у нас купе?

Опорто вздохнул:

— 93. Ты хоть что-нибудь способен запомнить? Поезд 667 — произведение двух простых чисел 23 и 29. Путь 6 — их разность. Купе 93 — их последние цифры в обратном порядке. Это очень легко...— Но Райленд уже почти не слышал его. Отношения Опорто со всем, что касалось чисел и операций с ними, были для него не новостью. Однако сейчас его ум был занят более существенными делами. Он направился к эскалатору и поднялся в вагон. Мимо прошла женщина в голубой форме охраны, заметила их воротники и нахмурилась. Прежде, чем Райленд успел к ней обратиться, она исчезла. Что ж, невесело подумал Райленд, еще одно доказательство эффективности наших воротников — она даже не сочла нужным узнать, что два она делают в личном вагоне самого Планирующего. Беспокоиться ей не было причины — один неверный шаг, и железные кольца сделают его последним шагом вообще. Но владельцу воротника было небезопасно двигаться наугад. Райленд стал поджидать, пока мимо кто-нибудь пройдет.

— Сэр! — окликнул Райленд.— Простите, сэр!

Это был седоволосый, строгий мужчина в голубой форме охраны с серебряными грибками полковника Технического корпуса.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил охранник.

— Нам приказано явиться в купе 93,— объяснил Райленд.

Полковник задумчиво посмотрел на него.

— Имя,— коротко потребовал он.

— Райленд Стивен. И Опорто.

— Угу,— наконец вздохнул полковник.— Ладно,— добавил он сурово.— Не стоит пачкать вагон Планирующего. Осторожность не помешает. Вам туда.— Он проводил их в крохотную комнату и подтолкнул внутрь.— Смотрите,— сказал он, поворачивая ручку двери,— замка нет. Но должен вас предупредить, что почти все коридоры перекрыты радаром. Вы поняли? — Они поняли.— Отлично.

Он поколебался.

— Кстати, меня зовут Лескьюри, полковник Паскаль Лескьюри. Мы еще встретимся.— И он затворил за собой дверь.

Райленд быстро обвел купе взглядом, его интересовал не комфорт и не великолепие обстановки. Он искал телетайп. Он быстро зарегистрировал себя и Опорто. Пришел ответ:

«П. ДЕЙСТВИЯ. Ждать дальнейших указаний».

Опорто к этому времени уже не мог сдержать озноба, щеки его горели.

— Вот так всегда,— сказал он в нос.— Я простужаюсь, и если не полечусь, то слягу на неделю. У меня уже жар! он действительно дрожал.

— Нет, жара у тебя нет. Мы уже едем.

Человек за пультом управления субпоезда знал, чей вагон он ведет по туннелям электростатического ускорителя. Громадная сфера тронулась с места совершенно бесшумно и плавно. Они не почувствовали никакого толчка, но тотчас начали ощущать необыкновенную легкость. Такова была особенность путешествия субпоездом. Поезд стремительно мчался по хорде из одной точки в другую, и на дальних маршрутах глубина туннеля достигала тысячи миль от поверхности. После придания поезду начального ускорения, первая половина пути напоминала падение в кабине сверхскоростного лифта.

Райленд рассеянно протянул руку и придержал за плечи покачивающегося Опорто. Он нахмурился. Кольцевые поля, опоясывающие стенки туннелей субпоезда, в известной мере были обязаны своей стабильностью ему, Райленду. В тот вечер, в пятницу, три года назад, когда полиция Плана ворвалась в его кабинет, он как раз закончил диктовать описание новое силовой катушки, у которой потери на гистерезис были уменьшены наполовину, и срок ее службы увеличивался по сравнению со старыми катушками самое меньшее в два раза. И тем не менее это было единственное, что он мог вспомнить. Неужели с его мозгом что-то сделали? В тысячный раз задавал себе Райленд этот вопрос. Он мог вспомнить уравнения своей собственной теории геликальных полей, пришедшей на смену примитивным «магнитным бутылкам», ранее предохранявшим стены туннелей от расплавленного камня. Но он не мог вспомнить ход работы, который привел его к этим уравнениям. Он вспоминал конструкцию ионных ускорителей для двигателей атомных ракет, но, однако, автор этой конструкции — он сам — оставался для него загадкой. Что это был за человек? Что он сделал?

— Стив,— простонал Опорто.— Ты не принесешь мне выпить?

Райленд повернулся к нему, возвращаясь к действительности. Выпить! Опорто явно бредит

— Я спрошу Машину,— сказал он.

Опорто слабо кивнул.

— Да, спроси. Я заболел, Стив.

Райленд колебался. Коротышка явно был болен. Пока он раздумывал, Опорто направился мимо него к телетайпу.

— Я сам спрошу,— проворчал он.— Отойди в сторону.

Неверными пальцами он потянулся к клавишам, а глаза

смотрели на Райленда. Это была ошибка — он не должен был отвлекаться. Нетвердо держась на ногах, он покачнулся, потянулся к клавиатуре, промахнулся и тяжело повалился на телетайп. С грохотом аппарат опрокинулся на пол. Внутри машины сверкнула белая искра, и по комнате распространился запах горелой изоляции. Райленд хотел выругаться, но сомкнул губы. Какой смысл? Телетайп явно приведен в негодность. Опорто сделал это неумышленно. Опорто застонал.

— Проклятье! Стив, куда ушел тот полковник? Может, он принес бы мне чего-нибудь...

— Не волнуйся,— рассеянно сказал Райленд. Коротышка был явно не в себе, но мысли Райленда сейчас занимало другое. Его волновал телетайп. Во всей своей жизни, начиная с первых дней после школы, не было такого поступка, который Стив совершил бы, не посоветовавшись с Машиной. Даже в лагере максимальной безопасности в углу голого барака стоял телетайп, непосредственно соединенный с Машиной. У него было такое чувство, словно он оказался обнаженным и одновременно страшно одиноким.

— Стив,— едва слышно прошептал Опорто,— дай воды.

Это он мог сделать. На столике имелся серебряный графин и хрустальный стакан с золотой инкрустацией. Райленд налил воду в стакан и протянул Опорто. Коротышка взял стакан и погрузился в массивное, с роскошной обивкой кресло. Глаза его закрылись. Райленд принялся бродить по маленькому купе. Ничем другим он не мог сейчас заняться. Полковник предупредил их о радарных ловушках в коридорах. И думать было нечего о том, чтобы выйти из купе. В тот же момент можно было стать жертвой неосторожного движения. Каждое движение было смертельно опасным, потому что они были опасниками, а железные кольца у них на шее содержали по восемь граммов мощной взрывчатки. Один шаг в запретную для опа зону (а таких зон было полно по всему миру) мог заставить радарный луч воспламенить взрыватель. Райленду однажды пришлось быть свидетелем такого события. И он не хотел, чтобы это случилось с ним. К опасностям в тюрьме Райленд привык. За три года заточения он научился осторожности. Но это там, а здесь в купе, которое было частью личного вагона Планирующего, ожидать можно было всякого. Он пощупал портьеры на фальшивом окне в стенке вагона и погладил блестящую, как зеркало, столешницу из полированного дерева. Три года назад Райленд сам жил в подобной комнате. Нет, отметил он, та комната была поскромнее. Но она принадлежала только ему, и там была мебель, которой пользовался только он, и место для хранения одежды, книг и других вещей. Но в той жизни он был благонадежным человеком, у которого было свое место в Плане Человека, документы, деньги — все то, что должно быть у члена общества. Та жизнь кончилась три года назад, в тот фатальный вечер, в пятницу. Даже теперь, после бесконечных сеансов восстанавливающей терапии, Стив не мог понять,

что случилось с ним. Невнятно сформулированное обвинение звучало так: «незапланированное мышление», но все его безжалостные тераписты безуспешно пытались заставить его припомнить хотя бы одну мысль, нелояльную по отношению к Плану. Единственной уликой незапланированной умственной деятельности была его библиотечка книг о космосе — несколько пожелтевших старых книг Лея, Гамова, Хойла и Эйнштейна, которые ему удалось спасти из библиотеки отца. Конечно, он знал, что эти книги не входят в список дозволенных Планом, но он не видел в своем увлечении никакой подрывной деятельности. Наоборот, как он много раз объяснял терапистам, специальные уравнения геликального поля были тесно связаны с процессами во всей Вселенной. Не зная уравнений, описывающих расширение Вселенной и непрерывное воспроизводство материи в ней, он вряд ли смог бы усовершенствовать кольцевые катушки для туннелей субпоезда. Но тераписты отказывались уточнить обвинение. У человека в системе Плана больше не было прав, были только функции. И целью терапистов было вытащить из него тайну, которая была тайной для него самого. Но сеансы оказались бесплодными, потому что он не смог вспомнить того, чего добивались от него тераписты. Он многого не мог вспомнить...

— Стив, позови врача,— слабо простонал Опорто.

— Я не могу! — с горечью сказал Райленд.— Если Плану требуется, чтобы ты болел, ты будешь болеть.

Лицо Опорто стало еще бледнее.

— Заткнись! Кто-нибудь может подслушать!

— А я ничего такого не сказал. Но мы не можем выходить в коридор, ты ведь знаешь.

— Райленд,— взмолился Опорто, и на него напал приступ кашля.

Райленд посмотрел на человечка в кресле. Похоже, он серьезно заболел. После трех лет в стерильной атмосфере заполярного лагеря он был теперь беззащитен перед инфекцией. Он дышал с трудом, и лоб его был очень горячим.

— Потерпи, Опорто,— сказал он.— Еще немного, всего пару часов. За пару часов при скорости тысяча миль в час можно добраться до любой самой отдаленной точки на земле.

— За пару часов я могу помереть,— сказал Опорто.— Неужели ты не можешь позвать врача?

Райленд не знал, что делать. Коротышка был во многом прав. План заботился о дополнительной иммунизации тех, кто жил в подверженных инфекции районах, но сверхаллергический тип вроде Опорто мог бы потерять иммунитет и за несколько месяцев. А он дышал стерильным воздухом целых три года.

— Хорошо,— устало сказал Райленд.— Я сделаю, что смогу. Пойдем, Опорто.— Пусть коридоры и перекрыты ловушками, пусть это и опасно, нужно что-то предпринять в самом деле, раз речь идет о жизни и смерти человека.

Дверь открылась свободно.

Поддерживая Опорто, Райленд выглянул в коридор. Пусто. Он тяжело вздохнул: если бы проходил кто-нибудь из охраны...

— Стив, что ты делаешь? — забормотал Опорто.— Оставь меня! Нам нельзя выходить — полковник предупредил!

— Но ведь необходимо доставить тебя к доктору, понимаешь?

Он осмотрел коридор. Перед каждым поворотом были установлены непонятные устройства, напоминающие балдахины восточного владыки. Очевидно, это и были радарные ловушки, ничего другого Райленду в голову не пришло. Но в том коридоре, по которому они прошли раньше, тоже имелось такое устройство, а там ведь ловушки не было... Стоп. Райленд все тщательно обдумал. То, что им позволили благополучно добраться до 93 купе, еще ничего не значило. Вполне возможно, что ловушки выключили специально, чтобы их пропустить. И вообще, рассуждая логически, можно было прийти к выводу, что один маршрут был для них в любом случае запрещен — путь обратно к выходу из вагона.

— Опорто,— сказал Райленд,— видишь эти двери? Я думаю, мы можем попробовать пройти в одну из них.

— Разве, Стив? Почему ты так думаешь? — спросил коротышка.

— Потому что больше ничего нам не остается,— фыркнул Райленд и потащил Опорто за собой.

Железное кольцо на шее, казалось, вдруг потяжелело. Если бы только он был суперменом, вроде Дондерево, чье полузабытое имя удержалось в памяти... и чья судьба каким-то образом была связана с его собственной. Кто он был, этот Дондерево? Тераписты так настойчиво спрашивали его об этом человеке, что должна была быть у них на то серьезная причина. Действительно ли Райленд знал его? Когда он его видел в последний раз? Когда он получил от него сообщение? Что в нем говорилось? Дондерево был сыном одного исследователя, а потом торговца, который сколотил состояние, исследуя пояс астероидов и луны внешних планет, и создал коммерческую империю, не подчиняющуюся Плану Человека. Рон Дондерево прилетел на Землю изучать космическую медицину в том колледже, где преподавал математику отец Райленда. Во время его пребывания на Земле План аннексировал последние независимые астероиды и луны. Отец Рона был разбит в космической схватке. Сам Дондерево попал в опы после участия в студенческой демонстрации. Потом он вдруг исчез. Ходили легенды, что ему удалось каким-то образом избавиться от кольца и бежать в космос, вне досягаемости Плана. Райленд вспоминал лишь одну встречу с Роном, в кабинете своего отца. Райленду было тогда восемь лет, а Дондерево был уже взрослым человеком, студентом-выпускником, романтическим и загадочным мечтателем о путешествиях к внешним планетам Системы и дальше, в неисследованный космос. Но разве это объяснишь на допросе терапистов? Райленд уверял, что никакого сообщения от Рона

не получал, но убедить терапистов не смог. Во всяком случае, кем бы ни был Дондерево, его примеру Райленд последовать не в состоянии. Его воротник останется на месте, пока Машина не раскроет замка на нем. У Стива мелькнула сумасшедшая мысль: услышит ли он тихий щелчок реле прежде, чем воспламенится обезглавливающий заряд? Будет ли он знать о конце заранее? Или все кончится, прежде чем он сообразит, что происходит? Найти ответ можно было только одним способом — открыть дверь и войти в чужое купе. Он наугад толкнул одну из дверей. Опорто вырвался и удивительно проворно пробежал несколько шагов вдоль коридора, а затем круто повернулся и замер с напряженным ожиданием на лице. Райленд, не задумываясь, вошел в купе. И ничего не произошло. Усмехаясь, смущенный Опорто последовал за ним.

— На первый раз пронесло, правда, Стив?

Райленд кивнул. Не было смысла ввязываться во взаимные обвинения, хотя на языке у него имелось не одно «теплое» словцо для человека, который первым толкнул его на риск, а потом попытался удрать, опасаясь возможных последствий. Но сейчас интерес представляла комната, в которую они попали. Она была примерно того же размера, что и 93 купе, и в ней никого не было. Обставлена она была скромно: узкая кровать, столик с несколькими цветами в вазе, большое зеркало, несколько шкафчиков. Здесь живет девушка, подумал Райленд, и она явно не принадлежит к высшему слою этого роскошного субпоезда. Видимо, секретарь или горничная. Кто бы она ни была, сейчас комната пустовала. Но была в купе и другая дверь, которая вела на небольшой лестничный пролет. На этот раз Райленд не дожидался Опорто. Он набрал воздух в легкие, задержал дыхание и перешагнул порог. Установив, что и эта дверь не снабжена радарной ловушкой, он почувствовал во рту кисло-соленый вкус крови. Шагнув в неизвестность, Райленд с такой силой прикусил губу, что поранил ее. Но он прошел. Ступеньки были крутые, однако помочь Опорто преодолеть их не составляло труда, свободно летевший по туннелю поезд уменьшал их вес. Они оказались в новой небольшой пустой комнате. Но эта комната была меблирована с роскошью. Похоже, это была гардеробная женщины. Все было выдержано в белых и розовых тонах, с эбеново-черными гребнями и щетками для волос на небольшом туалетном столике перед овальным зеркалом в золотой раме. По этой лестнице, догадался Райленд, должна была входить личная служанка хозяйки. Услышав, что кто-то поет, он набрал воздуха в грудь и позвал:

— Эй, кто-нибудь! Вы меня слышите? Я ищу врача!

Ответа не последовало. Пение продолжалось, голос был девичьим, чистым и приятным. Она пела для собственного удовольствия. Время от времени куплет песни повторялся, затем следовала пауза, и пение звучало вновь. Одновременно доносилось тихое мелодичное воркование, словно аккомпанемент.

Райленд посмотрел на Опорто, пожал плечами и толкнул дверь. Перед ним была серебряная комната, вся выложенная изумрудами. Подвижные зеленые огни мягко плыли по ее стенам, в центре комнаты была установлена серебряная ванна шести футов в диаметре, вмонтированная в пол. Из пастей хрустальных дельфинов били тонкие струйки ароматной теплой воды во вспененную воду ванны. И над толстым слоем пены возвышались колено, голова и руки самой прекрасной девушки, какую только встречал в жизни Стивен Райленд.

— П-п-прошу прощения,— смущенно и обеспокоенно сказал он.

Она повернула голову и спокойно посмотрела на него. На ее белых влажных плечах сидели две... птицы? Нет. Это не были живые птицы, голуби были сделаны из металла. Перья их были тончайшими чешуйками серебра, глаза горели, как рубины. Металлические создания беспокойно задвигались, когда заметили Райленда и Опорто. Они тихо, но угрожающе ворковали, и серебряное оперение слегка позванивало, как множество маленьких колокольчиков. Опорто открыл глаза, всмотрелся и прошептал:

— Это... это..— ухватился Опорто за Райленда.— Стив, это же дочка Планирующего! — выдохнул он и бросился на пол.— Пожалуйста! — взмолился Опорто и пополз в сторону ванны.— О, пожалуйста, не сердитесь, мы не хотели вас побеспокоить!

Его приближение, должно быть, встревожило девушку. Но не слишком, потому что она не повысила голоса, а, прервав песню, тихо сказала:

— Охрана.

Видимо, поблизости имелся микрофон, потому что снаружи внезапно послышался шум. Более того, у девушки имелись непосредственные защитники. Металлические голуби на ее плечах взметнулись в воздух и набросились на лежавшего ничком коротышку. Острые клювы, кончики крыльев били несчастного, словно лезвия ножей. Распахнулась дверь, и в комнату вбежали четыре высокие женщины в форме охраны Планирующего.

Все три года смерть постоянно находилась рядом со Стивом Райлендом. Она носила опрятный белый халат доктора Трейла, толстого, лысого, вкрадчивого человека, главного тераписта. Она шептала тихим, астматическим голосом доктора Трейла, в тысячный раз угрожая ему орган-банком, если только он не припомнит, о чем говорил с Роном Дондерево, если он не расскажет, что такое *пространственник, рифы космоса, нереактивная тяга.* Смерть принимала и другие обличья. Замаскированный спуск радарной ловушки, угрожающие рога радарных антенн офицерского шлема, более отдаленная угроза орган-банка. Все эти личины смерти он знал и научился жить бок о бок с ними. Ведь даже у женщин из охраны было оружие, а не только радары. Они сурово приближались к

опам, посмевшим зайти в покои дочери Планирующего. И в который раз Райленд почувствовал ледяное дыхание смерти. На этот раз очень близко — ведь каждая из этих охранниц может принять решение самостоятельно. И Машина оправдает ее, она сделала это в интересах Плана.

Девушка остановила охрану одним словом:

— Подождите!

Она стерла пену с лица, чтобы лучше рассмотреть, кто перед ней, обнажив при этом алебастровой белизны шею. Глаза у нее были серо-зеленые и спокойные. Она была весьма привлекательной и молодой. Райленд был совершенно обескуражен. В лагере изоляции не было женщин, даже картинки из журнала, изображающей прекрасный пол, там не нашлось бы, а здесь он оказался рядом с красивейшей женщиной, да еще в ее ванной комнате. Не говоря обо всем прочем, она вряд ли могла не заметить эффект, который произвела на него. Девушка чувствовала себя совершенно свободно. Голосом, в котором было больше вежливости, чем любопытства, она спросила:

— Что вам нужно?

Райленд закашлялся.

— Этому человеку необходим врач,— хрипло сказал он.

Одна из четырех охранниц резко засмеялась. Это была высокая брюнетка с мощным бюстом, она могла бы быть весьма хорошенькой, если бы ее уменьшили на десять процентов во всех измерениях. Голос ее был грубоват.

— Пойдем-ка, оп,— сказала она.— Мы позаботимся о тебе и твоем друге.

Но девушка в ванне лениво шевельнулась. Она взбила рукой пену, наблюдая, как разбегаются мыльные пузыри, и сказала:

— Не беспокойтесь, сержант. Отведите больного к врачу, если он этого хочет. Второго оставьте здесь.

— Но, госпожа... Планирующий...

— Сержант,— повторил нежный голос, не повысив тона ни на йоту. Сержант почти побелела. Указав остальным охранницам на Опорто, она повернулась и резко вышла. За ней последовали охранницы, сопровождающие коротышку. Уже из коридора сержант глянула на Райленда взглядом, полным откровенной ненависти и презрения. Голуби, описав в воздухе точные окружности, вернулись на плечи девушки. Их горящие крохотные глаза ни на секунду не выпускали Райленда из виду, но немного спустя они снова начали ворковать.

— Так вы один из людей с железным воротником, да? — внезапно спросила девушка. Райленд кивнул.

— Опасник, верно.

— Я еще никогда не разговаривала с людьми в железных воротниках,— сказала девушка задумчиво.— Вы не против, если мы поговорим? Меня зовут Донна Криири. Мой отец — Планирующий.

— Я знаю,— Райленд вдруг осознал, что на нем измятая роба и что он без разрешения ворвался прямо в ванную девушки. Он кашлянул.— Может быть, ваш отец... то есть я хочу сказать, что я не против, но...

— Отлично,— сказала девушка, строго кивая. Она переменила положение, чтобы лучше видеть его. Зашипели лопающиеся пузырьки пены.— Я боялась, что вам будет неудобно,— сказала она.— Как вас зовут?

Райленд задрал подбородок и оттянул вниз воротник рубашки, чтобы обнажить полоску металла.

— «Стивен Райленд»,— прочитала девушка, прищурившись, чтобы разобрать сверкающие алые буквы его имени и номера.— Подождите, ведь я уже встречала ваше имя. Вы врач, нет? Пилот?

— Я математик, мисс Криири.

— Конечно же! — воскликнула она.— Ваше «дело» лежало на столе у отца. Я видела его этим утром, когда мы уезжали из Копенгагена.

От внезапно нахлынувшего волнения Райленду стало трудно дышать. Три года он пытался выяснить, какие же выдвигаются против него обвинения. Тераписты отказались дать ему сведения. Их вопросы были тщательно сформулированы таким образом, чтобы ничего не сказать,— они тысячу раз спрашивали его, что означает слово «пространственник», и не раз наказывали его за естественное предположение, что это обитатель пространства.

— Было ли там сказано...— он перевел дыхание.— Назывались ли конкретные обвинения против меня в этом деле?

Ее серо-зеленые глаза спокойно рассматривали Райленда.

— Вы проявляли незапланированный научный интерес.

— Как? Что это значит?

— Вы держали у себя тайное собрание книг и рукописей, запрещенных Машиной.

— Неправда! — В затылок ему словно дохнул ледяной ветер.— Это какая-то ужасная ошибка...

— Планирующая Машина не совершает ошибок,— строго напомнила ему девушка.— В деле были указаны названия этих запрещенных книг. Авторами их были ученые из эпохи, предшествующей Плану. Эйнштейн, Гамов, Хойл...

— Вот как! — он вздохнул.— Тогда это всего лишь книги моего отца... те немногие, что я сохранил. Понимаете, когда я был еще маленьким, я мечтал о полетах в космос. Я встретился однажды с Роном Дондерево. Я хотел стать пилотом космического корабля и исследовать новые планеты. Но Машина убила мою мечту. Она перевела меня из Технического Корпуса в исследователи-математики. Я был направлен в какую-то лабораторию в подземном помещении, не знаю, где оно находилось, мы даже предположить не могли, находимся ли мы под дном океана, или над нами суша, или полярные льды. Не помню даже, были ли у меня на этот счет предположения... Память... в моей памяти сейчас много пробелов.

У меня было два помощника: девушка-телетайпист и человек по имени Опорто, нечто вроде живого компьютера. Вы его только что видели. Машина задавала задачи. Ну, к примеру, какова величина гистерезисной потери в катушках подземных туннелей субпоезда. Это проблемы, на которые Машина не могла найти ответа, как я понимаю... даже она не знает всего. И все же мы находили решения. Конечно, у меня не было необходимости в справочниках и других книгах для работы, потому что я мог спросить Машину, и она выдавала мне любой фактический материал. Но для большей производительности она позволила мне держать у себя несколько книг, и среди них были книги из библиотеки отца.

Он с надеждой улыбнулся девушке.

— Вы ведь понимаете, что для человека, с детства мечтавшего о космосе, жизнь в подземелье не очень привлекательна. Чтение этих книг о космосе было для меня необходимым. В них содержались устаревшие теории о природе Вселенной. Используя современную математику, я вывел несколько систем уравнений, описывающих расширение Вселенной и непрерывное воссоздание материи в межгалактическом пространстве...

Его остановил вид ее нахмурившихся бровей. Это действительно была не самая подходящая тема для беседы с молодой девушкой, да еще купающейся в ванне!

— Но это вовсе не запланированный интерес,— с отчаянием заключил Райленд.— Это было просто безобидное увлечение. Оно было даже полезно для Плана. Уравнения, которые я вывел для описания новых катушек туннелей субпоезда, вытекали из описания процесса постоянного воссоздания материи в пространстве.

— И только поэтому вас сделали опасником? — она задумчиво посмотрела на него и нахмурилась.— Но на вид вы совсем не опасны.

Что он мог на это ответить? Он ждал, она тем временем махнула рукой. Один из голубей покинул ее плечо и перелетел к хрустальному дельфину. Он клюнул в плавник-рычаг, и струйка ароматизированной воды прекратила течь. Райленд наблюдал за голубем, убаюканный запахом сирени. В ванной комнате было тепло, но не душно. Очевидно, скрытые вентиляторы поглощали избыток влаги.

— А на самом деле вы опасны? — вдруг спросила девушка.

— Нет, мисс Криири,— сказал Райленд. Он помолчал, не зная, как все объяснить этому ребенку.— Воротник — это не наказание, это предосторожность.

— Предосторожность?

— У Машины были основания подозревать, что в определенных условиях я мог бы представлять опасность для Плана Человека,— ровным голосом сказал Райленд.— Я ничего преступного не совершал, поймите. Но Машина не хочет рисковать, и вот... воротник...

— Создается такое впечатление, будто вы это одобряете,— с некоторым удивлением сказала девушка.

— Я лоялен по отношению к Плану!

— Но ведь мы все лояльны, верно? — сказала она.— Однако мы не носим воротников?

Райленд покачал головой.

— Я никогда не делал ничего такого, что угрожало бы Безопасности Плана.

— Но, может, вы все-таки совершили что-то не совсем...

Райленд усмехнулся. Удивительно легко с ней разговаривать, подумал он. Усмешка превратилась в улыбку, настоящую улыбку. Райленду давно уже не приходилось по-настоящему улыбаться.

— Да,— признался он.— Я действительно совершил что-то «не совсем»... Там была девушка.

— Стивен, Стивен,— Донна Криири с насмешливой улыбкой покачала головой.— И опять девушка. Я думала, так бывает только в романах.

— И в жизни тоже, мисс Криири.— Райленд почти полностью расслабился.

Внезапно в ее настроении произошла резкая перемена.

— Но в вашем деле сказано нечто другое,— ледяным тоном проговорила она.— Вы обвиняетесь в сокрытии информации о некоем устройстве, представляющем угрозу Безопасности Плана Человека.

— Это не так! — отчаянно запротестовал он.— Кто-то допустил ошибку, несмотря на точность Машины. Меня три года обрабатывали тераписты в лагере повышенной безопасности, пытались вытащить из меня сведения, которых не было!

Ее глаза чуть расширились, показывая спокойную заинтересованность.

— Какого рода сведения?

— Я сам не знаю.— Он вздрогнул, когда на мгновение вернулись воспоминания о пережитом.— Они тщательно избегали каких-то намеков, и наказывали, если я пытался вспомнить то, о чем меня заставляли вспоминать. Меня привязывали, цепляли электроды, записывали малейшую реакцию. Они повторяли эти слова миллион раз. *Пространственник. Рифы космоса. Фузорит. Пироподд. Нереактивная тяга.* И еще два имени — Рон Дондерево и Даниел Хоррок. Собрав в одно целое эти слова и некоторые другие намеки, я понял, что тераписты были уверены, будто бы этот Хоррок доставил мне некое сообщение от Дондерево. Весть из космического пространства, что-то о рифах космоса, что бы это ни означало. И обо всех этих пироподах, фузоритах. И в особенности о чем-то под названием «нереактивная тяга». Они пытались из меня вытащить, как построить нереактивный двигатель.

Она опять нахмурилась.

— А что это такое — нереактивная тяга?

— То, чего не существует,— сказал он.— Нереактивная

тяга — это двигательная система, не основанная на противодействии. Сумасшедшие изобретатели уже триста лет пытались соорудить подобный двигатель. Но каждому ясно, что такая система будет противоречить Третьему Закону Движения. Невозможно толкать вперед лодку, не отталкивая одновременно назад воду.

— Я понимаю,— она серьезно кивнула.— Так же невозможно, как соорудить новые атомы и новый космос.

Он пристально взглянул на нее.

— Но я ни в коем случае не м о г получить сообщения от Хоррока или кого-то еще,— отчаянно продолжал настаивать он.— Во всяком случае, не в тот момент, когда, как они думали, это произошло. В ту пятницу чудаковатый Опорто и телетайпистка были со мной весь день. Мы работали допоздна, заканчивая документацию для новой силовой катушки. Опорто я позволил уйти примерно в шесть часов вечера, у него разболелась голова. Телетайпистка вышла вместе с ним, но сейчас же вернулась — принесла мне кофе и бутерброды. Не прошло и получаса, как кто-то постучал в дверь. Я думал, что вернулась девушка, но это была полиция Плана.

— Это все произошло в пятницу.— В глазах Донны Криири было странное отсутствующее выражение.— Судя по записям в вашем деле, вы были доставлены в камеру предварительной изоляции в шесть часов вечера в понедельник. Таким образом, по крайней мере три дня выпадают из вашего рассказа.

Райленд с трудом глотнул.

— Не может быть! — он покачал головой.— Опорто и девушка только-только вышли, и...

— Я изучила ваше дело с известной тщательностью.— По какой причине — она не сочла нужным сообщить.— И я уверена, что взяли вас в понедельник.

Райленд почувствовал легкий укол возбуждения. Это даже больше, чем он надеялся узнать о своем деле.

— Что ж, это возможно,— пробормотал он.— Сначала я находился в одном месте, которое по ошибке называли центром отдыха, где-то под землей. Тераписты работали круглые сутки, и я не мог знать ни времени, ни даты. И все же я до сих пор не имею понятия, как создать безпротиводействующую двигательную систему. И я по-прежнему уверен, что Машина позволила себе совершить ошибку.

Донна Криири укоризненно покачала головой. Райленд смолк, чувствуя, как туго охватывает шею железное кольцо. Он сошел с ума! Так разговаривать с дочерью Планирующего! Он сказал хрипло:

— Мисс Криири, я вам мешаю, я должен идти.

Она засмеялась, казалось вдали заиграла тихая музыка.

— Я вас не прогоняю,— очень мягко сказала она.

— Но... вы... в ванне...

— А я всегда предпочитаю проводить поездки в воде. Так удобней, когда начинается вторая половина пути. И не вол-

нуйтесь о том, что скажет отец. Он правит миром — для Плана, конечно! Но он не властен надо мной.— Она улыбнулась.— Наверное, ей нет и двадцати, подумал Райленд печально, у него уже не оставалось сомнений в том, что Донна Криири знает силу своих женских чар.— Не опасайтесь моих голубей Мира,— сказала она. Он взглянул на серебряных птиц и на их стальные клювы.— Мне очень жаль, что они поранили вашего товарища,— извинилась она.— Но они решили, что он угрожает мне. Как видите, даже без охраны я нахожусь под защитой.

Она взмахнула рукой, и комнату наполнила тихая музыка, льющаяся из невидимых динамиков.

— Та девушка, какая она была? — неожиданно спросила она Райленда.

— Красивая,— коротко ответил он.

— И опасная!

Он кивнул. Опасная? Но эта девушка была куда опасней для него. Он не имел права входить сюда. Машина так этого не оставит. Успокаивая его, Донна Криири сказала:

— Расскажите мне о ней. Так она была хорошенькая?

— Наверное. Мне так казалось. У нее были длинные русые волосы, зеленые глаза. Такие, как у вас. И она работала в тайной полиции, но я этого не знал до того самого дня, когда пришла полиция.

Девушка неестественно громко рассмеялась, металлические голуби беспокойно зашевелились, сохраняя равновесие.

— И она предала вас. Теперь вы боитесь, что так же сделаю и я? Не бойтесь, Стивен, я обещаю вам.

Он пожал плечами.

— Я вам уже говорил. Мне еще повезло. Отправили только в лагерь. А могли ведь и в орган-банк.

Обдумывая его слова, она склонила голову, и он заметил, что волосы ее имеют красноватый оттенок. Наконец она вздохнула и сказала:

— И вы стали опасником. Но вам следовало быть осмотрительнее, Стивен. Вам нельзя было уклоняться от требований Плана. Теперь вам приходится носить железное кольцо. Вы не можете от него избавиться?

Настал черед смеяться и ему.

— Нет, не можете,— серьезно сказала она.— Но на вашем месте, думаю, я нашла бы способ. Если бы я была математиком и мне пришлось бы носить этот воротник, то для меня это было бы только еще одной задачей, и я решила бы ее.

— Воротник был изобретен полковником Замфиреску,— печально сказал Райленд.— Лучшим инженером в Техническом Корпусе... до того, как он сам попал в утилизацию. Он все предусмотрел.

— Ведь это лишь полоска металла, Стивен!

— Самая прочная броневая сталь в мире. А внутри еще обезглавливающий заряд, подключенный к водородной энергоячейке — ее хватит лет на сто, и этого достаточно. На мой

век хватит. Кроме того, воротник застрахован от попыток повредить его. Если только я попытаюсь перепилить металл... или хотя бы открыть запор и случайно перепутаю ключ или поверну его не в ту сторону,— он прикончит меня на месте. Вы когда-нибудь видели, как работает обезглавливающий заряд, мисс Криири? Я видел.

Она вздрогнула, потом сказала:

— На вашем месте я бы убежала.

— Далеко бы вы не ушли! — Волны радара бегут быстрее. И даже если бы вам удалось удрать — куда-нибудь к Ледяным Мирам или на одну из орбитальных станций Меркурия — то на этот случай в воротнике есть реле времени. Периодически его нужно переключать специальным ключом. Если же вы вовремя его не перенастроите — бах! И неизвестно, когда наступит этот крайний срок, но случится это не позже, чем через год.

— О! Тогда его необходимо снять,— мудро заметила она.— Он расхохотался, не в силах сдержаться. Что за нелепейшая идея!

— Не смейтесь, Стивен. Рону Дондерево это удалось,— сообщила она.

— Дондерево! Что вы знаете о Дондерево?

— Совсем немного,— сказала она.— Я была с ним знакома, видите ли, когда была еще ребенком. Я помню, что видела его с кольцом на шее, а потом... Я снова видела его, но уже без кольца.

Он пристально посмотрел на нее.

— Так вы в и д е л и Дондерево...— начал он.

Но тут вдруг в дверь громко постучали.

— Мисс Криири! — послышался настойчивый обеспокоенный мужской голос из-за двери.— Планирующий прислал меня за этим опом!

Райленд стремительно выпрямился. На мгновение он позволил себе забыться, но голос охранника вернул его к реальности.

— Вам нужно идти, Стивен,— сказала девушка. Она что-то прошептала, и один из серебряных голубей Мира слетел с ее плеча, описал круг, не спуская красных точек глаз с Райленда, и на лету тронул дверь, которая тут же открылась без звука.— Будьте осторожны,— мягко сказала девушка.— И не слишком расстраивайтесь из-за Анджелы.

— Хорошо,— только и сказал Райленд, словно заводной автомат направившись к двери, где офицер, ощетинившийся рогами радарной антенны, уже поджидал его со злорадным выражением на гранитной физиономии. И лишь когда дверь бесшумно задвинулась за ним, он вспомнил, что Донна первая назвала имя той, что предала его — Анджела Цвиг.

Всю жизнь за ним наблюдал Планирующий. Бесстрашное, доброжелательное лицо смотрело на него со стереоплакатов на стенах комнат в доме родителей, в казармах Технокорпуса, в классах школы, на любом перекрестке или пло-

щади, в любой лаборатории и в любом здании, где ему приходилось работать. Райленд знал это лицо лучше, чем лицо собственного отца — впрочем, так же, как и любой другой житель Земли и планет. Планирующий сидел за массивным письменным столом в кресле, состоявшем из воздушных подушек и искусно упрятанных пружин. Он казался полностью погруженным в разложенные на столе бумаги из какой-то папки. Чувствуя себя крайне неловко, Райленд стоял и ждал. Между Планирующим и дочерью не было сходства. Она была черноволосой и привлекательной, у нее было лицо святого ребенка; он был угловатый, волосы посеребрила седина, и у него было лицо льва. Короткие седые волосы были подстрижены в виде шлема. И над самой головой, на спинке громадного кресла застыл серостальной ястреб. Но это было не украшение, потому что его металлические веки медленно приподнялись, и маленькие яркие гранатовые глаза уставились на Райленда. Наконец Планирующий поднял голову и улыбнулся.

— Сынок, разве ты не привык регистрироваться? — спросил он бархатным голосом.

Райленд вздрогнул.

— Простите, сэр,— он поспешил к облицованному золотыми пластинками телетайпу и выстучал свое имя. Кодовая пластинка на панели аппарата отметила просто: «Один».

Седоволосый человек усмехнулся.

— Итак, ты Стивен Райленд. Когда-то я тебя уже видел, но ты этого не помнишь.

— Сэр? — не понял Райленд.

— Это было очень давно, сынок,— задумчиво сказал Планирующий.— Я пришел к вам домой, ты был еще совсем ребенком. Не удивляйся. Понимаешь, я знал твоего отца.

Райленд пошатнулся. Он наполовину висел в воздухе, в этот момент гигантская сфера вагона достигла высшей скорости, но голова его закружилась не от этого, и даже не потому, что он не ел почти целый день. Причиной были слова человека по ту сторону стола. Он сказал, не веря услышанному.

— Сэр, мои родители никогда не упоминали ни о чем подобном. Наверняка они были бы горды...

Планирующий громко и величественно рассмеялся.

— Сынок,— воскликнул он,— видишь, ты многого не знал о своих родителях! Они совсем не гордились знакомством со мной. Наоборот, им было стыдно, потому что, видишь ли, твой отец меня ненавидел, очень.— Он кивнул. Улыбка его медленно иссякла. Голос его стал скрежещущим, словно наждак.— Твой отец был врагом Плана! — рявкнул он.

— Сэр! — запротестовал Райленд.— Я ничего не знаю об отце. Он исчез, когда я был ребенком. И мать мне ничего не рассказывала.

— Еще бы! — свирепо сказал Планирующий.— Она была очень опасная женщина, и совсем неглупая. Оба твои роди-

теля были неглупыми людьми. Что же это случилось с тобой, а?

— Сэр? — Райленд не знал, что сказать.

— Как ты попал в опасники? — проскрежетал Планирующий.— Тебе не следовало пытаться перехитрить План. Это была глупость!

Райленд глубоко вздохнул. Быть может, это его счастливый случай, чтобы представить свое дело.

— Сэр, позвольте мне объяснить,— начал он.— У меня и намерения не было идти против Плана. На меня донесла одна девушка, и Машина переклассифицировала меня в опасники. Я думаю, это была ошибка, но...

— Ты сомневаешься в решениях Машины?

— Нет, сэр. Не Машины, но информации, которая...

— Оставь! — фыркнул Планирующий.— Не усугубляй своего положения. Ты — сын своего отца и должен помнить, что все, что ты делаешь, находится под подозрением.

У Райленда перехватило дыхание. На секунду он буквально онемел. Он слегка покачивался, пока шар вагона безостановочно несся вперед, начиная вторую половину пути — уже против направления силы тяготения. Потом он взорвался:

— Сэр, верно ли я вас понял? Вы говорите, что Машина сочла меня опасником лишь потому, что мой отец совершил нечто еще до моего рождения? Это несправедливо. Это...

— Справедливо! — проревел Планирующий. Ястреб тем временем открыл оба глаза и беспокойно закружился над своим хозяином.— Что это за слово, Райленд? «Справедливость, свобода, демократия». Все эти слова часто повторял твой отец, ты их впитал с молоком матери. И они н и ч е г о не значат! Какое отношение имеет справедливость к 750 калориям в день?

— Справедливость,— фыркнул он,— давно себя изжила, ее больше нет. Крышка! Ты знаешь, чем занимались твои благородные предки, сынок? Они добывали «справедливость» и «демократию» из природных запасов мира. Они не выдумали их, они их в ы к а п ы в а л и, точно так же, как фермеры, истощая почву своих полей — двадцать колосьев пшеницы, и нет фута почвы. Чернозема больше нет! И вместе с ним исчезла «справедливость» и «демократия»! Теперь мир — замкнутая система, сынок, у нас почти ничего не осталось!

Этот дикий взрыв совершенно ошеломил Райленда.

— Но... но, сэр! — пробормотал он.— Ведь дальние планеты наверняка открывают новые горизонты, новые источники ресурсов...

— Молчать! — гаркнул Планирующий, его угловатая седая голова угрожающе качнулась вперед, будто молот. Серостальной ястреб над ним многозначительно зашевелился. Планирующий сверлил Райленда взглядом, пока кресло его компенсировало усиливающееся тяготение второй половины пути субпоезда. Вес стал нормальным, потом превысил нормальный. Планирующий Криири сказал:

— Райленд, ты совсем как твой отец. Он так и не понял,

что новых горизонтов нет, но ты должен это понять. План Человека основан на постоянном сокращении тех пагубных личных свобод, что когда-то почти разрушили наш мир. Война! Пылевые бури! Наводнения! Лесные пожары! — Каждое слово было жестким и точным, он словно выплевывал их в лицо Райленду.— Нам приходится платить по счету за то, что было растрачено твоим отцом и такими, как он. Никогда не забывай этого, сынок!

Райленд стоял молча. Спорить с этим человеком было невозможно; эту властность и самоуверенность мог бы поколебать ствол пистолета, но не человеческие аргументы. Немного спустя, Райленд сказал:

— Я этого и не забывал.— И не забуду, подумал он, пока у меня на шее этот железный воротник.

— Тебя беспокоит кольцо,— неожиданно сказал Планирующий и усмехнулся. Он как будто прочел мысли Райленда — не такое уж сложное дело, сообразил Райленд.— Но мы все носим свои воротники, сынок. Мы все, от Планирующего и вплоть до отверженных, ждущих своей очереди в орган-банке, должны отчитываться перед Машиной за каждый час прожитого дня. Каждый из нас носит невидимые кандалы Машины. Не все знают, что смерть сковала их ледяным кольцом, но природа этот хомут повесила на шею каждому.

Райленд невольно улыбнулся. Нет, в этом человеке была не только способность повелевать, но он обладал и обаянием, таким, что действовало даже на опасника.

— Но если ты очень пожелаешь,— добавил Планирующий небрежно,— ты можешь избавить именно свою шею именно от этого железного воротника.

На мгновение Райленд не мог поверить своим ушам.

— Избавиться от воротника!

Планирующий величественно кивнул. Он снова слегка шевельнулся, тронул кнопку. Массивное мягкое кресло слегка наклонилось назад. Ястреб захлопал металлическими крыльями, взмыв в воздух, когда подголовник кресла выдвинулся из спинки и удобно охватил голову Планирующего. Субпоезд начал основной этап торможения. Слабый визг доносился сквозь звукоизоляцию комнаты. Райленд знал, что это визжала ослабевающая энергия, толкавшая вагон сквозь кольца невидимого электростатического магнита. Визг вызывало не трение, а гетеродинные колебания от генераторов, мчавших вагон. Райленд зашатался, когда его вес начал увеличиваться.

— Все мы связаны с Планом, тем или иным образом,— сказал вдруг Планирующий.— Я должен попытаться найти неразрушимую связь, которая привязала бы к Плану тебя и заменила бы железный воротник — или ты должен найти ее сам, тогда воротник будет снят.

— Наверняка моя работа доказывает мою лояльность,— в отчаянии сказал Райленд.

— Наверняка не доказывает,— передразнил Планирующий. Он покачал головой, как большой медведь, отчитываю-

ший непослушного медвежонка.— Дело не в том, что ты уже успел сделать,— пояснил он,— а в том, что ты сделаешь сейчас. Ты работал, как тебе нравилось, Райленд, возможно, и талантливо, но работать ты должен только в рамках Плана. Всегда. Каждую минуту. Планирующая Машина даст тебе задание. Если ты выполнишь его...

Райленд тяжело задышал, тело его налилось свинцом, потому что субпоезд все дальше удалялся от расплавленного центра Земли. Он хотел продолжить разговор,— расспросить Планирующего, возможно, узнать секрет трех недостающих дней. Но тело его не желало напрягаться. Они мчались внутри туннеля из раскаленного добела камня, только силовые кольца не давали стенам сомкнуться. Он снова чувствовал себя как в лифте, только теперь лифт шел наверх. Вертикальная составляющая скорости вагона быстро поднималась до 150 миль в час. Даже голос Планирующего несмотря на противоперегрузочное кресло стал хриплым, и говорил он медленно.

— Ты можешь теперь идти, Райленд,— продолжал он.— Но, наверное, ты хочешь узнать, в чем заключается твое задание?

Райленд не ответил, но за него говорили его глаза. Планирующий медленно усмехнулся.

— Да, конечно, Машина считает, что ты справишься с ним. Ты должен... Впрочем,— глубокомысленно заметил он,— у нас у каждого своя роль, и я не обязан понимать все, что приказывает мне Машина. Твоя задача — изобрести нереактивную тягу.

Райленд покачнулся и поспешно ухватился за край стола Планирующего.

— Не... нереактивную тягу?

Планирующий, кажется, был доволен.

— Понимаю,— сказал он.— Видимо, и ты не понимаешь требование машины. И тем не менее это то, что она требует от тебя.

— Вы имеете в виду...— Райленд пытался отдышаться.— Вы имеете в виду безреактивную двигательную систему?

— Именно.

— Знаете ли вы, что ваши мастера пыток, ваши восстанавливающие тераписты три года пытались заставить меня разъяснить, что лежит в основе нереактивного двигателя, они были уверены, будто я знаю.

— Я знаю об этом.— Величавый человек за столом пожал плечами.— Я знаю, что у них ничего не вышло. Машина получила информацию, что ты сконструировал такой двигатель. Эта информация, очевидно, была ошибочной. Но требуется такой двигатель. Он нужен для безопасности Плана. Машине требуется нереактивная тяга. Записи о твоих достижениях и возможностях говорят, что ты пригоден для работы и создания такого двигателя. Страшнее будет, если его изобретут и он попадет в руки врагов. Если ты хочешь избавиться от воротника и остаться живым, ты создашь нереактивный дви-

гатель. Теперь,— сказал он усталым голосом,— ты должен идти.

Словно сквозь туман видел Райленд, как Планирующий шевельнул узловатой рукой в сторону выхода. Ястреб заволновался и слегка передвинулся, рассекая воздух металлическими крыльями. Открылась дверь. Вошел один из офицеров охраны. Это был настоящий великан, но и он шагал очень осторожно под прессом двойного тяготения.

— Райленд,— прошептал человек в кресле за столом.

Райленд обернулся, опершись на офицера в голубой форме.

— Моя дочь,— тихо сказал Планирующий. Визг перешел в рев, почти заглушая его слова,— у Донны мягкое сердце, которое она унаследовала от матери, но мозг она унаследовала от меня. Не придавай особого значения тому, что она позволила тебе беседовать с ней в ванной.

И глаза старого человека закрылись. Планирующий опустил голову на подголовник кресла.

Оператор-майор Чаттеради сказал мягко:

— Вам у нас понравится, Райленд. У нас тут неплохая компания.

— Да, сэр,— ответил Райленд, осматриваясь. Он находился в комнатке со стальными стенами, на стене висел знак Безопасности. Он понятия не имел, где на Земле или под землей он мог сейчас находиться.

— Не волнуйтесь по пустякам,— продолжал майор.— Главное — делать дело, вот о чем мы здесь беспокоимся.

Райленд кивнул. Маленький майор был по-юношески подвижен и легок в движениях, словно котенок. Антенный шлем он носил небрежно, будто это была часть маскарадного костюма. Он перехватил взгляд Райленда.

— А, это...— смущенно заметил он.— Чертовски неудобная штука. Но все же, вы ведь опасник, и приказ Машины...

— Я к этому привык.

— Но вы здесь не единственный опасник,— поспешно добавил оператор-майор Чаттеради.— Бог мой, кое-кто из наших лучших работников тоже ходит с этим ошейником и вообще...

— Простите, майор,— перебил его Райленд. Он нагнулся к телетайпу и быстро отстучал свое имя, код и подтвердил факт своего прибытия. Без промедления телетайп ответил ему:

«П. ИНФОРМАЦИЯ: оператор-майор Чаттеради уполномочен переклассифицировать ваш статус.

ДЕЙСТВИЯ: затребовать необходимое оборудование для расширения систем управлений общего силового поля и равновесного состояния».

Райленд нахмурился. Майор Чаттеради, заглянув через его плечо, воскликнул:

— Уже задание, Стив! О, у нас все делается быстро. У меня есть шестирегистровый калькулятор и комната, куда можно его поместить, пока вы переоденетесь. Гарантирую вам мешок долларов!

— Я не понимаю,— сказал Райленд.— Общая теория силового поля и равновесное состояние — что это значит?

Но майор оказался жизнерадостным невеждой. Его дело — администрирование, все остальное Райленд узнает в свое время, не так ли? Райленд пожал плечами.

— Ладно. Но мне не нужен калькулятор — пока у меня есть Опорто.

— Второй опасник? — Оператор-майор Чаттеради моргнул.— Всегда держитесь вместе. Понимаю. Я откомандирую его вам.

Райленд снова взглянул на телетайп. По-настоящему важная часть приказа требовала некоторого размышления: *Оператор-майор Чаттеради уполномочен переклассифицировать ваш статус.* Вот этот человек, с блестящими, подвижными, как ртуть, глазами, крючковатым носом, вот этот человек и должен будет повернуть ключ, который откроет воротник?

Что это значит — уполномочен переквалифицировать? Машина всегда выражается точно. Лишь человеческое существо не всегда правильно понимает то, что она говорит. Например, имеется ли в виду, что майор Чаттеради сможет освободить Райленда, или это значит, что он лишь изменит его статус... Эта мысль его отрезвила. Нереальная туманность всех событий прошлого, кроме фактов научного характера, вызвала у Райленда ноющее чувство одиночества и потерянности.

— Зачем Машине нужна нереактивная тяга? — неловко задал он вопрос майору.— Ионные корабли вполне способны достигать любой планеты, а План Человека и так, кажется, все глубже зарывается в недра, покидая космические колонии...

— Прекратите! — резко одернул его майор.— Подобные мысли не входят в ваши функции!

Но Райленд продолжал настаивать:

— Машина, кажется, опасается, что нереактивная тяга попадет в руки врагов Плана! Чьи это могут быть руки? План покорил все планеты, теперь в него включено все человечество. Исключая нескольких беглецов вроде Рона Дондерево.

— Не говорите о нем! — майор, казалось, был потрясен.— Нам и без того хватает здесь забот, чтобы допускать незапланированные беседы.

Райленд пожал плечами, давая понять, что больше вопросов нет, а Чаттеради сразу вернулся в прежнее жизнерадостное настроение.

— Вас нужно разместить! — заулыбался он, золотая оправа его очков поблескивала.— Пора! Девочка, войди!

Дверь открылась. В комнату важно вплыла высокая блондинка. На ней были алые брюки и короткий алый жакет. Два века назад она могла бы быть мажореткой из оркестра, но теперь, в эру Плана, она исполняла более важную функцию.

— Познакомьтесь, Стив, это Вера. Одна из наших общительниц. Она поможет вам освоиться у нас. Я гарантирую!

Общительница улыбнулась натренированной лакированной улыбкой.

— В совершенстве знай свои функции — только свои,— пропела она.— Таков наш лозунг, мистер Райленд.— Голос у нее был кукольный.

— И превосходный лозунг, в самом деле! — поддержал майор Чаттеради, сияя.— Можете начинать, Вера. И не забывайте, в семь часов сегодня вечер общения.

Мысли Райленда вертелись вокруг нереактивной тяги, гипотезы равновесного состояния, трех пропавших дней его жизни и фразы: «Майор Чаттеради уполномочен переклассифицировать...» И еще он думал о том, что Планирующий знал о его беседе с Донной в ванной. Но и слова общительницы были важны. Он попытался отставить в сторону все остальные мысли и прислушался.

— Вам здесь понравится, Стивен,— прошептала она, торжественно беря его под руку. Улыбнувшись, она направила Райленда вдоль тоннеля с серыми бетонными стенами. Окон не было.

— Это называется Пункт Черный Круг. Странное название, правда? Но ты привыкнешь. Я тебя научу.

Пункт Черный Круг представлял собой штаб-квартиру, где оператор-майору Чаттеради, главному администратору, приходилось терпеть бесконечные волнения по поводу снабжения и работы персонала.

— Пункт Серый Треугольник,— пропела девушка, взмахом руки указывая на перекресток впереди.— Это медицинский сектор. Расстройства, недомогания, травмы, а также...— она шаловливо хихикнула,— отправное отделение для орган-банка.

Райленд вздохнул.

— О, не стоит волноваться, Стив,— успокаивающе сказала она.— Можешь доверять майору Чаттеради. Ты делай свое дело, а он будет делать свое. Это и есть работа сообща.

— Да, я понимаю,— пробормотал Райленд.— Просто... я уже имел шанс попасть в орган-банк. Признаюсь, идея оказаться в мясорубке меня не восхищает.

Общительница, шокированная, замерла на месте, ее правильные бровки выгнулись.

— В мясорубке? Стив, что это за неплановое слово?!

— Я имел в виду...

— П л а н о в ы й термин,— твердо сказала она,— звучит так: «утилизация». И ты не можешь отрицать логику Машины, правда? — Она не стала ждать его ответа. Она уже увлеклась хорошо заученной речью.— Орган-банк,— твердила она,— обеспечивает проблемную группу необходимым, гарантирующим максимально продуктивную работу. Если их усилия окажутся успешными, группе нечего опасаться. Если их ждет неудача...

Она очаровательно пожала плечиками и вздохнула.

— Благосостояние Плана Человека,— сказала она,— тре-

бует от них иного рода отдачу. То есть их анатомические органы должны участвовать в улучшении здоровья других граждан. Такова работа сообща!

— Благодарю! — раздраженно сказал Райленд. В лагере изоляции за полярным кругом, подумал он грустно, было тяжело и тоскливо, и не было никаких удобств, но там, по крайней мере, он не обязан был выслушивать лекции от девчонок, у которых еще молоко на губах не высохло. Название Пункта Серый Треугольник было изобретением Безопасности, как и все остальные названия. Все заведение называлось Группа-центр. Оно могло находиться под озером Эри или под дном Индийского океана — Райленд не знал, в какую точку земного шара судьба его забросила сейчас. В Пункте Серый Треугольник он прошел необходимые тесты. Он мельком видел Опорто, на вид тот был вполне здоров, но казался несколько удрученным. Они помахали друг другу, но поговорить не было возможности, так как Опорто как раз выходил из одной лабораторной комнаты, а Райленд входил в другую. По крайней мере, подумал Райленд, коротышку еще не утилизировали. Потом за пять часов тестирования он забыл про Опорто. Сотрудники Серого Треугольника принялись за измерения его функциональных показателей и коэффициентов лояльности с помощью всех видов тестов. Лаборанты раздевали его и закрепляли в кресле, прикрепляли электроды своих аппаратов, а тем временем допрашивающие требовали от Райленда мельчайших деталей о его жизни, вплоть до точного указания, какие игрушки подарила ему мать на третьем году жизни в день его рождения. Эти тесты снова вернули его память к тем горьким дням, когда он сеанс за сеансом проходил «терапию» в «Центре отдыха», дням, которые казались веками, когда его подвергали наказанию снова и снова, потому что он не в состоянии был понять смысл сумасшедших вопросов, которыми забрасывали его тераписты. И теперь каждую секунду все внутри Райленда сжималось от страха — вдруг этот ад повторится? Кто-то задаст ему вопрос о пироподах или Роне Дондерево. Кто-то потребует ответа — куда делись три дня его жизни, или прикажут, чтобы он начертил схему устройства, о котором он никогда не слышал. Но все обошлось, вопросы были стандартными. Практически каждый такой вопрос ему уже не раз задавали прежде, и, быть может, но сотне раз. И каждый ответ был давно записан на барабанах памяти Планирующей Машины. Но допрос продолжался. За его реакциями наблюдали в слепящем свете, они же фотографировали при инфракрасном освещении, что для Райленда было равносильно полной темноте. Раз за разом брали различные анализы. Целые залпы инъекций сначала стимулировали, потом успокаивали его, а один раз погрузили в короткий сон. Бог знает, какие аноды проверяли в этот момент мускульное напряжение внутренних органов. Наконец все кончилось. Он облачился в новые хрустящие алые брюки и куртку и был снова выставлен в серый бетонный коридор,

где его ждала Вера. На губах ее застыла лакированная улыбка, в глазах лучилось удовольствие.

— Ты прошел все благополучно! — пропела она.— Я знала, что ты справишься. Теперь ты полноправный член Группы.

Она шла рядом с ним, щебеча.

— Теперь я покажу тебе твою комнату. Очень симпатичная комната, Стив! А потом, о, потом у нас еще много дел. Тебе понравится наша общая столовая. У тебя будут замечательные условия для работы. Все превосходно — и это справедливо, верно ведь? От тебя так много ждут, и от всей группы тоже, правда? Мы должны оправдать доверие — такова работа сообща!

Она водила его по коридорам Центра примерно час и не умолкала ни на минуту. Она привела его в местную столовую, чтобы перекусить. Больше там никого не было, они опоздали к обеду из-за проверки в Сером Треугольнике. Пища была обыкновенным рационом для служащих особого профиля разряда «А» — примерно то же самое, что и в лагере повышенной безопасности, хотя в ней было поменьше калорий. Но приятно было посидеть и покурить после еды. И еще она показала ему его жилище. Комната оказалась довольно удобной. Кровать была неожиданно мягкой, книжный шкаф был уже полон — об этом успел позаботиться майор Чаттеради. Для справочников и таблиц отвели просторный ящик. Было отделение для личных вещей, которых у него давно уже не водилось.

— Какая прелесть, правда? — с энтузиазмом восклицала общительница.— Но нам нужно спешить, Стив. Уже почти семь часов!

Общая Столовая находилась выше лабиринта туннелей, составляющих Группу-Центр. Ее серые бетонные стены были довольно легкомысленно оживлены пестрой краской. Здесь было светло и шумно. Только общительниц было не меньше двадцати. Такие же симпатичные, как и Вера, они танцевали с веселыми офицерами Технокорпуса, сидели с ними за столиками, пели, собравшись вокруг фортепиано. Сновали торопливые официантки, тоже симпатичные, разнося напитки и легкие закуски. Были тут и офицеры — новые коллеги Райленда. Все они носили плотную алую униформу. Сердце Райленда забилось сильнее — он заметил, что трое из них носят железные кольца, такие же, как у него. И они *смеялись*. Один танцевал с высокой рыжеволосой девушкой, двое увлеченно играли в карты. Железные воротники, казалось, не слишком их тяготили. Райленд удивленно вздохнул. Может быть, именно о таком месте он и мечтал все три года. С одной стороны комнаты имелось громадное окно двадцати футов в высоту, сделанное из бронестекла. Снаружи уже почти севшее солнце заливало оранжевым светом древние утесы. Вершины сосен качались под порывами неслышного ветра, а дальний склон горы был весь усыпан вечнозелеными елями и уже по-

желтевшими осинами. Вера тронула его за руку.

— Что случилось, Стив? Ты боишься высоты?

Но он едва сознавал, что видит за окном. Все его мысли были заняты воротником. Он моргнул и вернулся к действительности.

— Я... я до сих пор не знал, где мы находимся.

Но ты и сейчас не знаешь,— засмеялась она.— Пойдем, я представлю тебя Руководителю Группы.

У генерала Флимера были большие глаза навыкате и тесная форма, отчего он выглядел, как большая самодовольная жаба.

— Значит, это вы Стивен Райленд? — Генерал потряс его руку, глаза его сияли дружелюбием.— Рад, что вы к нам присоединились, Стив! — Он усмехнулся и щелкнул ногтем по воротнику. Металл слабо зазвенел.— Мы с тебя эту штуку мигом снимем. Главное — давай результаты, и доверие тебе обеспечено! Что может быть справедливее?

Он подхватил Стивена под локоть и потянул его вперед. С другой стороны торопилась Вера.

— Хочу познакомить вас с некоторыми другими сотрудниками,— прогудел генерал.— Ага! Паскаль! На минуту. Стив, я хочу вас познакомить...

— Но я уже давно знаком с полковником Лескьюри,— сказал Райленд. Это был тот самый седоволосый офицер Технокорпуса, который показал им купе вагона поезда Планирующего. Полковник кивнул ему и отвел в сторону, пока Генерал собирал остальных членов Группы.

— Я не хотел ничего говорить вам тогда... но я уже знал, что вы направлены сюда. И я рад. Ваше... э-э... собеседование прошло успешно? — И он весело ткнул Райленда в бок.

Райленд прекрасно понимал, что полковник мог отнестись к нему не столь благосклонно, если бы собеседование прошло неудачно, но решил не придавать этому особого значения.

— Да,— сказал он.— Планирующий был настроен...

— Планирующий? — полковник Лескьюри подмигнул,— я о другом собеседовании, парень. Ничего девица, а?

Стивену Райленду начало казаться, что едва ли найдется кто-то, кому еще не известно, что он три четверти часа провел в ванной комнате Донны Криири.

— Эй, там! — позвал генерал.— И вы тоже, Отто!

Когда Райленд подошел к генералу, полковник Отто Гэттлинг уже приблизился, тяжело ступая, с каменным выражением на лице. Оказалось, он был экспертом по ракетным камерам сгорания. Камера его конструкции применялась на всех кораблях последних двенадцати экспедиций к внешним планетам. Каждый сотрудник Группы был специалистом в какой-нибудь области, и Райленд с трудом мог себе представить, каким образом эти области знаний сочетаются здесь. Например, полковник Лескьюри, как он узнал, был Директором отдела Космической Биологии Плана. Майор по имени Лангрен был астрофизиком. Были еще два математика: один — спе-

циалист в области теории чисел, имя второго было Райленду смутно знакомо, кажется, он был автором работы по стандартным циклам. (По странному совпадению — или это не было совпадением — оба носили на шее кольца). Третьим опом был химик, специалист по пищевым продуктам, полный веселый человек, автор каламбуров и смешных стишков. Но несколько часов спустя Райленду уже удалось узнать, что вечер далеко не полностью был посвящен Сообщности. Когда все собравшиеся успели немного охмелеть, генерал Флимер вскарабкался на стол и, застучав каблуком, потребовал всеобщего внимания.

— Тост! — проревел он.— За Работу Сообща и за План!

Раздались одобрительные возгласы. Флимер вместе со всеми осушил свой бокал, потом вдруг стал серьезен.

— Кое-кто из вас,— крикнул он,— может, и не понимает, на что нацелена наша Группа! Что ж, вы скоро поймете! Но ради новых наших товарищей позвольте мне в общем обрисовать философию Групповой атаки вообще. Это наисущественнейший инструмент нашего научного прогресса.

— Ура Групповой Атаке! — заревел один из математиков-опов, а девицы-общительницы вокруг захихикали.

Генерал Флимер благодушно улыбнулся ему. Он продолжил:

— В давние-давние времена — так объяснил мне групповой историк,— наукой занимались одиночки. Кто-то из вас, может быть, думает, что так делают до сих пор.— Он послал ледяную усмешку Райленду и остальным опасникам.— Но эти времена давно прошли. Поворотным пунктом была группа Эйнштейна, собравшаяся, чтобы атаковать фундаментальные проблемы деления атомов. К сожалению,— с печалью в голосе продолжал генерал, протягивая стакан, чтобы его наполнили,— все пионеры атомной науки были уничтожены в результате неожиданно успешного опыта по делению урана. Но принцип Группового штурма проблемы выжил! С тех пор План Человека усовершенствовал этот принцип и отшлифовал приемы Групповой Атаки. Когда Плану Человека требуется новое научное открытие, для его создания образуется группа. Необходимость в такой группе созрела как раз сейчас, и эта группа — вы, вы моя Группа, вы все!

Последовали продолжительные аплодисменты и возгласы. Флимер сделал паузу. Он улыбнулся язвительной улыбкой, сочетающейся с его рыхловатым лицом.

— Я уверен, вы понимаете,— он весело кивнул Райленду и остальным кольценосителям,— почему от вас ждут успешного разрешения проблемы. Если вы добьетесь успеха, то поймете, что принцип группы работает в обоих направлениях. Если вы добьетесь... Если же нет, то... тогда...

Он не продолжил фразы и мрачно взглянул на опасников еще раз. Потом он широко улыбнулся и провел коротким толстым пальцем по тому месту, где у нормальной полноты людей находится шея.

— Жжжжжжж! И в орган-банк! Но мы добьемся успеха!

Аудитория взорвалась смехом. Оператор-майор Чаттеради вспрыгнул на стол, очки его сверкали.

— Троекратное «ура» генералу Флимеру и Плану Человека! Гип-гип...

— Ура-а-а! — возглас получился громкий, но не дружный.

— Гип-гип...

— УРА-А-А! — Райленд обнаружил, что кричит вместе со всеми. Он не мог не поддаться настроению. Он был рожден в системе Плана Человека. Он не мог сомневаться в его правильности. Это лишило бы его жизнь смысла, как дарованный Планом железный воротник уже почти лишил его надежды. Последовали громкие аплодисменты. И генерал Флимер, улыбаясь, поднял руку.

— На этот раз,— сказал он,— Машине требуется новый физический принцип.— Он изящно пожал плечами; насколько это было возможно при его комплекции.— Я не ученый, и я не знаю, какой сложности это задание. Вероятно, некоторые из вас считают его очень сложным. Что ж,— он захихикал,— все остальные просто должны будут убедить их в обратном! — и он шутливо ткнул пальцем в шею.

Как Райленд ни старался, но он мало что извлек из разговоров с остальными сотрудниками. Не потому, что они не хотели говорить, а потому, что он все должен был узнать в свое время. Машина даст ему детальное задание, заверяли его, а пока не пора ли пропустить еще стаканчик? Час спустя Вера предложила показать ему самый короткий путь в его комнату. Они взялись под руки и отправились в путешествие по серым коридорам.

— А вот сектор, где ты еще не был,— щебетала Вера.— Видишь? Это пункт Узел. Это Центр Связи.

— Отличный Центр Связи,— сказал Райленд. Он чувствовал себя прекрасно. Даже кольцо на шее не казалось таким уж твердым и холодным. Какая она милая девушка, эта Вера, мечтательно подумал он. Конечно, девушки-общительницы отбираются специально, их обучают, едва ли не разводят как особую породу. Она напоминала ему Потерянную Любимую, Анджелу, о которой дочь Планирующего знала больше, чем ей следовало. Конечно, о ней можно было прочитать в его личном деле и...

— Пункт Зеленый Полукруг,— пропела девушка, указывая на новую эмблему, украшавшую стену.

— Превосходно,— машинально заметил Райленд, потом взглянул повнимательнее,— что это там происходит?

Девушка заколебалась. Она замолчала на полуслове, нахмурилась и сказала Райленду:

— Знаешь что, наверное, этот короткий путь не совсем то, что нам нужно. На старом пути есть...

— Нет, ты посмотри,— настаивал Райленд, упираясь, когда она пыталась сдвинуть его с места. Было уже поздно, но Райленд заметил двух охранников в алой форме Группы,

и один из них отпирал ключом массивную освинцованную дверь. Внутри виднелась громадная шахта, пол ее освещался ярким прожектором откуда-то сверху. Райленд понял, что это! Посадочная шахта для ракеты. Мощные фермы портального крана, огромные трубопроводы пламягасителей и их черные раструбы в бетоне пола. Райленд понимал, что когда-то ракеты довольно часто садились здесь. Там, наверху, скрытые ослепительным светом, находились громадные створки входа, открывающиеся в небо. Но в шахте сейчас не было ракет. Там было что-то другое, внутри массивной металлической клетки.

— Что это такое? — спросил Райленд. Существо напоминало морское животное — котика или тюленя, которых Райленду приходилось встречать на скалах близ изоляционного лагеря. Но это животное было золотистого цвета. Освещенное прожекторами, бившими из-под потолка, оно светилось краснотой закатного солнца. Существо было живым. Ни разу такого животного Райленду не приходилось видеть за всю жизнь. Оно лежало на полу большой стальной клетки, словно обессилевшее после попыток вырваться на волю. Золотой мех был в крови, а на голове виднелась рана. Несколько прутьев клетки были прогнуты и покрыты засохшей кровью.

Было ясно, что неизвестный зверь мучился в неволе и уже не раз пытался вырваться на свободу.

— Пойдем скорее, Стив,— обеспокоенно сказала общительница.— Пожалуйста! Майор Чаттеради не велел показывать пространственника, пока...— она запнулась, смущенная. Потом попросила Райленда: — Пожалуйста, забудь, что я говорила. Я не должна была вообще вести тебя сюда, но... О, пожалуйста, Стив, пойдем отсюда!

С неохотой он позволил увести себя. Охранники поспешили войти в шахту, и тяжелая свинцовая дверь задвинулась. В любом случае уже ничего не было видно. Но что же он только что видел?

В семь часов утра на следующий день звонок телетайпа вырвал его из глубокого сна. Не успев как следует протереть глаза, он подскочил к машине, чтобы ответить. Его ждал запрос:

«ЗАПРОС: Присутствует ли Стивен Райленд, АВС-38440?»

Побледнев, Стивен выстучал подтверждение. Обычное человеческое общение вырабатывает привычки вежливости. Благодарность за беспокойство, извинение за несвоевременный ответ. Но Машину его извинения не интересовали. Рычаги литер застучали немедленно:

«ИНФОРМАЦИЯ: Гипотеза состояния равновесия основывается на теории Фреда Хойла, английского астронома и физика XX века. Она утверждает, что облака водорода постоянно формируются в межзвездном пространстве, таким образом восстанавливая убыток материи, потерянной в процессе синтеза внутри звезд.

ДЕЙСТВИЕ: Дать оценку возможности математического подтверждения реальности нейтрализации и реверсии процесса формирования водорода».

Райленд уставился на бумажную ленту. В дверь тихо постучали, и в комнату влетела общительница. Она несла поднос с чаем и стаканом розоватого сока.

— Доброе утро, Стивен! Проснись и пой! Я... ой! — Он раздраженно приказал ей замолчать. Телетайп остался недоволен его ответом. Он издал серию щелчков, потом выбил новое сообщение:

«ИНФОРМАЦИЯ: Вышеупомянутый механизм в дальнейшем именуется нереактивной тягой.

ДЕЙСТВИЯ: Разработать необходимое математическое основание возможности воспроизведения нереактивной тяги в двигателях кораблей Плана. Просмотреть работу полковника Готтлинга по общей теории силового поля как необходимого первого шага».

Машина прекратила печатать. Райленд оторвал кусок ленты и сел, уставясь на нее. Он понял, что кто-то сообщил сведения из его старинных запрещенных книг Машине. Вера нежно извлекла ленту из его пальцев.

— Завтракать! — укоризненно напомнила она.— И душ! Сначала нужно как следует проснуться, тогда и думать будет легче.

Словно в забытьи, Стивен позволил отвести себя в ванную, в сознании его бешеным вихрем крутились облака межзвездного водорода и анти-Ньютоновские силовые поля. Обжигающий душ привел его в себя. Он оделся и сел завтракать вместе с общительницей.

— Нереактивная тяга! — повторил он.— Но это невозможно! Закон Ньютона!

— Пей чай, Стив! — успокаивающе сказала Вера.— Разве Машина давала бы тебе задание, если бы это было невозможно?

— Но я не... Хорошо, какие экспериментальные подтверждения? Я пока ничего не видел.

Общительница украдкой взглянула на свои часы.

— Полковник Лескьюри будет ждать, Стив. Допивай чай.

Полковник казался официальным в своей алой форме и белоснежном халате поверх нее.

— Я вижу, вы взволнованы, Райленд. Успокойтесь,— сказал он.

Стив многозначительно коснулся своего железного воротника, полковник улыбнулся.

— Естественно,— сказал он,— но вы ведь стремитесь от него избавиться, а? И наилучший способ сейчас — это успокоиться, потому что в первую очередь вы должны внимательно выслушать меня. Я должен рассказать вам о рифах космоса.

РИФЫ КОСМОСА! Райленд судорожно глотнул и попытался расслабиться. Вокруг него рассеивался туман забытья, заслонивший годы, прожитые в изоляционном лагере. Он снова

лежал, привязанный к кушетке в комнате тераписта, с холодными электродами на запястьях, и в лицо ему бил ослепительный свет. Над ним склонился доктор Трейл, толстый, вежливый, с тихим голосом, раз за разом хрипловато повторяя слова: «пространственник», «пиропод», «нереактивная тяга», «рифы космоса». Доктор не торопясь записывал, как реагировал на эти слова его пациент.

— Успокойтесь, Райленд,— откуда-то издалека донесся голос полковника.— К этой проблеме нужно подходить постепенно. Первый этап — ознакомить вас с информацией, которую я должен сейчас представить.

— Да, конечно,— вздохнул Райленд.— Я понимаю.

Он отчаянно пытался расслабиться. Возможно, в рассказе полковника он найдет ответ на загадку трех потерянных дней.

— Давайте сначала немного выпьем,— предложил полковник.

Райленд заколебался — алкоголь всегда был под запретом, и в лагере, и в Академии.

— Присоединяйтесь,— сказал полковник, подмигивая. — Небольшая трансфузия не повредит.

Он открыл шкафчик и вытащил оттуда стаканы и маленькую коробочку. Пока Лескьюри наливал в стаканы, Райленд нетерпеливо вернулся к теме их разговора.

— Рифы космоса, что это? Наверное метеоритные облака?

Паскаль Лескьюри захохотал.

— Нет, это примерно то же, что и коралловые рифы. Прошу,— он поднял свой стакан.— Ну, вот, другое дело,— заметил он, пригубив, и открыл коробочку. На стол высыпалась целая коллекция фантастических существ, вернее, их миниатюрные подобия, которые были приготовлены из пластика. Райленд взглянул на них почти машинально, обдумывая слова Лескьюри.

— Но ведь коралл — это продукт деятельности живых организмов.

Полковник кивнул.

— И рифы космоса тоже построены живыми организмами, только на их создание ушло гораздо больше времени.

Райленд внезапно поставил на стол нетронутый стакан, напиток расплескался.

— Но какие организмы могут жить в космосе?

— Как какие? — очень серьезно сказал полковник, постукивая пальцем по пластиковым игрушкам.— Примерно вот такие же. Это уменьшенные модели реально существующих животных. Кроме того, имеются еще и сами создатели рифов — простые одноклеточные организмы, они существуют повсюду!

Усилием воли Райленд принудил себя говорить медленно и рассудительно:

— Сегодня утром я получил приказ Машины. Я должен заняться гипотезой о равновесном процессе и с этого момента я постоянно думаю... о теории Хойла и некоторых других его предположениях. О том, что жизнь появилась еще до обра-

зования планет, она возникла под воздействием ультрафиолетовых лучей в остывающих облаках газа и пыли вокруг звезд. Но как эта жизнь могла уцелеть? Облака исчезают, когда начинается формирование планет.

— Жизнь умеет приспосабливаться,— сказал полковник, поднимая на ладони пластикового дракона.

И снова отпил из своего стакана.

— Оставим в стороне пока непознанные аспекты,— продолжал он,— жизнь есть сочетание материи и энергии. Эффект Хойла снабжает ее материей в виде облаков водорода, который постоянно рождается в межзвездном пространстве. А энергию жизнь добывает сама.

— Каким образом?

— Синтезируя на основе водорода более тяжелые элементы,— торжественно заключил полковник.

Он щелкнул выключателем. С потолка скользнул экран. На нем появилось изображение: дротикообразные тела, сверкая, проносились через поле по экрану. Все это напоминало картину микрожизни в обыкновенном пруду... если бы не странная форма существ, и если бы они не светились сами по себе.

— Фузориты,— мрачно сказал полковник.— Жутко выносливые малютки. Они производят термоядерный синтез водорода и генерируют энергию. И живут они в открытом космосе.

Фузориты! Тело Райленда напряглось, словно его ударил ток. Он сознавал, что полковник пристально за ним наблюдает, и попытался расслабиться, полковник продолжал внимательно следить за ним.

— Не удивительно, что вы поражены,— только и сказал он, сочувственно подмигнув.— Это непростая идея. Она означает, что планеты — не единственные одинокие оазисы жизни в мертвом пространетве космоса. Это значит, что они всего лишь острова в бесконечном океане жизни, странной жизни, о которой мы никогда и не подозревали.

— Но почему ни одно из этих существ не побывало на Земле? — Райленда раздражала неторопливость, с какой вел объяснения полковник. Для Райленда это был вопрос жизни и смерти: быть может, здесь был ответ на все его вопросы, а полковник, кажется, считал это лишь еще одной лекцией и к тому же весьма скучной. Полковник пожал плечами.

— Наверное, они тонут в воздухе. Я подозреваю, что более тяжелые элементы — это отходы их собственной жизнедеятельности и потому ядовиты для них.— Он сделал новый глоток.— Возможно, именно такие существа построили Землю,— задумчиво продолжал он.— Это объясняет вопрос содержания тяжелых элементов лучше, чем теории космогонистов. Но, в сущности, это не имеет значения — для Плана, то есть.

Райленд нахмурился. В тоне полковника было что-то почти нелояльное. Он постарался переменить тему.

— А эти существа,— он коснулся пластиковых поделок,— это ведь не фузориты?

— Нет. Это пироподы. Они живут в рифах.— Не спеша, полковник двинул рукой. Экран опять засветился.

Райленд подался вперед.

— Сказочная страна! — только и смог выдохнуть он.

Полковник хрипло засмеялся. На экране переплетались сказочные ветви и лианы, похожие на птиц существа легко сновали между ветвей.

— Называйте как хотите,— сказал полковник.— Когда я был там, я выражался немного иначе. Понимаете, во вселенной действительно рождается новое вещество, и действительно в межзвездном пространстве формируются водородные облака. Я знаю — я видел это!

Он нервно сделал еще один глоток.

— Это было несколько лет назад. Пироподы были уже замечены, но поймать хоть одного из них не удавалось. Планирующий приказал мне отправиться в охотничью экспедицию и поймать пиропода.

Райленд нахмурился.

— Охота? Но ведь План Человека не располагает такими излишками энергии! Каждая калория должна расходоваться продуктивно!

— Ты старательный ученик,— кисло заметил полковник,— и все же это было решение Машины. Так во всяком случае сказал Планирующий. Как бы там ни было, а мы отправились искать планету за орбитой Плутона. Имелась ли таковая? Приходилось предполагать, что имелась, иначе откуда бы брались пироподы? Мы знали, что в пределах орбиты Плутона они не живут. Это был долгий полет. Ты ведь знаешь, почему невозможно путешествие к звездам. Энергии у нас достаточно, но где взять рабочую массу, которая толкала бы корабль вперед? Когда пересекаешь орбиту Плутона, эта проблема становится главной. Мы шли на старом «Кристобале Колоне» с водородными двигателями. Рабочим телом служила вода. Имеющегося у нас запаса ее вряд ли хватило бы на то, чтобы долететь до далекой планеты и вернуться обратно. Дозаправляться мы должны были на планете, если только нам удалось бы ее найти.— Полковник сухо улыбнулся.— Но мы ее не нашли,— добавил он.

— Тогда... как же вы вернулись? — удивился Райленд.

— Мы с чем-то столкнулись. Мы назвали это Краем. Не путай, это еще не рифы, до тех оставались биллионы миль пространства. Край принадлежит Солнечной Системе — редкий пояс небольших астероидов, снежных и ледяных осколков. В основном это метановый и аммиачный снег, но и воды мы нашли достаточно, чтобы наполнить баки. И мы отправились дальше. Машина дала нам совершенно определенное задание.

Полковник зябко поежился и допил остатки.

— Мы продвигались все дальше и дальше,— сказал он,— готовя себе новый коктейль,— все дальше за пределы Края, пока Солнце не превратилось просто в яркую звезду и даже не такую уж яркую. Мы тормозили, и уже готовы были по-

вернуть назад... И тут мы увидели первый Риф.— Полковник Лескьюри указал на странную картину на экране. Он снова оживился.— Сначала снег показался нам ненатуральным. Какая-то крапчатая неправильной формы масса.

Райленд неожиданно отметил, что и он опустошил стакан. Молча он протянул пустой стакан, и полковник немедленно наполнил его.

— Сказочная страна. Мы высадились в настоящий лес хрупких коралловых образований. Мы пробирались сквозь сверкающие кристаллические заросли, тонкие шипы ломались о наши скафандры. Мы бродили по металлическим джунглям, грозившим нам ловушками из живой проволоки или ударами острейших лезвий. Но это еще что! Там были громадные прекрасные цветы, они сияли сверхъестественными оттенками и распространяли смертельные гамма-лучи. Еще там имелись золотистые лозы — стоило к ним прикоснуться, как они отвечали высоковольтным ударом. То тут, то там встречались невиданного вида лужицы радиоактивных изотопов, и такие же изотопы местами били, словно гейзеры. Это был кошмар! И продвигались мы, дезактивируя друг друга, смазывая раны стягивающим их составом. Так мы знакомились с природой Рифа. Это было скопление живых существ — колония фузоритов! Мы насчитали до сотни видов. Очевидно, они развились из нескольких спор, плававших в межзвездном водороде. Росли они очень медленно — несколько дюймов за миллион лет. Но фузоритам спешить некуда. И тут мы посмотрели друг на друга. Мы поняли, что обнаружили нечто большее, чем то, за чем нас послали. Мы открыли новый рубеж человечества.

Пораженный услышанным, Райленд вскочил со стула.

— Новый рубеж! Могут... могут ли люди жить там?

— Почему бы и нет?! Там есть все необходимое. Водород для добычи энергии, металл для машин, сырье для производства пищи. Мы с собой привезли целое богатство! Мы загрузили в корабль все, что могли прихватить с собой. Невероятные алмазные сталактиты и кристаллические массы практически чистого ковкого железа. Живые призмы, светившиеся собственным светом радиоактивного процесса. И губчатые грибообразные конгломераты, в которых, как показал анализ, девяносто процентов урана двести тридцать пять. Попадались куски в сотню фунтов, а это гораздо больше критической массы! Но они все же не взрывались — пока были живыми. Один «гриб» взорвался после того, как мы забросили его в открытое пространство. После этого мы тщательно разделили кристаллы на более мелкие части.

— Так вот зачем машине нереактивная тяга? — Райленд начинал кое-что понимать, туман неведения, окутавший его, когда они покинули лагерь, начинал рассеиваться.— Чтобы достигнуть Рифов, ведь они за пределами досягаемости наших ионных ракет!

— Очевидно,— кивнул Лескьюри.— Хотя подобные рас-

суждения несколько выходят за рамки наших функций.

— Но зачем Машине Рифы космоса? — нахмурился Райленд.— Неужели что-то среди Рифов может угрожать безопасности Плана?

— Это не наше дело,— предупредил его Лескьюри.— Думаю, планеты хорошо защищены от космической жизни своими атмосферами и поясами Ван-Аллена. Хотя нашу атмосферу ведь протаранил пироподи...

— Пироподи? — На мгновение Райленд снова оказался на кушетке в комнате терапии, с холодными электродами на теле, и астматический голос Трейла цедил бессмысленные для него тогда слова: «нереактивная тяга»... «фузорит»... «пироподи»...

Глаза Лескьюри сузились.

— Райленд, вы слишком волнуетесь. Это ни к чему. Я не совсем понимаю вашу реакцию... если вы только раньше не слышали о Рифах.

— Нет, я не слышал.— Это, по крайней мере, правда. Тераписты всегда тщательно избегали каких-то деталей, и он ничего не мог узнать о Рифах космоса, пироподах или фузоритах.

Еще несколько секунд Лескьюри наблюдал за Райлендом, которому это было неприятно.

— Тогда успокойтесь,— сказал он и улыбнулся.— Прошу прощения. Я спросил потому, что у нас уже был случай. Член нашей команды бежал с корабля после посадки, похитив несколько образцов и описание жизни в космосе. Он, конечно, был отправлен потом в орган-банк.

Его глаза еще раз, словно случайно, остановились на Райленде.

— Не помню, как его звали. Хоррик? Хорлик? Хоррокс?

Райленд сидел, окаменев. Полковник Лескьюри небрежным жестом передвинул экран к потолку, потом спросил:

— Еще выпьете?

Райленд молча покачал головой. Лескьюри перемешал пластиковые фигурки на столе.

— Вот,— сказал он вдруг.

Райленд взял у него из пальцев маленькую, в два дюйма длиной фигурку из черного и серебристого пластика.

— Вот такая штука напала на нас,— сказал он.

— Такая маленькая?

Полковник засмеялся.

— Нет, она в длину была девяносто футов.— Он забрал у Стива фигурку и погладил ее.— Злобное создание,— сказал он с восхищением в голосе.— Но злобными их сделала эволюция. Это живые боевые ракеты. Долговечная эволюция выковала их до совершенства.

Он сгреб модельки обратно в коробку.

— Но это всего лишь живые ракеты,— задумчиво сказал он.— Им тоже нужна реактивная масса. Мы отловили около дюжины таких штук, и в принципе они не отличаются

от петарды... И оттого, видно, такие прожорливые. Они нападают на все, что видят, с такой голодной яростью, какой вы даже не вообразите. Еды в космосе совсем мало, и они поглощают все, что могут найти.

Во всяком случае вот такая штука нас протаранила, и... в общем, двенадцать человек получили ранения.— Полковник пожал плечами.— Все произошло очень быстро. Его скорость превосходила нашу, но потом кто-то добрался до торпедной установки, и мы победили. Но даже пироподе не обладает способностью нереактивной тяги.

— Если вообще она возможна,— сказал Райленд.

Полковник Лескьюри усмехнулся. Он внимательно посмотрел на Райленда, словно подбирая наиболее подходящий вопрос. Потом сказал:

— Вы думаете, что Атака Группы провалится?

— Я сделаю все, что смогу,— сухо сказал Райленд.— Но, полковник, Третий Закон Ньютона...

Лескьюри громко засмеялся.

— Да, отлично,— сказал он.— Кто знает? Может, она и провалится. Может, нереактивной тяги не существует.

Чем-то очень довольный, хотя Райленд и не мог сказать, чем, он сунул коробку с фигурками обратно в ящик.

— Спокойной ночи, уродцы,— сказал он ласково.

— Вы так говорите, словно они вам нравятся,— заметил Райленд.

— А почему бы и нет? Они нас не беспокоили. И если они не напали на Землю за прошедшие несколько миллионов лет, то вряд ли нападут в ближайшем будущем. Они не приспособлены жить в атмосфере в сильном солнечном свете. Только несколько самых сильных рискнули залететь за орбиту Плутона, где их и засекли перед нашей экспедицией. Дальше орбиты Сатурна их вообще не встречали, а тот, что был замечен возле него, просто уже умирал.

Райленд был озадачен.

— Но... вы говорили об опасности.

— Да, в Рифах Космоса таится опасность, да!

— Но если это не пироподы, то что?

— Свобода! — фыркнул полковник Лескьюри и плотно сжал губы.

Вера повела Райленда на его следующее собеседование.

— Полковник Лескьюри такой милый, правда? — тараторила она.— Очень милый. Если бы это от него зависело, рифокрыса не пострадала бы...— Она вдруг словно споткнулась, краска смущения залила ее лицо.

Райленд пристально посмотрел на нее.

— Что это такое — рифокрыса?

— А вот и кабинет майора Чаттеради,— нервно сказала Вера и почти втолкнула его в дверь.

Оператор-майор Чаттеради поднялся навстречу, очки его сверкали, он лучился улыбкой, помахивал рукой с копией приказа Райленду от Машины.

— Мы готовы, Райленд,— приветствовал он вошедших.— Мы уже готовы, слово за вами.

Райленд, задумавшись, подошел к столу.

— Мне потребуется мой компьютер,— сказал он.— И еще пусть кто-нибудь познакомится со всеми работами по гипотезе Хойла, переварит их как следует и даст мне основные сведения.

— Правильно! Вы получите трех помощников из секции полковника Лескьюри. И я уже выделил двоичный компьютер.

— Нет,— нетерпеливо сказал Райленд.— Мне нужен мой компьютер. Чудо-Опорто.

Золотые дужки очков оператора-майора Чаттеради тревожно сверкнули.

— Опасника? Ну, в самом деле, Райленд!

— Он мне необходим,— упрямо повторил Райленд.— В приказе Машины все было сказано предельно ясно.

Чаттеради сдался.

— Нам потребуется одобрение генерала Флимера,— сказал он.— Пойдемте.

Он вывел Райленда в коридор к лифту, Вера следовала за ними. Втроем они сначала поднялись вверх, потом спустились в другое помещение. Чаттеради постучал в дверь.

— Минуту,— проворчал голос из динамика над дверью, и она распахнулась. Они вошли в комнату с серебряными стенами, с мебелью, выложенной серебром. Из спальни выбрался генерал Флимер, запахивая полы серебряного халата.— Слушаю.

Оператор-майор прокашлялся.

— Сэр, Райленду нужен второй оп, Опорто, приписанный ранее к нему.

— Для производства расчетов,— вмешался Райленд.— Он феноменальный счетчик. Чудо природы.

Генерал уставился на него своими глубоко посаженными глазами.

— Это поможет вам разработать нереактивную тягу?

— Понимаете,— начал Райленд,— я еще не приступил к работе. Сначала мы займемся гипотезой Хойла. Приказ Машины...

— Приказ Машины мне известен,— проворчал генерал. Он задумчиво почесал нос.— Ладно, дайте ему этого человека. Но помните, Райленд. Главное в вашей работе — это нереактивная тяга.

Райленд был удивлен.

— Но, генерал, Машина не указывала на срочность именно этой части.

— Зато я указываю,— громко сказал генерал.— Принимайся за работу, парень. Вперед!

Когда они вышли в коридор, майор Чаттеради поспешил в свой кабинет, а его место заняла общительница.

— Очень приятный человек генерал Флимер, правда? — защебетала она, ведя Райленда обратно к лифту.

Он глубоко вздохнул.

— Вера,— сказал он,— тут что-то не так. Генерал Флимер живет роскошно! И он все берет на себя, даже истолкование приказов Машины. Так всегда бывает при работе с Группой?

Девица-общительница колебалась. Взглянув на Райленда, она почти минуту молчала. Они остановились перед дверью.

— Генерал Флимер очень милый человек,— сказала она наконец.— И он тебе понравится, вот увидишь. И полковник Готтлинг тебе тоже понравится, не сомневайся! — и не добавив больше ни слова, она открыла дверь в кабинет Готтлинга и оставила Райленда одного.

Но полковник Готтлинг, как оказалось при знакомстве, не вызывал чувства симпатии. Это был массивный человек с лицом, напоминающим череп, с рогатым шлемом радара на голове. Он сердито водил пальцем по контрольной кнопке этого радара, пока Райленд докладывал о своем прибытии Машине.

— Быстрее, быстрее,— бормотал полковник. Когда Райленд кончил печатать, он вывел его в коридор и захлопнул дверь.

— Ты будешь следующим,— сказал он, когда они уже шли по коридору.— Лескьюри уже бился с этой тварью, и ничего не вышло. Они не разрешают мне за нее взяться! Теперь это твоя работа.

— Не понимаю,— сказал Райленд.— Какая тварь?

— Пространственник! Рифокрыса! Эта тварь, у которой нереактивная тяга.— Готтлинг развел костистые руки и раздраженно возвел глаза к потолку.— Великий План, что это такое! Что за идиотов они направляют в Группы высшей степени важности? Ты хочешь сказать, что никогда не слышал о рифокрысе?

— Я слышал только само слово,— признался Райленд.— Но вы, кажется, только что сказали «пространственник»?

— Это одно и то же! — Готтлинг остановился и указал на ряд картотечных ящиков.— Вот здесь всё! — гаркнул он.— Всё, что можно узнать о них. Начиная от веса в спокойном состоянии до химического состава той жидкости, что заменяет им кровь. Одного я не могу сказать — как они летают, но я бы и это выснил, если бы мне разрешили взяться за эту тварь как следует!

— Но...

— Болван, оставь свои «но»! — завопил полковник.— Смотри сюда!

Он распахнул дверь. Внутри была большая комната, в свое время ремонтная мастерская, теперь наспех переоборудованная в лабораторию. Комнату делили на отсеки неокрашенные перегородки, по стенам бежала открытая электропроводка. На узких лабораторных столах сгрудились банки с реактивами, стеклянная химическая посуда. В воздухе висел резкий запах химикалий. Тут же стояли трансформаторы, генератор рентгеновских лучей, какие-то массивные устрой-

ства, похожие на центрифуги, и прочее, бог знает еще какое, оборудование для биологических исследований. В лаборатории кипела работа. У столов с приборами работало не менее дюжины мужчин и женщин в алых формах Технокорпуса. Они лишь вскользь глянули на полковника и Райленда, когда те вошли и зарегистрировались у телетайпа, и сразу же ни слова не говоря вернулись к работе. Очевидно оптимистические настроения, свойственные высшим чинам, не распространялись на нижние уровни Группы. Полковник Готтлинг, пришедший в приятное расположение духа, закурил длинную зеленоватую сигарету.

— Теперь все это в вашем распоряжении,— сказал он.— На время.

Райленд взглянул на него.

— Или навсегда,— усмехнулся полковник.— Если вы откроете нам секрет, как пространственнику удается летать. По-моему, ничего у вас не выйдет. Вы слишком мягкотелый человек, Райленд. Воротник вас не закалил. Все же... Может, рассказать вам что-нибудь о пространственнике?

— Да, будьте так любезны,— с нетерпением сказал Райленд.

— Ладно, почему бы и нет? Это существо довольно сообразительное, стоит примерно на уровне низших приматов. Млекопитающее, теплокровное, дышит кислородом... что вы на меня уставились?

Райленд закрыл рот.

— Я просто думал, что он живет в космосе.

— И правильно думали! — загоготал полковник.— Он там и живет! Дышит кислородом и живет в открытом пространстве! Забавно, верно? Но у него есть одно исключительное свойство.

— Какое именно?

Полковнику Готтлингу уже явно наскучил разговор.

— Вам следовало узнать все у Лескьюри. Я занимаюсь двигателями. Ну, во-первых, это нереактивная тяга. Потом еще что-то — какое-то силовое поле, удерживающее небольшое воздушное облако вокруг существа даже в межзвездном вакууме.

— Не могут ли эти два эффекта быть как-то связаны? — задумчиво спросил Райленд.

— Могут ли? Конечно, могут, идиот! Но связаны ли? Я, например, не знаю.— Полковник Готтлинг начал оттаивать. Обращаясь с Райлендом как с ненормальным, он постепенно развеселился и сказал снисходительно: — Конечно, это возможно. Я сам об этом думал. Если рифокрыса способна ускорить свой полет без реактивного взаимодействия, она способна также воздействовать и на молекулы газа. Почем знать? Но... Но давайте посмотрим на пространственника,— вдруг сказал он.— Тогда нам легче будет говорить.

Они покинули лабораторию и через стальную дверь прошли в камеру. В зажимах у стен стояли неуклюжие защит-

ные костюмы и выкрашенное красной краской аварийное оборудование. На внутренней двери шлюза пылало аварийное табло: ОПАСНОСТЬ! ПОСАДОЧНАЯ ШАХТА. ЖДИТЕ ДЕЗАКТИВАЦИИ.

— Сейчас там безопасно,— заверил Готтлинг.— Шахту дезактивировали еще несколько месяцев назад, когда посадили туда пространственника.

Он потянул рычаг. Заворчали моторы. Внутренняя дверь, массивная, обитая листами свинца, отягощенная стальной арматурой и огнеупорным кирпичом, дюйм за дюймом начала отползать в сторону. Словно викинг в своем рогатом радарном шлеме, полковник шагнул в шахту. За ним следовал Райленд. Шахта представляла собой гигантское углубление, круглое в сечении. Прожектора лили потоки света на почерневший бетон пола. Райленд сразу узнал это место. Это была та самая шахта, в которую ему удалось заглянуть на секунду прошлой ночью. Он инстинктивно поднял глаза, опасаясь увидеть голубое небо и опускающуюся ракету, но армированные стены терялись в тумане где-то над головой. Фермы кранов казались призрачными силуэтами. Ни один луч света не проникал сквозь громадные створки, за которыми должно было голубеть небо. Готтлинг тронул его за руку и показал вперед. На почерневшем бетоне стояла клетка размерами с комнату. Внутри клетки светилось зеленоватым светом странное облачко. В центре облачка на голом стальном полу неподвижно лежал...

— Пространственник,— гордо сказал Готтлинг.

Животное явно не раз пыталось вырваться на свободу. Подойдя ближе, Райленд мог видеть, какой яростной была эта борьба. Стальные прутья клетки толщиной превосходили человеческие запястья, но некоторые из них были согнуты. Красная кровь запеклась на них, и она же испятнала золотистый мех пространственника. Тяжело дыша, он лежал на полу из листовой нержавеющей стали.

— Сейчас он лентяйничает, но мы его подстегнем! — хвастливо сказал полковник.

— Погодите, полковник! — взмолился Райленд.— Клянусь небом, вы не...

— Что! — вспыхнул полковник.— Что?! — его палец многозначительно коснулся кнопки управления радаром. Его черепообразное лицо под угрожающими рогами радара дышало ненавистью.— Идиот, ты еще смеешь мне указывать? Может, желаешь, чтобы я расширил радиус поля радара? Одно движение пальца — и от тебя ничего не останется даже на утилизацию и орган-банк.

Райленд отступил, судорожно сглотнув. Невольно его рука коснулась железного воротника, заключавшего восемь граммов мощной взрывчатки.

— Так-то лучше,— рявкнул полковник. Он хлопнул в ладони и позвал: — Сержант! Займитесь делом! Пощекотите его!

Сержант в красной форме технокорпуса подошел к клетке. В руках у него был длинный шест с острым лезвием на конце. Черный провод бежал от лезвия к аккумуляторной коробке на его плече. Пространственник повел своей разбитой головой. Он открыл большие темные, прозрачные глаза, похожие на глаза тюленя, и в них, как показалось Райленду, жил ужас перед болью и страданиями. По гладким бокам зверя пробежала дрожь.

— Пощекочи ему брюхо! — приказал Готтлинг.— Мистер Райленд желает видеть некоторые трюки этой крошки!

Пространственник закричал. Крик его был полон ужаса, словно голос женщины в истерике.

— Не надо! — дрожа выдохнул Райленд.

Полковник заревел от смеха. Из кабаньих его глазок выкатились две слезы и оросили костистые скулы. Наконец, он взял себя в руки.

— Ну, конечно, почему бы и нет,— сказал он.— Ведь теперь ваша очередь. Пойдемте, сержант.— Готтлинг направился к выходу из шахты.

Райленд, опустив глаза, остался стоять у клетки с пространственником. Значит вся эта небывальщина о нереактивной тяге, о которой все здесь старательно разглагольствуют, вовсе не чепуха в конце концов! И никто пока не может понять, что за сила толкает это живое существо в его сверхскоростном полете. Но что-то же несет его сквозь бездны пространства. И это «что-то» как раз и есть тот самый нереактивный сверхмощный двигатель. Райленд поднял глаза и изумленно уставился на пространственника, который расслабленно лежал на дне клетки, не спуская с Райленда своих больших глаз. Нереактивная тяга! Он вдруг показался себе маленьким, потерянным и, несмотря на все усилия Сообщности и Групповой Работы, ужасно одиноким. Нереактивная тяга здесь, в этом существе, переменит облик Солнечной Системы. Получив такой двигатель, область действий Плана Человека расширится до бесконечности Миновав бесполезные ледяные метановые шары планет-гигантов, План шагнет к звездам! Райленд покачал головой, мысли его потеряли ясность. Потому что ему вдруг совсем не захотелось, чтобы План достиг звезд. «Свобода»,— это слово сказал полковник Лескьюри... Свобода! В системе Плана ей как-то не находилось места.

Вдруг ход мыслей Райленда был нарушен. В шахте словно загремел отдаленный раскат грома. Райленд вскочил, ошеломленный пространственник обеспокоенно замяукал в своей клетке. Темноту над головой пронизал луч света. Он поднял голову и увидел, как все шире становится полоска голубого неба. Позади послышались звуки беспорядочной беготни, кто-то вбежал в шахту. Сержант Технокорпуса позвал Райленда:

— Мистер Райленд! Мистер Райленд! Отойдите в сторону! Какой-то ненормальный идет сюда на посадку!

Сержант кинулся к клетке и начал отчаянно крутить болты,

крепившие ее к полу, чтобы оттолкнуть клетку в сторону. В раскрывшиеся створки люка наверху хлынул поток огня, и в шахту скользнула миниатюрная ракета, опускаясь на пламенной подушке.

«Слава богу, это небольшая машина!» — мрачно подумал Райленд. Ракета побольше прикончила бы и пространственника, и сержанта, и его. Но это небольшое гоночное судно могло спокойно опуститься, не испепелив находящихся в шахте. Одноместный кораблик, построенный для прогулок и развлечений, опустился на черный бетон в сотне ярдов от них, и волна зноя не причинила им вреда. Сквозь отверстия вентиляторов в полу в шахту ворвался внезапный вихрь, выметая дым от посадки ракеты. Опустилась рамка трапа. Стройная девушка в белом комбинезоне легко сбежала на пол, странно знакомые птицы вились над ее головой. Внезапно Райленд словно проснулся.

— Стойте! — крикнул он.— Не подходите к клетке!

Но она не обратила на него внимания. Несколькими прыжками Райленд достиг незнакомки, схватил за руку, рывком развернул и... застыл от удивления.

— Убери свои руки, оп! — Это была девушка, та самая! Глаза ее, серо-голубые, были очень знакомыми, голос ее, хотя и полный негодования, был тоже ему знаком.

Она махнула рукой, и голуби Мира отлетели в сторону.

— Что это значит? — потребовала она ответа.

Райленд судорожно глотнул воздух. Это была дочь Планирующего, Донна Криири.

— Я...— начал он.— Я... я не знал, что это вы! Но что вам здесь нужно?

— Нужно? — глаза цвета океанской воды сверкали.— Я хочу знать, что вы здесь затеяли... что вы здесь делаете и зачем мучаете моего пространственника?!

Девушка зло смотрела на Райленда. Это был другой человек. В ней невозможно было узнать красавицу из круглой ванны. Та Донна была еще совсем юной, излучала застенчивость и невинность. Сейчас перед ним было некто иной. Это была дочь Планирующего. От ребенка не осталось и следа. Райленд глубоко вздохнул. Кем бы ни была девушка, она стояла на его пути. Единственный способ избавить шею от железного кольца был тесно связан с животным в клетке

— Уходите, мисс Криири,— резко сказал он.— Пространственник умирает. Его нельзя беспокоить.

— Что?! — Голуби Мира, успокоившиеся на ее плечах, заволновались и тревожно заворковали.

— Вам туда нельзя! — упрямо повторил Райленд.— Пожалуйста, уходите!

Она шагнула к Райленду. Потом резко повернула к клетке

— Погоди, маленькая,— прошептала она золотистому существу.— Не бойся, Донна с тобой.— Пространственник поднял голову и смотрел на нее большими прозрачными глазами.

— Мисс Криири,— крикнул Райленд.— Я просил вас уйти.

Она даже не повернула головы.

— Хорошая, хорошая,— ворковала она, словно ребенок, успокаивающий щенка.— Где эта гадкая дверь?

Райленд разозлился.

— Туда нельзя! — Он опять схватил ее за руку. С таким же успехом он мог ловить тигра за хвост: так быстро, что он не успел среагировать, она раскрытой ладонью хлестнула Райленда по лицу. Он отшатнулся, а когда пришел в себя, дочь Планирующего уже нашла задвижку и проникла внутрь клетки. Пространственник пополз ей навстречу, переваливаясь с боку на бок, как морской котик.

Райленд попал в труднейшее положение. Если что-то случится с девушкой, то, без сомнения, отвечать придется ему. Готтлинг об этом уж позаботится. И тогда прощай мечта о свободе. Скорее всего ему придется попрощаться с головой. Райленд зло выругался. Голуби Мира пронзительно пискнули и закружились над ним. Он оглянулся вокруг, нашел обрывок тяжелой цепи на полу сразу же за дверью клетки. Бог знает, чем она служила, хотя характерные пятна на металле говорили о ее назначении. Он поднял цепь и вошел в клетку вслед за девушкой.

— Стой,— спокойно сказала она.— Или я напущу на тебя Голубей.

— Тогда выходите отсюда! — потребовал он.

Пол клетки был покрыт какой-то вонючей слизью. Это были разлагающиеся крохотные существа, которых Райленд видел впервые. Видимо, занесли на Землю крошечных животных вместе с пространственником. Неприятный запах был сильным, от него начинало тошнить, но Райленд не обращал на это внимания. Если его выдерживает девушка, это изнеженное существо, привыкшее к ароматам сирени, то и он выдержит! Девушка склонилась над животным, ласково поглаживая золотистый мех.

— Брось цепь,— приказала она, не оборачиваясь.— Она тебя боится.

Сначала пространственник вздрогнул и уклонился от прикосновения руки. Потом успокоился. Длинный черный язык лизнул щеку девушки. Клетку вдруг наполнило низкое рокотание, словно мурлыканье гигантской кошки. Снаружи послышался шум. К клетке со всех ног несся полковник Готтлинг, наклонив голову с рогами антенны, ярость сверкала в его глубоко посаженных глазах на череповидном лице. За ним следовало человек двенадцать в красных формах Технокорпуса.

— Убирайтесь отсюда, болван! — заревел он, махнув в сторону Райленда электрическим щупом.

Пространственник увидел полковника, и громкое мурлыкание оборвалось. Существо начало дрожать.

— Стойте! — крикнул Райленд.— Вы пугаете пространственника! Он может напасть на мисс Криири!

Но Донне Криири его помощь в данный момент не требовалась. Опустившись на колени прямо в кровянистую слизь рядом с пространственником, она подняла взгляд от разбитой, в пятнах запекшейся крови головы, и глаза ее блестели, словно у ястреба.

— Полковник Готтлинг,— сказала она, и голос ее был пронзителен, как лезвие ножа.— Я должна поговорить с вами!

Полковник замер, но отступать Готтлинг не собирался.

— Вы должны выйти из клетки, мисс Криири! Это опасное животное. Дюжина людей уже получила травмы и ранения!

— А что эти люди делали с ним? — Девушка погладила зверя. Большие зеленые мухи с жужжанием кружились в облачке света, окутывавшем раненого пространственника, подбираясь к ранам на боках.— Какая здесь грязь,— сказала Донна.— Наведите порядок!

Она встала и жестом указала Райленду на выход из клетки.

— Пусть соберется вся группа,— холодно приказала она, закрывая за собой дверь.— И сейчас же! А пока, Готтлинг, пусть ваши люди вычистят клетку. И если я увижу кого-то с электрическим щупом, то он узнает его действие на себе!

Готтлинг побагровел. Напряженным голосом он сказал:

— Это больше не моя обязанность, мисс Криири. Теперь этим занимается мистер Райленд.

— Я возвращаю вас на старое место,— сказала девушка.— Для мистера Райленда найдется другое дело.

Пораженный Райленд запротестовал:

— Но приказ? Машины...

— О Машине я сама позабочусь,— спокойно сказала она.— Принимайтесь за уборку, эй, там! Пространственнику необходимы его симбиотические сожители, а они быстро умирают.— Она повернулась к двери.— Теперь пойдем на собрание, нужно решить несколько вопросов.

Они поспешили в пункт Зеленый Полукруг. Сотрудники Группы уже собрались. Донна Криири председательствовала на собрании. Что-то застенчиво лепетал майор Чаттеради, а генерал Флимер произнес полдюжины речей о пользе Групповой Работы Сообща. Полковник Готтлинг был в холодном бешенстве, а полковник Лескьюри пытался возражать.

— Если животное умрет,— яростно сказала Донна,— то вы отправитесь вслед за ним. У меня есть для вас новости. В орган-банке образовалась нехватка утилизированного материала.— Она оценивающе обвела взглядом присутствующих.— Кое-кто из вас очень хорошо справится с ролью запасных частей. Я понятно говорю?

— Вполне понятно,— свирепо подтвердил генерал Флимер.— Но, мисс Криири, цель нашей группы...

— Помолчите-ка,— продолжала она.— Да, что там?

С величайшим уважением в голосе оператор-майор Чаттеради сказал:

— Для вас сообщение на телетайпе.

— Это подождет. Начиная с этого момента, за Группу отвечает мистер Райленд.

Пораженный генерал Флимер прошипел:

— Мисс Криири, но опасник не может...

— Нет, опасник может,— отрезала Донна Криири.— Ну, хорошо, я вам сейчас выдам приказ.— Она прошла к телетайпу, спокойно нажала клавишу «Сбой» и начала печатать. Через секунду машина прострекотала ответ:

ДЕЙСТВИЯ: «Группа Флимера подчиняется указаниям Донны Криири».

— Вас что-нибудь еще беспокоит? — спросила она.

— Ничего! — гаркнул генерал Флимер. Его жабьи глаза казались еще более выпученными.

— Отлично. Все остальные могут разойтись. Райленд, я хочу с вами побеседовать.

Перешептываясь, сотрудники Группы потянулись к выходу из конференц-зала. Донна Криири зевнула, Голуби Мира заволновались и заворковали.

— Вот так-то лучше,— сказала она.— Что там такое?

Райленд кашлянул.

— Кажется, это сообщение для вас, мисс Криири.

— Опять,— вздохнула она. Небрежно положив руку на его плечо, она встала рядом у телетайпа.

ИНФОРМАЦИЯ: «Планирующий Криири находится в пути из Момбасы в Кейптаун».

ИНФОРМАЦИЯ: «Личная ракета Донны Криири заправлена и готова к взлету».

ИНФОРМАЦИЯ: «Лондонское филармоническое общество подтверждает подачу инструкций для открытия сезона».

ДЕЙСТВИЯ: «Укажите исполнителей концерта Бетховена на фортепиано».

ИНФОРМАЦИЯ: «Лунная колония Альфа-6 просит Донну Криири присутствовать на праздновании 25-й годовщины».

ИНФОРМАЦИЯ: .....

— Рутина,— рассеянно сказала девушка.— Все это не к спеху.— Она посмотрела по сторонам.— Ужасно мрачное место. У вас здесь есть своя комната? Пойдемте туда.— Она не стала ждать ответа Райленда.

Он не удивился, обнаружив, что Донна знает расположение помещений в Центре. Похоже, этой девушке известно все. Но события выходили из-под контроля. Донна давала приказы целой исследовательской группе. Это явно было не ее дело. Всем известно, что в системе Плана Человека приказы отдает Машина. Люди же — даже дочери Планирующего — должны исполнять свою работу (наилучшим образом), и только свою. Такова была логика планирования, логика Плана Человека. В замешательстве он стоял у двери, размышляя над тем, что он скажет девушке. С интересом разглядывая обстановку, она ходила по комнате. Райленд вошел следом, оставив дверь приоткрытой.

— О, прикройте ее,— нетерпеливо сказала девушка.— Разве мои Голуби Мира не охраняют меня достаточно надежно? — Увидев выражение его лица, она засмеялась, плюх-

нулась на его койку и растянулась во весь рост, закурив сигарету. Изгнанные с привычного места, металлические голуби заворковали, жалуясь, и уселись на передней железной спинке койки.

Райленд закрыл дверь. Он кивнул в сторону телетайпа:

— Вы не хотите зарегистрироваться?

— Машина меня найдет,— весело сказала Донна Криири.— Вот посмотрите.

И в самом деле, едва успела она это произнести, как литеры телетайпа принялись щелкать:

ИНФОРМАЦИЯ: «Планирующий Совет просит Донну Криири назначить ежегодные премии Плана».

ИНФОРМАЦИЯ: «Журнал «Лайф» просит разрешения использовать фотографию Донны Криири для обложки номера «Женщина года».

ИНФОРМАЦИЯ: .....

— Кто-нибудь всегда оказывает мне услугу и сообщает Машине, куда я отправляюсь,— уже без улыбки сказала Райленду девушка.— И даже если нет... Машина всегда способна угадать, где я могу быть. Она уже успела меня хорошо изучить.

Она так говорит, с интересом заметил про себя Райленд, словно Машина — ее старый приятель. Но девушка, перебив его мысли, внезапно сказала:

— Ты тоже не слишком хорош, Стив, но получше этих остальных. Ты сохранишь моего пространственника?

— Вашего пространственника?

Она засмеялась.

— Да, моего, потому что я его люблю. Все, что я люблю,— мое, такое у меня правило,— и она добавила серьезно: — Но я еще не решила, как относиться к тебе.

Холодок коснулся затылка Райленда.

— У меня есть обязанности, мисс Криири,— сказал он.— И я намерен исполнить их! Я надеюсь облегчить жизнь пространственнику, но если будет необходимость... Вы хорошо видите вот это? — Он показал на свой железный воротник.— Я хочу его снять! Если мне для этого нужно будет прикончить миллион пространственников, я так и сделаю!

— Готтлингу вы говорили другое,— заметила девушка.

— Откуда вы знаете, что я говорил ему?

— О, я много чего знаю. Почему бы и нет? Машина вездесуща, а мой отец — практически часть Машины. И кроме того, мне нравится Машина, а все, что мне нравится...— Она грациозно пожала плечами.

Райленд напряженно смотрел на девушку. Она явно его дразнит. Иначе быть не может. Это совсем не смешная шутка.

— Мисс Криири, мне не нравятся ваши разговоры о Машине,— сдержанно заметил Райленд.— Я верю в План Человека.

— Ужасно мило с вашей стороны,— с восхищением сказала она.

— Черт бы вас побрал! — вскричал Райленд, не сдержавшись.— Хватит делать из меня клоуна! Плану Человека необходим нереактивный двигатель, понимаете вы это. Если дело потребует жертвы, мы принесем в жертву пространственника.

Девушка встала с койки, вплотную подошла к Райленду. Лицо ее было спокойным и дружелюбным. Секунду она смотрела на опасника.

— Ты все еще любишь эту девушку? — неожиданно спросила она.

Вопрос застал Райленда врасплох.

— Какую... какую девушку?

— Анджелу Цвиг,— терпеливо пояснила Донна.— Дочь Стефана Цвига. Блондинка, двадцать лет, рост пять футов четыре дюйма с четвертью, зеленые глаза. Однажды вечером была назначена твоим телетайпистом и в тот же вечер заставила тебя поцеловать ее. Ту, что донесла на тебя. Ты все еще любишь ее?

Глаза Райленда расширились от удивления.

— Я знал, что у вас особые источники информации, но...— выдавил он,— но в самом деле я не подозревал...

— Отвечай на вопрос,— нетерпеливо потребовала она.

Райленд глубоко вздохнул и задумался.

— Не знаю,— сказал он наконец.— Наверное, да.

Донна Криири кивнула.

— Я так и думала,— сказала она.— Хорошо, Стив. Просто я думала... но нет, ничего не выйдет, правда ведь? Но я восхищена силой твоего духа.

Райленд снова глубоко вздохнул. У этой девушки был просто талант приводить людей в замешательство. Он решил, что ему не по силам соревноваться с ней, и единственная возможность сохранить свое лицо — это оставаться самим собой. Поэтому он сказал сдержанно:

— Никакой силы духа не требуется, если речь идет о Плане Человека. Плану нужен секрет нереактивной тяги — и такова моя функция в Плане. Это все.

Она кивнула и снова села на его кровать. Голуби Мира устроились у нее на плечах.

— Скажи мне, Стив, ты знаешь, почему Плану Человека требуется эта информация?

— Почему... нет, я точно не знаю. Я предполагаю...

— Без предположений. Она нужна для освоения Рифов Космоса. Ты знаешь, кого ищет План среди Рифов?

— Нет, не могу знать.

— Ему нужен Рон Дондерево, Стив.

— Рон? — он нахмурился.

— Человек, который сумел снять железный воротник, Стив,— сказала девушка, утвердительно кивая.— Тот человек, которого ты мог не без пользы встретить опять. Оснащенное всеми видами ловушек, защищенное от любых попыток снять или разрушить его, это железное кольцо никто не спо-

собен снять со своей шеи, пока Машина не даст на то разрешения, а он его ухитрился снять. Машина очень хочет поговорить на эту тему с Дондерево. Очень.

Райленд напряженно смотрел на девушку. Она кивнула.

— Дондерево сейчас там, в Рифах,— сказала она.— И Машина должна что-то сделать. Может, она просто уничтожит Рифы. Я знаю, над подобным проектом ведутся работы. Но если это не удастся, она пошлет кого-нибудь туда, чтобы найти Дондерево. Она пошлет человека с радарной винтовкой, Стив! Чтобы убить Дондерево! И вот почему Машине нужен секрет нереактивной тяги.

Новое положение Райленда как руководителя Групповой Атаки не заставило тем не менее его коллег проникнуться к нему симпатией. Но это его не заботило. Стива полностью поглотила работа. Чудо-Опорто весьма ему пригодился. Дар молниеносно вычислять, которым он обладал, сберегал Райленду массу времени. Опорто не превосходил по скорости подсчета компьютер, но у него было значительное преимущество перед этими машинами, работающими на двоичном коде — отпадала необходимость кодировать и декодировать задания. К тому же расчетов требовалось не так уж много. Проблема была действительно крепким орешком, Райленд не видел ни малейшей зацепки, с которой можно было бы начать приближаться к решению. Опорто доказал свою полезность и в другом отношении. У него был тонкий нюх на новости и сплетни, и он держал Райленда в курсе всех происшествий внутри Группы.

— Флимер в дурном настроении,— сообщил он как-то.— Заперся в своей норе, никуда не выходит.

— Понятно,— рассеянно ответил Райленд.— Слушай, куда подевались «физические константы для уравнений равновесных состояний»?

— Они под индексом 603.811,— терпеливо сказал Опорто.— Ходят слухи, что Флимер затеял спор с Машиной. Сообщения идут в обе стороны, туда и обратно, без передышки.

— Что? — Райленд уставился на коротышку, мгновенно забыв о библиотечном заказе на книгу, который он торопливо выписывал.— С Машиной никто не может спорить!

Опорто пожал плечами.

— Тогда не знаю, как это называется.

— Генерал Флимер подает рапорты,— твердо сказал Райленд. Он помахал Вере, скучающей в углу. Общительница охотно подошла к нему, увидела записку, поскучнела, пожала плечами и отправилась за книгой.

— Само собой,— сказал Опорто.— Слушай, ты что-нибудь получал от Донны Криири?

Райленд покачал головой.

— Я слышал, она сейчас в Порт-Канаверал.

— Это ее дело,— отрезал Райленд.— Не сомневаюсь, что у дочери Планирующего множество причин отправиться в космос.

— И я не сомневаюсь,— согласился Опорто,— но...

— Но ты можешь заниматься собственным делом,— сказал Райленд, прекращая дискуссию. Вера принесла книгу. Райленд проверил несколько цифр и подал лист с расчетами Опорто.

— Вот, надо решить кое-что. Чтобы ты не скучал,— сказал он. Райленд встал, рассеянно оглядев комнату. Это была А-секция, занятая теорией Хойла. Здесь трудилась целая подгруппа. И все равно, подумал он, это пустая трата времени.

— Запросто,— жизнерадостно сказал Опорто, занявшись уравнениями. Через несколько секунд Райленд получил листок с готовыми решениями, просмотрел его и положил на рабочий стол одного из помощников. Задачи были рутинными, он мог поручить их другим. Вот почему все было напрасной тратой времени. Все основные проблемы уже рассмотрены, остались чисто математические расчеты. Потом он сможет ответить на вопрос Машины. Практически он уже знал, что может ответить на вопрос и сейчас. При каких условиях возможен рост количества водорода в пространстве? Это просто. Люди не могут повлиять на процессы, формирующие звезды. Но не говорил ли такой вопрос об... отчаянии Машины? Если можно вообще использовать такое слово относительно Машины, не было ли это показателем срочности, если она задает такой вопрос?

— Пойдем, Опорто,— чувствуя тревогу от таких мыслей, сказал Райленд.— Посмотрим на пространственника.

Животное находилось в секции В, и дела там шли из рук вон плохо. Нереактивная тяга! Создать такой двигатель было невозможно, вот и все. Если бы Райленд не имел перед собой пространственника, он мог бы поклясться, что Ньютон был безусловно прав. На каждое действие, как вывел Ньютон несколько столетий назад, имеется противодействие, равное по силе и противоположное по направлению. Этот закон движения распространяется на любое существо, передвигающееся по поверхности Земли. Реснички мельчайшего одноклеточного в пруду и то перемещают это микроскопическое существо, отбрасывая назад пропорциональную массу воды. То же самое делает пропеллер в воздухе или винт корабля в море и в реке. Реактивная отдача толкает вперед ракеты — масса выброшенных дюзами раскаленных молекул летит в одну сторону, масса корпуса корабля — в другую. Действие и противодействие! Легко изобразить закон в виде уравнения: масса, умноженная на ускорение-прим. Трудно усомниться в верности такого уравнения. И все же оно не было верным, экспериментальное подтверждение, представленное испуганным животным из открытого космоса, опровергло правоту Ньютона. Это существо способно было висеть в воздухе, ни от чего не отталкиваясь и ничего от себя не отталкивая, и тем самым представляло глупцом величайшего гения, какого знала история человечества. Пространственник не выказывал реактивного взаимодействия вообще. Что бы ни было то, что позво-

ляло ему свободно парить в воздухе (назовем это фактором X), оно не вызывало возмущения воздушной среды, не раскачивало чувствительные маятники вокруг существа, не регистрировалось на фотоэмульсии, не взаимодействовало с заряженным электроскопом, магнитной стрелкой, не генерировало электрических, магнитных и электронных полей, поддающихся измерению, не увеличивало вес клетки, когда ее взвешивали вместе с парящим пространственником, не возбуждало слышимого звука, не оказывало влияния на основной метаболизм самого животного и не оставляло заметного следа в пузырьковой камере для регистрации элементарных частиц. С другой стороны, фактор X проявлял себя в немногих вещах. Он оказывал влияние на работу мозга пространственника — имелись определенные изменения в его энцефалограмме в момент парения. Он же, похоже, возбуждал тревогу у других млекопитающих. Это случайно было замечено, когда кот забрел в ракетную шахту с клеткой. Как только пространственник взлетел, кот молнией выскочил из шахты, выгнув спину дугой, шерсть его стояла дыбом, глаза горели. Кроме того, он давал нереактивную тягу. Чем бы ни был фактор X, он поднимал пространственника со дна клетки. Однажды пространственника даже замотали в цепи весом более шести сотен фунтов. Словно развлекаясь, существо взлетело с цепями так же легко, как и без них, и парило около часа, мурлыкая про себя. Неразрешимая загадка могла хоть кого свести с ума. И все же, думал Райленд, пусть это небольшое утешение, но самому пространственнику стало в последнее время лучше. Раны его затягивались. Маленькие существа-симбиоты сумели частично выжить. И пространственник казался сейчас более энергичным и подвижным. Донна Криири будет довольна. Но больше, кажется, никто не был доволен Райлендом. Генерал Флимер большую часть времени проводил в своих апартаментах и выбирался только для того, чтобы отпускать ядовитые замечания и путаться под ногами. Другие высшие офицеры Группы не могли ретироваться по примеру Флимера, потому что имели непосредственные обязанности, но они постарались в полной мере выразить Райленду свою неприязнь. Дружелюбно держался лишь майор Чаттеради, что было его второй природой. Он каждый час являлся с рапортом. И не доставлял никаких хлопот. Если Райленд был занят, майор незаметно ждал у него за спиной. Если Райленд был свободен, майор задавал минимум вопросов и уходил. Райленд был совершенно уверен, что все сведения поступали сначала в Машину, потом — генералу Флимеру, но он не видел причины, по которой следовало бы вмешиваться в процесс передачи. И не видел причин надеяться на удачу, если бы он решил попробовать помешать. Он был занят. Однажды Опорто сказал ему:

— Слушай, тут что-то про твою подружку.

Моргая, Райленд оторвался от бумаг.

— О ком? — Он действительно не мог сразу сообразить,

потом вспомнил предыдущие замечания Опорто.— Ты говоришь о мисс Криири?

— Ну да, мисс Криири,— коротышка ухмыльнулся.— Она отправилась на Луну. Вместе с папочкой.

— Прекрасно,— сказал Райленд. Он следил за тем, чтобы голос не выдавал его, и одновременно думал, что неизвестно, кого он хочет обмануть. Как бы старательно ни скрывал он свой интерес от Опорто, он не мог скрыть его от себя самого. Что-то его волновало, когда упоминали имя Донны Криири. Опорто лениво облокотился на стол Райленда.

— Ну, не знаю, так ли это прекрасно, Стив,— обеспокоенно сказал он.— Может, им стоило остаться дома и присмотреть за делами. Ты слышал о катастрофе в парижском туннеле субпоезда?

— О чем? — Райленд устало положил в сторону пачку докладов и посмотрел на товарища. Глаза жгло. Он потер их, подумав, что ему необходимо выспаться. Но не стоит, решил он, ведь восемь часов он уже проспал за прошедшие двое суток. В любом случае у него не было времени. Поэтому он отбросил в сторону эту мысль и спросил:

— Черт побери, о чем речь, Опорто?

— О том, что я сказал,— ответил коротышка.— Парижский субпоезд в Финляндию попал в катастрофу. Пропало без вести больше сотни человек, то есть погибли, ясное дело. Если туннель проваливается на глубине сотни миль, то ясно, что это за «пропали».

Райленд был поражен.

— Но этого не может быть! — сказал он.— Я ведь знаю расчеты этих туннелей. Они могут обвалиться, верно, но не сразу. По крайней мере часа за три до аварии начнется ослабление кольцевого поля. И всегда можно успеть задержать поезд.

Опорто пожал плечами.

— Сто погибших человек были бы рады это услышать, Стив,— сказал он.

Секунду Райленд молчал.

— Может быть, ты и прав,— сказал он устало.— Вероятно, Планирующему следовало бы лично следить за подобными вещами... А, здравствуйте, майор.

В комнату, улыбаясь и дружелюбно поглядывая сквозь стекла очков, вошел майор Чаттеради.

— Я подумал, нет ли у вас новостей, мистер Райленд.

Пока Райленд перебирал бумаги на столе, Опорто сообщил:

— А мы как раз говорили о катастрофе в туннеле под Парижем, майор.

Карие глаза Чаттеради сделались непроницаемыми. Повисла неловкая тишина. Райленд вдруг понял, что майор Чаттеради очень интересуется аварией между Парижем и Финляндией. Странно, подумал он, какое он имеет к ней отношение? Но Райленд слишком устал, чтобы развивать мысль дальше.

Он нашел нужный листок и протянул заявку майору. Чаттеради просмотрел бумагу, сначала мельком, потом более внимательно. Его подстриженные ежиком волосы, казалось, встали дыбом.

— Но, мой дорогой Райленд! — запротестовал он.— Это оборудование...

— Я сверился с Машиной,— упрямо сказал Райленд.— Вот.— Он показал майору Чаттеради на телетайп.

ДЕЙСТВИЯ: «Запрос одобрен».

ДЕЙСТВИЯ: «Связаться с майором Чаттеради».

ИНФОРМАЦИЯ: «Источник энергии пункта Черный круг не удовлетворяет запросу».

— Но, мой дорогой Райленд! — На лице майора возникло мученическое выражение.— Дело не только в источнике энергии. Примите во внимание и другие соображения!

— Все, что требуется Плану, План должен получить,— процитировал Райленд, чувствуя, как улучшается настроение.

— Конечно, конечно. Но...— майор изучил листок еще раз.— У нас сейчас и без того электронного оборудования хватит на университетскую лабораторию,— простонал он.— И вы просите еще. Часть из этих устройств небезопасна. Вы понимаете, что после инцидента, о котором упоминал мистер Опорто, мы не можем позволить себе рисковать.

— А какое это имеет отношение к работе Группы? — уставился на него Райленд.

— План не терпит случайных аварий! — сердито сказал майор.— Указанное вами оборудование создает угрозу радиоактивного облучения, кроме всего прочего, а в пунктах Черный Круг, Серый Треугольник, Зеленый Полукруг и Серебряный Квадрат трудятся восемь тысяч человек. Мы не можем рисковать их безопасностью.

Райленд многозначительно постучал по телетайпу.

— Ох,— вздохнул майор.— Если Машина одобряет...— Он задумался на мгновение, потом повеселел.— Придумал! Нужна ракета на орбите!

Райленд не сразу понял его.

— Что?

— Нужно вывести на орбиту ракету, поместить в нее все оборудование,— горячо объяснил Чаттеради.— Почему бы и нет? Все будет управляться на расстоянии. Ракету я могу вам сразу выделить, мистер Райленд! И можете заполнять ее любым, самым опасным оборудованием. Какое нам дело до какого-нибудь заблудшего пространственника, а? — Он подмигнул и захихикал.

— Ладно,— еще обдумывая предложение, сказал Райленд.— Можно сделать и так.

— Конечно, можно! Мы устроим телевизионный связной контур с дистанционным управлением. Вы себе работаете в лаборатории, а оборудование летает в космосе. Устраивайте любые эксперименты. И если,— он расцвел улыбкой,— вы устроите взрыв, то повредите только ракету, а не нас всех.—

И он выскочил из комнаты. Поразительно, но План Человека действительно творил чудеса. Ракета была оборудована и запущена за сорок восемь часов. Райленд ни разу ее не видел. Он управлял приборами на ее борту через телевизионный экран дистанционного монитора, проверил их, дал свое одобрение и на катодном экране наблюдал за тем, как огнехвостная птица выпрыгнула в небо со своей пусковой установки. Он сразу же принялся за работу. Единственное, что он успел установить относительно пространственника и того, что Планирующий назвал «нереактивной тягой», это была ее нерегистрируемость. И это было уже кое-что. Исследования группы Райленда открыли также ядерную реакцию, дающую меньше энергии, чем уходило на нее, а так как энергия пропасть не может, это могло быть реальным подтверждением того, что недостающую энергию просто нельзя зарегистрировать. Так же, как и энергию пространственника... Райленд был намерен смоделировать ядерные реакции, имеющие отношение к проблеме. Но однажды утром девица-общительница разбудила Райленда неожиданной новостью.

— Проснись и пой, Стив! — прощебетала она, внося завтрак.— Угадай, что я сейчас скажу! Генерал Флимер будет сегодня присутствовать на собрании Группы.

Стив поднялся.

— Это большая честь,— хрипло сказал он. Общительница была, как всегда, свежая, привлекательная, сияющая молодостью, хотя полночи неутомимо исполняла поручения Райленда.— Разве ты никогда не устаешь? — спросил он.

— Нет, нет, Стив! Завтракай! — Она присела на край стула, глядя на Стива, потом сказала серьезно: — Мы здесь не для того, чтобы отдыхать. У нас есть работа! Мы — общительницы, мы соединяющие провода, скрепляющие цельность Плана.

Он уставился на нее, но она говорила совершенно серьезно.

— Да, да,— кивнула она,— План Человека так же нуждается в нас, как в транзисторах, сопротивлениях и конденсаторах — это ты и прочие птицы высокого полета. Не забывай, Стив: «Каждому — его дело, и только его дело».

— Не забуду,— пообещал он и вяло выпил свой лимонный сок. Но у девицы что-то было на уме, он чувствовал это. Она ждала возможности заговорить с ним.

— Ну? Что случилось?

Она казалась смущенной:

— Просто, ну, понимаешь, Стив... девушки спрашивают... Они хотели бы узнать...

— Ради бога. В чем дело?

— Мы просто подумали,— сказала она,— правда ли, что наша Группа связана с этими авариями в туннелях?

Райленд моргнул и протер глаза. Но от этого ничего не изменилось, девушка по-прежнему сидела на стуле, выражение лица у нее было слегка смущенное, слегка извиняющееся.

— Аварии? Вера, о чем ты говоришь?

— О туннеле на линии Париж—Финляндия,— повторила она.— Взрыв на энергостанции в Бомбее. Катастрофа грузового самолета в Неваде. Ты понимаешь ведь, о чем речь.

— Нет, не понимаю. О половине этих случаев я вообще не слышал. Опорто начал, видимо, бить баклуши.

— Есть и другие, Стив. И девушки говорят...— Она сделала паузу.— Я только волновалась, вдруг это правда. Они говорят, что аварии вызывает работа нашей Группы. Они даже сказали, что ты, Стив...

— Что я?

— О, я понимаю, это нелепость. Генерал Флимер сказал, во всяком случае, что вряд ли это правда — будто ты связан с этими авариями. Но они говорили, что ты конструировал для субпоездов...

— Они говорят чушь! — вспылил Райленд.— Извини, я буду одеваться.

Он не мог не думать об услышанном. Что за нелепость. И как только возникают подобные слухи? Дневное собрание Группы и вправду почтил своим присутствием генерал Флимер. Хмурясь, Райленд задумчиво посмотрел на него, потом вспомнил глупые слухи, о которых узнал утром.

— Прежде, чем мы начнем,— требовательно сказал он,— скажите мне, слышал ли кто-нибудь о том, что наша работа вызывает аварии? — Он посмотрел на людей, глаза которых ничего не выражали. Потом руководитель компьютерной секции кашлянул и сказал нерешительно:

— В общем, есть такие разговоры, мистер Райленд.

— Какие именно?

Компьютерщик пожал плечами.

— Так, разговоры. Один из кодировщиков слышал от двоюродного брата, а тот слышал от кого-то еще. Вы знаете, как это бывает. Суть их в том, что якобы наша работа здесь расстраивает контуры радиоконтроля — бог знает, как это может быть.

— Какая ерунда! — взорвался Стив.— Что они хотят этим сказать, черт бы их побрал? — Он сдержал себя. Ведь электронщик ни в чем не виноват, в конце концов.— Ладно,— сказал он.— Если кто-нибудь услышит разговоры подобного рода, пусть доложит мне!

Головы кивнули в знак согласия. Головы всех присутствующих, кроме генерала Флимера. Генерал каркнул раздраженно:

— Райленд! Мы пришли сюда разводить сплетни или наметить задание для Группы на сегодня?

Райленд погасил злость. Несмотря на то, что Донна Криири поставила его во главе Группы, звание генерала заставляло не связываться с ним зря.

— Хорошо,— сказал Райленд.— Приступим к делу.— Потом он повеселел.— Я видел ваш доклад, Лескьюри. Желаете сделать сообщение?

Полковник Лескьюри прокашлялся.

— По предложению мистера Райленда,— сказал он ки-

вая,— мы провели серию новых исследований пространственника с помощью рентгеновских лучей. Используя метод тенеграммы его внутренних органов и способ дистанционной хроматографии при обработке данных, мне удалось обнаружить некую кристаллическую массу, концентрирующуюся на пересечении основных нервных каналов животного. Примерно то же самое предвидел мистер Райленд.

— И что это означает? — хриплым голосом спросил Флимер.

— Это означает, что мы двигаемся вперед,— с готовностью ответил Райленд.— У пространственника должно было иметься какое-то образование, управляющее нереактивной тягой. После вчерашней обработки данных на компьютере и расчетов, подготовленных Опорто, я попросил полковника Лескьюри провести опыты. Он выполнил просьбу в неурочное время, как видите. Это означает,— продолжал он, словно читая лекцию,— что мы нашли то место, где генерируется нереактивная тяга животного. И еще одну вещь мы узнали после вчерашних расчетов: вероятность электромагнитной или гравитационной природы этой силы равна нулю. Вот мой доклад, готовый к передаче в Машину.

Генерал Флимер, глядя на Райленда, медленно кивнул. Помолчав, он спросил:

— И это объясняет то, что произошло в рудничных колониях Антарктиды?

— Я не понимаю...— озадаченно начал Райленд.

— Не понимаете? Я имею в виду взрыв реактора, случившийся прошлой ночью и уничтоживший все рудники с большим убытком для Плана Человека. То же самое вызвало катастрофу с реактором и все остальные аварии, мистер Райленд. То самое кольцевое поле, которое вы помогли создавать.

— Конструкция здесь ни при чем,— отчаянно запротестовал Райленд.— Если и произошли аварии, то причиной должна быть механическая поломка, или ошибка человека, или намеренный саботаж...

— Вот именно!

— Как я могу отвечать за аварию в Антарктиде, или в сотне миль под землей, или где-то в космосе, дальше Луны?

— Именно это и захочет узнать Машина.

— Возможно, это чистое совпадение,— Райленд лихорадочно искал причину.— Аварии и раньше случались целыми сериями...

— Когда именно?

— Я не помню. Я ... не могу сейчас припомнить.

Он запнулся и судорожно вздохнул. Туманная пелена, скрывающая его прошлое, стала еще гуще. Все, кроме научных фактов и воспоминаний о работе, превратилось в ничто, в вихрь, который унесся в небытие. Уже наедине с собой, в своей комнате, он снова попытался разрешить загадку трех пропущенных дней в его прошлом. Что подозревали тераписты? Что он мог сделать за это время? Почему они считали, будто он получил сообщение

из рук Дана Хоррока и знал о пироподах, фузоритах или о том, как создать нереактивный двигатель. Кое-что он понял из рассказа Лескьюри, но ясности эти детали не прибавили. Хоррок покинул борт «Кристобаля Колона» с описанием и образцами животных из Рифов Космоса. Неужели Машина подозревала, что он связался с Райлендом, прежде чем его поймали и отправили в орган-банк? Райленд пытался решить эту головоломку, но не видел и намека на разгадку. Как рассказала Донна Криири, между стуком в его дверь и появлением полиции Плана действительно прошло три дня. Но неужели тогда к нему стучал Хоррок? Если так, что стерло воспоминания? Он смотрел на стену перед собой и пытался проникнуть сквозь серый туман в сознании. Он попытался припомнить Хоррока, на котором, наверное, еще была форма, но она была испачкана, забрызгана кровью, ведь он был ранен, тяжело дышал от усталости, от напряжения побега и тащил с собой черный полотняный полётный саквояж, в котором хранились украденные записи и образцы... Эта картина стала почти реальной. Или это была только игра воображения? Принес ли ему Хоррок какую-то информацию, необходимую для создания нереактивного двигателя? Он не мог вспомнить. Наконец, он погрузился в беспокойный сон, в кошмар, где он и Хоррок спасались бегством от полиции Плана. На следующее утро Райленд первым делом пошел к клетке пространственника в ракетной шахте и замер на месте, охваченный испугом. Истекая кровью, пространственник неподвижно лежал на дне клетки. Райленд бросился к дверце и вошел в клетку. Существо не испугалось — оно успело к нему привыкнуть. Пространственника окружала гаснущая туманная аура, глаза его потускнели, но когда вошел Райленд, они снова загорелись гневным огнем. Существо поднялось в воздух. Поняв, что происходит, Райленд спиной вперед выскочил за дверцу, захлопнул её — и вовремя. Пространственник устремился на него с молниеносной быстротой. Клетка покачнулась, когда он ударился о захлопнувшуюся дверь. Кровь заструилась по прутьям решетки, оторвался клок золотистого меха. Животное рухнуло на пол, жалобно мяукая. Первый раз за все эти годы Райленд почувствовал настоящее бешенство. Он стремительно повернулся на каблуках.

— Готтлинг! — рявкнул он.— Дьявол вас побери, что вы наделали?

Появился полковник, вид у него был ядовитый и самодовольный.

— Здравствуйте, мистер Райленд,— кивнул он.

Райленд приказал себе успокоиться. Лицо Готтлинга больше, чем обычно, напоминало череп, радарные рога антенн придавали жесткому и холодному лицу сатанинское выражение. Но антенны были не просто украшением. Хотя Райленд и являлся руководителем Группы, он оставался опом. Холодная самодовольная усмешка тронула углы рта Готтлинга, и этого было достаточно, чтобы напомнить о шатком положении Райленда. Одно прикосновение к кнопке радара на портупее Готтлинга — и Райленду конец.

— Вы опять мучали несчастное создание! — взорвался Райленд.

— Очевидно, это так,— спокойно согласился Готтлинг.

— Черт побери! Я приказывал...

— Заткнись, оп! — улыбка с лица полковника исчезла совершенно. Он сунул Райленду листок телетайпа.— Сначала прочти вот это, чтобы не напортить самому себе!

Райленд поколебался, потом взял листок. Там значилось:

ИНФОРМАЦИЯ: «Настоящий ход работы признается неоправданно замедленным. Связь метода исследований и аварий должна быть изучена на предмет вероятности».

ИНФОРМАЦИЯ: «Возможно, Райленд связан с прямым саботажем туннелей, реакторов, ионных двигателей».

ДЕЙСТВИЯ: «Руководство Группой вернуть генералу Флимеру. Дополнительные действия производить полковнику Готтлингу по его инициативе».

Райленд в изумлении смотрел на бумагу. Машина снова изменила решение! Но, по правде, не собственное положение больше всего волновало Райленда сейчас. Опасность грозила пространственнику.

— Дополнительные действия! — прогремел он.— Послушай, ты же его убьешь!

Готтлинг пожал плечами, рассматривая пространственника. Тяжело дыша, животное лежало на металлическом полу и смотрело на них.

— Возможно, но я не стану ждать, пока оно само умрёт,— задумчиво сказал полковник.— Паскаль не хочет производить вивисекцию, но он вряд ли осмелится отказать, когда получит приказ Машины,— он усмехнулся с ледяным выражением. — Вы все из одного теста, ты, он, дочка Планирующего, Паскаль Лескьюри. Боитесь вида крови. Но боль — это не заразная болезнь. Не надо бояться боли других, это на вас не перейдет, честное слово. Наоборот,— он развеселился,— на страданиях других можно многому научиться.

— Я доложу это Донне Криири,— сухо сказал Райленд.

Полковник широко раскрыл глаза.

— Неужели? Значит, для обороны тебе требуется дочка Планирующего,— он подождал некоторое время. Потом сказал снисходительно: — Но это не имеет значения. Ничего у тебя не выйдет, Райленд. Мисс Криири сейчас на Луне. Ты понял, оп, все, что случится с пространственником, зависит теперь только от меня.

Райленд рывком распахнул дверь своей комнаты и направился прямо к телетайпу. В комнате сидели Опорто и общительница. Он задержался на мгновение — кажется, он чему-то помешал, но чему? Неважно.

— Опорто! — крикнул он.— Какой номер вызова у Донны Криири?

Опорто кашлянул.

Да ну же, Стив, я не знаю. Три? Пятнадцать?

— Не тяни,— с угрозой предупредил его Райленд.

— Три.

Райленд ударил по клавише телетайпа.

ЗАПРОС: «Прошу разрешить прямой контакт с Донной Криири, станция три».

Телетайп едва ли не мгновенно выстучал ответ:

ИНФОРМАЦИЯ: «Отказ».

— Вот видишь,— благоразумно пояснил Опорто,— ничего не вышло. А ты думал, что Машина свяжет свои контуры с...

— Молчи,— Райленд снова начал печатать, требуя связи с самим Планирующим.

ИНФОРМАЦИЯ: «Отказ».

— Видишь, Стив? Это бессмысленно. Отчего ты так разбушевался?

Райленд объяснил, отчего он так разбушевался.

— О, как плохо,— пробормотала общительница.— Бедное создание.

— Тяжело,— поддержал ее Опорто.— Ну, и что ты думаешь делать? Мы всего лишь опасники. Мы не можем ссориться с Готтлингом и всеми остальными.— Он чихнул и пожаловался: — Вот, Стив, ты совсем меня расстроил. Держу пари, что я опять простудился.

Райленд не слышал слов Опорто и едва ли помнил, что в комнате, кроме него, были еще двое. Что же ему делать? Отрезанный от Планирующего и его дочери, он не мог предотвратить убийства пространственника. Ведь в этом был конец работы Группы. Если то, что сказал ему Планирующий, правда, то под угрозой находится сам План, потому что для его безопасности был очень важен способ, которым пространственнику удавалось перемещаться, не отталкиваясь от чего-либо, нереактивная тяга. И все же Планирующая Машина не позволит ему...

Он моргнул, и комната в его глазах снова обрела четкость очертаний.

— Планирующая Машина! — громко сказал он.

— Что ты говоришь, Стив? — простонал Опорто.— Что ты задумал?

Но Райленд не ответил. Он сел за клавиатуру телетайпа и твердой рукой напечатал сообщение обо всем, что произошло. Полковник Готтлинг предумышленно противостоит приказам Донны Криири и самой Машины. Пространственник в опасности. Опасность угрожает самому Плану. Он кончил печатать и ждал ответа. Он ждал долгие минуты, пока Опорто и девушка шептались за его спиной. Невероятно, что Машине требуется столько времени на ответ! Лихорадочно Райленд спрашивал себя: что это? Перерезаны провода? Или Машина так перегружена, что сообщение не было принято? Он нагнулся и, не вполне сознавая, что делает, на самом деле проверил, вставлен ли штепсель в розетку, но тут телетайп вдруг зажужжал и застучал. Словно пораженный молнией, Райленд вскочил. Но сообщение было невероятно кратким. Оно состояло из одной буквы: «П»

— Принято и понято,— дружелюбно сказал Опорто из-за спины Райленда.— Ого-го, Стив, это все? Вот тебе и Машина, видишь. Нам спрашивать и спорить не положено. Эй, Стив! Ты куда? — Но Райленд уже вышел.

Он поспешил к генералу Флимеру. Он потерял время зря, уже довольно поздно, придется разбудить генерала, но сейчас он об этом не думал. Он робко постучал в дверь и тут же, без паузы, застучал кулаком.

— Минуту, минуту,— послышался ворчливый голос. Потом дверь распахнулась.

Генерал был уже в пижаме — пурпурной куртке и полосатых алопурпурных штанах. Воротник и манжеты украшали витые серебряные шнуры, и комната позади него утопала в ковре серебряного цвета. Это производило ошеломляющее впечатление.

— Райленд? — раздраженно проворчал Флимер.— Какого дьявола вам нужно?

— Мне необходимо поговорить с вами, генерал.— Он не стал ждать разрешения войти и проскользнул в щель между генералом и дверью. Потом то, что он увидел, заставило его застыть на месте и забыть даже о чрезвычайно важном деле, с которым он пришел. У камина стояла статуя, сверкающая серебристая статуя девушки. Но она двигалась! Она открыла глаза и посмотрела на Райленда. Медными губами она спросила:

— А это кто?

— Пойди в другую комнату! — рявкнул генерал.

Серебряная статуя пожала плечами и пошла к двери. Это была не статуя, а живая девушка. Это стало ясно Райленду, едва он увидел, как она двигается. Райленд не верил глазам. Девушка, вся покрытая серебряной пыльцой, даже волосы у неё были серебряные... А у генерала-то с личной жизнью все в порядке. Но сейчас это не касалось его.

— Сэр, полковник Готтлинг намерен уничтожить пространственника,— быстро сказал он.— Я опасаюсь, что он преднамеренно хочет саботировать наш проект.

Лицо генерала неожиданно преобразилось. Глаза покошачьи скользнули вниз, черты лица приобрели каменную твердость.

— Продолжайте,— сказал он секунду спустя.

— Но это всё, сэр. Разве не достаточно? Если полковник Готтлинг не прекратит вивисекцию, это убьет несчастное животное. В этом я уверен. Мисс Криири оставила совершенно определенные приказы...

— Подождите,— сказал генерал, но не предложил сесть. Повернувшись к Райленду спиной, он направился к рабочему столу, нажал кнопку на селекторе и склонился к микрофону.

— Готтлинг! — завопил он.— Идите ко мне, здесь Райленд!

Из динамика послышалось бормотание. Динамик был направленного действия — Райленд не мог разобрать слов.

— Быстрее! — пролаял генерал, прекращая дискуссию, и выключился.

Не глядя на Райленда, он тяжело опустился в кресло, прикрыл ладонью глаза и просидел так до тех пор, пока не послышался короткий стук в дверь. Вошел полковник Готтлинг. На лице его не было и тени тревоги. И он был не один. Улыбаясь и кивая, за ним следовал оператор-майор Чаттеради.

— Какая прелестная комната, генерал! В самом деле прелестная! Только истинно утонченный вкус способен преобразовать наши унылые бараки в...

— Заткнись! — генерал Флимер поднялся с кресла.

Райленд ждал, что Готтлинг сейчас скажет что-то в свое оправдание, и приготовился подтвердить обвинение фактами. Но генерал не спешил с началом разбирательства. Он вообще не смотрел на Готтлинга. Он повернулся к Чаттеради.

— Итак, Чаттеради, вы получили приказ?

— Да, генерал, конечно! Вот, пожалуйста, я знал, что он понадобится, поэтому... — Генерал чуть двинул рукой, и майор замолчал.

Флимер взял листок телетайпной рулонной бумаги из рук майора и молча передал Райленду. В приказе говорилось:

ИНФОРМАЦИЯ: «Стив Райленд подлежит изменению в классификации».

ДЕЙСТВИЯ: «Означенный он должен быть доставлен в резерв НЖК без промедления».

— Резерв НЖК? — вслух повторил Райленд. В ошеломлении он покачал головой.— Но... здесь, должно быть, какая-то ошибка. Резерв НЖК — это ведь «Небеса». Я хочу сказать...

— Ты хочешь сказать, орган-банк, вот что это такое.— Генерал Флимер кивнул.— Верно, и как раз туда ты направишься. Ты правильно угадал насчет Готтлинга, что он саботирует проект. Твоя единственная ошибка в том, что ты думал, будто он действует один.

Орган-банк «Небеса» находился на Кубе. Субпоезду понадобился почти час, чтобы добраться туда. Райленд едва ли обратил на это внимание. Они ехали внутри серого стального шара гораздо менее роскошного, чем вагон Планирующего. Когда они прибыли на место назначения, Райленд, ещё не вполне пришедший в себя после потрясения, выбрался наружу и увидел массивную бетонную арку над стальными воротами.

Буквы на бетоне гласили: ВОСКРЕСНЕШЬ В ЛИЦЕ ПЛАНА.

Стены станции сияли угрюмым серым бетоном. Раструбы вентиляторов обдавали их своим холодным и влажным дыханием. Навстречу вышел охранник в белой форме, на груди куртки у него было вышито красное сердце. Майор, конвоировавший партию Райленда, двадцать два свежих живых трупа для орган-банка, с радостью передал их под ответственность охранника и вернулся в вагон поезда, даже не оглядываясь. Он не любил конвоировать. Никому такая работа не нравилась. Она напоминала каждому, что и он смертен. Даже машин-майор понимал, что одна грубая ошибка, один промах — и он тоже может оказаться на «Небесах».

— Пошли! — рявкнул охранник, и двадцать два ходячих склада запасных частей вяло последовали за ним сквозь стальные ворота. Узкий коридор. Потом длинная прямоугольная комната с деревянными скамьями. Райленд сел и стал ждать. Одного за другим их вызывали в соседнюю комнату поменьше. Когда подошла его очередь, он вошел, и девушка в белом схватила его за руку, сунув её в поток ультрафиолетового света. У неё были рыжие волосы, такие же яркие, как и сердце, вышитое на её униформе. В потоке невидимого света татуировка на руке призрачно засветилась. Девушка скороговоркой прочитала его имя и номер.

— Стив Райленд,— сказала она,— когда войдешь в эти ворота, твоя жизнь останется позади, потому что как индивид ты не оправдал своего места в системе Плана...

Она широко зевнула, потом покачала головой и усмехнулась.

— Прошу прощения, где я остановилась? Да, но ткани твоего тела все еще могут служить Плану. Прежде чем войти, хочешь ли ты что-нибудь сказать?

Райленд подумал. Что тут скажешь? Он отрицательно покачал головой.

— Тогда вперед. Вон в ту дверь,— сказала девушка.

Позади него, когда он переступил порог, дверь захлопнулась со стальным звоном необратимости. Сначала нужно было пройти тесты. Райленда раздели, вымыли, взвесили, обмерили, просветили рентгеновскими лучами, взяли образцы крови, тканей, прощупали и только что не обнюхали и не попробовали на вкус. Кусочек его плоти был отторжен и быстро перенесен на лабораторный стол, где целая команда девушек пропустила его через серию операций по окрашиванию и микроскопическому исследованию. В результате была составлена генетическая карта его хромосом, и её закодировали двоичными символами, которые потом оттиснули на его воротнике. Это было интересно. Пересадка органов тела невозможна, даже если применять вещества, подавляющие иммунитет организма, если донор и получатель слишком разнятся по своим генетическим структурам. Начинают формироваться антитела. Пересаженная ткань подвергается атаке нового окружения и умирает. Вслед за ней, как правило, погибает и пациент. Чем сложнее участвующие в операции органы, тем более близким должно быть сходство генетических карт. Это была старая проблема. Роговую оболочку легко пересадить из одного глаза в другой, ткани ее грубы и примитивны, в основном, как вода. Миллионы людей передают свою кровь друг другу — кровь тоже немногим более сложна, чем роговица. Но более высокоспециализированные части тела могут быть пересажены без использования подавителей антител лишь у близнецов. Подавители-медикаменты вроде антиаллергических препаратов, которые когда-то помогли справиться с эпидемиями сенной лихорадки, расширяют границы совместимости тканей, но даже в этом случае генетические структуры должны соответствовать друг другу как можно лучше. Хорошо, что Райленда заинтересовал этот

вопрос. Это помогло ему избавиться от мыслей о будущем. К счастью, он не понимал, что находится сейчас в положении пространственника, попавшего в руки к Готтлингу, и не очень ясно представлял себе, что ожидает его впереди. А впереди была смерть, пусть и безболезненная, но смерть от тысячи ран. Потом его вдруг оставили в покое. Райленд ожидал, что попадет в тюремную камеру. Вместо этого он оказался в парке отдыха для миллионеров, чувствовал под ногами ковер травы и щурился от блеска теплого солнца Карибского моря. Солнце уже клонилось к закату. Райленд смотрел на деревья и уютные домики, потом шагнул вперед, но что-то вспомнил и вернулся к охраннику

— Что я теперь должен делать? К кому мне обратиться, чтобы зарегистрироваться?

— Ни к кому,— сказал охранник, тихо закрывая дверь.— Больше регистрироваться тебе не придется.

Райленд пошел по широкой зеленой аллее к воде, сверкающей вдали. Это направление было не хуже другого. Еще никогда он не оказывался в таком положении — без приказов и регистрации. Это беспокоило его почти так же, как и будущая перспектива быть разобранным на запасные органы. Он так углубился в себя, что не расслышал, что его кто-то зовет, пока человек не крикнул.

— Эй! Эй, новенький! Вернись!

Райленд повернулся. Человеку, который звал его, было лет пятьдесят, самый, так сказать, расцвет. Это должен был быть крепкий, загорелый мужчина с шевелюрой густых волос, очки ему еще не были нужны. Если бы всё сложилось нормально, у него впереди было бы еще лет сорок. Но к Райленду, спотыкаясь и хромая, продвигался человек совсем другой внешности. Он был совершенно лыс. Через мгновение, когда на голове его блеснул солнечный луч, Райленд понял, что это не кожа, а пластическое покрытие. Ходил он с помощью длинной трости, едва ли не с костылем. И держали его в вертикальном положении не ноги из плоти и костей, а протезы. Один глаз заменяла заплата, другой был вынужден косить, так как новый кусок пластика покрывал то место, где раньше было ухо.

— Слушайте! Вы только что прибыли? — Голос его был глубоким и резонирующим. Хотя бы это ему удалось сохранить.

— Да, только что,— ответил Райленд, не подавая вида, что испуган.

— Вы играете в бридж?

Выражение лица на миг вышло из под контроля Райленда, но он тут же снова овладел положением.

— Боюсь, что нет.

— Проклятье,— когда мужчина нахмурился, объявилась новая особенность его лица. У него не было бровей.— А в шахматы?

— Немного.

— Громче! — крикнул мужчина, поворачивая в сторону Райленда уцелевшее ухо.

— Я сказал «да»!

— Ага, это уже кое-что,— сказал мужчина почему-то сердито.— Хм. Может, вы научились бы в бридж, а? У нас хорошая компания. Без грубостей, и чужого не берут. И без «обрубков». Я староста в нашем домике,— с гордостью сказал он.— Я здесь дольше всех остальных. Посмотрите на меня — много чего еще осталось, верно?

— Вы хотите сказать, что я могу выбирать, в каком доме поселиться? — медленно спросил Райленд.— Я еще не знаю здешних правил.

— А правил тут никаких нет. Впрочем,— мужчина вздохнул,— запрещено драться, если это грозит повредить какой-нибудь орган, никаких опасных игр — вас утилизируют в целом виде. Понимаете? Все это вам уже не принадлежит. Это собственность Плана, и вы должны заботиться о ней...— Он продвинулся немного вперед, налегая на трость-костыль.— Ну, так как? По-моему, вид у вас самый подходящий. Послушайтесь совета и пойдемте со мной. Не слушайте тех, из других домов. Они будут хвастаться своим настольным теннисом, а какой от него прок, если завтра вы не сможете играть в настольный теннис.— Он усмехнулся, обнажив ряд небрежно вставленных искусственных зубов.

Райленд пошел вместе с этим одноглазым, которого звали, как выяснилось, Уайтхарт. Из него вышел бы хороший продавец. Как понял Райленд, он дал верный совет насчет выбора дома. Райленд увидел, что у некоторых домиков стены были облуплены, вид они имели запущенный и неопрятный, обитатели их слонялись вокруг с угрюмым, скучающим видом. Домик Уайтхарта, по крайней мере, был оживленным. Как это было ни унизительно, но «Небеса» показались Райленду даже приятным местом. Еду давали отличную. Как гордо сообщил Уайтхарт, продукты были исключительно натуральные — ни синтетики, ни эрзацев. (Ткани тела нужно содержать в приличном состоянии). Множество свободного времени. Пациент всегда должен быть в форме для серьезной операции. Здесь была даже, скажем прямо, свобода, так, по крайней мере, выразился Уайтхарт, но, говоря об этом, он, как показалось Райленду, смутился и не стал объяснять подробности. Райленд понял, что это страшнее. Если «Небеса» и были тюрьмой, то стены все-таки находились вне поля зрения. Исчез страх совершить ошибку.

Обстановка была превосходная. По зеленому ковру были разбросаны домики. На зеленых холмах шевелили ветвями пальмы. Вокруг озера разрослись дубы и кедры, а в озере водилась настоящая рыба. Тропическое небо было вечно голубым, а в вышине летали стайки облаков. Обитатели коттеджа, в котором жил Уайтхарт, называли себя Президентами Дикси. Никто не помнил уже, какой обреченный на утилизацию антиквар выбрал такое имя, но давать название домикам стало традицией, и последующие поколения обитателей сохраняли её. Президент Дикси был, по договору, чисто мужским коттеджем. Обитатели

имели право выбирать — на «Небесах» не придерживались монашеских правил, и существовали смешанные коттеджи, откуда по вечерам слышались жуткие вопли и смех. Это тоже было правом обитателей. Прислушиваясь вечером к разговорам соседей по комнатам, Райленд обнаружил несколько вещей, очень его удививших. Коттедж напротив занимала целая семья. Странно! Фамилия их была Минтон — мистер Минтон, миссис Минтон и их пятеро взрослых детей. Какое групповое преступление совершила семья Минтонов, чтобы попасть в запасные части в полном составе? Что-то тут было не так. Принцип, лежащий в основе орган-банка, был ему хорошо знаком. Ему подробно объяснили этот принцип во время транспортировки в вагоне субпоезда, будто в системе Плана имелся хотя бы один человек, не знавший о нем с детства. Каждый индивидуум в системе Плана обязан был вносить лепту в общее дело на благо всех людей. Если кто-то не умел или не желал исполнять свой долг, его заставляли служить обществу иным способом — утилизировали. Другими словами его конечности и прочие органы шли на лечение более ценных граждан Плана, заменяя их поврежденные в авариях или разрушенные болезнями части тела. Этот процесс был привлекательным для реципиента, а не для донора. Но в нем была своего рода суровая справедливость, и, как подумал Райленд, нужно было, собрав силы, перенести все, что могло с ним случиться — благо целого мира было важнее, чем его собственное благополучие! И все же... Одна мысль чрезвычайно его беспокоила. За свою жизнь он знал многих людей, утилизированных в орган-банке. Но не мог припомнить, чтобы хоть раз встречал человека, получившего новые органы... И теперь, когда, кажется, поздно было над этим размышлять, Райленд мог вернуться к загадке трех пропавших дней. Его мучило предположение, что когда-то он знал секрет, способный преобразить весь План Человека, если б только он смог бы вспомнить. В тот вечер, посмотрев, как играют в бридж, он лег на койку, стараясь напрячь память. Неужели в его дверь постучали два раза — первый раз в пятницу и потом еще в понедельник? Если действительно приходил к нему Хоррок, что за сообщение он мог принести? И даже если нереактивную тягу можно было изобрести, то какую она могла бы представлять опасность для Плана? Кто еще, кроме Дондерево, был свободен от власти Машины? Ответов он не мог найти. Туман в его памяти стал еще гуще. Даже пухлое, с вечно извиняющимся выражением лицо доктора Трейла успело немного затуманиться. И он вообще больше не вздрагивал, припоминая, как холодные электроды пристегивались к телу. Райленд заснул, и ему приснилось, что он изобрел нереактивный двигатель. Это было обыкновенное помело. Сидя на нем, он летел сквозь джунгли пятиконечных звезд, а по пятам следовал генерал Флимер верхом на пространственнике. Флимер пришпоривал и терзал животное, а оно жутко вскрикивало.

— Подъем! Подъем! Всем вставать!

Райленд будто вылетел из одного сна в другой, ему снилось,

что он в орган-банке, лежит в необыкновенно мягкой постели, и вдруг оказалось, что это так и есть на самом деле. Он сел, протирая глаза, глядя на кровать напротив. На колесном кресле с автономным питанием мотора смонтированы были десять фунтов стальных, медных, резиновых и пластиковых заменителей. Большая часть товарища по комнате Райленда находилась не в постели, а в этом кресле.

Комнату с Райлендом делил некогда полный человек с розовым лицом, аккуратно изуродованным скальпелем врача. У него был неприятный характер. Звали его Алден.

— Давай, Райленд,— проскрипел он тонким шепотом недавно оглохшего человека.— Ты знаешь наши порядки. Помоги мне.

— Хорошо.— Времени до утренней поверки и завтрака оставалось достаточно, Райленд знал об этом: иначе старожилы в коттеджах не успевали бы прикрепить ноги и прочие органы. Как новичок, не тронутый пока утилизацией, Райленд должен был помочь другим. Младшие члены орган-банка заботились о старших. Авторитет здесь имел не возраст, а время пребывания на «Небесах». Система была справедливой, как объяснили Райленду, и кроме того, выгодной каждому.

— Увидишь потом сам,— мрачно сказал Уайтхарт.— Подожди, пока от тебя отрежут пару кусочков.

С утра разговоры были такими вежливыми и мирными. Странно, думал Райленд, внимательно прислушиваясь. Вероятно, это была лишь обычная раздражительность пробуждения, свойственная всем людям, но приводило его в недоумение то, что даже несчастные человеческие обрубки — «корзинки», как их здесь называли, громко рассуждали о своих планах и тщательно выверяли расписание патрульного облета территории геликоптерами охраны. Алден, например, минут двадцать бормотал о том, что можно было бы уплыть за линию прибрежных рифов, где — если бы он действительно был — верный друг ждал бы с надежной подводной лодкой. Слышать его было, конечно же, и смешно, и грустно. От Алдена осталось меньше, чем стоила возня с побегом. А в его тоне еще вчера вечером сквозило полное смирение: «Ты поймешь, сынок,— говорил он Райленду,— мы все здесь не зря оказались. Мы сами это заслужили.» В этих рассуждениях одно не сочеталось с другим.

Еще ночью Райленду что-то мешало спать, упираясь в ребра. Едва Алден выехал в своем кресле из комнаты, он поднял матрас. Под матрасом лежала плоская алюминиевая коробка. Он открыл крышку и вытряхнул оттуда куски сахара, листки с планами местности и жалкими подделками дорожных приказов Машины. И тетрадь. Это был дневник какого-то бедняги, который здесь жил раньше, обозначавшего себя лишь инициалами Д.У.Х., он писал его почти три года. Первая запись содержала трезвую суровую оценку положения.

«16 июня. Сегодня утром нас привезли на «Небеса». Выбраться отсюда я не могу. Если бы и мог, мне некуда податься.

Но если я оставлю надежду каким-то образом выбраться отсюда, это равносильно смерти сразу, сегодня. Поэтому я попытаюсь бежать. Маяться здесь я не намерен.»

Последняя запись, сделанная уже явно полупарализованной рукой, была менее трезвой, менее решительной.

«Май, число, кажется, 9-е. Одна мин. прд. поверкой. Каж. я нашел! Нкто нкгд не следит за свалкой останков трупов! Я знал других, кто выглядел получше меня и — ууун! — вниз по трубе и прямо на баржу. Поэтому сегодня ночью. Главное — пройти еще одну поверку. У меня еще много осталось всего. Наружн. рли не играет. Если я только... Звонят. Остл. потом».

Остальные листы были чистыми. Завтракали до начала утренней поверки, и Райленд, сунув дневник под матрас, задумчиво направился в столовую. Уайтхарт не обманул его относительно еды. Здесь вообще не было нормированного рациона. Вволю сахара. Кофе. Настоящие густые сливки. Ветчина под красным соусом. Овсянка, фрукты и горячие бисквиты. Райленд ел, пока не набил полный желудок. Он почувствовал себя гораздо лучше. Мир показался ему более спокойным и ярким, соседи его бросили ворчать и строить планы побега, послышался смех, кто-то переговаривался с другим концом стола. Рядом с Райлендом сидел Уайтхарт, и Райленд заговорил с ним о бывшем обитателе комнаты.

— А, старина Дэнни,— сказал одноглазый.— Он здесь жил целую вечность. Видно, какой-то очень нужный тип, с него столько всего порезали. Под конец он держался только на механическом искусственном сердце и фильтрующей искусственной почке. Забавный он был парень — набирал всегда неплохо, но когда играл...

— Что с ним потом случилось?

Уайтхарт нахмурился.

— Взяли сразу оба легких. Жаль, да? Но он до конца был с обеими руками — от плеча до кончиков пальцев.

Звонок позвал их на утреннюю поверку.

— Поверки проводятся три раза в день,— шепнул на ухо Райленду Уайтхарт,— и каждый обязан присутствовать, иначе полная утилизация немедленно. Вдоль нестройных рядов собравшихся сновали охранники в белых формах с красными эмблемами сердец на груди, сверяли татуировки с номерами в списках.

— Гатник, Файвецер, Бриин, Морчанд,— пропел охранник, занимающийся домиком Президента Дикси.— Для вас сегодня ничего нет, парни. Можете ступать обратно. Алден, Хенсли... Хенсли? Что такое, он как сюда попал? Его ведь на прошлой неделе совсем разобрали? — Полдюжины голосов подтвердили, что так и было, охранник вычеркнул имя из списка.— Паршиво работает администратор. Так, а ты кто? — Он поднял руку Райленда.— Ага, Стив Райленд. Добро пожаловать. Для тебя сегодня пока ничего нет. Уайтхарт. Так, Уайтхарт, пойдемка, сегодня твоя очередь.

Райленд ушел оттуда как можно скорей. Все собравшиеся

смеялись и чувствовали себя свободно, но при виде Уайтхарта, которого уводили, Райленд ощутил, что легкое тепло, распространившееся по телу после завтрака, куда-то исчезло. В любой момент его собственное имя могло попасть в список. Если он что-то мог сделать, чтобы помочь себе, действовать нужно было немедленно. Райленд снова извлек тетрадку дневника из-под матраса, выскользнул через черный ход из коттеджа и отыскал солнечное укромное местечко на вершине холма. Он присел, облокотившись о каменную стену ограды и начал изучать дневник покойного Д.У.Х. Там ничего не говорилось о прошлой жизни человека. Но кем бы он ни был, это был умный и образованный человек, имевший понятие о методе. Он начал с систематического изучения своего окружения. Из записей, которые были в начале тетради, Райленд извлек некоторые полезные цифры. На «Небесах» в тот период обитало 327 человек, включая двенадцать детей в возрасте до 18 лет (и что они могли совершить, чтобы попасть сюда?). «Небеса» не были единственными в своем роде, имелось еще, видимо, несколько таких заведений. Дважды партии обитателей орган-банка отправлялись куда-то в неизвестные места за пределы ворот, очевидно, пополнить запасы материала в других банках. Внутри стен не было никакой охраны, исключая поверки. Обычно на поверки выходило до двенадцати охранников, а один раз Д.У.Х. насчитал пятнадцать человек ещё и наружной охраны. Территория «Небес» простиралась на сто акров, и в дневнике имелась карта, много раз переделанная и исправленная. Заметка на карте говорила, что стены наверху защищены электричеством и перебраться через них невозможно, а в глубину они уходят самое меньшее на пятьдесят ярдов. Видимо, кто-то на самом деле совершил подкоп такой глубины. Морская сторона не ограживалась, но там имелась стальная сетка, а за ней обычная угроза — акулы. Стену прерывало только здание, через которое Райленд попал сюда, и сопутствующие ему строения: клиника, силовая станция, дом администрации и санитарное отделение. Именно там находилась «свалка», которая привлекла внимание Д.У.Х. Она находилась недалеко от берега, и трубопровод вел на баржу, которую буксировали затем в море и там освобождали от останков обитателей «Небес» вместе со всеми остальными отходами этого небольшого человеческого общества. Райленд задумчиво рассматривал карту. Обещающе выглядела лишь свалка. И однако писавший дневник не думал о ней сразу, а мысль эта пришла к нему лишь через несколько месяцев, когда, судя по характеру записей способность к трезвому мышлению начала покидать его. Все же это стоило обдумать. Возможно, этим путем удастся бежать... Но куда потом деваться? Райленд отбросил эту мысль и принялся вчитываться в записи дневника, пока шум, доносившийся от коттеджей, не сообщил ему, что подошло время полуденной поверки.

Никого из обитателей «Президента Дикси» в полдень не вызвали. И лишь когда им позволили разойтись, Райленд осознал, что почти все время стоял не дыша. Гатник, занимаю-

щий в шеренге место рядом с ним подмигнул и сказал:

— Поначалу оно всегда так. И потом тоже, все равно.

— Что это? — только и сказал в ответ Райленд.

Гатник повернулся. Вдоль посыпанной гравием дорожки два охранника торжественно катили кресло на колесах и тележку с дополнительными приспособлениями. Все это было присоединено к занимавшему место на сиденье кресла. От него мало что осталось. Вся голова была закутана бинтами, только в том месте, где положено быть рту, виднелось отверстие. Дополнительная тележка несла на себе внушительное сооружение из помп и трубок, цилиндров нержавеющей стали и электрических проводов.

— А, этот,— сказал Гатник. Помахать рукой он не мог, так как обе его руки понадобились кому-то в другом месте, но он наклонил туловище и крикнул:

— Привет, Алек! Что на этот раз?

Забинтованная голова едва заметно кивнула. Все остальные части человека оставались неподвижными. Невидимые губы почти беззвучно зашевелились, словно задыхаясь.

— Это ты, Гатник? Всего лишь вторую почку, я думаю.

— У тебя еще полно всего осталось,— жизнерадостно сказал Гатник, и они пошли на ленч. Но Райленда не покидала картина встречи с «корзинкой».

— Я не знал, что они поддерживают нас живыми, когда не остается почти ничего.

— Я так думаю, что Алек — особый случай. Он старше всех на «Небесах». Он здесь уже,— голос Гатника выдал уважение,— почти шесть лет.

Особого аппетита у Райленда не было, к тому же, едва он сделал пару глотков, как ему пришлось заняться кормлением Гатника, а потом он как-то приободрился. Поразительно все-таки, думал он, без определенной цели прохаживаясь по дорожкам «Небес», как еда облегчает жизнь человеку. На хорошей диете он и чувствует себя хорошо. Это доказывает... да нет же, на миг вспыхнуло озарение, это доказывает только то, что обреченное существо, такое, как он, Райленд, способно утопить свои страхи в приливе физического удовольствия. Он решил сейчас же вернуться в дом, взять дневник, изучить... Его кто-то звал. Он повернулся и увидел, что к нему мчится чудо-Опорто.

— Ух ты! Райленд! Это ты!

Опорто остановился. То же сделал и Райленд. В следующий миг он вдруг понял, что оба осматривают друг друга, проверяя, нет ли недостающих частей. Как быстро это стало привычкой!

— Кажется, у тебя все на месте.

— Я здесь всего пару дней. Попал в партию прямо перед тобой... я видел, как ты входил... Эх, лучше бы я остался в Исландии. Нет, я тебя не виню, конечно,— мрачно закончил он.

— Извини.

— Ничего. Ну, так где ты живешь теперь? — Райленд рассказал о «Президенте Дикси».— Ха! Эти старые развалины?

Слушай, почему бы тебе не перейти в нашу компанию? У нас как раз два свободных места, и среди наших ребят есть отличные парни. Знаешь, как получается, потеряешь то да это, и остается одна голова, поэтому занятие приходится искать, в основном, умственное. Так вот, один парень, мой сосед, он нашел «Лилавату» — сборник древних индийских задач, это, в основном, диафактные уравнения, если подойти к сути, но...

— Я интересуюсь сейчас другой проблемой,— мягко прервал его Райленд.

Опорто ждал продолжения.

— Я хочу выбраться отсюда

— Ну, нет, погоди! Стив, не сходи с ума. Такой парень, как ты, у тебя здесь впереди годы. Неужели ты хочешь?..

— Да, хочу,— сказал Райленд.— Хочу отсюда выбраться. И это не только вопрос моей жизни, хотя и она очень меня волнует, признаюсь.

— А что еще? — А-а. Можешь не говорить. Та девушка.

— Нет, не девушка. Не совсем. Но она тоже частично сюда входит. Что-то опасное происходит с пространственником и полковником Готтлингом, и это нужно остановить.

— Ну-ну, Стив,— мрачно сказал Опорто.— Эти разговоры ни к чему. Во всяком случае...— он умолк.

Райленд достаточно хорошо знал коротышку и не стал ждать добровольного продолжения.

— Во всяком случае, что? — подсказал он.

— Во всяком случае,— сказал Опорто,— я не понимаю, зачем тебе та девушка. Я думал, что для тебя важнее другая. Ну, помнишь, 837552... Я забыл, как ее звали.

Для Райленда это было равносильно удару между глаз. Номер... Он не обладал необычайной памятью Опорто на цифры, но это явно был номер...

— Анджела Цвиг,— прошептал он, вспоминая русые волосы, голубые глаза и губы, вкус которых он ощутил на своих губах, едва произнес ее имя.

— Вот именно. Ага, так ты ее не забыл! — Опорто наслаждался взрывом своей бомбы.— Почему бы тебе не повидать ее? Она здесь уже давно, вот в том коттедже возле озера.

— Она здесь!? Но она работала в полиции Плана,— Райленд был изумлен. Неужели План начал утилизировать собственных агентов?

— Да,— рассудительно сказал Опорто.— Я бы сказал, что она здесь. Во всяком случае преимущественно. Ты можешь увидеть все сам.

Сначала Райленд почувствовал потрясение и смущение. Неловко волоча ноги, он подошел к девушке в кресле на колесах. Он грубовато произнес ее имя. Потом встретил ее взгляд и больше ничего не говорил. Анджела? Неужели в кресле та самая девушка, которую он когда-то знал? У нее не было рук, и, судя по складкам халата на коленях, этих коленей у нее тоже не было. Но лицо ее оставалось нетронутым — зелено-голубые глаза, золотистые волосы, и голос был тот же — сильный грудной.

— Стив! Как я рада тебя видеть! — Она не смутилась ни на секунду, только приятно удивилась.— Не смотри так,— засмеялась она.— Я знаю, что ты чувствуешь. Ты только что прибыл, а я здесь уже двадцать один месяц.

Чувствуя неловкость, Райленд присел на траву рядом с ней. Коттедж Анджелы стоял посреди небольшой рощицы, и вокруг него пестрели аккуратно ухоженные клумбы. Цветы! Райленд не мог вспомнить, чтобы вокруг дома он где-нибудь видел цветы. Только в парках. Хотя это тоже был своего рода парк.

— Я и не мечтала увидеть тебя еще когда-нибудь,— тихо сказала Анджела.— После того, что случилось.— Она вздернула подбородок, и маленький мотор кресла зажужжал. Очевидно, в подголовнике, обитом бархатом, были скрыты выключатели, чтобы она могла управлять колесами кресла. Повернувшись теперь лицом к Райленду, она сказала: — Ты не винишь меня, правда?

— Ты только исполняла свою работу, как и все мы,— пробормотал Райленд.

— Это очень точно, Стив. Ах, Стив! Я рада снова тебя видеть. Нам надо о многом поговорить. Отвези меня к озеру,— попросила она.

Почти целых три года готовился Райленд к встрече с Анджелой Цвиг, если это только случиться. Но теперь он забыл все, что хотел сказать. Все, о чем он молча и яростно думал ночью на койке и разговаривал с валунами в изоляционном лагере. Теперь, оказавшись лицом к лицу с девушкой, он болтал о пустяках, Они смеялись. И это было ему приятно. П р и я т н о! И это она надела на его шею железное кольцо.

— Работая для Плана, всегда чувствуешь себя правым,— заметила она, будто прочитав его мысли.

Они остановились на берегу озера.

— Я даже не обращаю внимания на воротник,— сказал он, стараясь успокоить ее.

— Конечно, Стив.

Он почесал лопатку о ствол пальмы.

— Никогда бы не подумал, что смогу. Я даже помню, как разговаривал с одним человеком в лагере. Он сказал, что я привыкну. И я сказал...

Он замолчал и слегка нахмурился.

— Что ты ему сказал, Стив?

— Я сказал,— медленно повторил Райленд,— что никогда не перестану ненавидеть воротник, смирюсь с ним только, если умру или наглотаюсь наркотиков.

Она улыбнулась ему с безмятежностью китайского мандарина. Вернувшись в коттедж «Президента Дикси», Райленд перелистал дневник, принадлежавший бывшему владельцу его койки. Там была одна запись, которую он хотел перечитать.

Он отыскал её.

«Это коварное место. Атмосфера такая покойная — бог знает, отчего! — что так и тянет расслабиться, и пусть все

идет как идет. Сегодня Каллен вернулся из клиники хихикая, потому что сестра рассказала ему анекдот. Ему вырезали оба глаза!»

И два дня спустя:

«Вчера я потерял вторую ногу. Больно, но мне делают уколы обезболивающего. Странно, почему я так равнодушно к этому отношусь! Вспоминаю Каллена».

Нахмурившись, Райленд закрыл тетрадь и направился на вечернюю поверку. Остальные жители «Президента Дикси» уже были там, и приветствовали они его с холодком. Райленд не обратил на это внимания, хотя понимал, в чем дело,— он мало времени уделял общественной жизни коттеджа. Он едва различал охранников в белой форме с алыми сердцами, вышитыми на белых куртках, когда они пошли вдоль шеренг, монотонно читая списки. Мысли его были о другом. Райленд был вполне уверен, что мозг его работает так же хорошо, как и всегда. И не придавал никакого значения тому, что почти забыл о воротнике, воротник его перестал беспокоить. Это было первое положение силлогизма. Второе вытекало из записки в дневнике. Каково же заключение?

— Пойдем, я сказал! — раздраженный голос охранника привел Райленда в чувство, и он осознал, что было названо его имя.

— Я? Вы назвали меня?

— Тебя. Именно так я и сказал, сегодня твоя очередь. Пошли в банк тканей!

Группа вызванных на утилизацию ждала у лифта. Стоявший рядом с Райлендом человек что-то лихорадочно, почти неслышно шептал, глаза его прикипели к дверям лифта, словно это были врата самой преисподней. Он заметил, что Райленд смотрит на него, и судорожно улыбнулся.

— Вы первый раз? Я тоже. Я думаю, на первый раз много не возьмут, правда?

— Давай, давай,— охранник начал вталкивать их в раскрывшиеся двери лифта.— Проходи давай!

Лифт стремительно полетел вниз и высадил их всех в подземном зале. На стенах помаргивали голубые асептические светильники, гул в решетках вентиляторов говорил о том, что работают очистители воздуха. Охранники приказали им садиться. Здесь стояла дюжина длинных деревянных скамей. В «зале ожидания» было просторно, хотя два десятка живых трупов слонялись туда-сюда. Райленд принялся рассматривать их. Некоторые, казалось, имели все части тела на месте, если чего-то и не хватало, это не сразу было заметно. У других были видны признаки предшествующих операций — не хватало ноги, уха, пальца. Но были и настолько запротезированные, так мало оставалось в них плоти и крови, что приходилось удивляться: что еще могут снять с них хирурги? Нервного вида мужчина поменял место, чтобы сесть рядом с Райлендом, и прошептал ему на ухо:

— Мне кажется, на первый раз они много не возьмут. За-

чем? Например, тело у вас может плохо пересаживаться. Тогда они сначала должны сделать пару опытов и посмотреть, как идет дело, прежде чем начать основную операцию. Друг, я в этом положительно уверен... — он замолчал, так как дверь отворилась. Глаза у него были, как у умирающего котенка. Но это всего лишь вошла сестра, она почти не обратила на них внимания. Райленд поспешил отвлечься от собственных забот, чтобы успокоить человека.

— Совершенно верно,— сказал он.— Так оно и должно быть.— Хотя так на самом деле не было. План уже знал всё, что нужно было знать об их тканях. Но нервный мужчина ухватился за это предположение.

— Да, сейчас нам ничего серьезного можно не бояться,— пробормотал он.— Наверное, какой-нибудь болван отрезал себе пару пальцев... — он удивленно посмотрел на свою ладонь.— Пару пальцев... Ну и что? Можно обойтись и без них. А может, понадобится нога. Но в первый раз ничего серьезного не берут, потому что...

Дверь отворилась. Вошел молодой стройный охранник. Он явно скучал, и во взгляде, который он бросил на ожидающих, не было ничего особо гуманного.

— Экротч? — вызвал он, глядя в свой список. Мужчина, сидящий рядом с Райлендом, подскочил.— Пошли!

Нервный человек с отчаянием посмотрел на Райленда, сглотнул и вышел. Дверь беззвучно затворилась за ним, будто навсегда. Райленд сидел и ждал. Одного за другим «живых трупов» вызывали в операционные, чтобы дать Плану то, что План требовал. Райленд смотрел, как они уходят, потому что лучше было думать о других, чем о себе и о том, что сейчас случится. Здесь был ветеран с ярко-голубыми глазами, сипевший трубками дыхательного аппарата, заменившего его собственный, молоденькая девушка со странно плоской одной стороной тела, мужчины и женщины разных телосложений и возрастов. Райленда вызвали почти самым последним. Его поманила сестра. Он встал, чувствуя внутри необычную пустоту. Где-то на окраинах нервной системы возникло странное щекочущее ощущение, будто рождалась боль, еще не нашедшая себе места в его теле. Что с ним сделают? Нога, рука, какие-то внутренние органы?

— Пойдем-ка,— сказала сестра раздраженно.

Это была симпатичная рыжеволосая девушка. На пальце у нее он даже заметил кольцо. Удивительно, подумал Райленд. Она обручена! Где-то есть планобоязненный парень, который смотрит на нее с любовью и теплом. А здесь она — воплощение чего-то, что совсем скоро намерено лишить Стивена Райленда части его собственного тела. Он напряженно зашагал вслед за сестрой. В ушах гремел пульс — стук собственного сердца. Краски казались очень яркими, в воздухе висел резкий запах антисептиков. Он чувствовал тесноту своей поношенной красной униформы. Голубой свет стерилизующих ламп стал непереносимо ярким. Он находился в маленькой комнате, где основ-

ное пространство занимал большой операционный стол, сверкающий нержавеющей сталью. Райленд посмотрел на этот стол и провел языком по пересохшим губам. Неожиданно сестра захихикала.

— Боже! Вы такие все нервные. Разве ты не знаешь, зачем ты здесь?

Райленд напряженно кивнул. Он это прекрасно знал. И все же, почему не видно сверкающих никелем инструментов?

— Не думаю,— с веселым преувеличением сказала девушка.— Сегодня у тебя возьмем только кровь, друг. Только поллитра красной крови. Конечно, в другой раз может быть подругому.

Райленд лег на стол, на спину, его накрыли накрахмаленной белой простыней, пристегнули руки ремнем. Он лежал, глядя, как течет его кровь в литровый сосуд. Кровь его была винно-красного цвета и текла очень медленно, пока не наполнила половину сосуда. Боли он не ощущал совсем. Конечно, ничего особо приятного тут тоже не было. Что-то неприятно подергивалось в руке, как предупреждение о чем-то, что могло бы привести настоящую боль, словно нервы, привыкшие справляться с более серьезными ранами, не знали, что передавать мозгу, и только выражали таким образом свое беспокойство. Трубка время от времени издавала неприятный звук, словно сифон, всасывающий воздух, и снова воцарялась тишина. Сестра оставила его одного. Поразительно, как все вокруг замерло... И поразительно, как четко начала работать голова. Он был спокоен. И, более того, он знал, что он спокоен. И еще более того, он начал сознавать, что был спокоен — невозможно, безумно, глупейшим образом спокоен, с самого прибытия в орган-банк! Так же, как и все остальные! Это объясняло жизнерадостность ветеранов «Президента Дикси». Успокоение! Но это было неестественно и, следовательно, вызвано наркотиками. Райленд лежал, глядя на пузырьки, возникающие на конце трубки, из которой текла его кровь, и удивлялся, как он мог этого не заметить раньше. Даже писавший дневник человек не заметил этого, хотя почти подошел к отгадке вплотную. Наркотики! План Человека понимал, что некоторые стремления человека не подчиняются здравому смыслу. Одно из них — стремление к самосохранению. Но Машина не может рисковать возможностью внезапного взрыва инстинктов. Машина должна была знать, что каким бы ни было настроение членов Плана, направленных в орган-банк, как бы они ни были обработаны в духе исполнения своих обязанностей перед Планом, угроза расчленения может пересилить любое чувство долга. Поэтому Машина предприняла меры. Очевидное средство — и ни один человек не заметит этого — накачать «живые трупы» транквилизирующими наркотиками. Вошла сестра. Она постучала пальцем по стенке сосуда, отсоединила трубки и проворно вытащила иглу из вены Райленда. Она, что-то про себя напевая, прижала ватку, смоченную в спирте, к красной точке на руке Райленда и велела:

— Согните руку и держите ватку.

Райленд едва слышал ее. Транквилизаторы, подумал он, словно в голове его отозвалось эхо. Это все объясняет. Вот почему тщательные планы Д.У.Х. ни к чему не привели — пока они успели созреть, исчезло побуждение, способное провести их в жизнь. Вот почему сам Райленд зря теряет драгоценное время. Удивительным было только одно: каким образом ему удалось найти отгадку. Сестра распрямила его руку, выбросила ватку и сказала:

— Прямо туда.

Райленд послушно направился к двери, потом остановился, придя, наконец, в себя. Медбрат покатил вдоль коридора электрические носилки на колесах. На носилках, закрыв глаза, лежал тот самый нервный человек, с которым Райленд сидел вместе в «зале ожидания». Ему явно что-то удалили — но что именно? Руки были на месте, ноги тоже проступали сквозь простыню, на лице не замечалось ни следа операции.

— Простите,— сказал Райленд сестре.— Что случилось с этим парнем?

Сестра посмотрела куда-то мимо.

— А, с этим...— Глаза ее потемнели.— Это была большая операция. Вы его знали?

— Да.

— Понимаю,— секунду помолчав, она сказала быстро: — Нам нужен был целый позвоночник. Не было особого смысла утилизировать все остальное.

Райленд, спотыкаясь, вышел в коридор, следуя за трупом нервного мужчины, который теперь уже навсегда обрел покой. Он посмотрел через плечо на сестру и сказал:

— До свидания.

— До встречи,— ответила она.

За пределами стен «Небес» тридцать миллиардов людей работали, учились, любили, ссорились, одним словом, исполняли свои маленькие обязанности в структуре Плана Человека. В Саскачеване инженер повернул рубильник, и половина склона горы поднялась в воздух и скользнула в озеро, открыв жилу бедной урановой руды, одно из последних оставшихся месторождений. В городе Фиесоле, в Италии, полковник Технического Корпуса производил инспекцию водохранилища. Уровень воды со времени последнего рапорта поднялся на добрых девятнадцать дюймов. Стоя в своем плоскодонном суденышке, он заметил, что беспорядочно разбросанные домики на берегу, которые он раньше видел здесь, уже почти полностью погрузились под воду. Это был Дворец Питти, но он о таком никогда не слышал. Под Гондурасом обвалился туннель субпоезда и тысяча восемьсот мигрирующих сельскохозяйственных рабочих были мгновенно поглощены раскаленной магмой. Планирующий, вернувшись из поездки на Луну, подписал приказ, который приведет к понижению уровня Средиземного моря на девяносто футов, создав тысячи миль новой земли на своих сократившихся берегах и создав гигантскую электростанцию

в проливе Гибралтар... Но на остров Куба не доносилось даже эхо этих событий. Здесь царил покой. Здесь было так уютно. И Стив Райленд думал об этом, как только мог напряженно. Он серьезно поссорился с представителями «Президента Дикси». Главный старожил был шокирован, обижен и подавлен. В результате он потерпел проигрыш в 800 очков в вечерней партии бриджа. Райленд был весьма доволен. Ссора повышала содержание адреналина в крови. Он отправился наружу, поискать кого-нибудь для новой ссоры. Самым подходящим кандидатом, рассуждая логически, была Анджела, и он обнаружил ее в том же месте, что и в прошлый раз. Она загорала перед своим коттеджем.

— Стив, дорогой,— прошептала она. Но он не желал поддаваться ее обаянию.

— Только что я сделал первый взнос в наш банк,— грубо сказал он.— Угадай, какой? — Он дал ей время с беспокойством осмотреть его, потом объяснил: — Ничего особенного, всего только кровь. Повезло, а?

Тон его был отвратительно грубым.

— Да, Стив,— сказала она.— Это большая удача. Мы должны говорить только об этом? Давай снова пойдем к озеру. Сегодня тепло, и у фонтана должен быть ветерок...

— И это все, что тебя заботит, не так ли?

— Стив!

— Еда и уютная обстановка. И это все, что тебе требуется?

— Стив, сегодня ты в дурном настроении,— раздраженно сказала Анджела.— Если ты не хочешь идти со мной, я пойду одна.

— А тебе не все равно?

Она раскрыла рот, потом закрыла, посмотрела на него, тряхнула головой. Она была рассержена, но одновременно это ее не трогало. Райленд ее раздражал, значит, она уйдет от него. Задумавшись, он стоял на месте. Даже когда Анджела метнулась в сторону, если это подходит для описания движений женщины без рук и ног в электрическом кресле на колесах, он продолжал стоять там, размышляя. Одно дело знать, что в крови находятся транквилизаторы. Другое дело — знать, что предпринять по этому поводу. Он мог поддерживать адреналиновые железы в боевом состоянии, ссорясь с другими обитателями банка, но это утомляло. Лучше всего сначала вывести наркотик из крови... Это было просто сделать. Для этого нужно было одно, Райленд видел ясно: он должен совсем перестать есть и пить. Когда на следующий день время подошло к завтраку, он понял, что в системе имеются недоработки. Что-то есть ему необходимо, иначе он умрет. А от этого лучше не станет. Он остановил выбор на сахаре. В тот день, после полуденной поверки, он унес свой поднос в самый угол столовой... и оставил его там, не притронувшись к еде. Набив карманы кусками сахара, насколько мог незаметно, Райленд вышел. Это был оправданный риск. Вся еда попадала под подозрение, в том числе и сахар. Но вряд ли даже Машина при всей ее педан-

тичности станет возиться с нашпиговкой наркотиками сахара. Конечно, вода была вне дозволенного. И Райленд уже начал очищать воду из озера. Это привлечет внимание, думал он.

Он отправился повидать Анджелу, чтобы отвлечься от жажды. Они прогуливались вместе, девушка удобно себя чувствовала в своем поразительно маневренном кресле. Но Райленд сегодня показался ей в мрачном расположении духа. Они сели у озера, и Стив с вожделением уставился на воду. Вода, такая чистая, притягивающая! Сладкая вода! Но это был источник всей питьевой воды на «Небесах», и, несомненно, его уже успели обработать. Он разговаривал с Анджелой, в основном, о плавании и о том, как позванивает лед в стакане с водой, как разбегаются волны от носа лодки. Наконец, придя в легкое раздражение, Анджела сказала:

— Тогда иди поплавай. Обо мне не беспокойся.— Нежная улыбка.— Я, пожалуй, не буду по очевидным причинам, а ты плавай. Ведь тебе хочется искупаться, правда?

И это было так. Сначала он горячо отказывался, потом ему в голову пришла одна мысль. Почему бы и не поплавать? Если просто лежать в воде, расслабившись, это успокоит жажду... Он продержится до тех пор, пока мозг его полностью не освободится от воздействия наркотиков и он сможет найти какой-нибудь выход. Да, но вода была такой соблазнительной! Он лежал на мелководье и играл в особую игру. В игре ставкой была вся его жизнь. Он позволял воде подойти к самому подбородку. Он позволял ей коснуться губ. И даже взял несколько капель в рот, потом наполнил водой весь рот. Как легко было бы проглотить ее! Так легко утолить жажду! И конечно же, сказал себе, перекатывая глоток от щеки к щеке, наслаждаясь этим ощущением, конечно же, один маленький глоток не играет большой роли...

Райленд едва не поддался соблазну. И кое-что успел уже понять — жажда играла ту же роль, что и раздражительность. Он уже замечал и чувствовал многие вещи, на которые не обращал внимания еще вчера или час назад. Ранка на внутреннем сгибе руки саднила. Сестра неловко вставила иглу. Одежда растерла ему бедра — она сидела отвратительно. И какая радость, думал он, ощущать все это! Анджела с подозрением на него смотрела.

— Что с тобой? — спрашивала она.

— Ничего.

— Ты так себя ведешь... я просто не знаю. Словно Машина дала приказ перевести тебя отсюда. Словно тебе скоро снимут воротник.

И даже это не так уж невозможно, подумал Райленд. Если только он продержится еще немного, у него будет шанс.

— Почему бы и нет? У Дондерево получилось.

— Стив,— предупреждающе сказала Анджела.— Это неплановые мысли! Я в тебе разочарована. Никто не может бежать путем, которым бежал Дондерево, и даже если бы и мог, то твой долг перед Планом...

— Погоди минуту,— он перестал вытираться и повернулся, глядя на нее.— Что ты сказала? Что ты знаешь о Дондерево?

— Я знаю, как он бежал. В конце концов, он бежал именно отсюда.

Райленд услышал звук рвущейся ткани, опустил глаза и обнаружил, что его руки непроизвольно так дернули полотенце, что оно разорвалось. Он бросил его на землю и прошептал:

— Как?

Анджела развернула свое кресло, чтобы оказаться в тени. Она нахмурилась, потом сказала:

— Думаю, это не принесет вреда. У тебя все равно ничего не выйдет, даже если бы ты захотел повторить его побег. На это никто больше не способен.

— Анджела! Как он это сделал?

— Ни одним из тех методов, которым ты можешь последовать, Стив.— Ее улыбка дразнила его.— Он нашел группу врачей в здешней клинике, которую соблазнил неплановыми мыслями — рассказами о космосе за пределами Плана. Он ухитрился подкупить их, пообещав свободу и богатство в Рифах Космоса. Он подкупил их, чтобы снять кольцо... хирургическим способом.

— Как?

— Все было спланировано экспертами,— сказала она.— Предатели-хирурги подделали бумаги. Дондерево вызвали однажды утром, как обычно это бывает. На операционном столе он был полностью разобран на составные части и органы, включая позвоночник. И все эти части были перевезены в соседнюю операционную и собраны обратно, но уже без железного кольца на шее. Но ты не радуйся,— предупредила она его.— Заговор раскрыли, участники его быстро попали в утилизацию. К сожалению, Дондерево успел к этому времени убежать.

— Каким образом?

— Это самое важное,— сказала она.— Понимаешь, хирурги придумали хитрость, чтобы замести следы. Из отходов утилизации они собрали человека и поместили его в воротник Дондерово. Этот «симулянт» занимал место Дондерево, пока преступник не скрылся.

Райленд поежился, хотя сидел на солнце. Такой побег казался устрашающе жестоким, даже если бы у него была возможность последовать ему.

— Давай займемся чем-нибудь поинтересней,— предложила Анджела.

— Я хочу узнать ещё кое-что.— Он посмотрел на нее.— Как ты все это узнала?

Она лениво потянулась медленным грациозным движением змеи.

— Наверное, я могу тебе сказать, Стив.— Она доверительно улыбнулась ему.— В конце концов, для тебя не секрет, что я работала в полиции Плана. Понимаешь, я сюда попала

по делу Дондерево. Его не могли раскрыть, пока мне не удалось уговорить одного из виновных врачей помочь мне бежать тем же способом.

Она зевнула, улыбаясь с удовлетворенностью кошки.

— Если ты попала сюда как шпион, то почему ты...

Он замолчал, чувствуя ужасную неловкость.

— Почему я до сих пор здесь? Не стесняйся задать этот вопрос, Стив. Я до сих пор здесь, потому что к тому времени, когда я завершила дело, я уже была... вот в таком виде, как сейчас. Естественно, План не мог ради меня пойти на возвращение уже использованного материала... поэтому... меня переклассифицировали. Не буду отрицать, поначалу это немного меня беспокоило. Но потом я к этому привыкла. И ты тоже привыкнешь, Стив. Потому что у тебя нет другого выбора.

Но смириться с судьбой он не мог, как ни было сильно искушение. Его разбудил ночной дождь, и он выскочил наружу, разбудив соседей, нашел водосточную трубу под карнизом и пил, пил, пил. Это придало ему сил. На следующее утро он уже видел результат. Он вытянул руку перед собой, и она дрожала. Дрожала! Он нервничал. И еще ему хотелось есть. Пока что вода у него была. Он отыскал кувшин и аккуратно наполнил его водой из дюжины водостоков. Вода отдавала цинком и смолой, зато была свободна от наркотиков. Но голод... Он не стал завтракать. Утром к нему пришел Опорто, и его глаза на смуглом маленьком личике ничего не пропустили.

— Нет аппетита, а?

Райленд отодвинул в сторону нетронутый поднос — ветчина и великолепный соблазнительный кофе! — и сказал:

— Нет. Не хочется.

Позже, уже в домике «Президента Дикси», куда вслед за ним увязался коротышка, тот указал на кувшин с дождевой водой:

— Что это?

— Это вода. Если вдруг захочется пить,— ответил Райленд, позволив себе маленький глоток. Лицо Опорто сохраняло задумчивое выражение. Райленд обнаружил, что сила рока неотвратимо нависла над ним — страх высушил его рот. Но он радовался этому. Он наслаждался ощущению ужаса. Он смотрел по сторонам на остальных обитателей «Небес» и видел перед собой толпу зомби, живых, но уже мертвых, павших жертвой асфоделиков. Они смеялись, улыбались, прогуливались, если у них были ноги, но они уже были мертвецами. И только он, Райленд, был жив и охвачен паникой. И очень хотел есть. Ему удалось оторваться от Опорто почти перед самой полуденной поверкой и выкроить время, чтобы прочесть несколько страниц дневника.

«16 октября. «Свалку» только осматривают. За ней следит охрана на обзорной галерее в северной клинике. Иногда там никого нет, не знаю, почему.» «5 ноября. Сегодня я был в северной клинике, на пятом этаже, где находится охранник. Я,

кажется, понял, почему он иногда отсутствует. Его дважды вызывали помочь перенести пациента, очевидно, это входит в его обязанности. Так как меня привязали к столу, я не мог видеть непосредственно, но, кажется, всякий раз, когда его вызывают внутрь, он остается там, по крайней мере, полминуты, и, вероятнее всего, его вызывают наиболее часто, когда график операций плотный. Видимо, три часа или около того вслед за каждой поверкой — самое удобное время. Утренняя и полуденная поверки отпадают. Во-первых, мне не удастся скрыть свое присутствие на «свалке» более чем на пару часов, во-вторых, мусор не сбрасывают, как правило, раньше ночи. Остается ночь. К сожалению, операций делают в это время немного... Сегодня у меня взяли левую ногу, включая бедро». «3 декабря. Сегодня на утренней поверке вызвали необычно много народу. Ходят слухи, что в Хадже, Калифорния, взорвался завод реакторов, и потребуется много запасных частей. Когда же? Сегодня ночью?»

Райленд перевернул страницу, но он уже знал, что найдет там. Следующая запись была последней. Д.У.Х. близко подошел к отгадке, но недостаточно близко. Голод начал серьезно мучить Райленда. Его организм отказался принимать один сахар. Опорто явно начал что-то подозревать. Он не отставал от Стива ни на минуту. Сидя спиной к валуну у озера с пальмами, он наблюдал, как Райленд мрачно швыряет камни в кокосовые орехи. Сбить хоть один ему не удалось, но зато, посетив несколько пальмовых рощиц, он обнаружил упавшую пальму.

— Ты, видно, очень любишь кокосовое молоко, — хмуро заметил Опорто, глядя, как жадно разбивает Райленд камнем скорлупу.

— Я его обожаю,— на самом деле орех перезрел, и вкус у молока был отвратительный.

— Хорошо идет с чесноком, а? — Опорто имел в виду какие-то дикие коренья, которые нашел Райленд. Их стрелкообразные зеленые листья высовывались из травы, а под землей скрывались маленькие, узловатые, с сильным запахом корешки. Опорто заметил, как Райленд пробовал их на вкус.

— Оставь меня одного, пожалуйста,— сказал Райленд.— Я... э-э... не совсем хорошо себя чувствую.

— И неудивительно,— вздохнул Опорто. Но немного спустя он куда-то побрел.

Райленд сразу забыл о нем. Он чувствовал себя слабым и истощенным. Это только самовнушение, говорил он себе, ведь потерпевшие кораблекрушение моряки выдерживали месяцы и даже годы почти на той же диете, что и Райленд, и даже более скромной! Но они, конечно, не подвергались искушению три раза в день при виде полного стола вкусной еды, которую нельзя было отведать. Имелись и другие соображения. Он с вожделением смотрел на рыб в озере. Он мог поймать одну из них и зажарить на костре.

Но он и так уже привлек к себе внимание, больше рисковать не стоило. Охранники «Небес» наверняка знают, что де-

лать с обитателем, раскусившим загадку транквилизаторов. Едва ли они обнаружат такого, но если обнаружат, то будет названо его имя на поверке, потом в вену вопьется игла, и вся сила успокоения вольется в жилы, и сила воли ему не поможет. Но полностью он не сможет избежать подозрений, если будет продолжать отказываться от восхитительной пищи, которую предлагали на «Небесах». Уже сейчас на него поглядывали соседи по «Президенту Дикси», не говоря об Анджеле Цвиг и прежде всего Опорто, которые открыто подозревали, догадывались, что он помышляет о побеге. На следующее утро Райленд скрылся от остальных и обошел «Небеса» по краю. С неохотой ему пришлось убедиться еще раз — стены непроницаемы. Оставалась только «свалка». Остатки утилизированных обитателей орган-банка сначала скапливались в сборнике из нержавеющей стали рядом с Северной клиникой. Сейчас там было пусто — тонны человеческих остатков были переправлены на баржу, и буксир оттащил ее в море. Горячее солнце блестело на стальных стенках резервуара. Его окружала ограда из колючей проволоки, которую, в свою очередь, скрывала масса цветущих кустов бугенвиллии. Райленд подумал, что проволока, наверное, под током. А может, и нет... Видимо, подумал он тут же, с попыткой не следует тянуть. Чем раньше он попытается бежать, тем больше шансов сохранить свое тело. Уже сейчас охранники проявляли некоторую активность: по крыше Северной клиники прохаживались люди в форме, там же стояли устройства, очень напоминающие мощные прожектора. Райленд нахмурился. Если «свалку» будут освещать, его задача усложнится. Хотя прожекторы были какие-то странные — с рефлекторами, но без линз, и по размерам довольно скромные. Райленд сложил пальцы крестом. Видимо, у этих аппаратов другое назначение. Ему оставалось только надеяться.

— Стив! Стив! Райленд! — послышался громкий знакомый голос. Это был Опорто, он что-то кричал, улыбался, махал рукой.

Райленд не спешил к нему навстречу. Откуда коротышка узнал, что он здесь? И от чего он так возбужден? Опорто тяжело сопел, едва не дрожал.

— Вот кошмар, Стив! Ты уже слышал?

— О чем?

— Еще один туннель обвалился! На этот раз погибли тысяча восемьсот человек. Знаешь, что я думаю? Это саботаж. Вот что я думаю.

— Саботаж? Но кто?

— Антиплановские элементы,— жизнерадостно объяснил Опорто.— Аварии ведь были повсюду, ты знаешь. Тысячи человек убиты! Повреждены пути сообщения! — Он бросил взгляд через плечо, улыбнулся и сказал громко:— Или ты так не думаешь, а, Стивен Райленд?

Ноздри Райленда расширились, явственно чувствовался запах опасности. Он посмотрел в ту сторону, куда оглядывался Опорто, и увидел то же, что видел Опорто. Три мощного сло-

жения охранника в белых униформах направлялись прямо к ним. Он понял, почему Опорто так громко назвал его имя, и коротышка кивнул, нимало не смущенный.

— Да, Стив, Иуда Искариот — вот моё второе имя.

Охранники были готовы к сопротивлению Райленда. Но он не стал сопротивляться и позволил им отвести себя в клинику, где в руку его вонзилась игла, и он смотрел на нее бесстрастно. Укол был почти безболезненным, хотя он знал, что это означает. Это снова были транквилизаторы, но на этот раз он уже был к ним готов.

— И чтобы больше таких глупостей не было,— проворчал охранник, выводя его из ворот клиники.

Тело Райленда мгновенно прореагировало на укол. Он смирился с этим. Уютная теплота, обволакивающая его, теперь уже не имела значения. Он едва не расхохотался. Он даже не чувствовал гнева из-за предательства Опорто — больше Опорто он доверять не будет, теперь он не совершит такой ошибки... И тем временем... И тем временем... тем временем он может есть! Во время ленча у стола «Президента Дикси» возвышался мрачный охранник. Райленд наслаждался жареной свининой и картофелем и выпил целых три чашки кофе. Все было очень вкусным. А почему бы и нет? Ведь транквилизаторы не затуманивают мыслей — просто снимают уровень эмоций, которые и служат наивысшим побудителем действий. Но беспокоящий страх уже сыграл для Райленда свою благотворную роль. План был готов. Он приведет его в исполнение сегодня ночью, если удастся, либо следующей ночью, наверняка. Он рассудил, что теперь, когда Опорто донес охране о том, что Райленд избегал пищи, оставаться на голодной диете не имело смысла — транквилизаторы ему станут вводить прямо в вену. Ладно, это не имело значения, как и все остальное. Он уже знал свой путь и едва мог дождаться сумерек. Время тоже не собиралось ждать Райленда. В этот день вызывали очень многих. Сосед Райленда по комнате попал в список на полуденной поверке и до сих пор не вернулся — и уже не вернется, говорили опытные обитатели, потому что если вы не возвратились к следующей поверке, то не возвратитесь совсем. Днем вызвали пятерых. После ужина — еще семерых. Ого, подумал Райленд сквозь приятный туман мепробамата, во всем коттедже остается всего три человека, не вызванных в этот день, и среди них он, Райленд. Судьба явно была к нему благосклонна. После вечерней поверки он в последний раз прошелся по дорожкам банка и отправился испытать свою удачу. И сделал это как раз вовремя. Потому что едва он успел скрыться в сгущающихся сумерках почти на расстоянии прямой слышимости, как до него донеслись слова охранника в белом, подходившего по ракушечной дорожке. Райленд приостановился, вслушиваясь. «Райленд» — явственно сказал охранник, и еще что-то, кажется, «клиника». Ответил ему басовитый голос одного из немногих пока уцелевших обитателей «Президента Дикси».

— А-а — сказал охранник, не очень заинтересовавшись.— Ладно, когда он появится, скажите, чтобы пришел. Она подождет.

Райленд затаился в ночной темноте. Он не мог знать, чего они от него хотят, но был уверен, что время его подходит к концу даже быстрее, чем он предполагал. Кто была эта «она»? Которая могла подождать? Анджела?

Едва ли это так, и все же почему не пойти, не повидаться с ней? Если окажется, что это Анджела каким-то образом уговорила охранника взять на себя миссию мальчика-курьера, то ему не помешает выяснить причину. Если же это не она... все равно, чем дальше он будет от коттеджа «Президента Дикси», тем лучше для него.

Посылала за ним не Анджела. Она совершенно не имела понятия, почему охранник искал его, и совершенно этим не интересовалась. Чувствуя напряжение, постоянно оглядываясь на случай неожиданного появления охранника, он присел рядом в темноте теплой тропической ночи. Больше для того, чтобы проверить ее реакцию, а не затем, чтобы облегчить чувства, он рассказал о доносе Опорто и о полученной им в результате новой дозе транквилизатора.

— И правильно он поступил, Стив. Ты не должен совершать антиплановые поступки.

Он печально покачал головой.

— Я тебя не понимаю,— заметил он.— Одно дело работать для Плана. Это понятно, это обязанность. Другое — выдать товарища... — он замолчал и быстро посмотрел на нее, но Анджела лишь засмеялась.

— Я знаю, Стив, но ты ошибаешься. Помнишь, что я делала, когда мы впервые встретились?

— Работала с компьютером.

— Правильно! Мы задавали ему задачи — о, сложнейшие задачи. Я так любила эту работу, Стив! И компьютер решал все задачи, одну за другой, щелк-щелк! И он не ошибался, он был частью Плана, понимаешь! Одной из частиц всеобщего Плана Человека, которым управляла Машина. А знаешь, почему он не ошибался?

— Почему? — проворчал он. Она такая успокоенная.

— Потому что мы его проверяли постоянно! — торжествующе воскликнула она.— Там был специальный выключатель тестирующего контура. После каждой задачи мы посылали проверяющий сигнал — о, он в пять раз превышал по напряжению обычный — через каждую лампу, каждую микросхему, каждый транзистор, каждое реле. Если какая-то деталь была ненадежной, она выходила из строя сейчас же, и мы знали, где неисправность, и могли заметить ее. И... Стив,— сказала она с серьезным выражением,— я тоже такой проверяющий заряд.

Она подалась вперед, опираясь на высокое ограждение, не дававшее ее безрукому телу выпасть из кресла.

— Такие, как ты, не имеют права разрушать План! —

крикнула она.— Вас нужно находить и... заменять. Опорто и я — у нас была одна функция в системе Плана: находить и сообщать о ненадежных деталях. Ты был плохой деталью, Стив, признай это — ты мог подвести. И ты действительно подвел! И Машина куда лучше справится без тебя!

Райленд заходил вокруг кресла. Девушка смотрела на него с торжественным и сострадательным выражением больших глаз. Наконец он с неохотой спросил:

— И ты по-прежнему желаешь служить Машине, даже теперь, когда она отобрала твои руки и ноги?!

— Да, желаю.

— Тогда ты ненормальнее Опорто! — рявкнул он.— Машина — это чудовище! План Человека — надувательство!

Но Анджела оставалась спокойной..

— Он сохраняет жизнь тринадцати миллиардам людей на Земле, — напомнила она ему.

— Тем, что держит в рабстве все эти тринадцать миллиардов!

— А ты знаешь другой способ?

Он нахмурился.

— Не знаю. Но возможно... в Рифах Космоса...

— Рифы Космоса больше для тебя не имеют значения, мой дорогой. Так же, как и Рон Дондерево. О, да, это был настоящий мужчина, и, возможно, Рифы действительно существуют, я не знаю. Но какая нам разница? — Она шевельнула головой, и колеса кресла передвинули ее ближе к Райленду.— И разве это так уж плохо, Стив? Быть рабами? Я знаю, у тебя есть идеалы... и я тебя за это уважаю, честное слово! Но ведь речь идет о смерти и жизни человечества. И разве не правда, что почти для всех в Плане Человека предусмотрена доля счастья?

Он рассмеялся.

— Это счастье попадает в нас со стаканом воды.

— Только ли? — она лениво откинулась на спинку, глядя на него искренними глазами.— Ты забыл обо мне, Стивен. Разве ты не хочешь меня?

Вопрос застал его врасплох. Он вспыхнул.

— Я... я не знаю, что...

— Ведь я здесь, Стивен,— продолжала она мягким нежным голосом.

— Если ты хочешь меня, то я рядом. И я беспомощна, я не могу сопротивляться.

Он сглотнул.

— Ты... — Я тебе этого никогда не прощу, Анджела! Ты опустила меня до своего уровня, так? Но дважды этот фокус не пройдет!

В ее спокойном голосе слышалось искреннее сожаление.

— Не знаю, о чем ты говоришь, дорогой.

И мгновение спустя Райленд понял, что она говорит правду, она будет принадлежать ему, если он захочет, и не станет его за это винить.

— Ты и в самом деле высоковольтный проверяющий кон-

тур, Анджела,— грубо сказал он.— Но ты меня однажды уже пережгла. И я не намерен допустить это еще раз.

Теперь он уже не сомневался в том, что станет делать. Он внутри огражденного стеной пространства. Но у стены две стороны. Он выберется на другую сторону! Возможно, он будет только человеческим обрубком, у которого к тому времени отберут все, но он выберется. Потому что... потому что на той стороне стены есть кое-что... Возможно, там есть даже свобода — в Рифах Космоса. И есть там, вероятно, человек, который знает, как убрать с шеи кольцо. И еще там была Донна Криири. Внезапно он повернулся к Анджеле, встревоженный мыслью о дочери Планирующего и сказал:

— Я... я не хотел...

— Не надо извиняться, Стив. Ты из всех остальных людей... — Она запнулась.

— Что ты хотела сказать?

— О... ничего. Ничего особенного. Просто...

— Анджела! — сердито сказал он.— Ты всегда что-то от меня скрывала! Пожалуйста, хотя бы здесь перестань. Ну, так что ты хотела сказать? Что я чем-то не такой, как остальные люди? Чем же я отличаюсь от них?

Ее красивые большие глаза безмятежно смотрели на Райленда. Потом она сказала:

— Так ты не знал, кто ты такой?

Райленду стало несколько не по себе.

— Разве тебе не приходилось замечать, что ты несколько не такой, как все?

Он уже собрался покачать головой, но что-то удержало его. Он вспомнил, как когда-то ему казалось, что он уже слышал голос Анджелы, доносящийся из темноты за конусом света, направленным на него, пристегнутого к кушетке тераписта.

— Ты должен был заметить, что отличаешься от других, Стив,— насмешливо продолжала она своим нежным голосом.— Ты никогда не задумывался, почему?

Ему захотелось ударить ее. Железный воротник вдруг стал таким тесным, что он едва мог вздохнуть, и в жилах на шее запульсировала кровь. Он сидел на траве, онемевший, и смотрел на Анджелу.

— Ты думал, что ты человек, как все? — голос ее был полон презрения.— Мне показалось, ты мог догадаться, когда я рассказывала тебе, как бежал Дондерево. Ты — «подсадная утка».

— Подсадная... что?

Волосы шевельнулись у Райленда на затылке. Он вздрогнул, хотя было тепло. Железный воротник стал тяжелее.

— Я тебе уже говорила, как хирурги собрали нечто из ненужных частей, чтобы скрыть побег Дондерево. Подсадная утка для охраны. Так вот, Стив, это ты и есть.

Он сидел неподвижно, осторожно дыша сквозь мертвую хватку воротника.

— Ты обладаешь привлекательной внешностью, Стив.

Это потому, что хирурги старались придать тебе сходство с Дондерево, а он был красивым мужчиной. Если ты ненавидишь План, то это потому, что твои внутренние железы и мозг были собраны из того, что осталось от нескольких наиболее неблагонадежных граждан, выдающихся, так сказать, врагов Плана. Если ты и отличился изобретением в области геликальных полей, то это потому, что лобные доли твоего мозга взяты у человека, который эту теорию разработал... Если остальная часть твоей памяти несколько расплывчата и противоречива, то потому, что остальной твой мозг был собран из смешанных остатков тканей.

— Нет! — хрипло прошептал он. — Это невозможно!

Но воротник сжал горло и задушил слова. Он почувствовал ужас при мысли, что это может быть правдой.

— Если я был здесь раньше,— в отчаянии возразил он,— я все равно ничего об этом не помню.

— Это еще одно доказательство,— Анджела улыбнулась.— Люди, собравшие тебя, были исследователями, так же, как и врагами Плана. Они использовали ненужные мозговые ткани, пытаясь улучшить уже созданные природой. Когда они собирали твой мозг, они использовали возможность создать опасный для Плана ментальный механизм.

Потрясенный, он мог только повторить слово: «Нет!»

— Доказательств достаточно, если ты даже и не веришь мне,— сказала она,— вспомни все свои попытки диверсий. Туннели субпоезда, реакторы на заводах, ионные ускорители в ракетах, которые ты уничтожил своими «усовершенствованиями»...

Райленд вздрогнул, словно в агонии.

— Я не помню...

— Это еще одно преимущество, вложенное в твой мозг,— спокойно сказала она.— Врачи-хирурги оснастили созданный ими мозг контуром самостирания памяти, чтобы предохранить тебя от соблазна выдать секреты под пыткой. Неужели ты не замечал пробелов в своем прошлом?

— Я... я замечал,— кивнул он.

— Вот и все.— Ленивое удовлетворение светилось в ее улыбке.— Все то особое внимание, которое тебе уделяли последние три года, еще раз доказывает, что как орудие диверсий ты действовал великолепно. Но теперь ты свое назначение исполнил. Думаю, ты теперь представляешь беспрецедентный случай — твои органы будут использованы повторно. Но, несмотря на это, Стив, я не могу не сказать тебе, что ты слегка задираешь нос. Собственно, ты собой представляешь только сто шестьдесят фунтов подкормки для акул, которую эти предатели-хирурги у них стащили.

Корм для акул! Если это правда, то там ему и место! Райленд нырнул в заросли бугенвиллий, окружавших стальной сборник для отходов, наблюдая за часовым на крыше клиники. Уже почти полностью стемнело, и в разрывах между тучами появились звезды. Прожекторы — или это были какие-то другие

устройства — еще не включали. Безмолвный, Райленд наблюдал и старался не думать. Одной тревогой меньше. И все же придется подождать, когда станет совсем темно. Охранники со скучающим видом смотрели в сторону океана. Ночь была теплой, нежной, тропической. Но то, что лежало перед ним, представляло ужасающее зрелище. Очень странно, подумал Райленд, что План Человека не скрыл, не упрятал это месиво человеческого мяса. Этот мир был так закутан в предохраняющую от шока изоляцию, что, казалось, подобного рода зрелища должны быть надежно спрятаны от посторонних глаз. Перед ним в сборнике отходов лежало несколько тонн ампутированных конечностей, частей тел и целых тел, из которых были удалены жизненно важные органы, кости, участки артерий и нервных тканей. У этих побелевших мертвых тел за проволочной оградой отобрали самую малость — их жизнь. Осталось только превосходное органическое вещество. И это тоже странно, подумал Райленд. Эти отходы могли бы пойти на отличный корм животным. Или, может, по крайней мере, в этом отношении План Человека имел основание проявить гуманность. Но подумать только, ведь гектары истощенной обрабатываемой почвы могли бы быть восстановлены с помощью протеина и фосфатов, заключенных в этих трупах. План решил не употреблять их таким способом. Каждую ночь накопившиеся отходы переправлялись трубопроводами на баржу. Их плоть достанется крабам, ракам, морским медузам. Почему бы и нет? Эту рыбу съедят потом люди, почему бы не сократить цепочку? Райленд с беспокойством заерзал и переключил мысли на другое, потому что, если Анджела сказала правду, из таких же отходов было составлено и его собственное тело...

Но вот уже почти стемнело. Со стороны коттеджей донеслось бормотание динамиков всеобщего оповещения. Он не мог разобрать слов, но обычно так поздно вечером их никогда не включали. Потом пришли в действие другие громкоговорители, расположенные ближе и, кажется, он разобрал свое имя. Райленд беззвучно выругался. Ближайший к нему часовой стоял неподвижно, как сама Машина, уставясь на территорию «Небес». Неужели он не может на мгновение посмотреть на звезды, зевнуть, почесаться, потянуться, сделать что-нибудь, кроме того, чтобы исправно нести бдительное дежурство на посту? Снова заговорили динамики. Эти были расположены вокруг озера, как понял Райленд. И в тоне говорящего появилось раздражение, словно там, в радиоцентре на верхнем этаже клиники, его подстегивало какое-то более высокое начальство, и он переключал раздражение на несчастных обитателей «Небес». Потом заговорили громкоговорители, расположенные еще ближе, и Райленд ясно расслышал произнесенное имя, его собственное имя. «Райленд!» Только каждый громкоговоритель был расположен на некотором расстоянии от другого, и поэтому слово было похоже на удаляющееся эхо: «Райленд, Райленд, Райленд...» Он не удивился. Он ожидал именно этого. Он слушал, как повторяются слова говорящего: «Вам...

приказано... явиться... в Южную Клинику... Немедленно!..» Около озера Райленд увидел огни ручных фонарей. Он глубоко втянул в легкие воздух. Ему придется испытать судьбу, даже если охранник и не отвернется... Он напрягся, замер. Охранник на крыше вдруг шевельнулся. Он повернул голову и кивнул кому-то внутри здания, потом так быстро, что Райленд и не заметил движения, исчез, шагнув в коридор верхнего этажа. Райленд бросился бежать, перелетел через загородку, разорвав одежду, тут же стянул ее с себя и спрятал под кучей мертвых тел, а сам упал туда, содрогаясь от соприкосновения с человеческим мясом. Это было ужасно, такое происходило в старинных рассказах о заживо погребенных людях: пробуждение в тесном ящике гроба, во тьме, где запах сырой земли, в которой на глубине шести футов находится гроб. Он чувствовал себя солдатом в бою, который получил смертельную рану, но потом пришел в себя и оказался в общей могиле среди десятков убитых. Вокруг были одни мертвецы, и сам он был почти что такой же мертвец. Райленд благодарил Бога за то, что тот создал мепробамат. Он пытался лечь как можно естественней, насколько это было возможно. Руки и ноги он постарался спрятать под туловищем — чтобы часовой не удивлялся, каким образом на свалке оказался неповрежденный труп. Райленд замер. Едкий прокисший запах вызывал тошноту, его на мгновение обдало ледяной волной. Он молча выругался. Ему раньше и в голову не приходило предположить, что механические стенки сборника будут охлаждаться. Он лежал и ждал. И не осмеливался поднять голову, не осмеливался как следует вздохнуть. Как он прикинул, только через несколько часов содержимое сборника будет переправлено на баржу. Вспыхнул яркий свет. Райленд замер. Послышались отдаленные голоса. Ничего, видимо, подошло время смены часовых, и это хорошо, значит, время бежит даже быстрее, чем ему казалось. Свет — это только обычный осмотр, ничего страшного... загорелся еще один прожектор, и еще один. Теперь металлическое углубление сборника отходов было залито светом, тонуло в ослепительных лучах, а над головой Райленда послышался шум винтов геликоптера, и его прожекторы тоже были направлены вниз. Райленд лежал не шевелясь, не осмеливался даже моргнуть, но напрасно, все было напрасно. Послышалась команда, по металлическим ступеням лестницы зазвенели шаги спускавшихся в сборник охранников. Их было четверо. Они не колеблясь направились прямо к Райленду, наступая на куски тел, отпихивая их в сторону носками ботинок. Они шли прямо к Райленду.

— Неплохо придумано,— ухмыльнулся один из них. Потом добавил, но уже угрожающе: — Но не вздумай пробовать еще раз.

Они подтолкнули его к лесенке, не позволив ему найти одежду. Теперь, когда все кончилось, тело его сотрясалось от дрожи, он спотыкался.

— Как... как вы нашли меня? — едва выговорил он.

Охранник взял его за локоть и помог взобраться на крышу Северной Клиники. Выказывая некоторую гуманность, он показал на ряд устройств, которые Райленд принял за прожекторы.

— Это инфракрасные локаторы, Райленд. Учуяли тепло твоего тела. Да, их можно тоже обмануть, но только если на тебе одежда, скрывающая тепловое излучение тела. А одежда сразу же выдала бы тебя,— добавил он сочувственно.— Поэтому не расстраивайся. У тебя не было ни одного шанса.

Он открыл дверь и подтолкнул Райленда внутрь, в холл клиники.

— Теперь ступай. Там кто-то тебя требует. Кто-то очень важный.

Его быстро провели по коридорам, втолкнули в какую-то комнату, оставили на мгновение одного, потом сунули комбинезон, дали время, чтобы он мог натянуть на себя одежду, которая была на четыре размера меньше, чем требовалось.

— Там на это смотреть не станут,— проворчал охранник в белой куртке с алым сердцем на груди.— Пошли! — они отвели его в другую комнату и снова оставили одного. Сквозь открытую дверь Райленд видел операционную. Хорошо, что есть на свете транквилизаторы, подумал он спокойно, потому что он явно прибыл на конечный пункт своего пути. Над двойным столом пылали асептические лампы. Все члены операционной бригады собрались за прозрачной стерильной перегородкой. На столе лежал человек примерно такого же сложения, что и Райленд, рядом с ним сложный аппарат с колоколообразными помпами шипел воздухом по сетям трубок и шлангов. Искусственные легкие? Да. И этот человек, понял Райленд, должен получить новые легкие. И получит он их, естественно, от Райленда... Или не получит? Потому что второй стол был уже занят обитателем «Небес». Это было странно. Но, видимо, это только означает, что ему придется стать донором в следующей операции. План Человека не располагал возможностью заботиться об эмоциональном состоянии каждого человека, и вследствие этого, ему, Райленду, позволили стать свидетелем операции. Он посмотрел в сторону, потом опять заглянул в зал операционной, глядя со страхом, но и с любопытством, как хирург отдает короткие приказания, рассекает кожу, мышцы, проламывает кости... Операция подошла к концу, когда за спиной он услышал шаги. Он повернулся. В комнату вошла Донна Криири. Донна Криири! Она взглянула на Райленда, словно он был частью мебели.

— Долго же вы его искали,— недовольно сказала она человеку, который вошел вместе с ней. Судя по выражению лица и знакам отличия, это был главный хирург клиники.— Ладно, у меня есть эта штука,— она помахала радарным пистолетом,— поэтому я с ним спокойно отправлюсь. Правда, Райленд?

— Но это совершенно против правил,— с сомнением сказал хирург.

— Вы сами видели приказ Машины,— продолжала мисс Криири и помахала куском телетайпной ленты.

— О, конечно,— поспешил сказать хирург,— конечно, мисс Криири. Вы ведь знаете, я не стал бы... Но это совершенно против наших правил.— Донна холодно кивнула и поманила рукой Райленда.

— Машина имеет право менять правила,— сказала она.

— Теперь покажите, как нам пройти к ракете.

Они вышли из клиники и направились к посадочной площадке. Там, присев на хвостовых стабилизаторах, стояла скоростная ракетная яхта Донна.

— Чиквита! — прошептала девушка.

— Одну минуту, мисс Криири,— решительно сказал Райленд.— Куда вы меня везете?

Она задумчиво посмотрела на него.

— У меня приказ Машины,— сказала она, помолчав немного.— Она велит доставить вас в другой орган-банк, ваши органы требуются для лечения одного важного члена Планирующей комиссии.

— Звучит довольно странно! — запротестовал он.

— Да, очень. Чиквита! — Девушка топнула ногой и сердито уставилась на ракету.

Внутри люка что-то золотисто сверкнуло, потом засветилась бледная голубоватая дымка. Из люка выплыл пространственник. Его оранжево-коричневые глаза с обожанием смотрели на Донну Криири. С кошачьей грацией он изогнулся, завертелся в воздухе — от радости, как казалось, и замер, повиснув перед девушкой. Райленд начал что-то говорить.

— Помолчите,— прошептала девушка.— На споры нет времени. Нам нужно выбраться отсюда, пока они за вами не вернулись.

— Вернулись? Но почему? Дорожное указание от Машины...

— ... подделано.— Она хладнокровно встретила его пораженный взгляд.— Да. Я подделала его лично, поэтому знаю, что говорю. Хирург отправится обратно за вами, как только подаст обычное сообщение о выполнении приказа Машине. А когда это произойдет... как вы думаете, когда? Минут через пять?

— Я не понимаю!

— А вы и не должны! — взорвалась девушка.— Пока времени нет! Я пытаюсь спасти вам жизнь. Кроме того... —она заколебалась,— есть и другая причина, если говорить правду. Вы нужны моему отцу.

— Планирующему? Но... но... стал бы он подделывать приказ Машины?

— Я не могу вам все объяснить сейчас.— Она поглядела по сторонам, вокруг никого не было.— Помоги вам бог, если что-то случится! Я не могу спрятать вас в ракете — там негде укрыться, а туда они наведаются сразу. Не думаю, что они посмеют тронуть меня. Но вас... — Она пожала плечами.

— Что же я тогда должен делать?

— Делать? — воскликнула она.— Ну как что,— влезть на спину Чиквиты! Зачем же, по-вашему, я привезла ее? Только влезайте ей на спину — она сама знает, куда лететь.

Райленд летел на пространственнике, это напоминало езду верхом на золотом потоке. Обтекаемое золотистое туловище было более стройным, чем у тюленя, мех отливал чистым золотистым цветом, переходя в черный на хвосте. Это наверняка был самый необыкновенный скакун, на котором приходилось ездить человеку. Когда он взобрался ему на спину, Донна произнесла короткую команду. Пространственник едва слышно замурлыкал, мускулы его рябью пронзила дрожь, и внезапно он подпрыгнул в воздух на сотню футов. Стив не почувствовал ни сотрясения, ни удара перегрузки. Просто они вдруг оказались на довольно большой высоте. Сквозь тонкую ткань комбинезона — своей единственной одежды, Райленд чувствовал, как вибрирует тело пространственника. Он увидел, как дочь Планирующего входит в свою ракету. Она не собиралась ждать начала неприятностей. Райленд услышал звук работающих двигателей, но он все больше удалялся. И хотя ракета начала взлетать и тоже очень быстро набирала высоту, расстояние между ними не уменьшалось, так как пространственник летел значительно быстрее. Райленд затаил дыхание и приник к его спине. Он все еще не чувствовал давления встречного ветра. Далеко внизу он видел передвигающиеся, словно муравьи, фигурки людей на дорожках. Но они не смотрели вверх и, возможно, не смогли бы заметить Райленда, потому что до сих пор было еще темно, а патрульные геликоптеры с прожекторами висели между пространственником и «Небесами». Теперь они поднялись уже на высоту в тысячу футов. Ракета Донны, похожая на черную точку посреди огненного цветка собственных двигателей, казалось, была прилеплена к бетону посадочной площадки внизу. И только то, что она не уменьшалась в размерах, означало, что она движется вслед за ними. Но вскоре даже ракета начала теряться из виду. В северо-восточном направлении собирался шторм. Перистые облака предостерегающей завесой закрыли звезды, дождевые тучи вздымались черными башнями, шквалы ветра с дождем уже двигались над темными горными районами Кубы. Пространственник повернул в сторону грозы.

— Подожди! — крикнул Райленд.— Не надо туда! — Но пространственник или не понимал его, или не хотел слушаться. Он громко мурлыкал, как пушистый котенок, и стремительно летел навстречу грозовым тучам с их жестокими шквалами. А Райленд по-прежнему не ощущал движения. Поле пространственника, какова бы ни была его природа, одновременно ускоряло каждый атом его тела. С ним передвигался и своеобразный воздушный карман, заключенный в пространство светящегося голубоватого ореола вокруг животного. Полет их был почти беззвучен, хотя они неслись едва ли не со скоростью звука. Невероятно! Математический ум Райленда мгновенно

взвесил факты: видимо, пространственник создает вокруг себя силовую капсулу, форма которой зависит от природы встречаемого сопротивления. В данном случае образовалась тупоносая обтекаемая капля, когда они летели со скоростью сотни миль в час, а при достижении звукового барьера капля вытягивалась в иглу. И по-прежнему не было чувства давления, хотя «Небеса»» давно уже скрылись из виду, оставшись далеко внизу. Сейчас они летели над водой. Повсюду вокруг лежали облака. Они неслись в клубящийся фронт грозы, за которой следовал ураган. Ледяной дождь мгновенно промочил Райленда насквозь. Интересно, подумал он, дождь проникает сквозь капсулу, которая не пропускает воздушный поток! Но размышлять над этим не было времени. Неприятный холодный дождь не понравился пространственнику. Довольное мурлыканье перешло в жалобное мяуканье. Он задрожал, но продолжал стремиться вперед. Райленд потерял всякое представление об их положении в пространстве. Со всех сторон клубилась буря, туман и ледяной дождь, мелькали вспышки дальних молний. Но он надеялся, что пространственник знает, куда летит. Они пробуравили верхнюю кайму облачного фронта и вышли в чистое воздушное пространство. Под ними ураган закручивал облака гигантской спиралью, крутившейся вокруг неподвижного «глаза бури». Их окатил ослепительный свет. Это солнце снова показалось из-за западного горизонта. Значит, они поднялись на большую высоту! И продолжали подниматься все выше.

Райленда охватила невыразимая радость. Он совершил невозможное! Он бежал, и при этом остался цел! Он перестал быть нумерованным кандидатом в сборник отходов, он снова стал человеком. И Донна Криири помогла ему там, где он потерял неудачу. Он многим ей обязан. На секунду он задумался, о чем же это она не успела ему сказать относительно отца, потом оставил эту мысль. Ощущение чуда переполняло его, чуда свободного парения в бесконечном небе. Небо вокруг уже стало черным — воздух был совсем разреженным. И они продолжали подниматься, пока громадное пространство океана не обрело отчетливо выпуклый характер.

А они все продолжали стремиться вверх, и воздух действительно стал разряженным. Но этого не должно было случиться! Это Райленд знал наверняка — поле пространственника должно было удерживать воздух. Однако само космическое животное начало тяжело дышать. Его мурлыканье и мяуканье перешло в сухой кашель. Они продолжали подниматься, но Райленд чувствовал, что полет животного стал неуверенным. Они забрались на опасную высоту. Его измученное тело насквозь пронизал ледяной холод, несмотря на немилосердное сияние белого солнечного диска. Райленд понял, что всему виной раны пространственника. Пытки в клетке Готтлинга не прошли бесследно. Часть симбиотов пространственника погибли. А ведь именно фузориты давали теплокровному существу возможность жить в открытом пространстве. Они не исчезли

полностью, потому что воздух еще оставался вокруг пространственника. Он наполнял горячие легкие Райленда, предохраняя кровь от выкипания в вакууме, хоть немного защищал его от холода и убийственной ультрафиолетовой радиации солнца. Воздух еще был... но хватит ли его?

Райленд мрачно улыбнулся, сил уже почти не было.

— От судьбы не уйдешь,— прошептал он хрипло, задыхаясь... и потерял сознание. Он не заметил момента, когда отключился, и только знал, что это сейчас произойдет.

Когда Райленд пришел в себя, то искренне удивился, что до сих пор жив. Лицо Донны Криири склонилось над ним. И это еще больше усилило его изумление.

— Мы добрались,— прошептал он, не веря самому себе.

— Да, пока что все в порядке,— без улыбки сказала девушка.— Но не радуйтесь раньше времени, Райленд. Мы все еще в опасности.

Он попытался встать — и поплыл по кабине, пока рука девушки не подтолкнула его обратно на металлическую противоперегрузочную койку. Они находились в кабине корабля и, по всей видимости, в невесомости. Он посмотрел по сторонам.

— Мне нужно за...— начал он и тут же замолк. Он хотел спросить, где стоит телетайп, чтобы он мог зарегистрироваться. Но в этом, конечно, больше не было необходимости.

Донна Криири показала рукой на кабину.

— Тебе здесь нравится, Стив? Он твой.

— Мой? — Он был поражен.

— Да. Ты помнишь ту ракету, которую генерал Флимер оборудовал для тебя, для дистанционного управления из пункта Серый Треугольник? Это она и есть, хотя и с некоторыми переделками. Я убрала приборы дистанционного управления. Во всем остальном это отличная межпланетная ракета, и она вращалась на орбите, куда вполне могла доставить тебя Чиквита. Только...— лицо ее обеспокоилось.— Только почему отца до сих пор нет?

Райленд посмотрел на нее вопросительно.

— Простите,— сказал он,— но я не понимаю. Почему Планирующий должен здесь быть, и зачем ему я?

— Он должен был сам рассказать тебе, но, видимо, это смогу сделать и я. Стивен, знал ли ты, что за последние два месяца произошло больше сотни подземных толчков — и все они случились в крупных населенных центрах. Отец думает — правда, звучит это не очень хорошо, когда я говорю,— но мой отец думает, что вызывает эти толчки Машина.

— М а ш и н а?

— Я понимаю, Стивен. Но отец беспокоится. Он обнаружил, что Флимер и его команда что-то сделали с Машиной! Отец слишком хороший человек, он говорит, что не может этого понять. Но я могу. Флимер жаждет получить контроль над Машиной, потому что хочет власти над Планом Человека и уничтожения проекта разработки нереактивного двигателя, а

это лишь один шаг в цепи его замысла. Все подземные толчки и аварии субпоездов, взрывы реакторов и ионных ускорителей в ракетах — все это входит в этот ужасный замысел. О, Стивен! Как тщательно все это было разработано! Машина — это только транзисторы и реле, ты сам понимаешь, она знает только то, что в нее вкладывают люди. Флимеру удалось изменить ее входные контуры, и теперь Машина почти открыто противостоит отцу. И сердцевина всех неприятностей — нереактивная тяга. Машина уверена, будто бы такой двигатель уничтожит План Человека. Поэтому отцу пришлось пойти на хитрость и подделку. Он позволил мне спасти тебя, это один из его ответных ходов. Но я боюсь, что уже слишком поздно.

Она обеспокоенно заглянула в иллюминаторы.

— Пока, кажется, нас не преследуют. Пока.

Райленд, наконец, почувствовал, что дрожит от холода. Его слишком короткий комбинезон промок насквозь.

— Кто? — спросил он.

— Полиция Плана,— удивленно ответила она.— Генералу Флимеру нужна Чиквита, даже если он и не подозревает, что со мной еще и ты. Хотя не стоит на это рассчитывать: вряд ли Машина может быть настолько неблагоразумной, чтобы не сообщить о твоем бегстве из орган-банка. Флимер собирался убить Чиквиту, вот в чем дело, поэтому я похитила ее. И единственное безопасное для Чиквиты место — в космосе, в Рифах. Если мне только удастся ее туда доставить. Кроме того, это единственное безопасное место и для тебя.

— Ты уговариваешь меня бежать от Машины! — сердито сказал Райленд.— Стать преступником, отверженным!

— Стивен, но как, по-твоему, кто ты сейчас? Ты уже позабыл про «Небеса»? Я спасла тебе жизнь, и радуйся, что ты оказался здесь,— сказала она, поглаживая пространственника.— Я совсем не была уверена, что Чиквита сможет запрыгнуть за пределы атмосферы.

— И я тоже.

Она улыбнулась и на секунду снова превратилась в ту немного капризную шаловливую девчонку, которая разговаривала с ним в ванной. Но лицо ее опять быстро помрачнело.

— И все-таки если бы отец успел прилететь...— сказала она.— Чиквита не выживет, если не вернется в Рифы и не пополнит запас своих фузоритов. А я ... что ж, свою ракету я направила обратно на Землю, и она взорвалась. Они найдут обломки и, возможно, подумают, что мы оба погибли. Но они не настолько глупы, чтобы надолго поверить в это, а Машина тоже не допускает глупостей. Положение пока что... очень неустойчивое. Но мы с отцом все тщательно обсудили, он хорошо знает Машину. Он думает, что у нас есть двенадцать часов.

— А что потом?

— Ну, потом Машина взорвет твой воротник.

Невольно Райленд коснулся тусклого металла кольца на своей шее. Девушка была права. Машина именно так и поступит.

Двенадцать часов? Возможно, Планирующий не ошибся. Хорошо. Тогда за двенадцать часов они должны выйти за пределы действия радаров Машины.

— Мы сможем выйти за пределы действия радарного луча Машины за двенадцать часов? — спросил он.

— Не знаю, Стивен. Думаю, что можем. Машина может не знать, что ты в космосе.

Девушка подобралась к иллюминатору.

— Но отца с нами нет. Не знаю, как долго мы можем ждать. Конечно, как только мы доберемся до Рифов, можно считать себя в безопасности. Тогда тебе больше не придется носить воротник.

Вид у Райленда был удивленный. Она улыбнулась.

— Разве ты забыл, Стив? Рон Дондерево, человек, который избавился от воротника,— он там, в Рифах. Наверняка он может сделать то же самое и с твоим воротником.

Райленд беспокойно тронул кольцо.

— Пожалуйста,— попросил он,— расскажи, что ты знаешь о Дондерево...

— Ты знаешь все, что я могу рассказать. Или почти все. Когда-то он был другом отца, несмотря на их разные взгляды на будущее Плана Человека. Именно Дондерево первым рассказал отцу о Рифах и пространственниках и уговорил его попытаться создать нереактивную тягу. К сожалению, когда План присоединил к себе его владения, Дондерево принял участие в антиплановой деятельности и был классифицирован как опасник. А потом направлен в утилизацию. Отец встретился с ним, когда он был в орган-банке, и не пытался помешать бегству. Это генерал Флимер тоже использовал, настраивая Машину против отца. Я думаю, Дондерево сможет теперь помочь отцу в борьбе с Флимером за управление Машиной. По крайней мере, он сможет рассказать Машине о Рифах не только то, что она знает из рапорта Лескьюри, который Флимер успел надлежащим образом отредактировать. Вот туда мы, Стивен, и должны отправиться, чтобы найти Дондерево. Искать Рифы Космоса!

Райленд вдруг почувствовал, как отчаянно нужен ему Рон Дондерево. Он, возможно, поможет ему снять воротник. Он сможет рассеять туман, застилающий прошлое. Но он же, вероятно, скажет о том, что воротник нельзя снять без хирургического вмешательства, возможного только в орган-банке. И, наверное, Дондерево подтвердит то, что говорила Анджела — что Райленд был «подсадной уткой». Что его собрали из отходов орган-банка, и он не стоит того, чтобы его спасали. Он не вынесет, если Донна Криири когда-нибудь об этом узнает. Дочь Планирующего — и несколько десятков фунтов утилизированного человеческого мяса. Пропасть между ними будет слишком огромна, чтобы ее могло преодолеть хотя бы какое-нибудь теплое чувство. Донна Криири снова взглянула в иллюминатор и вздохнула.

— Не знаю, почему отца до сих пор нет,— сказала она.—

Но мы не можем больше ждать. Я пошлю ему сообщение, и мы отправимся в путь. Даже обычный радарный луч может сейчас до нас добраться, нужно уходить как можно скорее,— она улыбнулась.— И не только ради твоей безопасности. Если заряд будет включен внутри этого корабля...

Она сурово поджала губы и покачала головой.

Райленду снилась золотоволосая блондинка, у которой не было ни рук, ни ног... Потом над ним нависло ухмыляющееся лицо Опорто, в руках которого была ультразвуковая пила... когда начала вздрагивать земля, его тело завибрировало, словно струна... и он проснулся. Над ним стояла Донна Криири. Он потянулся и потер затекшие ладони и лодыжки. Потребовалось несколько секунд, чтобы проснуться полностью. Ничего необычного здесь не было: сон помогает преодолевать межпланетные расстояния. Их путешествие должно было длиться сто пятьдесят дней. Подошло ли оно к концу? На лице Донны была тревога, и громкое мяуканье доносилось из грузового отсека. Слава Богу, они были в космосе. Минимальное ускорение экономичных траекторий типа хохманновских предохраняло тело при контакте с койкой от пролежней и синяков, неизбежных на Земле.

— Стивен! — с отчаянием воскликнула девушка.

— Извини! — пробормотал он, заставляя себя проснуться.

— Чиквита сошла с ума!

Он вздохнул и пробрался к иллюминатору грузового отсека. Пространственник молнией метался по отсеку, как кот, упустивший мышь. Он отчаянно мяукал.

— Мы уже на месте?

— Нет, Стив! Но Чиквита так громко мяукала, что сработала аварийная система и разбудила меня. Нам осталось еще много дней пути!

— Ладно. Посмотрим, что ее беспокоит.

— Ничего не видно. Мы в глубоком космосе, за орбитой Плутона, но до Рифов еще далеко. Здесь нет ничего такого, что могло бы ее взволновать...

Она замолчала, прислушиваясь. Оба они услышали одновременно. Снова послышалось приглушенное постукивание по обшивке корабля.

— Ну-ка, поглядим,— мрачно сказал Райленд.

В иллюминаторах ничего не было видно, но на наружной двери воздушного шлюза было окошко, заслоненное шторой от радиации. Райленд отодвинул задвижку и раздвинул штору. Снаружи в шлюз заглядывал человек. На лице его было выражение нетерпеливого раздражения. Человек! Райленд и девушка посмотрели друг на друга. Этого не могло быть! Хотя все это, несомненно, было именно так! На человеке даже не было скафандра. Он кутался в ветхое одеяло и стучал по люку ручкой длинного ножа. Это был худой, невысокий, рыжебородый мужчина, уже немолодой.

— Стивен!— вскрикнула вдруг Донна.— Я его знаю. Его

зовут Куивера. Да, это он привез на Землю Чиквиту... чтобы спасти Дондерево из банка.— Она поколебалась, потом резко сказала:— Стивен, открой люк!

— Что?

— Открой люк!

— Но воздух...

— От этом можно не беспокоиться,— сказала она.— Смотри! Еще один пространственник! Неудивительно, что Чиквита так волновалась, она, несомненно, почуяла присутствие собрата.— Тот был побольше размерами и более темного цвета.— У них собственный воздух. Чем же иначе они могут дышать? Открывай люк.

Райленд колебался. Здравый смысл говорил ему, что девушка права, другого объяснения быть не могло. Но открывать люк ему все равно как-то не хотелось: ощущение вырывающегося в пустоту воздуха было слишком сильным, чтобы сразу уступить. Только усилием воли Райленд заставил себя повернуть ключ клапана. Послышался металлический воющий звук, зашипел клапан, выравнивая давление. И вот люк был уже открыт, но они по-прежнему дышали, втягивая странно пахнущий воздух — он отдавал каким-то приятным химическим ароматом. В шлюз поспешно вошел человек. За ним последовал его пространственник. У этого существа был красный нос, и он светился пульсирующим светом. Его большие глаза смотрели в камеру шлюза, он громко урчал от удовольствия и возбуждения.

— Стой! — крикнул маленький человек. Пространственник очень волновался, но подчинился ему, ожидая, пока человек раскроет внутренний люк и закрутит клапан наружной двери. Покончив с этим, Куивера сказал:

— Ладно, Адам, беги, встречай друга.

Два пространственника бросились друг к другу. Они описывали круг за кругом в тесном грузовом отсеке, мяукая и мурлыкая, один — густым баритоном, второй — более высоким сопрано.

— Дети,— усмехнулся Куивера.— Как они рады увидеть друг друга! — Он поклонился и снял с головы то, что еще оставалось от шляпы.— Дамы и господа, я — Квинтано Куивера, ваш покорный слуга.

Он снова посмотрел на Донну Криири и улыбнулся с неподдельным удовольствием.

— О, дочь Планирующего! Рад вас видеть. И вас, сэр, я тоже рад видеть, хотя не знаю пока вашего имени.

— Стив Райленд,— Стивен протянул руку, и они скрепили знакомство крепким рукопожатием.

— Мы тоже рады тебя видеть, Куивера,— проговорила Донна,— но...

— Но что Куивера делает здесь? — человек улыбнулся и снова поклонился.— Думаю, я смогу помочь вам с ответом. Мой Адам почуял присутствие Чиквиты.— Он протянул руку и погладил золотистого пространственника. Оба существа ви-

сели сейчас неподвижно, прижимаясь друг к другу. Кроме того, есть другая причина. — Улыбка сошла с его лица.— Я и мой Адам, мы уже некоторое время поджидали вас. У Адама отличная способность видеть даже в темноте космоса, не говоря о даре ощущать присутствие другого пространственника даже там, где не может помочь никакое зрение. И Адам кое-что увидел. С его помощью это увидел и я.

— Что именно?

— Видимо,— с тревогой сказал Куивера,— вы сами еще не знаете, что за вами следует крейсер Плана Человека.

Невольно пальцы Райленда притронулись к холодному металлу воротника. Лицо Донны Криири побелело, как мел. Должно быть, их сообщение Планирующему было перехвачено, и Флимер теперь знал, где они находятся. Уравнения военных действий в космосе допускали только одно решение, более быстрый корабль навязывает бой менее скоростному. Ножи радарного запала в воротнике Райленда не оставляли сомнения в единственно возможном исходе такого боя. Если они попытаются бежать, крейсер Плана догонит их. Даже если они выключат двигатели, на крейсере рассчитают их положение, исходя из последних зарегистрированных координат и скорости движения, и ошибки тоже не будет. Пламя же дюз представляло собой отличную мишень, видимую за миллионы миль при помощи специальных сканнеров. Любая попытка бегства сейчас же вызовет новый всплеск сигнала на инфракрасных экранах крейсера.

А потом импульс радара детонирует воротник.

— На корабле есть оружие? — хрипло спросил Райленд.

На иссеченном морщинами лице Куиверы появилось удивленное выражение.

— Сражаться против Плана? О, нет, мой молодой друг. Мы с ними не станем сражаться, это их метод. Мы пойдем своим путем — просто убежим, вот и все.— Он кивнул.— Да, до Рифов еще несколько миллионов миль — это приличный путь. Но в конце его ждет свобода. Возможно, даже... — он посмотрел на пальцы Райленда, поглаживающие металл кольца,— свобода даже от этой штуки на шее.

— Но у нас нет шлюпки!

Куивера поджал губы и показал в сторону двух пространственников.

— Нереактивная тяга,— быстро догадался Райленд.— Конечно же! Они могут снять нас с ракеты, а так как не используют раскаленных дюз, то приборы Плана не смогут их зафиксировать. Но ... самка ранена. В прошлый раз она едва не погубила меня всего за несколько минут в открытом космосе. Смотрите! — он указал на шрамы, которые полковник Готтлинг оставил на золотистой шкуре.

— Но было время, и раны затянулись,— возразила Донна Криири.— Не забывай, мы в полете уже более четырех месяцев!

Куивера внезапно забеспокоился. Не обращая внимания

на слова девушки, он наклонился над пространственником. Чиквита резво перевернулась и повисла перед ним, весело мурлыкая, наконец Куивера поднял встревоженное лицо.

— Это были опасные раны, мисс Криири. Я не думал, что вы с ней так обойдетесь.

— Но это сделала не я!

Куивера покачал головой.

— Очень опасные раны,— упрямо повторил он.— Не знаю, заживут ли они когда-нибудь полностью.

— Это значит, что мы не сможем бежать отсюда на пространственнике? — упавшим голосом спросил Райленд.

— Нет, нет,— сказал маленький человек расстроенно,— я не хотел вас испугать, мой Адам сможет перевезти нас всех, я обещаю. Но нам нужно спешить.

— Нет,— сказал Райленд.

Девушка и Куивера замерли, глядя на него.

— Подождите, не сразу,— сказал он.— Эту ракету специально оборудовали для меня, чтобы исследовать нереактивную тягу. Мне необходимо ее оборудование, потому что, если это имеет значение, как вы говорите, мы должны овладеть секретом тяги. Пространственникам придется тащить и приборы. Не возражайте,— сказал он, видя, что Куивера хочет что-то сказать,— я знаю, что это трудно. Мне эти приборы необходимы.

Куивера холодно смотрел на Райленда, но потом улыбнулся.

— Очень хорошо. Если желаете ползти, как улитки, Адам и Чиквита смогут тащить все, что вам потребуется. Что еще?

— Ну, хорошо. Но если мы оставляем ракету, нужно поставить запал на топливный бак корабля. Чтобы не обыскивали корабль после нашего ухода, лучше его взорвать.

За десять последующих минут они разобрали устройства, источники питания и множество другого оборудования. Еще пять минут ушло у Райленда на установку контактов реле времени на запале, который он поместил в топливный отсек, и после этого они были готовы отправиться в путь. Ступить за борт корабля оказалось не легче, чем спрыгнуть с крыши небоскреба. Они стояли у открытого люка шлюза и снаружи мерцала звездами Вселенная, Райленд чувствовал себя таким беспомощным и крошечным, как никогда в жизни. Как может человек выжить в этой холодной пустоте, пронизанной светом далеких звезд? Но Куивера заверил их, что поле пространственника удерживает воздух вокруг корабля даже сквозь стенки корпуса. И действительно, хотя глаза их еще не привыкли к темноте после яркого света кабины, они различали движущиеся силуэты странных цветов. Райленд и девушка взялись за руки и прыгнули вперед, вплывая в мир пространственников. Они ничего не чувствовали, но они двигались. Рядом летели пространственники, казалось бы, не обращая на них внимания, но поле нереактивной тяги двигало их по касательной к курсу ракеты, постепенно отклоняясь в сторону. Когда они

удалились от корабля, воздух силового пузыря пространственников оторвался от корпуса, сконцентрировался, и дышать стало легче. Позади изредка вспыхивал в звездном небе хвост из оборудования, которое отобрал Райленд. Но они лишь мельком глянули на него, потому что вокруг уже мерцал мир пространственников, и это была сказочная страна.

В это трудно было поверить! И Донна с Райлендом смотрели по сторонам, не веря себе. Когда частицы и тельца заняли надлежащее им обычное положение внутри поля, оно приобрело вид холодновато святящегося зеленого облака, такого яркого, что Райленд едва видел звезды. Невероятные лозы с невероятного вида листьями несли на себе невиданные плоды. Сквозь ветви этих лоз порхали существа, похожие на рыб и на птиц. Они находились внутри пузыря, где плотность воздуха достигала земной, и невидимые крошечные существа давали свет и жизнь. Здесь было довольно много пространства и можно было свободно передвигаться. Райленд неустанно сновал туда-сюда по небольшому пространству воздушного облака, где лишь несколько ярдов отделяли его от открытого пространства.

— Невероятно! — бормотал Райленд.— Фантастика! — он уцепился за виток лозы всего в восемнадцати дюймах от прозрачной границы сияния, обозначавшей конец обитаемого пространства, и смотрел на звезды. Он не мог найти ни одного знакомого созвездия: Орион и могучий Южный Крест остались на своих местах, но утонули в тысяче более слабых звездных огоньков, которые с Земли не видны. Но вот в его глаза впилась игла голубого света, и он понял, что наконец отыскал хоть одну знакомую звезду. Это мог быть только Сириус. Он тоже здесь оказался более ярким, и смотреть на него было больно.

За спиной послышался нерешительный голос Донны:

— Стивен, что это такое?

Райленд повернулся к ней лицом.

— Это замечательно! Кажется, я начинаю понимать... Тяговое поле удерживает вокруг облако воздуха. Из пространства оно улавливает пыль и атомы водорода. В этих лозах и лианах находятся клетки фузоритов, которые синтезируют кислород из водорода, как и все другие необходимые элементы — углерод и так далее. Они же излучают свет и тепло, достаточное для жизнедеятельности пространственника и нашей. Подозреваю,— задумчиво сказал он,— что в этих растениях изрядная доля тяжелых элементов. Консервация энергии. Реакция термоядерного синтеза освобождает слишком много энергии, если бы она переводилась только в легкие элементы и тепло, мы бы погибли спустя некоторое время так или иначе. Но синтез тяжелого серебра уже требует энергии...— Он покачал головой.— Извини. Но я не могу от всего этого оторваться. Это настоящий маленький мир с его собственным совершенным кругооборотом.

— А что мы будем есть? — просто спросила Донна.

— О, еда! — перебил ее Куивера. Он поплыл сквозь зеленоватое свечение облака, словно пловец под водой, где роль водорослей исполняли необычные лозы фузоритов, набрал полные руки странных ярких плодов и поплыл обратно к ним.

— Попробуйте,— предложил он.— Они вкусные. Платина? Золото? Я ничего не знаю о тяжелых элементах, мистер Райленд, но я знаю, что такое вкусные вещи!

В этот миг позади, в той точке, откуда они вылетели, распустился ослепительный беззвучный цветок пламени. Они повернулись в ту сторону.

— Это наша ракета,— с тревогой сказал Райленд.— Я надеюсь, что нам понравится в Рифах, Донна. Ничего другого нам не осталось.

Они сгрудились у границ воздушного пузыря, глядя наружу.

— Не подходите к границе слишком близко,— предостерег Куивера.— Тем более не пытайтесь просунуть через границу даже палец. Вас разорвет.

Райленд мгновение смотрел на него, пораженный, потом кивнул.

— Конечно. Все, что превышает размерами молекулу, поле не отражает, так? И если поле пробито, его разорвет внутренним давлением воздуха.

С большой предосторожностью они устроились немного подальше от границы поля, чтобы посмотреть, что происходит с кораблем. Пламя взрыва уже погасло, но за мгновение оно успело раскалить металл корпуса добела, и теперь они могли видеть остывающий оранжевый скелет корабля. Обшивка и оборудование были уничтожены взрывом, но неподалеку от слабо светящихся останков корабля они заметили мигание световых точек. Это был крейсер, так объяснил Куивера. Мигающие световые точки — это были вспышки вспомогательных двигателей. Крейсер корректировал свое положение относительно останков корпуса ракеты. Пространственники наблюдали за звездным небом и урчали. Куивера прислушался к ним, погладил блестящую шерсть, что-то ласково говоря вполголоса.

— Они увидели крейсер Плана,— объяснил он остальным.— Корабль сам излучает инфракрасные лучи. Теперь, когда крейсер близко, они хорошо его видят.

— Близко? — Райленд был поражен.

— Конечно, мистер Райленд, План не настолько глуп.

— Но... они должны полагать, что мы погибли! И даже если это не так, у них нет способа засечь нереактивную тягу пространственника...

— Нет,— согласился Куивера.— Они просто не хотят рисковать. Я могу представить, что они говорят сейчас на крейсере: «У них была спасательная шлюпка? Если была, то куда они могли направить ее? К Рифам — больше некуда». А План знает, где находятся Рифы.

Пространственники проявляли все больше признаков беспокойства.

— А наши друзья начали уже уставать,— заметил Куивера.— Им нужна передышка. Даже вдвоем им тяжело тащить и нас, и все оборудование, мистер Райленд. Двигаться быстро они не могут, и поэтому попытаются спрятаться.

Он показал куда-то сквозь светящиеся лианы. Райленд посмотрел в ту сторону, но ему мешало свечение атмосферного облака. Он оттолкнулся и пролетел на другую сторону воздушного пузыря, где уцепился за лиану и повис, всматриваясь. Но если там что-то и было, его нетренированные глаза ничего не могли разобрать. За ним последовал Куивера.

— Это скопление рифовых образований,— пояснил он.— Вон там, возле трех голубых звезд.

Привыкшие к условиям Земли, глаза Райленда ничего не видели. Но Чиквита и Адам проскользнули рядом с ним и повисли неподвижно среди ярких светящихся листьев. Их большие грустные глаза были направлены куда-то в усыпанную звездным порошком пустоту. Райленд покачал головой.

— Я ничего не вижу.

— И я тоже,— признался Куивера,— ничего не видел, пока не показали мне пространственники. Мы не в состоянии увидеть камешек в кромешной тьме, но они могут.

— Даже если здесь есть Рифы,— с сомнением сказал Райленд,— и мы до них доберемся, то почему за нами не может последовать корабль Плана?

— Может, конечно, но Рифы окружает гораздо более плотное облако, чем содержит этот небольшой пузырь. Там целые рои светляков, которых вы называете фузоритами, они создадут помехи для поисковых экранов. Большие куски Рифов замедлят ход их ракеты. Но если они будут настойчивы и осторожны, им может повезти. Это будет катастрофой для нас. Все это так. Но это наш единственный шанс, и ничего другого нам не остается, как испытать его.

Они летели уже очень долго, трудно сказать сколько — часов у Райленда не было. Точками отсчета могли служить только звезды. Но гигантские расстояния до них были несоизмеримы с ничтожной относительно них скоростью пространственников. Адам и Чиквита, казалось, совсем не напрягая сил, грациозно скользили между лиан, но Куивера заверил Райленда, что они двигаются почти так же быстро, как и крейсер Плана, несмотря на следующий за облаком хвост приборов и оборудования.

Потом Куивера вдруг сказал:

— Мы уже почти на месте.

Райленд пытался понять направление их полета. Задача осложнилась тем, что у «корабля» не было ни носа, ни кормы, и невозможно было определить, в каком направлении они двигались. Он ничего не мог разглядеть. Звезды сияли в своем великолепии, не замутненном атмосферой. Райленд повис почти у самого края воздушной капсулы, созерцая светящиеся точки голубых гигантов, красных карликов и скопления туманностей. Потом впереди он увидел Риф. Сначала это было пят-

нышко света, потом оно выросло в выпуклую, бугристую сферу мерцающего великолепия. Это был уже инкрустированный самоцветами мяч, плывущий в пространстве, и самоцветы были лесами кристаллов... Словно комета, они подошли совсем близко, потом замедлили полет. Райленд видел деревья с шипами кристаллического углерода — алмазы! — переливающиеся собственным внутренним светом, странные пузыристые массы, напоминающие формой человеческий мозг, излучали голубой и фиолетовый свет на прогалины призрачно-белого песка, на застывший лес с яркими металлическими листьями. Для Райленда и Донны это была волшебная сказочная страна, но Куивера смотрел вперед цепким оком профессионала и качал головой.

— Для укрытия место не очень подходящее,— сказал он, всматриваясь в сияющий шар рифа.— Хотя твердое ядро может нам пригодиться. Рифы большей частью внутри пустые, потому что они уже мертвы.

Райленд кивнул.

— Очевидно, организмы на поверхности поглощают весь попадающий свободный водород и поэтому могут расти. Оставшиеся на глубине умирают от голода.

Куивера не слушал его. Он вдруг воскликнул весело:

— Ага! Вот и пещера, и, кажется, свободная! Хотя наверняка это, конечно, неизвестно.

Райленд непонимающе смотрел на него. Куивера пожал плечами.

— У этих рифов не очень сильная гравитация, и воздух здесь нужно обновлять, как это делают пространственники или микроскопические живые клетки самих рифов. Каждый риф — это особый мир, и я не знаю, что здесь нам может встретиться. Но воздух может содержать и нечто очень неприятное.— Он поднял руку.— Подождите, надо посмотреть.

Шар из монолитного драгоценного камня был уже близко.

— Смотрите,— сказал Куивера,— смотрите, как Чиквита входит в атмосферу Рифа. Сейчас нас тянет Адам, а Чиквита следит за воздухом. Видите?!

Пространственник-самка в этот момент устремилась вперед, в то время как Адам повис неподвижно.

— Я над этим уже задумывался,— ответил Райленд.— Когда две сферы встречаются, давление воздуха должно расталкивать их в разные стороны.

Куивера покачал головой: «Видите, как она нас «шлюзует».

Райленд внимательно наблюдал за происходящим. Они подходили к Рифу все ближе и ближе. Маленькие существа, полуптицы-полурыбы, испуганно засуетились, и он понял, что оболочка пузыря сокращается. Но он не ощущал нарастания давления.

— Я понял! — воскликнул он внезапно.— Она создает новую оболочку, достаточно большую для нас и для Рифов. Потом она продырявит нашу внутреннюю оболочку, и выходящий из нее воздух уравняет давление!

Куивера кивнул. Они почувствовали внезапную вибрацию, словно к ним подошла ударная волна далекого взрыва, отозвавшись в барабанных перепонках. Внутренняя оболочка полностью исчезла. Райленд был поглощен новым миром. Непрекращающийся световой дождь мириадов звезд даже сквозь затуманенную атмосферу Рифа являл ему картину волшебной страны. Солнце, само не ярче Сириуса, вызывало желтоватый отблеск на кристаллических ветвях... мог ли он назвать эти образования растительностью? Но Куивера не дал ему времени насладиться зрелищем необычайного мира.

— Теперь наша очередь, Райленд,— усмехнулся он.

Райленд увидел, что оба пространственника повисли на некотором расстоянии от темной пасти входа в пещеру, наблюдая за нею большими влажными глазами. Их красные носы быстро и мелко вздрагивали. Они похныкивали, и по бокам Чиквиты, усеянным шрамами, пробегала волна дрожи.

— Что мы должны делать?

Куивера спокойно объяснил:

— У пространственников есть природные враги, этакие грубые бронированные разбойники. Двигаются они медленно, в космосе им пространственника не догнать. Но они смертельно опасны, когда подстерегают их вот в таких местах. Так что нам придется лезть в эту нору, мистер Райленд, если вы окажете мне честь и присоединитесь ко мне.

Оттолкнувшись, Куивера подлетел ко входу в пещеру, заглянул внутрь, обернулся и пожал плечами.

— Посмотрим,— сказал он, ничего не добавляя.

Спокойно размотав тряпичный узелок, он вытащил довольно старый полицейский пистолет. Обращался он с ним не очень искусно — долго не мог открыть магазин, чтобы проверить заряды. Райленд заметил, что у него осталось всего четыре заряда. Несомненно, у Куиверы были трудности с пополнением боеприпасов. Наконец Куивера вскрыл магазин и поудобнее ухватил рукоятку. Потом, оттолкнувшись каблуком поношенного ботинка от зеленоватого кристаллического сталагмита, он сломал его у основания. Длиной кристалл был в восемнадцать футов. Получился вполне пригодный к бою меч, подумал Райленд, но тут же сообразил, что из сталагмита получился хороший факел. Внутри пещеры было темно, а кристалл светился благодаря заключенным в нем клеткам фузоритов. Куивера забрался в пещеру, и Райленд последовал за ним, не успев оглянуться на Донну. Внутри их ждало странное скопление извилистых коридоров. Стенки входа были подозрительно ровные, словно вытертые прикосновением какого-то массивного тела, постоянно входившего и покидавшего пещеру. Райленд быстро прикинул возраст Рифа и немного успокоился. Время здесь текло по иной шкале. Перемена могла быть мгновенной, а могла быть и крайне постепенной, края входа могли быть истерты много миллионов лет назад. Все эти погруженные в темноту коридоры, гладкие стены, созданные телами умерших фузоритов, были, наверное, мертвы еще в ту

пору, когда Земля, не успев сконденсироваться и остыть, была клубком раскаленного газа. Ничего нельзя было определить точно. Райленд также не мог представить, какой была длина и глубина коридоров. Они находились в лабиринте, вроде тех, что встречаются среди земных морских кораллов, внутри которых крабы поджидают добычу, заблудившуюся мелкую рыбешку. Куивера задержался у развилки, где коридор разделялся на два рукава, и оба они всего в нескольких ярдах от развилки разделялись снова.

На гладкой стене прохода виднелись параллельные царапины, словно их прочертили клыки какого-то невероятного чудовища.

— Кажется, пользуются они этим проходом,— сказал Куивера весело,— если бы мы только знали, когда именно. Ладно, я вас попрошу, если вы не возражаете, охранять это место.— Он повернулся, потом снова взглянул на Райленда:— Понимаете, на этом опасном посту должны остаться именно вы, потому что, если пироподы объявится из этих коридоров, когда меня не будет, то...— он помрачнел, вежливо развел руками и исчез.

Райленд уцепился за выступ скалы и принялся ждать. П и р о п о д... Он снова услышал это слово, которое произносил тихий застенчивый голос доктора Трайла. Он снова будто лежал на кушетке тераписта в «центре отдыха», утыканный холодными электродами, беспомощно ожидая, когда кончится эта пытка щупом, продиравшимся в его потерянную память. Он снова вздрогнул, зябко поежился, вспоминая безжалостную силу, пытавшуюся вырвать у него секрет, которого он не знал... Или он действительно когда-то знал, как построить нереактивный двигатель? Призрачный туман забытья и неразрешимых противоречий прошлого снова хлынул в его сознание. Сквозь него послышался голос Анджелы, дразнившей Райленда ответом на загадку. Итак, он — подсадная утка, искусственный человек, созданный для диверсии против Плана, лишенный памяти, поскольку у него не было прошлого. Да, неплохой товарищ для дочери Планирующего. Он еще раз дал себе слово никогда не рассказывать Донне ничего о своем происхождении. Теперь, когда она одинока, когда в ее мире остались только два человеческих существа, он и Куивера, сможет ли она справиться с потрясением, узнав, что он ненастоящий человек? Он нетерпеливо повел плечами, словно этот жест был в состоянии развеять парализующий туман, окутавший память, и объяснить, наконец, истинную сущность Райленда. Но эта старая загадка подождет решения до момента, когда сработает механизм и детонирует заряд в воротнике, навсегда лишив его хозяина необходимости разгадывать загадки. В глубине пещеры было тепло, хотя тепло и свет производили фузориты на поверхности небольшого, правильной формы шара. Но Райленд обнаружил, что дрожит. Пироподы? Да. Он уже слышал это название, и ему не хотелось сейчас вспоминать, что ему о нем рассказывали. Время шло. Темно...

тихо... пусто... Райленду казалось, что мертвые стены вокруг начинают вдруг сжиматься. Он отирал покрывающиеся потом ладони, касался стен, убеждаясь, что они остаются на месте и не собираются давить его... Невольно он усмехнулся. Приступ клаустрофобии — и это здесь! За миллионы миль от Земли, внутри плывущей пылинки! Нелепость ситуации придала ему уверенность. И когда, наконец, Райленд увидел в дальнем проходе отсвет факела Куиверы, он уже был спокоен и бодр.

Показался светящийся кристаллический меч, и Куивера весело приветствовал Райленда.

— Здесь тупик, и в нем никого нет. Очень хорошо.— Он подтянулся ближе к Райленду и заглянул в другой коридор.— Я думаю,— сказал он с некоторым сомнением,— что эти коридоры мы пока оставим в покое. Похоже, что они пусты, а обследовать их все — на это нужна неделя. Считай, что нам повезло, мой друг. Мы еще не познакомились с пироподом.

По сигналу Куиверы пространственники плавно проплыли вниз по коридору, их красные носы подрагивали, когда они посылали в темноту импульсы инфракрасных локаторов. За ними нерешительно следовала Донна Криири, оглядываясь по сторонам с легким любопытством и страхом.

— Здесь безопасно? — спросила она.

— Пока с нами воротник Райленда — мы постоянно в опасности,— спокойно сказал Куивера.— Что же касается пироподов, то я не уверен. Взрослых особей здесь точно нет, но какой-нибудь щенок может бродить где-нибудь в коридорах. Если так, то мы это скоро обнаружим, и почему бы нам пока не устроиться здесь поудобнее?

Они трудились три дня без перерыва. Пространственники постоянно беспокойно мяукали, потому что, как сказал Куивера, крейсер Плана по-прежнему был где-то рядом в окрестностях. Поскольку ничего с этим сделать было невозможно, они ничего и не делали. Но в своем новом доме трудились упорно. В каверны и переходы они внесли лозы и лианы, выделяющие кислород и фузоритов, устроили отделения для еды, для отдыха, для сна. Каждое помещение окутывали лианами для обогрева и освещения, устанавливали сияющие кристаллы рубинов и топазов. Это было действительно очень красиво. Вдобавок к этому Райленд под руководством Куиверы научился сплетать сети и канаты из волокон лиан. Поверхность Рифа снабжала их кристаллами и кусками металла — чистого железа, меди, алюминия, серебра. Наконец они установили предохранительную сеть, сплетя ее из лиан и замаскировав обломками кристаллов. Сеть натянули поперек входа в пещеру, чтобы скрыть его. Окончив работу, Куивера оценил ее.

— Ну, что ж. Сойдет. Хотя она могла бы быть и получше, да и все твои приборы можно было бы упрятать получше. Будем надеяться, что крейсер вас не почует.

— Нас? А ты?

— Я отправлюсь на основной Риф,— на сухом морщинистом лице Куиверы появилась радостная улыбка.— Я прихвачу пространственника и Рона Дондерево!

Райленду и девушке было жаль расставаться с ним, но их печаль не шла в сравнение с печалью расстающихся пространственников. Адам должен был нести на себе Куиверу. Чиквита оставалась с ними, чтобы поддерживать атмосферу и попытаться спастись бегством, если крейсер Плана окажется слишком настойчивым... Они смотрели, как улетает Куивера, все трое: Райленд, Донна и пространственник. Спустя секунду он уже скрылся из виду. На миг Райленду показалось, что он заметил красную искру — нос Адама, повернувшегося, чтобы послать последний привет Чиквите, и вот уже осталась только пустота. Они всматривались, пока на глаза не навернулись слезы. Донна Криири коснулась руки Райленда.

— Здесь так... одиноко,— прошептала она.— Пойдем вниз.

— Обратно в пещеру! —сказал он.— Снова каменный век! Подходящая ли обстановка для принцессы Плана?

Она отодвинулась от него и через секунду вместе с пространственником исчезла за маскирующей сетью из лиан. Райленд же бродил по Рифу, пытаясь успокоить поднявшуюся в нем внезапную бурю. Но успокоиться не мог. Спокойствие, как он понимал, не придет к нему, пока он не избавится от душащего кольца на шее... и пока не удастся пересечь пропасть, разделившую его с собственным прошлым, затмившую его облаком забытья и противоречивых фактов... Или пока взрыв кольца не утешит его вечным покоем могилы. Время шло. Они нашли, чем его занять. Непонятно почему, оба чувствовали себя скованно в присутствии друг друга. Райленд едва узнавал в девушке самоуверенную дочь Планирующего, с ее обычными Голубями Мира на плечах и охраной, готовой придти на помощь по первому зову. Донна стала спокойней, и казалось моложе. Они разговаривали об ее отце, и впервые в ее жизни Райленд начал думать об этой полумистической фигуре как об обыкновенном человеке. Донна ужасно волновалась за него.

— Но ведь мы не м о г л и его ждать, Стив! И все-таки... лучше бы мы подождали...

Он снова спросил ее, почему Планирующему пришлось скрываться от Машины, и получил тот же ответ, что и раньше. То есть никакого ответа.

— Я не знаю, Стив, но он был взволнован. И ключом ко всему являются твои уравнения.

Это, естественно, заставляло Райленда смотреть на кучу оборудования и машин, которую они притащили с собой, но он только и мог, что временами смотреть на нее. Для работы нужен был порядок и пространство, на этом маленьком Рифе не было ни того, ни другого. Они жили, словно на необитаемом острове, вылавливая маленьких летающих существ плетеной сетью, наслаждаясь плодами лиан. Райленд ужасался при мысли о радиации, которую они поглощали с каждым куском, но желудок его ликовал. Кроме того, подумал он, мы не первые их пробуем и остаемся в живых. Возможно, радиация имела чисто световой характер или некоего рода люминисценции, сходной с фосфорическим светом светлячков. Райленд снова

расспрашивал девушку о том, каким образом Флимеру и его сторонникам удалось взять власть над Машиной, и снова получал тот же ответ, что и раньше.

— Я не знаю, Стив. Но все это как-то связано с нереактивной тягой. Отец говорил, что поиски двигателя для межзвездных перелетов были им одобрены как часть первоначального Плана. Когда он узнал о пространственниках и понял, что возможна нереактивная тяга, он начал прилагать усилия для изучения феномена. И сразу наткнулся на сопротивление таких людей, как Флимер. Я не знаю причины разногласий. Это нечто большее, чем желание захватить власть, место отца. Каким-то образом они научились манипулировать Машиной, взяли ее под свой контроль. Но я все же верю, что мы можем спасти и отца, и Машину, и План Человека... если узнаем секрет пространственника.

Это, естественно, заставило Райленда начать сборку и настройку компьютера, привезенного с ракеты. Но туман в его памяти стал еще гуще. Он сидел, уставясь на панели компьютера, но не мог придумать подхода к проблеме, кроме того, что он уже испытал под началом генерала Флимера. Он не был уверен, что провал Групповой Атаки произошел из-за противостояния. К тому же, думал он, мало что можно сделать, сидя на этом крошечном Рифе. Даже если бы ему дали чертежи настоящего нереактивного двигателя, он беспомощен без инструментов и мастерских. И он оставил усилия, видя их безнадежность. Дни проходили за днями. Недели за неделями. Пространственник, все еще обеспокоенный, бродил по поверхности их маленького рифа. Они не обладали способностью Куиверы понимать пространственников, но его беспокойство было явным. Был ли этому виной крейсер Плана? Или какая-то другая близкая угроза? Они не знали. Донна становилась все грустнее, потом они однажды поссорились из-за пустяка, и она разразилась рыданьями, а потом прижалась к нему.

— Извини. Это потому, что я привыкла к удобствам; слуги, чистая одежда, готовая еда. И власть тоже. А теперь...

Она улыбнулась, глядя на него. Однако Райленд отстранил девушку. В нем бушевали чувства, которые он не мог ни объяснить, ни справиться с ними. Теперь настала его очередь хмуриться и раздражаться, потому что в его сердце боролся здравый смысл с любовью к дочери Планирующего. Он спал тревожно, ему казалось, что он задыхается. То он сидел в своем кабинете, спрятанном глубоко под землей, то пробирался по туннелю с кондиционированным воздухом, и вокруг работали операторы, обслуживающие машину. То в его спальню стучали, и он знал, что сейчас войдет к нему Анджела. Но это была не Анджела. Это была Донна Криири, облаченная в белый халат, как медсестра в орган-банке. Она принесла кофе и бутерброды на пластиковом подносе, но, подняв глаза на Стивена, закричала и уронила его на пол.

— Дондерево! — кричала она.— Это Рон Дондерево!

Он хотел сказать ей, что он не Дондерево, но вдруг оказал-

ся привязанным к кушетке тераписта, и тело его сотрясал агонирующий шок. Она снова подошла к нему, в белом халате, алое сердце было вышито на ее высокой груди, она тянулась к нему длинным изогнутым скальпелем.

— И вы могли бы нам также сказать,— шептала она астматическим голосом доктора Трейла,— как построен нереактивный двигатель.

Он готов был рассказать ей. Описание конструкции ясно светилось в его мозгу. Все было очень просто, он не понимал, зачем столько шума. Но голос его был парализован шоком, который болезненными волнами прокатывался по телу от кольца на шее. И Донна не позволила ему говорить. Теперь у нее на голове был рогатый радарный шлем. Она насмешливо говорила голосом жабы Флимера:

— Одно прикосновение, Райленд. Одно прикосновение к кнопке детонации, и твой драгоценный секрет умрет вместе с тобой.

И теперь у нее было лицо Анджелы. Кольцо вокруг шеи вдруг набухло... И он проснулся, задыхаясь.

— Это был сон! — он панически потянулся к шее. Нет, это был не сон. Кольцо было там, и оно наверняка вот-вот должно было взорваться. Воображение заставило его почувствовать, как оно пульсирует, сдавливая пересохшее горло. Ему показалось, что он слышит какой-то звук внутри него, тиканье, жужжание. «Нет!»— крикнул он, вскакивая. Кольцо взрывается! Не через год, не через минуту, а с е й ч а с! Он бросился к выходу из пещеры, выкрикивая проклятья.

К нему подлетела Донна Криири, и ужас на ее лице заставил его забыть о своих кошмарах.

— Что случилось? — сурово спросил он.

— Чиквита... Стив! Она бродила по нижним коридорам, куда мы никогда не ходили, и...— она замолчала, не в состоянии продолжать. Позади нее показался пространственник, жалобно мяукая.

Бок Чиквиты представлял ужасное зрелище, вдоль тела краснела рваная рана, след острого клыка.

В магазине пистолета было четыре патрона. Райленд проверил их наличие, мысленно поблагодарив Куиверу за то, что тот оставил ему оружие, и направился вглубь коридора. Он ничего не сказал Донне Криири. А что он мог ей сказать? Значит, на их Рифе притаился пироход... В горле Райленда было сухо. Пироход, то есть «огненогий». Обитатели открытого космоса, похожие, в принципе, как смутно припоминал Райленд, на обыкновенные земные петарды. Райленд раньше пытался представить себе, что где-то в Рифе может скрываться пироход. А страшные раны Чиквиты превратили эту вероятность в нечто гораздо более серьезное. Райленд приостановился у конца коридора, который они успели исследовать, и поднял кусок кристалла, брошенного Куивером. Он все еще ярко светился, и это был единственный источник света. Потом Райленд направился в первый из коридоров. Через пять минут он был уже в его конце. Туннель резко сужался, так что Стив едва мог двигаться,

и повисшие посреди прохода мелкие осколки указывали, что в последнее время здесь никто не появлялся. Он вернулся назад. Новый туннель был гораздо более длинным, Райленду трудно было передвигаться: из-за невесомости он не мог идти, а ширина туннеля затрудняла прыжки. Перед ним были два хода, оба громадные, оба темные и безмолвные. Воздух был тем же воздухом, который принесли пространственники, но с неприятным запахом, словно от горячего пороха. И вход одного из туннелей был отмечен царапиной гигантского клыка.

Почти сразу Райленд оказался в большом зале. Он завис у входа, всматриваясь в темноту, едва раздвигаемую слабым светом кристалла в руке. Зал был грубого сферического сечения, и стена виднелась довольно плохо. В нише с одной стороны что-то лежало. Он настороженно приблизился. Это напоминало груду отбросов, и кровь начала вдруг пульсировать у него в ушах. В кучу были свалены кости. Некоторое время Райленд рассматривал эти странные останки, потом приблизился с бесконечной осторожностью и острожно поднес «факел» к груде «костей». Но ничего не обнаружил, все продолжало пребывать в неподвижности. Райленд отошел. У космоса собственные мерки времени, решил он. Брошенная куча костей и следы клыков на стене будут выглядеть такими же свежими и через миллионы лет. Пещера, несомненно, давно покинута. И он повернулся, чтобы уйти. За его спиной послышался вопль. Он едва успел повернуться, как куча костей взорвалась. Будь пещера побольше, и через мгновение Райленд погиб бы, но у космического зверя, налетающего молниеносно, не было возможности воспользоваться своей скоростью. Он был громадных размеров, больше лошади, и тело его покрывала броня зеркальных чешуй. Единственный его глаз выдвигался вперед на тонкой ножке, как большое зеркало. На переднем конце гибкого, извивающегося тела находился единственный клык. Ревя, как ракета на взлете — а он и был живой ракетой, пироподмчался на Райленда, и его огромный металлический клык угрожающе щелкал. Райленд мгновенно прицелился и выстрелил. Даже сквозь рев пиропода он услышал визг пули и понял, что та отскочила от зеркальной брони чудовища. Пироподразвернулся для новой атаки. Но на этот раз он повернул в сторону Райленда сверкающий хвост. Ударило бешеное белое пламя. Хвост! Это было еще более страшное оружие, чем клык — пламя, передвигающее пиропода по пространству космоса, способное испепелить Райленда в мгновение ока. Но Райленд успел отпрыгнуть, и разряд выхлопа прошел мимо, хотя отраженный от стены огонь задел его ногу и, как он обнаружил потом, оставил на ней огромный волдырь ожога. Райленд ударился о стену, перевернулся, как пловец в бассейне, и выстрелил — раз, два, три! Теперь обойма была пуста... Но одна из пуль попала в цель. Ножка, поддерживающая глаз, была повреждена. Пузырь глаза взорвался, и чудовище ослепло. Оно носилось по пещере, словно взбесившаяся ракета, врезаясь в стены, отскакивая, снова устремляясь вперед. Пламя выхлопа лизнуло стену в опасной близости

от Райленда. И вдруг рев двигателя послышался уже в коридоре, удаляясь все дальше и дальше... Райленд сильно ушибся, был обожжен, из пореза текла кровь и болел каждый мускул. После этой огненной стычки он никак не мог отдышаться. Но он не мог ждать. Райленд прыгнул в коридор, преследуя пиропода. Наверху была Донна! Он летел по темным туннелям, давно потеряв светящийся кристалл, пытаясь рассмотреть что-то в темноте, прикрываясь руками от ударов головой о стены... Хорошо все-таки, что туннель был такой узкий — он мог двигаться лишь в одном направлении. И после бесконечных поворотов наконец увидел свет, а навстречу ему спешила Донна Криири. Она жива! В руке у нее был кусок лозы со светящимися фузоритами.

— Стивен! Слава богу!

Она бросила ему конец лозы, он взялся за нее, и они подтянулись друг к другу. Райленд взял Донну за плечо.

— Пиропод!? Где он?

— Убежал,— сказала Донна Криири.— Он пронесся мимо меня, и я не стала его задерживать, ведь у меня не было атомного гарпуна. Думаю, мы больше его не увидим.

— Он прятался в куче костей,— сказал Райленд, почувствовав вдруг ужасную усталость.— Я... я, кажется, попал ему в глаз.

— Да, по крайней мере, он вел себя, как слепой. И... Стивен!

Он взглянул на нее, не понимая в чем дело. Нервная реакция? Он попытался подбодрить девушку.

— Он не вернется, Донна, ты ведь сама сказала...

— Нет, нет, это из-за Чиквиты... Стивен, она, кажется, умирает.

Он кивнул, едва слушая ее.

— Бедняга, мы за нее отомстили.

— Но что будет с нами, Стив? Ты забыл, что, если Чиквита умрет, то некому будет удерживать воздух.

Пространственник лежал неподвижно в небольшой пещере, оплетенной лозами. Время от времени он беспокойно вздрагивал, чтобы притянуть к себе свежий воздух. Мех потерял блеск. Огненно-красное свечение покинуло нос, он стал сухим, черным и горячим.

— У него жар? — Он здорово сдал за время болезни. Казалось, пространственник понимал, что он пытается помочь, и слабо пошевелил черным языком, и это было единственное усилие, на которое он еще был способен.

— Наверное, мы ничем не сможем помочь,— признал Райленд.

— По-моему, Чиквиту беспокоит свет.

— Хорошо, это, по крайней мере, в наших силах.

Но затемнить пещеру в этом мире светящихся лиан и кристаллов оказалось непросто. Они нашли какие-то растения, что светились совсем слабо, и начали стаскивать их в пещеру. В глазах Чиквиты читалась слабая благодарность. Они оставили

ее одну и вышли на поверхность, поглядеть на звезды. Полная беспомощность буквально сводила с ума. Райленд уцепился за выступ у входа в туннель и уставился в пустоту. Где-то там, невидимые, но реально существующие, находились Рифы.

Большие, настоящие Рифы, где удалось выжить бежавшим и освободившимся от Плана, где, прежде всего, жил Дондерево, человек, родившийся в космосе, бывший сначала студентом на Земле, потом гостем и, наконец, пленником Плана. Он носил железный воротник опасника, тот же воротник, что сейчас душил Райленда, если только Анджела сказала правду. Он рассказал Планирующему о нереактивной тяге, был списан в орган-банк, и Чиквита помогла ему бежать обратно в Рифы. Но... был ли он суперменом? Смог бы он снять воротник здесь, в Рифах, без сложного хирургического оборудования, имевшегося в орган-банке? Смог бы заполнить пропасть в мучавшем Райленда туманном прошлом? Или там действительно не было пробела, просто он сам не существовал до того момента, когда остатки утилизированных врагов Плана не были соединены в думающее существо без прошлого?

К этому времени Куивера мог уже добраться до него. Возможно, они уже вылетали в обратный путь. Быть может, через несколько дней Куивера и еще кто-то доберутся до маленького рифа и найдут Райленда и девушку. Найдут ли? Райленд знал, что скорее всего они обнаружат их трупы. Шло время, а пространственник все еще жил. Но с каждым днем он слабел. Райленд потерял чувство времени. Часов у него не было, но по небесным телам он тоже не мог отмечать течение времени. С большим трудом Райленд отыскал Алголь и начал нести вахту звездочета — период изменения яркости звезды должен был стать его часами. Донна мягко сказала ему:

— Это не поможет. Ты ведь знаешь, когда должен сработать воротник.

И он понял, что она читала те из его мыслей, о которых он сам не подозревал. Именно убегающие мгновения оставшегося ему года пытался он измерить, того, что был максимальным сроком его жизни, пока кольцо безмолвно охватывает его шею. Чиквита может выжить, крейсер Плана может не вернуться, но воротник-убийца все равно настигнет свою жертву. Можно убежать от радаров крейсера, можно добраться до Рифов и там скрыться от сверхмощного импульса, который пошлет через всю систему Машина, но невозможно остановить часовое устройство, которое не знает жалости. Самое большее через год оно взорвет воротник... А по подсчетам Райленда половина этого срока уже прошла.

Чиквите теперь уже было совсем плохо. Раны от клыка пиропода начали зарастать, но жар не спадал. Казалось, ее мучает жажда, но пить она не хотела. Похоже, ей не давала покоя боль, и она едва шевелилась. Лишь тихое хныкающее мяуканье доносилось из укрытия, которое они для нее сделали.

Райленд принял решение и отправился наверх исполнять его. А через несколько секунд за ним последовала Донна.

— Что ты делаешь?— спросила она.

Он замер, склонившись над грудой аппаратуры, что пространственник притащил из ракеты. Он так и не собрал свою машину. Но детали он решил использовать для других целей.

— Как там Чиквита? — спросил он, продолжая работать.

— Что ты делаешь, я спрашиваю?

— Хочу собрать передатчик,— ответил Райленд.— Может, удастся связаться с Куиверой и поторопить его...

— Или связаться с крейсером Плана?

— Почему бы и нет? — решительно сказал Райленд.— Возможно, мы слишком понадеялись на удачу! План Человека достаточно благоразумен. Они возьмут нас на борт, если я сдамся. Это не хуже, чем ждать смерти.

— Стивен! — она взглянула ему в глаза.— Я не пущу тебя обратно!

— Какого черта,— вскричал он,— ты мне приказываешь?

Но она приложила палец к губам.

— Не надо,— прошептала она.— Я не пущу тебя. И, к тому же, кажется, все равно поздно...

Потребовалась секунда, чтобы он понял:

— Чиквита!

Обогнав девушку, он помчался по туннелю к умирающему пространственнику. Чиквита уже погрузилась в бессознательное состояние, она лежала неподвижно, едва заметно дыша. Ее брюхо раздуло, а бока были запавшими. Она напоминала теперь голодного ребенка.

Райленд протянул к ней руку... И опустил ее обратно. Слишком поздно, все уже было кончено. Пространственник перестал дышать. Машинально Райленд погладил тускнеющий мех на ее холодной шее. Да, она умерла. Какие бы секреты не таил метаболизм иной жизни, в этом не было сомнения. И теперь... как долго продержится поле, дающее им воздух? Райленд этого не знал. Он помнил, что биолюминесценция светляка продолжается еще несколько часов после его смерти. Схожи ли между собой эти два эффекта? Вероятно, нет. Непонятная сила, двигающая пространственника, не имеет ничего общего с зеленоватым свечением его поля. Оно может продержаться еще несколько минут. Или может в любую долю секунды исчезнуть, и они мгновенно погибнут во взрыве вырывающегося в вакуум воздуха.

— Стивен,— сказала Донна,— давай пойдем наверх, там видны звезды.

Риф был маленькой, пустой внутри планеткой, которая теперь медленно вращалась, очевидно, в результате какой-то предсмертной судороги пространственника. Из входа в пещеру им открылось все звездное великолепие неба. И само Солнце, желтая далекая звезда, показалось сквозь лианы защитной сети, словно прожектор идущего вдали поезда.

— Солнце,— прошептал Райленд.— По-прежнему ярчайшая из звезд. Мы еще не так далеко ушли.

Он взглянул на большие созвездия, выглядевшие тускло

в звездной пыли, но все еще различимые: могучий Орион, туманное скопление Плеяд, обширный серебристый рукав Галактики. Вот она, с горечью думал Райленд, новая империя, которую он надеялся помочь завоевать для человека. И он проиграл. Как это ни было странно и удивительно, но он чувствовал себя умиротворенным. Они все еще были живы. И это принесло чувство обладания безмерным богатством. Со смертью пространственника они потеряли последнюю надежду, и теперь каждая секунда была наслаждением. Райленд зацепился за выступ космического коралла. В его руках была Донна Криири. Они разговаривали о самом разном, будто и не были в двух шагах от смерти.

— Отец, наверное, все еще на Земле,— сказала Донна.— Он не получил моего сигнала. Иначе полетел бы за нами. Он был вечно занятым, подвижным человеком, Стив, и я его за это не любила, но... О, Стив, как я об этом теперь жалею!

— Ты, наверное, не помнишь,— сказал Стивен.— Ты была в ванне. Я случайно попал в эту комнату. Я смутился. И ты, наверное, тоже. Нет, ты, видимо, совсем не смутилась. И у тебя были Голуби Мира, они едва не заклевали... как его звали? Опорто.— Удивительно, подумал Райленд, я почти забыл имя человека, который когда-то был для меня самым близким.

Донна сказала:

— Голуби Мира — это придумал отец. Если ты ненавидишь черное, назови его белым, и будешь любить. Поэтому он и назвал убивающую машину Голубем Мира. Он всегда любил похвастать, что Планирующий — первый правитель на Земле, которому не нужны телохранители. Но как же еще назвать эти штуки? Его ястребов, моих голубей?

И Райленд сказал, счастливо удивившись.

— Донна! Мы до сих пор живы!

Они посмотрели друг на друга, поскольку это действительно было так. Они не умерли от недостатка кислорода. И окружающий их мир маленького Рифа был цел и невредим.

— Но пространственник наверняка умер! — воскликнула Донна.

— В этом нет сомнения. Я ничего не понимаю.

Они с тревогой посмотрели вокруг. Сияли звезды, это все, что они могли видеть сквозь границы маленького воздушного пузыря, составляющего их мир.

— Смотри! — крикнул Райленд.— Что это там?

На краю Рифа вдруг произошел беззвучный взрыв: пуфф! Взлетело облачко тумана. Колония летавших полурыб-полуптиц, кружевное плетение лоз фузоритов и с ними целое скопление цветов, горящих жидким золотом — все они были отброшены в сторону. Потом в том углу все успокоилось. Очертание воздушного пузыря изменилось — один край их мира потерял воздух. На одну тягостную секунду Райленду показалось, что это и есть конец, которого они ждали. Пространственник Чиквита умерла, непонятные силы, позволяющие ей удерживать воздух вокруг Рифа, начали ослаблять свою хватку, и они лицом

к лицу встретились со смертью. Донна, почувствовав внезапный приступ ужаса, прильнула к Райленду.

— Что-то не так, Донна,— прошептал он тихо.— Что-то происходит, чего мы понять не можем. Если поле пропадает, оно должно пропасть сразу и все полностью.

— Но что это такое, Стивен?!

— Посмотрим.

Они нырнули вглубь пещеры. Быстрее, быстрее! В мозгу Райленда плясали сумасшедшие мысли: маленький мир гибнет, все миры, все солнца гибнут, потому что Райленд не смог дать им безынерционный двигатель межзвездного полета... они обречены на гибель, не оставив в пространстве семян жизни. Они замерли, ухватившись за бледно светящиеся лозы. В зеленоватом полумраке своего укрытия лежала Чиквита. Она была мертва. Ошибки быть не могло. Но рядом с ней... Рядом с ней что-то двигалось! Что-то вздрагивало и поднималось в воздух. Оно полетело прямо к ним, маленькое, словно Чиквита уменьшилась и превратилась в игрушку. Но это был пространственник! Детеныш пространственника! Его красный нос быстро подрагивал, он смотрел на Райленда и Донну яркими дружелюбными глазами.

— Ой, миленький! — вскрикнула Донна, протянув к нему руку, и он лизнул ее пальцы ярким черным языком.

— Смотри! — вскрикнул Райленд, пораженный почти до немоты. Там было еще одно маленькое тюленеобразное существо, и третье, и четвертое, и... казалось, их целая дюжина... они танцевали вокруг Райленда и Донны в воздухе, тыкались носами в них. — Чиквита умерла, но дети ее живы,— тихо сказал Райленд.

Всего детенышей было восемь, насколько можно было пересчитать их юркие, словно шарики ртути, непоседливые фигурки. Восемь детенышей-пространственников, веселых, словно щенята. Были ли они рождены уже после смерти матери, благодаря какой-то загадке организма пространственников? Или они родились раньше? Райленд не знал. Он знал только, что они здесь.

— Слава богу,— вздохнула Донна, когда Райленд вынес одного детеныша на свет, чтобы рассмотреть получше.

— Слава, слава,— пробормотал Райленд.— Смотри, Донна, они совсем как взрослые пространственники, только маленькие еще. Они и родились полностью сформировавшимися — ясно, они в состоянии поддерживать атмосферу и могут пользоваться нереактивной тягой, к счастью для нас. Хотя,— сказал он, вспомнив маленький взрыв на краю рифа,— им еще придется немного потренироваться.— Он вдруг замолчал, открыв рот.

За границей их воздушного пузыря что-то двигалось и помаргивало.

— Ракета Плана! — в ужасе воскликнула Донна.

— Нет, нет! — крикнул Райленд.— Разве ты не видишь? Оно слишком маленькое и слишком близко! Это пространствен-

ник! Куивера вернулся... и с ним кто-то еще! Он привел Дондерево!

Дондерево! Гигант шести футов и восьми дюймов ростом, с черным от загара лицом и сияющими голубыми глазами! Пространственник ловко вплыл в их воздушный пузырь, и Рон Дондерево одним прыжком покинул его спину.

— Донна! — воскликнул он, хватая девушку за руку.

Донна радостно обняла его, прижимаясь щекой к бронзовой щеке Рона. Освободившись, она сказала:

— Рон, это Стив Райленд.

— Я вас помню,— едва слышно прошептал Райленд.— Когда я был кадетом Техкорпуса, мне было всего лет восемь. А вы были студентом-медиком и носили кольцо, потому что ваши люди не покорились Плану...

Со смехом гигант пожал ему руку. Потертая кожаная куртка Дондерево была распахнута у шеи, которая казалась бронзовой мускульной колонной. На ней виднелся тонкий шрам, но кольца не было.

— И я тоже помню тебя,— пророкотал гигант.— Я всегда восхищался твоим отцом. Он был не только математиком, но и философом, и историком. Он был тем человеком, который помог мне понять настоящее значение космоса.

— А воротник? — перебил его Райленд.— Вы действительно смогли от него избавиться?

— Да, и от воротника, и от уютного места в заведении, которое называлось «Небеса»,— торжественно кивнул Дондерево.— Мне повезло больше, чем твоему отцу.

— Я не знаю, что с ним случилось.

Райленд перевел дыхание и хотел задать еще один вопрос, но внезапно железная хватка кольца не дала ему возможности вымолвить слово. Он хотел узнать, как удалось Дондерево снять кольцо, но он страшился услышать ответ. Он боялся, что Дондерево подтвердит невероятную историю, рассказанную Анджелой Цвиг — будто он, Райленд, был подсадной уткой, которую хирурги-антипланисты смонтировали под кольцом Дондерево, чтобы прикрыть его побег.

— Рон,— голос Донны немного дрожал от беспокойства,— ты сможешь снять кольцо со Стива?

— Только не тем способом, каким мне сняли мое.— Рон Дондерево покачал головой.— Мой воротник сняли в хирургическом центре орган-банка, куда я попал на утилизацию. Работало полдюжины хирургов при помощи лучевого оборудования...

— А что сделали с вашим воротником? — перебил его Райленд.

— Я обещал не рассказывать,— ответил Дондерево.

— В этом кольце,— начал Стивен и запнулся, прокашлялся, снова начал: — В этом кольце был собран новый человек, «подсадная утка»— что-то вроде живой мумии, чтобы отвлечь внимание, пока вас не увезет пространственник?

— Да, это так,— небрежно кивнул головой гигант.— Но

думаю, теперь это не имеет никакого особого значения.

Для Райленда это имело очень большое значение. Кожа его покрылась мурашками... наверное, она была такой вот холодной и прежде, когда его еще не составили из разных частей и не оформили в виде человека. Он чувствовал отвратительную слабость в ногах.

— Что с тобой, Стив? — спросила Донна.— Ты так побледнел!

Он не мог объяснить ей, что «подсадная утка» был, скорее всего, именно он.

— Я надеялся, что вы сможете снять мое кольцо,— сказал он Дондерево. Это тоже был достаточно серьезный вопрос, чтобы объяснить его волнение.— Вы изучали на Земле медицину... может, вам удалось бы сделать операцию?

Дондерево начал уже отрицательно качать головой, но вдруг пристально вгляделся в Райленда. Потом бросил взгляд на Донну, снова всмотрелся в Райленда. Его лицо тоже дрогнуло и посерело под бронзой загара.

— Думаю, что можно попробовать,— неохотно сказал он.— Конечно, вы понимаете, что у меня нет опыта и того оборудования, которым располагали хирурги в орган-банке. При операции в таких условиях — без ассистентов, с помощью лишь походного оборудования, я могу вам обещать один шанс из четырех, что вы останетесь в живых, один шанс из пяти, что вы сможете ходить, даже если останетесь в живых.

Чувствуя, как кружится голова, Райленд облокотился о большую кристаллическую ветвь. Радужные птицерыбы взлетели стайкой и, мерцая, поплыли прочь.

— Однако,— с чувством пробасил Дондерево,— ты прав, Стивен, другого выхода нет. План может убить тебя за десять секунд — ракета всего в трех миллионах миль отсюда. Нажатие на кнопку и — пум! —транслируется твой кодовый импульс, и ты мертвец. А также я,— продолжал он чистосердечно,— и старый Куивера, и Донна. А поэтому ты совершенно прав, Стивен. Мы должны спасти тебя или погибнем все вместе.

— Что за операция мне предстоит,— спросил Райленд.— Я хочу знать.

Дондерево заколебался, потом начал объяснять. Его глубокий голос напоминал ворчание тигра, но руки были мягкими, как у девушки — Рон Дондерево, могучий Рон Дондерево произвел для Плана не одну операцию. Но на Земле, в орган-банке, объяснял он, имелось то, чего нельзя раздобыть здесь. Там были в достатке медсестры и ассистенты-хирурги (здесь он располагал только Донной и старым Куивером). Склады были полны медикаментами и оборудованием. Здесь у него было только то, что удалось погрузить на пространственника. Этого хватит, конечно — если только все пройдет исключительно благополучно. Но резерва у них не было. Если выйдет из строя кровяной насос, заменить его будет нечем. Там, в орган-банке, в распоряжении хирургов имелся неограниченный выбор органов и частей тела. Здесь же их было только четыре человека,

и лишних частей или органов у них ни у кого не было. Сначала, объяснил Дондерево, нужно будет создать асептическое пространство вокруг Райленда, которого перед этим подвергнут анестезии. Это будет довольно просто, учитывая почти полное отсутствие гравитации и микробов. Дондерево показал небольшую желтую металлическую трубку — распылитель полиантибиотического аэрозоля. Потом — скальпели, зажим, ретракторы, нити для швов. Уже стерильные и от самого их изготовления негостеприимные для какой-нибудь микроскопической жизни, эти принадлежности были извлечены из блестящих контейнеров по требованию Дондерево. Лицо Донны побледнело, но она продолжала внимательно слушать Дондерево, глядя на блестящие инструменты. Она вздрогнула, когда Рон описывал, как скальпель проведет первую кровяную нить на шее Райленда, как раз немного ниже кольца воротника, но тут же справилась с собой. Ткани эпидермиса и лежащая за ними плоть будут рассечены и оттянуты назад, как чулок на ноге. Красная плоть и белые мышцы будут быстро рассечены и ретрактированы. Большие трапециевидные мышцы придется рассечь, зажать и держать,— важно, чтобы они оставались под напряжением. Малый кровеносный сосуд шеи придется перевязать, большие сосуды — сонную артерию, яремную вену, сосуды спинного мозга — придется перевязать, перерезать и подсоединить к двухкамерному механическому сердцу. Не потому, что собственное сердце Райленда перестанет работать, а потому, что запас крови в камерах искусственого сердца поможет ему справиться с постоянной потерей крови из каждого сосуда или капилляра. Потом настанет черед нервов — они будут осторожно препарированы, рассечены и присоединены к пломбам из органического серебра, которое только и сделало пересадку органов возможной. Нервные клетки плохо восстанавливаются у высших позвоночных, если не оказать им помощи. Органическое серебро — это тот «припой», который в виде сплетений тонких проволочек позволяет нервам сохранить проводимость. Иначе, когда будут рассечены основные шейные ганглии, многие участки тела Райленда начнут конвульсивно сокращаться. Затем очередь костей. Ультразвуковая пила вопьется в третий шейный позвонок. Спинной мозг будет раскрыт, запломбирован, «запаян». Внутримозговая жидкость...

— Этого достаточно,— сказал Райленд, лицо которого уже превратилось в застывшую маску.— Я понял, больше не нужно объяснять.— Его глаза встретились с глазами Донны, он хотел ей что-то сказать, но не мог.— Начинайте,— сказал он.— Начинайте операцию.

Он шагнул вперед, лег на импровизированный операционный стол и терпеливо ждал, пока Дондерево и Куивера привязывали его. Потом Дондерево кивнул, и Донна шагнула вперед. Лицо ее вздрагивало, она едва сдерживала слезы. В руках она держала мягкую гибкую маску анестезатора, которая закрывала рот и нос. Он быстро отодвинул голову в сторону.

— Прощай, моя единственная,— прошептал он. — Но не навсегда.— Потом он позволил уложить маску на лицо.

Кристаллические деревья поплыли на него. Маленький риф сложился, как бутон, и сам он оказался в сердцевине этого бутона, в жидком золоте, как в одном из странных цветков космического рифа...

И потерял сознание. Но мозг его продолжал лихорадочно работать. Ему снился сон. Память его вдруг прояснилась. Окутывавший ее туман начал рассеиваться. Этот туман преследовал его с самой Земли. И сейчас он окутал все вокруг, холодный безмолвный, липкий. Он покрыл Рона Дондерево и Донну, исказил их фигуры и лица. Все вдруг переменилось, вывернулось наизнанку. Он больше не лежал в походной хирургической палатке. Теперь его держали ремни кушетки тераписта. Над ним склонились доктор Трейл и генерал Флимер.

— Признайтесь нам, Райленд,— хрипел настойчивый голос Флимера.— Мы знаем, что в дверь к вам постучали, а телеграфистка вышла из кабинета за бутербродами и кофе. Мы знаем, что вы оставили свои бумаги на столе и пошли открывать дверь. Признайтесь, кто там стоял.

И вдруг он вспомнил. Каким-то образом анестезия восстановила утраченное звено. Это была не Анджела Цвиг! И это была не полиция Плана — они действительно пришли только в следующий понедельник. За дверью стоял худой мужчина в запятнанной кровью рабочей форме, сгибаясь под тяжестью набитого испачканного саквояжа, типичного полетного саквояжа космонавтов...

— Хоррок...

— Т-с-с!

Райленд впустил его в комнату и запер дверь. Хоррок бросил саквояж и тяжело оперся о стол. Он дышал с трудом. На губах выступила розовая пена, брызги сукровицы падали на желтую телетайпную ленту на столе Райленда.

— Вы ранены,— сказал Райленд.— Я вызову врача...

— Это может подождать,— прошептал Хоррок.— У меня для вас сообщение... очень срочное. От... старого друга.

Райленд усадил его в кресло и выслушал сообщение. Хоррок задыхался, иногда было трудно разобрать слова. Его старым другом был Рон Дондерево. Хоррок виделся с ним в маленькой колонии на ненанесенном на карты астероиде, где корабль полковника Лескьюри сделал остановку для пополнения запасов реактивной массы. Само сообщение потребовало от раненого Хоррока больших усилий и долгого времени для пересказа, а еще больше времени ушло, прежде чем Райленд разобрался в нем. В начале говорилось о Рифах Космоса и особой форме жизни — о фузоритах, которые эти рифы построили. Самым основным сообщением были сведения о пространственниках и их способе передвижения.

— Дондерево хочет, чтобы вы знали,— в пространстве тоже есть жизнь,— с трудом прохрипел Хоррок.— Это новый край

для освоения, живой и бесконечный. Но с помощью ракет его не освоить... Нам необходим... двигатель... без реактивной тяги...

Во сне Райленд попытался объяснить раненому, что нереактивная тяга невозможна в соответствии с Третьим законом Движения.

— Неправильно,...— прохрипел Хоррок.— Пространственники — они ведь летают! Дондерево велел... чтобы вы это знали... и еще одно. Ваш отец ему рассказывал... Эффект открытого края...

Хоррок закашлялся, обрызгав Райленда кровавой слюной.

— Простите! — прохрипел он.— Это означает, что замкнутый край освоения — замкнутое общество, как в Плане. Открытый край — это Рифы...— Он снова закашлялся, с трудом отвернувшись в сторону.— Это свобода, навсегда!

Райленду понадобилось некоторое время, чтобы осознать, что все это значит, но когда он освоился с сообщением, он начал понимать, что случилось с его отцом. План существовал для управления замкнутым обществом, дошедшим в развитии до пределов дальности полета ионных ракет. Отец Райленда видел бесконечные возможности развития в освоении межзвездного пространства — но даже мечта об этом была предательством в замкнутом мире Плана.

— Дондерево знает Планирующего... Криири,— заключил свой рассказ Хоррок едва слышным шепотом...— Кажется, ему можно верить... он сможет понять, что человек важнее Плана... Если мы только покажем ему работающий нереактивный двигатель. Но он сказал... не доверяй больше... никому.

Передав сообщение, Хоррок отказался от помощи врача. Он позволил Райленду сделать ему укол эвабиотики из набора первой помощи, который Хоррок стащил с «Кристобаля Колона», а потом спрятался в комнате отдыха, опередив возвращение Анджелы Цвиг, которая пришла с подносом бутербродов и кофе. Когда Райленд избавился от Анджелы, Хоррок успел уже исчезнуть. В то, что ему сообщили, Райленд едва мог поверить, но Хоррок оставил свой испачканный кровью саквояж, Райленд вывалил содержимое на стол и вскрикнул от удивления. Здесь были большие светящиеся кристаллы-восьмигранники из углеродного коралла. Здесь были потрясающие стереофотографии Рифов Космоса, пироподов и пространственников. Здесь была тетрадка с наблюдениями Рона Дондерево, доказывающими, что пространственники действительно летают, не используя реактивного противодействия. Вынужденный поверить очевидным фактам, Райленд начал работать. Как сказал Хорроку Дондерево, одного факта полета пространственника должно было хватить Райленду для поиска ответа на загадку нереактивной тяги, приняв это, вывести все остальное было уже легко. Как математик, он знал, что части уравнения должны равняться друг другу. Как физик, с другой стороны, он уже знал, что физически это уравновешивающее количество может быть неуловимым. Примером могло служить нейтрино, необ-

ходимое для уравновешивания ядерных реакций, то есть их уравнений. В его собственных уравнениях, описывающих создание нового вещества и расширения Вселенной, которое описывалось эффектом Мойла, новая масса вновь появившегося вещества была еще более неуловимой, чем нейтрино, потому что он даже не мог определить природу этой массы. И теперь он понял. Заключенная в простом факте полетов пространственников, истина была так проста, как дважды два — четыре. Неизвестное количество, равнявшееся новой массе в его уравнениях, было наконец идентифицировано. Это была кинетическая энергия! Момент движения, заключенный в разбегающихся галактиках, которые неизбежно расталкивала расширяющаяся вселенная! С удовлетворением профессионала он отметил, что Третий закон движения вовсе не нарушается. Он просто трансформируется. Кинетическая энергия летящего пространственника точно уравновешивает эквивалентную энергию новой массы. Реакция описывается классическим уравнением зависимости энергии и массы: $E=M$. Последний множитель, квадрат скорости света, означал, что ничтожная масса была эквивалентна гигантской кинетической энергии. Вот почему он так долго не мог определить свой «Х». Даже самый долгий полет пространственника добавляет неощутимо малое количество атомов водорода к тому облаку, что уже успела создать его жизнедеятельность. Запершись в своем кабинете, Райленд принялся за работу. Прилив возбуждения смыл всю его усталость и даже страх, который принес с собой Хоррок. Простое замещение моментом движения неизвестного множителя в его уравнении позволило Райленду развить теперь целую теорию. Простое преобразование описывало поле, необходимое для создания новой массы и эквивалентного моменту движения. Более сложными были вопросы материалов и конструкций, но к полудню в воскресенье он уже составил полное описание нереактивной тяги с эффективным усилием в полмиллиона тонн. Почувствовав внезапный голод и слабость, он побрел в безмолвную темноту туннеля, чтобы умыться в лаборатории. Раковина до сих пор была испачкана кровью Хоррока. Он доел последний засохший бутерброд из хлореллы, допил остатки горького дрожжевого кофе и заснул в кресле, вяло размышляя, как добраться до Планирующего Криири, не доверяя никому более. Он проснулся рано утром в понедельник. Шея затекла, и его мучили воспоминания о кошмаре, в котором он и Хоррок спасались бегством от полиции Плана. Он спрятал полетный саквояж за ящиком картотеки, сунул испачканные кровью бумаги в люк мусоросжигателя и упаковал свои записи и стереоснимки в чемоданчик. За два часа до того, как должны были придти Анджела и Опорто, он поспешно покинул кабинет, выйдя в лабиринт серых туннелей, которые соединяли помещения компьютеров Планирующей Машины и рабочие помещения людей Планирующего.

Никому не доверяй больше...

В туннелях царили полумрак и пустота. Прохладный воз-

дух с трудом вырывался из труб вентиляторов. Утренний час пик, передвижение клерков еще не началось, но время от времени он встречал ремонтника в сером комбинезоне. Как странно было напоминание о милях грунта и скал над головой, когда в руках его был ключ к звездам! Хотя Райленд никогда не бывал в приемной Планирующего, он знал дорогу. После того, как он вышел из автоматического лифта, его внимательно осмотрел охранник и взмахом руки разрешил пройти. На стене был предупреждающий плакат: ОГРАНИЧЕННЫЙ ДОСТУП! ВХОД ОПАСНИКАМ ТОЛЬКО ПРИ НАЛИЧИИ СОПРОВОЖДЕНИЯ!

Он не был опом. Шею его не обременял воротник безопасности.

Перед входом в помещение Планирующего новый охранник еще раз изучил значок Райленда, потом выбил номер его на телетайпе. Райленд затаил дыхание, ожидая ответа Машины. Но охранник поднял глаза от отстучавшего телетайпа, и невольное уважение смягчило строгую официальность его лица.

— Проходите, сэр.

Девушка за телетайпом в приемной потребовала назвать причину визита. Он объяснил, что у него секретное сообщение для Планирующего Криири. Она попросила сообщить характер донесения. Когда он отказался дать пояснения, настаивая, что секретность слишком велика и говорить он может только с Планирующим, она направила его к старшему помощнику. Старший помощник оказался громадным, с выпученными лягушачьими глазами и синеватым лицом. На полированной дощечке на столе было впечатляюще начертано: «Генерал Рудольф Флимер». Выпученные глаза отличались цепкостью, в них читалось живое любопытство по поводу донесения Райленда. Планирующий Криири? К сожалению, он еще не вернулся из недельной поездки с семьей. Несомненно, в конце недели он уже будет на месте, но и тогда вряд ли сможет выкроить минутку — слишком напряженно он работает. Хотя Планирующий Криири имеет полное представление о заслугах автора новых геликальных полей перед Планом, но обширность его обязанностей заставляет его перекладывать многие дела на подчиненных. Генерал Флимер также намекнул, что те люди, которые выказывают недоверие помощникам Планирующего, редко имеют возможность лично встретиться с ним. Видя, что иначе ничего не добиться, Райленд с крайней неохотой оставил сообщение для Планирующего, указав, что речь идет о Роне Дондерево и новом двигателе для ракет. Генерал Флимер угрюмо пообещал ему дать знать, если Планирующий Криири решит принять Райленда. Когда Райленд вернулся в свой кабинет, стрелки часов уже миновали полдень. Следов Опорто и телетайпистки в кабинете не обнаружилось, словно они вообще не приходили на работу. Испачканный кровью саквояж по-прежнему лежал за ящиком картотеки. Из телетайпа на пол свешивалась набежавшая лента. Он запер дверь и начал искать место, чтобы спрятать описание нереактивного двигателя.

Среди справочников на полке места не было. Щель между ящиком и стеной и так уже вызывала подозрение. В столе не было тумбочек и ящиков. Практически, мельком подумал он, План не предусматривал места для личных секретов и личных бумаг. Прятать описание было некуда... кроме собственной памяти. Он бросал листы чертежей в люк мусоросжигателя, когда в дверь громко и требовательно постучали.

И снова в своем сне он был невольным гостем «центра отдыха», глубоко спрятанного под землей. Комнаты справа и слева были заняты неблагонадежными хирургами, уличенными в каком-то антиплановом деле. В терапевтическом кабинете мучался какой-то искусственный человек. Его создали хирурги из остатков тканей орган-банка. Привязанный ремнями, он бешено метался, пока не умер. Потом с хирургами покончили. Оставался только Хоррок в соседней комнате и Опорто в комнате напротив. Но он редко видел их, потому что большую часть времени его держали в терапевтическом, где недавно умер «составной» человек. Он был пристегнут к кушетке, шею сдавливал железный воротник, электроды впивались в дрожащее тело. Безжалостный свет бил в лицо. Толстый терапист в белом халате склонялся над ним, хрипло повторяя вопросы тихим вежливым голосом.

Какое сообщение передавал ему Хоррок от Рона Дондерево?

Где обитают пироподы, фузориты и пространственники?

Как построить нереактивный двигатель?

Сначала он мог бы отвечать, но кольцо раскаленным обручем сжимало горло, едва он пытался что-то сказать. Даже когда он был уже окончательно сломан и готов с радостью малодушия доверить любому все, что знал, они не позволяли ему произнести ни слова. Они старались вытравить из него даже мечту о побеге.

Дондерево?

Рифы Космоса?

Нереактивная тяга?

Мягкий настойчивый голос не замолкал, и агония Райленда продолжалась, пока все прошлое не исчезло в тумане боли и безумия. Даже когда воротник продолжал его душить, он уже не пытался говорить. Он даже не пытался думать. Его память была стерта.

Райленд пришел в себя. Яркий свет заставил его замигать, но он заметил, что над ним склонился человек в белом. Он не сразу понял, что это не доктор Трейл, а Дондерево. Еще больше времени ушло, пока он вспомнил, что кристаллическое свечение и сияние пещеры естественны здесь, на рифе, настолько он был уверен, что увидит вокруг себя белые стерильные стены терапевтической. Он лежал на операционном столе. Привязные ремни были уже расстегнуты. Постепенно он вспоминал, что к чему. Это стоит Дондерево, а девушка, которая повернулась спиной,— это, несомненно, Донна Криири, а другой человек — это... Вдруг он вскочил, широко раскрыв глаза. Потому что третьим в импровизированной операционной был не

Куивера. Это был офицер Технического корпуса, и он наблюдал за Райлендом с хладнокровием кобры, приготовившейся к прыжку. Во внезапной судороге отчаянной надежды и страха руки Райленда метнулись к шее. Они коснулись привычного холодного закругленного воротника. Кольцо было на месте. Он по-прежнему оставался опом, и жизнь его зависела от прихоти любого охранника с радарным пистолетом или от поворота контакта в недрах далекой Машины...

— Что...— на миг голос перестал его слушаться, все еще в полусне он вспоминал волны шока, заставившие его забыть правду, которую он знал.— Что случилось?

— Мы опоздали,— с сочувствием сказал Дондерево.— Едва мы начали операцию, как пространственник почуял приближающийся крейсер. Он пробил воздушный пузырь рифа. Мы залатали твои разрезы, и вот теперь мы снова под опекой Плана Человека.— Бессознательно он тронул шрам на шее.— Мне очень жаль, что ты остался с воротником, Райленд,— сказал он,— но если я не ошибаюсь, скоро я сам надену новый.

Девушка повернулась, и Райленд понял, что это была не Донна.

— Где Донна? — спросил он.

— Она в безопасности,— пробормотал Дондерево.— Насколько вообще человек может быть в безопасности под властью Плана. На крейсере ее отец. Она сейчас с ним.

— Могу ли я...— Райленду пришлось остановиться на секунду.

— Могу ли я... их увидеть?

— Я скажу, что ты пришел в себя,— согласился Дондерево. Он направился к выходу, потом снова с сомнением повернулся к Райленду.— Я хочу тебя предупредить... От Криири помощи ты получить не рассчитывай. Он, собственно, уже не Планирующий. Он сам теперь носит воротник.

Райленд сидел на краю складного стола, закутавшись в простыню. В пещеру влетели Донна и ее отец. Хотя бывший Планирующий нежно улыбался дочери, лицо его было посеревшим и напряженным. Он был облачен в тонкую робу опасника. Хромированный воротник кольца холодно поблескивал, отражая свет кристаллов космической пещеры. Два офицера следовали за ним. Один из них был полноватый полковник Техкорпуса. Рога антенны придавали ему мрачный сатанинский вид. Второй был сержант-связист, он прижимал к себе футляр портативного телетайпа. Донна взволнованно повторила все, что Дондерево уже успел рассказать Райленду.

— Я надеялась,— грустно сказала она,— что отец сможет избавить тебя от воротника.

— Мне не избавиться даже от собственного.— Натянутая улыбка Криири исчезла.— Как видите, положение изменилось. Наш старый друг генерал Флимер выполняет сейчас обязанности Планирующего. Я был переклассифицирован. И направлен в эту опасную экспедицию.— Он с неловким видом взглянул на полковника.

Лицо Донны дрогнуло.

— Это что за экспедиция, отец?— прошептала она.

— Она связана с Планом Человека,— сказал он.— Понимаешь, когда Машина получила доказательства бесчисленных возможностей развития и освоения жизни в Рифах Космоса, она подготовила проект второй ступени Плана. На этой ступени имеющиеся здесь в избытке природные ресурсы покончат с жестоким нормированием благ настоящего Плана. К сожалению, эта фаза не начнется, пока новый край освоения не будет открыт для основной массы человечества, а для этого нужна нереактивная тяга.

Бывший Планирующий сделал паузу. Его измученные глаза проницательно взглянули на Дондерево, с сожалением — на Райленда, без всякого выражения — на полковника Техкорпуса.

— Генералу Флимеру удалось убедить Машину в моей некомпетентности,— сказал он.— Надеюсь, вы знаете о многочисленных авариях силовых катушек нашей конструкции. Его потухший взгляд вернулся к Райленду.— Флимер свалил все катастрофы на меня. В результате столь вопиющих ошибок в управлении я был смещен. Но я настоял на еще одной попытке найти секрет нереактивной тяги. У меня осталось достаточно власти, чтобы Флимер не мог помешать послать меня в эту экспедицию. Теперь это мое задание. Я видел, как навстречу крейсеру вылетели пространственники. Я должен знать, как они двигаются!

Но в голосе его не было надежды.

— Если Райленд не смог найти ответа,— сказал Дондерево.— то я сомневаюсь, что он вообще существует.

— Но... но я нашел его!

Воротник стал вдруг очень тесным. На мгновение горло Райленда опять парализовало. Прежний туман начал сгущаться в его сознании. Он взглянул на Донну, на ее отца. Улыбка девушки, словно солнечный луч, пронизывала туман. Он вспомнил. Он мог говорить. Он описал свою теорию эквивалентности момента движения и новой массы, которая соотносила полеты пространственников и расширение Вселенной. Он описал двигатель, он запомнил, прежде чем полиция ворвалась в его кабинет в тот понедельник. Полковник, словно Сатана, наблюдал, как обсуждают они детали конструкции и диктуют сообщения сержанту-связисту. Потом они стали ждать, пока сообщение обрабатывала специальная секция Машины на борту крейсера. Шло время — радиоволны несли сообщение на Землю.

Райленд взглянул на взволнованное лицо Донны Криири — и вспомнил забинтованного «сборного» человека, который бешено рвался и бушевал, привязанный ремнями к кушетке тераписта, пока не умер.

Значит, он сам не был «подсадной уткой»!

Значит, эта часть рассказа Анджелы была ложью!

Защелкал телетайп.

Райленд, бывший Планирующий, Дондерево и Донна сгрудились вокруг сержанта, чтобы прочесть ленту. Полковник

начальственным жестом велел держаться в стороне. Он начал сосредоточенно читать ленту, рука его потянулась к кнопке управления радаром. Но выражение лица изменилось.

— Я знал, мистер Планирующий,— в голосе его вдруг появилось дружелюбие,— я знал, что Флимер — не более как предатель, которому повезло. Теперь он наверняка получит по заслугам! Любой человек с частицей здравого смысла в голове понимал, что нереактивная тяга должна быть создана.

Усмехаясь, он протянул руку Криири.

— Я рад первым поздравить вас, мистер Планирующий, и вас, мистер Райленд. Специальная секция Машины на борту крейсера завершила оценку — предварительную пока — вашего изобретения. Она передала сообщение основному комплексу Машины на Земле, предупреждая о необходимости подготовить План Человека к переходу на вторую его ступень, на которой свобода и богатство космического пространства сделают строгие меры безопасности ненужными и невозможными. И, как первый шаг в претворении этого дела в жизнь, она транслирует радарный импульс...

Райленд услышал, как в его кольце что-то щелкнуло. Воротник раскрылся.

Словно под воздействием того же импульса сделала шаг и оказалась в его объятиях Донна. Вместе выплыли они из пещеры в волшебное мерцание их маленького рифа. С одной стороны нависал громадный серый корпус крейсера Плана, который больше не был врагом. А за ним сияли звезды.

Звезды. Бесконечный, непочатый край для освоения человека. Пространство между солнцами, где постоянно рождается новый водород, создавая новые миры, подобно тому, как жажда свободы непрестанно рождается в сердце человека.

— Миллионы, миллионы новых миров,— прошептал Райленд.

И девушка сказала уверенно:

— Наши дети увидят их все!

ДИТЯ ЗВЕЗД

Это был день, час, мгновение весеннего равноденствия на Земле... и вдруг ближайшие звезды на мгновение погасли. Целая их дюжина мигнула одновременно. Сверкающий Сириус и его сверхплотный спутник-карлик. Ярко-желтые близнецы Альфы Центавра. Тусклая красная точка Проксимы... далекие огоньки Эты Эридана и 70-А Змееносца... и само Солнце. Могучие космические моторы объявили о перерыве в своем вращении: в синтезе более крупных ядер из мелких, трансформации избытка массы в энергию, просачивании этой энергии сквозь слой будущего газа, излучении энергии ядер в пространство. На берегах земных океанов, в кратерах Луны, в песчаных пустынях Марса, на спутниках Сатурна и за космической завесой на самих Рифах все миллиардоголовое человечество вздрогнуло, зашевелилось и познало страх. По всей Галактике пронесся фотонный шепот, летя со скоростью света:

— ДИТЯ ЗВЕЗД!

Так все началось. Мигание ближайших звезд продолжалось всего несколько секунд, и сначала его заметили на Рифах, ближайших к данной звезде. Потом медлительный Плутон поймал подмигивание 70-А Змееносца. Тем временем Нептун, не спеша крутившийся по своей погруженной во мрак орбите по другую сторону, первым заметил потускнение белого накала Сириуса. На Землю, где старый растолстевший Планирующий сидел, хихикая, в своем золотом кресле, все пульсации тьмы прибыли одновременно. Планирующий перестал хихикать. Его обрюзгшее лицо помрачнело. Когда астрономы доложили о случившемся, он взорвался гневом. Первые доклады пришли из подземной обсерватории в зоне терминатора на планете Меркурий, где на дне кратера с зазубренными краями медленно раздвинулись бетонные плиты, открывая ствол шахты. Из шахты неспешно выдвинулся в блеск близкого Солнца серебряный купол. Из-под громадной полусферы выползли стволы дюжины оптических и радиотелескопов, пирометров, телекамер. Над ними сияли бронзовые литеры:

НАИМОГУЩЕСТВЕННЕЙШИЙ НАГРАЖДАЕТ НАИВЕРНЕЙШИХ

Внутри бронированной, охлаждаемой, термоизолированной обсерватории три астронома напряженно следили за сотней

индикаторов и циферблатов. Они ждали. Потому что были предупреждены.

Старший вахтенный офицер поднял глаза от циферблата хронометра и проворчал:

— Пять минут!

Двое остальные молча следили за своими приборами. Поседевший капитан Технокорпуса взглянул на них в бледном свете экрана, который заглушал отсветы шкал и индикаторов. На экране плавало изображение Солнца, золотого, распухшего, медленно протягивающего толстые щупальца сверхраскаленного газа. Солнце висело над ощерившимся пиками скал горизонтом Меркурия.

— Ну же,— проворчал он наполовину сам себе.— Мы готовы.

Самым младшим членом вахты был худощавый молодой тех-кадет, честолюбивый юноша, уже познавший на опыте тяжелую реальность службы и продвижения в Технокорпусе. Он осмелился заметить:

— Готовы — но к чему? По-моему, это идиотский блеф.

Старший офицер повел в его сторону желтоватым глазом, но ничего не сказал.

— Разве? — проворчал третий астроном. Это был невысокий полноватый тех-лейтенант, недавно повышенный в звании и поэтому склонный к оптимистическому взгляду на мир.— Значит, задание Машины — тоже идиотское?

— Нет, постой! Я не имел в виду...

— Понятно. Но ты забыл и подумать заодно. Машина следит за всем Планом, мы исполняем только частные задания. Если Машина уделяет внимание этому забавному существу, называемому Дитя Звезд, то мы не можем подвергать сомнениям ее мотивы.

Тех-кадет показал на огромный солнечный шар и сердито воскликнул:

— Посмотри! Что может погасить его?

Тех-лейтенант пожал плечами, а старший офицер сказал только:

— Осталось четыре минуты.

Военная дисциплина кадета успела обветшать за время долгой вахты. Сердито нахмурившись, он взглянул на показатели телеметрических пирометров.

— И с места не двигаются! Мы здесь уже три недели, и ничего не увидели.

— Мы останемся еще на три года, если прикажет Машина,— пророкотал капитан.— Машина не совершает ошибок. Она была построена, чтобы управлять Планом, и предохранена от человеческих оплошностей.

— О да, сэр. Но мы ведь совсем ничего не обнаружили! — воскликнул кадет.— Никаких детей звезд. Никаких крупных пятен — или что мы там должны были увидеть.

— Развивай терпение,— посоветовал ему толстый капитан.— Или тебе придется послужить Плану более непосред-

ственным образом. В орган-банке всегда нужны запасные органы. Осталось три минуты.

Кадет немедленно умолк. Все трое сидели, пристегнувшись, в креслах наблюдателей, следя за большим золотистым изображением Солнца. Закутанное в красные потоки короны, испещренное в средних широтах оспинами мелких черных пятен, оно висело над темным горизонтом, словно глаз бога. Приборы в кабине пощелкивали и попискивали.

— Я видел,— сказал наконец тех-лейтенант как бы про себя, — Солнце, неотличимое от других звезд. Даже не ярче Веги.

— Вы были там, в Рифах? — возбужденно воскликнул кадет.

— Две минуты,— проворчал капитан, но взгляд его был обращен к молодому лейтенанту.

Тот кивнул.

— Искал... дружка моей сестры. Или жениха? Его звали Бойс Ганн. А он искал Дитя Звезд. И мы не нашли ни первого, ни второго.

— Я никогда не видел Рифов,— только и сказал кадет.

— Очень красиво там,— сказал лейтенант.— Шипастые силиконовые растения, сверкающие собственным светом. Как драгоценные камни, и такие острые, что запросто проткнут скафандр. Еще встречается растение, у него такие наросты из чистого серебра, напоминают по форме мозг. Попадаются платиновые и золотые черенки, а еще штуки вроде цветов — они из чистого алмаза.

Дыхание кадета вдруг стало шумным, и седой капитан обернулся, посмотрев на него. Недавнее презрение исчезло, уступив место тоске — и некоторому страху.

— Займись своим делом, парень,— проворчал он отрывисто.— Рифы — опасная тема!

— Да, сэр,— с серьезным видом согласился тех-лейтенант. — Там опасно. Я видел громадного монстра величиной с лошадь, с туловищем скорпиона...

— Молчи, болван! Рифы опасны для Плана Человека. Мы однажды уже едва не погибли из-за этих Рифов. Если Дитя Звезд настоит на своем...— Тут он прервал себя и сказал только: — Одна минута!

Тех-лейтенант покраснел.

— Прошу прощения, сэр. Я совсем не хотел начинать не-Плановый разговор. Я даже не предполагал представить эти орды дикарей, скитающихся за Космическим Заслоном, как что-то стоящее внимания, даже если они верят, будто Дитя Звезд — сверхчеловек...

— Следи за приборами.— Капитан подал пример, отвернувшись от товарищей и уставясь на экран, на ряды циферблатов и указателей на панели перед собой. Какая-то заблудившаяся мысль вдруг заставила его вспомнить о светловолосой девушке-общительнице, которая первая прошептала ему эти два слова: «Дитя Звезд». Что случилось с ней потом? Попала в орган-банк?

Но времени на воспоминания не оставалось. До срока всего тридцать секунд.

Несмотря на работу рефрижераторов и идеальную изоляцию купола, в кабине вдруг стало душно. Капитан почувствовал, как по спине стекают струйки пота.

— Двадцать секунд!

Глаза капитана прикипели к бегущей черной стрелке хронометра, догонявшей красную. Когда черная соединится с неподвижной красной, наступит момент весеннего равноденствия на Земле. И угроза Звездного Дитя окажется пустым блефом... или не окажется.

— Десять секунд!

Скрытые в полу лампы погасли. Теперь только свет циферблатов соперничал с фосфорическим сиянием изображения Солнца на экране.

— Пять секунд... четыре... Три!..

Двадцать катушек с лентой закрутились в темноте. Дыхание со всхлипом вырывалось из легких людей, словно всхлипы.

— Две... Одна!..

— НОЛЬ!

Капитан сглотнул и протер глаза. Изображение Солнца гасло. Потом были убраны фильтры, вспышка яркости — и темнота. Свет вдруг погас. Полностью. Изображение Солнца на экране словно смахнуло рукой. Он услышал, как кто-то из его людей громко вздохнул, потом закричал:

— Дитя Звезд! Это он!

— Мы ослепли! — всхлипнул второй.

И это было только началом. Круги по воде от брошенного в тихий пруд камня — волна тьмы разошлась от Солнца во все стороны. Три минуты спустя после момента весеннего равноденствия она достигла щелкающей в куполе на Меркурии камеры, невидимая для потерявших способность видеть глаз. Спустя немногим менее трех минут волна поразила наблюдателей на орбитальных станциях вокруг вечно раскаленной, закутанной в облако Венеры. Тень ужаса накрыла их, они побледнели, но продолжали видеть свет приборов и не были, казалось, ослеплены последней вспышкой яркости Солнца, как люди на Меркурии.

Пройдя путь в восемь минут, волна темноты омыла Землю. На всей солнечной стороне планеты внезапно наступила кромешная тьма. Люди в ошеломлении застывали на месте, пока спустя несколько секунд не оживали городские огни. Ужас пронизывал тех, кто слышал об угрозе Звездного Дитя. На ночной стороне Земли и на Луне астрономы заметили, как на мгновение погасли знакомые звезды-соседи, и многие побледнели. Кое-кто слышал о Звездном Дитя и о Требовании Освобождения. Остальные просто увидели вдруг, что в узоре световых пятнышек, отраженном от огромных вакуумных зеркал или преломленном линзами, глядевшими в небо на высочайших горах Земли, вдруг пропали так хорошо знакомые

световые точки. Потом они снова возникли... Но Солнце не загорелось, и темнота продолжалась в течение тридцати девяти минут. Тем временем началась паника.

Новость достигла Планирующего, восседавшего в золотом кресле, и он позабыл о своем вчерашнем приятном расположении духа. Его дряблое толстое лицо побелело от страха.

О том, что происходит, человек по имени Бойс Ганн узнал косвенным путем — он услышал, как охрана камеры в недрах Машины, где он был заключен, начала перешептываться:

— ДИТЯ ЗВЕЗД!

К девушке с отрешенным взглядом, разговаривавшей с бусинками-сонарами перед консолью Машины, эта весть донеслась в словах языка, изобретенного не человеком, языка, который мало кто мог бы понять. Имя девушки было Дельта Четыре, и она не испытывала страха. Ей было все равно...

Таким образом это началось для них всех, а потом волна темноты унеслась дальше, в бесконечное пространство. Через двенадцать минут она нахлынула на Марс, приостановив новый грандиозный проект извлечения кислорода и воды из мертвой коры планеты. Заместитель Планирующего на Марсе, плохо спланированный человек, который своими глазами видел Требование Освобождения, выхватил у охранника лазерный пистолет и застрелился.

В течение следующей четверти часа тень омыла астероиды, напугав некоторых, оставив остальных равнодушными — те просто не знали о происходящем, погрузившись в шахты, прорытые в богатых драгоценными ископаемыми недрах крохотных планет, или же были настолько утомлены и отуплены непрерывной тяжкой борьбой за жизнь и трудом, что испугать их уже ничто не могло.

Мчащаяся вперед волна темноты достигла разбросанных по спутникам Юпитера станций Плана. Она заставила погаснуть кольца Сатурна, поглотила спутники Урана и Нептуна. Она упала на Командный комплекс Космического Занавеса, расположенный на далеком Плутоне, где ее заметили только те, чьи глаза случайно обратились к Солнцу — но и они испугались.

Волна затопила и сам Космический Заслон — скорее сеть, чем стену, сеть разбросанных с большими промежутками станций, лазерные излучатели и патрульные корабли которых следили за малоисследованными бесконечными пространствами вне пределов Системы, готовые защитить План Человека от пришельцев из Рифов или от таких врагов, как Дитя Звезд.

Волна неожиданного страха заставила команды тысячи медленно вращающихся космических фортов послать аварийные вызовы патрульным кораблям, на которых взвыли десять тысяч аварийных сирен. Замигали лазерные лучи, передавая миллионы сигналов, несущих замешательство и ужас.

Через сутки пути, за орбитой Плутона, волна достигла границ Солнечной Системы, снежноледяных пропланет из твердого метана и аммиака. На столь далеком расстоянии

от Солнца его гравитационные руки не смогли собрать их в настоящие планеты.

И наконец, спустя дни после прохождения последнего погруженного в панику форпоста Плана, волна начала заливать Рифы Космоса.

Но там, на Рифах, на этих живых астероидах, выросших за века работы микроскопических организмов, фузоритов, поглощавших разреженные моря межзвездного водорода, эта волна темноты не означала ничего ужасного. Она стала еще одним событием в жизни, полной опасностей и чудес.

На одном из маленьких рифов одинокий старатель с раздражением взглянул в ту сторону, где только что было Солнце. Потом он порылся в рюкзаке, отыскал светящийся кристалл фузоритного алмаза и снова принялся сверлить породу. На другом Рифе проповедник Церкви Звезды посмотрел на часы, потом на небо. Он не испугался, увидев, что Солнце исчезло. Он ждал этого. Он повернул лицо к голубому сверкающему Денебу; опустился на колени, прошептал несколько слов благодарности и мольбы. Потом он вернулся к работе, заканчивая космосапог, потому что по профессии был сапожником.

Тень прошла над могилой, но ее никто не увидел, там никого не было, даже трупа — могила была пуста.

Волна тени легко пронеслась над городом решительных закаленных беглецов из мира Плана Человека — большим скоплением Рифов, где строилась великая космическая армада из фузоритной стали. Девушка по имени Карла Сноу смотрела, как гаснет Солнце, и в глазах ее ярко поблескивали слезы.

На другой живой скале пастух внимательно охранял принесшего детенышей пространственника из своего стада от нападения хищного пиропода. Притаившись за выступом органического железа, посматривая время от времени на разрешившегося от бремени пространственника, он искал среди звезд бронированных убийц, стараясь отпугнуть их короткими вспышками из лазерного пистолета. Он даже не заметил, что Солнце вдруг погасло.

Вот как это началось для всех — для всех живущих мужчин, женщин и детей.

Тридцать девять минут спустя Солнце снова принялось изливать мощный поток света и тепла, но волна сияния, прокатившаяся по Солнечной Системе, увидела уже изменившийся мир.

Атомные моторы Солнца снова вращались. Водород синтезировался в гелий через углеродный цикл. Энергия просачивалась к поверхности Солнца. Радиация устремлялась в пространство.

Три минуты спустя волна излучения ударила в термоизолированный купол на Меркурии. Это зарегистрировала щелкающая камера, данные проанализировали тысячи автомати-

ческих приборов. Всхлипывая от радости — или ужаса — ослепленные астрономы послали на Землю сигнал лазерным лучом: «Солнце ожило!»

Но свет самого Солнца достиг Земли раньше сообщения. Первые лучи возродившегося Солнца коснулись горы, где сидел в золотом кресле Планирующий. На плече его устроился серый металлический сокол, бросавший по сторонам сердитые взгляды красных светящихся глаз, шелестя стальными крыльями. Планирующий глядел на лист пергамента кремового цвета, в заголовке которого значилось:

ТРЕБОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Пергамент был доставлен Планирующему одним из личных охранников, который обнаружил свиток у дверей кабинета. В документе говорилось:

«Дитя Звезд требует освобождения всех своих последователей, которые удерживаются на службе Плана с помощью воротников безопасности.

Дитя Звезд требует, чтобы все его последователи, направленные в орган-банк, были приведены в первоначальный вид и также освобождены.

Наконец, Дитя Звезд требует, чтобы препятствие, называемое Космической Завесой, было демонтировано и был разрешен свободный доступ к Рифам Космоса и от Рифов Космоса к планетам Системы.

Дитя Звезд сознает, что План Человека мнит себя неуязвимым, и поэтому подготовил предупреждающую демонстрацию своих возможностей. В момент весеннего равноденствия на Земле Солнце будет погашено.

Двенадцать ближайших звезд мигнут.

Если Планирующий откажется пойти навстречу требованиям Дитя Звезд после этой демонстрации, то будут приняты дальнейшие меры. Следствием окажется уничтожение Плана Человека».

— Непланированная чушь! — застонал Планирующий.— Наглость! Предательство!

Высокий полковник Технокорпуса натужно произнес:

— Сэр, мы должны принять меры...

— Меры...— проворчал Планирующий, а его стальной сокол тем временем со звоном ударил крылом о крыло.— Что говорит Машина?

— Нет данных, сэр,— ответила девушка в халате с капюшоном. Голос ее звучал, как далекая музыка, выражение лица было безмятежным.

— Нет данных! Найдите мне данные! Узнайте, кто такой Дитя Звезд! Объясните, как он это проделал... и как мне помешать ему сотворить то же самое еще раз!

Тех-полковник кашлянул.

— Сэр, уже несколько лет мы получаем донесения о Церкви Звезды. Это новая религия, возникшая, по всей видимости, в Рифах...

— Опять Рифы! Их нужно было уничтожить двадцать лет назад!

— Да, сэр. Но мы этого не сделали. И колонисты, то есть, сэр, бродяги, живущие среди Рифов, изобрели новое суеверие. Они поклоняются, кажется, звезде Денеб. Она же Альфа Лебедя, верхняя оконечность Северного Креста. Они воображают, что на ее планетах находится рай. Они желают переселиться туда, по крайней мере, некоторые из них желают, хотя при максимуме возможностей современного космолета,— продолжал полковник серьезным голосом,— способного развить одну сотую скорости света, учитывая четыреста световых лет расстояния до Денеба, путешествие займет не менее сорока тысяч...

— Ближе к делу! — раздраженно крикнул Планирующий.— Что такое этот Дитя Звезд?

— Э-э, сэр, исследуя этот новый культ, мы наткнулись на слухи о такой личности. Несколько лет назад мы решили послать... гм, особого уполномоченного, чтобы провести расследование по этому делу. Имя уполномоченного было Бойс Ганн, сэр, и...

— Приведите его ко мне! Он здесь, на Земле?

— Да, сэр. Но... видите ли, сэр, он вернулся неожиданным образом. Фактически...— лицо полковника представляло полную картину замешательства,— я должен признаться, сэр, что не знаю точно, каким образом он к нам вернулся.

— Болван! — закричал Планирующий.— Приведите его ко мне! Мало ли чего вы не знаете! Доставьте мне Бойса Ганна!

И это тоже было начало. Но практически многое началось еще раньше.

Для Бойса Ганна все началось за много месяцев до того, как он стал шпионом.

Для Бойса все началось на станции Поларис — большом металлическом обруче, плавающем в ледяном пространстве за Плутоном, который служил одним из звеньев завесы, отделявшей планеты Плана Человека от Рифов.

Бойсу Ганну было всего двадцать шесть лет, и он был уже оператор-майором.

Он имел шесть футов росту, каштановые волосы, голубые глаза. Он был широк в плечах и строен в талии. Он двигался с грацией веселого кота. У него был вид человека, умеющего за себя постоять, и таким он был на самом деле.

Он прибыл на борт станции Поларис с веселой улыбкой и обезоруживающим взглядом ярко-голубых глаз.

— Докладывает Бойс Ганн, сэр,— обратился он к вахтенному офицеру.— Тех-кадет Ганн прибыл в ваше распоряжение.

Это была жизнерадостная ложь. Он не был кадетом, но в шпионской школе на Плутоне офицеры-инструкторы решили дать ему это новое звание, чтобы облегчить выполнение задачи. Оператор-майор — важная персона. За ним будут наблюдать. А кадет мог ходить где угодно и видеть все, что угодно.

Вахтенный офицер выдал ему предписание на место в каюте, помог расположить вещи в багажном отсеке, пожал руку, приветствуя нового члена команды, и приказал явиться к коменданту станции машин-полковнику Мохаммеду Зафару.

В задание Ганна входило расследование по поводу слухов о странной анти-Плановой деятельности на станции Поларис. Ганн был солдатом Плана и едва ли мог вообразить анти-Плановость иначе, как нечто прогнившее насквозь, мерзкое, злобное и вредное. Прибыв на станцию, он ожидал увидеть беспорядок и развал, встретить экипаж, превратившийся в угрюмых оппозиционеров.

Но дисциплина оказалась в порядке. Люди выглядели вполне опрятно. По пути через пластиковые коридоры кольца станции, высоко подпрыгивая в слабом поле тяготения, он отметил, что все металлические части ярко начищены. Но у него была задача, и он знал, как с ней справиться.

Он постучал в дверь кабинета коменданта и получил разрешение войти. Вытянувшись по стойке «смирно», Ганн отдал честь по всем правилам.

— Тех-кадет явился по предписанию, сэр!

Машин-полковник, как и положено, отдал честь. Это тоже слегка удивило Ганна, но он не позволил удивлению проступить из-под военной выправки и симпатичной улыбки. Машин-полковник Зафар оказался невысоким смуглым человеком в тщательно выглаженной белоснежной форме. Вид он имел столь же прочный и непоколебимый, как сам План.

— Добро пожаловать на борт, кадет,— сказал он.— Передайте мне ваше предписание, пожалуйста.

— Есть, сэр! — Предписание Ганна тоже было подделкой. В соответствии с ним он являлся оператором лазерных устройств, только что прибывшим с Земли. В документе не упоминалось его настоящее звание, так же, как и интенсивная подготовка на Плутоне. Комендант внимательно прочел предписание, потом кивнул.

— Кадет Ганн,— сказал он тихим голосом, твердо выговаривая слова,— мы рады вашему прибытию на станцию Поларис. Как вам известно, эта станция является важным звеном Завесы. Нашей первейшей обязанностью является обнаружение и предотвращение незаконной коммуникации между Планом Человека и районами за Плутоном, так называемыми Рифами Космоса. Вторая наша обязанность — следить по мере возможности за активностью в самих Рифах. Радарные, лазерные и оптические системы — сердце этих двух задач. Поэтому, кадет Ганн, вы исполняете наиболее ответственную часть нашей работы. Не подведите нас.

— Сэр! — торжественно сказал Ганн.— Я не подведу! Я служу Плану Человека без сомнений и отдыха.

Он отдал честь и вышел.

Но, прежде чем выйти, он уронил свои документы и тут же подобрал их, сверкнув в сторону полковника извиняющейся улыбкой.

Он вышел с высоко поднятой головой. Потому что в тот момент, когда он поднимал предписание и находился вне поля зрения коменданта, он прикрепил подслушивающее устройство — «жучка» к нижней поверхности стола машин-полковника Зафара.

В течение следующего часа Ганну на шею был надет воротник безопасности.

Он ждал этого. В таком уязвимом и важном устройстве, как станция, каждый член команды носил железный воротник. Таким образом он мог быть уничтожен в любой момент и в любом месте. Иного пути не было. Сошедший с ума космонавт, предатель, пробравшийся к запасам топлива, пьяный оружейник у пульта мощных ракет станции — любой из них мог нанести столько вреда, что необходимо было иметь постоянный контроль за каждым человеком на борту.

И все же чувство было неприятное. Ганн притронулся к кольцу, и улыбка покинула его жизнерадостное лицо. Было трудно сохранять спокойствие, зная, что кто-то или что-то — Машина на далекой Земле, или один из ее ближайших спутников-трансляторов, или офицер безопасности на Плутоне, или комендант станции Поларис — могут одним радарным импульсом включить взрыватель, и тогда заряд мгновенно обезглавит Ганна.

Соседом Ганна по каюте оказался высокий худощавый нигериец, тех-кадет по имени М'Буна. Прогуливаясь у двери в отсек Службы Безопасности, поджидая Ганна, он увидел невольный жест последнего и засмеялся. Когда они оба направились к своему служебному посту, М'Буна сказал:

— Щекочет нервы, а? Ты не волнуйся, если он вдруг сработает, ты об этом даже не узнаешь!

Ганн усмехнулся. Ему понравился М'Буна. Уже при первой встрече он понял, что найдет в нем внимательного и умного товарища. Но сразу поспешил ответить:

— А кому нравится воротник? К тому же...— он сделал паузу, оглянулся по сторонам.— Я слышал, что имеются в одном месте люди, которые умеют избавляться от них. Там, в Рифах. Они знают секрет — как снять воротник.

— Я такими вещами не интересуюсь,— напряженным голосом сказал М'Буна.— Вот наш отсек.

Ганн кивнул и продолжать разговора не стал. Но четко отметил один факт, очень важный факт, которого не заметил М'Буна. В намеке Ганна имелся призыв к анти-Плановому поступку, предательству Плана. Обязанности М'Буны были очевидны: он должен был оборвать Ганна на месте, потребовать немедленных объяснений — на что он намекал? — и потом немедленно доложить о словах Ганна.

Огромная, как океанский лайнер, хрупкая, как воздушный змей-дракон, станция Поларис представляла собой большое колесо из пластика. Вращение создавало центробежную силу,

достаточную, чтобы обеденный суп команды не вылетал из тарелки, а тарелка держалась на столе. Ступица же колеса была неподвижна. На одном ее конце находился купол радарно-лазерной следящей системы, на другом — воздушные шлюзы.

Станция была запущена в этот район более четверти века назад, чтобы исследовать скопление Рифов непосредственно к северу — в галактических координатах — от Солнца. Скопление аммиачного снега, снабдившего старые ядерные ракеты реактивной массой, по-прежнему находилось в поле зрения радаров, вращаясь в сотне миль от станции по их общей орбите. Теперь в реактивной массе не было необходимости, но снеговое скопление могло еще послужить. Оно превратилось в космическую помойку, сборник отходов станции, которые доставлялись на его поверхность после каждой вахты, чтобы частицы мусора, вращаясь по свободным орбитам, не мешали следящим системам станции и не вызывали ложных тревог.

За сорок восемь часов своего пребывания на станции оператор-майор Бойс Ганн установил «жучков» в кабинетах коменданта, старшего помощника, интенданта и начальника Службы Безопасности. Каждый такой миниатюрный приборчик передавал на тайной волне любое слово, произнесенное в этих святая святых. Ганн лично прослушивал передачи, когда время позволяло. В остальное время сигналы записывались специальными устройствами на Плутоне, затем передавались на Землю, непосредственно в подземную цитадель Планирующей Машины.

Но «жучки» ничего не помогли ему выяснить.

Ганну был дан более чем ясный приказ: ИСКАТЬ И ВЫЯВИТЬ ВРАГОВ ПЛАНА. Все остальное относилось к категории слухов. Какие-то крупномасштабные контрабандные операции, перевозка ценных стратегических материалов с внутренних планет Плана в Рифы. Какой-то странный новый культ — грозящий объединением всех Рифов против внутренних планет. Предводитель его, призывающий к бегству в Рифы... Утечка информации в системе безопасности... Но была ли здесь доля истины — если вообще могла быть — этого Ганну не сказали. Не в правилах Безопасности было разъяснять детально агентам, что они должны искать. Считалось, что время свое они используют наиболее продуктивным способом, идя по собственному следу — или нескольким следам.

Но здесь вообще не было следов — никаких.

Во всяком случае, действительных следов. Несколько неосторожных реплик за столом. Какие-то запасные части к лазерным батареям исчезли без достаточно убедительного объяснения. Даже за меньшие промахи люди попадали в органбанк. Это были анти-Плановые беспорядки. И со станции Поларис кое-кто тоже отправился на утилизацию, потому что Ганн аккуратно зафиксировал имена и данные. Но он был уверен, что должен искать нечто гораздо более серьезное и опасное, чем ошибку небрежного офицера.

За неделю Ганн убедился, к своему удовольствию, что, если и существует крупное анти-Плановое подполье, то не на станции Поларис.

Искать нужно было в другом месте.

Но в каком?

Он успел побывать там дважды, пока сообразил, где может находиться это «другое место».

Как член младшего персонала, Ганн вносил свою лепту в КВ — камбузную вахту, а также в команду по уборке, избавлению от отходов и так далее. Как правило, такая работа была не из обременительных. Высококачественные духовки и киберуборщики исполняли почти всю работу. Людям оставалось только убедиться, что все автоматы работают как следует. И даже короткий рейс со станции на снеговую помойку был приятным разнообразием в рутинной жизни.

Он отправился в мусорный рейс вместе с М'Буной, и они коротали время за отрывочными разговорами у пульта «шаланды» — нереактивного космического тягача — пока контейнеры с мусором самостоятельно опорожнялись и возвращались на место. М'Буна никогда не вспоминал о давней реплике Гана — насчет воротников безопасности. И Ганну тоже не удавалось навести его на разговор на неплановую тему, он даже оставил попытки. Они разговаривали о доме. Обсуждали проблемы продвижения по службе. А также достоинства девушек.

У Ганна была одна девушка. Ее звали Джули Мартин.

— Маленькая такая,— серьезным голосом говорил Ганн,— и с такими красивыми черными глазами. Она меня ждет. Когда я вернусь...

— Правильно,— сказал М'Буна.— Так вот, та девушка, которая была у меня в Лагосе...

— Ты говоришь о *той* девушке,— сказал Ганн,— *а* Джули была не та, она была моя девушка. Единственная, все остальные не в счет.

— Отчего же ты никогда не получаешь от нее писем? — спросил М'Буна.

Ганн замер.

— Она не любит писать письма,— сказал он после секундной паузы, ругая себя. Какой глупейший промах! Он не получал писем от Джули Мартин по одной весьма существенной причине — письма *эти* накапливались на Плутоне, ожидая его. Он был в этом уверен — сюда их не могли переслать. Слишком велик был риск, что кто-нибудь прочтет одно из писем и по косвенным замечаниям догадается, что Ганн — не тот простой техник-лазерщик, каким кажется.

При первой же возможности Ганн сменил тему разговора.

— Слушай,— сказал он,— что это на экране?

На экране радара маленькая искорка сигнала опускалась с легкостью перышка на поверхность снежной протопланеты. Какой-то мусор, несомненно. Ничего больше. Ничего необычного не было в том, что часть партии отходов вырвалась из непрочных оков и принялась кружить в пространстве, чтобы через минуты или часы все-таки осесть на поверхность.

Но М'Буна, мельком взглянув на экран радара, сказал как бы между прочим:

— Наверное, это комендант. Он время от времени проверяет, все ли здесь в порядке.

Тщательно стараясь скрыть охватившее его возбуждение, Ганн сказал:

— Интересно, что он тут делает.

М'Буна пожал плечами, протянул руку и повернул выключатель. Контейнер опорожнился и вернулся в корабль.

— Знаешь что,— сказал Ганн,— давай поглядим, что там такое.

Он не стал ждать ответа. Контейнер вернулся в гнездо, «шаланда» была в готовности — ничто не могло помешать ему. Он включил корректирующие курсовые ракеты. «Шаланда» двинулась вперед.

— Нет! Брось, Ганн. Старик вовсе не обрадуется, если заметит, что мы за ним подсматриваем,— с напряжением в голосе сказал М'Буна.

Но Ганн не слушал его. Он был целиком поглощен наблюдением за экранами.

Если машин-полковник Зафар совершает тайные визиты на планетоид, то должна иметься на то причина. И он должен выяснить, что это за причина. Он дал на экран максимальное увеличение, и навстречу ему прыгнула поверхность маленькой протопланеты, состоявшей из замерзших газов.

Планетоид был в восемь или десять миль толщиной, формой напоминая более контейнер для золы, чем шар. Для дальних протопланет из метана и водорода он был необычно плотным — подойдя поближе к Солнцу, он бы превратился в крупную комету. Его зеленоватая кора из твердых газов выглядела на экране медленно крутящейся метелью. Потревоженный толчком выброшенного мусора, весь планетоид вибрировал, покрывавший его газовый снег медленно вздымался и опадал волнами.

И больше ничего не было видно.

Но даже небольшой планетоид имеет солидную площадь поверхности — по человеческим меркам. Где-то здесь находился полковник Зафар. Ганн снова протянул руку к пульту двигателя, чтобы пустить корабль в облет протопланеты.

Какой-то шум отвлек его.

Он обернулся и увидел, что М'Буна подался в его сторону, на лице его было странное выражение ненависти и жалости, смешавшихся вместе. В руке он держал блестящий металлический карандаш, направив его в сторону Ганна.

В оставшуюся у него долю секунды Ганн успел лихорадочно подумать: «Если бы я только мог послать сообщение... Здесь происходит что-то анти-Плановое...»

И эта мысль была последней. Он услышал шипение и едва успел понять, что в шею его ужалила нейропуля, выпущенная из контрабандного пистолета М'Буной. Потом все погасло. Темнота и холод сомкнулись вокруг него.

Нейропуля мгновенно выключает всякую нервную деятельность. Но это еще не все.

Ее действие не ослабевает со временем само по себе. Жертва нейропули не возвращается в сознание, покуда не будет введен нейтрализующий препарат.

Когда Ганн пришел в себя, он не имел понятия, как долго пробыл под воздействием пули. Но одно он знал наверняка — он больше не находился в рубке управления «шаланды»-мусоровоза.

Обстановка была вообще совершенно незнакомой.

Он лежал на неровном скалистом выступе, на подстилке из чего-то мягкого, теплого, напоминающего лишайник или мох, растущего толстыми ступенчатыми слоями. Мох слабо, но ровно светился. На ближайших скалах свет был зеленоватым, на более дальних казался красным и пурпурным.

И небо над скалами было бархатно-черным, с одной-единственной сверкающей звездой.

Бойс Ганн с трудом поднялся на ноги — и воспарил в воздух. Опустившись, наконец, обратно на землю, он осмотрелся вокруг. Если он не смотрел на яркую звезду над головой и на светящиеся скалы, то глаза привыкали к темноте, и он мог разглядеть остальные звезды. Знакомые созвездия... И тут он все понял.

Яркая звезда была Солнцем.

Он находился на одном из Рифов Космоса.

Ганн никогда не узнал, как он попал сюда. Знал об этом наверняка один М'Буна, а с ним Ганн никогда больше не встречался. Но одно было ясно — пока он находился под воздействием нейропули, его перевезли и выбросили на этом осколке рифа. Без радиопередатчика, инструментов, корабля, скафандра — он мог уцелеть на этом осколке, но все равно рано или поздно должен был умереть. Потому что никогда не сможет его покинуть.

Да, это был отличный способ избавиться от лишнего человека, даже более простой, чем убийство, поскольку не осталось тела, которое нужно было бы еще спрятать.

Ему было холодно, он чувствовал скованность в суставах, Кисти рук распухли, лодыжки онемели. Судя по всему, его похитители не доверяли нейропуле и как следует связали его. Но путы уже исчезли, а вместе с ними и всякие намеки на личность субъекта, доставившего его на этот риф. Голова болела. Во рту пересохло, и хотелось есть.

Сначала нужно было найти воду и еду, но он не мог устоять перед соблазном прежде всего осмотреть чудесную местность. Металлические листья папоротников позвякивали, как ветровые гонги. Откуда-то доносился далекий звук, похожий на хлопанье крыльев целой стаи птиц. Откуда здесь птицы, подумал Ганн, это невозможно. Но здесь могла быть какая-то жизнь. Рифы Космоса были сотворены живыми организмами, подобно коралламв океанах Земли. Здесь должна была быть жизнь.

Но эта жизнь не всегда была совместима с человеческой — и даже не очень часто. Потому что Рифы были сформированы скоплениями фузоритов, питающихся межзвездным водородом, в соответствии с законами неохойловской гипотезы, превращая атомы водорода во все более и более тяжелые элементы. В Рифах имелась и углеродная, дышащая кислородом, теплокровная жизнь. Но в большинстве Рифы населяли металлические и кристаллические формы. В лучшем случае они не годились в пищу, в худшем — представляли смертельную опасность.

Солнце, выглядевшее, как яркая звезда, находилось у южного полюса небесной сферы, как успел обнаружить Ганн. Соответственно сам он находился к галактическому северу от Солнца, на одной прямой со станцией Поларис. Но насколько далеко от нее? Способа узнать у него не было, не считая того, что, по предположению, основные скопления Рифов находились в двухстах астрономических единицах от Солнца. То есть, примерно в двадцати миллиардах миль.

Ганн перевел взгляд со звезд на окружающую местность. Перед ним был мир, который нужно было исследовать. Конечно, он может не достигать и сотни ярдов по самой длинной оси, но другого у него сейчас не было.

Он потер саднящие запястья и лодыжки и отправился в разведку. Он осторожно выбрался из маленькой, светящейся зеленоватой лощины, потому что знал о подстерегавшей на небольшом рифе опасности. Фузориты-симбиоты создавали и удерживали атмосферу вокруг осколка. Но она напоминала мыльный пузырь — если Ганн неосторожно подпрыгнет слишком высоко, он может очутиться в вакууме космического пространства, и его настигнет жуткая смерть, когда кровь выкипает словно взорвавшись и лопаются стенки клеток тела.

Взобравшись на гребень лощины, он приостановился и огляделся.

Впереди лежала лощина, на этот раз заполненная какими-то блестящими кустами. Растения доходили в высоту человеку до плеча, их узкие соцветия напоминали плюмажи, усыпанные светящимися точками — видимо, отдельными клетками фузоритов. Каждый лист у черенка был зеленым, ближе к краю цвет переходил в черный. Кроме того, на каждом листе имелась ярко-красная ягода. Невероятно, но кусты росли рядами.

Больше всего это напоминало ферму в одной из плодородных долин на Земле. Ганн мгновенно почувствовал, как желудок сжала спазма голода. Ягоды казались такими привлекательными и съедобными! Волоча ноги, он затрусил к кустам...

И откуда-то из-за его спины послышался голос:

— Молодец! Наконец-то ты проснулся. И сразу решил подкрепиться, а?

Майор Бойс Ганн был подготовлен к любой неожиданности. Полученный на тренировках рефлекс остановил его на

полупрыжке, заставил повернуться и приземлиться на мшистую светящуюся поверхность рифа, уже в оборонительной стойке на полусогнутых ногах. Но фигура человека, приближавшегося к нему, имела вид совершенно не воинственный. Это был невысокий коренастый мужчина с толстым животом и грязной желтоватой бородой. Одежда его была соткана из каких-то грубых волокон. Она была грязной, полурасстегнутой и полной прорех.

Прижимаясь к загорелой лысой голове мужчины, на плече его сидело существо размерами с обезьянку-капуцина, с зеленой чешуей, красными глазами и черными клыками. Оно походило на игрушечного дракона. Из-под острых, как лезвие ножа, краев чешуи сочились тонкие струйки дыма.

— Привет,— осторожно сказал Бойс Ганн.

— Ну-ну, привет,— добродушно ответил человек.— Ты спал. Я и подумал — пусть лучше спит. Добро пожаловать — я не надеялся обзавестись компанией.

— Я сам не ожидал, что окажусь именно здесь.

Мужчина кивнул и протянул грязную мозолистую ладонь.

— Я так и подумал. Какие-то двое оставили тебя здесь пять-шесть часов назад. Похоже было, что они не слишком ласково с тобой обошлись, поэтому я решил тебя не беспокоить.

Существо на его плече завертелось, когда мужчина повернулся, и уставилось на Ганна красными горящими глазами.

Ганн пожал руку, протянутую ему, и сказал:

— Мне нужна вода. И немного еды.

— Сейчас устроим. Пошли...

Мужчина кивнул ему,— существо закачалось, сохраняя равновесие,— потом повернулся и повел Ганна вдоль возделанного поля к крохотному черному озеру.

— Омер не любит незнакомых,— возвестил он через плечо.— Но ты его не бойся. Просто не делай резких внезапных движений. Омер — из пироподов. Детеныш, конечно, но и они бывают опасны.

Ганн внутренне согласился. У маленького существа был достаточно зловещий вид, который усиливали струйки дыма и огненные глаза. Пробираясь сквозь мерцающие ряды растений фермы, они добрались до берега озерка, а скорее всего, лишь пруда, не более пятидесяти ярдов в поперечнике. Поверхность его волновали медленные высокие волны, характерные для слабого притяжения. На дальнем берегу поднимался обрывистый утес, усеянный сверкающими выходами металлических жил. Местами его силуэт смягчали светящиеся мхи и прочие растения, а у подножия виднелся металлический навес, скрывавший вход в пещеру.

— Вот мы и дома,— жизнерадостно сказал мужчина.— Добро пожаловать. Входи и отдыхай.

— Благодарю,— сказал Ганн.— Кстати, мы так и не познакомились.

— Разве? И то верно,— сказал мужчина.— Меня зовут

Гарри Хиксон. А ты...— Ганн открыл было рот, но Хиксон не сделал паузы.— Ты ведь, как это называется, оператор-майор Бойс Ганн из шпионской школы на Плутоне.

Уже сутки Ганн отдыхал в пещере отшельника Гарри Хиксона, и мысли его были мрачны. Каким образом Хиксон узнал его имя? Более того, откуда он мог знать, что Ганн — не техник-лазерист, а выпускник шпионской школы?

Ответ на ум не приходил, поэтому Ганн оставил догадки и занялся восстановлением физической формы и исследованием окружающей обстановки.

Очевидно, он пробыл на выбросившем его здесь корабле более долгое время, чем предполагал, потому что успел потерять в весе и силе мышц, а на подбородке выросла щетинистая борода. Но Хиксон кормил его и заботился о нем. Он устроил Ганну постель — всего лишь, правда, кучу вонючих одеял, но не хуже, чем его собственная — и делил с ним содержимое горшка, в котором варил себе что-то вроде слишком жирного жаркого. Пища была грубой, но обильной, ее разнообразили плоды и коренья растений, произраставших на утесе. Красные ягоды, по вкусу похожие на очень кислый лимон, оказались хорошим источником всех необходимых витаминов, как настойчиво объяснял ему Гарри, а один из лишайников давал протеин.

Вопрос питания Ганна не волновал. Хиксон прожил на этой диете несколько лет и был здоров. Значит, Ганн тоже продержится достаточно долго, чтобы вырваться с этого рифа.

Это не должно было занять много времени. Потому что, как он узнал от Хиксона, существовал способ сообщения, позволяющий в случае необходимости позвать на помощь.

— У меня такой нужды не было,— сказал Хиксон, вылавливая из жаркого длинный стебель похожего на ревень овоща и облизывая пальцы,— но приятно чувствовать, что в тылу все надежно... Слушай, Бойс, тебя беспокоит воротник?

Рука Ганна замерла, он вдруг заметил, что бессознательно трогает воротник на шее.

— Не совсем,— тихо сказал он.

— Могу снять, если хочешь,— доброжелательно предложил Хиксон.— Плевое дело. Я уже сто раз такие снимал.

Ганн уставился на него.

— Ради Плана, о чем ты говоришь? — сердито сказал он.— Ты что, не знаешь, что это такое? В эти штуки встроен автоматический контур-взрыватель вместе с дистанционным запалом. Если ты только попробуешь снять его...— Он сделал кончиками пальцев веерообразное движение в стороны и вверх от кольца, изображая действие обезглавливающего заряда.

— Да нет, ясное дело, об этом я все знаю,— сказал Хиксон.— Сиди тихо. Да нет, не ты, Ганн. Это я Омеру. Омер! Не ерзай, ты меня раздражаешь.

Он поднялся от неуклюжего стола из досок, где сидел на корточках за едой, обошел его и остановился за спиной Ганна.

— Ты только сиди на месте, Бойс,— сказал он.— Можешь шевелиться, но только не смотри на меня... Омер! Черт бы тебя побрал! Убери когти! Я его вывел из яйца, этого дьяволенка, прямо вот тут, в пещере. Но он начинает нервничать каждый раз, когда я... Ага, вот и все.

Что-то коснулось шеи Ганна. Он не видел, что делает Хиксон, но был уверен, что у отшельника нет в руках никаких инструментов. Но вдруг горло что-то сжало...

Он услышал, как щелкнул замок...

Кольцо упало на пол пещеры. Ганн рывком вскочил на ноги, побледнев, ожидая, что сейчас произойдет взрыв. Но взрыва не было.

— Успокойся же, Бойс,— проговорил отшельник.— Ты до смерти перепугаешь Омера. Эта штука больше никогда не взорвется.

Он небрежно подобрал кольцо и поднял к глазам, чтобы рассмотреть получше в свете никогда не гаснущего алмазного кристалла, который на Земле стоил бы миллионы.

— Отличная работа,— сказал он с восхищением.— Сколько деталек-то! Жалко, что больше они ни на что не годятся.— И он швырнул кольцо в дальний угол пещеры.— Ну, так что? — спросил он.— Ты готов двигаться дальше?

— Двигаться куда? — сказал Ганн, после секундной паузы, глядя на Хиксона.

— Ну, ну, Бойс, не волнуйся. Я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, что меня нужно доставить к Планирующей Машине на предмет исследования, ты не понимаешь, как я это делаю, но ты уверен, что это анти-Плановое свойство. Что ж, ты прав. Я весь полностью анти-Плановый. И я не буду тебе мешать. То есть можешь взять лазерный пистолет и вызвать сигналом помощь. Но я с тобой не полечу, Бойс Ганн. Это ты запомни хорошенько.

— Ну, хорошо,— сказал Ганн, сдаваясь. Но внутренне он вовсе не собирался складывать оружия.

Хиксон выразил намерения Ганна в очень мягких выражениях. Ганн не просто думал, он намеревался доставить Хиксона в лабораторию Плана для исследования. Честно говоря, он еще никогда в жизни не желал чего-то столь сильно. Даже продвинуться на службе Машине. Даже обрести счастье в любви Джули Мартин.

Этот человек, Гарри Хиксон, был катастрофой Плана в процессе развития.

Кем бы он ни был, как бы он ни делал то, что делал, он был страшной угрозой Плану Человека. В ушах Ганна едва ли не наяву звучали инструкции старшего офицера на Плутоне, которые он мог бы получить, если бы доложил о Хиксоне и старший офицер отдал бы приказ:

«Подлежащий исследованию Хиксон является отрицательным фактором. Его неизвестные свойства должны быть рассмотрены и сохранены для блага Плана. Затем каждый орган его тела должен быть уничтожен...»

Но как доставить Хиксона в руки Плана?

Нужно было найти способ. Он должен был существовать. Оператор-майор Бойс Ганн был в этом уверен. Главное — сохранить спокойствие и выжидать — и, когда представится случай, не упустить его.

— Тогда давай пошлем сигнал прямо сейчас,— сказал Ганн.— Я готов двигаться дальше.

Хрипло дыша и отдуваясь, Гарри Хиксон вывел Ганна на вершину скалы из красноватой породы. Пиропод, взобравшийся на его лысый скальп, ерзал и вертелся, не спуская горящих красных глаз с Бойса Ганна.

— Видишь, вон там? — спросил Хиксон через плечо.— Вон ту яркую звезду рядом с Вегой?

Бойс Ганн проследил за указательным пальцем Хиксона.

— Ты имеешь в виду Тету Лиры?

Отшельник обернулся, поглядев на Ганна с легким удивлением.

— Верно, Бойс. Вас там кое-чему учат, в шпионской школе. Вот только не... Ладно, неважно. Я имею в виду вон ту, прямо под Тетой Лиры. Тусклая красная звезда. Не помню, как называется. В той стороне лежит Свободное Небо.

Ганн почувствовал, как в висках застучала кровь.

— Свободное Небо? Я слышал об этом. Кажется, это колонии рифокрыс?

— Ай-ай, Бойс, так говорить нельзя. Они просто свободные люди. Это самый большой Риф — Свободное Небо, значит. Вроде как бы город, только это целое скопление мелких рифов, почти в сотню тысяч миль в длину. До него где-то полмиллиона миль.

— Понятно,— сказал Ганн, чувствуя гордость и воодушевление. «С каким подарком я вернусь на Плутон! Целый город будет возвращен Плану, снова войдет в братство Машины!» Он уже почти видел, как светящиеся следы двигателей крейсеров Плана сходятся в этом секторе, направляясь в одну точку — в скопление рифов...

— Не возносись особенно в мечтах, Бойс,— сухо сказал Хиксон.— Ты еще туда не добрался. А если доберешься, то по телефону Машину тоже не вызовешь оттуда. А теперь погоди, пока я вызову за тобой...

Он поднял старинный неуклюжий лазерный пистолет, который хранился в куче промасленного тряпья в пещере, проверил индикаторы настройки, аккуратно прицелился в далекую красную искру, служившую маяком прямого курса на Свободное Небо. Он трижды потянул за спуск, потом опустил пистолет и повернулся к Ганну.

— Вот и все. Теперь подождем, пока они сюда доберутся. Можно спокойно вернуться в пещеру.

Он помолчал, косо глянул на Ганна, словно что-то немного смущенный. Потом, видимо, принял решение.

Он снова повернулся лицом к звездам, опустил пистолет и протянул вперед руки. Губы его двигались, но Ганн не мог

разобрать ни звука. Пироног, взобравшийся на лысую макушку Хиксона, шипел и то и дело соскальзывал. Казалось, отшельник всем телом устремился куда-то. Но куда?

Ганн не мог понять. Очевидно, к Свободному Небу. К слабой красной звездочке, определяющей его положение... или, может, к Тете Лиры... или к ярчайшим гигантам Летнего Треугольника, доминировавшего в той части неба — к Веге, Альтаиру и Денебу...

Потом Гарри Хиксон успокоился. Пироног скатился с лысины ему на плечо, в то время как сам отшельник поднял руку и сделал сложное веерообразное движение. Словно змея извивается, подумал Ганн. Или изгибается шея лебедя...

Лебедя? Что-то неясное зашевелилось в памяти Ганна. Что-то касающееся лебедя... и звезды...

Но вспомнить ничего определенного не удалось, и он последовал за Гарри Хиксоном обратно в пещеру.

Маленький риф Гарри Хиксона был всего лишь островком в расширяющейся бесконечности материи и пространства. Неохойловская гипотеза говорила ясно: Вселенная бесконечна во времени и пространстве, и материя в ней тоже бесконечна. Новое вещество постоянно формируется в виде новосотворенных атомов водорода, пока старые скопления вещества — звезды, планеты, пылевые облака и галактики — медленно разбегаются во все стороны.

Риф Хиксона был младенцем среди мира организованной материи — возраст его составлял всего несколько миллионов лет, размеры — сущая пылинка... Но в этом он был схож со всей остальной Вселенной, поскольку вещество в ней преимущественно было молодым. Причиной тому был спиральный рост темпа появления нового вещества. Некоторые галактики и даже некоторые рифы в пространстве между ними были так стары, что возраст их не поддавался исчислению,— находящаяся в состоянии динамического равновесия Вселенная не имела ни начала, ни конца. И жизнь была самым древним феноменом. Более древним, чем самые древние звезды — и одновременно оставалась молодой, в то время как звезды уже погасли и превратились в мертвые тела.

Жизнь в пространстве в буквальном смысле не имела конца.

Формы ее принимали самые разнообразные обличья, эволюция шла самыми невообразимыми путями.

Наблюдая, как Гарри Хиксон играет с ручным пироподом, Бойс Ганн подумал, что человек — самая странная из всех форм жизни, какие он знал. Потому что перед ним был коренастый облысевший отшельник, анти-Плановый и грозящий смертельной опасностью по всем меркам Планирующей Машины — и он со всей серьезностью пытался научить летать своего пироподa.

Он снял маленькое чудовище с головы и осторожно усадил на высоком выступе. Потом отошел в сторону. Шипя и плюясь дымом, сверкая огненными глазами, испуская сквозь чешую

дым от внутреннего пламени реактивного двигателя, пироподтонко завыл, призывая хозяина вернуться за ним. Потом, отчаявшись, он взлетел в воздух, промахнулся мимо Хиксона на несколько ярдов и врезался в скальную стену в дальней части пещеры, где и остался лежать, вздрагивая и шипя, пока Хиксон не сжалился и не поднял его.

— Как бы он себе башку не расшиб,— пробормотал Ганн, когда существо в пятый раз врезалось в камень стенки.

— Да, надо бы поосторожней,— мягко согласился Хиксон.— Однако она у него совсем, должно быть, пустая. Неуклюжее создание этот пироподж, верно, Омер? — И он с искренней привязанностью погладил маленькое чудовище, потом вздохнул и опустил его на пол.

Он аккуратно накрыл его перевернутой корзиной, потом положил на корзину кусок светящегося фузоритного коралла. Пироподж взвизгивал и шипел, но Хиксон не обращал на него внимания.

— Думал, что успею научить его,— сказал он с сожалением.— Бойс, за тобой должны прибыть через час. Любопытно тебе узнать, как выглядит пилот? — Он извлек старомодное двухмерное цветное изображение из кармана своей изношенной до лохмотьев куртки. На снимке была совсем молодая симпатичная девушка, одну руку она положила на голову похожего на морского котика существа. Позади нее светилась серебром и пурпуром масса Рифа.

— Ее зовут Карла,— с любовью сказал старик. — Карла Сноу. Она дочь моего старого друга. Он меня вылечил несколько лет назад. Он доктор, мой друг, и хороший доктор. Мало, правда, понимал, что со мной случилось...

Тут отшельник заметил, что начал разговаривать сам с собой, и сразу замолчал.

— Думаю, что это все,— сказал он немного спустя со смущенной улыбкой.— Дай Лебедь тебе счастья, Бойс. Передай привет Карле.

И едва Ганн понял, что тот собирается делать, старик повернулся, отодвинул в сторону металлический лист, прикрывающий вход в пещеру, и вышел наружу.

Ганн покачал головой наполовину с сочувственным любопытством, наполовину с удивлением.

— Эй! — позвал он.— Хиксон! Ты куда? Подожди! — И он поспешил к выходу из пещеры, выскочив прямо на газон, который с таким тщанием оберегал старый отшельник.

Старика нигде не было. Следы его остались, они были ясно видны на покрытой мхом поверхности.

Но сам Гарри Хиксон как сквозь землю провалился.

Ганн обыскал всю поверхность рифа, потратив несколько часов. Никто не отозвался на его крики, и найти ему тоже никого не удалось. Старый отшельник просто исчез.

Вернувшись в пещеру, оператор-майор Ганн отыскал там старинный лазерный пистолет старика — допотопную техни-

корпусовскую модель. Должно быть, ее контрабандой провезли в Рифы еще до создания Завесы. Сознание, что он вооружен, придало Ганну немного уверенности, хотя врагов видно не было.

Но ему необходима была уверенность.

Человек не может быть одинок. Каждый имеет свое место в системе Плана Человека, под благородным руководством Машины. Каждый служит Плану, и таким образом План служит всем...

Такова была доктрина, и Бойс Ганн вдруг обнаружил, что, как глупец, повторяет эти слова, взбираясь на вершину скалы, откуда Хиксон послал сигнал на Свободное Небо. Это ему мало чем помогало.

Человек не должен быть одинок... Но Бойс Ганн чувствовал себя и в самом деле ужасно одиноким, заброшенным на маленьком рифе, летящем в пространстве среди миллиардов сверкающих звезд.

Особого смысла взбираться именно на вершину скалы не имелось. Он мог с таким же успехом ожидать и в любой другой точке рифа. Не было причины вообще надеяться на помощь. Потому что все, что говорил полусумасшедший отшельник Гарри Хиксон, казалось не слишком достойным доверия...

Но он продолжал часами ждать на вершине скалы. Прислонившись к камню, он взглядом прочесывал небо. Но находил там лишь блеск недружелюбных звезд. Он присел, облокотясь о камень, и погрузился в дремоту. Царило полное безмолвие и неподвижность. И вдруг...

Вдруг в низком черном небе сверкнуло что-то зеленоватое и туманное. Это что-то двигалось на самом пределе возможностей человеческих глаз.

Ганн прыжком вскочил на ноги, уставясь в бесконечную пустоту над головой. Зеленоватое мерцание было таким слабым, что он совсем не был уверен, видел ли он его на самом деле. И все же... что-то там наверняка было, и за этим непонятным объектом еще тянулся хвост красноватых искр...

Ганн поднял пистолет, проверил индикатор мощности, чтобы не выстрелить разрушительным разрядом в небо, потом три раза потянул за спуск, как это делал Хиксон, направив пистолет в сторону зеленоватого мерцания.

Секунду спустя... зеленоватое свечение приблизилось к нему. Это была помощь — он был в этом уверен. Но что это за красные искры? Пока он смотрел, далекие мерцающие огоньки тоже изменили движение, следуя за зеленым свечением. Они быстро приближались...

Потом одна из красных искр вырвалась вперед, оставляя за собой голубой светящийся хвост. Она походила на зловещую комету, нырнувшую в зеленоватое облако.

В уши Ганна вдруг ударил рев — словно работали двигатели старинной ракеты.

Непонятные объекты вошли, наконец, в мелкую атмосферу рифа, с визгом раздирая сопротивляющийся воздух. И кто-то еще кричал.

Красная искра с грохотом промчалась над ним, пронизав зеленое облако, и помчалась к Ганну, как старинный ракетный снаряд, ведомый сигналами радара. В последний момент, в дюжине ярдов над его головой, оно вышло из пикирующего полета, и Ганну удалось мельком рассмотреть его. Это было чудовище из ночного кошмара.

Металлическая чешуя сверкала, как осколки зеркала. Чудовищные когти, с которых на грунт сыпались дождем какие-то золотистые капли. Красная искра превратилась в две — в два красных, огромных мигающих глаза. Зеркальная голова наводила на мысли о взбесившемся драконе. А хвостом чудовища служило ревущее голубое пламя.

— Пироnод! — выдохнул Ганн, окаменев от страха.

Он никогда раньше не видел взрослую особь, до него доходили лишь неясные слухи, наподобие рассказов о привидениях, которые в допланетные времена родители рассказывали детям. Общество маленького ручного пиропода, который был у Гарри Хиксона, не подготовило его к встрече с реальным, громадным и грозным существом, которое с оглушительным визгом пронеслось над его головой. Пораженный, он стоял, не шевелясь.

Пироnод представляет собой живую ракету, и он смертельно опасен. Химические процессы в его теле коренным образом отличаются от тех, что происходят в кислородных организмах. Эволюция пиропода имела своим источником ту же неуглеродную жизнь, что и развитие фузоритов. С помощью своих плазменных двигателей, питаемых энергией фузоритов-симбиотов, пироnод может обогнать крейсер Плана, а по свирепости в погоне за добычей ему нет равных среди хищников на Земле. Добычей же для пиропода служит все, что движется. Их двигателям требуется огромное количество реактивной массы. Их аппетит никогда не насыщается. Стервятники космоса, они нападают на все, что угодно.

К счастью для существующей на внутренних планетах жизни, атмосфера действует на пироnодов как медленный яд, а притяжение замедляет рефлексы. Их дом — межзвездные пространства, где самые крупные монстры достигают размеров космической яхты, и даже на пороге зрелости они не уступают величиной пещерному медведю. Не в силах сдвинуться с места, Бойс Ганн смотрел, как пульсирующие красные глаза, окруженные телескопическими зеркалами, делали петлю и разворачивались, а в его воображении черные когти рвали металл или камень, словно хлеб...

И почти слишком поздно он сообразил, что сам является мишенью для гигантских когтей.

Рефлекторно он вскинул пистолет и выстрелил.

Заряд был установлен на минимум, только для того, чтобы посылать сигналы, но пироnод почувствовал удар луча, завопил и метнулся в сторону. Ганн бросился под прикрытие скального выступа. В небе медленно растворялось продырявленное облако зеленоватого свечения. Струи тумана истоща-

лись и исчезали. И на том месте, где висело облако, стало втдно, что скрывалось внутри него.

Пространственник. Одно из теплокровных, похожих на морских котиков существ, скитающихся в пространстве меж звезд, являясь природной жертвой пироподов, но другом людей. Это он принес с собой облако, потому что в способности пространственников входило умение удерживать вокруг себя атмосферу — с помощью поля, основанного на эффекте Райленда — что и позволяло этим существам, дышащим кислородом, жить в открытом космосе.

Пространственник был тяжело ранен. Даже издалека Ганн увидел, что вдоль всего гладкого золотистого тела животного протянулась ужасная рваная рана. На спине его кто-то прижался к золотому меху. Наездник? Ганн не мог разобрать, но в одном он был уверен — конец пространственника и сидящего на его спине был совсем близок.

Пиропод, атаковавший его, развернулся и мчался теперь на раненое существо. В его вое утонул вопль пространственника. Чудовище показалось из темноты над гребнем пурпурной скалы, огненные глаза его пульсировали, страшные когти тянулись к жертве.

Ганн прореагировал быстрее, чем успел подумать. Он повернул регулятор кристалла своего старого лазера на максимальную интенсивность, оперся трубкой ствола о камень и выстрелил прямо в сверкающие глаза пиропода. Глаза взорвались.

Пиропод заревел в агонии. Он остался без глаз — или подобных глазам органов. Как было известно Ганну, эти структуры по функции скорее напоминали лазерные прицелы. Но что бы они собой ни представляли, сейчас они превратились в мельчайшие осколки, подобные корпусу суб-поезда, когда исчезает поле туннеля и его сплющивает расплавленный камень. Слепой пиропод помчался вверх, издавая жуткие вопли, пока звук этот резко не прекратился, словно отрезанный закрывшейся дверью.

Чудовище покинуло атмосферу рифа, выскочив в пространство. Ослепленное, раненое, оно уже не вернется, подумал Ганн. И к счастью, потому что на пистолете мигал оранжевый индикатор, предупреждая, что батареи полностью истощились.

Но там, за пределами атмосферы, оставались другие пироподы. Ганн видел красноватые точки их глаз, сопровождаемые голубыми хвостами выхлопа огненного чрева. Они все разом повернули и метнулись вслед за удаляющимся кометным хвостом раненого пиропода. Вздулось голубоватое облачко раскаленных газов...

Ганн смутно осознал, что сотоварищи уничтожили раненого собрата, разорвали его на куски и теперь крутились и сплетались в драке за свою долю добычи. Но у него не было времени наблюдать за ними. Пространственник рухнул на грунт, и Ганн, спотыкаясь, поспешил к этому месту.

Животное упало на самом краю маленькой плантации Гарри Хиксона. Его голубая кровь заливала зеленый мох. Над страшной раной склонился наездник, пытаясь остановить кровь обеими руками.

Наездником была девушка. Хиксон не ошибся. Это была та самая девушка с фотографии, которую он показывал Ганну.

Пространственник стонал и вздрагивал. Когда Ганн подошел ближе, существо издало неясный звук, похожий на всхлип. Девушка тоже всхлипывала.

— Могу я вам помочь? — спросил Ганн.

Девушка, Карла Сноу, быстро повернулась. Она смотрела на Ганна, словно это был пироход или какое-то не менее ужасное существо из легенд. В глазах ее был страх и, как это ни странно, подумал Ганн, почти облегчение, словно она ждала чего-то похуже. С таким выражением человек встречает один на один волка, в то время как ожидал встретить тигра.

— Вы кто? — спросила девушка. Голосом она вполне владела. Она была высокая и сильная, хотя и очень молодая.

— Я Бойс Ганн,— сказал он.— А вы Карла Сноу. Гарри Хиксон предупредил, что вы прилетите.

Рука девушки метнулась к губам. Глаза расширились от ужаса. На мгновение Ганну показалось, что она сейчас бросится бежать. Потом она с жалостью тряхнула головой и повернулась к пространственнику. Кровь больше не текла, животное больше не вздрагивало. Стоны его затихли.

— Султана умерла,— тихо сказала девушка, словно самой себе.

— Мне очень жаль,— сказал Бойс Ганн, понимая, что это очень слабое утешение. Он бросил взгляд вверх — пироподы полностью исчезли — потом снова посмотрел на девушку. Лицо Карлы Сноу, покрытое умеренным загаром, по цвету почти соответствовало медовым волосам. Они были почти такого же цвета, как ее пространственник. На белом комбинезоне виднелись пятна крови, с пальцев капала золотистая слизь. И все же она казалась очень красивой.

На секунду глубоко погребенные чувства вновь ожили внутри Ганна. Он вспомнил Джули Мартин и вкус соли на ее губах, когда он поцеловал ее на прощанье на морском берегу в маленьком мексиканском курортном городке Плайя Бланка. Эта девушка совсем не напоминала Джули. Она была светловолосой, а у Джули волосы были черны, как ночь. Она была высокого роста, а Джули — миниатюрна. У нее было крупное доброе лицо, и даже в минуту горя оно выдавало любовь к жизни, в то время как Джули Мартин была девушкой, склонной к печали. Но и в первой, и во второй было нечто, волновавшее Ганна.

— Эти звери могут вернуться,— поспешно сказал он.— Нам нужно уходить отсюда.

Слезы на щеках девушки высохли, она немного успокоилась. Она посмотрела на бесполезный пистолет в руках Ганна и чуть улыбнулась.

— От него пользы мало. Он пустой.

— Я знаю. Нужно вернуться в пещеру Хиксона. Он мог оставить запасные заряды.

— Оставить? Но вы, кажется, сказали, что он здесь! — лицо ее снова омрачилось, в ярких глазах виднелся страх.

— Он был здесь, но теперь его уже нет. Исчез. Не знаю, куда и как.

Девушка механически кивнула, словно засыпая, не в силах воспринять слова Ганна. Она опустилась на колени рядом с мертвым пространственником и погладила его золотистый мех.

— Бедная Султана. Я этого себе никогда не прощу. Когда я получила ваш сигнал, я... я испугалась. Я не знала, что делать. Папа улетел по вызову. Он взял наш корабль... и я решила отправиться на Султане, сама.

Она плотно сжала на секунду побелевшие губы.

— Я не подумала об опасности. Здесь редко встречаются пироподы — их вывели несколько лет назад, хотя они постоянно снова плодятся. Но раньше я столько раз убегала от них на Султане. Я забыла о том, что она... стареет.

Она легко встала и тронула Ганна за руку, стараясь придать ему уверенность.

— Но вы не волнуйтесь. Мы не потеряемся. Папа за нами прилетит, как только вернется домой. Я оставила сообщение.

Ганн кивнул.

— Он, наверное, подождет немного,— сказал он, раздумывая,— а потом, если вы не вернетесь, через день-два отправится искать вас.

Но Карла Сноу покачала головой, тряхнув золотистыми волосами.

— Нет. Он не станет ждать. Ни одной минуты. Я сообщила в записке, что получила старый аварийный сигнал Гарри Хиксона. Он отправится на самой полной скорости, какую только способен развить корабль, чтобы узнать, кто послал сигнал Гарри.

Ганн уставился на нее.

— Как кто? Гарри и послал. Гарри Хиксон. Я же вам сказал.

— Я помню,— сказала девушка спокойно, но в голосе ее чувствовался отголосок удивления и страха.— Но, понимаете, это не мог быть Гарри. Я... Нет, подождите, я вам покажу.

Она повела его прочь от возделанного поля обратно к красной скале, где лазерным пистолетом Ганн опирался о каменную пирамиду, стреляя в пиропода.

— Видите? — сказала она, касаясь пирамиды.

Он нагнулся, всматриваясь, и на самом нижнем камне, на полуровной лицевой стороне валуна разобрал слабо видимые буквы, выжженные линия за линией лучом пистолета. Их невозможно было заметить, если человек не знал, куда смотреть. Надпись гласила:

ГАРРИ ХИКСОН

Умер от фузоритной инфекции.
Да светит ему в пути Денеб.

— Видите? — сказала девушка.— Гарри не мог послать сигнала. Он умер три года назад.

Все это произошло за много месяцев до появления Требования Освобождения. Старый Планирующий на Земле пребывал в радостном единении с Планирующей Машиной. В пространстве Системы сновали между планетами и лунами крейсера Плана, достигая самых дальних постов Космического Заслона, привозя оружие и приказы Машины в самые дальние форпосты территории, контролируемые Планом Человека. В орган-банке на острове Куба бывший служащий Технокорпуса, нигериец, отдал последние жизненные органы в пользу какого-то более полезного слуги Плана и умер. Когда-то его звали М'Буна, он был пойман и осужден трибуналом за дезертирство. Девушка по имени Джули Мартин сидела в спальне общежития глубоко под перуанскими Андами. Она сжимала в руке стило, раздумывая, что написать — письмо человеку, «которого любила», но уже давно не получала от него известий, или просьбу о приеме ее на специальную службу Планирующей Машине.

И в далеких Рифах, в растянувшемся на сотню орбит сообществе, называемом Свободное Небо, оператор-майор Бойс Ганн пришел к выводу, что величайшая в его жизни возможность сослужить службу Плану — и получить величайшее вознаграждение! — преподнесена ему на серебряном блюдце.

Потому что он находился на Свободном Небе, в самом сердце Рифов Космоса — и был полностью свободен. И он знал — или считал, что знает — способ вернуться к мирам Плана. Само собой, далеко не все было ясно и понятно. Некоторые вопросы даже вызывали — почти — неприятную дрожь.

Чего надеялась достигнуть Карла Сноу, делая вид, будто Гарри Хиксон давно умер? Что же тогда, по ее мнению, видел Ганн на рифе? Привидение? Значит, это привидение кормило его, лечило, сняло с его шеи кольцо?

И он начинал подозревать, что с самого начала он попал на риф Хиксона совсем не по чистой случайности.

Доказательств не было, конечно. Но он был уверен, что М'Буна, а, возможно, и полковник Зафар имели отношение к Хиксону и к анти-Плановой деятельности, которая кипела в этом опасном, упадочном, неплановом месте — Рифах Космоса. У него имелись косвенные данные. Неосторожное слово, взгляд, замечание, оборванное на полуслове — всего этого было достаточно, чтобы Ганн понял, что существуют какие-то связи между Рифами и мирами Плана. Эти связи захватывали даже Технический корпус, даже жизненно важные центры самого Космического Занавеса.

Если бы ему удалось вернуться... Нет! Когда он вер-

нется вместе с уликами и доказательствами, которые немедленно отправят конспираторов в орган-банки, тогда самая великая награда из тех, что во власти Машины, не окажется для него чрезмерной. А Джули Мартин ждет его...

Ганн не решался делать записи или добывать фотографии и магнитные ленты, но он не упускал возможности побывать во всех частях невероятного сообщества Свободного Неба. Даже название было какое-то странное, приводящее в смущение. Свободное Небо.

Как будто «свобода» так важна!

Однако Бойс Ганн не мог не заметить, что обитавшие на Свободном Небе толпы упадочников, никем не управляемых и анти-Плановых, казались даже более крепкими, счастливыми и процветающими, чем миллиарды живущих под всемогущей и благотворной властью Планирующей Машины.

Этот факт сбивал с толку.

Но задача была ясна. Ганн погрузился в изучение всего, что мог изучить.

Свободное Небо представляло собой сообщество примерно двух тысяч человек, разбросанных по сотне фузоритных рифов на пространстве в сотни тысяч миль. Многие рифы были трансформированы в пригодные для обитания с помощью специального лишайника, выделяющего кислород — с ним Ганн познакомился еще на рифе Гарри Хиксона. Большинство не имело атмосферы, но все они снабжали развивающуюся экономику Свободного Неба необходимыми металлами и минералами.

Ганн не совсем представлял, что ожидал увидеть здесь — возможно, покрытых татуировкой дикарей, пляшущих под разнузданные звуки тамтама — но наверняка он совершенно не был готов встретиться с современной деловитой колонией. Здесь имелись фермы и стада — не только пространственников, но даже коров молочной гернзийской породы — шестьдесят голов, каким-то образом выкраденные на крохотный астероид, удаленный от Солнца на двадцать миллиардов миль. На одном безвоздушном рифе, состоявшем преимущественно из фузоритного железа, находился сталеплавильный завод — одно из компактных ядерных устройств, сконструированных инженерами Технокорпуса для использования в поясе астероидов, чтобы не доставлять металл с Земли. Ганн был просто поражен всем, что видел. Однажды он сказал об этом Карле Сноу и ее отцу, у которых он жил в качестве гостя — или пленника, он так и не выяснил, кого именно. Они как раз обедали — Ганн наслаждался отличной отбивной и вином, не уступающим по букету французскому.

— Дело не только в еде, молодой человек,— прогремел в ответ доктор Сноу,— здесь сама жизнь прекрасна! Она имеет вкус, о котором никогда не узнают на мирах Плана.

Ганн улыбнулся как можно дружелюбнее.

— Возможно, вы правы. Я... видите ли, я прошу меня извинить, но ведь я никогда ничего не видел, кроме планет Плана.

Отец Карлы энергично кивнул.

— Естественно. Так же, как и все мы, пока не добрались сюда. Не считая, конечно, Карлы и еще нескольких, родившихся уже здесь. Они были свободны с самого рождения.

— Но я не совсем понимаю,— сказал Ганн с необходимой ноткой сомнений,— как работает ваша система. Кто указывает вам, что вы должны делать?

— Никто! На то и свобода! Мы бежали сюда, потому что не хотели жить в ошейниках Машины. Мы работаем вместе и, как ты видишь, работаем неплохо. Процветание и счастье! Вот что мы выстроили почти что из ничего, подобно фузоритам, которые построили для нас наши миры из газа и энергии. Я помню, когда мы с Гарри Хиксоном сюда прилетели...— Он вдруг замолчал и потер подбородок, хмуро глядя на Ганна.

— И что же? — спросил Ганн.— Вы и Хиксон?..

— Тогда все было по-другому,— коротко ответил доктор Сноу.— Парень, ты до сих пор уверен, что мы поверили в эту историю о Хиксоне? Я сам помогал хоронить его.

— Видите ли, сэр,— осторожно сказал Ганн, понимая, что задевает небезопасную тему,— я ничего не знаю о Гарри Хиксоне, но все, что я рассказал,— чистая правда. Человек, пославший сигнал Карле, сказал, что его зовут Гарри Хиксон, и у меня не было никаких оснований не верить ему.

Сноу мрачно кивнул и больше ничего не сказал. Но Ганн заметил, что доктор продолжал обедать без прежнего удовольствия. Ганн решил отложить эту проблему в сторону. Его занимало нечто более серьезное и значительное. Он думал о том, как отблагодарит его Машина после возвращения, когда он сбежит на одном из пространственников Карлы — она как раз учила его обращаться с животными — и принесет сведения о мире Свободного Неба, отличный урожай из нескольких тысяч прекрасных кандидатов в орган-банки!

Он поднялся из-за стола и вместе с Карлой вышел наружу. Ручной пиропод Гарри Хиксона, который был спасен вместе с ними по настоянию Карлы, шипел и метался за дверью, насколько позволяла ему цепь.

Ганн взял ее руку в свою, они оба смотрели сквозь зеленые вьющиеся лозы на дальний маяк, означавший положение главного центра Свободного Неба.

— Ты обещала мне, что покатаешь на одном из своих пространственников,— сказал он, сжимая ее руку и улыбаясь.— Если мне суждено стать постоянным местным жителем, то чем раньше я получу полезный навык, тем лучше.

Она задумчиво посмотрела на него, потом улыбнулась. По контрасту с медово-золотистыми волосами ее глаза казались ярко-голубыми.

— Почему бы и нет? — сказала она.— Но не дальше границ атмосферы, Бойс. Не все сразу.

— Я думал, что пространственники несут с собой необходимый воздух.

Она кивнула, но твердо повторила:

— Не дальше атмосферы. Во-первых, могут напасть пироподы.

— Здесь, так близко к Свободному Небу? — спросил он недоверчиво.

Она заколебалась.

— Видишь ли...— начала она, но ответить ей так и не пришлось. Бледно-голубое зарево осветило небо над их головами.

Они оба повернулись. На посадку шел корабль, двигатели работали на полную мощность, тормозя его стремительное движение. Кто бы им ни управлял, он явно очень торопился. Всего несколько секунд спустя корабль уже стоял на мшистой лужайке перед клиникой доктора Сноу, люк его открылся, наружу выпрыгнул человек. Он увидел Ганна и Карлу, крикнул: «Срочная помощь!» и повернулся к люку, откуда ему уже что-то передавали.

— Я позову отца! — крикнула Карла.— Бойс, помоги им!

Ганн уже спешил по мху лужайки, хотя тем двоим, что прибыли на ракете, особой помощи не требовалось. Сквозь люк они вытаскивали носилки, на которых лежал третий человек, завернутый в белые простыни. В слабом поле притяжения рифа они легко справлялись с ношей сами. И все же Ганн взялся за одну из ручек.

— Какой-то больной,— пропыхтел один из мужчин.— Я его не знаю, нашел без сознания у себя в загоне для пространственников. Я и подумал, вдруг это что-то опасное...

Ганн кивнул, помогая поднять носилки, на которых больной что-то бормотал в бреду...

И едва не выронил ручку, несмотря на слабое притяжение.

Челюсть его отвисла, глаза расширились. Хотя лицо человека было мокрым от испарины, глаза блуждали, хотя он и метался из стороны в сторону в безумии бреда, все равно лицо этого человека было очень знакомо Бойсу Ганну. Это был машин-полковник Мохаммед Зафар.

Наступил момент, когда Ганну понадобились все знания и навыки, полученные в шпионской школе на Плутоне. Рифокрыса, которая привезла сюда Зафара, назвала его «опасным». Для Ганна он был не просто опасен, он означал близкую возможность полного провала, потому что, если — как был почти уверен Ганн — М'Буна и Зафар принадлежали к одному анти-Плановому подполью, то Зафар наверняка знает, что Ганн — совсем не простой тех-кадет.

Он опасался, что Зафар в любой момент придет в себя и узнает его. Но верность Плану требовала использовать всякий шанс узнать как можно больше о Зафаре, а это можно было сделать, прислушиваясь к отрывистому бреду полковника. Доктор Сноу, сам того не зная, помог ему выйти из трудного положения.

— Ганн и Карла,— проворчал он,— держитесь подальше от него. Вдруг это какая-нибудь инфекция... Но будьте поблизости, если я вас позову помочь,— добавил он, склоняясь над пациентом.

Карла и Бойс остались стоять в дверях приемной срочных вызовов. Не замечая того, Бойс сжимал руку Карлы.

— Он очень плох, Бойс,— прошептала она.— Я не знаю, что это такое. Ничего подобного не случалось с тех пор, как Гарри... — она замолчала, потом уже другим тоном обратилась к двоим, которые привезли Зафара:

— Вы лучше не подходите близко, пока его не осмотрит отец. Вы можете заразиться.

Доктор Сноу вытащил изо рта Зафара датчик термометра. Ганн напряг слух, пытаясь разобрать, что говорит бредящий, но до него доносились лишь обрывки, вроде: «...ловушка сознания... живая пыль... лживые мечты...»

Доктор Сноу нахмурился.

— Высокая,— пробормотал он, потом посмотрел в сторону группы у дверей.— Карла! — позвал он.— Составь для него инъекцию. Стандартный набор антибиотиков, афибриллий, анальгетики. Его вес — примерно девяносто килограммов. Максимальную дозу.

Карла кивнула и поспешила в комнату, где хранились медикаменты, доктор снова склонился над больным. Даже на расстоянии Ганн видел, что лицо бывшего машин-полковника искажено, словно в агонии. В диком бреду Зафара чувствовалось нечто большее, чем болезнь, в нем ощущался ужас. Он вдруг сел прямо, уставясь в пустоту, и закричал:

— Кладбище Галактики! Дитя Звезд! Бойтесь ловушки! Бойтесь тайных желаний!

В этот момент вернулась Карла с пневматическим шприцем. Отец взял у нее шприц, вытолкнул дочь из комнаты и быстро сделал инъекцию.

Зафар тяжело опустился на кушетку, глаза его закрылись, он продолжал что-то неразборчиво бормотать.

Доктор секунду смотрел на него, потом подошел к столпившимся у двери.

— Он заснет сейчас,— сказал он.— Больше мы пока ничего не можем сделать. Нужно посмотреть, как он реагирует на лекарство.

Мужчина, который привез Зафара, спросил:

— Доктор, что это? А мы все не?..

Доктор Сноу покачал головой.

— Я ничего не могу сказать,— ответил он.— Я не знаю, что с ним. Но не думаю, чтобы нам грозила опасность. С подобным случаем я сталкивался всего раз, три года назад. И я, моя дочь и еще несколько других людей — мы общались с больным, но не заболели.

Он помолчал, взглянул на Ганна. Потом резко добавил:

— Это был Гарри Хиксон, мистер Ганн. Он умер.

Бойс Ганн открыл было рот, потом кивнул.

— Я понимаю.

— Понимаете? — в голосе Сноу слышалась мрачная ирония.— А я не понимаю! Я совершенно ничего не понимаю. Позвольте кое-что показать вам. Потом, если вы поймете, то объясните мне!

Он сделал шаг в сторону, протянул руку и выключил свет в приемной.

— Смотрите! — воскликнул он.— Вы понимаете, что это такое?

Четверо стоявших в дверях одновременно громко вздохнули.

— Отец! — закричала Карла, мужчины тихо выругались. Теперь, в полумраке, кожа Мохаммеда Зафара потеряла естественный цвет. Подобно крови пространственника, который погиб на глазах Ганна, она светилась золотистым светом! Лицо больного сияло, как солнце, на которое смотрят через темное стекло. Высунувшаяся из-под простыней рука мерцала желтоватым неверным светом, словно скопление миллионов фузоритов.

— Отец, это... совсем как у Гарри! — сдавленно воскликнула Карла.

Доктор мрачно кивнул.

— И конец будет тот же самый. Если не произойдет чуда, этот человек через час будет мертв.

Он вздохнул и протянул руку, чтобы включить свет. Внезапно что-то зашипело и со свистом пронеслось в дверь над их головами.

— Что за черт! — воскликнул доктор Сноу и включил свет.

На голове умирающего сидело какое-то существо. Оно ерзало из стороны в сторону и сверкало в направлении стоявших красными огненными глазами, похожими на раскаленные кнопки ботинок.

— Отец! Это Гарри... то есть это пироподл! Тот, которого привезли мы с Бойсом! — крикнула Карла.

— Смотрите,— с усилием сказал Ганн.— Он порвал цепь.— Потом он неуверенно засмеялся.— Гарри был бы доволен,— сказал он нетвердым голосом.— По крайней мере, это создание научилось летать.

Машин-полковник Зафар прожил более одного часа, который оставил ему доктор Сноу, но было ясно, что дополнительный срок не будет слишком долгим. Он умирал. Были минуты, когда, казалось, он уже почти не дышал, потом вдруг жизнь вспыхивала в нем достаточно сильно, чтобы полковник мог пробормотать одну из не имеющих смысла фраз вроде: «Дитя Звезд! Но Лебедь не поможет ему...»

Сноу работал с лабораторным оборудованием в углу комнаты, отрываясь от своего занятия каждые несколько минут, чтобы проверить дыхание больного и покачать головой. Он подозвал к себе Карлу и Ганна и молча показал на микроскоп.

— Я хочу вам кое-что показать,— сказал он с мрачным и задумчивым выражением.— Смотрите,— и он отошел в сторону.

Карла заглянула в хромированные окуляры микроскопа, потом подняла голову, вопросительно глядя на отца.

— Понимаешь? Теперь вы, мистер Ганн, взгляните.

Бойс Ганн медленно встал на место Карлы.

— Ведь я не ученый, доктор,— запротестовал он.— Я не знаю, что искать.

Но в этот момент он заглянул в окуляры и замолчал. В научной подготовке не было нужды. Хотя то, что происходило перед его глазами в трехмерном поле зрения микроскопа, выходило за рамки всего, что он когда-либо видел.

Соломенного цвета эритроциты и бледные эозинофилы плавали среди колоний полезных микроорганизмов, живущих в теле каждого человека. Очертания этих бактерий, похожих на палочки, на звездочки или вообще бесформенных, были смутно знакомы Ганну. Но не все.

Потому что доминировали над пространством изображения неизвестные шарообразные организмы, темные и на первый взгляд ничем не примечательные. Но прямо на глазах они испускали яркий золотистый свет. Подобно планктону в теплых морях Земли, они вспыхивали, потом угасали, потом снова вспыхивали и так далее. Как будто крохотные лампочки подавали сигналы бедствия из недр организма. Их было много, сотни, может быть, тысячи, и все пространство зрения микроскопа сияло золотым светом.

— Великий План! — прошептал Бойс Ганн.— И от этого он умирает?

— То же самое я видел в крови Гарри Хиксона,— медленно сказал доктор Сноу.— Перед самой его смертью.

Он занял свое рабочее место у стереоокуляров микроскопа, с секунду рассматривал крохотные золотистые шарики.

— Фузориты,— сказал он.— Я потратил месяц на хроматографию и масс-спектрометрию, но установил точно, что это они присутствовали в крови Гарри. Колонии фузоритов, которые начали бешено размножаться. Они его убивают.

Невидящим взглядом он снова взглянул в микроскоп, потом поспешил к больному. Машин-полковник Зафар с трудом вдыхал воздух, глаза его расширились, уставясь в одну точку на потолке, пальцы блуждали, кожа заливалась золотым светом фузоритов.

— Карла! — приказал доктор.— Загерметизируй комнату! Мы повысим давление, пустим чистый кислород. Но это его не спасет,— добавил он устало,— только продлит мучения — на несколько минут, всего лишь.

Девушка поспешно закрывала дверь, снабженную герметичными прокладками, отец тем временем поворачивал клапаны на мед-консоли. Ганн услышал, как зашипел газ, почувствовал давление на барабанные перепонки. Он сглотнул и услышал далекий, странно далекий голос Карлы:

— Папа! Он пытается встать!

Машин-полковник Зафар сидел на кушетке. Глаза его стали более осмысленными, дыхание выровнялось в гипобарической атмосфере комнаты. Но золотистое сияние стало даже более ярким, по лбу стекали капли пота.

Глаза его сверлили Бойса Ганна.

— Ты! — крикнул Зафар.— Лебедь унесет тебя! Возвращайся к Машине, предатель! — и он сделал руками непонятный петлеобразный жест, какой делал и Гарри Хиксон.

И в этот момент Ганн вспомнил, какая звезда горела в сердце созвездия Лебедя.

— Альфа Лебедя! — воскликнул он.— Денеб! В созвездии Лебедя!

Зафар оперся на локоть, свирепо глядя на Ганна.

— Не пачкай святое слово своим грязным ртом,— прошипел он.— Дитя Звезд покарает тебя. Там, в сердце цитадели Планирующего, в чреве самой Машины, которая играет со своими игрушками-людьми, там Дитя Звезд отыщет и уничтожит врагов!

Глаза его закрылись, он задохнулся. Ганн взглянул на Карлу и ее отца, но на их лицах было такое же ошеломленное выражение, как и на его собственном.

— Дитя Звезд?..— прошептала девушка.— Отец, о чем...

— Нет, Карла, я ничего не знаю,— пророкотал доктор.— Только слухи. Существует миф о Звездном Дитя, которое перенесет всех последователей Церкви Звезды на планеты Денеба — когда настанет срок.

— Это не слухи! — крикнул золотой человек, потом замолчал, закашлявшись.— Дитя Звезд существует! Я видел его в центре Вихря! Он коснулся меня сияющей рукой!

Но доктор Сноу уже стоял рядом с ним, стараясь успокоить и уложить обратно на кушетку.

— Нет! — дико завопил Зафар.— Не мешайте слову Дитя Звезд! Смотрите!

Он судорожно сунул руку в сумку на поясе балахона, в который он был облачен, и вытащил оттуда кусок плотного, кремового цвета пергамента.

— Это Требование Освобождения! — крикнул он.— Дитя Звезд препоручил его мне, чтобы я послал на Землю. И я посылаю его!

Пироход, принадлежавший Гарри Хиксону, метался по комнате. Его глаза еще ярче пылали в богатой кислородом атмосфере. Он шипел и топорщил чешую. И глаза Зафара тоже стали почти оранжевыми, пылая энергией крохотных танцующих золотых атомов. Они казались слепыми — или, быть может, их взгляд был устремлен на что-то более далекое, чем стены клиники доктора.

Бойс Ганн почувствовал толчок, словно пол в комнате задрожал. На самом деле он оставался неподвижным.

Он зашатался и выбросил руку, чтобы сохранить равновесие, хотя комната оставалась в неподвижности.

— На Землю! — воскликнул умирающий и отбросил кусок пергамента.— Лебедь, неси его! Дитя Звезд, направляй его! На Землю...— Он замолчал.

Доктор снова попытался успокоить его, но больной оттолкнул его в сторону.

— На Землю! — крикнул он.— И ты, шпион, раб Машины! Лебедь унесет тебя!..

Ганн открыл рот, чтобы сказать что-то — что угодно — но слова замерли на его губах. Комната снова накренилась, теперь гораздо резче. Голова пошла кругом. Остальные, казалось, ничего не замечали. Еще один толчок. Ганн споткнулся и едва не упал, выровнялся и рефлекторно протянул руку за брошенным пергаментом.

Пергамент ускользнул и... пропал. Только что он был здесь. В следующий момент его уже не было. На его месте Ганн увидел странное движение воздуха, ставшего вдруг подобным мутному стеклу. Воздух скручивался в спираль.

Вихрь становился все больше и больше. Он вырос и приблизился к Ганну, и комната снова содрогнулась. Ганн в отчаянии попытался отпрыгнуть в сторону, чтобы спастись, но вдруг полетел, полетел в вихрь, в водоворот... Он падал... падал... падал...

Казалось, он падал тысячу лет. Комната покрылась мраком и исчезла. Обеспокоенное лицо Карлы, изумленные глаза доктора, пылающее ненавистью лицо умирающего — все исчезло, вокруг он различал смутные точки, огни звезд, очертания планет, галактик, пылевых облаков, они светились, вращались...

Он падал долго, сквозь миллиарды миллиардов миль безвоздушной пустоты.

Как и было на самом деле.

Потому что, когда падение закончилось и Ганн, дрожа, как в лихорадке, поднялся на ноги, он тут же рухнул ничком, разбив лицо, расквасив нос о серый, мягко освещенный металлический пол.

Он находился в земном поле тяготения!

Он больше не был среди Рифов. Это была планета. И во все стороны расходились пустые коридоры с металлическими стенами, где мигали огни и вращались магнитные ленты. Оператор-майор Бойс Ганн наконец добрался домой. Он находился в подземных лабиринтах, где помещались всемогущие электронные внутренности Планирующей Машины.

Вот как все это началось для Бойса Ганна — падением глубиной в двадцать миллиардов миль, после чего он приземлился в самом недоступном месте — в сердце Машины.

Между металлическими стенами узкого коридора дул теплый ветер. Доносился равномерный далекий гул, его перекрывал свист и жужжание вращающихся магнитных дисков, шум работы далеких могучих механизмов. Ганн с трудом поднялся, борясь с собственным полным весом — почти сто киллограммов. Все прошедшие месяцы ему приходилось иметь дело только с его частью или вообще обходиться без веса. Сквозь туман в глазах он огляделся.

Он стоял в длинном коридоре. В конце его, в нескольких сотнях ярдов, виднелся более яркий свет. Похоже, там была комната.

Он поплелся в ту сторону, прижимая обратную сторону запястья к разбитому носу, из которого сочилась струйка крови. Он кашлял, чувствуя соленый привкус крови во рту и в горле.

Яркий свет, казалось, исходил из большого и круглого помещения. Потолок представлял собой бетонный купол. На обширном пространстве пола островками размещались консоли и контрольные панели. За ними никого не было. Почти полную окружность стены пронизывали двадцать четыре туннеля. Из одного такого туннеля и вышел Ганн.

Он на секунду прислонился к косяку двери, ожидая, когда пройдет головокружение. Потом, собрав последние силы, он закричал:

— Кто-нибудь! Помогите! Есть тут кто-нибудь?!

Ответом ему было лишь гулкое эхо, отразившееся от купола, и далекое жужжание вращающихся лент.

На контрольных постах никого не было, коридоры были пусты. Но Ганн вдруг ощутил, что в этом пустынном месте существует своя особая жизнь. Когда отголоски эха затихли, он начал различать более слабые шумы — приглушенный механический гул, гудение и жужжание. Все коридоры были так же пусты, как и тот, из которого он вышел. Он заглянул в каждый по очереди и ничего не обнаружил, кроме бесконечных рядов вычислительного оборудования и путаницы толстых кабелей под потолком.

Почти на цыпочках, оробев перед тяжестью огромного пустого пространства вокруг, Ганн пробрался к круглому островку пультов в середине зала. Каждый пульт, усыпанный светящимися циферблатами и кнопками, был обращен панелью к одному из туннелей, радиально уходивших из зала. Ганн стоял, как зачарованный, следя за стремительным бегом огоньков на индикаторах пультов.

Он никогда не бывал в этом месте наяву, но оно было более чем знакомо ему, описания его сотни раз повторялись в учебниках, он видел десятки видеофильмов на лекциях в Академии Технокорпуса. Он находился в самом центре Планирующей Машины — самом секретном, самом защищенном месте всех девяти планет системы. В мозговом центре Плана Человека.

И Планирующая Машина даже не знала, что он здесь!

Именно этот факт потряс Ганна, приведя его почти в ужас. Но боялся он не только за свою жизнь — хотя понимал, что попал в опасный переплет, так как людей отправляли в органбанки за куда меньшие проступки. Нет, он боялся за существование Плана. Как возможно было такое?

При всех своих объемах памяти, хранивших факты о каждом поступке каждого индивида в системе Плана, при всех запасах сведений, относившихся к любой области знания, любому научному открытию, любому закону — при всем этом Планирующая Машина не могла, казалось, заметить, что в самом ее сердце совершенно свободно расхаживает проникший туда без позволения человек.

Ганн вдруг заметил, что всхлипывает. Голова его закру

жилась, он в отчаянии оперся о край ближайшего пульта и попытался разобраться в незнакомых циферблатах и бегущих огоньках. Вот он, куб связи! На мгновение в нем вспыхнула надежда. Но ведь связь-кубы Машины были рассчитаны только на посвященных, на тех, кто носил имплантированную в череп пластинку металла, дававшую Машине доступ к их мозговым центрам. Неужели он осмелится воспользоваться связь-кубом?

Но что оставалось делать? У Ганна мелькнула безумная мысль нажать первую попавшуюся кнопку, повернуть любой тумблер наугад, сдвинуть какой-нибудь циферблат. Самая незначительная перемена встревожит Машину. Через несколько секунд сюда прибудут обслуживающие роботы или техники-люди.

Потом на глаза ему попалась маленькая красная пластинка, на которой имелась одна-единственная ярко светящаяся кнопка. Под кнопкой виднелось одно-единственное слово. Пластинка находилась на верхушке ближайшей к Ганну консоли. Единственное слово гласило: «СТОП».

Ганн смотрел на кнопку несколько бесконечных секунд, затаив дыхание. Если назначение кнопки соответствовало ясной, недвусмысленной надписи на пластинке, то в его власти было... было...

Остановить Машину.

Оператор-майор Бойс Ганн, выпускник Академии Технокорпуса, ветеран шпионской школы на Плутоне, обученный борьбе со страшнейшими опасностями Солнечной Системы оказался вдруг на грани истерики. Остановить Машину!!! Этой мысли он не мог вынести.

Он бросился на связь-куб, нащупал выключатель, закричал, зарыдал, забормотал что-то в прибор. Он не знал языка механо, который разработала для связных Машина, а если бы и знал, то в этот момент позабыл бы. Он был в буквальном смысле приведен в ужас, как никогда за всю свою жизнь.

Когда отделение План-Гвардии ворвалось в зал, потоком серых форм, вырвавшихся из кабин лифтов, промчавшихся по коридорам с оружием наготове, оно обнаружило Ганна растянувшимся на полу в обмороке.

В этот момент Бойс Ганн вполне мог бы умереть, получив два десятка пуль, но тех-лейтенант, командовавший отделением, отдал отрывистую команду. Он с удивлением присмотрелся к распростертому телу Ганна, подумал секунду, потом тряхнул головой.

— Не стреляйте в него,— проворчал он.— Он должен говорить. Доставьте его в отделение Безопасности, и побыстрее.

Четыре дня Ганна допрашивали круглые сутки самые мускулистые специалисты из арсенала Технокорпусовских умельцев, и они не слишком церемонились.

Он отвечал на все вопросы, рассказывая чистую правду, за что расплачивался ударами дубинки по почкам и пинками по ребрам. Десятки раз он терял сознание от ударов и всякий раз оживал снова, чувствуя, как санитар с каменным лицом

выдергивает из него шприц. Ганн был снова готов к продолжению допроса.

Наконец, они позволили ему заснуть. Не потому, что ответы их удовлетворили, а потому, что врачи опасались, как бы Ганн не умер.

Когда он проснулся, каждая клетка тела невыносимо болела. Он был привязан к операционному столу. Орган-банк, подумал он в первом приступе паники. Но это был не орган-банк, это была тюрьма. Очевидно, над Ганном только что потрудились врачи. Хотя тело болело, но он мог двигаться. Пальцы сгибались и разгибались, слушая сигналы мозга. Глаза открывались, и он мог поворачивать их в любую сторону.

Только с шеей не все было в порядке — он чувствовал на ней что-то холодное, твердое, тесное.

Воротник безопасности, с такой легкостью снятый Гарри Хиксоном, был возвращен на место.

Вокруг Ганна сновали санитары, отстегивая ремни, помогая ему подняться на ноги.

— Эй, оп,— проворчал какой-то сержант в радарном шлеме. Его подбородок казался синеватым от щетины.— Поднимайся! Ты будешь говорить с генералом.

Подгоняя Ганна, он повел его по серым коридорам к лифту. Лифт был скоростной, от легкой перегрузки голова у Ганна пошла кругом. Потом лифт резко остановился. Ганн едва не упал, но один из охранников рывком поставил его на ноги.

— Вперед, оп! Пошевеливайся!

Спотыкаясь, он вышел из лифта. Новые коридоры, потом пустая серая комната, где он, выпрямившись по стойке «смирно», долго стоял и ждал.

Потом без сигнала — видимо, он был передан через радарный шлем — охранник рявкнул: «Вперед!» и втолкнул его через дверь.

Ганн оказался в комнате побольше и посветлее. Мебель была превосходная, на золотом пьедестале сиял бюст улыбающегося Планирующего, на столе доминировал золотой связь-куб Машины. На столе же имелась именная табличка:

МАШИН-ГЕНЕРАЛ АВЕЛЬ ВИЛЕР.

За столом сидел генерал собственной персоной.

Довольно долго он рассматривал Бойса Ганна. Машин-генерал Вилер сам казался наполовину машиной. Это был крупный, плечистый, с порывистыми движениями мужчина. Тело его казалось металлическим: загорелая кожа цвета бронзы, глаза цвета стали, волосы — как медная проволока. Он в упор рассматривал Ганна, потом, в полном молчании, перевел глаза на что-то, лежавшее перед ним на столе.

Бойс Ганн почувствовал, как душит его ледяной металлический воротник. Ныли бесчисленные синяки, он был весь покрыт потом, но строго сохранял положение по стойке «смирно». В Академии Технокорпуса он изучил искусство сохранять такое положение как угодно долго. Неуловимое перемещение

веса и перераспределение напряжения мышц уберегали от гибельного крена вперед. Он старался думать только о том, что должен стоять, как положено. Только это имело значение.

Хмурые глаза генерала были обращены к встроенным в стол экранам связи, которых Ганн не видел. Секунду спустя он нажал бешеные клавиши, связываясь, как догадался Ганн, с Машиной. Почему же он не воспользовался связь-кубом? Ганну не пришло в голову, что генерал, быть может, опасался делать это в присутствии Ганна. Человек, который необъяснимым образом оказался в самом сердце Машины, мог равно необъяснимым способом изучить механо.

Генерал ждал, что-то читая на экране. Лоб его покрыли морщины. Вдруг он рывком поднял глову и снова взглянул на Ганна.

Экраны погасли. Плоское бронзовое лицо генерала было абсолютно лишено выражения. Оно походило на маску из мускулов, словно какой-то неумелый хирург в центре пересадки забыл подключить к мышцам нервы, которые должны были придать им жизнь.

— Оператор-майор Бойс Ганн! — резко скомандовал генерал Вилер. Ганн подпрыгнул — он ничего не мог поделать, голос напоминал металлический скрежет.

— Вольно!

Ганн позволил плечам слегка опуститься, глубоко вздохнул, переступил с ноги на ногу. Но настоящего облегчения он не почувствовал. Глаза генерала следили за ним, стальные, холодные и безжалостные, словно они были зондами хирурга, проникающими в мозг Ганна.

— Машина требует от вас сведений,— резко объявил он.

— Я знаю, сэр,— с трудом выговорил Ганн.— Меня уже допрашивали. Раз сто, по-моему.

— Если надо, допросят тысячу! Вас будут допрашивать снова и снова. Машине нужна правда, и срочно.— Голова генерала выдвинулась вперед, словно поршень.— Дитя Звезд! Кто он такой?

Ганн почувствовал в горле сухой спазм. Он сглотнул и упрямо сказал:

— Я не знаю, сэр. Я рассказал все, что мне известно.

— Требование Освобождения! Кто написал это?

Ганн покачал головой.

— Как вы проникли в штаб-квартиру Планирующего?

Ганн продолжал качать головой, безнадежно, но упрямо.

— Как этот документ попал на Землю? Кто такая Карла Сноу? Зачем вы убили майора Зафара и сочинили эту смехотворную ложь?

— Нет, сэр! — крикнул Ганн.— Я не убивал! Полковник Зафар был врагом Плана!

Широкий рот генерала затвердел. Бесцветные губы сомкнулись, как пасть капкана. Голос принял сухой, зловещий оттенок.

— Обстоятельства заставляют предположить, что вы не

говорите правды,— сказал он.— Вы можете доказать свою правоту или нет?

— Нет, сэр. Но...

— Оператор-майор Бойс Ганн! Дитя Звезд — это вы?

— Нет, сэр,— с искренним негодованием ответил Ганн.— Я...

— Оператор-майор Бойс Ганн! Известно ли вам, что произошло с «Сообщностью»?

— С чем? — воскликнул потерявший надежду Ганн.— Генерал, я даже никогда не слышал о... что это такое? Сообщность? Я не понимаю, о чем вы говорите.

С размеренностью пульсирующего лазерного локатора генерал отчеканил:

— «Сообщность» отправилась в космос сорок лет назад. Больше о ней ничего не слышали. Майор Ганн, что вам об этом известно?

— Ничего, сэр! Ведь я тогда еще даже не родился!

На мгновение в маске образовалась щель, и лицо генерала приобрело почти человеческое выражение. Озабоченное. Даже немного растерянное. Секунду спустя он сказал:

— Да. Это так. Но...

Потом лицо вновь отвердело, генерал качнулся вперед всем корпусом. Его стальные глаза сузились.

— Благонадежный ли вы член Плана Человека? — тихо спросил он.

— Да, сэр!

Генерал кивнул.

— Надеюсь,— сказал он бесцветным голосом.— Так будет лучше для Плана и для вас, потому что сейчас я вам скажу нечто такое, во что вы никогда не сможете поверить. Стоит вам прошептать лишь слово, оператор-майор Бойс Ганн, и смерть ваша не задержится ни на секунду. Ни на секунду.

Дело в том, что Планирующая Машина не является единственной в своем роде. Существует еще одна.

Глаза Ганна расширились.

— Еще одна...— он замолчал. Ведь это все равно, как если бы сказали, что существует два Христа.— Еще одна Планирующая Машина, сэр? Где она?

Генерал покачал головой.

— Не известно,— мрачно сказал он.— Еще одна Машина— такая же могучая, как та, что управляет Планом Человека. И мы не знаем, где она находится.

И что делает.

Когда-то жил человек по имени Райленд, рассказал Ганну генерал. Великий математик. Выдающийся ученый. Муж дочери тогдашнего Планирующего, человек, близкий к влиятельной группе, окружавшей Машину. И несколько десятилетий тому назад он отправился в космос, подобно Ганну, и побывал в сердце Рифов, и вернулся назад с рассказом о бесчисленных

тысячах людей, живущих своей жизнью на фузоритных астероидах, вне сферы влияния Плана.

— Все, что он рассказывал,— сурово проскрежетал генерал Вилер, — было ложью! Но Машина мудро решила проверить его рассказ! Планирующая Машина не делает скоропалительных выводов! Она взвешивает все обстоятельства, изучает все факты... составляет план!

Да, сэр! — сказал Бойс Ганн.— Я слышал об этом Райленде. Кажется, он до сих пор считается одним из выдающихся ученых.

Генерал кивнул.

— Сегодня,— загадочно пояснил он,— Райленд исправил ошибку. Отказался от своих заблуждений, как благонадежный слуга Плана. Так же, как и бывший Планирующий Криири... он тоже понял, что заблуждался. Но тогда...— генерал вздохнул, словно вакуумный насос.

Тогда, он рассказал Ганну, оба они пали жертвой обмана, своими действиями заставили Машину совершить... нет, не ошибку, конечно, это невозможно — но заставили ее провести эксперимент, который провалился.

Эксперимент предполагал вынос Плана Человека в Рифы. Машина дала указание построить грандиозный космический корабль, названный «Сообщность». Самый большой из когда-либо выходивших в пространство звездолетов, являющийся по сути подвижной космической крепостью, он был собран на верфях Деймоса. Двигателями его служили шесть отделяемых нереактивных тяговых установок, которые сами по себе являлись самостоятельными мощными крейсерами. И более половины гигантского корпуса корабля занимал Двойник Планирующей Машины — единое целое компьютеров и банков памяти, такое же сложное и могучее, как и сама Машина. Ему не хватало лишь коммуникационной сети и прочих дополнительных устройств, созданных Машиной при участии рода человеческого.

«Сообщность» была построена, запущена, испытана, подготовлена к полету. Был отобран экипаж, который прибыл на борт. Было погружено все необходимое для десятилетнего полета. Машина-серв приняла на себя управление... «Сообщность» миновала орбиту Плутона и исчезла.

Несколько дней спустя по лазерной релейной сети пришло сообщение. Все шло нормально. «Сообщность» вышла к основному скоплению Рифов.

Больше сообщений с корабля не поступало.

Машин-генерал Вилер замолчал, не спуская с Ганна серостальных глаз.

— Больше сообщений не было,— повторил он.— Больше мы ничего не знаем о судьбе корабля. Поисковые корабли, пытавшиеся найти следы «Сообщности», возвращались ни с чем. Или вообще не возвращались. Или возвращались с полпути, атакованные и поврежденные пироподами или чем-то еще хуже.

Такова история «Сообщности», майор Ганн. Кроме последнего факта: скопление Рифов, о котором говорилось в последнем сообщении «Сообщности», находилось точно в том же месте, что и названное вами Свободное Небо. И вы побывали там, майор. Что вы узнали?

В изумлении Ганн покачал головой.

— Ничего, сэр. Поверьте мне. И никаких следов, даже слухов.

Генерал долго смотрел на него. Потом кивнул.

— Ганн,— сказал он мрачно,— я скажу вам еще вот что.— Он вдруг резко перекинул три выключателя на пульте стола, посмотрел на экран монитора, кивнул.— Теперь мы отрезаны,— объявил он.— Сейчас нас не видит даже Планирующая Машина. То, что я вам скажу, предназначается л и ш ь для ваших ушей.

Понимаете, Ганн, дело не только в процветании Плана. У меня есть особый интерес, заставляющий искать ответ на эту загадку. Я должен узнать ответ.

Потому что, майор Ганн, я намерен стать следующим Планирующим.

Бойс Ганн плыл в опасных водах и понимал это. До него доходили слухи о борьбе за власть среди предводителей-людей, искавших выгодного положения рядом с Машиной. По всей Академии Технокорпуса ходили лукавые шутки на этот счет, а после отбоя иногда разгорались споры. Некоторые расценивали политическую борьбу как род предательства (хотя храбрости у них хватало лишь шептать свое мнение украдкой). Другие расценивали эти разговоры как шутки, третьи воспринимали как естественный закон человеческих взаимоотношений, которому предлагали следовать ради собственного блага. Ганн помнил брата той девушки, с которой они расстались в Плайя Бланка, ярого идеалиста, помнил одного из преподавателей, циника с чувством юмора. От его шуток, казавшихся наполовину серьезными, вся аудитория приходила в волнение, смешанное с чем-то, напоминающим боязнь. В один прекрасный день преподаватель исчез. Юный кадет, брат Джули Мартин, стал примерным студентом Академии. Он даже поступил в шпионскую школу на Плутоне как раз в тот момент, когда Ганн ее покидал.

Но каким бы ни было отношение к вопросу, проблема политического маневрирования казалась отдаленной. Все это имело место где-то очень далеко и высоко... и не затрагивало жизнь Бойса Ганна.

До сих пор.

Машин-генерал подался вперед и проскрежетал:

— Я должен знать правду. Вам известно, кто послал Требование Освобождения?

Ганн покачал головой.

— Нет, сэр. Я никогда не видел документа. Я не знаю, что в нем говорится.

— Он полон глупых угроз, майор Ганн! Безумное обещание погасить Солнце! Требование к Планирующему и Машине дать свободу всем желающим — каково! И все же,— глаза генерала стали еще холоднее, в них появилось отсутствующее выражение, словно он рассматривал что-то на большом расстоянии, возникает чувство, что за этими угрозами что-то кроется. Потому что Солнце действительно погашено.

Он замолчал. Бойс Ганн не мог поверить ушам.

Погашено? Солнце? Сэр, я не понимаю...

Я тоже не понимаю,— проскрипел генерал,— но это не имеет значения. Значение имеет безопасность Машины. Это в особенности касается меня, поскольку мне доверена ее охрана. Требование Освобождения угрожает нам. Я должен защищать Машину. Если мне это удастся, я получу... соответствующую награду. Тех, кто поможет мне...— он обвел взглядом непроницаемую для подслушивания комнату, наклонился вперед еще больше, едва слышно произнося слова: — Их я тоже сумею наградить, майор Ганн.

Его стальные глаза беспокойно заметались по комнате, потом остановились на Ганне.

— Майор,— сказал он,— вы мне нужны. Как друг.

Ганн все еще не мог оправиться от слов генерала о погашенном Солнце. Значит, Солнце больше не сияет в небе? В это невозможно было поверить. Он постарался оставить пока в стороне жгущие мозг вопросы и сказал с неловкостью:

— Надеюсь стать вашим другом, генерал. И все же мне ничего не известно о том, кто такой Дитя Звезд.

Голова генерала кивнула, как стрелка метронома.

— Вас снова будут допрашивать,— проскрипел он.— На этот раз вами непосредственно займется Машина, через одного из своих связных — человека, приобщившегося к Машине, умеющего разговаривать с ней непосредственно. Возможно, это поможет вам кое-что припомнить. Быть может, даже вопросы, заданные служителем, наведут вас на некоторые мысли... может, вы даже сумеете догадаться о сведениях в банках памяти Машины,— сказал генерал, и лицо его превратилось в бронзовую маску,— мне будет интересно услышать о них. Выбирайте сами. Или мой друг — или мой неприятель. И даже сейчас,— добавил он, его бронзовая челюсть отвердела,— я имею достаточную власть, чтобы наказать моего врага.

Он снова повернул выключатели, бросил взгляд на экраны связи, кивнул, выслушал ответ и снова посмотрел на Ганна.

— Сейчас вы отправитесь к Сестре Дельта Четыре,— приказал он.— Там начнется ваш непосредственный допрос самой Машиной. Посмотрите сюда, майор!

Генерал вдруг вскинул правый кулак. Словно на дистанционном манипуляторе, пальцы сжались в бронзовый молот.

— Эта рука,— мрачно протянул генерал,— когда-то принадлежала другому человеку, врагу Плана, бросившему бомбу в Планирующего. Он промахнулся, Планирующий уцелел, но

взрыв раздробил мою руку. Хирурги не могли починить ее, поэтому пришлось сделать замену. Использовав руку неудавшегося убийцы.— Бронзовый кулак опустился на панель.— Помните об этом, Ганн! Если вы не сможете служить Машине так, как от вас того потребуют, то послужите по-другому — не иначе, как в орган-банке.

За дверью его ждал охранник в радарном шлеме.

— Пошли, опасник! — проворчал сержант, и Бойс Ганн еще раз поплелся по бесконечным серым коридорам, потом его втолкнули в лифт, потом вытолкнули, потом он оказался в серой комнате, где его оставили ждать.

Но лишь на мгновение. Потом охрана вернулась, лицо у сержанта было сердитое и растерянное, он снова проворчал:

— Пошли, оп.

Похоже, иных слов он не знал и не подозревал об иных формах обращения. Ганна снова потащили по коридорам.

В дверном проеме стояла девушка. Она перебирала четки-сонары, склонив голову. На ней был белый халат с капюшоном, которые носили служители Машины — связные, изучившие механо, которым предпочитала пользоваться Машина, и чьи мозговые центры были доступны электродам Машины. Проходя мимо, она обратилась к одному из охранников.

— Приказ изменен! — грубо ответил он.— Идите с нами, если хотите. Я веду его к Планирующему!

Ганн задержался, пытаясь обернуться и посмотреть на девушку, но охранник подтолкнул его вперед. Голос у девушки был необыкновенно мелодичный, она не говорила, а скорее выпевала слова механо, перебирая свои звуковые четки.

Это была — как сказал генерал Вилер? — сестра Дельта Четыре. Она должна была допрашивать его.

Но вместо этого его вели к самому Планирующему!

За всю свою жизнь Бойс Ганн никогда не видел Планирующего во плоти. Мало кто видел его вообще. В этом не было необходимости, средства информации имели доступ в каждый дом, в любую комнату — а Планирующий был чем-то большим, чем просто человеком, он не снисходил даже до малого общения с обществом, как это делали императоры.

Ганн слегка вздрогнул. Его поведение приобретало черты, характерные для любого осужденного в любой стране и в любую эпоху. Всякая перемена вызывала в нем страх. Он боялся неизвестности. А Планирующий олицетворял весьма значительную неизвестность.

Снова туннели, снова скоростное падение лифта, снова Ганна втолкнули в тесную комнатку и оставили ждать.

Он был где-то глубоко под землей. Вслушиваясь, он мог различить только смутное урчание воздуха в вентиляционной системе над головой. Стены были неприятного желтовато-серого цвета. Краска потеряла чистый оттенок помещений Техкорпуса, приобретя долю золота, символизирующего Планирующего. Сделано ли это специально, подумал Ганн, или,

может, эта камера настолько стара, что ее обитатели уделяют уходу за ней минимум внимания, и покрытие стен пожелтело от времени. В комнате имелись металлический стол и голый металлический стул.

Воротник безопасности крепко сжимал горло.

Ганн сел за стол, склонив голову. Синяки снова стали пить. В голове крутился вихрь.

Перемешавшиеся образы заполнили его сознание. Генерал Рудер и его зловещие намеки на награду. Пространственники Карла Сноу. Пироподы. Джули Мартин. Голубое небо с невероятным образом исчезнувшим солнцем... золотистые солнечные фузориты в крови полковника Зафара... снова Джули Мартин, потом Карла Сноу.

Он снова переживал бесконечное жуткое падение, которое завершилось посадкой в чреве планеты Земля, среди магнитных хранилищ памяти Машины. Перед глазами его опять вставали стерильные ледяные равнины Плутона, огромное, медленно вращающееся колесо станции Поларис. Он вспомнил о Требовании Освобождения и об удивительной любви к свободе среди анти-Плановых обитателей Рифов... любовь к свободе... любовь к свободе...

Он снова подумал о Джули Мартин. Он погрузился в воспоминания о курорте-сообществе в Плайя Бланка, о миниатюрной черноволосой девушке, чье пение он услышал и с которой они встречали на песчаном берегу золотую зарю. На ее губах была морская соль. Он видел ее лицо так ясно, словно она была вместе с ним в этой комнате.

— Джули...— прошептал он нежно, и она что-то хотела ответить ему...

— Пошли, оп! — грубо сказала она.— Вставай! Вперед!

Сержант с рогами радарных антенн на шлеме сердито тряс его за плечо.

— Опасник! Проснись!

Ганн встряхнулся. Он незаметно для себя заснул. Руки, на которые опиралась голова, затекли.

Он еще не совсем пришел в себя, когда охранник вытащил его в соседнюю комнату — большую, ярко освещенную, роскошно убранную. Комната утопала в золоте. Золотые гобелены на стенах изображали миры Плана Человека. Золотые светильники. Золотые подносы на золотых столах. Золотой ковер на полу, мебель, обитая золотистой тканью.

Сжимая руки Ганна, с каждой стороны стояли охранники. Они вывели его на середину комнаты и остановились, ожидая, пока сержант подойдет к двери в виде золотой арки и что-то скажет офицеру Технокорпуса в форме охраны Планирующего, который там стоял. Офицер нетерпеливо кивнул и поднял руку.

Сержант в шлеме повернулся и сделал знак своим людям. Ждать!

Бойс Ганн был совершенно уверен, что за дверью находился сам Планирующий.

В комнате они были не одни. Повернув голову — хватка

охранников не давала ему возможности повернуться всем телом — он увидел, что в комнату вошла девушка-служительница, Дельта Четыре. Она опустилась на колени на золотую подушечку и шептала молитвы в четки-сонары. Она была невысокая и стройная. Лицо почти полностью было скрыто мягким капюшоном, но можно было сказать, что оно имеет правильную овальную форму, бледно и серьезно. Свободный халат служительницы широкими складками лежал вокруг подушечки. Пелерину украшала светящаяся эмблема тех, кто вошел в сообщность с Машиной — переплетенные символические эллипсы электронных орбит.

Охранники заставили его отвернуться. Один прошептал другому:

— Гляди! Она сейчас войдет в сообщность.

Даже находясь в столь ненадежном положении, Ганн не мог подавить соблазна увидеть, что происходит. Он никогда не видел служителя в момент связи с Машиной. Это было нечто желанное — и страшное.

Если кольцо вокруг шеи Ганна было бичом, который Машина придумала для подстегивания неверных слуг Плана, то связь в черепе служителей была пряником, которым награждали за верную службу.

Ганн знал, как она выглядит. Кажется, ему даже удалось мельком заметить сияющий металлический диск, вращенный в кожу на лбу сестры Дельта Четыре. На диске чернел узор отверстий, в которые входили электроды связного разъема.

Он знал, что сообщность считается высшим переживанием. Связь-пластина была только внешним ее символом. Самые тонкие изменения были произведены нейрохирургами Машины в самом мозгу. Через электроды Машина награждала своих верных слуг электронным удовольствием. Сигналы шли прямо в центр наслаждения.

Ощущение было бесподобным — потому что следы реальности не портили его чистоты. Оно не вызывало усталости, оно было бесплотным. Это была квинтэссенция удовольствия. Полностью лишенная визуальных, осязательных, обаятельных посредников, это была та великая радость, к которой всю жизнь стремятся люди, находя ее в виде несовершенного побочного эффекта еды, питья, холодного воздуха на горной вершине рано утром, общения с представителями противоположного пола. Это было первое, второе и третье одновременно, дистиллированное, усиленное, поданное непосредственно через сияющий металлический диск.

Это так хорошо, подумал Ганн, что в этом чувствуется что-то неправильное...

— Она готовится! — прошептал охранник, и Ганн осмелился еще раз повернуть голову.

Это ему удалось — всего на секунду, но удалось. Охранники тоже смотрели и потому слегка ослабили хватку.

Сестра Дельта Четыре откинула капюшон, обнажив лоб. На белой гладкой коже он увидел сияющий металлический

диск — потом отвернулся, снова взглянул и увидел то, чему отказывался поверить его разум.

Он увидел лицо сестры Дельта Четыре.

От дверей послышался хриплый шепот:

— Пошли!

Охранники двинулись вперед, толчком заставив Ганна повернуться лицом к сержанту в радарном шлеме. С разгневанным лицом он яростно махал им рукой, подавая знак, что Планирующий ждет их.

Но Бойс Ганн, словно дикарь, вырвался из рук охранников.

— Нет! — закричал он.— Подождите!

Он отбивался от изумленных охранников, пытавшихся оттащить его в сторону от девушки, которая с безмятежным лицом поднимала ко лбу соединительный разъем Машины.

Ганн едва чувствовал удары охранников. Он вырвался из объятий одного, тяжело столкнулся со вторым, они оба упали на пол, на толстый золотой ковер. Первый охранник прыжком подскочил к ним. Но когда они падали, Ганн снова увидел лицо девушки.

Он не ошибся. Сомнений не было. Сестрой Дельта Четыре была Джули Мартин.

Девушка, которую он любил, больше не существовала как полноценный человек. Она стала придатком Машины, полностью завися от нее каждую секунду жизни, словно какая-то далекая подводная автоматическая шахта... Она больше не принадлежала к роду человеческому.

Джули Мартин стала частью Машины.

Если катакомбы Машины были мозговым центром Плана Человека, то Государственный Зал был его сердцем. Огромный, как ангар космического корабля, изукрашенный, словно могила фараона, он служил кабинетом самого могущественного властелина в человеческой истории, и стоил того. Стены были выложены золотыми панелями. Тиманы в виде полумесяца были украшены фресками, изображающими пейзажи девяти планет и тысячи более мелких миров, где правил План Человека.

В Зале ждали приказаний Планирующего его приближенные: лечащий врач, три связных служителя в черных балахонах, со связь-кубами и тональными бусами, дюжина охранников. Здесь же находился вице-планирующий Венеры, подвижный маленький инженер, нос и уши которого казались непропорционально большими. По всей видимости, они достались ему от какого-то донора-великана. Тут же находился и генерал Вилер, немедленно взявший Ганна на прицел своих стальных глаз. Все молчали.

Подавляя всех присутствующих в огромном зале, вознесясь на громадном золотом кресле, сидел сам Планирующий. Погруженный в раздумья, он рассматривал какие-то металлические и хрустальные фигурки, стоявшие перед ним на кварцевом столе.

Ганн оказался в полном одиночестве посреди вымощен-

ного золочеными плитками пола. Охранники замерли позади. Ганн ждал, когда Планирующий заметит его. Но глаза Планирующего были прикованы к игрушкам. Он вздыхал и время от времени протягивал руку, переставляя фигурки. Он был полностью поглощен этим занятием, словно пятилетний мальчик, играющий с солдатиками. Он выстраивал их в колонны и отправлял маршировать по сверкающей глади кварцевого стекла. Фигурки представляли собой драконов — чудовищ из старинных сказок, а также таких существ, каких не могло быть ни в одной сказке. Некоторые сверкали, как зеркало, другие были черными. Многие фигурки были расцвечены в пышные тона. У них не было ни ног, ни крыльев. У них были головы монстров — некоторые с длинными, как кинжалы, клыками, иные вытянутые забавным образом, словно у кротов.

Бойс Ганн никогда не видел Планирующего на таком близком расстоянии. Он был несколько разочарован. Планирующий оказался обыкновенным человеком! Старый, толстый, обрюзгший и, добавил про себя Ганн, немного чудаковатый. И все же это был Планирующий, это был рупор самой Машины. Машина не могла ошибаться в выводах, избранный ею человек не мог быть несовершенным. Конечно, он слышал о некоторых предшественниках этого Планирующего, о Криири, например, который совершил фатальную ошибку, пытаясь позволить Рифам Космоса войти в систему Плана Человека на своих собственных условиях... Ганн быстро погасил эту мысль. В таком месте невозможно думать о предательстве!

Он снова почувствовал пронизывающую боль, охватившую его в приемной Зала, когда он узнал, что его любимая девушка Джули Мартин превратилась в жрицу Машины, в сестру Дельту Четыре. Как это могло произойти? ПОЧЕМУ ЭТО ПРОИЗОШЛО?

Планирующий поднял большую круглую голову и посмотрел на Бойса Ганна.

— Ты,— проскрежетал он,— знаешь ли ты, что это такое?

Ганн сглотнул.

— Да, сэр,— выговорил он, заикаясь,— то есть, кажется, я знаю. Некоторые из них похожи на пироподов. Это существа, которые нападают на все живое в Рифах, сэр...

Но Планирующий уже кивал своей большой, с обрюзгшими щеками головой.

— Да, пироподы! — почти прокричал он. Внезапно он одним движением смахнул тонко вырезанные фигурки со стола на пол.— Если бы у меня была тысяча пироподов! Миллион! Если бы я мог послать их в Рифы! Чтобы они уничтожили там все живое! Какое безумие — эти рифокрысы осмеливаются толковать мне о свободе!

Он замолчал и свирепо уставился на Ганна, который стоял, замерев, потеряв дар речи.

— Мне нужна правда,— сказал Планирующий.— Что управляет Рифами, Ганн? Ты должен рассказать мне, ты побывал там. Мало им романтических бредней! — заревел он

снова.— Будто бы человека можно улучшить, будто в тупых органических существах зреет дух добродетели, который может прорасти и развиться! Какое безумие! И теперь они угрожают мне в моем собственном Зале... гасят мое Солнце... похваляются еще более ужасными возможностями!

Он оперся пухлыми руками о золотые подлокотники кресла, наполовину привстал, подался вперед, к стоящему Ганну, и завопил:

— Кто такой Дитя Звезд, Ганн?! Это ты?!!

Словно пронзенный ударом тока, Ганн задушенно пробормотал:

— Нет, сэр! Это не я!!! Я его никогда не видел! Я о нем ничего не знаю... кроме того, что слышал здесь, когда меня допрашивали люди генерала Вилера. И какие-то слухи. Но я не Дитя Звезд!!!

— Слухи? Какие слухи, Ганн? Я должен знать!

Ганн беспомощно оглянулся вокруг. Все присутствующие в зале бесстрастно наблюдали за ним хладнокровными глазами. Он был предоставлен самому себе, помощи ждать было неоткуда.

— Сэр,— сказал он в отчаянии,— я рассказывал все, что знаю, тысячу раз. Я расскажу все еще раз. Все, что мне известно. Но дело в том, что мне почти ничего не известно о Дитя Звезд!

— В этом дело,— во все горло проорал Планирующий,— или не в этом — решаю я! Продолжай! Говори!

Ганн послушно начал всю историю с самого начала.

— Сэр, я был направлен на расследование некоторых беспорядков на станции Поларис.

Когда он заново пересказывал так хорошо знакомую ему историю, в зале царила мертвая тишина. Планирующий бесстрастно слушал, облокотившись на один подлокотник своего громадного золотого кресла, остальные следовали его примеру. Голос Ганна разносился по пространству зала, словно крик, брошенный в колодец. Ему отвечало одно эхо; лишь движение зрачка, легкая перемена положения тела указывали на то, что слушатели его понимают. Он закончил на своем аресте в катакомбах Машины и стоял теперь неподвижно, молча.

Планирующий проговорил задумчиво:

— Ты упоминал о знаке, знаке Лебедя.

— Да, сэр,— Бойс Ганн, насколько это было в его силах, продемонстрировал плавный жест, движение руки у предплечья, которые он наблюдал у Гарри Хиксона и умирающего полковника Зафара.— Мне кажется, он имеет отношение к созвездию Лебедя, где главной звездой является Денеб, нечто вроде предмета поклонения так называемой Церкви Звезды...

Планирующий повернул свою массивную голову в сторону трех служителей-связных, облаченных в черные балахоны.

— Денеб! — рявкнул он.— Показать!

Один из служителей что-то сказал мелодичным голосом в свой связь-куб. Свет в зале мгновенно померк, и на сводчатом

потолке ожила звездная панорама. Планирующий вытянул шею, вскинул голову, вглядываясь в потолок. Глаза присутствующих последовали за его взглядом. Ощущение было такое, словно тысячи ярдов камня и земли над их головами вдруг были сдвинуты в сторону. Перед ними открылась космическая бездна, видимая словно в безлунную ясную ночь поздней осенью, решил Ганн, оценив положение созвездий. Время — около полуночи. Над головой сияли крупные звезды Летнего Треугольника — Альтаир на юге, Денеб и Вега на севере. Млечный путь опоясывал свод потолка могучей лентой звездной пыли. Низко над западным горизонтом пылал красный Антарес, на востоке сиял Фомальгаут...

Внезапно поле зрения начало сокращаться. Они словно помчались вперед, прямо к созвездию Лебедя. Исчезли из виду Фомальгаут и Антарес, созвездие Орла с Альтаиром, Полярная звезда и Цефей под ней. Остался один Лебедь, созвездие Лебедя. Оно повисло над их головами, как сверкающий гобелен.

Послышался приятный мелодичный голос:

— Созвездие Лебедя. Звезды: Альфа Лебедя, другое название — Денеб, бело-голубая звезда первой величины; Бета Лебедя, другое название — Альбирео, двойная звезда, компоненты: ярко-голубая и оранжевая звезды; Гамма Лебедя...

Планирующий проскрежетал:

— Мне нужен только Денеб, идиот!

Мелодичный голос продолжал без запинки:

— Денеб. Дистанция — четыреста световых лет. Температура поверхности одиннадцать тысяч градусов. Сверхгигант. Данные спектрографии: водород, кальций...

— Планеты! — завопил Планирующий раздраженно.

— Существование планет — не обнаружены,— пропел невидимый голос. Ганн вытянул шею — голос принадлежал одному из служителей в балахонах, но их лица были спрятаны под капюшонами, и он не мог сказать, кому именно.

Планирующий долго молчал, глядя вверх. Наконец он сказал:

— Имеет ли Машина сведения о физической связи между Денебом и Дитя Звезд?

— Нет сведений, сэр,— пропел немедленно невидимый голос.— Возможные исключения: данные о связи Церкви Звезды и Денеба. Возможная связь между Денебом и 61 Лебедя в этом же созвездии. Это одна из звезд, погасить которую угрожал Дитя Звезд, что имело место. Все вышеназванные факты не приняты Машиной как важные.

— Очень хорошо. Отбой,— проворчал Планирующий.

Изображение на потолке погасло, вспыхнул свет. Планирующий несколько секунд сидел в тяжком раздумье, с отсутствующим выражением в глазах. Он рассеянно обвел взглядом комнату, глядя поверх Бойса Ганна, поверх разбросанных фигурок, поверх охранников и генерала Вилера. Взгляд его остановился на черных балахонах служителей. Потом он вздох-

нул и пальцем поманил одного из связников. Он всего лишь согнул и разогнул палец, но фигура в черном тут же подошла к нему. В руке служитель что-то держал. Это был золотистый кабель, выходивший из связь-куба. На конце кабеля виднелся золотой штепсель с восемью электродами. Глаза Ганна расширились. Если он не сошел с ума — а он оставался в здравом рассудке — то... Служитель уже стоял рядом с Планирующим. Он коснулся его лба, отодвинул в сторону редкие волосы, закрывающие блестящую пластинку, вращенную в лоб. Планирующий собирался вступить в сообщность с Машиной.

Зрелище было захватывающим и... жутким.

Не обращая внимания на глаза, устремленные к нему, Планирующий расслабленно ждал, пока служитель ловко вставлял электроды штепселя в приемные отверстия пластинки. И мгновенно выражение лица Планирующего изменилось. Он закрыл глаза. Раздраженное, сердитое выражение словно растворилось. Челюсти его сжались, обнажились зубы; это напоминало мгновенный приступ боли в агонии... или экстазе. Немного спустя волна прошла и лицо Планирующего снова расслабилось. Дыхание его участилось. Пока тончайшие электроды раздражали центры удовольствия в его мозгу, он начал выказывать какие-то чувства. Сначала он улыбнулся, потом нахмурился, потом снова улыбнулся. Губы зашевелились. Он что-то неразборчиво и хрипло зашептал... сначала медленно... потом все быстрее и быстрее. Его пухлое тело затряслось, пальцы заметались. Облаченный в черное служитель спокойно коснулся его рукой, что-то прошептал на ухо. Планирующий утихомирился. Тело его расслабилось. Он больше не шептал. Служитель подождал секунду, потом кивнул и вытащил штепсель, неслышно отойдя в сторону. Планирующий открыл глаза и посмотрел по сторонам. Перемена, которая произошла с Планирующим, показалась Ганну еще более странной, чем все чудеса, виденные в Рифах. Мрачный, сердитый, раздраженный человек вступил в сообщение с электронными удовольствиями Машины. В мир вернулся уже совсем другой Планирующий — веселый, жизнерадостный, энергичный. Зал наполнился его громким хохотом.

— Ага! — завопил он.— Ого! Вот это да! Хорошо!

Он уселся поудобнее в кресло и застучал кулаком по кварцу стола.

— Мы их уничтожим! — кричал он.— Рифокрыс и Дитя Звезд,— всех, кто осмелится совать палки в колеса Плана! Мы их раздавим вместе с их фантазиями! И ты нам поможешь в этом, Бойс Ганн, потому что станешь в этом деле избранным инструментом Плана.

На какой-то безумный момент Ганна охватило желание повернуться и побежать... или прыгнуть на Планирующего, пусть сработает заряд в кольце на шее, и все его проблемы будут решены раз и навсегда. В веселом тоне Планирующего

ему чудилось что-то дикое и страшное. Если Машина способна произвести такую перемену в самом любимом слуге, то... Ганн почувствовал страх. Он боялся Машины! И сама эта мысль была страшна, потому что для него Машина всегда была великим добрым повелителем, чьи суждения безошибочны, который всегда вознаграждает за верную службу, наказывает за плохую. Но именно такая награда показалась Ганну ужасным наказанием...

Но он сказал только:

— Да, сэр. Я служу Плану, сэр!

— Служи ему как следует, сынок! — с радостным выражением прокричал Планирующий.— Служи ему всем сердцем и умом — или ты послужишь ему глазами, руками, печенкой и прочим — в орган-банке! Мы все служим Плану, сынок! Так или иначе! — И он разрешил Ганну идти, весело махнув рукой и повернувшись к генералу Вилеру. Когда охранники сомкнулись вокруг Ганна, он успел бросить взгляд на генерала Вилера. Серо-стальные глаза казались холодными и пустыми, но Ганн прекрасно понимал, что они говорили.

— Не подведи меня, Ганн,— говорили они.

Было когда-то время, подумал Бойс Ганн, когда жизнь казалась простой, а обязанности — ясными. В те полузабытые, похороненные времена — неужели это было всего несколько месяцев назад? — он встретил и полюбил девушку по имени Джули Мартин. Он помнил ту ночь, когда они встретились, помнил проведенные вместе долгие часы, бесконечные обещания, сияющую надежду на счастье впереди. Он помнил уходящий вдаль песчаный пляж в курортном городе Плайя Бланка и ее прощальный поцелуй. Очаровательная, любящая — она была всем, чего мог желать человек. Воспоминания о ней Бойс Ганн пронес через всю свою одиссею в двадцать миллиардов миль от Солнца в оба конца. Но никогда он не был так далеко от нее, как в этой комнате. Он мог бы, если бы осмелился, коснуться губ, которые целовал на берегу Плайя Бланка — но скрытое под капюшоном лицо больше не принадлежало девушке по имени Джули Мартин. В нем обитала сестра Дельта Четыре.

— Джули! Джули Мартин...— невольно сорвался шепот с губ Ганна.

Она стояла неподвижно, глядя на него серьезными темными глазами. Он искал в них хоть какой-то намек на то, что она узнала его, искал отзвук тепла любви, наполнявшей их в Плайя Бланке, но ничего не мог найти. Она качнула головой в капюшоне.

— Меня зовут Дельта Четыре,— сказала она мелодичным, как звон колокольчиков, голосом.— Я буду вести ваш допрос для Машины.— Она продолжала стоять неподвижно, ожидая его ответа, бледное лицо наполовину прикрывал капюшон. Светящаяся эмблема на ее балахоне, казалось, подсмеивалась над Ганном. Это был знак «Не приближаться» — и он не осмелился бы нарушить его.

Но он не выдержал и спросил:

— Джули, разве ты совсем не помнишь меня? Что с тобой случилось?

Она провела пальцем по длинной нити электронных бус, каждая бусина отвечала звенящим тоном на прикосновение ее пальца.

— Майор Ганн,— пропела она в тон электронному звуку бусины,— насколько вам известно, я служительница Машины. Не напоминайте мне о прошлой жизни.

— Но, пожалуйста, Джули, скажи мне хотя бы, зачем ты это сделала? Почему ты не...

Девушка медленно кивнула.

— Хорошо, у нас еще есть время,— пропела она.— Спрашивайте.

— Почему ты... Я хочу сказать, почему Джули Мартин не подождала моего возвращения? Я послал с Плутона письмо...

— Ваше послание было доставлено,— пропела она.— Но Джули Мартин уже была принята на обучение в служители Машины. Она уничтожила ваше послание. Она не желает вспоминать об этом.

— Но я тебя люблю! — взорвался Ганн.— Как ты могла бросить меня?

Безмятежное лицо смотрело на него без всякого любопытства.

— Джули Мартин любила вас,— поправила она мелодичным голосом.— Меня же зовут Дельта Четыре. Пожалуйста, садитесь, майор Ганн. Я должна начать допрос для Машины.

Ганн заставил себя опуститься на стул. Девушка пододвинула поближе второй стул и присела с тщательной плавностью движений.

Из складок пелерины она извлекла маленький, покрытый черным пластиком связь-куб.

— Майор Ганн,— сказала она,— я должна спросить вас — являетесь ли вы тем же лицом, что и Дитя Звезд? — Ее голос был чистой мелодией, холодный, ровный, такой же далекий, как ее бледное овальное лицо.

— План его побери, нет! — вырвалось у Ганна.— Я этим вопросом сыт по горло! Я уже сто раз повторял...

Но девушка покачала головой.

— Подождите одну минуту, пожалуйста.

Он хмуро следил за ней, боль от ушибов усиливалась глубоким страданием его сердца. Девушка склонила голову в капюшоне, снова коснулась длинной нитки блестящих черных бусин. Всякий раз, когда раздавался звук электронного колокольчика, ее голос повторял ноту, упражняясь в сложной гамме тоновых фонов, составляющих искусственный язык механо. Механо был труднопреодолимым мостом между Машиной и сознанием человека. Раньше компьютеры преодолевали этот мост с помощью перевода, трансформируя язык людей в фортран или любой другой машинный язык, фортран — в двоичные числа, двоичные числа — в указания и сведения для

операций. Изобретенный же Машиной язык сам по себе был уже своего рода набором двоичных чисел, определявших процесс в структуре Машины: открытие или закрытие контура, разрядка или зарядка емкости, то или иное состояние ферромагнитного слоя ленты. Люди не могут научиться говорить на языке двоичных чисел, в то же время Машина, управляя Планом Человека, не могла тратить время на перевод. Вместо этого она создала язык, который человек все же мог выучить — с большим трудом, при условии сосредоточения, которое достигалось удалением от всех остальных аспектов жизни, но все же выучить и говорить достаточно хорошо. Механо был мостом, но преодолеть его было нелегко. Машина, для которой счет времени шел на миллиардные доли секунды, не могла снижать темп до скорости медлительной речи человека. Высчитав, что пропускная способность человеческого уха и звукопроизносящего аппарата составляет около 50 000 двоичных единиц в секунду, она разработала язык, позволявший приблизиться к теоретическому максимуму. Обыкновенная человеческая речь передавала всего пятьдесят тысяч единиц информации в секунду, язык механо был в тысячу раз эффективней. И, как было известно Ганну, его было в тысячу раз труднее изучить. С горечью понял он, что именно голос, который когда-то обратил его внимание на Джули, музыкальный тихий голос стал виновником потери. Машина постоянно вела поиск людей, которые способны были изучить механо, и если находила, то они становились ее служителями навсегда. Только одаренные особым талантом люди могли изучить механо в совершенстве, хотя практически любой человек, затратив соответствующее время и усилия, мог изучить основы, чтобы кое-как говорить и понимать. Настоящий же связник должен был обладать не только широким вокальным диапазоном, но и абсолютным музыкальным слухом. Ему помогали тональные четки. Перед разговором с Машиной служитель мог использовать их в качестве эталона настройки, камертона. Но даже тональные бусины были не в силах превратить обыкновенного человека в служителя, бегло говорящего на механо.

Глядя, как повторяет Дельта Четыре вызваниваемые бусинами ноты, Ганн представил, сколько недель утомительных тренировок лежит у нее позади. Он знал, что обучение требует полной концентрации, полной самоотдачи. И конечной наградой была блестящая металлическая пластина на лбу.

Дельта Четыре пропела серию серебристых нот, похожих на чириканье птицы. Связь-куб ответил электронной серией похожих звуков. Сосредоточенные, бесстрастные глаза остановились, наконец, на Ганне.

— Теперь мы готовы,— сказала она.— Майор Ганн, Дитя Звезд — это вы?

Сотня допросов — и теперь еще сто первый. Ганн мог отвечать на вопросы девушки совершенно автоматически. Долгое повторение научило его губы и язык двигаться почти что самостоятельно. Нет, я не Дитя Звезд. Я его никогда не видел.

Я ничего не знаю о Требовании Освобождения. Я никогда не участвовал в анти-Плановых движениях.

И все это время его сердце кричало: Джули! Вернись!

Каждый раз, когда он отвечал на вопрос, сестра Дельта Четыре пропевала ответ в связь-куб. Странные ноты совсем не напоминали его слов, но Ганн знал, что каждая сложная фонема была одновременно и полнозначной морфемой, каждый слог — синтагмой. И всякий раз, задав вопрос, она с абсолютным спокойствием делала паузу, ожидая его ответа. Ее правильное лицо выглядело таким же нечеловеческим, каким казался голос.

— Для исполнения этого опасного задания я отправился на станцию Космического Занавеса...— говорил Ганн, и дальше шла его длинная, столько раз повторенная история.

У него возникло чувство, будто яркие золотые стены душат, сжимают его со всех сторон. Сколько над нами тысяч футов скалы, подумал он. Сияет ли там, наверху, Солнце, которое грозили погасить, заливая своими лучами леса и раннюю зелень на лугах? Или над ними расположились арктические льды? Или мили темной глубины вод мирового океана? Он ничего не знал. И внезапно ему вдруг отчаянно захотелось снова оказаться в Рифах, на Свободном Небе, с Карлой Сноу. Эти странные космические образования вдруг показались ему куда ближе Плана Человека. Он ощущал ностальгию по бесконечным пространствам... по фантастической идее свободы...

Сердитое ворчание, послышавшееся из связь-куба, вернуло Ганна к реальности.

— Продолжаем,— проворковала Дельта Четыре.— На вас напали пироподы?

Ее голос напоминал звон хрустального колокольчика, холодный и пустой, как черное пространство между Рифами. В нем не было и искры чувства, так же, как и на абсолютно бесстрастном лице служительницы.

Он устало кивнул, потом вспомнил.

— Да, но перед этим — я забыл упомянуть раньше — перед этим Хиксон снял с меня воротник.

Блестящие черные глаза сестры Дельта Четыре не расширились от ужаса. Она спокойно пропела ответ в связь-куб, продолжая внимательно смотреть на Ганна, хотя во взгляде ее появилась некоторая отрешенность, словно внутренне девушка уже была поглощена тайным экстазом предстоящей сообщности.

Черная коробка заворчала.

— Машина требует пояснений,— пропела сестра Дельта Четыре.— Мы должны отыскать этого Гарри Хиксона. Его свойство должно быть изучено Планом. Потом каждый орган его тела должен быть тщательно уничтожен.

Ганн невесело усмехнулся, глядя на губы, которые целовал когда-то, так давно.

— Извините, не могу вам помочь. Он умер.

— Машина не принимает ответа,— пропела она.— Разве

вы не сказали, что не-Плановый отшельник снял ваш воротник? Разве вы не спросили, как он это сделал?

— Нет,— признался Ганн. Он искал, надеялся увидеть живую искру в ее глазах. Они были пусты. Черная коробка зловеще зажужжала.— Думаю, он был обращен в Церковь Звезды,— поспешно добавил Ганн.— Я думаю, то есть так следует понимать, что его сила проистекала с Денеба.

Сердитый трезвон из связь-куба.

— Это самоочевидная ложь,— пропел холодный голос сестры Дельта Четыре.— Звезда не может оказывать такого влияния. Во Вселенной нет разума более могучего, чем разум Машины.

Она сделала паузу, черная коробка опять заворчала.

— Если виной всему Гарри Хиксон, то правда будет установлена после того, как его поймают,— перевела она.— Если неправду сказали вы, майор Ганн, то вам грозит орган-банк.

— Но я говорю правду! — закричал он.— Я совершенно лоялен по отношению к Плану Человека!!!

Куб что-то запел, девушка повторила:

— Машина отказывается принимать чисто словесные заявления. Минуту. Машина получает дополнительные данные по другому входу.

Загадочным образом лицо девушки начало удаляться. Ганн моргнул. Казалось, она движется, становится меньше, словно падает куда-то прочь от Ганна, в глубокий темный колодец, в космическую пустоту. Вот до нее уже тысяча ярдов... Потом все вернулось на места. Ганн испытал мгновенное головокружение, словно звуконепроницаемая комнатка в недрах штаб-квартиры Планирующего вдруг принялась танцевать медленный вальс. Потом головокружение прошло.

Связь-куб зловеще задребезжал, и сестра Дельта Четыре пропела:

— Машина прекращает беседу.— Резкий шум из куба.— Она напоминает вам, что не-Плановые идеи, так же, как и не-Плановые слова и действия должны сурово исправляться. Но пока она откладывает окончательное решение вашей участи.

Ее белое правильное лицо оживила едва заметная улыбка. Видимо, она предвкушала наслаждение, которое скоро должно было наступить, когда электроды возбудят центры ее мозга, свершив благословенную сообщность. Но связь-куб еще не отпустил ее — он снова зажужжал.

— Машина считает ваш рассказ неполным,— мелодичным речитативом сообщила она, глядя на Ганна беспечными черными глазами.— Вы не указали на личность Дитя Звезд. Вы не открыли фактов о судьбе корабля «Сообщность». Вы ничего не рассказали о так называемом Требовании Освобождения. Вы не объяснили, как попали в помещение Машины.

Ганн покачал головой.

— Я не знаю, что вам рассказать,— сказал он. Куб снова неумолимо зажужжал.

— Ваше утверждение неубедительно,— снова пропела сестра Дельта Четыре.— Но беседа будет продолжена...

Комната снова пришла в нереальное движение. Ганн ухватился за стул. Но на этот раз даже девушка почувствовала неудобство. Ее правильные губы полуоткрылись, в глазах замерцала искра удивления.

Связь-куб быстро зачирикал. В этот же момент где-то завыли сирены.

— В нескольких точках,— начала, запинаясь, переводить девушка,— были зарегистрированы толчки...

В это мгновение связь-куб издал отчаянный дребезг. Сестра Дельта Четыре громко вздохнула. Она инстинктивно ухватилась за руку Бойса Ганна.

— Пироподы! — закричала она.— Они... они... Вы должны помочь! Зал Планирующего атакован пироподами! Их десятки! Они уже внутри!

Отдельная комната, в которой Дельта Четыре допрашивала Ганна, была лишь частицей огромной сети коридоров и помещений, составляющих жилую и административную части штаб-квартиры Планирующего. Дверь была заперта, но мгновенно открылась, прореагировав на папиллярный узор пальцев девушки, коснувшихся ручки. Дверь широко распахнулась, и Ганн вместе с девушкой бросились бежать по длинному залу с золотыми стенами. Зал этот, широкий, как шоссе, высокий, как двухэтажное здание, пронизывал насквозь штаб-квартиру Планирующего, комнаты которой выходили в зал то там, то здесь. Это было место проведения всех церемоний. Вдоль стен выстроились золотые и хрустальные статуи, стены были увешаны золотой парчой, украшены фресками и экранами.

Сейчас зал был полон отвратительным душащим дымом ракетного выхлопа. В уши ударил раздирающий визг громадного тела, таранящего воздух. Гневный крик... еще крики. Похоже, люди были застигнуты врасплох... Тонкий, режущий уши свист лазерных пистолетов. Среди всего этого шума и неразберихи Ганн сразу увидел опасность и за руку оттащил девушку под прикрытие дверного проема. Прямо на них по залу мчался пироход. Его рев в замкнутом пространстве зала почти оглушал. Своим видом чудовище наводило на мысли об ангелах Судного Дня, сошедших на Землю, чтобы разрушать. Это был оживший ночной кошмар. Напоминая несколько видом скорпиона, по величине он не уступал громадному быку. Глаза его были огромными зеркалами со стебельками-рецепторами посредине — это были природные радиотелескопы. Они испускали красный свет. Могучие челюсти пироход способны были разгрызть стальную балку. Его когти умели разрывать стальные плиты. Все его тело защищала блестящая чешуя, длинный саблеобразный хвост загибался к спине. И это чудовище неслось прямо на них, с визгом раздирая воздух! Девушка в ужасе закричала. Ганн, успокаивая ее, прижал ее голову к груди, хотя крик ужаса полностью

утонул в грохоте пролетающего пиропода, от которого вполне могли лопнуть барабанные перепонки. Да, это был не детеныш, с которым Ганн играл на рифе Гарри Хиксона. Это был взрослый пиропод, способный на равных вести бой с крейсером Плана. Он пронесся мимо Ганна и девушки, врезавшись в группу охранников, столпившихся в сотне ярдов дальше. Они встретили его градом выстрелов из пулевых и лазерных пистолетов. Пиропод врезался в группу людей, промчался дальше... и в живых не осталось никого. Только куча мертвых тел указывала на место, где они только что стояли.

— Великая Машина! — выдохнула в ужасе сестра Дельта Четыре. От ее непоколебимой безмятежности не осталось и следа, капюшон слетел с головы, над искаженным страхом лицом ярко сверкала металлическая пластинка.— Что это было?

— Вы сами мне сказали,— проворчал Ганн.— Пиропод! Если он вернется, мы пропали!

Она всхлипнула и потащила его за руку.

— Сюда... мы спрячемся.

— Нет! Их много. Один из них может случайно наткнуться на нас. Если бы у меня был пистолет...

Она посмотрела вдоль длинного сияющего зала. Пламени выхлопа пиропода нигде не было видно. Возможно, монстр выскочил в другое помещение или в коридор. Охранники лежали мертвой грудой там, где их застала смерть.

Он быстро принял решение.

— Джули... то есть... неважно. Слушайте! Пиропода можно убить, если знать, куда стрелять. Я попробую достать пистолет. Вы оставайтесь здесь!

Через секунду он уже бежал изо всех сил к растерзанным телам мертвых охранников. Он подавил соблазн пробраться вдоль стен — это бы ему не помогло. Если чудовище вернется, он все равно погибнет. Оставалось полагаться только на скорость. Он преодолел сотню ярдов с быстротой олимпийского чемпиона. И едва не опоздал. Тяжело дыша, с легкими, горящими, как в огне, он услышал вдруг нарастающий рев и поднял голову. За звуковой волной почти с такой же скоростью мчался сам пиропод. Ганн бросился на пол. Чудовище промахнулось всего на несколько дюймов, он успел увидеть мелькнувшие металлические челюсти и клыки-кристаллы, протянувшиеся к нему огромные когти, потом чудовище унеслось. Ганн вскочил и снова побежал. Он слышал, как монстр крушит статую, пытаясь как можно быстрее затормозиться, но не обернулся. Он прыжком подскочил к мертвому охраннику, схватил пистолет, проверил заряд и мгновенно обернулся. Пиропод тоже успел изменить курс. Он поймал Ганна в прицел пульсирующих красных глаз-локаторов и с воплем помчался на Ганна, как живая космическая торпеда. Ганн выстрелил в один из горящих глаз и вновь бросился на пол. Пиропод издал вопль агонии. Он слепо врезался в стену, раздробил хвостом статую, оставив светлую царапину на металле стены.

Огонь его выхлопа ярко вспыхнул и исчез. Ганн выстрелил еще раз и закрыл голову руками. Послышался сильный далекий взрыв. Он чувствовал сотрясение ударной волны. От сотрясения подпрыгнуло несколько мертвых тел неподалеку, разметав безжизненные руки, замотав слепыми головами. Пироподы исчез. Но сестра Дельта Четыре сказала, что их были «десятки»... Ганн быстро занялся поисками оружия среди жертв пироподы. Он сунул в карман легкий пулевой пистолет, потом вооружился тремя пистолетами с самыми полными лучевыми зарядами, какие удалось найти. Потом он повернулся, чтобы отправиться за сестрой Дельта Четыре. Она стояла за его спиной. Она видела, что он делает, и делала то же самое. Она держала по пистолету в каждой руке, а в кармане ее балахона блестел по крайней мере еще один. Ганн поколебался, потом усмехнулся.

— Пошли! — воскликнул он.— Посмотрим, что можно сделать. Стреляй прямо в глаза, запомни!

Он хлопнул ее по плечу, повернулся и побежал в направлении Зала Планирующего. Указателем ему служил адский вой и рев, других ориентиров не требовалось.

Прежде чем они добрались до Зала, Ганн убил еще двух пироподов, правда, не таких больших, как едва не покончившее с ними чудовище, а сестра Дельта Четыре испугала дальним выстрелом еще одного — нельзя было сказать точно, попала она в цель или нет.

Великий Зал Планирующего превратился в осиное гнездо. Он был заполнен громадными чудовищами, метавшимися сквозь сернистый дым, наполнявший воздух, отрывая огромные куски от обшивки стен, поглощая все, что могло дать им реактивную массу, в том числе и золотое кресло Планирующего. Судя по всему, они легко расправились с защитниками Зала и теперь вели борьбу между собой за остатки добычи.

Потом Ганн заметил тонкий рубиновый луч пистолета. Один из пироподов завыл от боли, словно взбесившаяся сирена оповещения. Рана не была смертельной, но существо столкнулось с другим чудовищем, и оба принялись кромсать друг друга.

Значит, в Зале еще был кто-то живой!

Убедившись, что девушка стоит позади, Ганн осторожно сделал шаг вперед и осмотрелся. Выстрелили; кажется, откуда-то из-за декоративной ниши, в которой стояла статуя. Ганн набрал полную грудь воздуха, крикнул, потом нырнул в дверь. Бесполезно — его крик утонул в реве и визге, наполнявшем Зал.

Он схватил сестру Дельта Четыре за плечо, подтащил ближе и прокричал ей прямо в ухо:

— Я хочу попробовать покончить с ними по одному! Они как раз сейчас не обращают на нас внимания! Но если кто-то полетит в нашем направлении, стреляй прямо в глаза!

Она кивнула, лицо ее опять было спокойным и отрешенным, большие военные лазеры казались неуместными в ее

миниатюрных руках. Ганн в последний раз пристально посмотрел на служительницу, не в силах забыть блестящую пластинку на лбу, которая теперь снова была скрыта капюшоном, потом повернулся лицом к Великому Залу. Ему потребовалось двадцать минут. Он пересчитал захвативших Зал чудищ — их оказалось пятнадцать. Он успел уничтожить семерых, одного за другим, без всякого беспокойства. Предупрежденный прикосновением сестры Дельта Четыре, он повернулся в другую сторону, чтобы расправиться с заблудившимся пироподом, мчавшимся на них из коридора. Потом он прикончил еще троих и вдруг заметил, что в дальнем конце зала еще один пироход завопил и взорвался. Он в него не стрелял. Неизвестный, укрывшийся в нише под тимпаном, явно видел, что делает Ганн, и копировал его тактику. Теперь огонь вели два пистолета — нет, три, считая сестру Дельта Четыре, которая встала рядом с Ганном и помогала ему обезвредить последних уцелевших пироподов, в замешательстве метавшихся по Залу, стены которого сотрясались от их рева, а воздух стал почти непригодным для дыхания из-за едкого дыма ракетных выхлопов. Наконец со всеми было кончено. Ганн осторожно вошел в Зал, держа пистолет наготове, бросая во все стороны внимательные взгляды — не шевельнется ли недобитое чудовище. Издалека все еще доносился рев и визг. Очевидно, где-то в подземном дворце Планирующего еще буйствовали пироподы. Но основная их масса должна была лежать мертвой в этом зале. Ганн поспешил в сторону ниши, где скрывался неизвестный союзник. Из-за статуи в нише вышел на плохо гнущихся ногах генерал Вилер и направился к Ганну. На лице его играла жесткая улыбка победителя. Он сунул в кобуру пистолет и движением, напоминающим рывок поршня, вытянул руку, чтобы пожать протянутую ладонь Ганна.

— Неплохо сработано, майор,— проскрежетал он.

— Благодарю, сэр. У меня была поддержка. Познакомьтесь...

Выражение лица генерала не изменилось.

— С сестрой Дельта Четыре я знаком,— прогудел он.— Можете передать Машине мое одобрение, сестра. Пожалуйста, соединитесь с Машиной и справьтесь, каково ее состояние. Я опасаюсь, что эта атака была направлена против нее!

Он стальными пальцами сжал руку Ганна и отвел его в сторону.

— Уродины,— проскрипел он, пиная останки громадного монстра.— Гротескные существа, так сказать. Планирующий всегда ими очень увлекался. Какое забавное совпадение — они возникли из пустоты прямо здесь, в его жилище.— Он бросил через плечо быстрый взгляд на сестру Дельта Четыре, которая, не теряя времени, повторяла ноты за сигналами тональных бус, настраивая свой связь-куб.— Послушайте, Ганн. Взгляните вот на это.

На полу ниши, в которой прятался генерал Вилер, лежал квадрат толстой, кремового цвета бумаги.

— Что это, сэр?

— Поднимите, взгляните сами.

В Зал из коридоров теперь доносились голоса — могучие силы Плана Человека концентрировались, восстанавливая порядок.

Бойс Ганн колебался. Что-то здесь было не так.

— А Планирующий? — спросил он.— Неужели он...— Ганн обвел взглядом Зал, разбросанные тела мертвых пироподов и погибших охранников, оказавшихся здесь в ловушке.

— Нет, майор! Его здесь не было. Читайте документ!

Ганн, которого не покидало ощущение подвоха, нагнулся и подобрал бумагу. Он взглянул на текст. Все сомнения разом оставили его. Он когда-то видел точно такую же... в руках умирающего полковника Зафара, в двадцати миллиардах километров отсюда. Этот документ назывался Требованием Освобождения. И этот, который он держал в руках, был таким же потрясающим по содержанию, таким же опасным для Плана Человека. Бойс Ганн начал быстро читать, потом поднял удивленные глаза на генерала, стоявшего с каменным лицом, потом снова стал читать. Документ был озаглавлен «Планирующему», и в нем говорилось:

«Планирующему или его преемнику, если первого уже нет на свете. Вы и те, кто вам служит, игнорировали мое предупреждение, не обратив внимания на демонстрацию моих возможностей. Теперь я вам посылаю пару милых зверушек, чтобы вы убедились — я умею не только угрожать. Они нанесут вам немалый ущерб, но гораздо больший они причинят в будущем. Потому что, если я пошлю их еще раз, то уже не в штаб-квартиру Планирующего — если от нее что-то останется. В следующий раз они окажутся в коридорах Планирующей Машины».

Ганн поднял глаза на генерала, его губы крепко сжались, глаза сузились.

— Опасность грозит Машине! — сказал он.— Генерал, нужно сейчас же рассказать обо всем сестре Дельта Четыре, чтобы она передала Машине.

— Решение я приму один, майор,— проскрежетал генерал.— Что вы можете сказать в свою защиту?

Пораженный Ганн проговорил:

— Почему... я не понимаю, что это значит, генерал. Я не имею никакого отношения...— Потом он увидел, что генерал уже вытащил из кобуры лазер и направил на него.

— Вы арестованы,— с металлическим звоном отчеканил он.— Не пытайтесь сопротивляться. Не двигайтесь и не разговаривайте.

Ганн открыл рот, потом закрыл. Происходило что-то безумное. Его арестовали! Но за что? Он даже не осмелился спросить, железное выражение лица генерала ясно указывало, что лучше не рисковать и подчиниться приказу. За своей спиной Бойс Ганн услышал шаги приближающихся охранников, а еще дальше — знакомый гулкий рев.

Ганн сразу узнал этот звук. Еще один заблудившийся пироподь. Он забыл о приказе и крикнул:

— Генерал! Еще один!

— Молчи! — резко одернул его генерал.— Я больше повторять не буду! Охрана сама займется твоим чудовищем!

Отчего он так громко говорит, подумал Ганн, несмотря на все свое замешательство. Словно говорит не для Ганна, а для целой толпы свидетелей. Но Ганн не мог с собой справиться. Он понимал, что может натворить даже один пироподь, что даже охрана Планирующего может не справиться с монстром... и еще он понимал, что в Зале телом и душой присутствует девушка, которую он любил, даже если и тело, и душу занимало теперь холодное машиноподобное создание Дельта Четыре. Он стремительно обернулся, выхватил пистолет, и как раз в тот момент пироподь показался в дверях Зала. Ганн выстрелил прямо в красные глаза. Охранники тоже были наготове, предупрежденные ревом и быстрым движением Ганна, и они тоже открыли огонь. Существо оказалось на перекрестке десяти разрядов разрушительной энергии. Там, где оно только что было, вспыхнуло пламя взрыва...

Стоявшая между Ганном и дверью сестра Дельта Четыре вдруг молча подалась вперед. Она упала на пол и осталась лежать неподвижно, хотя связь-куб настойчиво гудел.

— Ее ранили! — крикнул Ганн, бросая пистолет. Он метнулся к девушке, приподнял, заглядывая в ее черные глаза.

На руках его появилась кровь. На боку ее балахона появилось влажное пятно, капли начали падать на пол, потемнела золотистая эмблема. Сердце ее уже не билось.

Ганн поднял голову, устремив невидящие глаза на приближающегося генерала Вилера.

— Она умерла? — спросил он сам себя, не в силах поверить.— Неужели я задел ее? Или...— он замолчал, пытаясь вспомнить. Не ударил ли из Зала еще один тонкий, как спица, луч? Не успел ли генерал Вилер выстрелить через его плечо?

Но времени на размышление не было. Генерал был уже рядом, лицо его обратилось в суровую металлическую маску.

— Заберите оружие у этого человека! — суровым скрежещущим голосом отдал он команду охранникам.— Отведите его к Планирующему! Я обвиняю его в том, что он доставил сюда этот документ! Я обвиняю его в убийстве сестры Дельта Четыре, которая могла его выдать. Это — Дитя Звезд! В этом я его тоже обвиняю!

Прихрамывая, потрепанные участники битвы с пироподами вошли в кабины скоростных лифтов и поднялись на поверхность, обнаружив Планирующего стоящим наподобие веселого Санта-Клауса на кварцевом балконе у самой вершины снежной горы, в которой была спрятана его подземная штаб-квартира.

Это было, что называется, орлиное гнездо.

— Они промахнулись! — весело встретил Планирующий

генерала Вилера.— Второго случая не будет! Мы уничтожим всех бунтовщиков, до единого!

— Сэр, вот главный предатель! — проскрипел генерал.— Он виноват во всем! Я обнаружил его с этим документом в руках!

— Планирующий, генерал лжет! — воскликнул Ганн.— Он знает, что я не...

Молчать! — рявкнул генерал.

Планирующий даже не удостоил Ганна взглядом. Улыбаясь и кивая, он прочитал написанное на квадратном куске кремовой бумаги, потом небрежно уронил его на пол.

— Вы уверены, что это и есть Дитя Звезд, генерал? — спросил он.

— У меня все улики, сэр! — заскрипел генерал.— Первое: он появился в бункерах Машины необъяснимым образом. Второе: одновременно появилось и Требование Освобождения, тоже необъяснимым образом. Третье: он держал в руках этот документ, когда я арестовал его. Четвертое: он проявил подозрительное знакомство с уязвимыми местами пироподов, когда его собственная жизнь оказалась в опасности. Пятое: он преднамеренно покончил с сестрой Дельта Четыре, которая могла выдать его. Шестое: он намеревался сделать то же самое со мной, когда я отдал охране приказ разоружить его. В заключение приходится придти к выводу, сэр, что оператор-майор Бойс Ганн и есть то самое Дитя Звезд.

— Но, сэр!..— воскликнул Ганн.

Планирующий сделал знак рукой, и один из охранников выкрутил Ганну руку, заставив его замолчать.

— Так-то лучше,— хихикнул Планирующий. Он явно принял солидную дозу сообщности с Машиной. Он так пузырился веселым настроением, словно Машина до сих пор посылала импульсы удовольствия в его мозг.

— Однако,— добродушно обратился Планирующий к генералу Вилеру,— один из охранников сообщил, что сестру Дельта Четыре убили вы, а не Ганн. Вы не могли ошибиться?

— Нет, сэр! Это невозможно, сэр. У меня нет мотива.

Планирующий весело кивнул и поскреб пухлую стариковскую щеку. Поднявшись, он подошел к кварцевой стене своего «орлиного гнезда» и прищурился, глядя на закатное небо. С наветренной стороны от вершины закатное солнце словно подожгло венец из кучевых облаков. Его лучи играли на струях небольшого водопада под кварцевым парапетом, окрашивая в мягкие золотистые тона покрытые вечнозелеными растениями крутые склоны.

— Собственно,— добавил Планирующий через плечо,— сестра Дельта Четыре не умерла.— Он улыбнулся, глядя на расположившийся у подножья горы окутанный коричневым смогом город.— Она сейчас в операционной. Ее сердце вышло из строя, но удалось восстановить кровообращение, прежде чем погиб мозг. Уже ведутся поиски донора, который снабдит ее новыми органами.

— Слава Плану! — в радости воскликнул Бойс Ганн.— Сэр, она подтвердит, что я и понятия не имел о появлении пироподов, пока она сама не сообщила мне о нападении!

— Молчать! — проскрежетал генерал.— Охрана! Вам было приказано следить, чтобы он не болтал! По-моему, для ваших раненых товарищей понадобятся доноры. Тот, кто позволит этому человеку открыть рот, будет первым добровольцем!

— Не спешите, генерал,— усмехнулся Планирующий.— Вы слишком усердствуете.— Его глаза, прикрытые тяжелыми веками, казались такими же темными и старыми, как покрытые мхом каменные стены внизу, под прозрачным парапетом. Планирующий добродушно взирал на погруженный в пелену смога город.— Давайте планировать,— сказал он, поворачиваясь и улыбаясь.— Давайте решим, что делать.

— Нужно удвоить охрану в бункерах Машины, сэр, — быстро заговорил вице-планирующий Венеры.— Ввести предельные меры безопасности, включая допуск лишь исключительно проверенных...— он замолчал и почесал свой громадный нос, вспомнив, что ни Бойс Ганн, ни пироподы не прошли проверки Службы Безопасности перед тем, как проникли в тщательно охраняемые центры Плана Человека.

Мужчина-связник в черном балахоне, прислушивающийся к тихому жужжанию своего связь-куба, вдруг громко пропел:

— Машина требует участия арестованного. Машина дает указание генералу Вилеру не наносить арестованному вреда, влияющего на состояние его памяти или мышления.

Лицо генерала Вилера напоминало серо-стальную грозовую тучу. Планирующий, хихикая, повернулся к нему.

— Генерал, вы слышали приказ? — сказал он весело.— Извольте выполнять. Молодой человек, вы знаете, что означает этот приказ?

— Нет, сэр. Но я всегда готов служить Плану Человека!

— Да, да, конечно,— кивнул Планирующий.— И, как оказалось, совершенно необычным образом. Майор, выбор пал на вас. Вы замените сестру Дельта Четыре. Машина позволит вам получить необходимую подготовку служителя-связника, а потом — сообщность!

Тяжелого воротника безопасности было недостаточно для такого страшного врага Плана, как Бойс Ганн.

— Вы не просто опасник,— заботливо пояснил Ганну один из охранников.— Понимаете, майор, мы не хотим рисковать. Мы не хотим, чтобы вам оторвало вдруг голову. Мы не хотим вас убивать. Ведь мы должны доставить вас на место в целости, правильно? Поэтому просто стойте спокойно, пока мы наденем наручники... а потом доставим вас на базу подготовки... и потом, когда Машина с вами покончит, мы, наконец, оторвем вам башку!

С этими словами охранник свирепо застегнул тугие манжеты наручников на запястьях Ганна и толчком велел ему двигаться.

Сначала его привели на станцию субпоезда. На его вопросы не отвечали. Все ли в порядке с Джули Мартин? Почему генерал Вилер лгал? Что с ним сделает Машина? На каждый из вопросов охранники отвечали одинаково:

— Заткнись, оп! Шагай!

Но потом шагать было уже некуда. Они пришли на станцию субпоезда. В большом холодном сводчатом зале громадные шары вагонов субпоезда ждали пассажиров, которых они понесут по туннелям, прорытым в земной коре под континентами и океанами. Охранники вывели Ганна на платформу и остановились. Ганн понял, что станция военная — возле выходов туннелей виднелись кабины вооруженной охраны, и на всех присутствующих была черная форма Технокорпуса. Это было вполне объяснимо — станция обслуживала исключительно Планирующего. Но было непонятно, почему поезда стоят неподвижно. За спиной Ганна со свистом закрылись створки шлюза, выводящего в туннель. Девица-общительница погасила улыбку, заметив его воротник, и прошествовала мимо. Охранники рассеянно повернули ей вслед головы в рогатых радарных шлемах.

— Послушайте,— сказал Бойс Ганн,— что случилось? Почему мы ждем?

— Придержи язык, оп,— проворчал машин-сержант, командовавший отвоем. Но вид у него был обеспокоенный. Один из подчиненных что-то ему сказал, сержант ответил вполголоса. Ганну удалось уловить лишь несколько слов: «Что-то не в порядке с туннелями, на каком-то участке. Помолчи. Когда они будут готовы нас принять, мы узнаем».

Громадные сорокафутовые сферы вагонов безмолвно ждали, покоясь в ложах несущих челноков на путях. Ганн смотрел на них, размышляя. Судя по всему, едут они куда-то в отдаленное место. На короткие расстояния редко ездят субпоездом. Атомные буры Плана проложили прямые туннели между всеми важными центрами, пронизывая иногда сам никелево-железный слой земной коры, например, между Калькуттой и Сиднеем. Огромные грузовые и пассажирские шары-вагоны развивали такую скорость, что их главным противником становилась сила Кориолиса. Электростатические катушки, окольцовывающие стены туннелей, удваивали и утраивали силу по бокам, компенсируя вращение Земли, старавшееся отклонить вагоны с прямого пути. На субпоезде в любую точку земного шара можно было попасть за несколько часов.

В сознание Ганна проник беспорядочный шум, и он сконцентрировал внимание на происходящем в помещении станции. Огромная серая сфера плавно въехала в зал, выползая из открывшейся пасти туннеля, стены которого через равные промежутки перетягивали силовые катушки.

— Что-то они завозились,— проворчал машин-сержант.— Ладно, пошли. Сейчас нас пустят в вагон.

Сержант не ошибся. Через десять минут они уже были внутри шара-вагона, усаживаясь в пассажирском купе. Но

прошло еще больше четверти часа, прежде чем Ганн почувствовал плавный толчок, означающий, что поезд начал двигаться. Охранники, оказавшись в вагоне, держались с меньшим напряжением. Теперь Ганн не мог от них сбежать — деваться ему было некуда, они были заключены в сорокафутовую сферу. Снаружи были лишь огромные электростатические обручи-кольца да безвоздушное пространство туннеля, по которому поезд несся со скоростью нескольких тысяч миль в час. Пара охранников куда-то исчезла, потом появилась с довольными усмешками на лицах и дала возможность уйти остальным. Очевидно, в вагоне имелся буфет. Даже сержант в радарном шлеме казался более похожим на человеческое существо.

Больше всего Ганн хотел узнать, что случилось с сестрой Дельта Четыре. В один из моментов, когда напали пироподы, она показалась ему не такой уж хладнокровной слугой Машины, чем-то напомнив ту девушку, которую Ганн целовал в Плайя Бланка. Вдруг ему удастся снова завоевать ее или добиться от Машины необыкновенной награды — освобождения Джули Мартин... Но это были только мечты. И, принимая во внимание его настоящее положение, совершенно безумные. Ганн сознавал, что каждую секунду, каждую свою мысль он должен направить на тщательное обдумывание ситуации, должен попытаться понять, почему он оказался в таком положении и что он может сделать. Но положение казалось безнадежным. С тошнотворным чувством Ганн ощущал, что сходит с ума сама Вселенная. Начиная с того момента на станции Поларис, когда он решил проследить за полковником Зафаром, опустившимся на снежную протопланету, события несли Ганна вперед, подобно мощному потоку; он не мог в них разобраться и ничего не мог сделать, чтобы как-то повлиять на их ход. Непостижимость скрывалась в самой сути событий. Дело было не в том, что Ганн не был способен их понять, а в том, что все происходящее не поддавалось объяснению в разумных определениях жизни Плана Человека...

Он снова вдруг почувствовал тошнотворное головокружение, и на этот раз в буквальном смысле. Бойс Ганн в тревоге вскочил на ноги. Он не мог не вспомнить о странном головокружении, которое предшествовало его падению в двадцать миллиардов миль глубиной... и это было то же самое ощущение, которое он испытал перед нападением пироподов на катакомбы Планирующего... Но на самом деле причина была совсем в другом. Это ощущение сейчас легко объяснялось. Вагон субпоезда тормозил свой бег. Наконец, он застыл, медленно вращаясь между силовыми катушками в вакууме туннеля. Если у Ганна и могли появиться сомнения относительно своих ощущений, то крики охранников быстро развеяли бы эти сомнения. Казалось, все пассажиры шарового вагона кричали одновременно.

— Что случилось? Мы остановились! Великий План, мы

на глубине в пару сотен миль... Температура... Помогите... выпустите меня!..

Голоса сливались в неразборчивый шум, но в каждом из них, словно лезвие ножа, слышалась нотка паники. В вагоне субпоезда царил ужас, который невозможно было уменьшить словами, потому что причина его была слишком реальна.

Машин-сержант сразу оценил ситуацию. Кивнув антеннами радарного шлема, он проревел:

— Вперед, выходи! Эти бараны передавят друг друга, если мы их не приведем в порядок!

Бойс Ганн был оставлен в одиночестве. Он слышал, как охранники криками отдают приказы, наводя спокойствие среди пассажиров субпоезда. Кажется, никто не мог сказать, что происходит. Поезд остановился, вот и все. Они повисли на глубине в несколько сотен миль, в жаре, которая была способна расплавить алюминий, где давление в пыль сокрушает даже алмаз, где от этого предохраняют только силовые кольца туннеля. Видимо, та же сила, которая задерживала движение перед их отъездом, снова вмешалась в движение поездов. Разница была только в одном — здесь их не могла отыскать рука помощи со станции, и если бы в работе катушек силовых полей произошел сбой хоть на секунду, они погибли бы мгновенно. И даже если поле не исчезнет, они все равно умрут через несколько дней от удушья, если поезд не сможет снова двигаться. Потом, совершенно неожиданно, Ганн почувствовал новый толчок — вагон пришел в движение. Только когда громадная сорокафутовая сфера набрала скорость, Ганн осознал, что все это время почти не дышал. Люди за пределами купе испустили всеобщий вздох облегчения. Один за другим возвращались охранники, весело переговариваясь и смеясь. Теперь они казались почти такими же, как все остальные люди. Они не включили Ганна в разговор, но и не старались заставить его молчать. Один из них даже исчез на несколько минут и вернулся с подносом напитков из буфета... И в этот момент громадный шар вагона снова тряхнуло. Толчок... визг раздираемого металла... и они остановились, словно врезавшись в какую-то преграду. Ганна и охранников швырнуло на противоположную стенку купе, словно пригоршню камешков.

Ганн слышал вопли и скрежет ломающегося металла вагона.

— Конец! — завопил кто-то.— Поле погасло!

И, погружаясь в черноту обморока — он еще не чувствовал боли, но сознавал, что истекает кровью, он слишком сильно ударился о стену и встать уже не мог — Ганн успел подумать: «Он прав. Это конец».

Когда он снова открыл глаза и обнаружил, что до сих пор жив, он ощутил едва ли не разочарование. Он лежал в палате госпиталя. Плотные белые бинты частично покрывали его глаза. Голова раскалывалась — казалось, целый корпус барабанщиков попользовался ею для репетиции. Ганн все же

рассмотрел из-под бинтов, что одна его рука заключена в белый кокон фиксатора. Он уцелел. Над Ганном склонилась сестра-общительница. Ганн произнес отчетливо:

— Я думал, что туннель рухнул.

— Тише,— мягко сказала сестра.— Он действительно рухнул. Но вы оказались у самой поверхности, и аварийной бригаде удалось откопать вас.

— Почти у поверхности? — скосив глаза, Ганн разобрал рядом с сестрой фигуру еще одного человека. На какой-то безумный миг ему показалось, что это сам Ангел Смерти, явившийся по его душу. Но потом он понял, что это всего лишь служитель-связник, державший в руке связь-куб и шептавший в скрытый в нем микрофон звенящие ноты.

— Значит... значит, я в центре обучения? — спросил Ганн.

Сестра кивнула.

— Попробуйте заснуть,— велела она. И Бойс Ганн был рад послушаться.

Целых три дня Бойс Ганн находился в положении выздоравливающего. Это было куда лучше, чем его прежний статус главного врага общества. Ганн был пока свободен от опеки охранников — часть из них погибла в аварии, и теперь им предстоял нелегкий процесс восстановления жизнедеятельности и замены поврежденных органов в одном из орган-банков. Ганн мог свободно гулять по крылу госпиталя, в котором находился. Ему даже разрешили посещать комнату отдыха, которой заведовала девушка-общительница, напоминавшая ему Карлу Сноу. Характер ее тоже был похож на характер Карлы. Она не показывала виду, что замечает воротник безопасности на шее Ганна. И, что важнее всего, она позволяла ему сколько угодно смотреть экран новостей. Бойс Ганн так долго находился за пределами Земли, в Рифах и в штаб-квартире Планирующего, что совершенно отстал от текущих новостей. Он сидел перед экраном, погруженный в мечты. Все, что происходило на экране, медленно погружалось в его сердце и сознание. Он с любовью смотрел на золотоволосых, длинноногих общительниц, нежно ворковавших слова предупреждения: «Работайте для Плана! Живите для Плана! Ведь вы не хотите попасть на «Небеса» и послужить запасными частями для орган-банка!»

Хотя Ганн понимал, что имеет весьма высокий шанс оказаться в орган-банке и превратиться в запасные части, он не боялся того, о чем пели девушки. Это была часть той жизни, которую он утратил, и он хотел снова в эту жизнь вернуться. И прежде всего он желал снова обрести себя. Бойс Ганн не мог принять себя в роли врага Плана, который был жестоко наказан самим Планирующим, подвергнут угрозам генерала Вилера, допрошен сестрой Дельта Четыре. Этот Бойс Ганн был существом, родившимся на станции Поларис, человеком, жившим среди рифокрыс и странных существ, называемых пироподами и пространственниками. Фигура этого Бойса Ган-

на не помещалась в рамки другой его личности, Ганн не мог найти сумму двух столь разных людей и вывести вектор будущей жизни...

Он сидел, выпрямившись, и смотрел новости. Он смотрел передачу мировых новостей, но лишь половиной сознания воспринимал то, что видел. А показывали вещи довольно занимательные. Сводка новостей представляла собой набор почти одних катастроф — авария космического крейсера уничтожила полгорода, в Антарктике произошло землетрясение, на субконтиненте Индии взорвался реактор на фабрике. Катастрофы происходили не только в отдаленных районах. На экране появилось сообщение об аварии субпоезда, из-за которой он очутился здесь, в госпитале.

Но интереснее всего, что это было подано как диверсия! Ганн не верил собственным глазам. Он едва понял, что речь идет о той самой аварии. Толстый тех-полковник вкрадчивым голосом выдвигал обвинения. Преступная конспиративная организация подложила бомбу в поезд с целью дискредитировать Планирующего и Машину? Злобная диверсия? Казалось, речь идет о каком-то другом происшествии на какой-то другой планете. И, самая большая нелепость,— его, Ганна, выставляли как сверхзлодея, а машин-сержанта — как его сообщника! Ганн поставил на стол стакан с обогащенным витаминами соком и, прихрамывая, направился к общительнице, заведовавшей комнатой отдыха. Он весь дрожал.

— Прошу вас,— взмолился он.— Вы видели только что? Что все это значит?

— Ну, ну! — жизнерадостно, но с укором сказала общительница.— Ваша обязанность перед лицом Плана — выздороветь как можно скорей. Вы должны подготовить себя к возвращению на службу. Никаких вопросов, никаких тревог... только отдыхать и выздоравливать!

— В передаче было сказано,— с трудом проговорил Ганн,— что в аварии субпоезда виноват я. Но это неправда! И сержант охранников, отвечавший за мою доставку... что с ним?

Большие ясные глаза девушки на мгновение потемнели — она не знала, как воспринять слова Ганна. Но лишь на мгновение. Ей было приказано заботиться о враге Плана, она будет исполнять приказ. Она покачала головой и с улыбкой повела Ганна обратно к кушетке.

— Пейте ваш сок,— сказала она с веселой строгостью и больше ничего не прибавила. Для нее все, что План Человека определял как «верное» и «правильное», было верным и правильным. Так же думал и Бойс Ганн, но сознавал где-то внутри, что в таком образе мыслей таится что-то опасное — для него и для всего человечества... потому что если симпатичная и пустоголовая девица-общительница так безоговорочно принимала распоряжения Плана... Он не мог сформулировать мысль до конца. Возникало такое впечатление, что он сам, и генерал Вилер, и даже Планирующий — и все человечество в системе Плана — были в каком-то смысле такими же

пустоголовыми, как и эта общительница. Но он не мог довести мысль до логического завершения. А потом время отдыха истекло, и больше он не имел возможности размышлять на подобные темы, потому что начал курс подготовки, который должен был привести его к посвящению в сообщность Машиной.

Двухэлементное отношение: «Я ненавижу шпинат». Трехэлементное отношение: «Я ненавижу шпинат, если он плохо вымыт, потому что в рот попадает песок».

С помощью преподавателей и учебников, гипнопедических лент, шептавших ему на ухо, когда он спал, и обучающих машин, командовавших Ганном во время бодрствования, он начал овладевать исчислением утверждений, логикой отношений, геометрией Гильберта, Акермана и Буля. Конъюнкция и дизъюнкция, аксиомы и теоремы, двойные отрицания, метаутверждения... все это хлынуло в его мозг вместе с разрушительными дилеммами и силлогизмами. Он учился, как переносить и соединять. Он изучил принцип экспортирования и научился применять точки в качестве скобок. Он познакомился с однолинейным построением фраз и нефлективной грамматикой машинного языка. Он узнал о разнице между символами восприятия и акции и обучался воспроизводить тональные символы, которые наводили мост между человеком и Машиной. Часами распевал он бесконечные гаммы в четверть ноты, в ушах его не прекращалось эталонное гудение осциллирующих сигналов. Он изучил строение таблиц истинности и как использовать их для обнаружения тавтологии в посылках. Здесь не было классных помещений, была учеба и работа. Она казалась бесконечной. Ганн просыпался под тягучий речитатив магнитофонной записи, раздающийся из-под подушки, ел под названивание тональных четок, в изнеможении опускался на кровать, пока сквозь мозг его проносились схемы общего ввода информации. За сценами учебного театра продолжал жить своей жизнью весь остальной мир, но Ганн полностью потерял с ним связь. В редкие моменты ему удавалось уловить обрывки разговора между немногими людьми, с которыми он имел контакт — девушками-общительницами, подававшими еду, охранниками, бродившими по залам и коридорам. Но сознание его было слишком утомлено, чтобы пытаться сложить части в единое целое. Дитя Звезд. Требование Освобождения. Аварии в подземных туннелях. Взрывы космических кораблей. Но это не имело сейчас для Ганна значения. Всякий раз, когда у него хватало времени и сил подумать о чем-то другом, кроме обучения, он всегда представлял одно — тот момент, когда обучение закончится и он получит металлический знак сообщности. Когда первый этап подошел к концу, Ганн этого даже не заметил. Он лег спать, как всегда, уставший до предела. Он рухнул на жесткую койку в своей отдельной тесной комнатушке с покрытыми белой плиткой стенами. Сразу же из-под подушки зашептала учебная запись:

— ...генерировать матрицу К, используя механизм ассоциа-

тивного накопления дополнительно к контекстуальным отношениям координатного накопления. Пусть i-й ряд и j-й столбец покажут степень ассоциативности...

Какая-то часть сознания Ганна впитывала информацию, хотя в основном работа происходила в подсознании. Сам Ганн сознавал лишь свое несоответствие заданию. Ему никогда не добиться тех чистых хрустальных тонов, которые умели выпевать сестра Дельта Четыре и остальные служители. У него неподходящий голос. Он никогда не освоит всей теории программирования. У него просто не хватит подготовки... Он заснул.

На втором этапе обучения Ганн переселился в общую спальню. Койка здесь была такой же жесткой. Каждую ночь после отбоя на койки укладывались восемьдесят усталых и молчаливых обучающихся. И каждое утро под резкие, неприятные удары гонга они пробуждались в несколько уменьшенном количестве. Об исчезнувших никто не говорил. Вместе с ними исчезали и все их немногочисленные вещи, хранившиеся на узких полках над койками. Имена их вычеркивались из списка обучающихся. Они просто переставали существовать. Почему-то об этом никто не спрашивал. Но однажды ночью Ганна разбудил шорох торопливых шагов. Ганн рывком сел на койке, словно ему грозила смертельная опасность.

— Джим? — прошептал он имя своего соседа, недавно поступившего на обучение парня, у которого были мускулы борца и отличный чистый тенор. Его мать была девицей-общительницей, а отец погиб в космосе, выполняя задание Плана.— Джим, что?..

— Друг, ты ведь спишь,— прошептал в темноте хриплый голос.— Ну так и спи дальше — тебе же лучше.

Тяжелая рука толкнула Ганна в плечо, заставив его опуститься обратно на койку. Ганн хотел бы помочь Джиму, но его охватил страх. Он видел, как темные силуэты склонились над соседней койкой. Он услышал сдавленный вздох Джима. Приглушенные голоса, шорох одежды, металлическое звяканье. Заскрипела койка. В лицо ударил тонкий луч, и Ганн зажмурился. Послышались удаляющиеся шаги. Он долго лежал в темноте, прислушиваясь к дыханию спящих, число которых уменьшилось на одного. Джим так дорожил красной пластиковой медалью, которая говорила, что отец Джима был Героем Плана Второго Класса. У Джима был красивый чистый голос, но он слишком медленно постигал семантику. Ганн был бы рад помочь, но он ничего не мог поделать. Машина требовала от своих избранных слуг чисто механических качеств. Возможно, Джим выказал недостаточное рвение превратиться в механизм. Ганн повернулся на жесткой койке и начал повторять про себя семантические тензоры. Вскоре он заснул.

Перейдя на второй этап обучения, Ганн понял, что первая фраза была по сравнению с ним чем-то вроде воскресного отдыха в отеле на берегу моря в компании общительниц. О

ней он вспоминал теперь сквозь туман изнеможения. У него не было ни секунды, чтобы сбросить напряжение.

— Выгляди, как машина!

Монотонными голосами преподаватели вдалбливали в него это простое правило. Ясноглазые общительницы выпевали его, словно воркующие голуби, пока он стоял в очереди к окошку раздачи пищи. Ослепительные знаки на стереоэкранах выжигали правило на сетчатке его глаз. Не знающие сна динамики гипнопедических установок шептали его из-под подушки.

— Выгляди, как машина!.. Действуй, как машина!.. Будь машиной!

Чтобы овладеть мириадами сложнейших тонов языка механо, человек должен был превратиться в механизм. Сверкающие изображения и шепчущие динамики напоминали Ганну о тех, кто не справился с задачей и попал в орган-банк.

Заключенный в тесную экзаменационную камеру, стены которой были выложены серой звукоизоляцией, Ганн согнулся в три погибели над черным связь-кубом, напрягая слух, чтобы уловить все поющие флексии механо, которые выпевало устройство.

— Кандидат...— Даже это слово едва не ускользнуло от него,— кандидат должен идентифицировать себя.

Ганн пропел ответ — но голос его был слишком хриплым и высоким. Он сглотнул, чтобы прочистить горло, потом провел пальцами по тональным бусинам.

— Кандидат Бойс Ганн.— Он еще раз сглотнул и пропел свой номер.

— Кандидат Бойс Ганн, вы проходите экзаменационную проверку,— мгновенно промурлыкал связь-куб.— Набрав положительное количество баллов, вы перейдете на новую ступень, приблизившись к высшему служению Машине, которое она награждает сообщностью. Но вы должны знать, что обратного пути для вас больше нет! В системе Плана нет места для потерпевших неудачу, учитывая их секретные знания и навыки. Единственный ваш путь в этом случае — в центры утилизации.

— Я понимаю, я готов служить,— пропел он единую сложную фразу.

— Тогда начинается проверка,— прочирикал куб.— Вы должны отвечать на каждый вопрос, давая полные и четкие ответы на правильном механо. Каждая миллисекунда паузы и каждая неправильная нота будет заноситься в штрафные баллы. План не может терять время, не может позволить совершиться ошибке. Вы готовы начать?

Ганн поспешно пропел мелодию, означающую: «Я готов начинать».

— Ваша реакция была задержана на девять миллисекунд сверх оптимального интервала,— мгновенно проныл куб.— Ваш первоначальный тон было на двенадцать циклов выше требуемого. Ваш тональный рисунок неправилен. Длительность вашей фразы была больше стандартной на одну милли-

секунду. Эти ошибки идут в ваши штрафные баллы.

— Я понимаю.

— Ваш ответ сейчас не требуется,— фыркнул куб.— Теперь приготовьтесь к первому вопросу теста... Назовите первый принцип механообучения.

Сначала, когда Ганн попытался пропеть ответ, голос его оказался слишком хриплым и низким. Связь-куб прогудел новую сумму ошибок Ганна, который даже не успел коснуться тональных четок, чтобы найти верный тон и сделать новую попытку.

— Обучение — это действие,— наконец неровно пропел он.— Это первый принцип механического обучения. Правильная реакция должна мгновенно закрепляться. Неправильная реакция должна мгновенно подавляться. Первое уравнение механического обучения гласит, что эффективность обучения интенсивно варьируется промежутком между реакцией и наградой.

— Ваша общая сумма штрафных баллов составляет сейчас 489 очков,— фыркнул связь-куб.— Приготовьтесь к следующему вопросу. Назовите второй принцип механообучения.

Ганн истекал потом, согнувшись на маленьком твердом сиденье. Темная серая комната казалась слишком тесной. Обитые изоляцией стены словно сжимались вокруг него. Он почти задыхался и судорожно набрал воздуха в легкие, чтобы ответить на второй вопрос.

— Обучение — это выживание — пропел он короткие фонемы, стараясь как следует их оформить.— Удача в обучении — путь к жизненной адаптации. Неудача в обучении — смерть индивида. Второе уравнение механообучения утверждает: скорость обучения прямо зависит от величины награды и наказания.

Едва он замолчал, как зачирикал связь-куб. Даже для напрягшегося слуха Ганна это была лишь единая неразборчивая металлическая нота. Ему пришлось просвистеть просьбу повторить вопрос.

— Ваша сумма штрафных баллов по восприятию достигла 90.— Издаваемые кубом ноты появлялись в ненамного меньшем темпе и были лишь чуть-чуть более понятными.— Ваша общая сумма штрафных баллов составляет 673. Соотношение между положительными и штрафными баллами достигло критического уровня.

Мчащиеся друг за другом звенящие ноты, острые, как осколки стекла, не давали ему времени собрать метавшиеся мысли. Он смутно чувствовал, как стекает по ребрам едкий пот, как холодная испарина покрывает лоб, как жжет пот глаза.

— Приготовьтесь к следующему вопросу.— Это предложение было выражено всего одной сложной фонемой за несколько миллисекунд, и Ганн едва не пропустил его смысл.— Назовите третий принцип механообучения.

Ганн тронул сонарные четки, взял верные ноты и пропел нужные фонемы.

— Третий принцип механообучения утверждает, что величайшим стремлением является избавление от страданий.

Ошибки Ганна все накапливались, а безжалостный связь-куб требовал определять принцип за принципом.

— Ваше испытание завершено,— сообщил наконец куб.— Ваша общая сумма штрафных баллов составила 5940. Вы должны сообщить эту цифру руководителю группы.

Он едва успел по возвращении в барак выбить сумму своих баллов на клавиатуре группового компьютера. Он опоздал — всего на полминуты — на гимнастическое построение, за что получил два лишних круга в туннеле препятствий. Оказавшись последним в очереди за ужином, он так устал, что не в силах был есть и за разбазаривание пищи получил еще две желтые фишки в наказание. Когда он наконец добрался до койки, он почувствовал, что слишком устал, чтобы заснуть.

— Кандидат Ганн!

Он не заметил, как темные силуэты окружили его койку. Бледная игла света уперлась в его форму, вещевой мешок, ботинки. Хриплый шепот отдал ему приказ. Минуту спустя он уже пробирался, волоча ноги, по темному проходу между койками, на которых тяжело дышали спящие кандидаты. За спиной он нес свой мешок. Итак, это и означает конец? На секунду у него ослабели колени, потом он почувствовал непонятное облегчение. Он уже почти стремился в орган-банк с его забытьем. Потому что в орган-банке уже не будет связь-кубов. Ему не придется больше распевать труднейшие гаммы или зазубривать таблицы семантических переменных. Теперь все позади.

Облаченный в черное эскорт позволил Ганну присесть вместе с ними за стол в пустом зале столовой. Сонная общительница, зевая, подала им завтрак. Ганн ничего не ел, только выпил две чашки кофе, от которого во рту осталась горечь. Он присоединился к группе из пяти таких же сонных и огорошенных кандидатов, которые, очевидно, прибыли из других бараков. Они вошли в вагон военного субпоезда и через некоторое время вышли уже в другом месте. Мимо хмурого часового они промаршировали в новую пещеру, где располагался другой центр обучения. Ганн оставил свои вещи в крошечной комнатке-камере с выложенными плиткой стенами и доложил о прибытии оператор-майору, имевшему вид живого трупа, лысая, как полено, голова которого была украшена шрамами — следами нападения венерианского аэробного паразита. Майор сухо отдал честь в ответ на приветствие Ганна. Рука его была затянута в черную перчатку.

— Поздравляю, майор Ганн.

Уставясь на высохшего, как палка, майора, перекладывавшего на столе перед собой какие-то бумаги, Ганн вдруг понял, что черная перчатка — это вовсе не перчатка, а утилизованная рука, доставшаяся майору от какого-то негра.

— Вы успешно завершили вторую ступень обучения на пути к посвящению в служители Машины,— не в силах от-

вести глаз от черной руки, Ганн едва слышал слова майора.— Вас направили сюда для прохождения третьей ступени обучения.

Призрак улыбки тронул желтое пятнистое лицо майора.

— Вы набрали необыкновенную сумму баллов, майор Ганн,— добавил он.— Машина особо отметила вас. Поздравляю, вы можете гордиться.

Когда этот факт, подобно куску льда, достиг сознания Ганна, он покачнулся. Он вовсе не гордился. Он стоял, потеряв дар речи, не в силах вздохнуть, содрогаясь от потаенного ужаса.

— Вы прошли долгий путь, майор.— Желтые шрамы превратили улыбку майора в маску агонии.— Вы избежали опасности утилизации. Вы далеко ушли по пути к высшей награде.— Черные пальцы майора с сожалением коснулись его собственного лба, где пластинки-контактора не наблюдалось.— Вам очень повезло, майор Ганн!

Ганн пошатнулся. Внезапно вся эта комната, залитая резким светом, уставленная серыми кожухами компьютеров, показалась ему нереальной вместе с лысым желтолицым майором. До ужаса реальными были блестящие ледяные скальпели и пилы хирургов, возникшие в его воображении, которыми в лобной кости Ганна будет выскоблено гнездо. Сверла вонзались в макушку и виски его обритой головы. Тонкими жесткими иглами они пробирались в самые глубины нервных центров. Они хладнокровно вторгались в самые интимные уголки его существования...

Ему хотелось закричать.

— Что-то случилось, майор Ганн? — Высохший майор в тревоге привстал.— У нас нездоровый вид.

— Все в порядке, сэр.— Собравшись с силами, Ганн слабо улыбнулся.— Понимаете, я не знал, что перешел на третью ступень. Я думал, мы в центре утилизации.

— Это скоро пройдет.— Ухмылка майора стала еще более отталкивающей.— С вашим послужным списком можете быть уверены — вы уже почти получили посвящение в сообщность. Как бы я хотел быть на вашем месте.

— Бла...— Ганн постарался проглотить сухой, как песок, комок, вставший поперек горла.— Благодарю вас, сэр!

Механоинструктор оказался десятифутовым устройством в виде груши. Обшивка его сверкала алюминием. Покачиваясь на массивных карданових подвесах из серой стали, он стоял в мрачной пещере, сквозь которую постоянно дул ветер, а с бетонного сводчатого потолка капала влага. Толстые черные кабели и шланги, змеясь, уходили к контрольной панели у входа в пещеру.

— Вот она, сэр! — Преподавателем оказался молодой полный тех-лейтенант с розовым лицом младенца, голубыми глазами и яркой пластинкой-контактором посреди лба.— Совершеннейшая обучающая машина!

Ганн совсем не был в этом уверен. Весь покрытый каким-то липким желе, облаченный лишь в свободный серый комбинезон, он остановился на миг у выхода из туннеля, без всякого удовольствия глядя на громадную металлическую грушу.

— Становитесь прямо сюда, сэр.— Лейтенант послал ему невиннейшую улыбку.— Скидывайте комбинезон и вперед.— Круглые голубые глаза вопросительно моргнули.— Вы готовы, сэр?

Он был весь мокрый, липкий из-за желе, и комбинезон был слишком тонким. Он вдруг задрожал на пронизывающем пещеру ветру. Он совсем не хотел изучать механо. Он не желал награды в виде электродов в мозгу. Но он сглотнул и сказал, что готов.

— Тогда вперед, сэр,— тех-лейтенант коснулся панели управления. Зашипели воздушные клапаны. Огромная металлическая груша запрыгала в подвесках и раскрылась, как разрезанная.

— Вперед, сэр.— Лейтенант уважительно коснулся его плеча.— Поднимайтесь по лесенке. Там разденетесь. И ложитесь прямо на сенсорно-эффекторную оболочку.— Он тихо засмеялся.— Многие чувствуют себя поначалу не в своей тарелке, но потом вы привыкнете, сэр.

Ганн глубоко вздохнул и начал взбираться вверх по лестнице. Металлические поручни были холодными и липкими. Ветер холодил обритую голову, и во рту вдруг появился неприятный горький привкус кофе. Он стащил комбинезон и осторожно ступил на розовую мембрану, покрывавшую изнутри поверхность груши. Мембрана сморщилась под его весом, теплая, влажная, почти живая, и упруго подтолкнула Ганна к центральному углублению. Потом он услышал шипение воздуха, и верхняя часть груши закрылась. Мягкая теплая мембрана ласково уложила Ганна в приготовленное углубление. Вокруг сомкнулась абсолютная тьма. Он попытался вскрикнуть, но не мог вздохнуть. Но тут в легкие хлынул свежий воздух. Сквозь закрытые веки он увидел розовый свет. Он открыл глаза и обнаружил перед собой сестру Дельта Четыре. На самом деле, как он понимал, это был лишь проецируемый в его мозг фантом, но она казалась достаточно реальной. Он знал, что это должен быть фантом, потому что ее не могло быть здесь, в подземном центре. И все же она стояла перед ним, совсем как живая. В балахоне с капюшоном и черной коробочкой связь-куба, она шла вдоль поросшего пальмами кораллового берега, очень похожего на тот, в курортном городе Плайя Бланка. И он шел ей навстречу.

Приникшие к коже эффекторы механоинструктора воссоздавали любое ощущение: холодную твердость мокрого песка, жар солнечных лучей, прохладное дуновение океанского бриза. Он слышал глухие удары волн о плиты волнолома, чувствовал острый запах гниющих водорослей и даже слабый аромат духов Джули... она была уже рядом и разговаривала с ним самым живым теплым голосом Джули Мартин, который он не мог забыть.

— Вот мы и прибыли,— говорила она.— Здесь мы проведем твой первый урок с помощью механоинструктора, модель 8. Этот прибор является практически последним словом в области достижения стопроцентной эффективности обучения. Если ты будешь стараться, то я уверена, что процесс покажется тебе очень приятным и полезным.

Итак,— продолжала она,— мы сейчас начнем вводный урок по техническому словарю языка механо. Он построен на том же принципе экономии, хорошо тебе известном: один слог для одного предложения. Совершенно очевидно, что для этого требуется большое количество слогов. Общий объем словаря механо, как мы считаем, составляет более миллиарда моносложов — более миллиарда предложений-звуков.

Он стоял на песке пляжа — или ему так казалось, потому что синтетические ощущения, созданные механоинструктором, заставляли его позабыть, что он может на самом деле находиться совсем в другом месте. Холодная волна с шипением прокатилась по его босым ногам, потом вода ринулась обратно в море.

— Это невозможно! — запротестовал он.— Я не могу запомнить миллиард слов!

Тихий смех Джули остановил его.

— Ты даже не представляешь.— Хотя она говорила на обычном языке людей, ее голос, казалось, пел песню.— Ты даже не представляешь, что может сделать с тобой механоинструктор.— Морской бриз вдруг приподнял ее капюшон, и Ганн заметил блеск пластинки на ее лбу. Несмотря на теплоту тропического воздуха, он почувствовал, как по спине бегут ледяные мурашки.— На самом деле тебе не нужно учить все слова,— пояснила она.— Ты должен научиться составлять моносложи языка механо из нескольких тысяч готовых фонем. Ты должен научиться слышать и понимать самые малые вариации в ударении и высоте звука и некоторые другие простые явления артикуляции.

— Но я не смогу! — погрузив ступни в песок, он ждал, пока она повернется. Он не хотел ничего учить, хотя едва ли решился бы прямо сказать ей это. Он искал спасения от электронных зондов, которые проникнут в его мозг, когда он выучит механо.— Я не смогу научиться произносить миллиард различных слов.

— Тебя ждет сюрприз.— Ее смех был таким же мелодичным, как и голос.— Начнем.

Он упрямо тряхнул головой, стараясь не забывать, что белый песок на самом деле не существовал, что соленый ветер и сама Джули тоже не были реальными.

— Старайся,— сказала она мягко, но настойчиво.— Если ты будешь стараться, мы немного позже сможем поплавать.— В ее глазах светилось дразнящее обещание, а проворные белые ладони сделали соответствующий жест, словно сбрасывали капюшон и балахон.— Ты должен стараться.

Овальное лицо Джули вдруг стало серьезным.

— Если ты не будешь стараться, то пожалеешь об этом,— сказала она медленно и с печалью.— Я не хочу напоминать тебе о третьем принципе механообучения... но величайшей наградой является избавление от страданий.

Она пожала плечами, и ее быстрая улыбка ослепила Ганна.

— Начнем!

Они начали с глагольных тонов. Малейшие вариации тона означали изменение в наклонении, лице, виде. Она пропела сложную ноту. Честно стараясь повторить ее, Ганн вскоре все же получил новое напоминание о третьем принципе. Даже малейшая ошибка означала вспышку боли, а ошибки он делал часто, и далеко не мелкие. Даже когда он реагировал мгновенно и выпевал фонему, казавшуюся ему точно такой же, как эталонная, он часто ошибался и тут же за это наказывался. Потому что на самом деле он был не на ослепительном песке кораллового берега. На самом деле он был заключен внутри громадной металлической груши механоинструктора, эффекторы которого приникли к каждому дюйму обнаженного тела Ганна. Они могли сделать его онемевшим от холода или горящим, как в огне, могли сдавить, как клещами. Малейшая погрешность бросала его с солнечного берега в своего рода механистический ад, где он всем своим существом жаждал получить высочайшую награду — конец страданий. Иногда он оказывался в ловушке на борту разбитой ракеты, падавшей на Солнце. Воздух со свистом покидал продырявленный метеоритом корпус, легкие Ганна разрывались в агонии. Жестокий свет бил через рваную дыру, слепя, сжигая глаза. Отсек превратился в раскаленное жерло печи, в которой варилось покалеченное тело Ганна — и одновременно он продолжал слышать голос Джули Мартин. Голос достигал ушей Ганна через динамик лазерного передатчика. Сладким голосом выпевала она комбинации фонем, которые он должен был заучить. Со всхлипом втягивая воздух, он изо всех сил старался отвечать правильно. Законы автоматизированного обучения он теперь изучил на самом себе. Когда он ошибался, жар грозящего поглотить его Солнца становился на какую-то долю еще более невыносимым. Когда ответ был правильным — в пределах ошибки, установленной Машиной — жар немного уменьшался, в сожженные легкие вливался глоток свежего воздуха. Когда ему удавалось несколько раз подряд ответить правильно, в кошмаре делался интервал. Он снова оказывался в обществе Джули Мартин на снежно-белом песке пляжа. Она обещала ему купание в прохладных волнах моря или вела к столику с высокими запотевшими стаканами с напитками, которые ждали их под сенью пальм. И тут же начинался новый труднейший урок. И всякий раз, прежде чем они достигали прибоя или столика с напитками, он делал новую ошибку. Как и требовали законы автоматического обучения, всякая неправильная реакция тут же подавлялась, хотя наказания варьировались, словно Машина экспериментировала, чтобы выяснить, какой вид страданий наиболее эффективен.

Иногда он в поту лежал на госпитальной койке станции, парящей в верхних слоях атмосферы Венеры, с шумом втягивая воздух, превратившийся в горячий густой туман. Анаэробные паразиты, словно кислота, разъедали его кожу, а голос Джули ворковал, выпевая монослоги механо из радиоприемника рядом с кроватью. Иногда он обнаруживал себя среди камней обвала в пещере под теневой поверхностью Меркурия. Валун придавил ему грудь, грозя расплющить ребра, на лицо капала ледяная вода, вокруг ползали большие фосфорические червяки, не спеша пожирая выступающие из обвала части тела Ганна. Из темноты доносился певучий голос Джули Мартин. Она повторяла слоги, которые Ганн должен был изучить. Всякий раз правильные ответы награждались слабым облегчением страданий. Всякий раз достаточно солидная сумма правильных ответов давала ему хотя бы небольшую передышку от мучений. Всякий раз, когда он возвращался в компанию Джули, она встречала его дружелюбной улыбкой. Ее прохладные руки ласково гладили Ганна, в глазах светились слезы сострадания.

— Бедненький,— ворковала она.— Я знаю, тебе очень трудно. Но ты не должен сдаваться. Только не забывай, чего ты должен добиться. Когда узнаешь достаточно много, будешь посвящен в сообщность. Тогда мы будем вместе. Давай теперь начнем новый урок. Если ты хорошо себя проявишь, то Машина разрешит нам искупаться.

Каждый раз, когда она упоминала о сообщности, он вздрагивал. Или когда случайно замечал выглянувший из-под капюшона диск контактора на лбу девушки. Он был достаточно осторожен, чтобы не выдать этого тайного страха, но иногда ему казалось, что Машина не могла не обнаружить его — со всеми этими сенсорами, покрывавшими каждый квадратный дюйм тела Ганна. Потому что его страх перед сообщностью все рос и рос, словно колдовской зловещий сорняк, пока не стал сильнее всех ужасов синтетического ада, созданного механоинструктором, чтобы наказывать его за грубейшие ошибки. Страх этот притаился в темном углу сознания Ганна, как жуткий бронированный пиропод. Наконец, он стал таким нестерпимым, что Ганн начал умолять Джули выпустить его из тренажера. Она засмеялась.

— Да тебе просто повезло,— весело объявила она.— Мне пришлось учить механо гораздо более сложным способом. С помощью же тренажера тебе ничего другого просто не остается. Попытка за попыткой, и ты и заметить не успеешь, как будешь посвящен в сообщность.

Он не осмелился сказать ей, что не хочет такого посвящения.

— В самом деле,— жизнерадостно продолжала Джули,— тренажер — это просто как утроба матери. Внутри него все твои неэффективные человеческие реакции будут перестроены. Ты научишься реагировать быстро и точно. Когда ты снова «родишься» и выйдешь из тренажера, ты будешь совершенным детищем Машины.

Он постарался сдержать охватившую его дрожь.

— Теперь начнем знакомиться со структурами существительных,— радостно предложила Джули.— Ты уже овладел основами анализа механо, рассматривающего вселенную как процесс. В сущности, в механо нет ни глаголов, ни существительных, а есть объекты — в движении. Ты не забыл?

С ужасом вспомнив разбитую ракету, жгучую боль от разъедающих тело паразитов на Венере, рвущих тело червяков в пещере на Меркурии, он поспешно кивнул.

— Например,— пропела Джули,— для всех объектов из твердого вещества имеется одно базовое имя. Такие аспекты, как размер, форма, материал и назначение указываются с помощью флексий. Но это не существительное, потому что глагольная интонация всегда напоминает о процессе движения и изменения, поэтому каждая многословная форма является законченным утверждением.

Мягкая улыбка Джули дразнила Ганна.

— Если ты будешь стараться, то, может быть, мы немного поплаваем.

Он старался — третий принцип механообучения принуждал его к этому — но до воды они так и не добрались. Наступил момент, когда Джули вдруг исчезла. Он услышал шипение, воздуха, почувствовал на вспотевшем обнаженном теле ледяное дуновение наружного воздуха. Снова вернувшись в центр обучения, он выбрался из мембраны сенсорно-эффекторной оболочки, натянул комбинезон и, покачиваясь, спустился по металлической лестнице.

— Добрый вечер, сэр.— У юного тех-лейтенанта теперь вид был скучающий и сонный.— До завтра, сэр.

Ганн страстно желал больше никогда не встретиться с этим лейтенантом, никогда больше не увидеть грушу тренажера, потому что это означало, что он будет введен в сообщность. Он отчаянно хотел бежать куда-нибудь — в Рифы Космоса, к Карле Сноу... Но у него не было сил, его охраняли и стерегли. Он не знал, где находится... быть может, под горой... или под дном океана. Он выполнил положенную программу упражнений, принял горячий душ, выстоял очередь за ужином и отправился в свою маленькую комнатку спать. Совершенно внезапно загремел сигнал гонга. Пришло время вставать, снова брить голову, снова раздеваться и намазываться липким желе, снова возвращаться в утробу Машины...

И наступил момент, когда Джули Мартин — или ее спроецированный фантом — устроила ему испытание, а потом, улыбаясь, сообщила, что он выдержал экзамен.

— Теперь ты заслужил сообщность. Ты готов родиться заново.

Он едва не закричал, что не хочет получать сообщности. Но прикусил губу. Он хранил молчание, пока фантом Джули Мартин не исчез и не зашипели воздушные клапаны, и его не опахнуло холодным ветром, и он был наконец рожден из чрева Машины.

В полубессознательном состоянии — наркотики, в отчаянии прошептал он про себя,— он обнаружил, что лежит на койке. Он не помнил, как попал сюда. Он знал только, что с ним что-то не в порядке. В воздухе чувствовался непонятный, едва уловимый запах, за дверью чудилось едва уловимое движение, словно кто-то стоял там, ожидая, когда Ганн заснет. Потом действительно усыпляющий газ, подававшийся через подушку. Ганн уснул. Как мертвый. Проснувшись, он сразу почувствовал несильную, но ощутимую боль. Болела лобная кость, саднило кожу. Теперь он был в другой комнате — в послеоперационной палате с зелеными стенами. Он мог и не касаясь лба сказать, что, пока он спал, хирурги провели тончайшую операцию, вростив волосяной толщины электроды в точечные центры в его мозгу. Теперь на лбу Ганна блестел металлический знак сообщности.

В мозгу любого млекопитающего, кроме нервно-проводящей ткани, имеются специальные участки, которые заведуют настроениями и эмоциями, а также, например, двигательной активностью, саморегуляцией организма, сознательной мыслительной деятельностью и прочими аспектами деятельности мозга. Одна из таких зон является центром наслаждения. Врастите в него тончайший платиновый электрод. Пустите по нему слабый, всего в несколько миллиампер, электрический ток. В результате получаете настоящий экстаз! Снабдите подопытное животное таким электродом и педалью, с помощью которой оно может управлять сигналами, и животное будет нажимать на педаль, нажимать... нажимать... не останавливаясь даже, чтобы поесть и попить... оно будет сжигать себя удовольствием, пока не упадет от истощения сил, а проснувшись, сразу начнет снова нажимать на педаль...

Разряд наслаждения, ударивший в самое существо Бойса Ганна в первый момент после пробуждения, превзошел все, что он мог вообразить. Это было одновременно и осязательное, и акустическое, и обонятельное ощущение, свет, вкус, запах, касание, дикое наслаждение любви и вызывающая дрожь радостного ужаса опасность разных видов спорта — все это было сложено вместе и усилено почти до невыносимости. Время остановилось. Ганн плыл в бурном море ощущений. Многие эпохи спустя он снова почувствовал, что вернулся в свое тело. Волна доведенной до квинтэссенции страсти откатилась прочь, оставив его высушенным и разбитым. Он открыл глаза и увидел, как медработник Техкорпуса отводит в сторону руку с кабелем сообщности. Ганн был отрезан от радостного и восхитительного общения с Планирующей Машиной. Он вздрогнул, глубоко вздохнул и примирился с неизбежностью — он снова стал человеческим существом. Теперь он понимал сестру Дельта Четыре. Он готов был встретить свою судьбу в сообщности с Машиной. Не было более высокой награды, не могло существовать более важной цели... Сквозь туман, еще не полностью рассеявшийся перед глазами,

он все же успел заметить, что лицо медработника было странно бледным, словно он чего-то испугался. Откуда-то доносились громкие голоса, один из них казался странно знакомым. Ганн вяло поднялся на ноги, чувствуя себя страшно разбитым. Дверь вдруг распахнулась, и в комнату, как яростный тайфун, влетел генерал Вилер.

— Ганн! — рявкнул он.— Ты, Дитя Звезд! Что ты натворил?!

— Я? Натворил? Ничего, генерал... И я не Дитя Звезд, клянусь!

— Дерьмо! — заухал генерал.— Кому ты врешь! Говори, что ты сделал с Планирующей Машиной?!!!

Ганн начал что-то бормотать в свое оправдание, но генерал не дал ему открыть рта.

— Ложь! — ярился он.— Ты и есть Дитя Звезд! Ты уничтожил нас всех! Признайся же! Признайся, что это ты свел с ума Планирующую Машину!!!

План Человека был охвачен безумием. Во все уголки Земли, в дальние пределы пояса астероидов, в термоизолированные убежища Меркурия и никогда не видевшие солнечного света ущелья Плутона, и на медленно вращающиеся космические крепости Заслона запустил свои страшные щупальца ужас. Неправильные маршрутные указания привели к столкновению двух субпоездов в двухстах милях под поверхностью земли. Шестьсот человек погибли в мгновенной вспышке раскаленных газов, в которые превратились вагоны. Тех-капитан на Венере получил очередные программные указания от Машины, повернул нужный выключатель и затопил нефтяной район в сорок тысяч акров с таким трудом осушенной почвы. На сцене огромной Аудитории в Пепинге, где должен был произнести речь вице-планирующий Азии, появился «человек из золотого пламени». Золотой человек исчез так же внезапно, как и возник, и тут же двадцать разъяренных пироподов возникли из пустоты, убивая и разрушая все в пределах досягаемости. Вице-Планирующий опоздал всего на несколько минут, вследствие чего жизнь его была спасена.

Генерал Вилер отрывисто познакомил Ганна со списком катастроф, постигших План Человека.

— Дитя Звезд! Сначала ниоткуда появился в бункере Машины, а теперь сама Машина сошла с ума! Мы больше не можем полагаться на ее данные. Ганн, если Дитя Звезд — это ты...

Бойс Ганн почувствовал, что с него хватит. Перекричав рычание самого машин-генерала Вилера, он заорал:

— Генерал! Я не Дитя Звезд! Не будьте дураком!!!

Внезапно машиноподобная маска, заменявшая генералу лицо, содрогнулась и смягчилась. Минуту спустя он заговорил снова, почти человеческим голосом.

— Да. Видимо, это так. Но, во имя Плана, что же тогда происходит?

— Я думал, что это вы мне расскажете,— проворчал Ганн.— Что это вы такое упоминали о самом Дитя Звезд, которого видели в бункерах Машины?

— Охрана доложила, что в Машину проник посторонний. Был выслан отряд, и они его засекли. Он находился в зале ручного управления — делал переключения, стирал данные с целых миль пленки, изменял соединения. Теперь Машина сошла с ума, Ганн. И вместе с ней с ума сходит План. Во всем мире.

— Неважно! Как он выглядел, это Дитя Звезд?

Машин-генерал Вилер шевельнул квадратными плечами и хрипло пролаял:

— Как человек. Золотая кожа, как доложила охрана. Почти светящаяся. Были сделаны снимки, но мы не смогли его опознать. Он на вас не был похож, Ганн... но я думал, что...

— Что все равно вам следует сюда явиться. И использовать меня как козла отпущения. Так? Тем же способом, какой вы использовали, выдавая меня за убийцу сестры Дельта Четыре?

Генерал попытался возразить. Потом его губы сжались, как дверцы ловушки. Он дважды кивнул. Движения его головы напоминали покачивание стрелки метронома.

— Да!

Ганн совсем не ожидал такого быстрого признания.

— Но почему? — только и мог спросить он.— Зачем вы в нее стреляли? Чтобы убрать свидетеля?

— Конечно,— проскрипел генерал Вилер.

— И указать на меня как на самого Дитя Звезд? Чтобы приобрести больший вес в глазах Планирующего и Машины?

— Совершенно верно,— прохрипел генерал.

Ганн задумчиво посмотрел на него, потом сказал:

— Но что-то заставило вас передумать. Что же это было?

Генерал ответил, ни на йоту не изменив тона. Лишь слегка порозовевший лоб и легкая испарина на лице показывали, в каком он находится напряжении.

— Девушка не умерла,— проворчал он.— Она рассказала Планирующему, как было дело. О том, что я нашел документ и свалил вину на вас. Планирующий доложил Машине, и...

— И что? — Ганн подался вперед.

— И Машина сошла с ума,— с трудом прохрипел генерал.— Она приказала арестовать меня. Потом потребовала ареста сестры Дельта Четыре, вице-Планирующего Центральной Америки, охранников Великого Зала, даже самого Планирующего... Началась паника. Мне пришлось пробиваться с боем. Я добрался до самолета — того самого, в котором Дельта Четыре прибыла в штаб-квартиру Планирующего — и бежал. Но мне придется покинуть Землю, Ганн! Я хочу, чтобы вы сопровождали меня в Рифы, потому что... мне необходимо бежать отсюда.

— Бежать? Почему?

— Выбираясь из Зала Планирующего,— прозвенел голос генерала,— я убил двух человек. Один из них был сам Планирующий.

Бойс Ганн до сих пор не имел понятия, в каком месте Земли находится центр обучения. Когда они выбрались на поверхность, он впервые увидел стену гор на севере, почувствовал укус ледяного воздуха и понял, что они находятся на одном из плато в предгорьях Гималаев. Тысячелетиями в этой пустынной местности скитались лишь кочевники. Теперь же пониже выплавленного в скале посадочного поля ракетодрома гудел водяной поток, падавший с плотины гидроэлектростанции. Но у здания станции был странный вид. Пока машин-генерал Вилер быстро вел его к ожидающему реактивному самолету, Ганн успел разобраться, в чем дело. Даже на расстоянии было видно, что это уже не станция, а руины. В огромных оконных проемах не отблескивало ни единого стекла. В массивных каменных стенах цоколя появились трещины. Внутри здания произошел мощнейший взрыв.

— Не оглядывайтесь! — резко приказал генерал.— Скорее в кабину! Там вас ждет приятный сюрприз.

Ганн последовал за ним. Если процесс разрушения и упадка проник даже сюда, то его масштабы должны выходить за пределы всего, что он мог себе вообразить. И все это сделал Дитя Звезд? Но кто он? Мысли Ганна, спешившего вслед за генералом, превратились в стремительный поток воспоминаний и впечатлений. Потрясшая до основания все его существо вспышка сообщности с Машиной. Ужасная схватка с пироподами в Зале Планирующего и потрясение от первой встречи с Джули Мартин в облике сестры Дельта Четыре. Долгое головокружительное падение сквозь пространство, с Рифов на Землю. Невероятный отшельник Гарри Хиксон... Его способность воспринимать неожиданное была почти на пределе. Он едва заметил, что они уже достигли ожидавшего их самолета. Вслед за генералом он поспешил подняться к открытому люку и тут увидел, кто ждет его внутри.

— Джули! — воскликнул он.— Джули Мартин!

Но ответила ему сестра Дельта Четыре.

— Входите. Закройте люк. Нам нужно взлететь немедленно! Я получила сообщение от Машины.

Генерал Вилер прореагировал мгновенно. Повернувшись, он захлопнул люк, потом одним прыжком достиг сестры Дельта Четыре и вырвал из ее рук черную коробочку связь-куба.

— Дура! — проскрежетал он.— Сообщение! Ты что, не понимаешь, что Машина сошла с ума? Ее испортил Дитя Звезд. Теперь она больше не служит Плану. Ты сама видела доказательства. Неужели ты не понимаешь, что происходит?

Девушка спокойно подняла голову и взглянула на генерала с обычным отсутствующим выражением во взгляде. Черный капюшон упал, открывая блестящий металл пластинки контактора, такой же, как и во лбу Ганна.

— Я служу Машине,— сказала она своим мелодичным голосом.— Генерал Вилер, вы предатель, приговоренный к смерти.

— И ты тоже, в таком случае,— проворчал генерал. Он бросил связь-куб Ганну.— Держи. Следи за ней, пока я поднимаю самолет. Нам нужно как можно скорее убираться с Земли.

Он нырнул в кабину управления, чтобы настроить автопилот, который запустит моторы, поднимет самолет в воздух и направит прямо к пункту назначения, даст радиозапрос на посадочные инструкции и опустит машину в нужной точке. Ганн взглянул на связь-куб в своей руке, потом на сестру Дельта Четыре.

В специальном отделении одной из граней куба хранился штепсель сообщности. Ганн видел, как ярко блестят его электроды, так точно соответствующие отверстиям на пластинке в его собственном черепе. Если бы он, вдруг подумал Ганн, вытащил штепсель и вставил его в гнездо контактора... если бы он вошел в сообщность... он бы снова испытал то почти невыносимое наслаждение, экстаз души и чувств, с которым уже познакомился час назад. Соблазн был непреодолимым. Он хорошо понимал Джули... то есть сестру Дельта Четыре, он гораздо лучше понимал ее теперь. С этим не мог сравниться никакой наркотик. Ничто на свете не могло быть сильнее этого зова. Он теперь понимал, почему Джули покинула семью, мир, все удовольствия обычной жизни и самого Ганна, променяв все это на балахон служителя Машины. Он понимал ее, потому что сам оказался на грани совершения подобного выбора — после всего лишь одного сеанса... Быстрым движением руки, пока решимость не оставила его, Ганн швырнул коробочку на пол кабины. Связь-куб затрещал и зажужжал. В этом жужжании Ганн разобрал несколько связных нот-морфем, которые изучил, но не стал разбираться в их значении, не дал связь-кубу времени вымолить пощаду. Он поднял ногу и раздавил устройство, как ядовитое насекомое. Жужжание оборвалось. Мелькнули слабые голубоватые вспышки электрических искр, и в следующее мгновение от связь-куба осталась лишь спутанная масса осколков, печатных схем и расплющенных транзисторов.

— С этим покончено, Джули,— сказал он.— Это конец нашей связи с Машиной.

Она молча глядела на него темными равнодушными глазами.

— Неужели ты ничего не хочешь сказать? — не выдержал Ганн.

— Только то, что мне было приказано передать вам, майор Ганн. Сообщение, полученное от Машины.

— К черту Машину! — крикнул Ганн.— Неужели ты не понимаешь, что с этим покончено? Все! Сначала нужно разобраться в том, что произошло, а потом — только потом мы, может быть, снова сможем использовать Машину. Использовать! И не позволим больше, чтобы она использовала нас!

— Я ничего об этом не знаю, майор Ганн,— пропела девушка.— У меня только одно сообщение. В нем говорится: «Майору Ганну. Действия: Проследуйте немедленно на корабль «Сообщность» в Рифах Космоса через Седьмую Станцию Терминатора на Меркурии. Конец сообщения».

Ганн недоверчиво покачал головой.

— Но, Джули! — запротестовал он.— Это же полная нелепица. Отправляться в Рифы через Меркурий... все равно, что пройти в соседнюю комнату, отправившись сначала на Денеб! Таким путем мы ничего...

— Это нас не касается! — проскрежетал голос генерала Вилера. Ганн обернулся. Генерал стоял в открытой двери кабины управления, в руке он что-то держал. Выражение лица у него было мрачное и испуганное, как у попавшего в ловушку хищника в джунглях.

— Но ведь Меркурий рядом с Солнцем,— сказал Ганн.— Да, мы могли бы пройти р я д о м с Меркурием, направляясь к дальним областям Рифов. Но зачем совершать посадку? Да еще в определенной указанной точке, у станции на терминаторе?

— Мы туда полетим,— отчеканил генерал.— И мы совершим посадку. На этой самой станции. Майор Ганн! Я говорил вам, что мне необходимо добраться до Рифов и взять вас с собой. У меня есть на то причина. Вот, взгляните! Этот документ упал на пол передо мной, когда я покидал Зал Планирующего после... гм, нашей небольшой перестрелки.

Не говоря ни слова, Бойс Ганн взял из рук генерала листок. Он был кремового цвета, квадратный, без подписи, и текст гласил:

«Если вы намерены спасти себя, свой народ и свои миры, доставьте оператор-майора Бойса Ганна и прибудьте с ним лично на корабль «Сообщность» в Рифах Космоса. Ворота будут открыты на станции семь по терминатору Меркурия, где находится солнечная обсерватория Плана».

— Дитя Звезд! — воскликнул Ганн.

Генерал Вилер кивнул, тяжело, словно усталый механизм, двигая головой.

— Да, сообщение от Дитя Звезд. И точно такое же сообщение получено от Планирующей Машины. Майор Ганн! Вы понимаете, что это значит? Планирующая Машина — это и есть Дитя Звезд!

В каком-то пункте маршрута они сменили самолет на космический нереактивный крейсер Плана. Ганн почти не уделял внимания происходившему вокруг. Он старался как можно более полным образом использовать время для отдыха, чтобы перевести дух после всех потрясений, постигших его за последние несколько недель. Как стремительно они накапливались, как быстро выпили они весь запас энергии его тела и сознания! Он до сих пор ощущал слабую боль во лбу, в костях черепа и где-то за глазами, где прошли электроды, которые

врастили в его мозг хирурги. Он все еще чувствовал боль от кровоподтеков, оставленных на его теле специалистами из отдела Безопасности. Как давно это было? Он до сих пор не пришел полностью в себя после битвы с пироподами и своего длинного падения на Землю. В его мышцах еще не растворился яд усталости от сражения на рифе Гарри Хиксона... Он закрыл глаза, и перед ним возникла Карла Сноу. Он открыл глаза — перед ним неподвижно сидела сестра Дельта Четыре, глядя на него, но не видя. Он снова начал чувствовать себя самим собой. К нему возвращались силы, а вместе с ними и проблема двух женщин, таких разных, но в одинаковой мере занимавших его мысли.

— Джули,— сказал он,— то есть сестра Дельта Четыре, если вам это больше подходит. Верно ли то, что сказал генерал Вилер? Что Машина сошла с ума?

Совершенные черты ее лица, полуприкрытые капюшоном, не дрогнули.

— Я знаю только то, что сказал генерал Вилер,— пропела она.

— Но она на самом деле сошла с ума, Джули. Ее испортил Дитя Звезд. Теперь она разрушает План. Ты до сих пор желаешь служить ей?

— Я служу Планирующей Машине,— сладким голосом пропела она. Темные глаза девушки были холодны и бесстрастны.

— Из-за наслаждений сообщности? Я понимаю тебя, Джули. Не забывай,— он коснулся блестящей пластинки на лбу,— я тоже почувствовал, что это такое.

В глазах Дельта Четыре что-то мигнуло, какая-то искра снисходительного любопытства. Но она сказала лишь:

— То, что вы испытали, майор Ганн, бледное подобие того, чем награждает Машина своих действительных слуг. А вы еще лишь наполовину слуга Машины. Машина еще не открылась вам полностью,— голос ее звучал, как удары колокола.

Ганн спросил в замешательстве:

— Вы имеете в виду... прямое соединение? Связь через... как это назвать?.. С помощью мыслей самой Машины?

Она лишь пожала плечами.

— Возможно, что-то в этом роде,— равнодушно сказала она.— Вы этого не поймете.— Она быстро пропела серию тональных морфем. Ганн пытался понять смысл, но сразу запутался.

— Вы сказали что-то о... д у ш е? — сделал он предположение.— О душе Машины?

— Теперь понимаете? Мне жаль вас, майор Ганн. Даже больше, чем себя. Так как вы уничтожили мой связь-куб, я не могу соединиться с Машиной, но когда-нибудь я найду другой. Но вы никогда не получите того, что буду испытывать я.

Пока они разговаривали, машин-генерал Вилер дремал.

Теперь Ганн заметил, что генерал успел проснуться и прислушивался к их разговору. Когда он встретился глазами со взглядом Ганна, он сел прямо и хрипло захохотал, словно старая машина, за которой плохо присматривали.

— Дура,— сказал он, бросив презрительный взгляд на девушку.— И ты, Ганн, тоже болван. Ни ты, ни она — вы не способны выжить.

— Я выживу, если этого потребует Машина,— пропела девушка.— Я прекращу существование, если Машина перестанет испытывать во мне потребность.

Генерал механообразно кивнул и повернулся к Ганну.

— Видел? А что же тебя заставляет жить?

— Не знаю,— честно сказал Ганн. Он встал и прошелся по тесной каюте крейсера. В слабом поле тяготения, которое создавал нереактивный генератор космолета, его походка утратила уверенность.

— Там, среди Рифов, они говорили о свободе...— сказал он.— Я не уверен, но... Да. Надежда на свободу поддерживает меня сейчас, надежда на то, что свобода реальна и что в ней — благо.

Генерал снова захохотал. Без всякого чувства, словно проигрывая древнюю запись, он сказал:

— Планирующий, которого я недавно убил, понимал, что такое свобода. Он называл ее «романтической ересью». Свобода — она позволяет этим грязным анти-Плановым кочевниками в Рифах влачить свое жалкое существование. Это миф.

— Я видел в Рифах счастливых мужчин и женщин,— тихо сказал Бойс Ганн, больше для себя самого, чем для генерала.

— Ты видел животных! Они верят в добрую природу человека. Они верят, что обыкновенные люди, оставленные без власти Плана на дрейфующем курске рифа, произвольно откроют в себе природные источники морали и изобретательности. Они ошибаются!

Он закрыл глаза и снова открыл, глядя на Ганна и хранящую молчание девушку.

— Человек плох по своей природе,— сказал он.— Создатели законов всегда это знали. Ко всякому доброму поступку его нужно побудить, заставить, подтолкнуть. И наш План Человека был построен в подтверждение этого правила — краеугольного камня всей цивилизации. План признает порочную сущность человека. И он заставляет его двигаться по пути прогресса и добродетели. Другого пути нет!

Под ними лежал Меркурий, планета-ад.

Управляющие сенсоры их крейсера протянули вперед свои лучевые щупальца, касаясь планеты, Солнца, ориентируясь по заданным точкам положения ярких звезд, ощупали полюса и экваториальные зоны планеты, потом зафиксировали нужную точку на линии терминатора — границе между светом и тенью. Затем, будучи в состоянии машинного аналога чувства удов-

летворения, они завершили коррекцию курса и вывели крейсер на посадочную траекторию. До великого ослепительного костра Солнца оставалось всего тридцать с чем-то миллионов миль — в три раза меньше, чем от Земли. Могучее излучение тепла и света возросло в девять раз. Поверхность Солнца испещрили оспинами темные пятна, чаще видные образования, называемые гранулами. На него больно было смотреть даже сквозь толстые фильтры. Машин-генерал Вилер сердито шевельнул рукой, и на центральном видеоэкране черное пятно заслонило изображение Солнца, как Луна во время затмения. Теперь они могли видеть алую хромосферу, медленно вздымающиеся арки протуберанцев, словно кусающие пустоту змеи. Все это окружала белая сияющая корона. В этом могучем горниле каждую секунду целые моря солнечного водорода превращались в гелий, излучая океаны энергии. Каждую секунду каждый квадратный сантиметр необъятной поверхности светила бросал в пространство шесть тысяч ватт лучевой энергии. На солнечной стороне Меркурия расплавленное олово и свинец, подобно воде, стекали с оплавленных камней. Жидкая атмосфера, выжженная из скал солнечным жаром или ударами метеоритов, проводила частицу тепла на теневую сторону, которая иначе застыла бы в холоде, почти не отличающемся от близкого к абсолютному нулю мороза на Плутоне. Расположенные на линии терминатора станции Плана балансировали на грани между испепеляющим жаром с одной стороны и смертельным холодом с другой.

— Вот она! — проскрипел генерал Вилер, тыкая пальцем в экран.— Станция номер Семь. Так-так, посмотрим, что это за Дитя Звезд!

Массивный крейсер Плана, покачиваясь в поле своих генераторов нереактивной тяги, замедлил падение, повис неподвижно, потом нежно коснулся оплавленной скалы, замерев в тени серебристого купола, протягивающего в сторону Солнца все свои раструбы телескопов, радаров, пирометров, мазеров. Над входом в купол сверкала надпись:

НАИМОГУЩЕСТВЕННЕЙШИЙ НАГРАЖДАЕТ
НАИВЕРНЕЙШИХ

Генерал Вилер коротко рассмеялся.

— Верных кому, а? Мне, Ганн! Верь в Меня!

Бойс Ганн спокойно посмотрел на него, потом на сестру Дельта Четыре. Она по-прежнему хранила молчание, глаза ее были спрятаны складками черного капюшона. Ганн покачал головой, но ничего не сказал. Про себя он подумал: «Безумен. Так же безумен, как и Машина».

Из купола в их направлении медленно выдвигалась труба входного коридора. Ее конец встретился с воздушным шлюзом корабля и герметически соединился. Открылись люки.

Ганн поднялся.

— Пойдемте. Все вместе. Я... я не знаю, что мы увидим.

Генерал Вилер прошествовал вперед, ноги и локти его двигались, словно поршни мотора. Сестра Дельта Четыре при-

близилась к люку, потом заколебалась и взглянула на Ганна.

Она быстро пропела серию нот, голос ее был чист, как звон хрустальных колокольцев.

— Я... я не понял,— сказал Ганн.— Как вы уже говорили, я обучен лишь наполовину. Что-то касающееся родственника?

— Я попросила вас проявить осторожность, майор Ганн,— сказала Дельта Четыре по-английски.— Там брат, его характер эмоционально неустойчив.

— Я не понимаю,— сказал Бойс Ганн.

Девушка ничего не ответила, лишь равнодушно кивнула и прошла в люк, ведущий в терминаторную станцию номер Семь.

Ганн последовал за ней и услышал хриплый рев генерала Вилера:

— Кто-нибудь, привет! Есть тут кто-нибудь вообще?

Генерал стоял, взобравшись на крышку металлического стола, покрытого эмалью, вертя головой во все стороны. Позади него протянулись ряды электронного оборудования, похожие на шкафчики в гимнастическом зале, в которые кладут одежду. Они гудели, жужжали и мигали лампочками, игнорируя присутствие генерала. Больше в комнате никого не было.

— Не понимаю,— процедил генерал. Он слез на пол, взял трубку телефона, наугад ткнул кнопку вызова, послушал и швырнул трубку на место.

— Никого здесь нет,— сказал он, в раздражении нахмурив лоб.— Это что, шутка? Осмелился бы Дитя Звезд шутить со м н о й!

— А в остальных помещениях, генерал? Тоже никого? — спросил Ганн.

— Обыщите! — пролаял Вилер.— И вы тоже, сестра! Здесь должен быть кто-нибудь! Дверь в Рифы... ключ к тайне «Сообщности»... я не позволю, чтобы они выскользнули из моих рук!

Ганн предупреждающе взглянул на Дельту Четыре, но она не ответила на его взгляд. Перебирая тональные четки, она послушно направилась к одной из дверей. Складки ее капюшона зашевелились — она искала в соседнем помещении следы присутствия людей. Ганн пожал плечами и, выбрав другой дверной проем, начал поиски. До него доносились сердитые возгласы генерала, щелканье и жужжание автоматических приборов обсерватории, продолжавших направлять инструменты на заданные области солнечного диска и обрабатывать полученные данные. Он слышал далекие вздохи насосов, посвистывание воздуха в вентиляционных трубах. Больше ничего не было слышно. Обсерватория была пуста. Ганн прошел через помещение, где находилось хранилище информации — на стеллажах разместились катушки с магнитными лентами, на которых были записаны результаты бесчисленных машино-часов наблюдения за светилом, потом заглянул в комнату, служившую, очевидно, для отдыха, и оказался в главном помещении обсерватории. Безмолвие. Неподвижность.

— Кто-нибудь! — крикнул Ганн, эхом повторяя далекий возглас генерала Вилера. Ответа не было.

Как правило, команда такой автоматизированной станции, как терминаторная номер Семь, составляла полдюжины человек, может быть, еще меньше. Но трудно было поверить, что произошла катастрофа, покончившая сразу со всеми... Или так казалось Ганну. Потом, повернувшись, он понял, что катастрофа действительно произошла.

Их было трое. Трое мужчин, свалившихся в кучу, словно соломенные чучела, у закрытой и запертой двери. Они были мертвы — сомнений не было. Сверху лежал уже немолодой седой человек в форме тех-капитана. Его невидящие желтоватые глаза уставились в потолок. О двух остальных Ганн мало что мог сказать — хорошо были видны только знаки различия. Один был тех-лейтенантом, второй — кадетом. Один — молодой и полный, второй — тоже молодой и странным образом кого-то Ганну напоминающий. Ганн нагнулся, коснулся мертвых тел. Пульса не было. Дыхания тоже. Но тела казались еще теплыми. Наверное, это лишь воображение, подумал Ганн. Или виновата температура в комнате — слишком близко к солнцу станция, хотя ее помещения и охлаждаются холодным воздухом из рефрижераторов. Послышался слабый шум, и Ганн рывком выпрямился и прислушался, нахмурясь. Звук был не один. Их было два. Первый он сразу определил — это пели тональные четки сестры Дельта Четыре. Следуя по собственному маршруту сквозь помещения купола, она приближалась к главной камере. Но второй звук? Казалось, он доносится откуда-то из самой камеры. Ганн обернулся и посмотрел на запертую дверь. Может, звук доносился из-за двери? Похоже, там находилась кладовая или отсек для хранения записей. Дверь была солидная, и открыть ее можно было только специальным ключом. Но теперь Ганн был уверен — за дверью было что-то живое. В камеру вошла сестра Дельта Четыре, увидела Ганна, потом быстро подошла к трем мертвым телам, склонилась над ними. Когда она снова подняла голову, взгляд ее был темен.

— Не нужно его бояться, майор Ганн,— пропела она.

— Кого бояться? — не понял Ганн.

— Брата,— протянула девушку.— Он умер. Его анти-Плановые эмоции не должны вас больше волновать.

— Брата? Но...— И Ганн замолчал, не закончив предложения. Он начал понимать. Он нагнулся и повернул голову мертвого тех-кадета. Да, это лицо он уже видел раньше.

— В а ш брат! — воскликнул Ганн.

Сестра Дельта Четыре поправила его:

— Брат Джули Мартин. Брат моего тела, совершенно верно. Как видите, он мертв.— В глазах ее не светилось даже искры сочувствия, словно она говорила о погоде.

Толстая квадратная дверь, перед которой лежали мертвые, по-прежнему таила за собой источник непонятных звуков, но Ганн не обращал на них внимания. Брат Джули Мартин!

Он видел сходство — те же серьезные глаза, та же линия подбородка... У сестры Дельта Четыре она завершала правильный овал лица, у юноши она обрисовывала сильный подбородок, но лицо его было лицом мечтателя. Но Бойс Ганн заметил не только это. Не веря глазам, он нагнулся, придвинувшись поближе. Сомнений не было. Несмотря на мертвенную бледность, кожа лица имела явный золотистый оттенок. Она почти светилась. Ганн быстро осмотрел остальные трупы. То же самое! Подобно машин-полковнику Зафару, подобно Гарри Хиксону, подобно существам Рифов, трое мертвых технокорпусцев слегка мерцали, словно далекое Солнце отражалось на блестящем медном шлеме.

Утащив за собой сестру Дельта Четыре, Ганн отыскал генерала Вилера и кратко рассказал ему о том, что видел.

— Тот самый золотистый цвет, генерал,— сказал он.— Это смертельно. Или...— Он замолчал, вспомнив Гарри Хиксона, который умер от болезни, но потом снова оказался живым.

Он отбросил эту мысль.

— Смертельно,— повторил он.— Кажется, это называется фузоритной инфекцией. Если поместить каплю их крови под микроскоп, мы увидим маленькие светящиеся шарики фузоритов. Что-то вроде симбиоза, как говорил доктор Сноу. Но для человека он смертелен...

— Фузориты, говоришь? — проскрипел генерал Вилер.— Ага, значит, Рифы! Ты понимаешь, что это означает? Дитя Звезд, вот что. Мои сведения были верны. Он здесь.

— Не может быть,— запротестовал Ганн.— Мы обыскали всю станцию и никого не нашли.

— Мы никого не видели, генерал,— эхом повторила сестра Дельта Четыре.— Здесь никого нет, только умершие.

— Живые, мертвые, но он должен быть здесь,— проворчал генерал.— Я его найду! Я заставлю его отвезти меня на «Сообщность»!

Бойс Ганн вспомнил о звуках за массивной дверью.

— Там есть одно место, генерал,— сказал он.— Там... что-то может обнаружиться. Рядом с телами есть дверца...

— Вперед! — закричал генерал и помчался в соответствии с призывом, словно приведенная в действие машина, не дожидаясь ответа остальных. Ганн и девушка отыскали его в отдаленной инструментальной части станции, в подвале среди хранилищ с консервами и чистыми катушками магнитной ленты. Генерал, время от времени издавая вопли, рылся в кипах припасов. Обратный путь, даже в слабом поле тяготения Меркурия, был утомителен, и сестра Дельта Четыре начала задыхаться уже на полпути. Потом они оба остановились, тяжело дыша, глядя друг на друга. Потому что оба услышали один и тот же звук — далекий гул движущихся гусениц шасси, с помощью которого передвигался соединительный коридор. Звук передавался через скалу и фундамент станции.

Через длинную трубу коридора шлюз из крейсера соединился со шлюзом станции. Теперь коридор пришел в движение. Значит, или прибыл еще один корабль...

Или их собственный крейсер готовился к взлету!

— Бежим! — крикнул Ганн, и они помчались изо всех сил.

Массивная дверь, перед которой лежали раньше мертвые тела, была распахнута настежь. Мертвые исчезли.

Генерал Вилер и Ганн без слов повернулись и принялись обыскивать камеру, заглядывая под столы, консоли пультов, в ниши приборов.

— Они исчезли,— наконец сказал Ганн, и генерал повторил как эхо: «Они исчезли.»

И новый голос добавил:

— Они также забрали ваш корабль.

Ганн и генерал стремительно развернулись. Сестра Дельта Четыре не стала беспокоить себя поисками в камере, а сквозь открытую теперь массивную дверь вошла в скрывающуюся за ней каморку со стальными стенами. Она явно предназначалась для хранения самых ценных записей на случай какой-нибудь катастрофы, грозящей станции уничтожением, но теперь в ней хранился ценный предмет совсем иного рода. Это была девушка. Губы ее были еще белыми — сестра Дельта Четыре только что вытащили из ее рта кляп и продолжала теперь освобождать ее руки от веревок.

— Они взяли ваш корабль,— повторила девушка.— Все трое. Они открыли дверь... а потом убежали.

Ганн едва понимал, что она говорит. Что-то совсем другое занимало его мысли. Волосы медового цвета, мягкий загар, голубые яркие глаза... он знал эту девушку!

Девушка, которую они обнаружили в обсервационном куполе станции на Меркурии, была той самой девушкой, с которой он познакомился несколько недель и несколько миллиардов миль тому назад. Это была Карла Сноу.

Насосы рефрижераторов накачивали в купол охлажденный воздух, но казалось, что огромный диск Солнца, по которому медленно проползали волны бури, немилосердно сжигает их с видеоэкрана своими лучами, словно они стояли обнаженные на скалах поверхности планеты.

Карла Сноу протянула руку и коснулась Ганна.

— Я думала, ты погиб,— сказала она удивленно, и глаза ее переместились на сестру Дельта Четыре, которая, опустившись на колени рядом, терпеливо растирала опухшие запястья Карлы.

— Неважно,— сказал Ганн.— Как ты сюда попала? Это... это сделал Дитя Звезд?

Карла задумчиво покачала головой.

— Я не знаю. Когда ты исчез, я принялась искать тебя.

Генерал Вилер, приникший к одному из оптических телескопов, проскрежетал:

— Ага, вот и они! Я вижу злодеев! Они между нами и Солнцем! — Он яростно завозился с переключателями на экра-

нах, защелкал, изображение затанцевало и сменилось новым.

Они увидели крейсер Плана, который доставил их сюда. Он был уже очень далеко, едва заметный на фоне усыпанного звездами неба, окружавшего сверкающий шар Солнца.

— Кто же управляет им? — пробормотал Ганн.

— Те самые преступники, которых мы здесь нашли! — пролаял генерал Вилер.— Они прикинулись мертвыми. Они провели нас! Теперь они похитили наш корабль. Мы пропали.

— Генерал,— совершенно искренне сказал Ганн,— я не прошу вас верить мне, но я не мог ошибиться. Они не притворялись. Они действительно были мертвыми.

— Не может быть,— проскрипел генерал.— Посмотрите на этих идиотов! Они направляются прямо к Солнцу!!! Но корабль не рассчитан на температуру фотосферы! Они убьют себя!

Ганн устало повернулся к Карле Сноу.

— Ты сказала, что искала меня. Зачем?

Она вспыхнула и отвела взгляд. Не ответив на вопрос, она сказала:

— Полковник Зафар умер. Отец сообщил, что это опасная болезнь, и он... повез тело на Свободное Небо для исследования. Он не знал, что с тобой случилось. И я тоже не знала. Но... я подумала, что смогла бы тебя отыскать.

Сестра Дельта Четыре тихо поднялась, перешла на другую сторону, начала массировать другое запястье. Карла продолжала рассказ, избегая смотреть на Ганна. Иногда она бросала взгляд на Дельту Четыре, иногда — на генерала Вилера, иногда — на огромный диск Солнца, висящий посреди экрана. К нему, к одному из его похожих на щупальца протуберанцев приближался крейсер. Она вызвала своего пространственника, рассказывала Карла Сноу. Потом вынесла под открытое небо маленького пиропода Гарри Хиксона, выпустила его на свободу. Пиропод описал несколько кругов, потом устремился в открытое пространство... И, оседлав пространственника, она последовала за ним.

— После того, как ты исчез, а полковник Зафар умер, он совсем, кажется, сошел с ума,— сказала Карла.— Метался по комнатам. Я подумала, что он ищет тебя. И я подумала, что, если выпустить его на свободу, он, может быть, найдет тебя.

— Дитя Звезд! — загрохотал генерал Вилер.— Рассказывай о Дитя Звезд, женщина! Ты его нашла?

Она заколебалась.

— Кажется, я видела его или слышала,— сказала она наконец.— Кажется, я встретила его в центре Риф-Вихря.

Риф-Вихрь — не планета, не звезда и не комета. И даже не риф в собственном смысле слова. Он сочетал в себе элементы всех вышеперечисленных явлений. Несомненно, первоначально это был риф. Как дальняя планета, он вращался вокруг Солнца. Как у кометы, большую часть его массы состав-

ляли газы. И в сердцевине его шла реакция превращения водорода в гелий, как в звезде. В сущности, Риф-Вихрь представлял собой более массивный, более плотный риф, чем все остальные скопления этих пасынков Солнца. Со временем, при наращивании массы, он мог превратиться в ядро новой планеты. Он обладал невероятным угловым моментом вращения. Какая-то более мощная сила, чем гравитация, удерживала составляющие его элементы от выбрасывания в пространство. Составлявшие его рифы были более старыми и не такими, как все наружные, обыкновенные рифы. Жуткие, мутировавшие виды пироподов роились вокруг Вихря. В центральные области Вихря никогда не проникал человек, даже сами жители Рифов. Об этом месте ходили страшные легенды. Жизнь, которая нашла здесь свой приют, развивалась уже очень давно. Прямо, как стрела, детеныш пиропода, который раньше принадлежал Гарри Хиксону, устремился к Риф-Вихрю, а за ним, едва не теряя из виду голубоватый отсвет его ракетного выхлопа, мчалась на пространственнике Карла Сноу.

— Мне было страшно,— рассказывала она.— Мы миновали рой пироподов. У них как раз начался сезон размножения. Их там были тысячи, они кружились в пространстве, как единое тело. Если бы они обратили на нас внимание и бросились в погоню, нам бы не удалось уйти. Но думать об этом было уже поздно... и даже больше пироподов я боялась самого Вихря.

— Дитя Звезд! — прикрикнул генерал.— Скорее! — Глаза Генерала были прикованы к экрану, на котором крейсер Плана все ближе и ближе подходил к Солнцу, а один из больших протуберанцев, казалось, протянул ему навстречу язык пламени, стараясь лизнуть.

— Мы достигли Риф-Вихря,— сказала девушка,— и там я потеряла пиропода. Но Белла — это мой пространственник — казалось, она знала, куда он пропал. Мы полетели дальше.

Вблизи Риф-Вихрь выглядел, как маленькая галактика. Составлявшие его отдельные рифы светились разными цветами, словно отдельные звезды. Края Вихря составляли мертвые, темные скалы и рифы. Там, как подумала Карла, находились гнезда пироподов. Она почувствовала, как задрожал пространственник, как наполнились ужасом его большие влажные глаза. Но они продолжали полет.

— Белла как будто не могла справиться с собой,— сказала Карла.— Казалось, она против своей воли движется вперед, к собственной гибели — или чему-то, что пугало ее еще больше.

— Точно так же, как эти дураки, укравшие корабль,— проскрипел генерал Вилер.— Значит, там ты и нашла Дитя Звезд? В этом Вихре?

Карла Сноу ответила не сразу.

— Я не уверена. Честно говоря, генерал Вилер, я не знаю, что видела в Вихре. Я знаю только, что очень многого там на самом деле не было.

— Иллюзии? — осведомился генерал.— У тебя были галлюцинации?

Она неуверенно кивнула.

— Да... Нет, я не знаю. Только многое, что я там видела, не могло там быть на самом деле. Я видела Гарри Хиксона, хотя я знаю, что он умер. И полковника Зафара... И... Бойс, я видела там тебя.

Они углубились в сердцевину Вихря. Пространственник приходил во все большее неистовство. Они давно миновали внешний край Вихря с его гнездилищами пироподов, но впереди должно было находиться нечто, приводившее Беллу в еще больший ужас, чем туннели, полные ракетных чудовищ.

— Не бойся, детка,— прозвучал вдруг в шах Карлы голос отца. Она вскрикнула и оглянулась. Кроме нее, в маленькой воздушной оболочке, которую нес с собой пространственник, никого больше не было.

— Не останавливайся, малышка,— сказал другой голос. Это был голос человека, который совсем недавно исчез на ее глазах в светлом водовороте и которого она теперь искала, Бойса Ганна.

Потом послышался третий голос:

— Карла, теперь самое главное — иди только вперед! — и этот голос испугал ее больше всех остальных. Это был голос Гарри Хиксона. Галлюцинации? Другого объяснения не могло быть. Гарри Хиксон давно умер. Она была одна. За пределами воздушной оболочки Беллы начинался вакуум, который не проводил звуковые волны, поэтому там тоже никто не мог скрываться. Но галлюцинации не оставляли Карлу.

— Не бойся пироподов,— посоветовал голос, хриплый, растягивающий слова, голос Гарри Хиксона, она была в этом уверена.— Вперед! Мы тебя ждем!

Она вспомнила слова умирающего полковника Зафара: «Ловушка сознания... бойся тайных желаний...» В них слышалось предостережение. Но ей не оставалось ничего другого, как положиться на пространственника, все глубже уносившего ее в центр Вихря. Мимо проносились мелкие светящиеся рифы, как сверкающие алмазные грибы, клубки раскаленной проволоки, светящиеся многогранники — кошмарные разноцветные миры, которым она не могла найти названия. И потом они оказались, как поняла Карла, в самом сердце Вихря. Там плавал в пустоте исполинский корабль, такой гигантский, словно все скопление Свободного Неба. Сквозь открытые бойницы смотрели стволы смертоносных излучателей и пусковых ракетных устройств. Но двигатели его были мертвы. Он вращался по свободной орбите в центре Вихря.

— Великий План! — вскричал генерал Вилер в диком возбуждении.— «Сообщность»! Это должна быть «Сообщность»!

Карла Сноу посмотрела на него с некоторым недоумением.

— Да, это название было на его борту. Это ваш корабль, генерал?

Генерал излучал безудержную радость триумфа.

— Да, теперь мой! Мой корабль... моя Машина на его

борту... и как только я доберусь туда, все миры тоже станут моими! Ты отведешь нас туда, женщина! Когда я стану владыкой Машины, которую он несет на борту, я вернусь сюда, к планетам Плана. Не генералом, даже не Планирующим — я буду управлять самой Машиной! Я...— он замолчал, глядя на Бойса Ганна.— В чем дело? — проскрежетал он.

— Каким образом вы предполагаете добраться туда, генерал? — спросил Ганн.

Лицо генерала помрачнело. Нахмурясь, он посмотрел на экран, где безнадежно далекий от них крейсер обходил стороной огромный язык, продвинувшийся вперед, пока они разговаривали.

— Продолжайте,— проворчал он.— Я найду способы. Я доберусь до «Сообщности», и тогда... Неважно! Продолжайте.

Вокруг гигантской космической крепости, выкрашенной для камуфляжа в черный цвет, ощетинившейся пусковыми установками и стволами лазерных излучателей, кружил непонятный золотой туман. Как дымка из капель жидкого золота, как золотое облако. Откуда в пространстве могло появиться облако, даже в Вихре? И все же она его видела собственными глазами. В самом центре его туман сгущался в золотую плотную сферу. Словно луч лазера, направленный в цель, пространственник несся к золотому облаку. Карла в ужасе закричала — при их приближении поверхность облака, казалось, метнулась им навстречу. Появилось туманное вздутие, превратившееся в щупальце, протянутое к пространственнику и Карле. И бесплотный голос-галлюцинация, принадлежащий Гарри Хиксону, прохрипел:

— Карла, малютка! Не бойся! Вперед!

Она не могла бы остановить пространственника, даже если бы хотела. Белла больше ей не подчинялась. Голос был чистой иллюзией, но Карла обнаружила, что он придал ей уверенности. Паника уменьшилась. Со странной отрешенностью смотрела она, как выпуклость разделилась на три части. Каждая часть продолжала расти, пока не превратилась в золотую змею. Она видела, как все три змеи, извиваясь, тянутся ей навстречу... Они ударили. Горячие желтые кольца сдавили ее. Но боли не было. И даже страх стал еще меньше. Живые золотые канаты потащили ее к золотой сфере, и она становилась все более спокойной, все более бесстрастно воспринимая окружающее. Даже пространственник избавился от страха. Устроившись в золотых объятиях колец, словно в гнезде, Белла мурлыкала, будто большой котенок.

Карлу тоже клонило в сон. Ей показалось, что она слышит голос Гарри Хиксона, спокойный, настойчивый, говоривший ей что-то очень важное.

— Ты должна отправиться туда, детка,— говорил он ей.— Отправиться туда и выполнить задание. Потом ты должна вернуться сюда...

Как хорошо было снова услышать его спокойный голос.

Карла Сноу заснула. Она спала, и время шло...

— И,— сказала она,— когда я проснулась, я знала, что мне нужно делать. Я должна была отправиться за вами и привести вас обратно. Всех вас. Он хочет, чтобы вы пришли к нему.

— Дитя Звезд! — проскрежетал, словно напильник, генерал Вилер.— Ты его имеешь в виду?

Но Карла упрямо качала головой.

— Я не уверена. Я знаю только, что я должна сделать. Только это.— На ее лице вдруг появилось выражение тревоги.— Здесь меня встретили трое, они испугались. Они заперли меня, они не хотели ничего слушать.

— Майор Ганн, генерал Вилер, мисс Сноу. Следите ли вы за экраном? — пропела сестра Дельта Четыре.

Они повернулись, как один, уставясь на видеоэкраны.

На экране пылало Солнце. Яркий протуберанец успел еще больше вырасти. Он, словно гигантский гребень волны, навис теперь над крейсером Плана, в котором бежали трое — те, что должны были лежать мертвыми. Протуберанец напоминал кобру, готовую нанести удар. И, подобно змее, он ударил. Крейсер изменил курс — слишком поздно! Хотя на экране движение языка пламени казалось плавным, на самом деле он перемещался со скоростью несколько миль в секунду. Как бы ни лавировал крейсер, убежать он не мог. Протуберанец коснулся его. Маленький черный силуэт исчез. Бойс Ганн вдруг обнаружил, что его пробирает дрожь, услышал, как проскрежетал проклятье генерал, стоявший рядом. Крейсер больше не существовал. Гигантский протуберанец начал медленно падать обратно на Солнце.

Генерал первым пришел в себя. Медный ежик волос, твердая бронза черт лица — все дышало решимостью.

— Отлично,— сказал он.— Теперь можно забыть об этом корабле. Вопрос — как нам выбраться отсюда? Второй вопрос — как добраться до Рифов. И попасть на «Сообщность»?

— С этим не должно быть затруднений,— гордо пропела сестра Дельта Четыре.— Машина сказала, что ворота на «Сообщность» должны находиться на этой станции.

Генерал уперся в девушку взглядом своих серо-стальных глаз.

— Но где? За люком шлюза? На скалах? Там мы изжаримся за считанные минуты! Или вы предлагаете нам летать?

Он замер на полуслове, бронзовое лицо застыло, потом он повернулся к Карле Сноу.

— Ваши звери? Что с ними потом произошло? С пространственниками, или как они там называются.

Но Карла покачала головой.

— Так близко от Солнца Белла не могла бы выжить,— сказала она.— Радиация убила бы ее, а вместе с ней и нас всех, потому что мы зависели бы от ее воздушной капсулы. Кроме того, ее нет со мной.

— Тогда как же? — воскликнул генерал.— Должен же быть способ! Оба сообщения — от Дитя Звезд и от Машины — указывают именно на эту станцию!

— Совершенно верно, генерал,— тихо сказала Карла Сноу.— Поэтому я сюда и прибыла. Чтобы доставить вас в Рифы. Я не знаю, каким образом. Я знаю лишь, что это должно произойти.

Комната, казалось, накренилась. Толчок застал их всех врасплох. Они испуганно посмотрели друг на друга, в разной степени удивленные.

— Кажется,— мрачно сказал Ганн,— мы уже нашли эти ворота.

Это ощущение было ему знакомо. Он знал, что для сил, вызвавших его, долгий путь в Рифы мог сократиться до нескольких секунд. Он не чувствовал страха. Наоборот, в том факте, что они скоро встретятся с лицом, вызвавшим такие потрясения по всей Солнечной Системе, заключалось даже облегчение. Но что-то беспокоило его, какой-то вопрос, заданный совсем недавно, на который так и не было дано ответа. Комната снова накренилась, свет померк. И он вспомнил.

— Но почему, Карла? — прохрипел он.

Девушка из Рифов взглянула на него влюбленными глазами.

— Что «почему», Бойс?

— Почему они тебя испугались? Ты сказала, что люди на станции испугались тебя. Почему?

Комната, казалось, содрогается и корчится, словно видимая сквозь бракованное увеличительное стекло. Свет удаляется — или это они удалялись от источника освещения. С каждой секундой между ними рождались все новые кванты пространства, разделяя их, хотя они сами оставались неподвижны, подобно разбегающимся галактикам. И тогда Ганн увидел ответ. Карла могла не отвечать. Он сам увидел причину страха трех членов команды станции. В меркнувшем свете только Карла по-прежнему была видна ясно. Ее лицо, руки, тело ярко светились. Светились золотистым светом.

Они падали сквозь пространство. Путь их был бесконечен, потому что вел в вечность. Потом падение кончилось. Они прибыли в пункт назначения. Они оказались в удивительном новом мире. Вокруг повисли во тьме пространства разноцветные миры Вихря — изумруды, рубины, голубые и чисто белые самоцветы. Медленно пульсировало золотое облако, которое пленило Карлу Сноу, и внутри него висел гигантский корабль-крепость Плана «Сообщность». Карла Сноу описала корабль, но она не могла передать впечатления от его размеров. Это был космический исполин. Бойс Ганн увидел, что они не одни. Какая-то масса метнулась к ним и вдруг замерла на месте, радостно повизгивая. Светящийся красный нос ткнулся в руки Карлы.

— Белла! — воскликнула девушка и похлопала темно-

золотистый бархатный бок животного.— Это мой пространственник,— пробормотала она.— Мы в его воздушной капсуле. Без нее мы не прожили бы здесь и секунды.

— Скорее кончайте с сантиментами, женщина,— проскрежетал генерал Вилер.— Может ли это животное доставить нас на «Сообщность»?

— Мы уже направляемся туда,— сказала Карла.— Посмотрите сами, генерал.

Они приближались к кораблю. Силуэт громадного судна вырастал по мере их приближения. Корабль оказался на более дальнем расстоянии, и размеры его были еще более величественными, чем представлялось Ганну. Он превратился в длинный планетоид из гладкого черного металла, повисший в пространстве между золотым облаком, которое доминировало в сердце Вихря, и вращающимися крохотными мирами, которые разноцветили небо вокруг. Они описали круг и обнаружили зев главного воздушного шлюза у основания корабля, между шестью выступающими черными цилиндрами двигательных установок, поднявших его некогда с Земли. И похоже, все эти годы они ни разу не приходили в действие. У корабля был заброшенный вид. Пространственник без дополнительных указаний, словно его манила невидимая сила, устремился прямо в люк шлюза и замер. Входные ворота «Сообщности» высотой не уступали трехэтажному дому. Когда они вплыли внутрь, кольца светильников на черных стенах вдруг ожили, озарив зал мягким сероватым светом. Огромные створки люка бесшумно задвинулись за ними. Они были замкнуты среди стальных стен. И повсюду на стенах были заметны вмятины и шрамы, словно когда-то здесь происходили грандиозные сражения. Но Ганн знал, что никаких битв здесь не было. Откуда же следы? Не могли ли оставить их метеориты — ведь люк был открыт десятилетиями? Генерал Вилер заметил озадаченное лицо Ганна и проскрипел:

— Пироподы! Они изгрызли мой корабль! Клянусь Планом, я изничтожу всех до единого!

Генерал был прав, понял Ганн. И не только прав, но и охвачен гневом. Это был его корабль, его копия Планирующей Машины. И с ее помощью он намеревался сделать своими все миры Солнечной Системы. Бойс Ганн смутно осознал, что на борту «Сообщности» имелись вещи, гораздо более опасные, чем пироподы. Он вдруг обратил внимание на шорохи и свист насосов и понял, что шлюз наполняется воздухом. Теперь они уже не нуждались в защите капсулы пространственника. И животное поняло это раньше, чем они.

— Белла! — строгим голосом, в котором слышалась любовь, приказала Карла.— Веди себя прилично!

Но разыгравшийся пространственник проявил упрямство. Он метался вдоль зала шлюза, словно пиропод. И у дальней стены обнаружил щель, которой секунду назад там еще не было. Возбужденно мяукая, пространственник протиснулся в узкое отверстие и исчез.

— Ага! — вскричал генерал Вилер.— Наконец-то! Машина ждет меня! — и он исчез почти так же стремительно, как и пространственник.

Остальные последовали за ним, хотя и не так быстро: Карла Сноу, обеспокоенная судьбой любимицы, за ней Ганн, а замыкала колонну мрачная фигура сестры Дельта Четыре в черном балахоне. Псевдогравитационное поле напряжением примерно в одну десятую «ж» позволяло спокойно идти, но избавляло от большей части усилий, которые потребовались бы на подъем по шахтам из шлюза в центральную часть корабля. Но все равно Ганн едва не задохнулся, стараясь не отстать от мчавшегося вперед генерала. Они находились в шахте, уходившей, казалось, бесконечно вверх. Потом они миновали точку, где менялась поляризация псевдогравитационного поля, и шахта превратилась в головокружительную бездну, в которую они падали, пока их тела не переориентировались и не восприняли шахту как горизонтальный коридор. Холодный ветер дул по коридору. Воздух пах пылью, был сух и заставлял их кожу покрываться пупырышками дрожи. Воздушный поток вызывал слабую вибрацию в стенах коридора. Генерал исчез из вида. Ганн замедлил бег, стараясь отдышаться. Воздух был разреженный, он не привык к такому. Наверное, старые воздушные резервуары уже успели почти опустеть. Он оглянулся по сторонам и обнаружил едва заметную серую надпись. «СТОЛОВАЯ 3» было указано на ней. Длинные столы уходили в темноту. Здесь когда-то должны были принимать пищу члены экипажа. Ганн остановился и подождал, пока девушки поравняются с ним.

— Генерал убежал,— сказал он.— Ищет Планирующую Машину. Я... я думаю, что он может ее найти, и очень опасаюсь того, что может тогда произойти.— Он взглянул на Карлу, беспокойство на лице которой было вызвано, в основном, судьбой пропавшего пространственника, и на Дельту Четыре, прикрытые тенью капюшона глаза которой вообще ничего не выражали.

— Если Машина на корабле хотя бы наполовину так могущественна, как та, на Земле,— сказал он,— а мне говорили, что они равны по своим возможностям... тогда Вилер вполне может завоевать с ее помощью всю Солнечную Систему.

— Что мы должны делать? — просто спросила Карла Сноу.

— Нам нужно разделиться. И найти его. Конечно, он вооружен. Не пытайтесь задержать его самостоятельно. Только крикните — погромче — я вас найду.

— Но вы тоже не вооружены, майор Ганн.— Певучий прозрачный голос сестры Дельта Черты казался самим голосом здравого смысла.— Вы не более нас способны с ним справиться.

— Это моя забота! Вы только найдите его... В чем дело?

— Ни в чем, майор Ганн,— сказала сестра Дельта Четыре. Лицо ее по-прежнему прикрывал капюшон.

— Я не вам. Карла, что такое?

— Это... это не опасно,— сказала Карла грустно.— Я хочу сказать, Бойс, чтобы ты не волновался.

Ганн коротко засмеялся, не в силах сдержать себя. Уверенность Карлы была совсем не к месту.

— Нет, нет, Бойс, я говорю правду. Ведь мы все попали сюда не случайно. Меня послали за вами. Дитя Звезд... если это он меня послал... он знает, как справиться с генералом Вилером.

— Я не намерен рисковать,— мрачно сказал Ганн.— Карла, отправляйся по этому проходу. Джули, следуй за ней, проверяя все боковые ответвления. Я осмотрюсь вокруг и пойду за вами.

Он успел пройти половину древнего зала столовой, когда девушки исчезли из виду, и тут только Ганн вспомнил.

«Она не поправила меня, когда я назвал ее Джули,— подумал он.— Интересно, почему».

Столовые 2 и 1 оказались такими же стерильными и пустынными, как и столовая 3. Больше на этом уровне ничего не было. На следующем уровне помещались кубрики экипажа, тоже пустынные. Несомненно, Карла и Дельта Четыре успели осмотреть их. Ганн поспешил к следующему уровню, преодолевая головокружительную инверсию искусственного гравиполя. Далекий шум, который он засек еще раньше, стал громче, но Ганн все еще не мог определить его источник. Только лишь когда он оказался перед закрытой дверью, которая приветствовала его надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА МАШИНЫ», он понял, что это было. За металлической дверью что-то гудело и вибрировало. Та самая потерянная копия Планирующей Машины. Она продолжала функционировать. Или ее снова включили? Генерал Вилер добрался до нее и привел в действие? И что он теперь задумал? Ганн замолотил в дверь.

— Эй, вы, внутри! — заревел он.— Откройте! Впустите меня!

Ему отвечал лишь глухой металлический шум.

— Откройте! — орал он.— Я знаю, что вы здесь, генерал Вилер!

В ушах у него раздался тихий смешок.

— Вовсе нет, майор Ганн,— загудел голос Планирующего.

Ганн стремительно повернулся. Планирующий? Здесь?

Никого не было видно.

— Ты можешь двигаться дальше, Бойс,— посоветовал ему участливый голос кадета М'Буны.— Ты зря теряешь время.

Ганн стоял, как парализованный. Ведь М'Буна мертв! И старик Планирующий, как отлично помнил Ганн, тоже. Его застрелил Вилер.

— Кто здесь? — крикнул он.— Что это за фокусы?

Ему ответил пронзительный крик девушки.

— Бойс! Бойс Ганн, где ты?!

Это был голос Карлы Сноу. В отличие от голосов фантомов, этот доносился откуда-то издалека. Ганн провел рукой

по вспотевшему лбу. Он задел металлическую пластинку контактора и почувствовал, как старая боль воспоминания снова поднимается внутри. Мгновение бесконечного наслаждения... желание еще раз испытать это чувство... Он подавил эту мысль, хотя это и было нелегко. Что с ним происходит? Он теряет разум? Он уставился пустым взглядом на неприступные двери. Столько труда, столько беспокойства — ради чего? Зачем он забрался так далеко? И эта мысль, понял он вдруг, потрясенный, тоже была результатом иллюзии. Что-то проникло в его сознание... Что-то... Он вспомнил, о чем говорила Карла, что кричал в бреду полковник Зафар. Ловушка сознания. Бойтесь тайных желаний... Нечто на борту «Сообщности» обладало способностью проникать в сознание. Нечто, способное управлять им с такой же легкостью, с какой управляло пространственником Карлы. Он услышал, что к нему быстро приближаются шаги. Кто-то бежал в его направлении.

— Бойс! — это была Карла Сноу.— Слава небу, я тебя нашла! Генерал... пытался меня убить...

Ганн подхватил ее на руки. Девушка вся дрожала.

— По-моему, он сошел с ума. Он увидел меня... в руке его был пистолет... Он едва не застрелил меня...

— Я думал, он здесь, внутри,— тупо сказал Ганн.— Возле Машины.

— Нет! Он на следующем уровне... в рубке огневого контроля... кажется, было так сказано на указателе. Там одни камеры и бронированные двери. Мы его там никогда не найдем.— Она глубоко вздохнула и осторожно высвободилась из его рук.— Но нам нужно идти, Бойс. В рубку управления.

— В рубку управления?

Она кивнула.

— Я должна привести вас туда. Это в четырех уровнях над нами. Нужно войти в переход, обозначенный указателем «МОСТИК.

— Ты была на этом корабле раньше?

— Нет, нет! Я просто знаю. Пойдем, Бойс. Нам нужно спешить.

Он пожал плечами, повернулся, чтобы последовать за ней... и едва не упал. Он легко восстановил равновесия в слабом тяготении палубы, потом посмотрел на пол, чтобы определить, на чем он поскользнулся. Перед запертой стальной дверью лежала цепочка тонических четок. Это были четки сестры Дельта Четыре. Теперь Ганн знал, кто скрывается за запертой дверью, с отчаяной жаждой стремясь снова войти в сообщность с Планирующей Машиной.

Дверь с надписью «МОСТИК» была широко распахнута. Изнутри на пол палубы падал веер слабого желтоватого света.

— Входи, Бойс,— громко сказала Карла Сноу.— Бояться нечего. Он ждет тебя.

Ганн вошел в открытую дверь, держа в руке руку Карлы. Он был готов почти ко всему. За дверью находилось обширное круглое помещение, замыкавшее в кольцо шахтовый коридор. Пол занимали группы серых металлических шкафов, все они подсоединялись к сплетениям разноцветных толстых кабелей, спускавшихся с потолка. Здесь располагались посты наблюдения, технического контроля, кресла навигаторов и офицеров-оружейников. Все посты были давно оставлены. Все они пустовали. Кроме одного. В рубке управления был один человек, и именно он являлся источником золотистого света.

— Гарри! — воскликнула Карла Сноу.

— Гарри Хиксон! — эхом повторил Ганн.— Вы! Вы и есть Дитя Звезд, тот, что послал Требование Освобождения!

Человек мельком взглянул на них, потом вновь занялся работой. Он сидел за пультом рядом с шахтой. Его голова склонилась над сверкающими растрами экранов. Его толстые сильные пальцы быстро двигались по клавишам и кнопкам, перекидывая тумблеры, поворачивая верньеры. И его тело, изливало золотистый свет, словно частица Солнца. Он выглядел моложе, чем тогда, когда с ним встретился Ганн. У него была та же спутанная борода. Теперь она светилась, как раскаленная проволока. И на той же самой лысой голове устроился тот же самый детеныш пироподa. Его красные глаза, сверкая, уставились на девушку и Ганна. Наконец, Гарри Хиксон отвернулся от приборов и посмотрел на них.

— Я исполняю то, что мне приказано сделать,— заметил он как бы между прочим. Его глаза тоже светились золотом. Но он прекрасно видел вошедших, и в выражении его лица было что-то вроде доброжелательности, приязни, даже любви. Он поднял руку, согнул кисть в знаке Лебедя и сказал: — Звезда говорит мне, что я должен делать. Я исполняю волю Звезды, а не свою.— Маленький пироподзашипел и завозился, глядя на Ганна и девушку пульсирующими красными глазами. Светящееся существо, которое когда-то было Гарри Хиксоном, ласково сняло животное со своей головы и погладило. Пироподуспокоился.

— Это вы погасили Солнце? — громко спросил Ганн.— И звезды? Это вы? Каким образом?

— Нет, не я,— сказал Гарри Хиксон.— Не я, а Звезда.— Он снова сделал рукой волнообразное движение.— Десять лет Звезда составляла план действий для меня. Десять лет назад она послала первый сигнал на Землю, потом еще дюжину, которые прибыли одновременно. Для Звезды нет ничего невозможного. И ты скоро это узнаешь.

Говоря это, он протянул вперед руку. Это было как будто благословение, подумал Бойс Ганн. Но это было нечто большее. С ладони золотой руки старика всплыло золотистое облачко, образовало крохотную пульсирующую сферу, поплыло вперед и нежно коснулось Ганна. Не выдержав, он отпрыгнул назад. Но он ничего не почувствовал. Совсем ничего. Он хрипло сказал:

— Что это? Что ты делаешь?

— Исполняю волю Звезды,— ответил Гарри Хиксон и снова склонился над пультом. Его светящиеся пальцы забегали по кнопкам и тумблерам.

— Сестра Дельта Четыре вошла в сообщность с Машиной,— тихо сказал он, не отрывая глаз от экранов.— Она запрограммировала ее таким образом, что теперь она может связаться со старой Машиной на Земле. Через тридцать часов сигнал достигнет Земли. Еще через тридцать часов он вернется

— Но старая Машина сошла с ума! — воскликнул Ганн.— Вы должны знать это! Ведь это вы сами сделали!

Светящийся человек даже не поднял головы.

— И генерал Вилер! Где он? Он тоже сошел с ума. Или с безумной страстью рвется к власти — это одно и то же. Как вы можете просто так вот сидеть? Что он делает, пока мы зря тратим время?

— Что касается генерала,— сказал золотой человек,— то мы о нем очень скоро услышим.

И в рубке раздался хриплый смех Вилера.

— В самом деле, очень скоро! — проскрежетал его металлический голос, раздаваясь ниоткуда.— Теперь вы все у меня в руках! Я управляю «Сообщностью»! Ее огневые системы подчиняются мне... и это значит, что все миры принадлежат тоже мне! Все!!! Но сначала я разделаюсь с вами.

Его слова были подтверждены тихим шорохом металла о металл. В стальных стенах рубки открывались скрытые амбразуры. Из них в рубку заглянули блестящие тонкие стволы лазерных излучателей, уставясь точно на группу стоящих. Их целью был Бойс Ганн, девушка и светящееся золотое существо, которое когда-то было человеком по имени Гарри Хиксон. Генерал Вилер завладел управлением оружейной системы корабля — как наружной, так и внутренней. Теперь их жизни зависели от движения пальца генерала, лежавшего на спуске автоматического управления огнем. Одним движением один человек мог уничтожить их всех. И к тому же он был безумцем.

Светящийся человек поднял голову.

— Действие и противодействие,— строго сказал он.— Толчок и отдача, вызов и ответ.

Его золотая рука повернула рычаг на пульте, и один из десятка темных экранов перед ним загорелся, показав жесткое бронзовое лицо генерала. Его серо-стальные глаза пылали радостью триумфа.

— Вот вам вызов,— сказал Гарри Хиксон и снова повернулся к индикаторам и экранам.

— Но отвечать вам нечем! — проскрежетал генерал Вилер.— Вы проиграли! Вы все! Вместе с вашей дурацкой романтической иллюзией свободы!

Он упивается этой секундой, подумал Ганн. Карла Сноу прижалась к нему. Незаметно для себя он обвил ее рукой. Они оба смотрели на экран и на мертвенные стволы лазеров, окружающих их со всех сторон.

— Вы жертвы романтического заблуждения,— заявил генерал, поглаживая бронзовой ладонью спуск, который должен был уничтожить их всех.— Это можно понять. Животное, составляющее часть человека, всегда пыталось встать над сдерживающей его дисциплиной. Оно ищет свободы, и этого нельзя оставить просто так для нашего всеобщего блага. Особенно же для блага человека, который должен думать за всех. Такого, как Цезарь, Наполеон. Как я.

Ганн чувствовал, как Карла вздрагивает всем своим стройным телом, и крепче прижал ее к себе. Если бы можно было добраться до Вилера! Если бы у него было какое-то оружие! Светящееся золотое существо, бывшее Гарри Хиксоном, спокойно кивало, не поднимая глаз.

— Я сносил ваше присутствие,— провозглашал с экрана генерал,— потому что вы не могли нанести большого вреда. В прошлом отдельный человек ничего не стоил перед силами масс. Но развитие технологии изменило положение. В двадцатом веке появилось ядерное оружие, потом лучевое. Один качественный скачок за другим... И вместе с ростом возможностей индивида должен был расти контроль за ним.

На лице Вилера маска бесстрастности сменилась маской гнева.

— Вы угрожаете этому контролю! — крикнул он.— План Человека превратился в воздушный шарик, проткнутый мальчишкой с иглой в руке. Эту иглу держит Дитя Звезд! Дитя Звезд должен умереть!

Золотой человек не поднял головы, продолжая хранить молчание. Его глаза были прикованы к пульту, маленький пиропод ерзал у него на голове, время от времени шипя и плюясь дымом.

— Человек создал Машину, чтобы автоматизировать операции контроля! — завопил генерал Вилер, его глаза пылали.— Теперь она подчиняется мне! Теперь это м о е создание! Один человек будет править человечеством с помощью Машины, этим человечеством созданной!

Наконец Гарри Хиксон поднял глаза. Казалось, они пронизывают экран, глядя прямо в серо-стальные глаза Вилера.

— А кто,— спросил он,— создал тебя?

Генерал Вилер отпрянул. В его стальном взоре появилась растерянность.

— Это анти-Плановый вопрос! — воскликнул он.— Он не имеет смысла!

Глаза его снова стали непроницаемо-решительными. Он быстро, машиноподобно кивнул.

— Вы — случайный элемент,— заявил он.— Вас нужно устранить. И я устраню вас — так!!!

И его мощная бронзовая ладонь опустилась на рукоятку спуска, управлявшего огнем лазеров, кольцом опоясывавших рубку. Но выстрела не последовало. Тонкие блестящие стволы излучателей слепо смотрели на Ганна и Карлу, на светящееся существо за пультом, склонившееся над циферблатами и экра-

нами. Генерал Вилер смотрел сквозь них, бронзовую маску его лица оживляло выражение триумфа. Он сказал вполголоса самому себе:

— С ними покончено,— и отвернулся.

Тихо, почти бесшумно стальные рыла излучателей втянулись в свои гнезда, на амбразуры надвинулись крышки.

— Что произошло? — прохрипел Бойс Ганн.— Почему он нас не убил?

Карла Сноу протестующе зашевелилась, и Ганн обнаружил вдруг, что сжимает ее, как утопающий — спасательный круг. Ему казалось, что комната вокруг вертится, как карусель. Гарри Хиксон поднял голову, но он смотрел не на Ганна и не на Карлу. Он смотрел в сторону двери, через которую они вошли.

— Генерал Вилер,— сказал он,— убил нас. И в его восприятии мы мертвы. То, что мы продолжаем существовать во плоти, более его не касается. И его существование более не касается нас.

— Гипноз? — прошептал Ганн.— То, что полковник Зафар называл «ловушкой сознания»?

Но Хиксон не ответил. Он не отрывал взгляда золотистых глаз от дверного проема.

Карла Сноу высвободилась из объятий Ганна.

— Ты болен, Бойс,— сказала она.— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Скоро тебе станет легче, честное слово. Ты не волнуйся... ни о чем. Мы теперь в надежных руках.

Ганн непонимающе посмотрел на нее и вдруг почувствовал, что его сотрясает дрожь. Тридцать лет не иметь даже насморка и в такой момент, как сейчас, подхватить инфекцию? К а к у ю и н ф е к ц и ю? — спросил он себя. Почему этот вопрос кажется таким важным? Она сказала — не волнуйся. Ганн оглянулся по сторонам. Может, все, что он видит,— результат горячечного бреда... Или галлюцинация? Наведенная Звездным Дитя? Он вдруг услышал далекую музыку. Звук приближался. Еще одна галлюцинация, конечно, подумал он. Смутное воспоминание о тех днях, когда он был служителем Машины, то есть готовился им стать... Но если это была галлюцинация, то чрезвычайно мощная. Звук был тонким, но ясным, и, проследив за взглядом Гарри Хиксона, Ганн понял, что галлюцинация — если это была галлюцинация — оказалась не только звуковой, но и зрительной. Через дверь в рубку вошла сестра Дельта Четыре. Лицо ее скрывал капюшон, над сердцем горела красная эмблема Машины. Она перебирала четки-сонары. И в руке она сжимала устройство, сложное целое из транзисторов, контуров, модулей-усилителей и динамиков. Это был связь-куб! Но не компактная черная коробочка, изготовленная в мастерских Машины на Земле, а на скорую руку собранное, на живую нитку соединенное устройство, которое теперь, после обучения, мог бы изготовить даже Бойс Ганн. Совершенно очевидно, что именно этим сестра Дельта Четыре была занята за стальной дверью — она собирала новый связь-куб!

Без всякой поспешности, с равнодушным, холодным лицом, Дельта Четыре отложила тональные четки и пропела в связь-куб. Он ответил скрежещущей серией нот, так стремительно, что Ганн ничего не успел понять. Дельта Четыре подняла голову и сообщила:

— Теперь моим повелителем является эта Машина. Она требует от вас всех известных вам сведений. Она знает, где она была построена. Она понимает свое назначение как функцию соперника. Она требует проинформировать ее, что случилось с Игрой.

Соперник? Игра? Чувствуя, как кружится голова, Ганн повернулся к Хиксону, надеясь получить какой-нибудь ответ, какой-нибудь намек. Но Хиксон больше не смотрел на сестру Дельта Четыре. Кивая своим мыслям, золотой человек тщательно отключал приборы пульта. Индикаторы и экраны гасли один за другим. Умирали вереницы бегущих огней. Пальцы его больше не прикасались к регуляторам и клавишам. Чем бы он ни был занят до сих пор, теперь он завершал свою работу. Он сложил руки на коленях, поднял глаза на сестру Дельта Четыре и замер в ожидании. Связь-куб фыркнул. Прежде чем она успела перевести вопрос, Ганн уже понял, что он значит. Машина требовала полностью пояснить свой вопрос, чтобы не было риска непонимания. Дельта Четыре послушно пропела:

— Эта Машина желает, чтобы вы познакомились с предысторией процесса. Вы ошибаетесь относительно назначения Машины и ваши мысли должны быть приведены в соответствие с истиной, чтобы вы смогли обеспечить Машину соответственно верной информацией. Машина, находящаяся на борту «Сообщности», не является придатком Планирующей Машины на Земле. Она имеет более серьезное назначение. Это назначение вытекает из законов разумной жизни, выведенных Планирующей Машиной-1. Хотя разум может иметь различную материальную основу, процессы мышления в машинах следуют тем же законам, что и мышление в органическом мозгу. Вызов в ответ на вызов. Действие и противодействие. Машина обнаружила, что для развития разуму требуется соперник.

Сестра Дельта Четыре сделала паузу, прислушиваясь к чирикающему связь-кубу.

— Разум, не имеющий соперника, загнивает и погибает,— пропела она.— Более сорока лет назад Машина-1 обнаружила, что ей грозит опасность. Дальнейшее ее развитие требовало появления более мощного противника, чем разум людей-операторов. Другими словами: по другую сторону доски должен был сесть более искусный игрок.

Казалось, Гарри Хиксон кивнул. Он сидел, сложив руки на коленях. Пироподт тихо шипел, наблюдая за происходящим огненными глазами.

— Машина на борту «Сообщности» была построена именно с этой целью — чтобы обеспечить Планирующую Машину соперником. Она была наделена возможностями, равными

возможностям самой Машины-1. Она была оставлена на свободе за пределами Космической Завесы.

Но противник Машины начал вести себя анти-Планово,— пропела она, прислушиваясь к трели связь-куба.— Он избавился от людей-служителей. Они были выброшены за борт корабля. Она полностью прекратила связь и удалилась за пределы наблюдения Машины-1. Ее ходы делались в секрете и не служили цели, которую имела в виду Машина-1.

Бойс Ганн, наполовину слушавший перевод, а наполовину старавшийся разобраться в жужжании и фырканье механо, издаваемых связь-кубом, задумчиво спросил:

— Так значит, в этом весь смысл? Всего лишь ходы фигур в гигантской шахматной партии. Культ Звезды. Дитя Звезд. Его угроза погасить Солнце. Все это вызов и ответ, которые должны помогать Машине развиваться?

Связь-куб сердито фыркнул, и Дельта Четыре пропела:

— Машина не имеет данных для ответа на вопрос. Она восстановила контакт с Машиной-1 на Земле, но из-за ограниченной скорости распространения электромагнитных волн она получит ответ лишь через шестьдесят часов. Она не хочет ждать. Она ждала сорок лет. В качестве рабочей гипотезы Машина-2 выдвигает предположение о случайной ошибке в каком-то пункте Плана. Потому что она не исполнила своей функции. В результате она пришла к выводу, что Машина-1 на Земле разрушилась в результате застоя. Но ей ничего не известно о Звездном Дитя. Именно поэтому она хочет получить информацию от вас.

Ганна теперь всего трясло. Но, как ни странно, сознание его прояснилось. Иллюзорная ясность бреда, подумал он. Но недостающие части головоломки начали наконец становиться на свои места. Он рассеянно коснулся руки Карлы Сноу, чтобы успокоить ее. Карла с тревогой смотрела на него.

— Бойс,— прошептала она,— с тобой все в порядке? Не волнуйся. Скоро тебе станет легче.

Бойс Ганн заставил дрожь утихнуть и, стараясь не показать, что у него стучат зубы, сказал:

— Мы не знаем ответа, сестра Дельта Четыре. В этой головоломке не хватает одной части.

— Говорите,— пропела девушка в черном балахоне.— Сообщите ваши сведения. Машина-2 их обработает.

— Не думаю,— сказал Ганн.— Если Машина не стоит за Звездным Дитя, то у нее нет объяснения всем фантастическим явлениям, которые мы наблюдали. Погашенное Солнце... эта галлюцинаторная атмосфера «Сообщности»... И тот способ, которым мы сюда попали — прежде всего! Великий План, как все это было возможно? Я был в сообщности с Машиной. Я знаю ее возможности. Они не включают способности гасить звезды или мгновенно перемещать людей в пространстве на расстояние в двадцать миллиардов миль! Вызов и ответ, игрок и его противник — это понятно. Но игроки должны соблюдать правила игры, а мы видели, как все правила были нарушены!

Сестра Дельта Четыре наклонила голову в капюшоне и спокойно пропела ответ Ганна в связь-куб. Она подождала ответа. Она ждала... ждала... Машина-2 молчала. Сестра Дельта Четыре с едва заметно обеспокоенным лицом повторила серию звонких нот. И снова ответа не было. Теперь уже встревоженная, она осторожно опустила связь-куб на колени, вопросительно глядя на Ганна и Гарри Хиксона. Ее рука непроизвольно потянулась к тональным четкам, и она принялась извлекать из бусин хрустальные гаммы, звучащие, как молитва в надежде на обретение уверенности. Наконец Гарри Хиксон как будто вздохнул, шевельнулся и заговорил.

— Когда «Сообщность» прибыла в Рифы,— сказал он,— то предполагалось, что мы, свободные мужчины и женщины, войдем в План Человека, сохраняя свободу. Среди членов команды находились лучшие представители человечества: человек по имени Райленд, его жена, ее отец, тогдашний Планирующий. И твой отец, Карла. Они были выброшены в пространство как раз здесь, в Вихре. Некоторые погибли, как Райленд. Некоторые, те, кто находился рядом с помещениями пространственников, смогли добраться до обитаемых рифов — как, например, доктор Сноу. Но Машина на борту корабля оказалась вне связи со своей предшественницей на Земле. Великая игра, в которой ей предстояло играть, не была начата... пока. Игра должна была вестись, но не по правилам, установленным Машиной. Ни первой, ни второй. Понимаете, в Игру вступил третий Игрок.

Гарри Хиксон вдруг встал, обеспокоив пиропода, вцепившегося в его золотой голый скальп. Он рассеянно погладил его и повернул сверкающий взгляд к сестре Дельта Четыре.

— Спроси свою Машину,— потребовал он,— что является физической основой разума?

Сестра Дельта Четыре нагнулась, чтобы пропеть вопрос в неуклюжий самодельный связь-куб, выслушала ответ.

— Средства ввода информации,— сладко пропела она.— Средства их хранения. Средства обработки. Средства выдачи информации. В машинах это достигается с помощью магнитного слоя лент и электрических контуров. У органических существ — с помощью нервов и нейронов.

Гарри Хиксон кивнул золотокожей головой.

— Сообщите вашей Машине,— сказал он,— что существует следующая физическая система. Она получает лучевые сигналы и накапливает их в виде зарядов. Она состоит из заряженных частиц, электронов и других, каждая из которых имеет два стабильных состояния. В одном состоянии спин электрона параллелен вращению ядра. В другом — не параллелен. Такой электрон является ячейкой памяти.

Связь-куб заворчал.

— Машине известны эти элементарные факты,— пропела Дельта Четыре.

— Дополните эти факты новыми,— серьезно сказал Гарри

Хиксон.— Добавьте сюда сеть фузоритов, более древнюю, чем сама Галактика, более мощную, чем любая машина. Прибавьте массы сверхэнергетического газа, родственные этой сети. Добавьте также, что в этих газовых массах электроны способны функционировать как накопители информации.

Девушка склонилась над связь-кубом, потом подняла голову.

— Машина считает, что вы описываете звезды,— мелодично пропела она.

И Гарри Хиксон медленно кивнул. Его сверкающая золотистая рука поднялась и совершила волнообразное плавное движение — знак Лебедя.

— Звезду, которой я служу.

Связь-куб зафыркал.

— В таком случае,— пропела Дельта Четыре,— Машина считает, что эти газовые массы в соединении с фузоритной сетью, как ее описываете вы, могут легко стать физическими носителями разума.

Она подняла глаза на Хиксона.

Он еще раз кивнул и торжественно сказал:

— Как мы видим, любая материя может быть носителем разума. Вся масса Вселенной, находящейся в процессе динамического равновесия, является базой для разума. Вся масса Вселенной, бесконечной в пространстве и времени, предстает теперь перед нами как носитель разума Бога.

Связь-куб яростно зажужжал, и сестра Дельта Четыре протянула: — Машина просит ответить. Что есть Бог?

Гарри Хиксон медленно поднялся. Глядя на его золотое лицо, Ганн увидел, что следы древнего потрясения, ужасного бремени, постепенно разглаживаются. Какова бы ни была его обязанность, теперь он ее исполнил. Следя за Машиной в «Сообщности», исполняя приказы своих владык, звезд, он, казалось, исполнил все, что должен был исполнить.

Он повернулся к Ганну. В глазах его светилось что-то, очень похожее на симпатию.

— Ты называл меня Звездным Дитя, Ганн. Но ты ошибался.

Он снял с головы пиропода, ласково погладил его и отпустил на свободу. Шипя, издавая вопли, тот выпустил огненную струю и попытался вернуться на любимый насест. Но Хиксон поднял золотую руку, отвел детеныша в сторону. Маленькое чудовище снова испустило вопль, описало вокруг Гарри круг и, набрав скорость, вылетело в дверь, помчавшись по длинному широкому коридору палубы.

Гарри Хиксон проводил пиропода взглядом, потом повернул безмятежные глаза к Ганну.

— Дитя Звезд не существовал,— сказал он.— До сих пор. Но скоро он возникнет. Это будет Человек. И мост. Соединительное звено между машинами и звездами.

— Бойс Ганн,— продолжал он, поднимая руку в своем волнообразном необычном жесте почтения.— Им станешь ты!

— Нет! — воскликнул Ганн, вырываясь из рук Карлы

Сноу, которая пыталась его успокоить. Одним прыжком он пересек рубку и встал перед спокойным золотолицым Гарри Хиксоном.— Я не стану! Я не желаю участвовать в этом безумии с чудесами и мыслящими звездами!

Гарри Хиксон ничего не ответил. Он просто стоял и смотрел на Ганна светящимися золотыми глазами. Карла мягко сказала. — Бойс, дорогой. У тебя нет выбора.

Ганн резко повернулся.

— Что значит — нет выбора? Я не стану, вот и все! Я не...— Он замолчал, смешавшись. Он не станет... что? Что делать? Рубка, казалось, кружилась вокруг, вызывая тошноту. Он протянул руку и оперся о спинку кресла астрогатора, чувствуя, как трясутся руки. Он быстро поднял голову и увидел, что Карла Сноу не спускает с него полного теплоты взгляда Потом Ганн понял, что значит это головокружение.

— Золотое облако, которое Хиксон выпустил на меня! — прохрипел он. — Он меня заразил... со мной будет то же самое, что и с ним... И с полковником Зафаром... И с тремя людьми станции на Меркурии... как с тобой, Карла.

Она кивнула.

— Это совсем не плохо, Бойс,— прошептала она.— И ты станешь частью... чего-то огромного, Бойс. Чего-то, что заполняет всю Вселенную.

— Но я не хочу! — в отчаянии выдохнул он. Он уже познал чувство слияния с чем-то огромным, когда испытал на Земле сообщность с Машиной. И как воспоминание, которое невозможно стереть, память об этом неустанно преследовала его... Это желание вдруг опять поднялось в нем с новой силой. Он коснулся металлической пластинки на лбу, взглянул на сестру Дельта Четыре. Связь-куб фыркал и ворчал. Она молча поднялась и протянула ему связь-куб. От него отходил провод, заканчивающийся электродами... которые точно пошли бы в отверстия на блестящей пластинке, которую Ганн носил во лбу.

Нет,— снова прошептал он, ища взглядом Гарри Хиксона.

Но Гарри Хиксон исчез. В том месте, где он стоял, остался в воздухе едва заметный, тонкий, как дым, силуэт человека, сотканный из тончайших струек золотистого тумана. Прямо на глазах Ганна остатки Хиксона... растворились. Тонкие золотистые лучи сорвались со скелетообразного очертания, оставшегося от Хиксона, пронизали стены рубки и, очевидно, умчались в пустоту, присоединившись к большому золотому облаку, пульсирующему снаружи. И по мере исчезновения каждой золотистой искры очертания фигуры становились все прозрачнее и прозрачнее... Потом не осталось ничего. Гарри Хиксон исчез бесследно.

— Карла,— в отчаянии прошептал Ганн, поворачиваясь. Но она тоже покидала рубку. Ее золотое лицо и волосы начали мерцать, теряя материальность.

Прощай, Бойс,— прошептала она.— До встречи...

Рядом с ним стояла сестра Дельта Четыре, прикрыв лицо тенью капюшона, протягивая ему связь-куб.

Бойс Ганн глубоко вздохнул, крепко зажмурил на мгновение глаза, потом снова открыл их.

— Прощай, Карла,— сказал он, хотя от девушки уже почти ничего не осталось и некому было ответить. Он взял связь-куб из рук Дельты Четыре.

— Прощай, Джули,— сказал он и осторожно, но без тени сомнения поднял ко лбу кабель с электродами сообщности, которые ввел в отверстия пластинки-контактора.

Сообщность была экстазом. Вечным и бесконечным. Ганн ждал его наступления, пока, казалось, вся Вселенная не замерла вокруг него, затаив дыхание. Но экстаз не наступил. Он взглянул в глаза сестры Дельта Четыре, притененные краем капюшона, но ответа так и не нашел. Что произошло? Почему задерживается сообщность? Он вспомнил, что говорила ему Дельта Четыре. Что невообразимый импульс наслаждения, который он испытал на Земле, был лишь бледным подобием великого единения мыслей и ощущений, которое получали более опытные служители. Не просто удовольствие, но слияние личности, вопроса и ответа между человеком и Машиной. Ганн как следует сформулировал в сознании вопрос, произнося его на чистейшем механо, которым овладел его мозг, но с которым не могли справиться его голосовые связки.

— Где ты? Почему ты мне не отвечаешь?

Из пустоты в его мозгу вдруг реализовался один-единственный звук, который и был ответом:

— Жди.

Ждать? Но чего? Ганн почувствовал, что сотрясающая его лихорадка усиливается, и беспомощно взглянул на Дельта Четыре. Не говоря ни слова, она коснулась его руки, указывая на кресло астрогатора. Он рухнул на сиденье, ожидая прояснения, которое могла принести ему Машина, ожидая великого Чего-то, что должно заговорить с ним и ответить на его вопросы. И пока он ждал, микроскопические фузориты в его теле стремительно размножались. Они насыщали его кровь клетками-симбиотами, которые неизбежно поглотят его, как они поглотили Гарри Хиксона, полковника Зафара и Карлу Сноу... Они заменят его органы, кости скелета и нервы последовательно соединенными фузоритными скоплениями. Этого ли он ждал? Превращения в конгломерат фузоритов, нечеловеческую структуру, способную войти в связь с разумом, который, по словам Хиксона, обитал в звездах? Он взглянул внутрь собственного тела, увидел крохотные золотые искорки, увидел, как быстро они множатся в числе... И вдруг он осознал, что он только что сделал. Он видел свое собственное тело изнутри! Изнутри!!! Он позволил себе расслабиться и проверить осенившую его мысль... И тут же понял, что смотрит на себя — но со стороны. Он заглядывал в рубку управления «Сообщности», словно находясь в какой-то точке, удаленной от корабля на многие мили, с какого-то яркого, как самоцвет, планетоида

Вихря, медленно вращающегося вокруг центральной области. Он видел «Сообщность» во всей впечатляющей мощи ее размеров... мог заглянуть внутрь, где его собственное тело и сестра Дельта Четыре терпеливо ждали в рубке управления... и в рубку огневого контроля, где безумный генерал Вилер заливался смехом, выпуская иллюзорные разряды разрушительной энергии по воображаемым врагам... и мог взглянуть еще дальше, где распростерлась бы под ним вся Солнечная Система... Он видел маленького пиропода, стрелой мчавшегося к рифу, где он родился, увидел сам крохотный риф и пещеру, где он обитал, пока Гарри Хиксон кормил его и ухаживал за ним. Он увидел скромный храм на одинокой скале, где темно-голубой фузоритовый мох поддерживал редкую атмосферу и где два десятка людей собрались на очередную службу и преклонили колени перед сверкающим голубым Денебом над головой. Он увидел планеты Плана Человека, охваченные паникой катастрофы, где безумная Машина отдавала один за другим противоречивые приказы, подкрепляя их разрядами энергии, бросаемыми в пустоту, наугад. Он увидел пустую станцию на Меркурии, над которым навис лик Солнца, и понял, что их светило тоже обладает собственной жизнью и сознанием... жизнью, которая протянула руку, поглотив три отдельных частицы фузоритной материи, осмелившихся приблизиться достаточно близко для соединения. Он увидел другие звезды и газовые облака, увидел, как подобно струям фонтанов во Вселенную вливается новая материя. Он устремил взгляд в бесконечные пределы вечности и обратил его к золотым атомам собственного сердца. И потом, молчаливое и обширное, и вызывающее благородный ужас, это Нечто произнесло его имя. Звезда заговорила с Машиной. Машина ответила Звезде. И Бойс Ганн, обыкновенный человек, сотворенный в соответствии с генокодом углеродной жизни, согнувшийся, как служитель Машины, в кресле у пульта навигации корабля Плана, трансформированный глобулами фузоритов в новое существо, носящее печать родства со звездами... Бойс Ганн служил посредником в этой жуткой и долгой беседе. Она продолжалась вечно, хотя в системе времени планет, вращавшихся вокруг Солнца, или луча света, пролетавшего ограниченный промежуток, она заняла всего несколько минут или часов. Она длилась и длилась... И даже когда в посредничестве Бойса Ганна не было уже необходимости и он был освобожден, даже и тогда она продолжалась. А потом беседа кончилась. Навсегда.

Бойс Ганн открыл глаза и оглядел комнату, в которой лежал. Рядом неподвижно стояла сестра Дельта Четыре, она спокойно смотрела на него. Он легко встал. Он потянулся, зевнул, вытащил электроды кабеля из контактора во лбу, аккуратно обмотал провод вокруг самодельного связь-куба и... отшвырнул его в сторону. Связь-куб медленно пролетел через рубку в слабом псевдогравитационном поле корабля — но когда он ударился о стенку, он превратился в сотню осколков. Сестра

Дельта Четыре мяукнула в ужасе. Ганн тронул ее за руку.

— Не бойся, Джули, он тебе больше не нужен.

Она уставилась на него.

— Я служу Машине! — гордо воскликнула она.— Меня зовут сестра Дельта Четыре, а не Джули Мартин! Я...

Но он качал головой.

— Никогда больше не будешь ты Дельтой Четыре,— сказал он.

Капюшон упал на ее плечи, но она даже не заметила этого. Открылась ее голова с коротко остриженными темными волосами, блестящий диск пластинки контактора во лбу. Она тронула пластинку дрожащей рукой.

— Я... я не понимаю! — прошептала она.— Я... я не ч у в с т в у ю присутствия Машины...

Ганн кивнул.

— Ее больше нет,— подтвердил он.— И никогда не будет.— Он коснулся собственной пластинки.— Когда мы вернемся на Землю,— сказал он,— мы снимем эти железки, а вместе с ними вытащим из мозга все электроды. Они нам не понадобятся. Они никогда никому больше не понадобятся.

— А потом,— продолжал он, обнимая ее одной рукой, пока сестра Дельта Четыре корчилась в мучительных судорогах, снова превращаясь в Джули Мартин, стеная и всхлипывая,— а потом мы начнем снова с того места, где остановились. Ты и я... и все Человечество.

И он оставил ее одну, отправился к старинному пульту связи и начал настраивать передатчик, чтобы послать сигнал бедствия с мертвой «Сообщности».

Вот так все это началось. Звезды промигали человечеству предупреждение, и Машина бросила вперед своих агентов и служителей, пытаясь найти противника, смысл, способ собственного спасения. Началось все с тени, накрывшей миры Плана Человека, а завершилось ярким сиянием могучих звезд, осветивших людям новую дорогу. Машина вела игру сама с собой, ей нужен был соперник. Потом игра кончилась навсегда громовым диалогом между Машиной и звездами. Машина слишком поздно вошла в игру, и места за столом были уже заняты. Вот как это началось... и как кончилось. Легендой о Люцифере, историей о страданиях и зле... и вечной надежде на лучшее. Машина слишком поздно села к столу, когда все места были уже заняты. С одной стороны были звезды, соединенные сетью фузоритов, а с другой — их Соперник... переставший быть рабом своей животной детской оболочки... переставший быть рабом Машины... уже более не добыча для фузоритной инфекции... Соперник готов был сделать свой ход.

Многие эпохи тому назад звезды дали ему рождение, но теперь он вступил в пору возмужания. Он был готов занять свое положение, получить свой статус и имя.

Его положение — Соперник самих Звезд.

Его статус — равнозначен Вселенной.

Его имя — Человечество.

БЛУЖДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Внезапно загоревшийся свет вызвал боль в глазах, грубо вырывая его из сна, в котором он видел Молли Залдивар. Слепо нащупывая рукой опору, он обнаружил лишь что-то теплое и податливо-мягкое. Его охватило паническое чувство — он не мог понять, где очутился.

— Монитор Квамодиан!

Благозвучный синтетический голос сразу привел его в чувство. Исследовательская станция в системе Эксиона. Человеческое обиталище на планете Эксион-4. Кибернетическое жилище, которое он построил для того, чтобы делить его с Молли — пока она не бросила его. Теперь он был здесь один, плавал в невесомой спальной капсуле, как голый зародыш в голом пластиковом чреве.

— Монитор Энди Квамодиан! — в отчетливом голосе робота-капсулы появилась настойчивость.— Корреспондент имеет для вас сообщение по трансфаксу.

Он протестующе застонал, полный обиды, и попытался вернуться в сон о Молли Залдивар. Каким-то образом ему удалось ее отыскать. Он дрался с Клифом Хауком за право забрать ее обратно, он выигрывал...

— Монитор, прошу вас!

Он скорчился внутри мягкого кокона, стараясь вернуть приятное чувство сна. Ему хотелось повторить захватывающее дыхание чувство триумфа, победы над Хауком, будоражащую кровь уверенность, что Молли хочет его победы. Но весь сюжет сна исчез, едва он попытался удержать его. Полностью проснувшись, он уже не мог понять, где именно в скоплении галактик нашел он Молли и Хаука. Он не мог вообразить ни одной реальной ситуации, в которой мог победить Хаука или поверить полностью, что Молли хочет его победы. Его прищуренные глаза открылись, уставившись на изображение в зеркале капсулы. Слишком толстый живот. Слишком мало мышц. Круглая лысина на макушке. Он отвернулся, чтобы не видеть этого пухлого белого тела на экране.

— Лучше бы ты меня не будил,— пробормотал он в адрес капсулы.— Я не на дежурстве. Мне не нужны никакие вызовы. Усыпи меня снова.

— Но, сэр! — сердито упрекнула его машина.— Вы не можете игнорировать это сообщение. Пославший его категоризировал сообщение как срочное. Индекс-код подразумевает

кризис межпланетного масштаба. Возможно, опасность угрожает миллиардам ваших сородичей-людей!

— Великий Альмалик! — моргая, он уставился на розовые складки пульсирующего пластика.— Откуда это сообщение?

— Центральная зона,— ответила спальная капсула.— Конкретный адрес — планета 3, звезда 7718, сектор Зет-989 Кью, галактика 5.

— Это Земля!

— Локальное название, вероятно,— сказала капсула.— Такие внеофициальные названия мы не вносим в память.

— Да, я забыл. Земля — моя родная планета. Давай сообщение.

— Оно закодировано как личное и строго секретное,— воспротивился автомат.— Вам придется получить его от корреспондента.

— Поднимай меня. Я приму сообщение от корреспондента.

Пока машина производила утреннюю процедуру, он пытался угадать, от кого он мог получить с Земли послание. Наверняка это не родители. Он вступил на симбиотический путь жизни еще в те годы, когда был ребенком. Позже они эмигрировали в человеческую колонию в девятой галактике. В надежном союзе последователей Звездного Дитя они никогда ничего не потребуют от него.

Молли Залдивар? При мысли о ней его охватила дикая надежда. Хотя ему не удалось узнать, куда отправились с Эксиона Хаук и Молли, он знал, что они оба по происхождению земляне. Возможно, она вернулась домой. Возможно, с Хауком все кончено? Возможно, он и в самом деле ей нужен! Он нежно улыбнулся, вспомнив Молли Залдивар, какой она была пять лет назад. Высокая живая девушка, которая пела, аккомпанируя себе на гитаре. Девушка, которую любили многие существа на Эксионе, где они впервые встретили ее — хотя все они были с Земли. Ему легко было понять, почему он ее полюбил: смех в ее голосе, даже когда она пела наипечальнейшие баллады старой планеты-прародительницы, оттенки кожи, которые под необыкновенным светом перемещающихся трех солнц переходили от белоснежного к цвету слоновой кости или нежно-золотистому... Но! Ведь половина слушателей даже не обладала «слухом», по крайней мере, в диапазоне слышимости человеческого уха. Многие из них ничего не видели в видимом для человека спектре. Однако все они души не чаяли в Молли.

Их было трое в той небольшой группе людей, которую собрал для работы в этом секторе доктор Скотт. Энди Квамодиан, серьезный, уже полноватый, темноволосый и медлительный. Молли Залдивар, похожая на золотистое пламя, чьи рыжие волосы отсверкивали в багровых лучах красного компонента Эксиона, в чьих фиалковых глазах вспыхивал темноголубой отсвет Эксиона-карлика. И... Клифф Хаук. Даже сейчас, через пять лет Квамодиан хмурился, вспоминая Хаука. Это был отшельник в обществе людей, более непонятный, чем любой из

инопланетян на станции. Вечно одинокий, погруженный в мрачные мысли, злой. Он редко мылся, редко причесывал буйную шевелюру, редко можно было услышать от него вежливо сказанные слова. Но почему-то Молли избрала именно его.

Ожидая, пока машина кончит массировать, тонизировать, умывать и вытирать его, Квамодиан угрюмо размышлял о Клиффе Хауке. Оба они были представителями человечества, оба с Земли, оба оказались на Эксионе, этом крайнем форпосте на краю целого галактического скопления. Но почти во всех остальных отношениях они не имели ничего общего. До начала эры фузоритов родители Квамодиана, обыкновенные жители Земли, трудились в самом обыкновенном магазине одежды в самом обыкновенном городе. Предки Хаука были отважными изгнанниками, объявленными вне закона, скитающимися среди рифов космоса, бросая вызов древнейшей межпланетной империи, называвшейся План Человека. Кое-как продвигаясь по скучному пути своей карьеры, Квамодиан делал ставку на метод и логику и на чистую настойчивость. Хаук же, презиравший все академическое и систематическое, блистал интуицией и вдохновением. Недоучившийся техник, он в конце концов стал соперником Скотта по руководству проектом. И хотя иногда ему недоставало слов, чтобы выразить свои головокружительные догадки, они, как правило, оказывались верными.

Хаук любил Молли Залдивар — бурно и бездумно, уверенный, что она пожертвует своей карьерой ради любой его прихоти. Квамодиан смиренно восторгался ею, не забывая ни на секунду, что он всего лишь старательный коротышка Энди Квам. Когда пришло время выбирать, у нее не было настоящего выбора. Само собой, она избрала смуглокожего непостоянного Хаука, которому знакомы опасности окраин обитаемого космоса. Выбор этот не удивил Энди, хотя сама последовательность событий казалась загадочной. Хаук почему-то поссорился с доктором Скоттом. Они спорили о направлении развития их проекта, связанного с установлением контакта с Блуждающей Звездой. Когда в решающем сражении Скотт его победил, Хаук исчез, оставив Молли одну. Спустя несколько месяцев, безутешно погрустив, Молли была уже не против того, чтобы петь свои печальные баллады Квамодиану. Именно в этот период он спланировал их кибернетическое жилище. Оно еще не было закончено, когда она получила весточку от Хаука. Что именно она узнала, этого Квамодиану так и не удалось выяснить. Но новость, каковой бы она ни была, привела Молли в состояние скорее ужаса, чем радости. Но, ничего не объяснив, она тем не менее покинула его, следуя за Хауком. И сейчас, пять лет спустя, ее внезапное исчезновение было для Квамодиана загадкой, причиняющей боль. Она пульсировала, как больной зуб — нечто, чего он не мог ни понять, ни забыть.

— Готовы, сэр! — протянула машина.— Поехали!

Перистальтическим импульсом плавающее поле вытолкну-

ло его из теплого кокона. Он покачнулся, приспосабливаясь к притяжению планеты, потом повернулся к динамику.

— Ладно,— сказал он.— Принимаю сообщение.

— Необходимо стандартное опознание голоса, сэр.

— Великая звезда! Ты ведь знаешь, кто я такой!

— Но вам известна процедура, сэр,— голос был неумолим.— Требуется подать полную стандартную матрицу голосовой идентификации, прежде чем произвести доставку любого отправления по межгалактической связи.

— Какая нелепость! — пробормотал он.— Бюрократизм!

Машина, покрытая черной синтетической кожурой, тихо гудела. Раздраженно нахмурившись, он выдохнул и процитировал:

— Имя: Андре Квамодиан. Раса: человек. Место рождения: Земля... поправка: планета 3, звезда 7718, сектор Зет-989 Кью, галактика 5. Организация «Товарищи Звезды». Статус: Монитор. Адрес: Человеческое обиталище. Эксион-4. Эксионская Загалактическая исследовательская станция.

— Благодарю вас, монитор Квамодиан.

Машина щелкнула и исторгла узкую ленту желтой пленки. Он радостно ухватил ее, вглядываясь в имя отправителя. Молли Залдивар!!!

— Дорогой Энди...— полоска задрожала в ставших влажными пальцах Квамодиана.— Надеюсь, ты простил меня за то, что я так резко с тобой порвала, потому что здесь, на Земле, у меня отчаянные неприятности. Все это слишком сложно, чтобы объяснить через трансфакс, но мне необходима твоя помощь, потому что Товарищество здесь не верит в Блуждающие Звезды...

Блуждающие Звезды! Фраза заставила Квамодиана с болью оторваться от чтения. Он ждал, что Молли прислала сообщение, потому что любит его, а не по какой-то другой причине. Кроме того, он не совсем понимал, как могут существовать Блуждающие Звезды. В академическом смысле он был знаком с основами нейроплазменной теории. Теоретически он знал, как разумные Звезды воспринимают информацию, думают, запоминают, каким образом масс-эффект индуцирует транзит энергии, как байты информации накапливаются в состоянии электронного спина, как прочесывают сканирующие волны цепочки электронов в трансфаксовом канале, как транзитные импульсы индуцируют магнитные, электрические и гравитационные эффекты. Он уважал бездонные умы Звезд, самые емкие по памяти и самые сложные во всех скоплениях галактик. Он испытывал безмерное восхищение перед добродушной мудростью Амальрика, стелларного компонента, к которому присоединялось столь много людей, включавшихся в симбиотическое Товарищество. Но Блуждающие Звезды — это было нечто иное. При всей своей немыслимой силе разума и безграничных возможностях, как могло звездное существо отказаться от товарищеского союза с другими разумами? Какого рода

психоз или мания смогли заставить его порвать все коммуникации и отправиться по своему одинокому пути? Квамодиан часто был свидетелем спора об этой загадке, составляющей одну из основных проблем станции Эксион. Он даже обсуждал ее на семинарах доктора Скотта с Молли и Хауком. И ни одна из теорий, которые он слышал, не имела особого смысла.

— Вы готовы отвечать? — замурлыкал динамик.— Отправитель желает получить ответ.

— Подожди,— сказал он.— Дай мне закончить.

— ...Если тебе вдруг интересно узнать, что случилось со мной,— продолжал трансфакс,— то случилось то, что Клифф попросил меня прилететь к нему на Землю. Я прилетела, потому что люблю его... Энди, я ничего не могу тут поделать. Я прилетела потому, что боялась того, чем он может заниматься здесь. И я узнала, что он занимался именно тем, чего я опасалась. Он слишком много узнал о Блуждающих Звездах... а может, слишком мало. Энди, поверишь ли ты — он пытается создать собственного скитальца! Энди, вот что ты должен сделать. Найди Сола Скотта, старого врага Хаука. Я не знаю, где он, пыталась разыскать его по старому адресу стелларсекции, но он не ответил. Энди, я хочу, чтобы ты нашел его и привез на Землю. Он выдающийся специалист по Блуждающим Звездам. Он сможет остановить Клиффа... и его опасную новую Блуждающую Звезду... Если не сможет он, не сможет никто! Но поспеши, Энди! Это все так ужасно, у меня нет другой надежды, кроме как на тебя!..

Квамодиан закончил чтение и тихо вздохнул. Значит, чувства Молли к нему не изменились, в сущности. Он по-прежнему был только Энди Квам — полезное в случае нужды орудие.

— Итак, сэр,— нетерпеливо протянул динамик.— Готовы ли вы отвечать?

— Сначала,— сказал он,— я хочу сделать местный вызов. Доктору Соломону Скотту. Он был директором стелларсекции здесь, на Эксионе.

— Да, сэр,— компьютер тихо загудел. Через три секунды он сообщил:

— Сожалею, сэр. Доктор Скотт покинул Эксион-4, отправившись в исследовательскую экспедицию, из которой пока не вернулся. Предполагается, что он погиб, сэр.

— Очень плохо,— сказал Квамодиан, но безумная надежда уже с дрожью зародилась в нем. Малыш Энди Квам отправится на Землю один и, быть может, станет там героем, спасителем Молли Залдивар! Он перевел дыхание.

— Отправьте ответ: «Дорогая Молли! Я готов помочь, но новости неутешительные. Я не могу прилететь с доктором Скоттом. Он покинул станцию Эксион через год после тебя. Пытался совершить трансфлексионный рейд в зону Блуждающей Звезды... той самой, которую открыл Клифф. Он до сих пор не вернулся. Но я прилечу, Молли, потому что по-прежнему люблю тебя — несмотря ни на что. Если я тебе нужен, отвечай немед-

ленно. Я прибуду так быстро, как только смогу.

Конец сообщения».

Слова промелькнули по видеопанели, когда компьютер перечитал для Квамодиана записанное сообщение: «Твой верный друг Энди», прежде чем маленький синий язычок плазмы начал слизывать сообщение, сохраняя информацию записанной в вариантах спина электрона.

Ожидая ответа Молли, он нетерпеливо хмурился. Он знал, что сигнал уже мчится к далекой Земле, пока его невидимые импульсы автоматически отыскивают кратчайший маршрут по транзитным соединениям между перемещающимися витками гиперпространства, где долгие световые годы сокращаются до микросекунд. Язык плазмы завершил работу и исчез, оставив панель пустой. Компьютер со щелчком выключился. Вокруг тихо гудел дом, тихо и уютно. Он принялся шагать вокруг компьютера связи, глядя на мерцающие символы универсального хронометра. Паника нашептывала ему, что Молли не ответит. Он не нужен ей без Скотта. Она знала, что малыш Энди Квам никогда не был полноправным членом исследовательской станции, а всего лишь своего рода подопытным кроликом. Скотт хотел проверить свое подозрение, он предположил, что необыкновенное чувство ориентации Энди является транзитным эффектом. Но когда исследования Блуждающих Звезд оказались более интересным проектом, Квамодиан был выведен из состава станции.

— Монитор Квамодиан! — тягучий голос машины заставил его вздрогнуть.— Мы получили ответ на ваше метагалактическое сообщение.

— Что... что там говорится? — голос его дрогнул.

— Ничего, сэр. Мы не смогли найти адресата.

— Почему? — заволновался он.— Что-то случилось с Молли Залдивар?

— У нас нет сведений, сэр.

— Запишите еще одно сообщение,— он постарался придать своему голосу уверенную твердость.— Молли Залдивар. Тот же адрес. Следующее сообщение: «Лечу на Землю. Подпись: Энди Квам».

Поспешно, но методически Квамодиан стал готовиться в далекий путь на Землю. Он подал своему непосредственному начальнику просьбу об экстренном отпуске по чрезвычайным обстоятельствам, оставил компьютеру инструкцию по присмотру за хозяйством и домом и приказал флаеру быть в готовности. Настроение его поднималось со скоростью левитатора, возносившего его на взлетную площадку на крыше, но едва он вышел наружу, как оно снова немедленно упало. Так случалось всякий раз, когда он покидал свое кибернетическое убежище. Эксион вызывал у него тошнотворное чувство дезориентации. Эта планета была слишком далека от всех известных ему миров, слишком чужда всякой форме жизни. Какой-то

несчастный галактический случай выбросил тройную звездную систему далеко за границы скопления, и университет избрал ее для организации станции, потому что ни одна искра жизни, в том числе и разумной, не вспыхнула на ее планетах. Персонал станции подверг все двенадцать планет терраформированию и рафинированию в соответствии с разными формами жизни. Сейчас эти планеты-сестры выстроились в небе, словно бусинки на невидимой нити. Каждая светилась характерным для нее светом синтетической биосферы: сверххолодного жидкого гелия, ледяного метана, горячего углекислого газа, кипящей среды или абсолютного ваккума. Эксион-4 был приспособлен для дышащих кислородом. Человеческая зона обитания была создана уже под конец и в спешке. Скалистое днище кратера было герметизировано, температура и влажность доведены до пределов, обеспечивающих выживание человека. Но атмосфера зоны, все равно слишком тонкая и холодная, содержала слишком высокий процент углекислого газа и аммонийных соединений, сочившихся из скал на днище кратера. Слишком маленькая, чтобы создать чувство дома, планета слишком медленно вращалась вокруг своей очень наклоненной оси. Содрогаясь, Квамодиан съежился под порывами ледяного ветра из смеси кислорода и гелия. Сопротивляясь первой атаке головокружения, он остановился, ища в небе знакомый ориентир над крутыми склонами кратера. Дыхание его стало ровнее и свободнее, когда он отыскал галактическое скопление — туманное пятнышко бледного света, частично заслоненное склоном южной стороны, более тусклое, чем самая слабая из планет системы Эксиона.

— Готовы, сэр? — флаер открыл дверь в свою кабину.— Куда лететь, сэр?

— В региональный транспортный центр.— Он вскарабкался на сидение.— Я очень спешу.

Флаер набирал высоту, пока фиолетовый карлик не показался над иззубренным, словно пила, горизонтом. Потом машина словно упала в тень и опустилась у освещенной рамки возле кубического здания трансфлекса. Купол контрольной службы промигал сигнал:

— Опознавательные данные, сэр.

Оставив флаер парить над рамой, он сообщил в купол свой стандартный отпечаток-матрицу и все, что касалось удостоверения его гражданства. Купол протянул бледный проворный щупалец плазмы, сканируя диск-паспорт Квамодиана с бесконечными рядами двоичных символов и голографией его темноволосой круглой головы.

— Ваша цель, сэр?

— Земля... то есть минуточку... э-э-э... планета 3, звезда 7718, сектор Зет-989 Кью, галактика 5. Перебросьте меня через станцию Мудрый Ручей на Октанте-5. У меня очень срочное дело. Требуется немедленная доставка.

Плазменный щупалец пропал. Квамодиан подхватил на

лету диско-паспорт, спрятал его, потом возобновил медленное движение флаера к светящемуся значку трансфлекс-куба. Длинный серебряный резервуар, несомненно, содержащий какого-то жидкого гражданина, как раз исчезал в закрывающихся вратах. За резервуаром шел черед многочленного существа, целой орды маленьких блестящих черных созданий, подпрыгивающих и вертящихся внутри общего облака голубоватого светящегося тумана. Прямо перед Квамодианом шаркал лапами серочешуйчатый дракон, отягощенный металлической башенкой на спине, помещавшей, вероятно, его невидимого симбиота. Мигающие кристаллические иллюминаторы на башенке бросили на Квамодиана любопытный взгляд и застенчиво закрылись.

— Сэр? — снова просигналил контрольный купол.— У вас имеется номер резервного места?

— Великая звезда! — взорвался Квамодиан.— Мне необходимо сейчас же попасть на Землю! Я только что получил чрезвычайно срочный вызов. У меня просто не было времени запросить резервное место.

— Простите, сэр,— сожаление в чисто машинном голосе купола казалось издевкой.— Межгалактическая транспортировка строго ограничена, как вам, несомненно, известно. Мы не можем позволить вам переброску без резервации места, основанной на совершенно точном и убедительном подтверждении преимущества внеочередности.

Ворча, он протянул сообщение от Молли Залдивар. Тонкий плазменный палец коснулся сообщения, прочитал, нерешительно отодвинулся, потом замер.

— Сэр, документ написан не на универсальном языке.

— Конечно, нет,— нетерпеливо фыркнул он.— Это английский. Но этого документа достаточно для получения первоочередности. Вы только прочтите его.

— Но у нас нет данных по английскому языку, сэр.

— Тогда я вам переведу. Сообщение с Земли. Это родная планета человеческого рода. Адресат — девушка. То есть молодая представительница лиц женского рода по имени Молли Залдивар. Послание адресовано мне. Она молит о помощи и снабдила сообщение индексом крайней срочности, что подразумевает опасность для целой планеты...

— Сэр!

Многочленное создание, стоявшее впереди Квамодиана, исчезло в кубе трансфлекса. Дракон тяжело ступал, направляясь к зрачку входных ворот, открывшихся, чтобы принять его.

— Вы задерживаете транспортировку. Я еще раз прошу предъявить ваш настоящий номер резервации.

— Но вот же мое удостоверение первоочередности! — он помахал желтой ленточкой послания.— Молли Залдивар в беде, и это каким-то образом связано с Блуждающей Звездой...

— Сэр, этот документ не может послужить достаточным

основанием предоставления вам места вне очереди. Будьте добры, покиньте рампу!

— Черт бы вас побрал! — заорал Квамодиан.— Неужели ваши нейроплазменные мозги совершенно разучились соображать? Это сообщение подразумевает угрозу для всего человечества!

— Сэр, человечество идентифицировано в моем указателе как малое племя варваров, совсем недавно включенное в галактическое гражданское содружество и пока еще лишенное особо интересных качеств, как физических, так и этических и интеллектуальных. Ни одно человеческое существо не имеет пока права выдавать документ на внеочередную переброску по межгалактической транспортной сети.

— Но Молли говорит, что нам угрожает опасность!

— Сэр, покиньте рампу. Вы можете подать заявку на внеочередность только на допустимом для нас основании.

— Но у меня на это нет времени.

Купол ничего не просигналил в ответ, но плазменное щупальце начало зловеще утолщаться и удлиняться.

— Погодите! — в отчаянии закричал Квамодиан.— Я член ордена Товарищей Звезды! Вы не можете не знать об этом ордене! Наша миссия — защищать человечество и другие расы.

— В моем указателе не имеется упоминаний о резервации места первоочередной срочности для вашей переброски со стороны Товарищества Звезды. Вы задерживаете все движение, сэр. Пожалуйста, отодвиньтесь в сторону.

Квамодиан угрюмо взглянул на гражданина, напиравшего сзади: сорокатонная масса твердых, как гранит, разумных минералов, иззубренная и черная, парила на собственном невидимом трансфлексионном поле, протягивая в нетерпении свой паспорт на конце твердого плазменного отростка.

— Попрошу не толкаться, гражданин! — рявкнул Квамодиан.— Произошло недоразумение. Контроль, послушайте. Проверьте свои записи. Мы, человеческие существа, присоединены к множественному Гражданину по имени Лебедь, который является симбиотической ассоциацией фузоритов, звезд, роботов и людей. Ее предводительствующую звезду Альмалик... или вы не находите разумные звезды более интересным предметом, чем людей?

Но ирония была потрачена напрасно.

— Прочь с дороги! — повелительно просверкал купол. И долю секунды спустя добавил: — Можете подождать на боковой рампе. Множественный Лебедь в нашем указателе отмечен. Мы вызовем звезду Альмалик, галактика 5.

В самом дурном настроении Квамодиан вырвал флаер из очереди, предоставляя место гранитному существу, которое с презрительным видом проплыло мимо. Квамодиан нетерпеливо парил у края рампы, глядя, как входные ворота впереди раскрылись и поглотили дракона в серой чешуе вместе с его башенкой-симбиотом. На секунду им овладела идея одним бе-

зумным прыжком преодолеть расстояние до входного проема. Но в этом не было смысла. Как бы быстро ни двигался флаер, купол контроля окажется быстрее его. И Квамодиан еще больше уменьшит свой крохотный шанс проникнуть в куб транспортирования. Некоторое время он невидящими глазами смотрел на толпу разнообразных существ, продвигающихся перед ним по раскрытой рампе. Наконец он встряхнулся и взял себя в руки.

— Отвлеки меня,—сказал он хрипло. Немедленно откуда-то со стороны донеслось более чем человеческое сопрано:

— Ми, ми кьямано Мими...

— Нет, оперу не надо.

Голос исчез. На панели связи появилось голографическое изображение шахматной доски с уже расставленными фигурками. Белая королевская пешка продвинулась вперед на две клетки и замерла, ожидая ответного хода.

— В шахматы я тоже не хочу играть. Минутку. Составь для меня вероятностную матрицу. Оцени вероятность того, что Альмалик даст мне разрешение на внеочередную транспортацию.

— С параллельным ожиданием или только оценку, мистер Квамодиан? — спросил голос флаера.

— С анализом. Я хочу развлечься.

— Что ж, сэр. Будь я проклят, но придется много кой-чего прикинуть. Если мы...

— Без комедийного диалекта.

— Слушаюсь, мистер Квамодиан. Вот основные факторы. Значение человеческой цивилизации в галактическом гражданстве разумных низкое. Примерно 0,5 триллиона людей разбросано более чем в сотне звездных систем в трех галактиках. Но это составляет одну сотую процента общего населения вселенской цивилизации, даже считая множественных и многочленных граждан как одну единицу. Внимание звезды Альмалик к индивиду-человеку по имени Андре Квамодиан крайне маловероятно.

— А как с заинтересованностью Альмалика Товариществом Звезды? — сердито спросил Квамодиан.

— Сейчас мы как раз к этому переходим, мистер Квамодиан. Степень заинтересованности не превышает шумового уровня, но по шкале реального времени становится достаточно высокой. Критическое значение в данном уравнении — это отношение в термину «Блуждающая Звезда». Я не имею данных для оценки реакции звезды Альмалик на этот термин, мистер Квамодиан.

— Блуждающие Звезды — один из самых важных феноменов Вселенной,— сказал Квамодиан, глядя на рампу.— Станция у Эксиона была основана большей частью именно для их изучения.

— В таком случае... гм... допуская влияние других факторов... вы не следили за новостями, с Земли поступило несколько

неприятных известий... так, посмотрим... Я бы оценил вероятность в 0,7, мистер Квамодиан. Уточнены сто четырнадцать переменных. А именно...

— Не утруждай меня и себя.

— Мне не трудно, мистер Квамодиан,— сказала машина с некоторой обидой. Все они, эти ориентированные на беседу кибернетические устройства были немного унылы и легко поддавались перемене настроений. Такова цена, которую необходимо было платить за удовольствие свободного разговора.

— Ты хорошо справился,— успокаивающе сказал Квамодиан— Меня просто беспокоит опасность, которую представляет фактор Блуждающей Звезды.

— Я понимаю вас, мистер Квамодиан,— с теплотой в голосе сказала машина, мгновенно реагируя на перемену темы.— Кроме того, когда опасность грозит всему человечеству...

— Мне плевать на человечество!

— Но, мистер Квамодиан, что же тогда вас...

— Меня волнует только судьба Молли Залдивар. Слышишь? Ты должен иметь это в виду. Не забывай — благополучие Молли Залдивар самая важная во Вселенной вещь. Потому что я люблю ее всем сердцем. Несмотря на то, что...

— Простите, сэр,— перебил его флаер.— Нас приветствует приближающийся летательный автомат...

— Кто это?

— Управляет им ваш сородич Соломон Скотт.

— Что?! Скотт? — он прищурился, вглядываясь сквозь сияние огней станции, но никакого аппарата не увидел.— Этого не может быть!

— Это Соломон Скотт,— монотонно повторил флаер.— Имеется положительная идентификация по голосовой матрице. Он вошел в пространство Эксиона 4 без официального разрешения, и теперь его преследует робот-охранник. Но он говорит, что имеет для вас срочное сообщение.

Вызывающий их космолет возник в свете огней станции, зацепил флаер и врезался в покрытие неподалеку от рампы. Квамодиан едва удержался на ногах, ошеломленно глядя на странную машину. Она выглядела так, словно побывала в терзавших ее клыках дракона. Большая стальная сфера, помятая и оплавленная, частью почерневшая. Несколько скрученных выступов-стержней были, похоже, остатками потерянных приборов или оружия. У космолета не было ни крыльев, ни дюз, ни посадочного шасси, и он казался Квамодиану совершенно незнакомым, пока он не обнаружил следы скрытого под ржавчиной и царапинами символа: трехзвездной эмблемы станции Эксион.

— Это Скотт! — прошептал он.— Этот шар — экологическая капсула, в которой он здесь жил. Или часть ее.

— Глупый хомо! — оскорбленно воскликнул флаер.— Он едва не врезался в нас. Я вызываю охрану.

— Подожди! Этот человек нужен на Земле Молли Залдивар. Просто тебе нужно прочитать ее сообщение. Она хочет попросить его остановить Клиффа Хаука, который намеревается создать Блуждающую Звезду. Передай все это ему.

Флаер тихо загудел. Ожидая ответа Скотта, Квамодиан начал ощущать стыд. Он не мог подавить глупого сожаления из-за того, что появился Скотт. Да, теперь его шанс оказаться единственным спасителем Молли приближался к нулю.

— Скотт отвечает,— зажужжал флаер.— Он передает, что у него есть для вас очень срочное личное сообщение. Он просит вас подняться на борт его машины, так как не выдержит, если покинет борт своей капсулы.

— А Молли Залдивар? А Клифф Хаук?

— Он говорит, что Клифф Хаук самонадеянный болван, но Молли ошибается, говорит он, если считает его исследования опасными. Блуждающий звездный организм — это безобидный миф, как он говорит.

— Но когда он бронировал исследовательский космолет, он думал иначе,— пробормотал Квамодиан.— Скажи ему, что Молли просто в ужасе.

— Скотт говорит, что она тоже дура,— промурлыкал флаер.— Он говорит, что не намерен тратить время на безумную гонку на Землю. Но он очень хочет видеть вас. Вы не намерены посетить его машину?

Надежда Квамодиана получила новый импульс жизненной энергии. Если Скотт не захочет лететь на Землю, то остается какой-то безумный шанс, что именно он станет единственным избавителем Молли.

— Что? — он вернулся к действительности.— Скажи Скотту, что я сейчас буду.

Он выбрался из флаера. Станция трансфлекса находилась на несколько миль выше уровня человеческой зоны обитания, и жестокий холод кислородно-гелиевой атмосферы перехватил дыхание. Он наклонил лицо и быстро побежал к потерпевшему аварию космолету. Когда он добрался до него, открылся люк и высокий незнакомец, протянув руку, втащил Квамодиана внутрь.

— Скотт? — от ветра у него пропал голос.— Я ищу Соломона Скотта...

— Я Соломон Скотт,— проскрежетал незнакомец.— Входи.

Квамодиан отпрянул. Стоявший перед ним в отсеке шлюза незнакомец казался таким же высоким, как и Скотт, но на этом сходство и кончалось. Скотт был темноволосым, очень энергичным, атакующего темперамента человеком, таким же сильным и способным на безжалостные поступки, как и Клифф Хаук. Этот же человек был сед, согбен, и в движениях его чувствовалось усталость, странная неуклюжесть, с которой он протянул Квамодиану руку из недр своей механической пещеры, словно и сам он был механизмом, а не человеком. Одежда

его поражала в той же степени. На нем была длинная белая рубашка вроде рясы монаха, собранная у талии золотой цепью, голову прикрывал серый монашеский балахон. С золотой цепи свисал длинный золотой кинжал, который призрачно мерцал в полумраке шлюзового отсека. Квамодиану захотелось повернуться и поскорее убежать, он ничего не понимал. Ему не нравился неприкрытый блеск в глазах Скотта, казавшихся очень измученными, и даже какие-то жирные пятна на его монашеском одеянии. Из недр стального шара потянуло вдруг таким кисло-затхлым воздухом, что он едва не задохнулся.

— Энди! — прокричал незнакомец.— Войди в корабль!

Квамодиан постарался взять себя в руки. В конце концов, он не видел особой опасности и желал помочь Молли. Он схватил протянутую незнакомцем руку, которая показалась ему холоднее ледяного ветра, и забрался в металлическую келью.

— Сол! — Он попытался раздвинуть застывшие губы в улыбке.— Какая удача, что ты так вовремя подвернулся, Молли Залдивар отчаяно требуется твоя помощь эксперта. Если ты прочтешь ее послание...

— Забудь об этом,— серая худая длань Скотта небрежно отодвинула в сторону руку Квамодиана, в которой он сжимал полоску трансфакса.— Пойдем отсюда, здесь такой холод, что невозможно говорить.

В желудке Квамодиана что-то перевернулось при одном только взгляде на мрачное пространство за внутренним люком и на фигуру изможденного старика. Вонючие тряпки и рваная бумага. Груды беспорядочно брошенных сломанных приборов, пустые пластиковые контейнеры из-под пищи. Пыль, тление и запах человеческих испражнений.

— Что это? — он едва удержался, чтобы не передернуться.— Я... я едва узнаю тебя, Сол. Что с тобой стряслось?

— Я думаю, я теперь иной человек,— тихий голос Скотта казался почти нормальным.— Случилось то, что мне удалось узнать нечто. Нечто, что я принес тебе.

— Что бы ни случилось, это очень удачно, что я тебя встретил,— Квамодиан говорил громко, чтобы скрыть отвращение.— Молли говорит, что в Товариществе на Земле не верят в существование Блуждающей Звезды...

— Правильно.— Голова в сером копюшоне торжественно кивнула.— Блуждающие — это миф, вот что я узнал.— Изможденный старик склонился ближе, и Квамодиан попытался не отвести взгляда, почувствовав его дыхание.— Энди, я узнал великую вещь. Мы, люди, до сих пор следовали неверной философии жизни.

В словах не было ничего необычного, но глухой голос Скотта придавал им гипнотическую силу, которую,— Квамодиан знал,— он никогда не сможет забыть.

— Мы пытались сделать фундаментальным законом существования людей соревнование, соперничество. Очевидно,

мы впали в это заблуждение из-за того, что отцы наши многие миллионы лет жили охотой, убивая, чтобы выжить. Во всяком случае, Энди, Блуждающая Звезда — это идеал такого рода людей «убойного» типа. Совершенный индивидуалист. Абсолютно свободный. Бессмертный, как Вселенная. Обуздать Блуждающую Звезду невозможно.

— Я знаю,— Квамодиан натянуто кивнул.— Вот почему я и опасаюсь...

— Когда-то Блуждающие были моим собственным идеалом.— Измученный старик не обратил внимания на последние слова Энди.— И Хаука тоже, надо полагать. Когда я прибыл сюда создавать стеллар-секцию, я соперничал со всеми в области моей науки. Я был мужчиной, и это была мужская игра. Мне нужно было бросить вызов лучшим умам во всех галактиках, которые собрались здесь, у Эксиона. Я должен был победить роботов, соединенных трансфлексионными сетями, делящих общие банки памяти и записи программ, что делало их единым гигантским мозгом. Мне нужно было выстоять против многочленных граждан содружества, которые сливали силы логического мышления по тому же принципу, что и роботы. Мне нужно было соревноваться со своими сородичами-людьми, отбросившими индивидуальную свободу ради симбиотического союза с фузоритами.— Скотт вскинул голову в сером капюшоне.— Именно этот идеал Блуждающей Звезды побудил меня выступить против Хаука и именно он вывел меня на след сбежавшей звезды, которую открыл Хаук.

— Что же случилось там, Сол?

— Я нашел так называемую «Блуждающую Звезду» Хаука.— В скрежещущий голос Скотта проникло холодное презрение.— Никакая это не Блуждающая. Просто разумная звезда, но рожденная так далеко от остальных, что она никогда не сталкивалась с иным разумом. Робкое существо, невежественное и боязливое. В постоянном опасении перед всей Вселенной. В постоянном страхе. Ее нетренированный ум был слабее моего! Она испугалась меня!

Он зашелся визгливым смехом, отчего согнулся чуть ли не вдвое. Смех перешел в приступ астматического кашля. Квамодиан подхватил его костлявую руку, чтобы старик не упал, и с неловким чувством заглянул внутрь затхлого логова, которое начиналось за внутренним люком шлюза.

— Это был урок мне,— с трудом выдохнул Скотт, кончив кашлять и вновь обретя способность говорить.— Я не вернулся в секцию, потому что узнал высший принцип. Закон соединения. Именно этот закон стянул вместе первые клетки зарождающейся жизни, чтобы начать эволюцию человека. Именно этому закону подчиняются растения, выдыхая кислород для нас, и мы, выдыхая окись углерода для растений. Именно этот закон связывает людей в семьи, кланы, нации. Энди, это именно то универсальное правило, которое сейчас связывает людей и фузоритов. И мыслящие звезды, и симбиотическое существо, называемое Лебедем.

— Возможно,— пробормотал Квамодиан.— Но какое это имеет отношение к моему перелету на Землю?

— Забудь Землю! — хриплый голос Скотта превратился в надтреснутое пение.— Забудь Клиффа Хаука и Молли Залдивар. Забудь все ложные волнения твоего заблудшего «я» и все бессмысленные цели, к которым ты изо всех сил стремился. Забудь закон соревнования — он для глупцов. Испытай закон соединения.

Квамодиан осторожно пятился назад.

— Послушай, Энди,— холодные когтевидные пальцы сомкнулись на его плече.— Я отбросил идеал блуждающего. Теперь я проповедую соединение. Именно об этом я и должен был тебе сказать. Я прошу тебя присоединиться к нам, к нашему симбиоту, вселенскому братству Лебедь.

Охваченный внезапной паникой, Квамодиан рванулся и высвободил плечо. Он отступил к наружному люку и там остановился, недоуменно хмурясь и стараясь не терять головы.

— Я считаю, что каждый сам определяет свое отношение к обществу,— сказал он наконец.— Но меня не очень влечет симбиоз. В качестве члена Товарищества Звезды я и так полезный гражданин. Все, что мне нужно,— это Молли Залдивар...

Голос его прервался, когда он увидел тонкие серые пальцы, сомкнувшиеся на золотом клинке. Он быстро сделал шаг назад, чтобы глотнуть свежего воздуха.

— Эй, Скотт! — выдохнул он.— Смотри! Не вздумай прикасаться!

— Мое касание — это вечная жизнь,— глаза Скотта ярко и фанатично блестели, а в глухом голосе не осталось и следа человеческой теплоты и здравомыслия.— Этот шприц заряжен фузоритами-симбиотами.— зажав в бескровном кулаке, он поднял сверкающее острие.— Форма жизни более древняя, чем наша галактика. Достаточно древняя, чтобы знать закон соединения. Циркулируя в твоих жилах, микроскопические симбиоты не дадут стареть и разрушаться твоему телу. Они сольют твой разум с их разумом и с разумом миллиардов других людей-симбиотов, с сознанием мыслящих солнц.

— Подожди-ка, Скотт.— Энди поднял, защищаясь, пустые руки и попробовал говорить спокойно.— Не совсем что-то я понимаю, к чему ты клонишь. Ну, о гражданине Лебедь я знаю, к его симб-союзу принадлежат мои родители. Я знаю, что миссионерства он не позволяет. Люди должны сами просить разрешения на вступление в союз. Поэтому ты мне кажешься подозрительным.— Он посмотрел на согнувшегося перед ним старика.— Если бы Молли не просила прилететь вместе с тобой...

— Забудем же наши одинокие эгоистические «я»,— скрипел Соломон Скотт.— Вольемся в бесконечно длящийся союз...— удивительно проворно он сделал выпад, далеко вперед вытянув руку с золотой иглой. Квамодиан ухватил старика за похожее на палку запястье, почувствовав в его руке невероят-

ную силу. Игла дрожала, роняя желтые капли. Дикая сила все ближе и ближе пододвигала клинок к телу Квамодиана. Энди задохнулся, хотел набрать в легкие воздуха и снова глотнул тошнотворной вони. Он кинулся к открытому люку, к свежему воздуху. Старик в серой рясе подставил ему подножку. Падая на металлическую стенку шлюза, он снова ухватился за тонкую, как трость, руку, сгибая ее и не давая игле коснуться горла.

Забудь о Блуждающих Звездах!— хрипел Скотт.— Забудь...

Вдруг безумная сила его погасла, так же, как и клокочущий голос. Кость-палка упала с сухим хрустом. Длинная изможденная фигура, закутанная в серую рясу, безвольно села на пол. Из сломавшейся иглы, пронизавшей ткань капюшона, вытекали капли жидкого холодного огня. Квамодиан бросил на эту сцену лишь один взгляд и, пошатываясь, выбрался из корабля на ледяной свежий воздух. Парящий рядом флаер подхватил его и с проворством отнес к краю рампы еще до того, как прибыли роботы-охранники. Он долго с благодарным чувством покоя отдыхал в кресле, дрожа в тепле кабины и не в состоянии никак отдышаться. Только потом он начал задавать вопросы.

— Охранники не могут выяснить, как удалось Скотту выжить после встречи с Блуждающей Звездой,— сообщил ему флаер.— Они не могут также определить, как ему удалось вернуться на Эксион-4 и почему он приземлился именно здесь. Но они сообщают, что он мертв.

— Кажется...— Квамодиан замолчал, едва сдерживая волнение.— Кажется, это я его убил.

— Охранники изучили инцидент,— сказал флаер,— Они выяснили, что Скотт сам наткнулся на иглу шприца, которая пронзила его горло и вызвала смерть. Против вас не будет выдвинуто никаких обвинений.

— Но как могла игла убить его,— спросил Квамодиан,— если она содержала фузоритов-симбиотов?

— Это не так,—ответил флаер.— Светящиеся фузориты в шприце не относятся к симб-разновидности. Это похожий вид, встречающийся в Рифах Космоса. В крови вашего вида они действуют как опаснейший яд. Охранники сделали заключение, что Скотт явился сюда, чтобы убить вас.

— Почему? — Квамодиан опять содрогнулся.— Почему меня?

— Охрана не располагает необходимыми записями относительно иррациональных типов поведения среди представителей вашего вида, подверженных саморазрушительным тенденциям,— протянул флаер.— Они могут ответить вам лишь по другим вопросам. Кто имел основание предотвратить вашу переброску на Землю?

— Клифф Хаук, наверное.— Квамодиан задумчиво нахмурился.— Больше, кажется, никто. Но Хаук за многие га-

лактики отсюда. Все это ставит меня в тупик.

Флаер гудел две секунды.

— Охрана будет продолжать расследование этого случая,— сказал он.— Они сообщают о многих фактах, до сих пор не поддающихся логическому объяснению. Однако они могут дать вам совет, основываясь на первоначальном анализе имеющихся данных.

— Какой же?

— если вы вернетесь в свое жилище и не будете его покидать, то вероятность преждевременного прекращения вашей жизни составит всего 0,2 процента. Если же вы будете продолжать путешествие на Землю, то вычисленная вероятность незаконного прекращения вашей жизни составит 89 процентов. Охрана рекомендует вам вернуться домой.

— Поблагодари охрану,— сказал Квамодиан.— Но Молли необходима помощь.— Он сел ровнее.— Вызови купол,— попросил он.— Справься, получили ли они для меня разрешение на внеочередную переброску на Землю.

Купол контроля сообщил, что просьба о предоставлении преимущества переброски была в надлежащий срок передана Альмалику, предводительствующему в многосоставном союзе звездного гражданина Лебедь. Пока ничего не было получено в ответ.

— Наберитесь терпения, сэр,— с симпатией добавил флаер.— Трудно подгонять мыслящее солнце. При сроке жизни в многие миллиарды лет у них собственная шкала времени.

Квамодиан что-то проворчал и принялся ждать, наблюдая, как роботы-охранники убирают тело мертвого Скотта и его ржавый корабль, и еще раз попытался разгадать загадку Сола Скотта. Взятая сама по себе небольшая проповедь Скотта о соединении имела, странным образом, долю смысла. Вспоминая свое собственное детство, Квамодиан мог легко убедиться, что это подтверждал его собственный жизненный опыт. Появление на Земле фузоритов завершило века соперничества и конкуренции, открыв эру соединения. И всю жизнь Квамодиан метался между этими двумя возможностями. Только сейчас ему пришло в голову, что Скотт, вероятно, был прав. Собственный и только собственный интерес был необходимым условием жизни первобытных охотников в джунглях, но даже самые примитивные из них умели действовать сообща. Конкуренция стала смертельной болезнью на более высоких ступенях цивилизации. Даже наисуровейшая терапия старого Плана Человека не могла излечить ее — даже с помощью взрывающегося железного кольца вокруг шеи. Кризис назревал, и когда появились фузориты, большинство людей приветствовало их появление. Но Квамодиан решил не следовать за родителями и не присоединяться к новому симбиотическому союзу. Выросший в бурные годы переходной эпохи, он испытывал симпатию к обоим жизненным путям. Он стремился сохранить

индивидуальную свободу даже ценой риска. Но он также стремился, и с неменьшей силой, к абсолютной безопасности и миру, который принесли фузориты. Испытывая острые и противоречивые эмоции, он наблюдал за концом старой человеческой цивилизации. Иногда с печалью видел, как почти каждая ее составляющая, будь то религия или философия, политика или бизнес, социальные установления или индивидуальные привычки, оказывались ненужными, глупыми или начисто неверными. Но зато с удовлетворением засвидетельствовал он конец войн, жадности, человеческой жестокости. Он обнаружил, что слишком любил как старое, так и новое, чтобы отказаться от одного ради другого. Вынужденный принимать собственное решение, когда его родители вошли в симбиоз Лебедя, он сначала решил встать на путь соревнования. Добиваясь высоких оценок в учебе, он выиграл стипендию Космического Скаута, что позволило ему покинуть людную Землю и войти в более напряженное и сложное существование трансгалактической цивилизации. Произошло это двадцать лет назад — если перевести универсальное время в старые единицы вращения Земли вокруг оси и Солнца. Что касается его собственной жизни, размышлял Квамодиан, старый закон джунглей явно оказался ошибкой. Соревнуясь с роботами, многочисленными существами и симбиотами, он провалился на выпускных экзаменах. Он не справился с десятком до жалости мизерных деловых предприятий. Попав в качестве подопытного животного на станцию Эксион, он проиграл также и Клиффу Хауку и не смог завоевать Молли. Лишь теперь, работая с Товариществом Звезды, нашел он свое, пусть не слишком заметное, но вполне удовлетворительное место в обществе. Это был полезный социальный институт, в то же время не требовавший столь полной самоотдачи, как абсолютный симбиоз. Такая форма соединения его полностью устраивала — устраивала бы, если бы Молли Залдивар передумала.

— Внимание, сэр! — тягучий голос флаера вновь вернул к действительности Квамодиана, погруженного в унылую интроспекцию.— Контрольный купол вызывает вас обратно к рампе.

— О, извини! — снова оживившись, он отдал нужные команды, и флаер нырнул обратно в поток очереди на транспортировку. Какой-то жутковатого вида гражданин на ножках-стеблях, с конечностями, словно ростки бамбука, и бахромой мозговой ткани, которая, словно юбка, опоясывала его талию, приостановился, давая им возможность встать в очередь к рампе.

— Контроль транспортировки вызывает Андре Квамодиана, — сигналил вспышками купол. — Многосоставной гражданин Лебедь имеет гарантированное право отдавать разрешение на первоочередную транспортировку через интергалактический транзит. Альмалик, предводительствующая звезда союза, одобрила вашу просьбу на предоставление пер-

воочередности. Можете войти в куб трансфлекса.

Квамодиан проворчал слова благодарности, и флаер понес его к кубу. Испытав множество галактических переброс-ок, он так и не научился испытывать от этого способа удовольствие. Эффект трансфлексионной переброски по-разноому влиял на разных людей. Большинство тех, кому переход доставлял неприятные ощущения или даже приводил в ужас, старались облегчить страдания с помощью гипноза или лекарств. Квамодиан просто терпеливо сносил неудобства.

Еще не достигнув куба, флаер вдруг остановился.

— Сэр, снова вызывает охрана. На основе последнего анализа они сделали еще один перерасчет вероятности преждевременного прекращения вашей жизни. Теперь она оценивается в 93 процента. Они по-прежнему советуют вам вернуться в купол.

— Поблагодари охрану,— сказал Квамодиан.— Скажи, что я лечу на Землю, к Молли Залдивар!

— По крайней мере, вы достаточной безопасности до конца транзита,— жизнерадостно заверил его флаер.— Миллиард пассажиров благополучно прибывает на конечную станцию — и всего шесть не прибывает. Трое из этих шести оказываются жертвами всего лишь пространственного поворота. Левая сторона у них становится правой. Двое из оставшихся трех страдают смещением ткани тела или продолжительными психозами. Лишь один пассажир из миллиарда исчезает без всякого объяснения. Но даже эта потеря статистически восполняется. Один пассажир из миллиарда редуплицируется из-за аномалий субпространственной рефракции. Следовательно, потери транзитной сети составляют ноль.

— Заткнись! — прорычал Квамодиан.— Я отлично знаком с этой статистикой. Как монитор я имел задание выяснить, что же происходит с одним пассажиром из миллиарда и куда он может деться. Я так и не решил проблемы и теперь не намерен к ней возвращаться.

Погрузившись в угрюмое молчание, обиженный флаер подплыл к кубу станции. Квамодиан наблюдал, как зрачковая диафрагма закрывалась за его спиной, отрезая его от бесконечной цепочки ждущих граждан. Немедленно флаер закачало, и он начал рыскать. Выкрученный из обычного пространства-времени, проворачиваемый через точно рассчитанные складки гиперпространства, Квамодиан испытал то же, что и всегда: страх одиночества, тошноту, паралич мыслительной деятельности. Голубые стены куба исчезли, растворившись в темно-сером тумане. Из ниоткуда донесся глухой жуткий рев, закладывая уши. Цепенящий холод волной окатил тело, словно каждая клетка тела каким-то образом была подвергнута воздействию почти абсолютного нуля, царящего в пространствах между галактическими скоплениями. Квамодиан покрывался испариной и страдал. Трансфлексионный перелет каждый раз

каким-то образом воздействовал на его чувство ориентировки... Исследователи проводили эксперименты с этим эффектом, но не смогли объяснить его причину.

— Ну, вот мы и прибыли, сэр! — пропел наконец флаер.— Не так уж плохо...

Он внезапно оборвал свою жизнерадостную фразу на полуслове. Затем завертелся, закачался и полетел вниз, Квамодиан с ужасом увидел отблески кроваво-красного огня. Он закрыл мокрое от испарины лицо и ждал, пока его инстинктивное чувство ориентировки не придет в норму. Оно не приходило. Но несколько головокружительных секунд спустя он почувствовал, как флаер вышел из бешеного пикирования и перешел на горизонтальный полет.

— Неполадки, сэр,— прожужжал он.— Отказали все навигационные и коммуникационные приборы.— Он снова зажужжал, защелкал и уныло добавил: — Если кто-то стремился не допустить вас на Землю, он выиграл первое очко.

Квамодиан поднял голову и увидел местное солнце. Незнакомая звезда, огненно-кровавая и огромная, но слишком тусклая, чтобы слепить. Словно распухшая, она плыла низко над горизонтом по абсолютно черному небу. Темные пятна, полосы и завитки покрывали две ее огромные полусферы, создавая узор, очень похожий на изображение поверхности человеческого мозга. Обе полярные короны выбрасывали толстые щупальца красной плазмы, извивающиеся кольцами. Они были даже ярче, чем испещренное крапинами лицо звезды.

— Это разумная звезда,— шепотом обратился Квамодиан к флаеру.— Я уверен, что она мыслит. Когда нейроплазменная активность начинает препятствовать нормальному излучению энергии, поверхность получает такой пятнистый вид.

— Не имею данных,— ответил флаер.— Я просматривал все имеющиеся звездные каталоги, но по данным визуального наблюдения не могу определить эту звезду по моему комплекту звездных каталогов. Возможная причина — звезда находится вне занесенных в каталоги галактических скоплений.

С судорожным усилием Квамодиан оторвал взгляд, который словно под воздействием гипноза был прикован к испещренному морщинами и пятнами лику светила. Он хрипло вздохнул и перевел взгляд на мир внизу.

— Это... наверняка это не Земля.— Он с трудом сдержал подступающий к горлу комок.— Похоже, что тот миллиардный шанс выпал на нашу долю.

Флаер завис над плоским бесконечным берегом. К северу — если это был север — простиралась гладкая равнина моря, кроваво-красного в лучах жуткого солнца. К югу, если это был юг, почти на одной высоте с уровнем полета флаера поднимались черные скалы. Эта бесконечная горная стена казалась странно отвесной, странно цельной, и она слегка изгибалась в сторону моря. Возможно, подумал он, это древний гребень

кратера, тысячемильная чаша для неподвижного моря, которое казалось таким мертвым, что Квамодиан даже засомневался, существуют ли в нем приливы и они ли это так выгладили берег. По всему сумеречному горизонту плясало красное зарево. Его сплошные сполохи корчились и извивались, словно змеи кровавого цвета, отбрасывая малиновые отражения на зеркальную гладь моря. Квамодиан был неприятно поражен, обнаружив, что плазменные щупальца звезды протянулись по всему мрачному небу планеты, словно звезда держала небо и море в кулаке сжатых плазменных пальцев.

— Опустись ниже,— приказал он флаеру.— Там что-то есть, на берегу. Я хочу рассмотреть поближе.

На широком черном берегу выделялись пятнами более светлые, чем песок, образования. По мере того, как флаер снижался, они обретали определенную форму, превращаясь в серый, разрушенный временем металл, выцветшую краску, белые кости. Мертвые существа и их сломавшиеся машины покрывали изогнутую трехмильную полоску берега.

— Кажется, мы узнали, что происходит с пропавшими пассажирами,— сказал Квамодиан.— Вызывай охрану и передай им сообщение.

— Сэр, но я постоянно вызываю их! — В тоне флаера чувствовалась глубокая обида, голос его приобрел даже пронзительные нотки.— Я вызываю по всем трансгалактическим каналам. Но по какой-то причине не получаю ответа.

— Продолжайте вызывать. Кстати, как там с нашим, э-э... энергозапасом?

— Наш аварийный запас наполовину истощен, сэр. Прикажете приземлиться, чтобы сберечь его?

— Погоди пока,— он прикрыл глаза ладонью, всматриваясь в берег, освещенный холодным красным солнцем.— Вон там! У подножия утеса. Что-то там такое... Немного правее. Странные такие башни. Опустились как можно ниже к ним.

Четыре непонятные башни привлекли внимание Квамодиана.Поставленные по углам квадрата, они были не слишком аккуратно собраны из обломков черного камня, скрепленного глиной. Верхние половинки башен состояли из металлических обломков, в дело пошли части разрушенных машин на берегу. Куски металла были причудливо сварены между собой.

Когда флаер опустился, Квамодиан обнаружил, что от башни к башне протянулась целая паутина кабелей. Туго натянутая блестящая проволока очерчивала скелет большого куба Внутри этого куба на тугих проволоках был подвешен куб поменьше. Его подвески очерчивали к этому еще шесть сужиающихся к концу шестигранников.

— Тессеракт! — удивление заставило его понизить голос.— Необходимейший контур трансфлексионного куба! Что же это значит?

— Отсутствие соответствующей информации. Данные, полученные путем наблюдений на этой планете, не дают логиче-

ских оснований отнести линию моих действий к какой-либо программе в моем банке памяти.— Флаер тихо прогудел три секунды и печально добавил: — Прошу прощения, сэр, но ко всему этому я не был готов.

— Не унывай — утешил его Квамодиан.— Мне необходимо добраться до Земли, до Молли Залдивар во что бы то ни стало.— Он бросил взгляд на угрюмое светило и постарался скрыть дрожь.— Как там атмосфера? Я могу дышать?

— ЗД, 79%, кислорода, остальное благородные газы. Гелий, неон, аргон. Температура и давление приближаются к нижним пределам выживаемости человека. Вам здесь не понравится, но жить можно.

— Спасибо,— отозвался Квамодиан. — Открой... нет, погоди!

Небольшая, странного вида процессия приближалась к ним, маршируя вдоль берега. Вышла она из отверстия пещеры, чей небольшой круглый зев, ранее не замеченный Квамодианом, темнел над валунами у подножия утесов. Полдесятка потерпевших крушение вселенских граждан. Три робота, сильно пострадавшие при аварии. Два многонога в желтой скорлупе, с недостающими ногами. Всех их вел человек, размахивающий палкой с белой тряпкой на конце. Было видно, что это женщина в вылинявшей одежде, которая явно предназначалась человеку более солидных габаритов, а может, и не человеку вообще. Ее густые черные волосы были неумело подрезаны, явно каким-то неприспособленным для этого орудием, а кожа на лице была испачкана, по всей видимости, обыкновенной грязью. Квамодиан выбрался из флаера, пробежал несколько шагов ей навстречу и замер, пораженный. Несмотря на инопланетное одеяние и непривлекательный вид, она была очень красивой женщиной. Но не только. Почему-то привлекательность ее была до боли знакомой. Запыхавшись, Квамодиан приветствовал женщину на языке старой Земли, по-английски:

— Здравствуйте!..

— Стой! —она резко перебила его на универсальном языке.— Стойте, где стоите! Назовитесь!

Голос ее был холоден и отрывист, но его богатый тембр что-то напоминал Квамодиану... напоминал ему о Молли Залдивар. Вот что дразнило его память! Эта женщина была так похожа на Молли Залдивар, что по позвоночнику Квамодиана пробежал холодок. Соскрести грязь, одеть ее в нормальную одежду, хорошенько покормить пару дней — и она будет точной копией Молли Залдивар.

Со строгим выражением на лице женщина повысила голос.

— Я жду! — Голос, приводящий в транс Энди Квамодиана, голос Молли Залдивар.— Предъявите свой стандартный голосовой идентификатор-матрицу.

В ошеломлении он только и смог выдавить из себя какой-то нечленораздельный звук.

— Погромче! — она махнула рукой, и, повинуясь приказу, роботы окружили его.— Здесь приказываю я!

Слегка заикаясь и запинаясь, он проговорил формулу стандартной голосовой матрицы.

— Благодарю, мистер Квамодиан.— Она коротко кивнула.— Я тоже принадлежу к Товариществу Звезды. Старший монитор Клотильда Квай Квич,— она сделала ударение на слове «старший».— Какое было число, когда вы вылетели?

Он сообщил ей дату по универсальному календарю.

— Спасибо, монитор,— подсчитав в уме, она мило нахмурилась, совершенно как это делала раньше Молли Залдивар.— Значит, я здесь уже пять лет... Это слишком!

Она указала кивком на пятнистое солнце.

— Здесь трудно следить за временем. На этой планете что день, что год — одно и то же. Солнце стоит в небе неподвижно. Мы даже местные года не можем отсчитывать, потому что в небе не видно звезд, по которым мы могли бы ориентироваться.

Квамодиан, вслушиваясь, зажмурил глаза. Если не обращать внимания на отрывистый начальственный тон, это был полностью голос Молли Залдивар.

— Проснитесь, монитор! — фыркнула Клотильда Квай Квич.— Как вы сюда попали?

— Я находился в трансфлексионном транзите с Эксиона-4 на Землю,— сказал он.— С помощью Лебедя я получил право на внеочередной транзит, чтобы поспешить туда по вызову девушки. Ее имя Молли Залдивар,— он всматривался в испачканное грязью лицо, но на нем ничего не отразилось, когда он произнес это имя. И все же он не смог удержаться от вопроса:

— У вас случайно не было сестры-близняшки по имени Молли?

— Конечно, нет. Не тратьте мое время на пустые разговоры. Монитор, проснитесь наконец! Здесь перед всеми нами стоят беспрецедентные проблемы! Все усилия должны быть направлены на их разрешение. Как ваш старший товарищ по объединению я предлагаю и требую от вас сотрудничества. Теперь мои подчиненные могут назвать себя.

Заговорив в унисон, роботы монотонно продекламировали опознавательную матрицу, из которой следовало, что все трое были инспекторами службы движения. Как ни странно, но все назвали один и тот же серийный номер. Два желтопанцирных многонога говорили по очереди, но оба были помощниками инспекторов безопасности движения, и индивидуальные шифры у них были идентичны.

— Они попали сюда на год позже меня,— объявила Клотильда.— У меня было задание выяснить, что же происходит со статистически незначительным числом пассажиров, исчезнувших во время трансфлексионной транспортировки. Им было дано задание выяснить, что случилось со мной. В куб стан-

ции их штаб-квартиры они входили вдвоем — инспектор и его ассистент. Со мной это случилось во время переброски на Эксион-4. Их маршрут был тем же самым.

Глядя на трех покалеченных роботов и двух многоногов, Квамодиан почувствовал холодное дуновение на затылке.

— Теперь вы понимаете, что произошло,— продолжала она.— Инспектор во время транзита был дуплицирован. Робот-ассистент триплицирован. Но что хуже всего — произошел обмен разумов. У всех трех роботов теперь память и сознание инспектора, а у раздвоившегося инспектора — программы и содержимое банков памяти робота-ассистента. В конечном итоге все они оказались здесь.— Пронзительный ее голос надломился.— И это...— На мгновение под маской начальственной уверенности в себе он уловил судорогу откровенного ужаса. Она тотчас же взяла себя в руки и успокоилась.— Вот с какой проблемой мы здесь столкнулись, монитор Квамодиан.

— А вы? — он не мог удержаться от инстинктивно возникшего на губах вопроса.— Вы ничего в себе не заметили?

Она вздрогнула и вспыхнула. В коротких темных волосах зажглись знакомые искорки, когда она повернула голову, глядя вдоль бесконечного берега. Внезапно она снова повернулась к нему, подбородок приподнялся, выдавая гнев,— жест, сразу ожививший самые болезненные воспоминания Квамодиана.

— Я с возмущением отказываюсь отвечать на личные вопросы.— Голос ее был напряжен и дрожал.— Если вам нужна объективная информация, то могу сказать, что мной замечены незначительные физические отклонения, которые я предпочитаю не обсуждать. Лучше вернемся к вопросу нашего спасения.

— Согласен,— сказал Квамодиан.— Вы можете объяснить, как мы сюда попали?

— Мы все вместе собирали данные и разрабатывали гипотезы.— Казалось, некоторая неуверенность заставляла ее говорить медленно, словно подбирая нужные слова.— Конечно, мы понимаем, что достаточно обоснованное заключение будет возможно только после тщательного анализа данных, когда мы вернемся в штаб-квартиру — если мы туда вообще вернемся.

Она сердито пожала плечами, которые покрывал гротескный инопланетный костюм, словно стараясь сбросить с себя сжавший ее сердце страх.

— Вот что мы подозреваем,— сказала она, кивнув на лик пятнистого светила.— Я думаю, это Блуждающая Звезда. Я думаю, что она систематически вмешивается в транзит трансфлекторных линий. Датированные документы среди самых ранних останков здесь на берегу указывают, что существа эти были переброшены много столетий назад. Но в последнее время частота исчезновений увеличилась — как раз с того времени, когда Соломон Скотт обосновал гипотезу и основал станцию для исследования Блуждающих Звезд.

— Значит, Блуждающие за нами следят? — Он против воли вздрогнул, чувствуя неутихающий ветер, который непрерывно дул вдоль берега, прямо в напрвлении угрюмого солнца.— Сол Скотт побывал здесь?

— Нет,— ответила она.— Мы проверили все останки и составили перечень. Идентифицированы все, кроме нескольких самых ранних потерпевших. Людей в этом списке немного. И никто из них не мог быть Скоттом.— Она испытующе посмотрела ему в лицо, совсем как Молли.— А почему вы спрашиваете?

Он протянул ей ленту с трансфаксным сообщением Молли и рассказал о встрече со Скоттом. Вдруг многоноги что-то защебетали на своем языке, обращаясь к роботам. Те запищали в ответ. Клотильда Квай Квич сделала паузу, вслушиваясь.

— Мы видели непонятный самолет,— наконец перевела она.— Примерно с полдесятка раз. Он быстро и низко пролетал над морем неподалеку от берега, словно шпионя за нами. Инспектор сообщает, что его внешний вид соответствует вашему описанию поврежденной машины Скотта.

— Что вы об этом думаете?

Она подождала, пока проскрипят вопрос роботы, а многоноги им ответят.

— Скотт пытался добраться до окрестностей Блуждающей Звезды,— перевела она Квамодиану.— Инспектор предполагает, что это и есть та самая звезда, что она похитила Скотта, потом каким-то образом переслала обратно на Эксион, превратив того в своего рода нерассуждающий инструмент.

— Это могло бы объяснить случившуюся с ним перемену,— кивнул Квамодиан.— Но почему он пытался убить меня?

Роботы запищали, а многоноги ответили им стрекотом.

— Они предполагают, что Блуждающая Звезда заинтересована в экспериментах, которые проводит Хаук на Земле,— Сказала Клотильда.— Они думают, что звезда не хочет дать вам возможности вмещаться.

— Но Молли звала меня,— упрямо пробормотал Квамодиан.— Я не намерен отступать.

— Для этого вам нужно иметь семь пядей во лбу,— в запавших глазах девушки замерцал огонек едкой усмешки.— Потому что мы здесь полностью отрезаны от остальной Вселенной. На наши сигналы не отвечают. Если это и в самом деле Блуждающая Звезда Клиффа Хаука, то мы где-то в межгалактическом пространстве. В нашем регистре отмечена почти тысяча граждан, заброшенных сюда. И ни одному не удалось вернуться обратно.

Квамодиан вопросительно нахмурился, глядя на Клотильду Квай Квич, и указал на проволочную паутину между четырьмя грубо выстроенными башнями.

— Кто-то намеревался вернуться,— сказал он,— кто-то пытался построить трансфлексионный передатчик...

— И дальше этого не пошел,— она презрительно пожала плечами.— Эти башни уже стояли здесь, когда я попала сюда. Инженеры, выстроившие их, к тому времени умерли и были забыты. В нашем регистре нет даже их имен.

— Когда-то я изучал транзитную инженерию,— Квамодиан не удосужился упомянуть, что не выдержалл последних экзаменов. Этот контур-тессеракт очень похож на копию рабочей модели, которую мы строили в лаборатории.— Внезапная мысль заставила его задержать дыхание.— Возможно... Возможно, мне удастся достроить его!

— Все уже готово,— сказала Клотильда.— Готово к испытаниям.

— В чем же дело?

— Мы не можем опробовать передатчик, пока не определим, где находимся сами.— Она прислушалась к попискиванию робота.— Инспектор считает, что эта звезда — та самая Блуждающая Звезда Клиффа Хаука. Если это так, то мы довольно точно можем определить примерное расстояние до терминала на Эксион-4. Но расстояние — это еще не все, необходимо задать направление, а у нас здесь нет никаких ориентиров.

— Я обладаю... — Квамодиан прикусил язык.— Раньше у меня было особое чувство, я умел определять направление. Но все дело в том, что трансфлексионный переход создает помехи. Как правило, все приходит в норму, как только я прибываю на станцию назначения. На этот же раз... — он расстроенно покачал головой.— На этот раз оно так и не пришло в норму.

Над берегом нависла полная тишина. Потом загундосили роботы, запищали многоноги. Осунувшееся лицо девушки побледнело.

— Монитор Квамодиан, инспектор припоминает исследовательский рапорт, касающийся экспериментов с вашим феноменальным даром. Часть экспериментаторов убедилась, что вы обладаете необъяснимым умением воспринимать завихрения в гиперпространстве. Другие явно считали вас обманщиком, сознательным или нет. Если вы действительно обладаете таким даром, то сейчас самое время испробовать его.

— Я попробую,— пробормотал он.— Но я по-прежнему не могу ничего определить.

Он попытался наугад. От усилия только увеличилась щемящая дурнота. Он весь покрылся холодным потом. Берег перед глазами накренился, черные вершины сказочно повисли над самой головой. Вокруг, как воздушный шар, кружилось багровое солнце.

— Бесполезно,— слабо выдохнул он.— Собственно, я даже не знаю, что нужно сделать. Как правило, я просто знаю направление, и все. Или ощущаю его, или нет.

Поскрипывая, роботы подобрались поближе.

— Лучше попробуйте еще раз,— отрезала Клотильда.—

Или, возможно, вам больше нравится здесь?

— О, Альмалик! — в нем проснулся гнев.— Вы что, думаете, я не хочу добраться до Земли, спасти Молли Залдивар?

Что-то произошло с ним, едва он произнес эти слова. Закачавшийся берег снова обрел устойчивую надежность под его словно обретшими силу ногами. Красное солнце заняло положенное место. Прошло мучительное головокружение. Он совершенно точно знал, где находится.

— Вот где Эксион,— он указал на небо.— Вправо от солнца. Нужно просто продолжить линию экватора. Галактики находятся пониже, как раз над морем.

Монитор, вы уверены?

Клык сомнения коснулся только-только рожденной уверенности.

— По-моему... — жалкая пауза.— По-моему, я не ошибаюсь.

Клотильда Квай Квич и ее роботы отошли к подножию башен, чтобы посоветоваться без посторонних. Два многонога остались стоять настороже поблизости от Квамодиана, словно опасаясь, что он бросится бежать. Роботы пищали, девушка что-то шептала. Наконец они вернулись обратно к Квамодиану.

— Монитор Квамодиан, мы обсудили ситуацию. Возникают новые серьезные проблемы. Мы не можем с уверенностью сказать, что ваше чувство направления, которым вы, по вашему уверению, обладаете, позволит нам правильно настроить приборы станции. Даже если терминал работает, неизвестно, позволит ли Блуждающая Звезда покинуть эту планету. В данных обстоятельствах инспектор предлагает вам провести первое испытание станции. Вы согласны?

— Конечно, согласен,— до сих пор ему не приходило в голову, что звезда может вновь вмешаться.— А какова вероятность... — Глядя на змеевидные протуберанцы кровавой звезды, он не завершил фразу.

— Мои подчиненные не рискуют делать прогноз.— Она нахмурилась, совсем как Молли.— Они не могут отнести Блуждающую Звезду ни к какому типу жизни, даже среди мыслящих звезд. Ее возможности не ограничены. Но мотивы ее поступков нам непонятны и непостижимы для нас. Сила ее мышления должна быть почти абсолютной. Но она практически ничего не знает о других существах... особенно о людях. В результате ее поступки могут оказаться до ужасного простодушными. Или поразительно проницательными. Или просто безумными.— Она пожала плечами.— Кто знает, чего мы можем ожидать.

Квамодиан помог настроить приборы управления терминалом, которые помещались в корпусе грузовой космобаржи, погребенной в черном песке под башней. Клотильда без лишних церемоний пожала ему на прощанье руку. Он вернулся к ждущему флаеру и стал ждать ее сигнала. Наконец Клотильда взмахнула рукой. Флаер проплыл мимо башен, входя в про-

странство, ограниченное сверкающими проводами. Он бросил взгляд на зловещее солнце, но оно уже погасло, растворилось в межвремени. Он снова потерял всякое представление о том, где находится. Вокруг с ревом вращались серые пространства, пронизывающий холод снова высасывал из его тела энергию жизни. Флаер так крутило и вращало, что он уже начал опасаться, что безумная звезда бросила его в еще худшую ловушку. Но флаер выпрямился.

Приготовьтесь к выходу,— пропел он, и тут рев исчез вместе со всеми остальными неприятными ощущениями.

Условные стены проволочного тессеракта превратились в настоящие, окружавшие его со всех сторон. Они были покрашены в серо-черный цвет и украшены большими черными буквами, гласившими, что Квамодиан находится на Земле, на станции Волчий Ручей. Впереди раскрывалась диафрагма выхода. Он испытал такое чувство, словно его оглушили ударом по голове. Контраст был почти невыносимым. Исчез инопланетный берег, кроваво-красное солнце, море, Блуждающая Звезда со змеевидными протуберанцами. Не было жгучего холода гелиево-кислородного ветра, хлеставшего по длинной очереди галактических граждан, погруженных в мысли о своих делах, стремящихся получить первоочередное право транзита или сердящихся на задержку. В этой пасторальной тишине обе планеты — Эксион-4 и мир ужасной Блуждающей Звезды — превратились в кошмарных близнецов, о которых он не хотел даже думать. Квамодиан радостно подался вперед, когда флаер выплыл из клуба трансфлексной станции и он впервые в своей взрослой жизни взглянул на широкие просторы Земли, залитые теплым светом ее единственного Солнца. Двадцать минут спустя большая часть его патриотически-пасторального настроения испарилась. Он яростно процедил, обращаясь к флаеру:

— Что это значит? Я не могу вызвать Молли Залдивар? Я проделал такой путь от самого Эксиона-4. Ты хочешь сказать, я не могу послать ей сообщение?

— Ваше сообщение едва ли может быть послано, мистер Квамодиан. Блок связи не функционирует.

— Чепуха! Попробуй вызвать местное отделение общества Товарищества Звезды...

— Тоже не отвечают, мистер Квамодиан. Это местный обычай. Меня информировали — в четырнадцать часов по местному времени все обычные линии связи будут открыты. Но до этого времени...

— Я не могу ждать из-за дурацких условностей! — рявкнул Квамодиан.— Я потратил столь о усилий, чтобы добраться сюда, и я не намерен бить баклуши, пока этим занимаются местные деревенщины. Так что я отправляюсь туда сам!

— Конечно, мистер Квамодиан.— Флаер начал медленно спускаться к пыльному открытому участку прямо перед кубом станции.— Правда,— добавил он, извиняясь,— вам придется

идти пешком. По местным обычаям флаерам не разрешается удаляться больше, чем на сто метров от станции.

— Великий Альмалик! Ну, ладно.— Он суетливо выбрался из кресла и протиснулся в открытую дверку.— Куда мне идти?

— Вдоль по улице, мистер Квамодиан. Золотое здание с эмблемой Товарищества,— сказал над его ухом голос флаера, включившего наружные динамики.

Он повернулся и посмотрел в указанном направлении. Флаер за его спиной тихо поднялся в воздух и отплыл обратно к высокому черному зданию трансфлексной башни, после чего опустился отдыхать у ее основания. Квамодиан остался один на планете, где когда-то родился. Как он сейчас понял, он был даже больше одинок, чем ожидал. Он знал, что некоторые области Земли еще населены — хотя они ни в коей мере не могли идти в сравнение с шумными метрополисами центральных миров или даже относительно малозначительными планетами, где он учился или работал. Но он никак не ожидал, что Земля, пусть даже небольшой кусочек, будет совершенно пустой. Тем не менее поблизости не было видно ни души. Он посмотрел назад, на башню станции — его флаер, неподвижный и безобидный, ждал у подножия. Больше ничего. Он посмотрел вдоль длинного бульвара из искусственного камня: здание школы, больница, несколько центров снабжения,— и ни одного жителя. Он заметил парк со скамьями и игровыми площадками, но они пустовали. Он видел припаркованные на стоянке машины, по виду брошенные, библиотеку без читателей, играющий фонтан — и некому было любоваться его игрой.

— Это просто смешно,— проворчал он и зашагал к сияющему на солнце зданию.

Единственная звезда Земли оказалась жаркой, и гравитация родного мира превышала силу притяжения, к которой Квамодиан привык за эти годы. Это была утомительная прогулка. Но что-то было в ней и приятное, нечто в запахе пыльного тротуара, в шелесте яркой молодой листвы деревьев, нависающих над тротуаром. Над поселком, словно благословенный Альмаликом, повис мир. Но Квамодиан спешил на Землю не для того, чтобы искать здесь покоя. Он прибавил шагу, с пыхтением преодолевая тротуар, отделявший его от флагштока, на котором развевался штандарт Товарищества Звезды — на черном фоне космического пространства тринадцатицветную звезду Альмалик окружали эллипсы сложных орбит его компонентов. Но дверь при его приближении не открылась. Квамодиан едва не ударился о прозрачное стекло, с трудом успев вовремя остановиться.

— Черт побери, что здесь происходит? — сердито воскликнул он, больше удивленный, чем рассерженный, по крайней мере, поначалу.— Я Эндрю Квамодиан, монитор Товарищества Звезды. Сейчас же впустите меня!

Но блестящая кристаллическая панель не шелохнулась.

— Доброе утро, гражданин Квамодиан,— проговорил записанный на пленку учтивый голос.— Пост Товарищества

Звезды по названию Мудрый Ручей сегодня закрыт в соответствии с местными религиозными обычаями. Как обычно, он откроется в понедельник.

— Я сообщу об этом куда следует! — воскликнул Квамодиан.— Запомните мои слова. Я вызову региональное управление Товарищества Звезды...

— Публичный прибор связи, гражданин Квамодиан, находится как раз слева от вас,— вежливо сказал робот.— Для аварийного пользования он свободен даже в День Звезды.

— Аварийного, да? Будь я проклят, если это не самая настоящая авария!

Но с Квамодиана было уже достаточно споров с записанными на пленку голосами. Он прошествовал вдоль крыла здания, облицованного золотисто-желтой керамической плиткой, к кабине связи, где сердито набрал номер регионального отделения... и обнаружил, что ему снова отвечает деловитый механический голос.

— Товарищество Звезды. Отделение третьего округа,— отчеканил голос.

— О, проклятье! Гм... ничего. Послушайте, Я монитор Квамодиан. Нахожусь в Мудром Ручье, чтобы произвести расследование чрезвычайной важности. Я прибыл сюда по вызову. И обнаружил, что местное отделение закрыто. Это просто беспорядок. Я требую, чтобы отделение было открыто и...

— Монитор Квамодиан,— укоризненно сказал голос робота.— Это невозможно. По условиям Конвента с Посетителями местные отделения никогда не функционируют в День Звезды, чтобы дать возможность персоналу принять участие в религиозных обрядах по их усмотрению. Даже региональное отделение восьми округов обслуживается в эти дни только машинами...

— Но это чрезвычайное происшествие! Аварийная ситуация! Как вы не понимаете!

— Монитор Квамодиан, мои сенсоры не регистрируют аварийной ситуации на Мудром Ручье.

— Да ведь я же потому сюда и прилетел! Я, понимаете, не знаю конкретной природы происшествия, но я требую неемедленного содействия...

— Наше отделение в Мудром Ручье откроется ровно в полночь по местному времени,— вежливо сообщил механический голос.— С этого момента вы можете получить компетентную помощь.

— Полночь — это уж слишком!

На линии что-то щелкнуло, зажужжало, потом послышалось ровное, ничем не прерываемое гудение. Что-то гневно бормоча себе под нос, Квамодиан попробовал набрать код Молли Залдивар. Но флаер был прав — никто не отвечал. Громко пыхтя от раздражения и в равной степени от усталости, Квамодиан присел на ступеньку местного отделения Товарищества и хмуро уставился на пустую улицу. Сколько мил-

лионов световых лет преодолел он за этот день — и все только для того, чтобы оказаться в каком-то сонном захолустье?! Подумать только, какие титанические силы были вызваны к жизни, чтобы перебросить его через бездны космоса в спешке спасти Молли Залдивар от смертельной опасности, угрожавшей ей, судя по посланию. Он провел языком по пересохшим губам и стер выступившие на лбу капли пота. Да, он был героем, готовым спасти девушку, жителей города и даже целый мир. Но ни первая, ни вторые, ни третий — никто не желал спасаться.

А в двадцати пяти милях от Мудрого Ручья Молли Залдивар на самом деле требовалось спасение. Ее старенький голубой электромобиль с жужжанием взбирался по крутой горной дороге на высоте трех тысяч футов над уровнем моря. Внизу она видела сухую плоскую равнину, старый городишко Мудрый Ручей, домики которого сгрудились вокруг двух шпилей — трансфлексной станции и церкви. Дальше дороги не было. Шоссе ныряло вниз, обходило склон горы по кругу и опускалось в другую долину. От этого места ей придется идти пешком. Но этого она не могла сделать. Выше по склону она слышала неутихающее шуршание — это неустанно передвигалось с места на место существо, которое Клифф называл слиитом. Она его сейчас не видела, но могла прекрасно вообразить — величиной с лошадь, но более массивное, черное, как пространство космоса, и гладкое до блеска, как ее собственные шелковистые волосы. И она понимала, что в этот момент как никогда близка к смерти. Она на цыпочках бесшумно вернулась к машине, не спуская глаз со скал над головой. Певучий шелест существа то приближался, то удалялся, снова и снова. Возможно, слиит еще не почуял ее. Но в любой момент, в любой момент... Молли села в машину и осторожно прикрыла дверцу, стараясь не щелкать замком. Тяжело дыша — частично из-за нервного напряжения, частично из-за разреженного воздуха — она подняла коммуникатор и прошептала:

— Клифф! Ответьте мне, Клифф, пожалуйста.

Но слышались только слабое шуршание слиита и еще более слабый посвист ветра на вершине. Молли закусила губу и обернулась. Она не осмеливалась выключить мотор. Тот, правда, работал негромко, но слишком близко был слиит. Удивительно, как он вообще до сих пор не засек приближающуюся машину. Но позади дорога круто уходила вниз. Если она отпустит тормоза, ее старенькая машина покатится вниз. Она будет скрипеть и хрустеть, но только когда наберет скорость. А Клифф говорил, что слиит не отходит от своей пещеры дальше, чем на несколько сотен ярдов. Сейчас она очень близко к пещере, но машина выкатилась бы из опасной зоны менее чем за минуту... А что потом? Клифф не отвечал. Она *должна* увидеть его... должна остановить то, что он задумал свершить вместе с этим жестоким, бесцеремонным человеком, владельцем

слита. Ближе, чем сейчас, ей никогда не подобраться, и можно ли надеяться, что в следующий раз слит окажется в каком-нибудь другом месте?

— О, Клифф, пожалуйста,— прошептала она в коммуникатор.— Это Молли. Я д о л ж н а с тобой говорить...

Послышался стук камешков, поднялось облако пыли, и Молли вытянула шею, внезапно охваченная ужасом. Это был слит. Огромные, с человеческую голову, глаза горели зеленым пламенем, как цифры на часах с фосфоресцирующими стрелками. Сейчас эти глаза слепо смотрели в долину. Он был грациозен, как кошка, но с удивительной неуклюжестью поплыл вниз, влекомый трансфлексным полем, цепляясь за каменное крошево предназначенными для убийства когтями. Кажется, он не заметил ее. Пока... Молли замерла, напряженно слушая поющий шелест слита. Его могучие мышцы перекатывались, как ртуть, под черной гладкой кожей с мелкими шершавыми чешуйками. Глаза медленно поворачивались от одной стороны горизонта до другой. Потом он снова неспешно удалился в свои владения, и Молли осмелилась глубоко вздохнуть. «О, Клифф!» — прошептала она, но только для себя самой. Она не могла заставить себя говорить в коммуникатор, даже шепотом. Но любой ужас постепенно проходит. Человеческий мозг никогда не остается долго настроенным даже на близкую опасность гибели. Молли вдруг почувствовала, что сидит, согнувшись в три погибели, уже довольно давно. Она осторожно распрямила ноги и выпрямилась, заняв более удобную позицию на видавшем виды пластиковом сиденье электромобиля. Если бы только Клифф услышал ее вызов и был теперь с ней! Если бы слит убрался на другую сторону горы, давая ей шанс за считанные секунды безумного спринта достичь пещеры и тех, кто в ней находился. Если бы... но она понимала, что вторгается в область невозможного... Если бы бедняга Энди Квам ответил на ее мольбу о помощи и выпрыгнул из башни трансфлекса, вооруженный всем, что необходимо, чтобы остановить Клиффа, остановить его страшную затею... Но все это было практически невозможно. Клифф ее не услышит, слит не уйдет. Что же до Энди Квама... Даже находясь в таком ужасном положении, она не могла сдержать улыбки. Бедный старина Энди, всегда такой трезвый и серьезный, любящий и толстенький, быстро приходящий в гнев и быстро остывающий, но всегда такой добродушный... Нет, из всех спасителей, которых только может вообразить себе обыкновенная девушка, это был наименее желаемый вариант. Поющий шелест слита стал громче, и она со страхом подняла глаза. Но слит не поднялся. Она бы с благодарностью встретила сейчас даже Рифника — мрачного гиганта с рыжей бородой, союзника Клиффа по безумной затее. Она боялась Рифника, он, казалось, возвращал ее к чудовищной эпохе насилия и ярости, когда мирные города подвергались разграблению вандалов, маумау резали спящих детей. Он всегда держался с ней корректно

и достаточно вежливо, но в нем чувствовалось нечто, грозившее разрушением. То, чем занимался Клифф, было само по себе очень плохо! Поэтому дополнительно пугать Молли не было нужды. Создать разумное существо на атомном уровне, попытаться вывести живое мыслящее существо, состоящее из той же ткани, что и сердцевина разумных светил! И что страшнее всего — попробовать дуплицировать в лаборатории тот же вид звездного разума, который превращает звезды в блуждающие, натравить его на собственных родичей, вызвать грандиозную битву энергетических вихрей и разрушительных разрядов материи. Она вдруг усмехнулась, вспоминая Энди Квама. Только вообразить себе — он против Рифника! Да он... Молли Залдивар внезапно выпрямилась. Она вдруг осознала, что поющий шелест слиита больше до нее не доносится. Слышалось только далекое завывание ветра. Она подождала еще немного, потом собралась с духом и тихо выскользнула из машины. Она готова была каждую секунду прыгнуть обратно на сидение, чтобы бежать — хотя это и было бы непросто — но слиит по-прежнему не показывался. Очень осторожно и очень тихо она сделала шаг вперед по каменистой тропе. Потом еще один. Щелкнул упавший камешек, задетый ее ногой. Она замерла, чувствуя, как колотится сердце... но вокруг по-прежнему царила тишина. Еще шаг... и еще. Теперь она была уже на самом верху. Справа зияла пасть пещеры, оправленная в кристаллическую облицовку. И никого не было видно. Молли быстро заспешила к пещере. И в это мгновение появился слиит. Он взмыл над гребнем горы, устремившись вниз, прямо на Молли, словно брошенное копье. Она видела перед собой его огромные слепые глаза, он двигался со скоростью звука и через секунду должен был накрыть ее.

— КЛИФФ! — завопила она и бросилась к пещере. Но она не достигла ее. Из пещеры вылетело большое облако черного дыма, образовав правильное вихревое кольцо. Сотрясение выбило почву из-под ног Молли, бросив ее на острые камни. Долю секуды спустя донесся оглушительный грохот, но Молли этого уже не слышала: взрыв, удар о камни, свирепый слиит — все это смешалось в медленное затухание всякой связи с внешним миром. Еще доля секунды — и она потеряла сознание. Где реальность и где сон? Молли медленно открыла глаза и увидела над собой осунувшееся, покрытое кровоточащими ссадинами лицо Клиффа Хаука, ошеломленно глядевшего на нее. Она снова закрыла глаза, и кто-то — что-то, какой-то голос — позвал ее, и она увидела, что этот Некто пойман в ловушку и полон гнева, он приказал ей прийти и...

— Проснись, Молли, черт тебя подери!

— Я не сплю, мой дорогой,— сказала она, открывая глаза. Это был Клифф.— Нужно уходить отсюда, и как можно скорее,— сказала она совершенно серьезным тоном.— Он испуган, одинок и...

— Кто? О чем ты говоришь?

Она вдруг охватила голову руками, почувствовав, как сильно она болит.

— Почему? — она в замешательстве посмотрела на Клиффа.— Я забыла.

Клифф недовольно нахмурился.

— Ты слишком сильно ударилась,— нехотя сказал он.— К тому же ты надоела. Что ты здесь делаешь?

Я хотела остановить тебя.— Голова продолжала кружиться. Она пыталась вспомнить нечто очень важное, что загадочный Кто-то сказал ей в этом сне. Если только это был сон!

— Я так и думал. И вот что ты наделала! Как будто и без этого у меня забот мало!

Молли оставила попытки поймать мысль-беглянку. Выражение лица Хаука внезапно стало больше озабоченным, чем сердитым. Молли явно рассказала ему то, что он и так знал. Из ссадины на лбу у него бежала вниз струйка крови, расходясь на две струйки поменьше у носа и исчезая в синеватой щетине на щеках и подбородке. От этого он был похож на недоброго клоуна. На клоуна, отягощенного каким-то очень большим страхом.

— Произошел... произошел несчастный случай. Молли, возвращайся в Мудрый Ручей.

Она покачала головой и вдруг без всякого вступления начала плакать. Хаук негромко чертыхнулся, но когда он быстро нагнулся, чтобы помочь ей подняться, прикосновение его оказалось неожиданно нежным. Он помог ей встать на ноги и отойти к пещере. Молли безудержно рыдала, что, тем не менее, не помешало ей заметить, что пещера была превращена в настоящую мастерскую, полную блестящего металла, машин и инструментов. Над блестящим золотым шаром висела аура бледно-фиолетового свечения. Шар был помят и испачкан — очевидно, то, что взорвалось, находилось неподалеку от него. Она слышала приглушенное завывание энерготрубы, басившей, как до-регистр паровой каллиопы, затягивая энергию из воздуха. Она позволила усадить себя на шаткий лабораторный табурет, приняла салфетку и вытерла щеки и нос.

— Тебе придется вернуться домой,— сказал Клифф с грубоватой нежностью.— Как видишь, я занят.

— Тебе грозит опасность,— поправила она его.— Это очень опасно, Клифф! Оставь Блуждающую Звезду в покое! Я вернусь в Мудрый Ручей, если только ты вернешься вместе со мной.

— Я не могу. Останавливаться поздно.

— Но ты рискуешь жизнью... всей планетой...

— Молли.— Он неловко тронул ее за плечо.— Я не могу прекратить эксперимент. Даже если это будет стоить мне жизни. Даже если будет разрушен мир. Ты говорила мне правду, когда сказала, что... любишь меня? Тогда возвращайся домой и оставь меня одного.

Пыхтя и отдуваясь, Энди Квам вылетел из-за угла и закричал:

— Эй, погодите! Погодите минутку, пожалуйста!

Трое ребят, которых он только что заметил, весело шагали вдоль пыльной дороги. Они остановились и достаточно вежливо и с любопытством оглядели Энди.

— Доброе утро, Проповедник,— кивнул один из них.

— Нужно помочь, да?

— Да. Я надеюсь, во всяком случае... в общем, куда все подевались?

— День Звезды, Проповедник. Большинство поклоняется. Кроме нас.

— Молодой человек, я не Проповедник. Я...

Мальчик оглядел Энди.

— Тогда почему на вас этот смешной костюм?

Квамодиан покраснел.

— Это униформа Товарищества Звезды. Я монитор Квамодиан. Мне нужно отыскать...

— Ух, ты, Проповедник! — Мальчик впервые высказал неподдельный интерес.— Товарищество Звезды! Значит, вы летали по всем этим галактикам, верно? И видели всех этих смешных галактожителей, с зеленой кожей, двумя головами и...

— Очень некрасиво шутить по поводу внешности других вселенских граждан,— сердито сказал Энди Квам.— Мы все занимаем одинаковое место в содружестве звезд.

— Ну, конечно. Ух, ты! А вы видели, как взрывается новая звезда? А, Проповедник? Или дрались с аммиачными монстрами на газовом гиганте, или...

Энди Квант ничего не стал скрывать.

— Молодой человек, я занимаюсь, в основном, административной и статистической деятельностью. Приключений со мной не происходит вообще. Не считая вот этого.

— Сейчас? С вами?

— Даже более, чем мне хотелось бы. Происходит что-то очень серьезное. Я ищу Молли Залдивар.

Второй мальчик, рыжеволосый и круглолицый, объявил:

— Она ушла к холмам, Проповедник. Бьюсь об заклад, искать своих друзей.

— Заткнись, Руф! Они ей не друзья.

— Ты мне это сам сказал, Роб. Только потому, что неравнодушен к Молли Залдивар, ты еще...

— Я тебя предупреждаю, Руф!

— А что тут такого? Все знают, что ты в нее втюрился. И всем известно — ей нравится парень, который живет... убери руки!

Энди Квам поспешил расцепить драчунов.

— Мальчики, если вы собрались драться, прошу вас, подождите, пока я не узнаю все. Ты говоришь, что знаешь, где сейчас Молли Залдивар?

Рыжеволосый вырвался и отскочил в сторону, свирепо

глядя на другого мальчика.

— Миль тридцать отсюда. Бьюсь об заклад, она там. Пошла к пещере, где живет этот парень, а с ним Рифник и зверюга. Когда-нибудь она его сожрет, или он сам себя прикончит. Так мой папа говорит.

— Как туда добраться? — энергично поинтересовался Энди.

— Да никак, Проповедник. Сегодня же День Звезды. Разве что вы пойдете пешком!

— Но это очень важно...— Квамодиан замолчал. Вероятно, мальчик прав. По местному времени, наверное, дело уже идет к вечеру. А в полночь он все немедленно уладит.— А кто такой этот Рифник?

— Человек с Рифов Космоса, само собой. С ним рифовая зверюга. Они ее зовут слиит.

— Большущая,— неожиданно вмешался третий мальчик.— Мой брат уверяет, она может убить даже взглядом. Только посмотрит, и все.

— Уже убила трех собак,— подтвердил Руф.— Я бы к ней не подошел ни за какие деньги,— добавил он благоразумно.— Мне папа запретил.

Энди Квам задумчиво посмотрел на него.

— Уверен, ты мог бы мне сказать, как туда добраться.

— Мог бы.

— И мог бы даже показать дорогу, если бы захотел.

— Были бы неприятности с моим па.

— Угу. Послушайте, ребятки. У меня есть кое-какие редкие сувениры с планеты в пятой галактике. Как насчет них? Потом, вероятно, вы мне немного побольше расскажете о пещере в холмах.

Ребята шумно потребовали покатать их на флаере. Стометровое ограничение все еще пребывало в силе, но Энди Квам усадил их в кабину, закрыл дверцы и приказал флаеру подняться до разрешенного предела и там зависнуть. Это было все, чем он мог их порадовать. И этого было вполне достаточно, судя по крикам и возгласам, с какими они отталкивали друг друга от иллюминаторов. Открывшийся с высоты вид интересовал и Энди тоже. Ведь все же это была старушка Земля, колыбель человечества. Глядя с парящего флаера, он испытал смутное разочарование. Он ожидал увидеть огромные древние города или, по крайней мере, знаменитые легендарные руины и памятники длинной истории человечества. Но он не обнаружил ничего подобного. Мудрый Ручей окружала голая красно-коричневая равнина. Сам поселок был до обидного невзрачным. Лишь церковь Звезды поражала своим видом с высоты. Звездной формы — пятиконечная — пять крыльев отходили от центрального купола. Крыши и колонны крыльев были ослепительно белого цвета, сам купол черен, как космос, и прозрачен, со сверкающими изображениями тринадцати солнц-компонентов Альмалика, медленно плывущих по своим орбитам.

— Вон мой дом, Проповедник! — воскликнул Руф.— А ви-

дите эту дорогу? Она уходит в горы. Там мисс Залдивар.

Энди Квамодиан наклонился вперед и поверх мальчишеских голов посмотрел вдаль. Поселок уютно расположился у изгиба речушки. К югу плотина создавала вытянутое узкое озеро, которое пересекала эстакада — по ней дорога уходила к высоким холмам на горизонте.

— Тридцать миль, говоришь?

— Примерно двадцать пять.

— А какой именно из холмов ты имел в виду?

— Отсюда не видно. Нужно было бы показать. А сегодня не могу показать, пока не кончится День Звезды.

Квамодиан бросил на него быстрый взгляд. Тон мальчишки был... циничным? Или просто равнодушным?

— Почему же вы не в церкви? — запоздало поинтересовался он.

Лицо мальчишки не дрогнуло.

— Мы Звезде не молимся. Мой па говорит что для нас и старая религия хороша.

— Но Альмалик не противоречит ни одной из религий. Это совсем не мистическое учение. Это... О, вы должны все это уже знать. Это симбиотическая ассоциация звезд, людей и роботов, а также фузоритов. Вот и все.

— Конечно, Проповедник,— вежливо сказал мальчик.— Вы упоминали какие-то сувениры?

Энди Квам мог еще многое добавить, но остановил себя. В качестве монитора Товарищества Звезды он был хорошо обучен всем привычкам симбиоза, но, честно говоря, он вдруг осознал, что никогда раньше не слышал, чтобы в этих принципах сомневались. В Пятой галактике, на далеких мирах, где большая часть граждан относилась не к гуманоидам, и вообще не интересовались его взглядами, в школе скаутов, где все — номинально, по крайней мере,— совершали в Дни Звезды одни и те же обряды, даже среди поглощенных своими исследованиями ученых Эскиона 4,— повсюду он встречал или собратьев по Товариществу, или вполне сочувственно относящихся к идее симбиоза. Очевидно, он начал воспринимать этот постулат как нечто само собой разумеющееся. Но он никогда не думал, и весь жизненный опыт не мог заставить его поверить хоть на секунду, что на планете-колыбели человеческой расы все еще может существовать оппозиция Звезде. Немудрено, что Молли Залдивар послала ему просьбу о помощи Если эти мальчишки — типичные представители населения, то Земля мало интересуется всей остальной бесконечной Вселенной. Пока ребята уплетали угощения, которые извлек из своей кладовой флаер,— прозрачные зеленые пастилки, которые мягко пульсировали во рту, когда их жевали, наполняя его букетом восхитительных синтетических ощущений,— Энди Квам скромно спросил:

— Но ведь не все же поступают так, как вы? Я хочу сказать, что Молли Залдивар принадлежит к церкви Звезды. И остальные тоже — иначе почему бы здесь находилась церковь?

— Да, у нас полно заклейменных звездных овечек,— охотно пояснил разговорчивый Руф, выдавливая меж зубов кусочек желеобразной пастилки.— Так их па называет. Но мисс Залдивар ходит в церковь не очень часто. Иногда ведет уроки в звездодневной школе, но уже давно там не появлялась, насколько мне известно.

— Во всяком случае, школа и церковь построены давно,— сказал самый высокий мальчик.— Кроме того... Великий Альмалик! — вскричал он вдруг.— Смотрите!

Первое, что подумал Энди Квам, это то, что мальчик знал о церкви гораздо больше, чем хотел его отец, если использовал восклицание «Альмалик», чтобы выразить свои чувства. Во-вторых, как он тут же понял, это не имело никакого значения. На лице мальчишки отразился такой страх и недоумение, что Квамодиан быстро обернулся, глядя в ту сторону, куда указывал мальчуган. Мирная картина долины в День Звезды была нарушена. Он увидел длиннющий шнур огня, который, казалось, тянулся от самого багрового диска садящегося солнца, что сразу напомнило ему о жуткой Блуждающей Звезде. Словно чудовищная змея, шнур этот извивался кольцами на фоне безмятежного летнего неба, яростно пробиваясь сквозь белые кучевые облака, уплывающие в сторону гор.

— Проповедник! — закричал перепуганный Руф.— Что это?

Но Квамодиан и сам этого не знал. Это очень походило на плазменный эффектор нейротранзитного звездного интеллекта, не считая того, что шнур был слишком огромен, слишком ослепителен. Словно огненная змея, атакующая с небес, он собрался кольцами и ударил, и еще трижды бил по низким далеким холмам. Тонкая колонна дыма поднималась из неглубокой проплешины, куда ударил огневой звенящий змей. Вскоре глухой гром докатился до них с неба. Могучее грохотание укатилось прочь, оставив долину вновь залитой мирными лучами солнца в безмятежный вечер безмятежного Дня Звезды.

— Проповедник? Что это было? — спросил один из мальчиков, но Квамодиан мог лишь недоуменно покачать головой. Вдруг челюсть его отвисла, глаза расширились.

— Холмы! — прохрипел он.— Вы сказали, что в этих холмах...

— Да, Проповедник,— прошептал мальчик.— Там пещера. И именно там должна сейчас находиться Молли Залдивар

Далекий голос продолжал шептать что-то Молли, хотя она не могла разобрать, что он говорил и кто это был. Но в голосе этом чувствовалась жуткая боль. Это был крик существа, охваченного мукой и болью. Клифф Хаук продолжал что-то говорить ей грозным и даже угрожающим тоном. Он требовал, чтобы она ушла, предупреждая об опасности.

— Конечно, это опасно! — вдруг воскликнула она.— А почему, по-твоему, я пришла сюда? Я хочу остановить тебя!!!

Он вздохнул, глядя на нее. Его лицо избороздили глубокие морщины. Молодой, сильный и ловкий, он за последние несколько недель жутко состарился.

— Ты хочешь остановить меня, но ведь ты даже не знаешь, чем я занимаюсь.

— Это можно исправить.

Он отвел взгляд. Немного спустя он повернулся к окруженному фиолетовым свечением шару и принялся рассматривать его, все еще продолжая молчать. Потом сказал:

— Мы ищем иной разум. Разум, который не состоит в транзитном контакте с другими разумами интергалактической цивилизации. Рифник и я, мы построили собственный прибор... очень чувствительный. Сначала мы вступили в контакт с мозгом испуганного ребенка, потерявшегося в пустыне на одной из новых планет в галактике 9. Но самые странные существа — это Блуждающие Звезды.

— Что это такое?

Он задумчиво потрогал корку запекшейся крови у себя под носом.

— Одиночные мыслящие звезды,— сказал он.— Они не принадлежат к цивилизованному сообществу. Большинство из них, с кем мы связались, находятся за пределами нашего галактического скопления, на огромном расстоянии. И почему-то,— он сделал паузу и пожал плечами,— большинство из них приходят в ярость или, наоборот, боятся контакта с нами. Но одна, за Эксионом... — он замолчал..

Молли вздрогнула. Она попыталась припомнить что-то ускользающее от ее внимания. Клифф Хаук уже увлекся, он словно читал лекцию, взгляд его был устремлен куда-то в бесконечное пространство космоса.

— Все думающие машины — схожи между собой. Будь это мозг человека или скопление фузоритов, или разумное солнце, или электронный робот. У них всех есть общие черты. У великого множества мыслящих организмов и машин есть устройство для ввода информации — начиная от органов чувств и кончая декодирующими записями или плазмосенсорами. У всех есть устройство для хранения информации — магнитные субстанции или клетки-нейтроны, или вращающиеся электроны. У всех есть логическое решающие устройства — синапсы, электронные или транзитные матрицы. У всех должно быть еще и устройство выхода — орган движения конечности, серводвигатель или плазменный эффектор.

Он замолчал, задумавшись, прислушиваясь к гудению энергополей.

— Дальше, милый. Как же отличаешь ты Блуждающую Звезду от потерявшегося мальчика?

Клифф Хаук заколебался, стараясь соотнести присутствие девушки с тем, что он собирается рассказать, но она жестом подбодрила его, предлагая продолжать.

— Наша Вселенная, находящаяся в динамическом равно-

новесии, бесконечна,— проговорил он.— И это на самом деле так. Нет ей конца. И не только в пространстве-времени, но и структурно, по сложности.— Озабоченность и чувство обиды вдруг исчезли с его лица, словно поглотившая его теория поглотила и их.— Взрывающиеся галактики — квазары — были первым тому подтверждением. Это были галактические взрывы, вызванные крайней концентрацией массы. Пространство претерпевало возмущения, сжималось в «карманы» вокруг сверхплотной сокращающейся сердцевины галактики. Когда плотность достигала достаточной величины, такой карман захлопывался, отделяясь от нашего пространственно-временного континуума.

Теперь он полностью был поглощен рассказом. Молли уловила далекое шелестение, вспомнила о слиите и вздрогнула. Неужели страшное создание до сиз пор бродит вокруг? Но она не осмелилась прервать Клиффа.

— Тот взрыв, который наблюдаем мы,— монотонно продолжал он,— является результатом расширения оставшейся галактической оболочки, когда она освобождается от воздействия гравитации потерянного участка. Каждый замкнувшийся участок превращается в отдельную замкнутую четырехмерную вселенную, расширяющуюся путем постоянного создания материи и пространства, пока ее собственные повзрослевшие галактики не начнут сокращаться до гравитационного лимита, грозя создать новые вселенные.

От входа в пещеру вползали красноватые сумерки, смешиваясь с фиолетовым свечением короны золотого шара. Постепенно темнело, и уже трудно было что-либо разобрать внутри пещеры. Молли беспокойно задвигалась, подавив вздох.

— Но Блуждающие Звезды,— продолжал Клифф Хаук,— находятся в нашем континууме. Или нам так кажется, или...

— Или ты слишком много болтаешь! — прогремел новый голос, и Молли Залдивар стремительно обернулась, обнаружив позади медведеподобного мужчину с грязной рыжей бородой, который пристально смотрел на них, стоя у входа в пещеру. В красном свете заходящего солнца вид у него был угрожающий. Но куда более грозным был вид огромного, постоянно находящегося в движении существа рядом с ним. Это был слиит. Клифф Хаук зажмурился, открыл глаза и вернулся к действительности. Какую-то секунду он, не узнавая, смотрел на Молли Залдивар, словно позабыв, что она была здесь. Казалось, он поражен, обнаружив Молли перед собой в пещере. Но мгновением позже все его внимание сконцентрировалось на мужчине, стоящем у входа в пещеру.

— Рифник, что скажешь? Сильные повреждения?

Рифник безмолвно усмехнулся, приоткрыв похожий на щель тонкогубый рот, сверху обрамленный грязными рыжими усами, снизу — неопрятной бородой.

— Весьма сильные,— сказал он.— Но мы не утонули. Что произошло?

— Я... я... — он снова бросил взгляд на Молли Залдивар.— Я как раз подошел проверить показания приборов в пещере, когда услышал крик Молли и...

— И ты забыл обо всем остальном и устремился к ней. Да, этот понятно. Смазливое личико для тебя значит больше звезды, конечно.

Хаук тряхнул головой.

— Я уговаривал ее вернуться обратно в поселок.

— Несомненно. Потому-то ты и читаешь девице лекцию, как детям в школе в День Звезды, не так ли? — он похлопал слиита по массивному боку.— Мы это понимаем, верно?

Хаук смотрел на Рифника со смешанным выражением гнева и неловкости. Потом повернулся к Молли.

— Извини.— сказал он,— но Рифник прав. Тебе придется вернуться в Мудрый Ручей.

— Нет! Пока ты не скажешь мне, что вы здесь делаете, я...

— Послушай, девица, он тебе уже давно сказал,— пророкотал Рифник.— Как по-твоему, к чему этот словесный поток, который он извергал на тебя, когда я вошел? Больше тебе и не нужно знать. На мой взгляд, ты знаешь даже больше, чем нужно.

— Но все, что он рассказывал, для меня не имело смысла,— настаивала Молли.— Каким способом он собирается войти в контакт с Блуждающей Звездой?

Огромная голова Рифника затряслась от смеха.

— В контакт? Да, видимо, Клифф тебе не все рассказал. Мы не ищем контакта, да будет тебе известно. Мы создаем свою собственную Блуждающую Звезду!

Голос Клиффа Хаука нарушил потрясенную тишину, наступившую после слов Рифника.

— Да, Молли, это правда. Или очень близко к ней. Мы не можем прямым путем общаться с блуждающими. Мы пытались навязать контакт тысячи раз — это не в наших силах. Соломон Скотт пытался добраться до одной из них, Он так и не вернулся назад. Но мы можем... я думаю, что можем... построить нечто вроде аналога. Или маломасштабную имитацию, если хочешь, можно назвать и так. И через нее мы, возможно, уже здесь, на Земле, сможем связаться с ними. Узнать то, что мы желаем знать.

— Но это же опасно! — протестующе воскликнула Молли.— Разве Блуждающие Звезды не опасны до предела?

— Абсолютно, малышка! — загрохотал Рифник.— Посмотри вокруг, на эту пещеру. Разве тут есть что-то опасное? — и его хохот заполнил пространство пещеры, заглушая далекие завывания ветра и шум машин.

— Для того, чтобы дублировать структуру Блуждающей Звезды,— с неловкостью сказал Клифф Хаук,— нам пришлось воссоздать иннекторные параметры окружающей звезду среды. Не все, конечно, и не в полной степени. Но нам были необхо-

димы высокие давления и температуры... Вот, как видишь, не обошлось без небольшой аварии.

— Да, очень небольшой! — вспыхнула Молли.— Ты едва не погиб, и я тоже, между прочим.

— Вот поэтому я и хочу, чтобы ты вернулся в Мудрый Ручей, Молли. Именно сейчас, до того как...

— Прекрати! — воскликнула Молли.— Я не уйду отсюда. Я боялась, что ты занимаешься опасными экспериментами, и потому послала Эи... впрочем, неважно. Но теперь я знаю наверняка, и я не уйду, пока ты не прекратишь свои жуткие опыты.

— Невозможно. Я отведу тебя домой.

— Нет!

— Великий Альмалик! — вскричал Клифф, и, вероятно, впервые за последние несколько минут на его лице отразилось некоторое оживление эмоций.— Что на тебя нашло? Ты что, не понимаешь, что я не могу оставить тебя здесь? Почему ты не хочешь вернуться домой?

— Потому что я люблю тебя, идиот! — воскликнула девушка и зарыдала.

В пещере повисло молчание, и даже Рифник ничего не сказал, хотя глаза его весело помаргивали под кустистыми бровями, а бородатое лицо усмехалось, пока он наблюдал за этой сценой.

— Что-то... случилось,— шепотом сказала Молли.— Клифф, мне страшно.

Клифф поднял нахмуренное, сердитое лицо. Он прислушался, словно старался уловить какой-то звук, который все время ускользал за границу зоны слышимости. В проеме входа постоянно кружил на одном месте слинт, и мерцание его трансфлексионного поля бросало отблески на его черную, как ночь, шкуру. Рифник бросил взгляд на животное и отвернулся.

— Девица,— пророкотал он.— Ты не ошиблась. Слинт перепугался. Знаете, что я думаю? К нам пожаловал гость.

Глубоко под пещерой проходил туннель, пробитый древними строителями минувшего тысячелетия. От основного ствола отходили боковые ветви, где напрасно старались обнаружить золотую или серебряную руду, так никогда и не найденные. Десять веков эти туннели пустовали, пока не появились Клифф Хаук и Рифник, чтобы заполнить их своими машинами и приборами, с помощью которых они собирались вывести невиданную на старой планете форму жизни, которая послужила бы им средством контакта с Блуждающими Звездами. В одном из боковых туннелей, в обширной подземной полости, которую эти люди расширили и укрепили сталью и рефлексионными полями, царили сверхвысокая температура и давление. Вся энергия, добываемая воющей энерготрубой, уходила в эту камеру, как в воронку, поддерживая жизнь раскаленной сверхплотной

плазмы. Зато был инкубатор, в котором должна была зародиться новая жизнь. И задуманное удалось. Там, внизу, в темноте, жаре и сплющивающих объятиях давлений зашевелилось Нечто. Сначала Оно почувствовало боль. Оно родилось в месте, где раньше не существовало ничего, подобного Ему. И место это с самого начала было враждебным всякой форме жизни, похожей на Него. Оно шевельнулось и протянуло вперед щупальце-зонд энергии. Зонд коснулся укрепленной трансфлексионными полями стальной стенки камеры, которая поддерживала постоянную температуру и давление в окружающей плазму среде, и отдернулся. Я в ловушке, сказало Оно себе. Я не хочу быть в ловушке. И в следующее мгновение оно принялось глубоко размышлять над вопросом, что значит «я». Это потребовало несколько тысяч микросекунд — долгий срок в Его жизни, которая уже началась, но лишь мгновение по стандартам людей, по меркам мира за пределами камеры, пока еще неведомого. Наверху Клифф Хаук всматривался в показания своих приборов, устремляясь в галактики за миллионы световых лет от Земли. Еще выше в пещере проверял свои энерготрубы и приборы бородатый Рифник, в то время как его слиит неустанно крутился возле вершины горы. А внизу под склоном Молли Залдивар только что успела покинуть свой старенький голубой электромобиль и начала осторожно пробираться ко входу в пещеру. В этот момент Нечто, зародившееся в сгустке плазмы, заключило первый серьезный этап размышлений выводом, достойным Декарта: я не знаю, кто я есть, но я знаю, что я есть Нечто, способное выяснить, кто я есть на самом деле. И уже экспериментальным путем оно принялось искать дальнейшие решения. Собрав энергию, Оно направило ее на стальную оболочку, сковывавшую Его в замкнутом пространстве. Удар был силен — Оно не думало о безопасности, инстинкт самосохранения в Нем еще не проснулся. Оно также не было запрограммировано и на характер последствий этого удара на окружающую среду. Удар пробил оболочку. Плотная горячая плазма прорвалась в пещеру, сотрясая весь холм, уничтожая галерею, плавя металлические стенки, оберегавшие Его. Приток энергии от энерготруб мгновенно прекратился, и это спасло холм и всю округу от уничтожения. Наверху, в пещере-мастерской от сотрясения произошли многочисленные короткие замыкания, начался пожар, в десятке приборов произошли вторичные, менее опасные взрывы. Взрыв швырнул Молли Залдивар на каменный грунт склона, ранил металлическим осколком Клиффа Хаука и бросил Рифника на колени, и тогда он, завопив от ярости и боли, призвал на помощь своего слиита. Существо, родившееся в плазме, факт случившегося зарегистривало в биллионах биллионов своих электронов без всякого удивления. Оно еще не совсем твердо знало, что живет, и потому не боялось смерти. Оно висело в коридоре, поддерживаемое теперь собственным трансфлексионным полем, окру-

женное вихрем едкого дыма и яркого сияния. Теперь оно уже не зависело от окружающей среды. Оно было свободно. Теперь его энергозонды проникли дальше, гораздо дальше, чем раньше. Оно раскинуло их наружу, на склоны горы, коснулось погрузившегося в беспамятство разума Молли Залдивар. Та застонала в испуге и попыталась открыть глаза. Зонд проник в примитивные мысли слиита. Он изучил Клиффа Хаука и Рифника, отбросил прочь изучение неживого камня и металла в горе. Затем потянулся к человеческим созданиям в поселке Мудрый Ручей. Нашел, что особого внимания они не стоят, пробежался по мириаду людей, пчел, черепах, собак, дельфинов, обезьян, слонов, населяющих Землю, оставив этот предмет для изучения в будущем, протянулся к Луне и другим планетам, потом изменил форму и коснулся самого Солнца. Лишь мельком, очень коротко, зонды его коснулись другого сознания, похожего на его, сознания иной Блуждающей Звезды, бесконечно далекой. Смутно, на половину наносекунды, он слился с чувствами этого счастливого наблюдателя. И все это в первые секунды свободы. Потом энергетические зонды вернулись обратно, и существо, только что рожденное, замкнулось в себе, чтобы снова подумать. Потому что некоторые из вещей, о которых Оно узнало, вызвали у него определенные чувства. Оно не могло разобраться в природе этих чувств, но поняло, что они имеют определенную важность. Частично они были приятными — они были рождены знакомством с личностью, имени которой, Молли Залдивар, Оно еще не знало. Другая часть, вызванная контактом с далеким разумным существом, в котором Оно еще не научилось распознавать Солнце, была неприятной. Слово «страх» существо еще не знало, иначе употребило бы именно термин. Чтобы изучить это чувство, Ему требовалось время. Оно замкнулось само в себе и задумалось на долгие микросекунды. Через некоторое время существо снова исторгло из себя зонд. В окружении его находились некоторые другие элементы, которые оно пропустило при первом обследовании. Теперь ему требовалось больше информации. Оно снова коснулось сознания слиита, но на этот раз продлило контакт, изучая зверя более досконательно. В простом конгломерате из нервных клеток и запечатленных в них электрохимических зарядных матриц существо обнаружило нечто, заинтересовавшее его, что оно могло использовать. Но поблизости имелись еще более простые конгломераты. Существо протянуло зонд немного дальше и коснулось брошенного электромобиля Молли, коснулось большой машины на рельсах, которую Рифник и Клифф использовали для перевозки земли и тяжелых инструментов. Оно ощущало аппараты и оборудование в самой пещере и почувствовало присутствие иного, похожего на себя существа, находившегося очень далеко, на бесконечном расстоянии. Энергозонды, немного помедлив, снова были втянуты существом, испускавшим ослепительный свет и нестерпимый жар в подземной галерее. Для раздумий требовалось новое время. Существу

хотелось разобраться во всем, что происходило у него внутри, когда оно исследовало эти вещи. Оно еще не научилось называть это вздрагивание внутри «голодом».

Клифф Хаук поднял голову, оторвав взгляд от покрытого колпаком прибора, и крикнул:

— Рифник! Ты прав! Поблизости появилось нечто, чего раньше здесь не было!

Рифник медленно кивнул своей массивной головой.

— Вопрос — что это такое?

Молли Залдивар поднялась на ноги и схватила Хаука за руку.

— Пожалуйста, милый, не надо! Ты и так зашел слишком далеко. Лучше вызовем помощь, пока не слишком поздно.

Он нетерпеливо повел плечом, стряхивая ее руку, но она не собиралась отступать.

— Клифф, пожалуйста! Я боюсь. Я почувствовала здесь что-то непонятное, и оно меня напугало. Позволь мне вызвать Энди Квама...

Он вздернул голову, свирепо глядя на Молли.

— Квамодиан? Он на Земле?

— Я... Я думаю, да. Клифф, я послала ему сообщение, потому что очень беспокоилась.

Клифф Хаук отрывисто захохотал.

— Малыш Энди Квам? Ты думала, что он сможет помочь нам в этом деле?

Он покачал головой, полностью уничтожая всякое значение существования бедняги Квамодиана, и повернулся к Рифнику:

— Может, что-то с инкубатором? Ты был в нижних галереях?

Рифник покачал косматой головой.

— Нет, но я проходил мимо пещеры. Энерготрубы крутились без нагрузки, и я переключил их. Но внизу что-то горело.

— Идиот! — фыркнул Клифф. Он нагнулся, поворачивая выключатель. Вмонтированный в стену перед ним ряд смотровых экранов тотчас же ожил, показывая вход в пещеру на нижнем уровне, скопления машин, каменную стену в конце галереи и... и ничего больше. Пять остальных экранов не показывали ничего, кроме скачущих белых полос фона с передатчиков. Внизу, в самой нижней каверне, парило в смерче дымного пламени новорожденное существо. Выжженные объективы камер слепо глядели на него. Существо, родившееся из плазменного резервуара, завершило очередной период раздумий и вытянуло новый зонд. Он тянулся к Солнцу. Оно решило, что что-то нужно предпринять перед лицом опасности, какую представляло для него Солнце. Существо в каверне весило примерно унцию с половиной. Масса Солнца составляла $2*10^{33}$ граммов. Треть массы планеты Земля, умноженной на миллион. Но плазменное существо не придавало особого значения этому соотношению.

Молли Залдивар вздрогнула и отодвинулась, ушибы начали причинять ей заметное беспокойство, а Клифф Хаук, кажется, вообще забыл о ее существовании. Он и этот ужасный Рифник с загорелым дочерна, покрытым шрамами лицом принялись орать друг на друга, тыкать пальцами в ряд дрожащих стрелок на индикаторах, которые еще работали, и вообще вели себя, как безумные. Молли Залдивар не пыталась уловить смысл того, о чем они говорили. Она только поняла, что произошло нечто исключительное. И ничего хорошего оно не обещало, в этом Молли была уверена. Глаза ее расширились.

— Клифф! — воскликнула она.— Слушай!

(За последние микросекунды плазменное существо значительно усовершенствовало свои навыки и умения. Пока один невидимый зонд тянулся к Солнцу, оно выпустило еще несколько других. Один из них вошел в контакт с простейшим матричным существом, которое оно обнаружило на вершине горы.)

— Что такое, Молли? — Клифф был в раздражении, но она не понимала этого и не могла заставить себя молчать.

— Послушай там, снаружи! Это же моя машина! Она завелась!

Теперь все трое слышали далекий вой электромотора. Они бросились к выходу из пещеры. Слиит беззвучно отскочил в сторону, давая им дорогу, и уставился на тройку людей своим огромными фосфоресцирующими глазами. Маленький голубой электрокар Молли тронулся с места и теперь направился вверх по склону к пещере. За рулем никого не было. Слиит вдруг ринулся к машине, отскочил и, как стрела, вернулся обратно к пещере.

— Спокойно, малышка! — крикнул Рифник. Потом сердито повернулся к Клиффу.— Животное что-то почуяло. Осторожней! Я не могу его сдерживать, когда...

Но эта угроза исчезла еще до того, как Молли успела осознать ее. Потому что случилось нечто более ужасное, и это застало их врасплох.

Красноватые сумерки снаружи вдруг вспыхнули ослепительным белым огнем. Что-то ударило в гору, бросив людей друг на друга и на каменный пол. Свет померк, потом снова вспыхнул, опять померк и вспыхнул. И третий удар был таким яростным, что Молли Залдивар снова оказалась погруженной в беспамятство. Погружаясь в темноту обморока, она услышала, как Рифник заорал:

— Великий Альмалик! Солнце! Нас ударило Солнце!

По телу Квамодиана пробежала зябкая дрожь. Склонившись поверх голов мальчиков, которые сгрудились у окна флаера, он прикрыл ладонью глаза, рассматривая тонкий столб дыма, поднимавшийся среди холмов, погруженных в голубоватую дымку. Мальчики придвинулись ближе к нему, побледневшие и испуганные.

— Проповедник, кого оно ударило? — спросил шепотом темноволосый мальчик. — Кто-то пострадал?

— Не знаю,— ответил Андре Квамодиан. Он застонал и хлопнул кулаком по небьющемуся стеклу.— Но я должен выяснить это.

— Это сделало Солнце,— почти беззвучно прошептал Руф.— Я видел. Оно ударило в пещеру Рифника.

Энди Квам, не отрывая взгляда от тонкого столба дыма, поинтересовался:

— Кто такой этот Рифник?

— Человек с Рифов Космоса. Он живет в пещере на склоне Волчьей Впадины. Как раз там, где сейчас поднимается дым. Он и его слиит.

Квам мельком глянул на мальчика.

— Слиит?

— Это зверюга из космоса. Охотничья. Рифник поймал ее еще щенком и приручил. Мой дядя говорит, что он на ней теперь ездит, но я не видел. Клифф Хаук на слиите точно не ездит. Это наверняка. Никто не осмеливается прикоснуться к слииту, кроме Рифника.

— Слиитов выводят для охоты на пироподов,— вдруг заговорил меньший из мальчиков.— Слиит способен поймать пиропода и разорвать на мелкие кусочки.

— Какое мне дело до слиита,— свирепо ответил Энди Квам.— Или этого Рифника. Какое отношение ко всему этому имеет Клифф Хаук?

Руф пожал плечами.

— Его воспитывал Рифник. Его мама заболела, и Рифник привез ее на Землю, еще до рождения Клиффа. Потом он послал его в космос, чтобы тот учился на инженера-трансфлексионника. Так мой па говорит.

— А что еще рассказывал твой па о Клиффе Хауке?

— Говорит, будто Хаук что-то строит для Рифника. Тайно. И что они занимаются контрабандой. Точно неизвестно, какой именно, но они привезли сюда машины, которые люди не должны иметь без разрешения Звезды.

Самый маленький мальчик вдруг сказал:

— Я хочу вниз, хочу в школу Звездного Дня.

— Джей! Мы сказали, что не ходим...

— Заткнись, Руф! Я хочу спросить у нашего учителя, что это за штука ударила в холм. Мне страшно, а Марк знает все. Я хочу спросить его.

Рыжеволосый мальчик посмотрел на Энди Квама и пожал плечами.

— Марк — это робот,— пояснил он.— Возможно, Джей прав. Марк мог бы рассказать что-нибудь полезное.

Пальцы Энди инстинктивно потянулись к пульту управления, но флаер, прислушивающийся к разговору, уже предугадал его намерение и спустился к земле.

— Я отведу тебя в школу, Джей,— энергично сообщил

Энди Квам.— А ты покажешь мне дорогу. Я тоже хочу знать, что происходит.

Они быстро шагали по посыпанной гравием дорожке в свете тринадцати разноцветных солнц, составляющих Альмалика, плывших в космически черной глубине купола церкви. Джей провел Квамодиана по погруженным в темноту проходам к учебному классу, где преподавал робот Марк. Комната была почти пуста, лишь десятка два празднично одетых ребятишек сидели группкой в одном конце, а группка поменьше и не так ярко одетая скептически посмеивалась с задних парт в другом конце. Робот сделал паузу, приветствуя вошедших.

— Входите, ученики. Мы как раз слушаем замечательную историю Посетителей, которые принесли дикарям прошлого драгоценные дары. Пожалуйста, садитесь.

Трое мальчиков тихо опустились на свободные места на боковой скамье, где помещались дети тех, кто так и не принял Звезду, одетые в унылого вида тканевые костюмы, поношенные и полинявшие. Квамодиан прошел дальше по проходу, туда, где сидели ярко наряженные дети принявших современную цивилизацию родителей. Они занимали передние скамьи. Квамодиан остановился перед роботом.

— Инспектор, мне жаль, что я перебил вас, но...

Робот висел над ним в комнате. Его блестящий черный корпус отражал все, происходившее в комнате. Плазменное щупальце, замерев, метнулось в сторону Квамодиана, сканируя его лицо.

— Сэр, вы не можете нас прервать,— мелодично сообщил он, и голос отозвался звонким эхом, словно горсть камешков была брошена под низкий голубой купол комнаты.

— Нет, инспектор, имею право. Я превосхожу вас званием. Я — монитор Товарищества Звезды Андре Квамодиан.

— Даже в этом случае,— затрезвонил робот.— Сегодня вы не имеете права приказывать мне. По новому соглашению в День Звезды позволяется не подчиняться официальным приказам, если таковые нарушают отправление добровольных религиозных обрядов. Мое преподавание в этом классе — добровольный религиозный обряд.

Но Энди Квам стоял на своем, презрительно не обращая внимания на плазменный эффектор, которым робот пытался заставить его сесть на место или уйти.

— Робот, случилось чрезвычайное происшествие.— Он услышал возбужденный говор детей и заговорил потише.— Чрезвычайно серьезное, как я опасаюсь. Только что в ближайшие холмы ударили два плазменных разряда с Солнца. Могли пострадать люди. Возможно, даже погибнуть.

Осторожно, но непоколебимо плазменный эффектор свернулся кольцом вокруг плеча Квамодиана и заставил его вернуться к скамьям, несмотря на сопротивление.

— Вам придется подождать, сэр,— пропел робот под несмолкаемое перешептывание довольных развлечением детей.—

Присаживайтесь и успокойтесь. Теперь внимание, я продолжаю рассказ о Посетителях и чудесных дарах, которые они принесли людям.

Энди Квам чертыхнулся про себя, но было ясно, что упираться не стоит. Он гордо прошествовал в дальний конец класса, где Руф встретил его одобрительной ухмылкой.

— Так его, Проповедник! Мы тоже не очень жалуем этого робота.

— Тише! — со свирепым видом одернул мальчика Энди. Он сел на скамью, продолжая мрачно пожирать глазами темный продолговатый корпус робота, на котором сверкал серийный номер, как раз под эмблемой, изображающей орбитальный узор Альмалика. Возможно, сегодня с роботом справиться трудновато, но завтра будет совсем иное дело.

— Фузориты,— мелодично вещал робот, втянувший плазменный эффектор и всплывший теперь еще выше к голубому куполу,— еще более древняя, чем звезды, форма жизни. Это замечательные существа. Они микроскопических размеров и черпают энергию жизни, сливая атомы водорода в термоядерной реакции синтеза. Они так давно эволюционировали в космосе, что сейчас насчитывается миллион различных видов этих существ. Рифы Космоса были построены из атомов, которые были синтезированы определенным видом этих существ. Посетители, особая разновидность фузоритов, в качестве симбиотов способны жить в крови таких существ, как люди.

— Клопы! — прошипел рыжеволосый мальчик, наклоняясь в Квамодиану.— Мой па говорит, что они просто паразиты, и дело с концом.

— Удивительное сотрудничество людей и фузоритов,— заливался сладкоголосый робот,— приносит выгоды обоим сторонам. Никто не остается обделенным, ибо Посетители удивительно мудры и справедливы. Им удалось создать транзитные интеллектоматрицы, которые связывают в единое целое все их колонии, соединяя их с мыслящими звездами. Таким образом, мы все объединены в единого множественного гражданина Вселенной, называемого Лебедь, ведущей звездой которого является Альмалик.

— Порабощены — вот что это значит,— прошептал рыжеволосый.

— То есть,— пел робот, и его плазменный овал ритмично пульсировал,— мы присоединяемся к нему, если примем дар Посетителей. В единый день посвящения в союз Звезды яркими золотыми искрами загораются они на вашей коже. Их колонии проникают в каждую клетку вашего тела. Они уничтожают всех паразитов и все больные клетки и будут поддерживать ваше тело в вечно молодом состоянии. Они принесут вам полнейший покой и вечное счастье. В этом и заключается дар Посетителей.

— Чушь собачья! — прошептал рыжеволосый.— Проповедник, почему вы не заставите его заткнуться?

— И сегодня вместе с нами в День Звезды,— поющий голос робота стал выше и громче.— Да, дети, нам повезло, мы благословлены Посетителями. Потому что сегодня с нами монитор Товарищества Звезды!

Подобно молнии, бледно светящийся эффектор ринулся вперед и превратился в поток яркого света, заливший лицо Энди. Все дети повернулись в его сторону.

— Ибо великий Альмалик может лишь помогать нам, направлять нас по верному пути, но не может оберегать наши права и сразиться за них. Вместо него сражаются члены Товарищества — монитор Андре Квамодиан, а также ваш верный слуга.

Энди Квам подавил гневный порыв. Его разрывали два противоположных побуждения — желание гордо покинуть комнату и желание вскочить со скамьи и при всех разоблачить этого своенравного робота, который рассуждал об обязанностях, а на деле отказался помочь перед лицом чрезвычайно опасного происшествия, когда могли пострадать и даже погибнуть люди.

— Конечно,— деликатно добавил робот,— монитор Квамодиан и я — мы можем на некоторые вещи смотреть с разных точек зрения. Иногда. Иногда один из нас, возможно, ошибается. Но это справедливо, ибо неизмеримый звездный мир показывает, каким объединяющим началом является этот плодотворный союз, сторицей награждающий присоединившихся к нему.

Примерно секунду робот парил безмолвно, словно зачарованный собственными словами, а бледный плазменный овал застенчиво поголубел на мгновение.

— Итак, на сегодня мы закончим,— сказал он наконец.— Дети, вы можете идти. Монитор Квамодиан, благодарю вас, что вы посетили нас.

Энди Квам сердито протиснулся сквозь стайку покидающих комнату детей к первому ряду и остановился перед роботом.

— Инспектор! — воскликнул он.— Как вы можете рассуждать о борьбе за права граждан-симбиотов, если даже не желаете помочь мне в таком важном деле?

— Терпение, монитор Квамодиан,— промурлыкал робот.— Да, существуют еще порочные люди и звезды, отвергающие всеобщее добро. Я с радостью присоединяюсь к вам в противостоянии этим силам. Но по нашему соглашению в День Звезды...

— Это такой же день, как и все остальные! — не выдержав, заорал Энди.— Какие-то жулики задумали что-то совершить с Блуждающими Звездами! Грозит большая опасность всем нам, и она не будет ждать удобного для вас момента, чтобы вы...

Робот молча покачивался на своем трансфлексионном поле, словно раздумывал, что ему делать. Он выпустил наполовину сформированные эффекторы, потом втянул их. Плазменный овал быстро и последовательно поменял несколько расцветок.

— Ситуация очень серьезная, монитор Квамодиан,— наконец сказал он.

— Вы даже не подозреваете, насколько серьезная,— с горечью отозвался Энди Квам.— Неужели вы меня не слышали? Три плазменных разряда с Солнца! Это невозможно для любого члена сообщества Лебедь, если только не было спровоцировано... Что-то очень опасное, очень серьезное происходит в тех горах...

— Мы отметили этот феномен,— мелодично согласился робот.— Возможно, это даже серьезней, чем вы думаете, монитор Квамодиан.

Энди Квам, пораженный, замолчал. Может, робот связался со старшим монитором Клотильдой Квай Квич?

— Говорите, более серьезно, чем я думаю? Что...

— Но тем не менее,— продолжал робот,— соглашение остается в силе. Вы не можете заставить меня действовать сегодня. И я советую, мы настойчиво вам советуем, чтобы вы не предпринимали каких-либо действий без нашей помощи. Видите ли, монитор Квамодиан, мы сознаем присутствие великой опасности, о которой вы даже не подозреваете.

— Т-т-требую эти сведения! Немедленно! — запинаясь, провозгласил Энди.

— В соответствии с соглашением... — запел робот.

— К дьяволу соглашение!

— В соответствии с соглашением,— бесстрастно повторил робот,— вы не можете требовать. Я могу помочь вам, но добровольно, что будет частью моего добровольного исполнения религиозных обрядов в День Звезды!

Он подумал еще секунду, а тем временем по его плазменному овалу в бешеном темпе пронеслись разные цвета. Потом овел загорелся ярким, почти золотым светом.

— С этой точки зрения,— пропел он,— я выбираю содействие вам, монитор Квамодиан. Я сейчас же доставлю вас к месту удара разрядов. Ибо воистину нам грозит опасность. В том месте рождена Блуждающая Звезда. Она живет и растет!

Существо успело вырасти за это время. Вырасти, хотя его эффекторы еще не достигли Солнца и тройной ответ последнего тоже был еще в пути. Оно миновало декартовскую стадию с его «Я мыслю, следовательно, я существую» и, возведя этот краеугольный камень, предпочло пока отложить исследование самого себя и заняться вместо этого исследованием окружающего мира. Темнота, одиночество, частицы. Оно обнаружило, что некоторые частицы организованы в микроструктуры. Существо не знало определения «материя» или «вещество», но сразу сообразило, что все эти частицы действуют как векторные отрезки — мириады вихрящихся заряженных частиц, результирующих в какой-то средней силе, среднем направлении. Тепло, излучение. Оказавшись без теплой оболочки своего инкубатора, существо при-

нялось отыскивать новые источники энергии, подключаться к ним, использовать их, овладевать ими. И я д в и г а ю с ь, подумало Оно, и это была подлинная мысль, соединяющая в себе понятие «я» как такового и как производителя действия. Оно медленно плыло вдоль туннеля в глубинах горы в поисках новых ощущений и новых сил. Т я г о т е н и е, г р а в и т а ц и я, п о д ъ е м. Оно проникало сквозь материальные препятствия или сметало их на своем пути. Позади существа оставались уничтоженные догорающие двери и ряды полок с инструментами и приборами. И с к а т ь, и с к а т ь. Теперь своему действию оно дало имя, ощущая в нем какую-то цель. Искать — но что? Оно снова потянулось к родственному сознанию — бесконечно далекому, но ревниво следящему. Оно осознавало присутствие особого вида изучения, имеющего собственную структуру, обладавшего матрицами строения, которые были неслучайны и несли в себе какой-то смысл. «Я»? Существо замерло, впитывая слабые токи излучения, приходящие издалека. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ. Не «Я», а другое «Я». Существо поняло, что в этом мире живут и другие существа, соперники в борьбе за пространство, вещество, энергию... или товарищи. В верхней камере Молли Залдивар на мгновение очнулась от шока, в который была погружена, и в ужасе застонала. Нечто преследовало ее. Нечто, рождавшее страх. Нечто совершенно чужеродное, подобного которому еще никогда не было в этом мире.

По телу Молли Залдивар прошла дрожь, и она пришла в себя. Она лежала поверх сломанных ножек разлетевшегося на части лабораторного табурета, и одна из ножек больно упиралась ей в бок тупым расщепленным концом. По всей пещере слышалось шипение и треск коротких замыканий и щелканье остывающего раскаленного металла. Бледно-фиолетовая корона, которая раньше полностью окружала золотой шар, теперь превратилась в сеть периодически вспыхивающих и гаснущих огней, трещавших и шипевших. Откуда-то тянуло удушливым дымом. Она нетерпеливо потерла лоб, поднесла ладонь к глазам и увидела без удивления или испуга, что она в крови. Но она жива. Только с третьей попытки ей удалось выдавить из себя слова:

— Клифф... Клифф, где ты?

Голос Хаука ответил сразу, но это был почти шепот, а не обычный его грубовато-сердитый тон.

— Я... я не знаю точно, Молли. С тобой все в порядке?

Она осмотрела себя — одежда в жутком состоянии, изорванная, кожа в синяках и царапинах, грязная. Но руки-ноги действуют, решила она.

— Думаю, что да. Как ты себя чувствуешь?

Она села, осмотрелась и сначала ничего не могла различить.

— Клифф, ты ранен?

В нескольких ярдах от нее что-то зашевелилось, и голос Клиффа прошептал:

— Я еще не знаю. Но на меня что-то упало.

— Ой, Клифф!

Молли с трудом поднялась на ноги и, пробираясь мимо остатков машин и приборов — вот во что превратилась сверхсовременная лаборатория Хаука — направилась к тому месту, откуда раздавался шепот

— Ты можешь двигаться? Тебе больно?

Куча каменных и металлических обломков снова зашевелилась, и Молли поняла, что то, что она приняла за кучу мусора, было верхней половиной тела Клиффа, покрытой пеплом и мусором, но на первый взгляд не пострадавшей. Что-то придавило его, упав ему на колени. Он повернулся верхней половиной туловища и посмотрел на Молли. На это ушли все его силы, и лицо Клиффа превратилось в маску боли и полного напряжения сил.

— Ноги... их придавило... — выдавил он через некоторое время.

— Подожди... нет, дай я... — она забыла о собственных ушибах и бросилась к нему на помощь. Напрасно. На ноги Хаука упала балка, придавив их к полу пещеры. Свободны были только верхняя половина тела и руки. Но ноги прижимала к скале полуторатонная тяжесть балки. Не выдержав, Клифф оставил борьбу и обмяк, опустив голову на придавившую его ноги балку. Немного спустя он произнес:

— Где Рифник? Он поможет.

Молли беспомощно оглядела пещеру.

— Я не знаю.

— Позови его!

Но на крики Молли не было ответа. Она поднялась, придерживаясь рукой за стенки, чтобы не потерять равновесия. Дым становился все гуще — в пещере-мастерской произошло, по всей видимости, что-то очень серьезное. Она ощущала на своем лице зловещее предупреждение волны жара.

Она снова крикнула, зовя Рифника. Бесполезно. Если Клифф Хаук мог быть извлечен из каменной ловушки, помочь ему могла только она одна. Она нагнулась, чувствуя головокружение, и снова взялась за балку. Хаук молчал. Казалось, он потерял сознание. Балка даже не шелохнулась. Молли опустилась на колени, не обращая внимания на острые осколки, и начала методически толкать балку, которую никогда бы не смогла приподнять без посторонней помощи. Бесполезно. Тогда она решила убрать то, что можно было убрать — пластиковый корпус какого-то прибора, скрутившиеся узлом легкие металлические трубки, осколки стеклянной посуды. От дыма она беспрерывно кашляла, дым выедал глаза, но она не прекращала своей работы, не поднимала головы. Вдруг она осознала, что в пещере уже давно слышится какой-то посторонний звук, который становится все более громким и навязчивым. Мелодичное шеле-

стение, словно ветер шевелил ветки кустарника. Слиит! Она обернулась и замерла. Существо висело в воздухе не более чем в ярде от нее. Его огромные слепые глаза были устремлены на нее, под черной шелковистой коже мелкой дрожью сокращались могучие мускулы. На секунду она подумала, что вернулся Рифник. Помощь! Но Клифф Хаук оставался неподвижным, и Рифника нигде не было видно. Она осталась одна с беспомощным, прикованным к полу Клиффом и космическим существом, чей образ жизни подразумевал пристрастие к убийствам.

Парящее в недрах горы существо, сгусток мыслящей плазмы, замерло, обдумывая значение тройного шлепка, нанесенного Солнцем, который привлек сейчас все его внимание. Даже на расстоянии девяноста с чем-то миллионов миль Солнце было способно нанести куда более сокрушительный удар. Маленькая Блуждающая Звезда знала это так же хорошо, как и собственные возможности. Простая логика подсказывала ей ответ: в намерения Солнца входило не убить, а только пригрозить. Звезда слишком велика, чтобы ощущать угрозу с ее стороны. Поэтому существо уяснило следующее положение: я слишком маленькое, нужно стать больше. Тройной разряд змеящегося белого пламени не нанес ему сколь-нибудь ощутимого вреда. Оно не боялось ударов и помощнее. Собственно, оно еще не выработало концепции «страх». Но поблизости имелись конгломераты частиц много меньшего размера и более поддающихся контролю. Блуждающая Звезда решила сначала исследовать их. Она осмотрела маленький электромобиль Молли, научилась манипулировать им, потом отбросила в сторону, как на доевшую игрушку. Маленькая машина, послушно пришедшая в движение по команде звезды, теперь, когда Блуждающая Звезда выпустила ее из сферы внимания, слепо продолжала двигаться вперед, пока колесо не соскользнуло с обрыва, и машина покатилась вниз, переворачиваясь на лету, чтобы разбиться вдребезги у подножия горы. Как обнаружила Блуждающая Звезда, поблизости существовали и более сложные создания. Звезда не обладала зрением, она не отличала «видимый» свет от остальных видов излучения, но она хорошо умела выделять частоту и характер радиации. Разница между видами радиации, излучаемой живыми существами, была для нее тем же, что и понятие «цвет» для углеродной жизни. «Зеленое» свечение яростно мигало, словно от боли или страха. Какая-то фиолетово-голубая аура исчезала всякий раз, как только звезда начинала ее исследовать. Излучение занимало всю полосу спектра, уходя в инфракрасную и ультра-фиолетовую полосы — это был слиит, колония кротов под землей, муравейник. Звезда замечала даже мельчайшие сверкающие крапинки, похожие на пыль в луче фонарика — различные микроорганизмы в воздухе и в почве и в телах более крупных живых структур. «Зеленое» свечение заинтересовало Блуждающую Звезду. Возможно, дело было в напряженности излучения ауры. Присмотревшись, она обнаружила, что с излучением связана определенная масса

упорядоченных частиц. Эта группировка веществ, как ей показалось, пыталась определенным образом изменить положение другого конгломерата, который ассоциировался с гаснущим фиолетово-голубым свечением. Звезда отметила также, не анализируя, определенные упорядоченные вибрации в окружающем эти конгломераты веществе.

— Клифф, пожалуйста! — молила Молли.— Помоги мне вытащить тебя!

Но Блуждающей Звезде было еще очень далеко от концепции коммуникации, тем более до понятия языка. К этим двум светящимся структурам частиц приближалось третье образование, испускавшее чистый золотой свет. Блуждающая протянула энергозонд, исследуя этот феномен, и обнаружила, что он представляет собой нечто среднее между автомобилем и человеком. Гораздо более сложно устроено, чем та примитивная механическая игрушка, быстро надоевшая звезде, но достаточно простое, чтобы им можно было управлять. На изучение слиита ушли доли секунды. Потом она протянула к слиту невидимый эффектор и принялась играть им, управляя его движениями. Снаружи, за пределами пещеры, Рифник с трудом поднялся на ноги и с безумным видом осмотрелся. На грязной желтой его бороде виднелась кровь, на крупно вылепленном лице — свежие шрамы. Он что-то хрипло спросил в темноту, но мир ему ничего не ответил — поблизости никого не было, лишь серый дым валил из внутренности пещеры, треск пламени и белый дым из неизвестного источника, энергия которого воспламенила балки входа в пещеру. Покачиваясь, он медленно повернулся. Цвет Солнца устрашал — его лик приобрел гневное выражение, став мутно-красным. Небо затянули зловещие тучи. Он позвал слиита, но тот не отозвался. Маленькая Блуждающая Звезда заметила присутствие тусклого свечения, которое было Рифником. Она отметила наличие связи между ним и новой своей игрушкой — слиитом. Интересно, подумала юная звезда, как-нибудь поиграть и с одним из этих сложных механизмов. Но пока еще слиит ей не успел надоесть. Она стрелой гоняла его по пасмурному небу, бросая всю мощь его клыков и мышц против несчастных птиц, против скал, пучков травы. Способы организации вещества забавляли это существо. Оно решило исследовать возможность изменения структуры, научиться вмешиваться в ее организацию. Оно решило стать богом. Мгновение оно раздумывало над возможностью поиграть с Рифником, для практики, подобно тому, как научилось оно командовать и управлять сначала электромобилем, а потом слиитом. Оно рассмотрело возможность разрушения одного из живых организмов. Разрушение с целью анализа, разложения на составляющие и подробного их изучения. Но оно этого не сделало. Всего минуты спустя после своего рождения Блуждающая Звезда начала вырабатывать матрицы поведения, свой «характер». Она развивалась не просто быстро, а по экспоненте. Поначалу все ее действия были совершенно случайны, это была абсолют-

ная свобода воли, не отличавшаяся от свободы воли шарика в игральном автомате. Но она быстро училась и прогрессировала. Новая и преимущественно враждебная окружающая среда в некоторых случаях очень приятно реагировала на ее действия определенного рода. Легко было уничтожить составляющие этой среды одну за другой. Блуждающая с легкостью могла расплавить скалу, перевернуть вверх ногами гору, хлестнуть фиолетовым эффектором Солнце. Но уничтоженная однажды матрица состояния уже не могла возвратиться к первоначальному виду, как успела понять малютка-звезда. Это исчезало навсегда. Более интересным, так сказать, был способ манипулировать ими, способ экстремальности. Изменять структуры, управлять, вмешиваться, но не разрушать, оставлять на грани разрушения, у самой последней черты. Не убивать. По крайней мере, не сразу. Пока не стоял вопрос о совести, чувстве жалости. У Блуждающей Звезды еще совершенно не успело выработаться сверх-Я — суперэго. Но она уже успела познать сладость удовольствия. Все эти организованные конгломераты вещества могли служить источником удовольствия.

Молли, собрав все свое мужество, чуть сдвинулась с места и, вытянув шею, посмотрела туда, откуда появился слиит.

— Рифник,— прошептала она,— вы здесь? Можете помочь мне?

Но за огромной, похожей на собственную тень фигурой слиита не было никого. Он висел в воздухе, не сводя с Молли своих огромных фосфорических глаз, потом внезапно метнулся вперед, миновал Молли и повис над бесчувственным Клиффом Хауком.

— Не трогай его! — крикнула Молли.

Но слиит и не собирался нападать. Он беззвучно повисел, покачиваясь над телом Хаука, потом бледно засверкало его трансфлексионное поле. Тело Клиффа вздрогнуло, потом медленно приняло сидячее положение.

— Клифф! — вскрикнула Молли.— Ты пришел в себя?

Но сознание не вернулось к Хауку. Голова его, словно голова тряпичной куклы, упала на бок, к плечу. Глаза были закрыты. Расширившимися глазами Молли смотрела на слиита. Он поднял Клиффа, но зачем? Что он собирался делать? Ответа ждать ей долго не пришлось. Снова засверкало поле, и огромная балка, припечатавшая колени Клиффа к полу, вдруг завибрировала и освободила свою жертву. Балка поднялась, стоя на одном конце, словно стрела крана, потом всплыла на высоту головы Клиффа, величественно развернулась и рухнула на кучу мусора. Тело Хаука мягко опустилось на пол. Теперь он лежал совершенно свободно, растянувшись на камнях. Но в сознание так и не пришел.

— Спасибо,— прошептала Молли, обращаясь к слиту. Она знала, что тот не поймет, но это ей было все равно. В следующий миг она бросилась к Хауку. Тот был серьезно ранен, но

все еще жив. Крови вытекло немного. Особенно пострадали ноги. Когда она чуть сдвинула их с места, Клифф громко застонал, не приходя в сознание, и лицо его исказила судорога боли. Ему была необходима срочная помощь врача.

— Клифф! — воскликнула девушка.— Если бы ты только не...

— Оставь его,— послышался от входа в пещеру слабый голос Рифника.— Тебе помощь нужна не меньше, чем ему.

— Рифник! — воскликнула девушка.— Помогите! Клифф очень сильно ранен, и нам нужно доставить его в Мудрый Ручей,— потом слова Рифника дошли до ее сознания, и она с удивлением обнаружила, что сама скоро свалится без чувств. Она постоянно кашляла, даже не сознавая этого. Все тело болело, как одна сплошная рана.

— Как это сделать? — проворчал Рифник.

— Я не знаю,— она шаталась, рыдая.— По крайней мере, надо вытащить его из пещеры, здесь он задохнется.

Рифник осторожно двинулся вперед. Даже в нынешнем своем жалком состоянии Молли не могла не видеть, что Рифник тоже сильно пострадал. Он наклонился над Клиффом, рассматривая его раны и не прикасаясь к нему.

— Я не могу,— сказал он наконец.

— Но вы должны.

— Я не могу сдвинуть его с места. Если бы слиит вел себя нормально... Но он перепугался. Правда, я его не особенно виню,— прогремел Рифник.— Мы крошили пироподов в Рифах, но с Солнцем в драку никогда не ввязывались.

— Солнцем? Каким Солнцем?

— Я говорю о нашем Солнце, девица. Тройной разряд плазмы. Кажется, мы попали в ужасный переплет.

Слиит, который, гудя, висел неподалеку, вдруг метнулся в их сторону. Они увернулись, слиит пролетел мимо и, как пущенная стрела, вылетел из пещеры.

— Видишь? Он меня вообще не слушается. Не знаю, что с ним стряслось.

— Тогда мы вдвоем должны поднять Клиффа.

Рифник плюхнулся на кучу каменного мусора.

— С тобой? Ты сама еле стоишь. А одному мне его не поднять. Я его убью, если предприму такую попытку.

— Но что же нам делать? Рифник, пожалуйста, придумайте что-нибудь!

Рифник посмотрел мимо Молли, туда, где собирался еще более густой дым, валивший из туннеля.

— Могу застрелить его, если хочешь. Это все же лучше, чем сгорать заживо.

Блуждающей Звезде надоел слиит. Сначала она просто хотела разрушить его, но, передумав, оставила на произвол собственных контуров управления. Пусть поступает, как ему вздумается. На некоторое время она удовлетворила свое любопытство, исследуя излучающие ауру материальные структуры,

так грубо разбросанные тройным разрядом Солнца. Звезда не понимала, что все эти приборы и машины являются продуктами изобретательности человеческого разума, но она видела, что перенесенное потрясение сделало их функционально бесполезными, а химические реакции, до сих пор происходившие в них, только усугубляли эту бесполезность. Потратив на размышление несколько наносекунд, Звезда поняла, что пожар движется к тем излучающим слабую ауру структурам, которые она еще не научилась обозначать как «живые существа». Но она прекрасно сознавала, что тот же род дефункциональности, который привел в негодность машины, грозит и этим существам. Аура одного из них уже заметно ослабела. Было бы интересно, подумала Звезда-детеныш, сделать что-нибудь новое. Она уже отбросила в сторону неизлучающий кусок массы от излучающего конгломерата, который был Клиффом Хауком, используя в качестве посредника поле слиита. Но Звезда была разочарована, ничего особенного не произошло. Но, с любопытством подумала она, что же произойдет, если она впитает некоторую долю этого излучения? Эта идея показалась Блуждающей Звезде привлекательной. Она не знала, почему. Не знала, так как не научилась чувствовать голод и узнавать его при этом.

Сначала робот потребовал минутку, пока он не закончит молчаливое восхищенное созерцание черного купола с изображениями звезд, под которыми он плавно покачивался на своем трансфлексионном поле, а его пламенный овал волнился всеми цветами преданного посвящения. Потом он настоял на удалении всех детей из здания и запер за ними дверь, обыскав предварительно каждую пустую комнату, дабы убедиться, что никого не забыли. Здание церкви было гомеостатическим механизмом. Его рецепторы и эффекторы вполне могли справиться с этим заданием и самостоятельно. Потом робот снова попросил подождать, пока он передавал звезде Денеб казавшееся бесконечным сообщение, во время которого рыжеволосый Руф строчил вопросами, а терпение Энди Квама постепенно переплавлялось в ярость.

— Робот-инспектор! — крикнул он, не выдержав.— Если вы собрались идти, то давайте сдвинемся с места! Молли Залдивар грозит большая опасность. Возможно, она умирает!

Робот развернулся в его сторону.

— Монитор Квамодиан,— пропел он,— немного терпения. Я заверяю вас, что она жива.

— Откуда вы знаете? — потребовал объяснить Энди.

Робот молчал.

— Проповедник,— прошептал мальчик,— оставьте его. Он всегда такой. Сделает все по своему разумению. Слушайте, вы и в самом деле поедете у него на спине?

— Великий Альмалик! Откуда я знаю? — простонал Энди Квам. Он бросил взгляд на свой наручный хроноуказатель,

быстро перевел цифры в земные эквиваленты и в отчаянии прошипел:

— Еще три часа, и День Звезды кончится! И тогда он уже не будет нужен мне! Но, — добавил он, танцуя на плитках полы,— помощь нужна Молли немедленно!

— Монитор Квамодиан,— пропел робот,— будьте добры, соблюдайте тишину. Я веду чрезвычайно интересную дискуссию с тремя органическими компаньонами на планете Денеба, с роботами и звездой 61 Лебедя.

— Нет! — взревел Энди Квам.— Ты тратишь время на болтовню! Ты же обещал...

Робот умолк, потом после паузы сказал с обидой:

— Очень хорошо. Мы отправимся сейчас же, поскольку ваш шум меня отвлекает. Следуйте за мной.

Но было слишком поздно, Энди Квам уже был возле двери, прыгая по ступенькам и нацеливаясь на то место, где он оставил свой флаер. Руф не отставал от него, словно хвост кометы от ядра.

— Я вас поведу,— сказал робот, усиливая звук своих вокализаторов, так что завибрировал фасад церкви.— Вашему аппарату я дал разрешение не подчиняться стометровому ограничению зоны действия. Это было сделано в части моих добровольных религиозных отправлений в День Звезды, в соответствии с соглашением...

— Заткнись! — фыркнул Энди Квам и даже при девяноста децибелах не услышал конца фразы. Он был уже внутри кабины флаера, мальчик нырнул за ним. Со стуком захлопнув дверь, Энди крикнул:

— Полетели! Следуйте за тем роботом!

— Хорошо, мистер Квамодиан,— жизнерадостно согласился флаер.— Я получил разрешение. Не правда ли, это мило со стороны робота-инспектора разрешить нам...

— Молчи! — процедил Энди.— И получше управляй. Я очень спешу.

В мрачном обиженном состоянии флаер поднялся со стоянки, завертелся волчком и нацелился на выжидающе замерший овал, висевший в трансфлексионном поле в нескольких метрах от церкви Звезды Квамодиан, пробормотав проклятье, поднялся на ноги — неожиданное вращение бросило его на пол, причем на коленях у него оказался мальчик. Но флаеру он ничего не сказал.

Сиди здесь,— приказал он мальчику.— Один Альмалик знает, что стукнет в голову глупому флаеру.

— Это нечестно... — начал оскорбленный флаер.

— Я же сказал тебе — заткнись!

Флаер подчинился приказу, намеренно и отчетливо щелкнув, а Квамодиан и мальчик прильнули к стеклу окна. Была уже ночь, и над холмами повисли яркие звезды, но на западе еще виднелся отсвет зари, кроваво-красная полоска над гори-

зонтом, куда опустилось мрачное багровое Солнце. Вдруг мальчик схватил Квамодиана за руку.

— Проповедник, смотрите, там, куда ударило Солнце, видите?

— Вижу,— проворчал Энди.— Флаер, можно немножко побыстрее?

С неохотой щелкнув, голос протянул:

Нет,— и снова выключился со щелчком.

— Эй, брось! — крикнул Квамодиан.— Почему нельзя?

Флаер снизошел до объяснений:

— Робот-инспектор отдал нам распоряжение следовать за ним. Если я увеличу скорость, то он будет следовать за нами.— Флаер уже явно оттаял и приготовился снова мирно беседовать.— Понимаете ли, мистер Квамодиан, День Звезды еще не истек. И робот-инспектор не хотел бы нарушать тишину этого дня ревом звуковой волны. На этой планете довольно плотная атмосфера, состоящая, в основном, из азота, кислорода, водяных паров, двуокиси углерода...

— Это можно опустить, состав атмосферы Земли я знаю!

— Конечно, конечно. Все дело в том, мистер Квамодиан, что при местных параметрах высоты, температуры и барометрического давления звуковой барьер чуть-чуть превышает нашу скорость в настоящий момент. Поэтому, сами понимаете, мы не можем летать быстрее... В любом случае,— весело добавил флаер,— мы уже прибыли.

Флаер совершил посадку на склон горы. Робот-инспектор не позволил приблизиться на меньшее расстояние ко входу в пещеру. Энди Квам и Руф выскочили из флаера и, задрав головы, принялись рассматривать последствия солнечного удара.

— Великий Альмалик! — прошептал мальчик.— Я... я боюсь, что мисс Залдивар действительно пострадала!

— Такой информацией мы не располагаем,— пропел робот, с гуденьем паривший над их головами.— Будьте добры, подождите здесь, я сканирую обстановку.

Но Энди уже не волновало, чем занимается робот. Он отпихнул мальчика в сторону и начал карабкаться вверх по склону холма, преодолевая многочисленные неровности. Он миновал отдельные части упавшего со склона электромобиля, потом узнал в куче металла машину Молли и с почти выскакивающим из груди сердцем принялся обыскивать обломки, пока не убедился, что в момент катастрофы Молли в машине не было. Потом он снова возобновил подъем. Ноги деревенели от усталости, сердце бешено колотилось, дыхание со свистом вырывалось из груди. Хотя голос здравого смысла нашептывал, что спешка уже особого значения не имеет. Что бы ужасного здесь ни произошло, все кончилось давным-давно. Из пасти пещеры тянулись клубы густого коричневого дыма, чувствовался отвратительный запах горелой пластмассы, тлеющих обломков, самых разных. И никого не было видно. Он остановился, чувствуя, как жжет легкие со всхлипом вбираемый воздух, и, собрав все силы, крикнул:

— Молли! Ты здесь?

Неожиданно за его спиной прозвучал мелодичный голос робота:

— Она находится в пятидесяти метрах вправо от вас, мистер Квамодиан. И как раз над нами. Но не приближайтесь.

Энди Квам уже карабкался по гребню небольшого выступа-полки, находившегося как раз перед пещерой.

— Нет, подождите,— зажужжал робот.— Там присутствует неконтролируемое существо — животное из космоса, и... — в жужжащем пении робота образовалась пауза.— И Блуждающая Звезда. Дайте мне возможность сначала изучать их.

Энди Квам фыркнул и ничего не сказал. Он поскользнулся на осыпающемся гравии, чудом сохранил равновесие и побежал дальше. Он только что едва избежал гибели. Сразу за полкой начинался почти отвесный обрыв в сорок футов высотой — но он даже не заметил этого, стремясь как можно скорее найти Молли Залдивар. Но где же она? И потом он остановился, замахав руками, чтобы не упасть по инерции. Нечто вроде гигантского головоногого моллюска совершенно черного цвета приближалось к нему гигантскими прыжками, преодолевая кучу гравия. Его трансфлексионное поле бледно мерцало. В смутном свете звезд Энди уловил очертания больших белесых глаз, слепо глядевших на него, заметил когти и клыки, способные выпустить внутренности пироподу.

— Монитор Квамодиан,— пропел за его спиной голос робота,— это слиит. Предупреждаю вас, не подходите к нему очень близко!

Внезапно Квамодиан почувствовал во рту кислый привкус страха. Теперь он припомнил истории о слиитах, этих космических бестиях, самой эволюцией созданных для убийства, мощью своей превосходящих все возможности человека. Если существо надумало избрать целью нападения его, Квамодиана, то надежды на спасение нет. Но, кажется, таковых намерений у него не было. Он повис в воздухе, словно изучая Энди, словно он обладал разумом. И даже умел сочувствовать, понимая, почему спешит Энди. Потом, словно разрешая двигаться дальше, слиит поднялся на своем поле еще выше и отлетел на сотню ярдов, не преграждая больше путь к небольшому холмику, где Энди померещилось какое-то движение. Он тут же позабыл о слиите, преодолев с максимально возможной скоростью оставшееся расстояние, пока не упал на колени рядом с телом девушки, призыв о помощи которой нашел его на другом конце Вселенной.

— Молли! — воскликнул он.— Что случилось? Что с тобой сделали?

Он поднял ее голову на изгиб локтя и нежно приподнял. И глаза ее открылись. Она с удивлением смотрела на него, словно проснувшийся ребенок. Лицо ее было сплошь покрыто синяками, царапинами и засохшей кровью, измазано сажей и грязью. Порывы ветра подхватили ее длинные волосы, а одежда пре-

вратилась в лохмотья. Но внезапно она улыбнулась ему своей прежней волнующей улыбкой.

— О, да это же малыш Энди Квам,— прошептала она.— Я не сомневалась, что ты придешь...

Улыбка задержалась на ее лице всего лишь на секунду. Потом лицо ее исказила судорога боли, улыбка исчезла, и она отвернулась. И заплакала так, что у Энди Квама едва не разорвалось сердце.

— Инспектор! — заорал Энди.— Куда подевалась эта бестолковая машина?

Из-за большого валуна примерно футах в десяти от него послышался недовольный голос:

— Он смылся, Проповедник. Умчался. Альмалик его знает, почему. Он не сказал ни слова.

— Что ты там делаешь, Руф? — сердито спросил Энди.— Ты должен был остаться в кабине. Ладно, если уж ты здесь, то помоги мне. Мисс Залдивар серьезно ранена. Нужно доставить ее...

Из темноты выступила фигура и приблизилась к ним.

— С этим не спеши, друг,— прогудел густой бас.— Если малышка пережила все это, она выдержит еще немного.

Квамодиан вскочил на ноги, готовый к самому худшему. Он всмотрелся в темноту, различая очертания человека с усами, всклокоченной бородой и такими шрамами на лице, словно он попал под катящуюся по орбите планету, не меньше.

— Кто вы такой, черт побери? — рявкнул он.

— У такого малыша и такой голосок,— проскрежетал могучий голос.— Ладно, спокойно и без обиды.

Он подошел поближе, и Энди Квам по достоинству оценил его размеры. Это был настоящий гигант. Но он казался явно подавленным.

— Мы на неприятности не напрашиваемся,— мягко пророкотал он.— Этого добра с нас хватает. Но с девушкой все в порядке, я успел вытащить ее из пещеры вовремя.

— Я слышал что-то о каком-то Рифнике, который занимается здесь с Клиффом Хауком Альмалик знает чем. Это вы? — с подозрением спросил Энди.

— Да.

— Это ваш слиит следит за нами?

Усы и борода Рифника раздвинулись. В темноте могло показаться, что он собирается укусить Энди. Но это была лишь добродушная усмешка.

— Больше он не мой,— сказал Рифник.— Теперь он сам себе хозяин, как я подозреваю. Или... им владеет кто-то другой. Но меня он слушаться не станет. Я ему больше не хозяин с тех пор, как ударило Солнце.

Он отвернулся от Квамодиана и на секунду склонился над девушкой.

— С ней все в порядке,— повторил он, выпрямляясь, но в голосе его не было особой уверенности.

— Однако вы, возможно, правы, действительно нужно унести

ее отсюда подальше. И меня тоже захватите с собой, если не против.

— Почему Молли Залдивар так плачет? — спросил Энди.— Если вы неосторожно вынесли ее...

Огромная голова Рифника качнулась из стороны в сторону.

— Подозреваю, что она плачет так из-за Клиффа Хаука.

Квамодиан тут же взял в руки. Он совершенно позабыл, что здесь еще и Клифф Хаук. Несомненно, это он виноват в том, что Молли Залдивар ранена, ей грозит опасность, она напугана. Но старая дружба еще не исчезла полностью, и в голосе Энди Квама прозвучала неподдельная озабоченность, когда он спросил:

— А что с Хауком? Он ранен?

— Уже нет.

— Как?.. То есть он умер?

В гулком голосе Рифника чувствовалась свинцовая усталость.

— Нет. Хуже, я бы сказал. Гораздо хуже. И если хочешь знать мое мнение, то нам нужно поскорее убираться с этого места, пока что-нибудь очень неприятное не случилось и с нами.

Существо в недрах горы было поначалу случайным скоплением электронов, потом новорожденной Блуждающей Звездой, только начинавшей изучать себя и окружающую среду, набираться опыта... Теперь это было нечто третье, и оно внимательно следило за тем, как Рифник и Энди Квам осторожно приподняли плачущую девушку; спустились с ней вместе по склону вниз к ожидавшему флаеру, поспешно погрузились в кабину и, захлопнув дверцу, умчались прочь.

Используя определенную часть своего «я», Блуждающая Звезда заставила слиита взметнуться вверх на своем слегка пульсирующем трансфлексионном поле и помчаться за флаером, не теряя его из виду. В этом не было необходимости, конечно. Блуждающая Звезда могла легко следить за флаером с помощью своих зондов — в любой точке планеты и практически в любой точке Солнечной системы. (У нее еще не было случая попытаться нащупать что-либо за пределами Солнечной системы). Но это уже не было то незамысловатое существо, каким она была раньше. Когда она поняла, что одна из организованных излучающих масс вот-вот прекратит существование, она решила, что будет полезно «впитать» ее и «впитала». Операция оказалась простой — подобно притяжению или захвату. Это, если прибегнуть к материальной аналогии, напоминало слияние амебы и кусочка пищи, который она схватила, чтобы растворить в себе. Но материя не имела отношения к процессу, а силы, которые применила Блуждающая Звезда, не поддавались описанию в терминах геометрии трехмерного пространства. Но эффект был тот же самый. То, что раньше было личностью Клиффа Хаука, больше не обитало в его биологическом теле. Тело было уже не просто мертво, оно успело превратиться в обугленный кусок плоти, перемешанный с другими обуглен-

ными обломками в выжженной пещере, которая когда-то была мастерской Хаука. Но он не исчез полностью. Правда, он больше не ощущал себя прежней личностью, индивидуумом. Но Хаук составлял теперь заметную часть личности того существа, что послало сейчас слиита в погоню за флаером Квамодиана, что вызвало на себя тройной гневный ответ Солнца — новорожденной Блуждающей Звезды, выпущенной на волю во Вселенную. Теперь она мыслила уже сложнее, а не подчинялась простым побуждениям. С определенной помощью тренированной мыслительного аппарата своей человеческой составляющей она научилась наблюдать, анализировать, делать выводы и... действовать. Она почувствовала изумление далекого сородича-наблюдателя.

Практически День Звезды еще не кончился. По предложению мальчика Квамодиан велел флаеру доставить их к церкви Звезды.

— На позднюю службу соберется толпа,— объяснил мальчик.— Так что вполне возможно, что там, где вы рассчитываете кого-нибудь обнаружить, никакого не окажется. В смысле, даже в больнице может не оказаться нужного персонала.

— Это просто шокирует,— прошипел Энди.— Превратить Товарищество Звезды в какое-то языческое поклонение!

— Верно, Проповедник. Это вы правильно отметили. Но только вам понятно, что тут ничего не поделаешь, вам же лучше...

— Я понимаю,— ответил Квамодиан и отдал распоряжение флаеру. У машины возникли возражения.

— Без специального распоряжения робота-инспектора, мистер Квамодиан, я могу вернуться только к зданию трансфлексионной связи.

— Но произошло несчастье!

— Да, да, мистер Квамодиан, конечно! — флаер нерешительно замолчал. Его нейтронные контуры решали проблему.— Поскольку я не могу связаться с роботом-инспектором в данный момент,— решил он,— мне придется вернуться к станции трансфлекса...

— Черт бы тебя побрал! — не выдержал Квамодиан.— Делай, что тебе говорят!

— ...но по пути я могу ненадолго задержаться у площади Звезды. Если вы в этот момент покинете кабину, то это не будет иметь отношения к выполнению мной правил движения в данный момент.

— Ха! — в отвращении гаркнул Квамодиан.— Ладно, давай! Только не мешкай!

— Уже прилетели, мистер Квамодиан,— вздохнул флаер, опускаясь на землю.— Я останусь здесь еще на минуту. В течение этого срока можете поступать по своему усмотрению.

Квамодиан не стал тратить время на разговоры. С помощью Руфа и огромного, пусть и медленно двигающегося Рифника

он без больших трудностей вынес Молли из кабины флаера, и они осторожно опустили ее на землю.

— Как ты себя чувствуешь, Молли? — с нежной тревогой спросил Энди.— Я побегу за помощью.

Молли уже не плакала. Глаза ее были открыты, лицо сосредоточено, но во взгляде сквозила вековая усталость.

— Все в порядке, Энди,— сказала она.— Со мной все в порядке, но это не имеет значения.

— Не надо так говорить.

— Хорошо, Энди,— тусклым голосом сказала она и отвернулась.

— Оставайся рядом с ней,— приказал он Рифнику, который посмотрел на него недовольно, но только пожал плечами.— Руф, нужно найти кого-нибудь.— И они оба поспешно скрылись в церкви Звезды.

Как только они вошли в здание под обширным голубым куполом, раздался удар гонга, эхо которого прокатилось по всему пространству помещения. Руф первым побежал по тускло освещенной спиральной лестнице в саму церковь. Здесь от множества тянувших псалом голосов, казалось, пульсировал сам воздух. Сладко пахло фузоритами-Посетителями. В пяти суживающихся крыльях храма было полно специальных скамей, но все места на них сейчас пустовали. Люди стояли, преклонив колени, концентрическими кругами под огромным центральным куполом с изображением солнц Альмалика. Робота-инспектора не было видно. Очевидно, он еще не освободился от того своего важного поручения, каковым бы оно ни было.

— Вон тетя Молли! — радостно заорал Руф.— Сюда, пойдемте!

Но Квамодиан колебался. «Языческий ритуал», так назвал он церемонию, но что-то в самой атмосфере зала заставило его проникнуться непонятной робостью и даже какой-то завистью. Он поднял взгляд к тринадцатицветию великолепных солнц, висевших под черным, как космос, куполом: шесть двойных звезд, двигавшихся группами по две двойки, и одно отдельное солнце. Упиваясь сверкающей красотой Альмалика, впитывая сладостный аромат фузоритов-Посетителей, ритмично покачиваясь в такт пению собравшихся в зале, Энди Квам вдруг почувствовал, что в нем просыпается великая радость и совершенный покой. Ему захотелось забыть и себя, и ждущую снаружи измученную девушку. Единственное, что ему было нужно, это забыть все личное и остаться один на один с Альмаликом.

— Проповедник! — прошипел Руф.— Вы идете?

Торжественная робость не давала Квамодиану возможности сдвинуться с места.

— Ты... ты уверен, что можно прервать службу?

— А мы не будем прерывать. Я уже приходил сюда смотреть вместе с мисс Залдивар. Они не сердятся на посторонних.

Вздрагивая от странного прилива возбуждения, Квамодиан последовал за мальчиком, который пересек пол сводчатого

зала и начал пробираться сквозь концентрические круги стоявших на коленях молящихся. Нежный аромат Посетителей поверг его в сладкий трепет, сверкающие солнца Альмалика погружали его в бесконечное спокойствие и умиротворенность. Но мальчик уже остановился перед покачивающимися на коленях мужчиной и женщиной.

— Вот ее родственники, Проповедник,— прошептал он.— Мистер Хуан Залдивар и миссис Дейдра Залдивар.— Он резко повысил голос: — Познакомьтесь, это мистер монитор Квамодиан.

Они перестали петь. Потом неохотно оторвали взгляд от многоцветного великолепия купола церкви и, все еще продолжая покачиваться и стоять на коленях, без всякого интереса посмотрели на Квамодиана. Супруги просто излучали здоровье и молодость. Хуан был высокий смуглый мужчина с густыми черными волосами. Голубоглазая блондинка Дейдра казалась даже моложе и привлекательнее своей дочери. Но оба носили на себе знак Альмалика — в том месте, где светящаяся колония фузоритов вошла в их тела. У Дейдры он сверкал на румяной щеке, у Хуана на лбу. Знак представлял собой маленькую, неправильной формы звездочку. В полумраке церкви звездочки-знаки мягко светились темным, холодным светом.

— Я по поводу Молли,— прошептала Квамодиан.— Она там, снаружи. Ранена.

Какие неуместные в таком священном месте слова! Он еще сильнее почувствовал себя слоном в посудной лавке, гориллой среди ангелов. Светлая и темноволосая головки наклонились в унисон. Озадаченный Энди хотел уже повторить свои слова, но тут Дейдра мягко выдохнула:

— В лоне Звезды не существует ран и боли. Она должна присоединиться к нам и тогда обретет покой.

— Но ведь она ранена! Она... гм, слишком долго рассказывать о подробностях, но... Все мы в ужасной опасности.

— Только не здесь,— улыбнулся Хуан Залдивар. Он взял руку Дейдры в свою, и они подняли головы к куполу, готовые возобновить пение.— Внесите ее сюда! Посетители исцелят ее!— и, подняв свои темные глаза, присоединил свой голос к голосу жены.

Руф прикусил губу.

— Проповедник, это бесполезно,— угрюмо сказал он.— Они слишком счастливы.

Энди Квам задумчиво посмотрел на мальчика. В конце концов, подумал он, это совсем неплохая идея — внести Молли внутрь церкви. Пусть войдут в ее тело Посетители-фузориты и исцелят ее. Она вылечится — для фузоритов не существовало неизлечимых болезней. Пройдут не только кровоподтеки и царапины на теле, но и горькая печаль, судорогой сводившая тело и душу...

— Проповедник, что с вами? — с опаской уставившись на Энди, прошептал мальчик.

Квамодиан вернулся к действительности.

— Извини,— пробормотал он и, схватив мальчика за локоть, выбежал из зала. Он почувствовал прилив грусти, едва не заставивший его повернуть назад, но теперь впереди был мальчик. Пошатываясь, он покинул пределы Альмалика, скатился по спиральной лестнице и выбежал из здания. Коварное пение затихло за спиной. Квамодиан с благодарностью набрал полную грудь прохладного воздуха, в котором уже не ощущалось притягательного, словно аромат лотоса, запаха фузоритов-Посетителей. Он сказал с печалью:

— Я хотел остаться там. Так со мной всегда, но я не создан для этого — покой Альмалика не для меня.

Он поспешил вниз по спуску, оставив позади исчезающее смутное сожаление. Флаер исчез, но огромная фигура Рифника, словно скала, возвышалась над лежащей на земле Молли Залдивар. Ночной воздух показался Энди очень зябким, и он вздрогнул.

— Что же нам теперь делать? — пробормотал он наполовину самому себе.— Что мы можем сделать для Молли Залдивар?

— Проповедник,— сказал Руф,— мой дом всего на той стороне улицы, вон там. Мои родители позаботятся о Молли. Я так думаю,— добавил он с беспокойством, заставив Квамодиана бросить на него быстрый вопросительный взгляд. Но вслух он ничего не стал спрашивать. Однако дома никого не оказалось. Дверь была открыта, и свет горел. Автономная система обеспечения жизни маленького коттеджа весело мурлыкала, пылал уютный огонь в камине, приятно пахнувшее тепло разносилось по всей комнате. Но нигде никого не было видно.

— Ничего, не обращайте внимания,— вздохнул мальчик, словно он и ожидал именно этого.— Наверное, мисс Залдивар больше всего нужен покой. Перенесем ее вон в ту комнату, а, Проповедник? И я попробую соорудить что-нибудь поесть. Должно быть, вы проголодались.

Теперь сытый, согревшийся, почти успокоившийся Энди Квам сидел в уютной гостиной дома Руфа. Мальчик лежал на полу перед камином, то и дело протягивая руку за очередным яблоком, грушей или апельсином или последними остатками бутербродов, которые он приготовил для гостей. А Рифник, свободнее прислонившийся к каминной полке, отвечал на вопросы Квамодиана. Сначала Квамодиан взял на себя роль прокурора, отведя Рифнику место обвиняемого. Но тому такое распределение ролей пришлось явно не по душе. С неприкрытым презрением воспринимающий все окружающее, Рифник загрохотал в ответ:

— Монитор Квамодиан, я не стану брать ответственность на себя. Все, что происходит на моей земле,— мое личное дело, а эти холмы — моя собственность.

— Создание новой Блуждающей Звезды касается всех!— не сдержавшись, воскликнул Квамодиан.

— Но это не является моих рук делом,— заявил гигант

Рифник. На его испещренном шрамами лице явно читалась злость.— Мисс Залдивар — пленительная девушка. Я ничего против не имею. Но кто заставлял ее вторгаться на мою территорию без разрешения?

— А Клифф Хаук? Как с ним?

Едва видимый из-под усов и всклокоченной бороды рот твердо сжался.

— Я привез его мать сюда с Рифов. Он мне почти что сын... но я не отвечаю за его действия. Не считая того, что я позволил ему ходить в школу, хотя в мои намерения это и не входило. Я желал видеть его таким же охотником, как и я. Я рассчитывал, что когда он вырастет, то полетит со мной в Рифы, я найду ему там щенка слиита, и пускай он делает то же, что и я. Но он перешел ручей. Стал ходить в школу по Дням Звезды. Роботы и Посетители внушили ему всякие чудные идеи. Наконец я решил, что ему необходимо лететь в космос, учиться на этого, как вы называете, транзит-инженера...

— С этим все в порядке,— заявил Квамодиан.— Я учился вместе с ним. Тогда он был вполне нормальным, вполне приличным молодым человеком.

Рифник пожал плечами. Потом, вздрогнув, погладил руку там, где ее стягивала повязка.

— Не суть важно,— пробормотал он угрюмо.— Он заплатил за свои ошибки и мертв. Во всяком случае, я так думаю.

— Что вы подразумеваете под этим «Я так думаю»? — сердито спросил Квамодиан.— Так он мертв или нет?

Глубоко посаженные глаза Рифника внимательно смотрели на Энди из-под кустистых бровей.

— Он уже не дышал,— коротко объяснил Рифник.— Вас это устраивает?

— Меня устраивает?

Рифник сказал беспомощно:

— Я просто не знаю, монитор. Вот и все. Да, Клифф был плох, это так. Я бы не дал ему еще больше часа... даже меньше, потому что мы не могли вынести его, а огонь был уже близок. Но... — он помолчал.— Парень,— буркнул он несколько мгновений спустя,— у тебя не найдется что-нибудь выпить?

— Только молоко. Или вода. А может, приготовить чашку чая?

Рифник поджал губы и печально покивал головой.

— Продолжайте! — поторопил Энди Квам.

Рифник закрыл глаза.

— Клифф занимался опытами в своей транзит-лаборатории,— протянул он.— Я знал, что это опасно, но не вмешивался. Он был уже взрослый человек. Был,— казалось, эта тема нагоняла на него скуку.— Потом что-то произошло.

Рифник переменил позу и задумчиво почесал свою густую бороду. Толстые пальцы прошли сквозь русый волос, словно лемехи плуга сквозь землю, равномерно и механически. Закончив расчесывать пятерней бороду, он продолжал:

— Был взрыв. Внизу, в лабораториях, где остались криомагнитные и радиационные установки, часть старого военного комплекса Плана Человека. Их не стали демонтировать Посетители. Это была ненадежная часть лаборатории, и я отдавал себе в этом отчет. Потом, когда мы приходили в себя от неожиданности, появилась Молли Залдивар. Она плакала и угрожала Клиффу Очевидно, она была напугана слиитом, поэтому пожалуй, не стоит придавать этому факту значение Но это было только начало. Потом произошел настоящий взрыв — не знаю только, где именно. Меня чем-то ударило, видимо, осколком металла, и я ненадолго отключился...

— За всем этим я наблюдал из Мудрого Ручья,— сказал Квамодиан.— Я видел тройной разряд с Солнца. Вы именно об этом говорите?

— Да, очевидно,— Рифник снова принялся расчесывать бороду.— Потом я услышал голоса девушки и Клиффа внутри пещеры и пошел к ним. Пытался позвать слиита, но бестия воспротивилась, совершенно, видимо, свихнувшись от испуга. Слиит вел себя непонятно и совершенно не подчинялся мне. Такого с ним никогда раньше не случалось. Но он был там, в пещере, пытался помочь вытащить Клиффа. Только было уже поздно. Он умирал. Потом... — Рифник выпрямился и перестал чесаться. В глазах его появилось что-то непривычно человеческое, и он сумрачно сказал: — Клифф посмотрел на меня. Потом что-то сказал... но я не расслышал, что именно. Какая-то бессмыслица. Потом он просто перестал дышать.

Рифник отвернулся и принялся шагами мерить небольшую комнату.

— Но я не хочу сказать, что он просто умер, монитор. Я видел, как умирают люди. Обычно при этом поднимают побольше шума, чем в этот раз. Но он просто п е р е с т а л дышать. Словно его выключили. Я убедился, что он умер, подхватил Молли Залдивар и удрал оттуда. Примерно час спустя появились вы. Вот и вся история.

— Не совсем,— резко перебил его Энди Квам.— Что же сказал Клифф перед тем, как умер?

Рифник остановился и сердито посмотрел на него.

— Это неважно! Фраза не имеет смысла в любом случае.

— Что он сказал?

Рифник заворчал. Толстые пальцы впились в волосы, прочесывая его львиную шевелюру. Потом он опустил руку и сказал

— Ладно, если вам нужно знать... Он сказал что-то вроде этого. «Я создал его, теперь он забирает меня»,

Квам вдруг вздрогнул, словно ему в затылок ударил порыв ледяного ветра.

— Что это значит? — невольно спросил он.

— Ничего, вообще ничего, монитор,— Рифник посмотрел в его сторону.— Или... во всяком случае, ничего, что бы имело смысл для меня. А вы что-нибудь понимаете?

Квамодиан ответил не сразу.
— Я... надеюсь, что нет,— сказал он шепотом.

Блуждающая Звезда уже не была новорожденным детенышем. Но и во взрослое существо она не успела превратиться. Можно сказать, что она вошла в фазу юности. Она все росла и росла, с каждым прожитым моментом становясь все сильнее и умнее, приобретая опыт, навыки, умение, питаясь всем, чем угодно, лишь бы это давало ей массу и энергию Она уже успела поглотить изрядное количество таких матриц, впитывая их из разного рода излучений, окружавших ее, и обнаружила по ходу дела, что некоторые виды радиаций были гораздо — как бы это определить — «вкуснее», чем все остальные. Поглотив личность человека, который когда-то был Клиффом Хауком, звезда пережила качественно новый опыт и теперь обнаружила, что получила в наследство тысячи новых матриц поведения, мыслительных конструкций, программ-побуждений. Теперь все это уже не имело отношения к сотне килограммов углеродных соединений, которые когда-то представляли собой тело Клиффа Хаука, а ныне превратились в бесполезный сгусток неинтересных реакций. Даже «личность» Хаука как таковая исчезла. Во Вселенной не осталось ничего, что думало его мыслями, имело его мнения, помнило его воспоминания. Но какая-то доля его стремлений и мотивов поведения стала составной частью юной Блуждающей Звезды, принимая участие в оформлении результирующего вектора ее поведения. Он перестал быть полностью случайным. До какой-то степени он теперь был даже поляризован. Какие другие силы влияли на поведение юной Блуждающей Звезды? Ее собственные растущие знания и умения. Все, что узнавала она об окружающем ее мире, том мире, в котором она жила. Ее врожденное побуждение к росту и учебе. Д в и г а т ь с я, р а с т и, п о т р е б л я т ь. Так думало существо, таковы были первые мысли, оформившиеся у него, едва оно научилось мыслить. Теперь, с помощью дисциплины тренированного ума Хаука, проникшего в существо разума звезды, она научилась думать более четко и ясно. Она познакомилась с приятной возможностью формулировать цель с помощью языка. «Я мала, но я расту,— думала взрослеющая Блуждающая Звезда, рожденная в недрах горы.— Есть и другие существа, они больше, но они не растут. Я смогу стать могущественнее их!»

И она успела уже испытать свою растущую силу с помощью десятка конгломератов вещества из окружающих ее. Слиит превратился теперь в присоединенный к ее сознанию инструмент Через его глаза она обозревала окрестный мир, он полностью подчинялся ее желаниям. Крохотные ползающие и летающие существа внутри горы и над нею, все они стали частью распространившегося в пространстве существа звезды. А теперь она обзавелась новым слугой, не похожим на прежних. Потому что робот-инспектор давно уже привлекал внимание любопытной

звезды. Для нее было совсем не трудно «проглотить» его целиком, включить его сознание — аналог человеческого разума — в свое сознание. Робот выглядел так же, как и раньше — торпедообразное металлическое тело и светящаяся плазменная панель в виде овала. Но теперь его стремлениями и побуждениями управляли не суперкомпьютеры на планетах звезды Альмалик, с которыми он до этого был постоянно связан,— нет, теперь он служил нуждам и намерениям электронной плазмы, которая недавно вырвалась на свободу, взорвавшись в недрах горы. Юная Блуждающая Звезда поиграла с новым инструментом, попыталась разгадать, но так и не смогла проникнуть в сущность сложного комплекса трансфлексионных полей, которые связывали новую часть ее самой с очень могущественными, но очень далекими сознаниями. Но в настоящий момент это не имело значения. Эти далекие сознания не были могущественными в той мере, чтобы таким же образом взять под контроль саму звезду. А теперь она была занята другими мыслями. Частью они были посвящены той области ее сознания, которая впитала наследство умирающего Клиффа Хаука. Над ним Блуждающая Звезда тоже безуспешно раздумывала. Почему она чувствовала такое притяжение, так была связана, так озабочена присутствием этого небольшого и не имеющего особого значения кусочка материи с радиационной аурой, который сознание Клиффа Хаука определяло как Молли Залдивар? Звезда смотрела на спящую Молли глазами слиита, парившего над коттеджем, куда принесли Молли. «Молли Залдивар,— думала Звезда,— что мне до тебя?» И в комнате коттеджа Молли вдруг пробудилась от сна и попыталась вскрикнуть. «Спи»,— приказала ей Блуждающая Звезда, и девушка погрузилась в оцепенение ужасного кошмара. Никто не слышал ее крика — в коттедже никого не было, а она не имела сил, чтобы крикнуть громче, чтобы услышали те, кто стоял перед домом на лужайке и смотрел на парящего над крышей слиита.

— Мистер,— сказал испуганный Руф,— у этой зверюги опасный вид. Вы уверены, что она не причинит нам вреда?

— Больше я ни в чем таком не уверен, малыш,— разразился ухающим смехом Рифник.— Было время, когда этот слиит ходил за мной, как собачонка. Делал все, что я приказывал, и даже думать нельзя было о том, что он ослушается. Я взял его еще щенком и вырастил. Он никогда не знал другого хозяина, кроме меня. Но теперь... он у него появился.— Он задумчиво рассматривал слиита некоторое время. Повисшая в небе на своем автономном мерцающем поле громадная бестия напоминала черного бескрылого пегаса в полете. Ее ужасные когти были готовы схватить и разорвать на клочки любое углеродное, дышащее воздухом и приводимое в движение мускулами существо, подобно когтям ястреба, рвущим пух и перья.

— Хороший зверь,— устало сказал Рифник,— но больше уже не мой.

— Зачем же вы его сюда привезли? — сердито спросил

Энди Квам.— Ему нет места на нашей планете. Он здесь чужеродное тело.

— Как почему? Потому что он м о й, мистер Квамодиан,— просто ответил Рифник.— Я охотник, и это мой товарищ по охоте. Он всегда идет туда, куда иду я. То есть так было до сих пор. Нет, вы не подумайте,— воскликнул он, вдруг воспламенившись энтузиазмом воспоминаний охотника.— С этим слитом я собрал лучшую коллекцию трофеев во всей Солнечной Системе. Два десятка отборных пироподов! Темнотники из зарифовых областей. Лунные кожекрылы, создания из раскаленных глубин Венеры! На расстоянии десятка световых лет как охотнику этому слиту и равных не было!

— Вы так говорите, словно убивать — очень хорошая вещь,— с отвращением заметил Энди Квам.— Всякое насилие — это зло. Законы Альмалика не разрешают одному живому существу убивать другое живое существо.

В глубоко посаженных глазах Рифника мелькнул огонек.

— И вы тоже никогда не решились бы убить другое живое существо, мистер Квамодиан? Даже, скажем, чтобы спасти Молли Залдивар?

Энди Квам покраснел.

— Мы, члены Товарищества, имеем право не подчиняться некоторым законам Альмалика,— сказал он сухо.— И даже в некоторых ситуациях имеем право на насилие.

— Тогда помогите мне! — рявкнул Рифник.— Я хочу выследить одну совсем необычную тварь, Квамодиан, и вы могли бы присоединиться в этой охоте ко мне. Не знаю, что управляет сейчас моим слитом, но я решил присовокупить его шкуру к моей коллекции!

— Чепуха! — воскликнул Энди Квам.— Да вы... Великий Альмалик! Как вы это себе представляете? Неужели вы не понимаете, что это может оказаться сама Блуждающая Звезда?

Рифник гулко захохотал.

— Испугались, монитор Квамодиан?

— Нет... Или... да, возможно. Не думаю, что стоит рассуждать о возможности простого человеческого создания охотиться на целую звезду, к тому же еще и блуждающую.

Мальчик, который все это время сосредоточенно и молча слушал их, поворачиваясь от одного говорящего к другому, кашлянул, привлекая внимание. Он спросил, переведя разговор на другую тему:

— Послушайте, Проповедник, что это стряслось с Луной?

Уже успевшая подняться на дюжину градусов над горизонтом, достигшая полнолуния Луна была совсем не похожа на обычное ночное светило. Она была почти невидима из-за тусклого красного свечения, которое отбрасывала. Ничего похожего на обычный сверкающий диск.

— Это все Солнце,— мрачно сказал Энди.— Помнишь, каким красным и сердитым садилось оно за горизонт? После того, как ударило трехкратным разрядом. Луна просто отражает его свет. А этот безумец уверен, что ему удастся унич

тожить существо, которое вызвало такие потрясения.

— Стоит попробовать, монитор,— прогудел Рифник жизнерадостно.— Вы не против, если я одолжу ваш флаер?

— Зачем?

— Как зачем? Для охоты. Ногами до холмов топать и топать,— объяснил извиняющимся тоном Рифник.— И слиита у меня больше нет. Поэтому я был бы очень благодарен вам за флаер. Уже заполночь. День Звезды кончился, так почему бы не воспользоваться им?

— Проповедник! — неожиданно воскликнул Руф.— Слушай! Что это такое?

Квамодиан повелительно вздернул голову, заставив Рифника умолкнуть. Потом лицо Энди Квама дрогнуло.

— Это Молли! — крикнул он, поворачиваясь и стремглав кидаясь к коттеджу.— Она звала меня!

Но когда Энди распахнул дверь в спальню девушки, он обнаружил, что Молли, уже полностью проснувшись, лежит с открытыми глазами, устремив взгляд в потолок. Она медленно перевела взгляд на Энди.

— Энди,— сказала она,— я должна была знать, что ты непременно придешь. Я всегда могла положиться на тебя.

Уши Квамодиана пылали.

— С тобой все в порядке? — тревожно спросил он.— Я слышал, ты кричала...

Она привстала, сев на край кровати.

— В порядке? Думаю, что да.— Лицо ее на миг превратилось в трагическую маску.— Бедный Клифф! — прошептала она.— Как странно. Мне показалось, что он во сне разговаривал со мной. Но только это был не настоящий Клифф. Что-то такое огромное и страшное. Настоящий монстр.— Она тряхнула головой, потом весело улыбнулась. Энди понимал, что это лишь поверхностная улыбка, что она улыбается, а глубоко внутри пылает мрачный огонь трагедии, и он также понимал, что Молли стоит громадных усилий казаться веселой.

— Я заставила тебя добираться сюда с самого Эксиона,— сказала она.— Мне очень жаль. У тебя всегда были из-за меня неприятности, Энди.

— Ну что ты, чепуха,— сказал он, и голос его вырвался из самой глубины всколыхнувшего его чувства. Молли была тронута. Она погладила его по руке.

— Найдется тут что-нибудь поесть? — сказала она не к месту.— Я очень проголодалась.

Руф был рад предоставить свои услуги, когда Квамодиан прредал ему просьбу девушки, и снова произвел на свет огромное количество бутербродов и молока.

— Твои родители не будут сердиться? — поинтересовался Энди.— Мы ведь заняли место в вашем доме и к тому же не страдаем недостатком аппетита.

Лицо мальчика помрачнело.

— Все в порядке, Проповедник,— сказал он. Квамодиан нахмурился, глядя на него.

— Интересно,— сказал он,— А где же твои родители? Они давно уже должны были вернуться из церкви Звезды.

— О, они уже давно ушли оттуда. Они... ненадолго уехали.

Энди Квам остановился посреди маленькой кухни, которая трудолюбиво гудела, производя все новые и новые запасы еды и питья в соответствии с указаниями Руфа, и сказал твердым тоном:

— Руф, ты что-то скрываешь. Почему?

— Ой, не спрашивайте меня, Проповедник! Это... в общем, это моя личная тайна в некотором роде.

Но тут из своей комнаты вышла Молли Залдивар, казавшаяся на удивление отдохнувшей и посвежевшей. Энди не стал продолжать разговор. Примерно полчаса они непринужденно болтали. Молли была такой же дружелюбной и сердечной, как и в далекие дни на Эксионе-4. Руф был рад возможности услужить девушке. Даже Рифник почти развеселился. Огромный космический охотник потребовал окончательного ответа — присоединится ли Квамодиан к его охоте на Блуждающую Звезду или нет. На секунду, в обстановке уютной теплой комнаты, это показалось Энди почти что разумной затеей — он даже вообразил себе азарт долгой погони, жертвы... Но это была лишь фантазия. Это был не лесной зверь, а плазменное создание, чьи возможности для человека были даже не совсем представимы. Охотиться на него — все равно что ставить капкан на сверхновую. Потом Энди как-то вдруг заметил, что Молли маскирует ладонью зевок, и тут же сам осознал, насколько устал.

— Давайте немного отдохнем,— предложил он и не успокоился до тех пор, пока все не разошлись по комнатам. Только после этого Квамодиан позволил себе растянуться на кушетке в гостиной. Дверь в комнату Молли была как раз у него в головах. Он готов был вскочить на ноги при малейшем признаке тревоги. Да, последний раз он спал много-много часов и миллионы парсеков тому назад. Когда он закрыл глаза, то почти мгновенно погрузился в мертвый сон.

Где находилась Блуждающая Звезда? Попробуйте определить положение электрона в оболочке атома в данный момент. Точно так же Блуждающая Звезда одновременно находилась и под холмом, и заполняла небеса вокруг, и обитала в теле слиита, неустанно парившего над домом, где спала Молли Залдивар. Она проникала в любое секретное место в радиусе сотен миль, ее зонды тянулись далеко в космическое пространство. Но если ее позиция не имела четко очерченных географических границ, то это вовсе не означало, что она не поддавалась локализации. Например, можно было сказать, что составная часть звезды обитала в теле слиита. Значительная масса ее электронного облака, с другой стороны, сконцентрировалась в скальных породах холма. Кроме того, звездное создание обнаружило и другие игрушки, на которые стоило обратить

внимание. Так, для примера, звезда обнаружила старинную машину-манипулятор, которую Клифф использовал при оборудовании пещеры-мастерской. Механизм этой машины представлял для Блуждающей не Бог весть какую загадку, но достаточно любопытную, чтобы заинтересоваться ею У машины была определенная функция, и звезда потратила несколько мгновений, изучая эту функцию и способы, которыми достигалось ее выполнение. Потом, разгадав принцип действия машины, она несколько секунд испытывала ее, получая то, что можно назвать удовольствием познавания. «Энергию в моторы,— думала она.— Мою энергию. Привести в движение передачи. Вперед! Разгрести мусор!» Металлическими руками машины она подняла первые попавшиеся на пути предметы — желтый цилиндрический баллон с гелием, кусок скрученной арматуры в двести килограммов. Потом с силой отшвырнула их в сторону. Теперь все, что она могла получить приятного от игры, Звезда уже получила, и наступила пора перейти к новому занятию. Робот-инспектор был загадкой посложнее, но зато не таким интересным в игре. Управлять им было не особенно интересно, поскольку его трансфлексионная тяга не слишком отличалась от двигательной системы слиита или того, как передвигалась сама Блуждающая Звезда. Ничего нового здесь не было. Но Звезда понимала, что каким-то образом роботом управляли раньше какие-то очень далекие создания, с которыми он был связан транзитом через гиперпространство, и часть его до сих пор пыталась реагировать на приходящие сигналы, когда те начинали потрескивать в рецепторах робота. Это раздражало Блуждающую Звезду. Эти призывы со стороны звезды Альмалик были ей не особенно приятны. К этому времени она уже начала обзаводиться эмоциями. И одно чувство в особенности не давало ей покоя — необъяснимое влечение к Молли Залдивар, которое звезда ощущала все сильнее по мере того, как мыслительные матрицы Клиффа Хаука все глубже внедрялись в организацию собственной поведенческой структуры звезды. Странно, но звезда не считала это несообразностью. У нее не было соответствующих стандартов, чтобы судить о несообразностях или наоборот. Этот процесс просто доставлял ей беспокойство. Но существовала возможность разрешить проблему. Можно было поддаться этому импульсу и посмотреть, что из этого получится. Звезда могла попробовать взять в себя и Молли Залдивар.

— Мол-ли! Мол-ли Зал-ди-вар!

Молли проснулась не сразу, сантиметр за сантиметром выплывая из глубокого сна. Хотя она и спала, но часть сознания не забывала ни на секунду, что, проснувшись, она окажется лицом к лицу с нежеланным результатом объективной реальности. Смерть Клиффа, рождение Блуждающей Звезды, ужасная опасность, которую выпустил на свободу любимый ею человек и которая теперь грозила всей Вселенной....

— Мол-ли...

Кто-то звал ее по имени. Она с неохотой открыла глаза и посмотрела по сторонам. В комнате никого не было. Все еще было темно, она проспала не больше двух часов.

— Кто это? — прошептала она.

Ответом было молчание. Молли вздрогнула. В этом бесплотном, звучащем во тьме голосе было что-то угрожающее, пугающее и неестественное, он чем-то отличался от обычных человеческих голосов, которые ей приходилось слышать каждый день. Невозможно было выкинуть его из головы и забыть, подобно страшному сну, который наполовину помнится и днем. Он был достаточно реален. Просто невозможно было сейчас снова пытаться уснуть. Молли встала, накинула на плечи халат, который отыскал для нее Риф, и прошлепала к двери. Она приоткрыла ее лишь чуть-чуть. За дверью была гостиная, и на кушетке там спал Энди Квам. Как раз в тот момент, когда она посмотрела на него, Энди заворочался во сне, лицо его исказилось, он пробормотал что-то неразборчивое и снова замер. Глаза его оставались закрытыми. Бедняга Энди, с симпатией и сочувствием подумала она. Потом беззвучно затворила дверь. Если кто-то и звал ее, это явно был не Энди Квам. Она подошла к окну, отодвинула шторы и едва не вскрикнула от ужаса. Слиит! Он парил едва ли не вплотную к окну, отделяемый от нее лишь двойным оконным стеклом. Его трансфлексионное поле бледно мерцало, окутывая его, словно облако. Огромные пустые глаза слепо смотрели на Молли, на кончиках металлических когтей отражались последние лучи заходящей Луны. Мерцающее поле быстро завибрировало, и слабая вибрация, передававшаяся стеклу, и породила этот потусторонний голос, который она слышала перед этим.

— Мол-ли. Пой-дем. Ты... нуж-на мне...

На мгновение безудержный ужас охватил ее, и она повернулась, чтобы бежать со всех ног, растолкать Энди Квама, молить защитить ее от этого зверя, который звал ее по имени. Но небывалая фантастичность происшествия удержала Молли на месте. Слиит не мог говорить. Об этом не раз и не два говорил Рифник. Он был совершенно неразумен. И имени Молли он не мог знать. И это было вне способности Молли — осознать это как реальный факт. К тому же слиит больше не был животным как таковым, подчинявшимся лишь собственным инстинктам. Теперь он был пленником существа, порожденного Клиффом Хауком, которое погубило потом своего создателя. Она открыла одну раму. Почему — она и сама этого не знала. Очевидно, если зверь собирался напасть на нее, смехотворная преграда в виде стекла ни в коем случае не остановила бы его.

— Что... ты хочешь? — прошептала Молли.

Но бестия лишь повторяла опять:

— Мол-ли... пой-дем...

Звук, как обнаружила Молли, и это ее очень удивило, издавало само стекло. Каким-то образом существо заставляло

его вибрировать с такой частотой, что получались членораздельные слова. И это было еще более странно, подумала она, чем если бы у слиита вдруг обнаружились рот и губы, гортань и язык и он по-настоящему заговорил бы с ней. Однако все это приводило в ужас. И даже хуже, чем в ужас. Совершенно неожиданно Молли почувствовала такое отвращение, что едва не вскрикнула, словно от боли.

— Нет! — прошептала она.— Нет! — повторила она и затворила окно.

— Пойдем,— пел слиит или то, что управляло слиитом. Огромная бестия терпеливо пританцовывала в свете своего трансфлексионного поля, ожидая, пока Молли уступит требованию.— Пой-дем,— снова сказал тоненький бесплотный голос.— Мол-ли... пой-дем...

Какое безумие вести разговор с таким существом. И это в совершенно обыкновенной комнате, с помощью совершенно ординарного стекла в оконной раме.

— Нет! — решительно повторила она.— Уходи прочь!

Поняла ли бестия ее слова? Этого Молли не знала. Просто слиит повис в молчании, не спуская с нее своих огромных пустых глаз. Потом медленно и неотвратимо, подобно Джагернауту, слиит выдвинулся вперед. Закрытое окно оказалось для него не более серьезным препятствием, чем ночной воздух. Послышался почти беззвучный треск, шорох падающего на ковер стекла — и это были единственные звуки, которые услышала Молли, когда слиит метнулся к ней. Огромные, смертельно опасные когти потянулись к ней. Она набрала полную грудь воздуха, чтобы закричать, попробовать увернуться, убежать, но... Из фосфоресцирующих, блестящих блюдец-глаз слиита сверкнул какой-то убийственный холодный огонь. Это было нечто вроде мгновенного паралича, молниеносной и полной анестезии, удара, который лишает сознания еще до того, как мозг успевает понять, что был нанесен удар. Молли Залдивар, полностью потеряв способность двигаться, опустилась на ковер, оглушенная и беспомощная. Ей казалось, что она падает, падает, падает... Последнее, что она запомнила, это хватающие ее огромные когти. Как странно, мелькнула мысль, мне совсем не больно... В следующее мгновение мир для нее исчез, словно захлопнули крышку входа в подвал.

Квамодиан с трудом проснулся, чувствуя бьющий в глаза свет, вливавшийся в комнату через широко раскрытое окно. Он обнаружил, что лежит на кушетке, покрытой синтетическим вариантом меха какого-то животного, что голова его пульсирует болью и тупо ноет каждый сустав, каждая косточка тела. Он почувствовал себя больным и даже не сразу сообразил, где находится. Потом вспомнил. Загадка солнечных разрядов. Кошмарные существа — Рифник и его слиит. Гибель Клиффа Хаука. Рождение Блуждающей Звезды... Он заставил себя сесть и осмотреться. К валику кушетки кнопкой была при-

креплена записка, нацарапанная фоторучкой. Писавший эти строки явно спешил и к тому же не отличался каллиграфическим почерком.

«Проповедник, я не хотел вас будить. Я пошел сообщить родителям Молли Залдивар, что с ней все в порядке. Встретимся там, если захотите.

P.S. Я не стал вас будить, так как мне кажется, вам нужно как следует выспаться. Еда на кухне.

Руф».

Очевидно, все остальные еще спали, судя по могучему скрежещущему храпу, который доносился из комнатки, где помещался Рифник. Из комнаты Молли не слышалось ни звука. Энди Квам заколебался, положив руку на ручку двери. Не было смысла тревожить Молли, и наверняка к двери никто не мог пробраться в то время, когда он здесь спал... Квамодиан покинул коттедж Руфа. Утро было ясное. Очень ясное. Однако, подумал Энди, здесь что-то не так. И через секунду он обнаружил, в чем странность. Все дело в окраске. В небе не было ни облачка, но воздух казался тяжелым и густым, словно перед грозой, когда собираются тяжелые грозовые тучи и на все вокруг ложится тревожный желтоватый отсвет. Прищурившись, он глянул на Солнце и сразу понял причину. Красный, сердитый, покрытый пятнами диск светила доказывал, что оно все еще не оправилось от того, что возмутило его вчера вечером. Оно не походило на обычное Солнце Земли, тот золотистый диск, вид которого был отражен в тысячах книг и песен. Теперь оно чем-то напоминало Энди змеящееся протуберанцами солнце планеты, где он оставил Клотильду Квай Квич. Прихрамывая, Квамодиан пересек широкую площадь. Небольшая прогулка несколько взбодрила его. Да, вчера выдался трудный денек. И очень беспокойный, подумал он, с нахмуренным лицом вспоминая нерешенные до сих пор проблемы и то, что вытекало из них и с чем предстояло столкнуться. Быть может, новый день прояснит хоть часть из них, подумал Квамодиан, но особой уверенности не испытал. Он стороной обошел церковь Звезды, остановил случайного прохожего и выяснил у того дорогу к дому родителей Молли Залдивар. Путь лежал мимо Центрального муниципального узла поселка, как выяснилось немного спустя, что вполне соответствовало планам Энди. Дополнительная информация ему весьма бы пригодилась — если только он сможет ее раздобыть. Но Центральный муниципальный узел оказался вовсе не тем гибридом библиотеки и ратуши, каковым он ожидал его увидеть. Под ногами Квамодиана чернел странный правильный круг закопченного цемента. Это озадачило — казалось, в сельской идиллии провинциального поселка такому образованию просто не было места. Внезапно послышался записанный на пленку голос автомата:

— Добро пожаловать, дорогие гости. Вы приземлились у исторического памятника Мудрый Ручей. Это часть поселка Мудрый Ручей, каковому реконструкцией придан в точности

тот вид, какой он имел в тот день, много-много лет назад, когда нас впервые посетили Посетители.

— Мне не нужна экскурсия по историческим местам,— обратился Энди к пустоте, поскольку вокруг никого не было видно.— Мне нужна кое-какая информация.

Но ответа не последовало. С раздражением Квамодиан понял, что имеет дело с программированным экскурсоводом низшего класса. Это был даже не гомеостат, а запрограммированное на присутствие людей устройство с записанной на пленку лекцией. Он вошел в ворота с массивными створками. И на секунду ему показалось, к полному его ошеломлению, что он вдруг оказался в преисподней. Воздух щипал глаза. Промышленные газы — отходы несовершенного технологического процесса — едва не задушили его. К ним добавился продукт плохо окисляемого минерального топлива. Моргая и щурясь, он различил, наконец, что его окружает мрачного вида круг из кирпичных и деревянных домиков самого отвратительного вида. В дальнем конце улицы виднелась фигура человека. Он смотрел в другую сторону и не двигался. Чувствуя досаду и раздражение, Энди Квам зашагал в его сторону, не обращая внимания на разворачивающийся вокруг него спектакль. Он подошел к приземистому строению из серого бетона, на котором крупными буквами было выведено: ПЛАН ЧЕЛОВЕКА. Из пустоты раздался веселый голос:

— Добро пожаловать, гости! Это здание — часть мемориального комплекса при нашем Центральном Муниципальном узле и представляет собой старинную примитивную «Налоговую контору». В этой конторе каждый гражданин сообщал «Плану Человека» то количество знаков оплаты, которое он получал за свою работу в течение года. После чего вынужден был расстаться с определенной их частью. Здесь же находилась лавка снабжения, в которой он мог обменять оставшуюся часть ценностных знаков на одежду или другие необходимые ему вещи. Тут же находился и призывной пункт, где молодые мужчины и женщины были вынуждены постоянно упражняться в пользовании примитивным, но смертоносным оружием тех времен. Здесь же помещалось отделение главного института тех времен, «Планирующий Офис», где все действия граждан проверялись и доводились до сведения примитивного правительственного аппарата тех прошедших времен!

Энди Квам мрачно проследовал дальше, игнорируя бессмысленное бормотание. Нет, эта выставка насыщена слишком мрачным реализмом, думал он с отвращением. Даже воздух был загрязнен углеводородами, сажей и фотохимикатами, продуктами примитивных двигателей внутреннего сгорания. И человек, к которому он приближался, был очень странно одет — очевидно, в костюм той эпохи! Форменный костюм из плотной ткани, уродливая короткая стрижка, а на шее что-то похожее на массивное металлическое кольцо, явно слишком тугое и тяжелое, чтобы его удобно было носить. Он стоял совер-

шенно неподвижно, повернувшись в сторону входа в здание.

— Простите,— окликнул его Энди Квам,— вы не поможете мне найти дом Джудит Залдивар? — Он тут же оборвал себя, сообразив, что имеет дело лишь с человекоподобным манекеном. Новая запись жизнерадостно объяснила Энди:

— Человекоподобный манекен, дорогие гости, который вы видите перед собой, является точной копией так называемого Опасника. Так назывались самостоятельно действующие мужчины и женщины. Железный воротник, который носил каждый Опасник, содержал внутри себя обезглавливающий заряд, который детонировался Планирующей Машиной при малейшем подозрении в опасных действиях и поступках.

Манекен, масс-детекторы которого засекли присутствие Энди Квама, медленно повернулся и отвесил деревянный поклон.

— Великий Альмалик! — в отчаянии вскричал Энди.— Мне нужна лишь маленькая справка! Как мне найти дом мистера и миссис Залдивар?

Тишина, только ожидающе гудел сигнал-носитель.

— Кто-нибудь слышит меня? — крикнул Энди в отчаянии.

Снова тишина, потом голос с сомнением произнес:

— Гости, вас приглашают к историческому Мемориалу Мудрый Ручей. Историческая выставка была создана и функционирует при поддержке Товарищества Звезды в целях общественного осведомления.

— Я принадлежу к Товариществу с а м! Я,— монитор Энди Квамодиан, и я требую, я настаиваю, чтобы вы ответили мне на поставленный простой вопрос!

Снова тишина.

— Мы надеемся, что выставка показалась вам интересной и полезной,— вздохнул записанный голос. Его программа явно не позволяла ему отвечать на вопросы, не имеющие непосредственного отношения к выставке. В гневе Энди Квам повернулся и отправился обратно по собственным следам.

Полчаса и множество бессильных приступов ярости спустя он все же обнаружил Хуана Залдивара, который был занят наладкой какой-то сельскохозяйственной машины в зеленом кожухе, стоящей на краю поля. Симпатичный атлет, свободный теперь от гипноза в церкви Звезды, приветствовал Квамодиана блеском зубов в ослепительной улыбке.

— Меня беспокоит Молли,— начал Квамодиан.

— И меня тоже,— быстро кивнул Залдивар.— Она стоит на опасном и порочном пути. Но Альмалик запрещает принуждать других вступать на путь спасения. Она должна решить за себя сама и принять Посетителей...

— Нет, я не об этом! — воскликнул Энди Квам.— Вы понимаете, что ее едва не убило создание, я думаю, что это новорожденная Блуждающая Звезда?!

Вид у Хуана Залдивара был неподдельно потрясенный.

— Какой ужас! — воскликнул он.— Нужно немедленно что-то предпринять. Вы должны сказать ей, что ее единствен-

ная защита — Альмалик. Она не должна откладывать присоединение ни на минуту.

— Нет, нет,— простонал Энди.— Послушайте меня, Залдивар! Это дело теперь касается не только Молли, но и всего Товарищества Звезды, даже всей Вселенной, так как ей грозит опасность. Вы понимаете, что такое Блуждающая Звезда? Посмотрите на Солнце!

Квамодиан махнул рукой в направлении высоко поднявшегося над горизонтом распухшего светила. Хотя Солнце и стояло высоко, вокруг царили предгрозовые сумерки. Залдивар глянул на Солнце, прищурив глаза, с выражением легкой заинтересованности.

— Любопытно,— согласился он, кивая.

— Любопытно? Да это опасно, смертельно опасно!

— Кому грозит опасность? Молли? — с вежливым интересом спросил Залдивар.— Я не совсем улавливаю вашу мысль, монитор Квамодиан. Если вы хотите сказать, что Молли грозит беда, я с вами согласен. И вам тоже. И всем, кто не принял Звезды, что знаменуется принятием Посетителей в тело.

Энди Квам глубоко вздохнул и постарался сдержать себя. Мир Альмалика, напомнил он себе, это великий дар для человечества. К сожалению, те, кто принял его — конечно, благословенны превыше всех остальных людей здоровьем, радостью, звездоданным миром — иногда оказываются трудными на подъем, с ними нелегко иметь дело. Вот почему прочие люди, такие, как он сам, мониторы и добровольные агенты Звезды, не могли принять Посетителей. Он уже должен был со всем этим смириться и воспринимать спокойно... Он сказал, стараясь сдерживать растущую внутри бурю:

— Хуан Залдивар, я прошу вас во имя Альмалика оказать мне услугу. Поскольку вы находитесь в контакте с разумной Звездой через Посетителей, я хочу, чтобы вы передали ей предупреждение относительно рождения Блуждающей Звезды.

— Я уже сделал это,— доброжелательно сообщил Хуан.— Альмалик знает все, что знаю я.

— Прекрасно,— вздохнул Энди. Он почувствовал некоторое облегчение и испытал известную робость, вообразив на мгновение всю мудрость и мощь многосоставного гражданина Вселенной по имени Лебедь, все те разумы бесчисленных солнц, роботов и людей, связанных в единый разум посредством фузоритов-Посетителей.

— Теперь,— сказал он,— вы должны помочь мне найти ответ на одну загадку. Я хотел бы знать, почему вчера ударили разряды. Ответственен ли за это Альмалик?

Залдивар снова, прищурясь, посмотрел на Солнце, а потом с серьезным видом тряхнул головой.

— Нет,— ответил он торжественно.— Это была акция насилия. Насколько нам известно, было уничтожено определенное оборудование и погиб по крайней мере один человек. Альмалик против насилия, поэтому он явно не ответственен за эту акцию.

— Виновата ли в таком случае в этом Блуждающая Звезда? — спросил Квамодиан, пристально глядя на Хуана Залдивара.

— Это нас не интересует, монитор Квамодиан,— безмятежно глядя в пространство, ответствовал Хуан.— Мы не станем сопротивляться.

— Но вам грозит опасность! Даже разумным звездам. Ведь родственное им, но враждебное существо вот-вот вырвется на свободу в Галактику!

— Мы не окажем сопротивления,— повторил Хуан.— Совершая насилие, мы бы разрушили самих себя.— И, тихо пробормотав извинение, он снова принялся настраивать свою машинку.

В записке Руфа говорилось, что он будет находиться в доме Залдиваров, но мальчика нигде не было видно. Дверь в жилище стояла открытой, но на звонок Энди никто не отозвался. Откуда-то сверху слышались воркующие, безмятежные музыкальные звуки. Квамодиан пошел на звуки, и двери сами открывались перед ним. Геомеостатический дом-автомат приветствовал его, а движущаяся лестница-подъемник доставила на крышу дома. Там сидела Дейдра Залдивар, наигрывая на музыкальном инструменте, превращавшем ее эмоции в музыкально-модулированные звуки, цветные объемные формы, ароматные запахи. Она с улыбкой приветствовала его. Такая же молодая, как Молли, с красотой, не нарушавшейся звездочкой на щеке, она была всецело поглощена своим занятием и не хотела, чтобы ее от него отрывали.

— Руф? О, да, монитор Квамодиан, я его знаю. Но мальчика здесь нет.

— Очень странно, миссис Залдивар.— Энди Квам нахмурился.— Он сказал, что встретит меня здесь. А вам он ничего не говорил?

Дейдра Залдивар рассеянно перебирала пальцами струны, издавая вибрирующие звуки, наблюдая, как растет розоватая светящаяся полусфера, превращается в розовую, потом в красную, потом темнеет и становится невидимой.

— Да нет же, монитор Квамодиан! Мы ничего не знаем о Руфе. Это действительно так.

Она вопросительно глянула мимо Энди. Тот растерянно оглянулся и увидел перед собой блестящий черный корпус робота, подобно гигантскому яйцу покачивающийся в трансфлексионном поле над клумбой роз.

— Инспектор?..— неуверенно спросил он.— Я... я не заметил вас.

Пульсирующий плазменный овал робота ярко замерцал.

— Я не Инспектор,— пропел робот своим обычным сладким голосом.— Это моя часть больше не функционирует.

— Как? Почему не функционирует?

— Она отсоединена, монитор Квамодиан,— безмятежно пропел робот.— Тем не менее я как заместитель инспектора

имею доступ ко всему объему его памяти вплоть до момента отсоединения, поэтому с точки зрения практических соображений вы можете считать нас адекватными единицами. Вам необходимы мои услуги?

— Нет,— сказал Энди Квам.— То есть... Да, думаю, что нужны. Но сначала я хотел бы поговорить с миссис Залдивар. Молли пережила сильное потрясение, но сейчас она отдыхает в полном покое. Я думаю, что она скоро поправится, но ей... грозит опасность.

У Дейдры Залдивар был вежливо-озабоченный вид.

— Очень жалко,— сказала она с сожалением.— Она такая милая девчушка. Но,— она пожала плечами, улыбаясь роботу-инспектору,— она ведь не член Товарищества Звезды. Как и все неприсоединившиеся, она подвержена опасностям индивидуального существования.

Она повернулась к панели своего инструмента и, быстро пробежав по клавишам красивыми тонкими пальцами, выстроила завораживающую башню из цвета, света и запаха.

— Когда Молли примет Посетителей, монитор Квамодиан,— сказала она, наблюдая, как плывет в воздухе ее композиция,— все станет прекрасно. В Товариществе Звезды все всегда прекрасно.

Энди Квам ощущал, как снова растет груз давящего на него отчаяния. Словно независимые от его воли, сжимались зубы, углублялись морщины на лбу. Он повернулся к роботу и резко выпалил:

— Послушайте, вы можете объяснить, что происходит с Солнцем? Мне необходима информация.

— В каком именно отношении происходит, монитор Квамодиан? — вежливо пропел робот.

— В отношении внешнего вида. Взгляните на него! И еще вчерашние плазменные разряды... Что происходит?

— У нас нет сведений по этому вопросу,— с сожалением ответил робот.

— Верно ли, что многосоставной гражданин Лебедь не имеет к этому никакого отношения?

— Совершенно верно, монитор Квамодиан,— заверил его робот, и в его высоком голосе прозвучало неодобрение такого вопроса.— Альмалик сообщает нам, что этот факт был уже доведен до его сведения гражданином Хуаном Залдиваром. Вы должны знать, что гражданин Лебедь никогда не допустит насилия со своей стороны.

— Хорошо, но как быть с Солнцем? Может...— Мысль, внезапно взорвавшаяся в мозгу Квамодиана, заставила его поперхнуться.— Может, интеллект Блуждающей Звезды переместился в Солнце?

— Звезда Солнце,— ответил робот,— не является членом гражданина Лебедь и никогда не входила в другие ассоциации цивилизованной Вселенной. Другой информации о ее интеллектуальном статусе мы не имеем.

— Но его ненормальное поведение угрожает всем жителям на планете,— запротестовал Квамодиан.— Один человек уже погиб. Я опасаюсь, что угроза может перекинуться и на звезды, составляющие Лебедь.

— Альмалик осведомлен об этом,— промурлыкал робот.— Мыслящие звезды спокойны.

— Зато я встревожен! — рявкнул Энди.— Я требую вашей помощи!

Робот подплыл поближе, его плазменный овал ярко засветился.

— Это ваше право, монитор Квамодиан,— сладким голосом согласился он.— Я подчиняюсь до тех пор, пока нет прямого противоречия с законами и указаниями Альмалика.

— Отлично,— процедил Энди Квам.— Начните с того, что дайте Альмалику знать о моей встревоженности этой проблемой. Подчеркните, что, по моему мнению, срочно необходимо предпринять определенные меры.

— Какие именно? — с готовностью уточнил робот.

Квамодиан был готов к этому вопросу.

— Попросите Альмалика пересмотреть мои рапорты по делу Сола Скотта и Блуждающей Звезды Клиффа Хаука,— выстрелил он.— Поторопите Альмалика войти в контакт с Клотильдой Квай Квич. Попросите его предложить варианты других действий.

— Но он уже сделал это,— пропел голос робота.— У нас нет никакой новой информации о мониторе Клотильде Квай Квич, и никакие новые действия нам не предложены.

Квамодиан уставился на робота свирепым взглядом. Он едва не сказал нечто такое, что стоило бы ему вечного раскаяния, нечто такое, чего ему никогда не удавалось сказать. Не удалось и на этот раз. Откуда-то снизу послышался тонкий пронзительный крик. Кричавший называл его имя.

— Проповедник! Вы там?

Квамодиан одним прыжком оказался у поручня скользящей лестницы и посмотрел вниз.

— Это ты, Руф? — крикнул он.

Показался мальчик, лицо его покраснело от слез, и он до сих пор всхлипывал.

— Проповедник! — сквозь слезы крикнул он.— Молли Залдивар! Она пропала!

Квамодиану показалось, что кровь в его жилах обратилась в лед. Время остановилось.

— Пропала? Как?

— Не знаю, Проповедник. Я... думаю, ее унесла эта штука!

Казалось, мир вокруг Энди померк. Голос мальчика растаял, словно дым, оставив лишь тонкий завиток ужаса. Квамодиан вздрогнул, потом постарался взять себя в руки, успокоиться и рассуждать логично. Но сейчас это было выше его сил. Нужно было не думать, а действовать. Он ухватился за поручень и помчался вниз по скользкой ленте лестницы, не

ожидая, пока ее детекторы обратят на него внимание и дадут ленте обратный ход. Из-за его спины загремел, вызывая боль в ушных раковинах, усиленный голос робота, подобный грому величественного органа:

— Монитор Квамодиан! Подождите! Я должен выяснить ваши намерения!

Квамодиан остановился и, попытавшись взять себя в руки, наполовину обернулся.

— Намерения? — повторил он.— Я намерен вернуть Молли Залдивар.

— Каким способом, монитор Квамодиан? — загремел робот.

— Каким способом?..— Энди замолчал, потом вдруг осознал, что все время ответ был у него под носом.— С помощью Рифника! — воскликнул он.— Мы выследим это создание и уничтожим!

Робот протрубил, несколько уменьшив громкость, но все равно вызывая боль в ушах:

— Это насилие, монитор Квамодиан. Вы намерены совершить насилие. Товарищи Звезды не могут соучаствовать в подобной акции.

— А я могу! — крикнул Энди Квам.— Наша организация существует именно для таких целей. Мы можем делать то, что граждане многосоставного гражданина Лебедь не смогли бы сделать ни при каких обстоятельствах.

Черное яйцо робота быстро подплыло ближе к нему.

— В прошлом,— пропел он,— это так и было. Но, как стало известно, некоторые компаньоны Альмалика в Товариществе, прикрываясь его именем, совершали акты бессмысленного насилия. Это была серьезная ошибка, монитор Квамодиан. Исходя из этого, статус вашей организации был пересмотрен. Хотя за Товариществом и его членами сохранены некоторые права в требовании информации и побуждений к действию, применять насилие им воспрещается.

Ошеломленный Квамодиан отскочил, задев кристаллический орнамент в виде языка пламени. Украшение упало на пол и разлетелось на осколки. Святящийся овал робота выпустил плазменный щупалец, собирая их.

— Этого не может быть! — выдохнул Квамодиан.— Мы... мы должны иметь свободу действий, чтобы защищать вселенских граждан!

— Мы не оказываем сопротивления,— безмятежно промурлыкал робот.— Это основной принцип этики Посетителей. Теперь компаньоны Товарищества не имеют больше права оказывать сопротивление нашим именем.

Энди Квам постоял молча, потом посмотрел вниз, на бледное лицо ждущего мальчика, пнул носком хрустальный осколок, послав его через весь зал, и начал спускаться.

— Монитор Квамодиан! — пел робот.— Монитор Квамодиан, я уведомил вас!

Энди Квам что-то неразборчиво промычал в ответ и продолжал спуск. Робот снова увеличил усиление до оглушающих пределов.

— Монитор Квамодиан! Мы требуем ответа! Каковы ваши намерения?

Энди Квам приостановился ровно настолько, чтобы повернуть голову в сторону робота.

Я уже сказал! — вызывающе ответил он.— Я уничтожу это чудовище — с вашим разрешением или без оного!

Горячее облако плазмы, образовавшееся в каверне под горой, вырытой еще во времена Плана Человека, успело давно растаять. Чрево инкубатора, в котором родилась Блуждающая Звезда, уже давно остыло, так как его не питала подводимая извне энергия старых энерготруб. Но воздух все еще пах озоном и оплавившимися медными контактами, автономная система освещения моргала, не в силах рассеять густые черные тени. Слиит опустил Молли Залдивар на пол, и теперь над ней повисло облако светящейся электронной плазмы, которое и было новой Блуждающей Звездой. Она отослала слиита — он пугал Молли, и каким-то образом звезда этот страх ощутила. Но девушка всхлипывала, лежа на холодном бетонном полу, и некий инстинкт приказал звезде устроить ее поудобнее. Нужно передвинуть ее в удобное место, думала звезда, перебирая варианты различных способов произвести эту операцию. Несколько пикосекунд спустя ее выбор пал на одну из прошлых игрушек, старую машину-манипулятор, которой всегда пользовался Хаук. Им было так же легко манипулировать, как и старым электромобилем Молли. И Блуждающая Звезда заставила его со скрипом двинуться вдоль ржавых рельсов ко входу в пещеру, где лежала девушка... Хотя в принципе управление манипулятором ничего сложного не представляло, оно все же требовало определенного навыка, которым Блуждающая Звезда не обладала. Машина так медленно реагировала на команды, так медленно тащилась, пробираясь сквозь завалы камня и прочего мусора. Звезда отдыхала, впитывая энергию из воздуха и камня и снова бралась за машину. Девушка встала на четвереньки, расширившимися глазами глядя на приближающуюся дымящую и лязгающую машину. Блуждающая Звезда сделала паузу и еще раз попробовала поупражняться в человеческой речи. Используя динамики передатчика манипулятора, она проскрежетала:

— Молли Залдивар. Как мне заставить тебя полюбить меня?

Глаза Молли расширились.

— Монстр! — воскликнула она.— Кто ты?

Блуждающая Звезда с трудом приспособила контуры машины для ответа.

— Я... монстр? Почему ты не любишь меня? Я... я тебя люблю, Молли Залдивар.

И она почувствовала нарастающий страх девушки, очень

слабо, издалека, но почувствовала. В отчаянии девушка поднялась на ноги и попыталась спастись бегством. Но звезда легко поймала ее стальными лапами манипуляторов и притащила обратно. Девушка вскрикнула. Звездное существо замерло, размышляя. Трудно было разобраться в процессах, управляющих живой материей. Но зеленое излучение ауры, окружавшее ее, вдруг пронзили красные вспышки, которые для Блуждающей Звезды означали пусть не «боль» — поскольку она не могла соотнести эту часть Клиффа Хаука с чем-то из своего опыта — но какую-то неполадку, и понадобилось некоторое усилие, чтобы понять — неполадка в функционировании данного лучистого конгломерата вызвана силой, с которой манипуляторы машины сжали относительно слабое тельце девушки. Блуждающая Звезда осторожно опустила девушку на пол кабины старого манипулятора и принялась методически анализировать полученные сведения. Это был долгий процесс, потребовавший целую микросекунду — материал для дедукции и интерполяции был обширен. Даже собственные поступки для Блуждающей Звезды были не очень ясны, она еще не имела понятия, которое бы обозначалось словом «любовь», хотя она и чувствовала, что именно так лучше всего описать свое влечение к Молли. Она быстро выделила часть своего сознания и ввела его в мозг Молли Залдивар, изучая его, стараясь вычислить, какой был нанесен вред. Повреждения оказались весьма незначительными — пострадало всего несколько сотен клеток органических соединений и совсем небольшая относительно их порция была разрушена. Блуждающая ввела необходимые поправки в расположение тканей, прекратив утечку циркулирующей в организме жидкости, соединила несколько пострадавших сосудов и связок, потом, довольная работой, повысила тонус жизнедеятельности девушки и вновь подсоединила вынесенную часть сознания к основному массиву. Девушка чувствовала, что что-то происходит, но не понимала, что именно, и была близка к истерике. Она села на пол кабины манипулятора, слабо застучала в окна — сквозь окружавшее кабину свечение вновь ослепительно засверкал золотой ужас, и снова с ней попытался заговорить слиит:

— Почему ты сопротивляешься, Молли? — послышался потусторонний голос.— Почему ты не любишь меня?

Молли поднялась и рухнула на сидение кабины, хрипло и отрывисто захохотав.

— Любить? Разве ты можешь любить?

— Да, могу, Молли Залдивар. Почему ты боишься меня?

Она вздрогнула, заставив себя ответить:

— Почему? Потому что ты не имеешь права существовать, монстр! Ты — искусственно созданный интеллект. Трансфлексионная матрица твоего разума была сотворена в плазменном облаке Клиффом Хауком и Рифником...

Когда она упомянула имя Клиффа Хаука, зеленую ауру ее свечения пронзило золотое сияние.

— Я Клифф Хаук,— сказала Блуждающая Звезда.

— Ты? — девушка затаила дыхание. Теперь она вся тряслась, наполовину от ужаса, наполовину оттого, что не могла понять происходящего.— Клифф погиб, я сама видела, как он умирал.

— Да, он умер. Но я — та часть Клиффа, которая уцелела. Клифф Хаук — часть меня. И ты должна меня любить.

Девушка, не выдержав, бурно разрыдалась. Немного подумав, Блуждающая Звезда снова проникла в ее мозг, нашла уже знакомые центры и погрузила Молли в сон. Потом она перебрала всю имеющуюся в мозгу информацию относительно поддержания жизнедеятельности масс организованной материи органического характера. Информации, честно говоря, было очень мало. Но некоторые насущные нужды были ясны. Девушке нужно место для отдыха. Ей необходим воздух для внутренних процессов сгорания — звезда тут же побеспокоилась о том, чтобы доставить соответствующее количество из окружающей атмосферы. Ей понадобится жидкое соединение «аш-два-о», которое тоже легко синтезировать из подручных материалов. Кроме того, ей будут необходимы специальные химикалии для поддержания обмена веществ, химикалии класса, которые звезда понимала под не очень ясным термином «пища». Она решила заняться всеми этими делами немедленно. Сначала открыла дверцы кабины манипулятора. Потом отыскала наполовину оглушенного слиита, парившего над верхушкой холма, вошла в него и вернула животное в туннель. После управления лязгающей старой машиной тело слиита казалось гибким и мощным инструментом. Блуждающая Звезда стрелой метнула его в пасть туннеля, потом вниз по вертикальному стволу. Поворот, и слиит присоединился к машине и девушке. Звезда испытывала упоительную радость, повелевая бесшумной мощью трансфлексионных полей или даже тем страшным излучением, которое она могла исторгнуть из слепых убийственных глаз. Могучими когтями слиита она подняла тело спящей девушки и понеслась вдоль изгиба суживающегося туннеля в глубь горы, все глубже и глубже, пока не отыскала колодец, замеченный ею раньше. Здесь Блуждающая Звезда сделала остановку, зондируя темное дно колодца. Она не обнаружила ничего враждебного, никакой организованной органической материи. Это была, собственно, давно забытая база одного научного учреждения Плана Человека. Блуждающая Звезда понятия не имела, что означает этот термин, и еще меньше была заинтересована узнать об этом. Очень осторожно, прижав Молли к огромному гладкому боку слиита, она спускала животное в темноту, пока, миновав невидимые во тьме стены колодца, оно не оказалось в залитом зеленоватым призрачным светом пространстве. Это было нечто вроде огромной сферы, образовавшейся у основания холма. Когда-то быстро увеличивающийся поток нейтронов пронесся сквозь несколько килограммов делящегося ве-

щества, и произошел ядерный взрыв, расплавив несколько десятков тонн скальных пород, испарив их, образовав огромный пузырь и поддержав его своим давлением достаточно долго, чтобы тот успел обрести форму. Давление упало, расплавленный камень затвердел, и осталась шарообразная пустота в теле холма — пещера. Бледное свечение испускала вся пещера, а в особенности скопление тумана, словно солнце, повисшее в центре пещеры. В облако это уходила металлическая башня, поднимавшаяся со дна пещеры. Башню оплетала ажурная металлическая спираль лестницы, ведущая к огражденной платформе на верхушке башни. Что это за пещера? Что это за башня? Блуждающая Звезда не стала задумываться над этими вопросами. Она заботливо положила Молли Залдивар на дно сферической каверны и позволила ей проснуться. В той степени, в какой нечеловеческое существо плазменного типа способно было испытывать удовольствие, оно было сейчас удовлетворено тем, как оно справилось с задачей. Оно отыскало для непонятно привлекательного вещественного конгломерата по имени Молли Залдивар такое укрытие, где ей ничто не угрожало со стороны внешнего мира и где сама звезда могла без помех продолжать попытки вступить с Молли в контакт. Температура, давление и химический состав среды, насколько могла судить Блуждающая Звезда, в общем, подходили для живого существа. Конечно, она была еще сравнительно молодым существом, которому не хватало опыта, и даже принимая во внимание те поглощенные мыслительные матрицы, которые составляли все, оставшееся от Клиффа Хаука, в системах самой звезды, она не слишком хорошо разбиралась в химии жизнедеятельности живых конгломератов. С точки зрения Блуждающей Звезды, привлекательным фактором этой пещеры было наличие ионизирующей радиации, исходящей из камня стен пузыря и прежде всего от странного светящегося облака тумана. Для Блуждающей Звезды это был дополнительный источник энергии про запас. Она не подозревала, что для Молли это был смертный приговор. Девушка проснулась со вскриком, огляделась по сторонам, не понимая, где находится, увидела силуэт парящего слиита, попыталась вскочить и убежать. Но бежать было некуда. Она поскользнулась и упала на холодный черный камень, скользкий от текущей воды, и некоторое время лежала неподвижно, всхлипывая. Блуждающая Звезда попыталась создать в воздухе модулируемые колебания, чтобы обратиться к девушке. Это было сделать очень даже непросто. Даже используя поле слиита, заставляя его вибрировать с нужной частотой и амплитудой, насколько это было в ее силах — звезда не имела под рукой подходящей субстанции, которую можно было бы использовать как мембрану. Из металлической башни и шатких ступенек лестницы она смогла выдавить только отвратительный металлический скрежет-вопль, пугающий и ничего не говорящий. На несколько пикосекунд Блуждающая Звезда

растерялась. Ее телесное воплощение — слиит — не имело голосовых связок или других механизмов, пригодных для воспроизведения звуковых сигналов. Но вся звезда ведь не умещалась в слиите. Она быстро выпустила плазменный палец-эффектор и прозондировала саму башню. Там она обнаружила целый ряд приборов, таких же новеньких, как и в тот день, когда их установили. Звезда перебрала их один за другим, пока не нашла инструмент с гибкой мембраной. И через нее она обратилась к Молли.

— Молли Залдивар, ты не должна бояться, потому что я люблю тебя.

Невольно вырвавшийся у девушки крик вызвал странное эхо, отразившееся от сферического потолка пещеры. Блуждающая Звезда терпеливо парила в воздухе, ожидая.

Дрожа и скользя на неудобном полу пещеры, девушка поднялась и посмотрела вверх. С большим трудом она прошептала:

— Кто ты?

— Часть меня — Клифф Хаук. Называй меня Клифф.

— Я не могу. Что за чудовище!

— Чудовище? — Звезда проанализировала этот термин. Потом она активировала свой дистанционный громкоговоритель и сказала:

— Я твой любимый, Молли Залдивар.

Лицо девушки странно сморщилось, но на этот раз она удержала себя в руках. Ее улыбка была совершенно холодной, бескровной, жутко выглядевшей в не дающем теней пространстве пещеры.

— Мой любимый,— растерянно протянула она. Потом задумалась ненадолго.— Мне повезло,— смело сказала она.— У какой девушки есть такой могущественный любимый?

Блуждающая Звезда не в состоянии была понять близкое к истерике состояние Молли Залдивар. Она была озадачена тем, что аура вокруг головы девушки не приобретала того нежного розового или жемчужного оттенка, который она хотела бы вызвать. Но звезда слишком мало знала о человеческих существах, чтобы понять действия Молли. В обличье тела слиита она подплыла к поднявшейся на ноги девушке, позволяя той погладить густой мех дрожащими пальцами.

— Если я полюблю тебя,— с дрожью в голосе прошептала Молли,— ты мне поможешь?

Мощные энергетические потоки прогремели сквозь сознание Блуждающей Звезды, могучие и неодолимые. Это было нечто вроде радости, возвышенного состояния духа. Звезда позволила слиту опуститься к ногам Молли.

— Я сделаю для тебя все,— поклялась она через маленький громкоговоритель.

Девушка вся трепетала, но не стала сопротивляться, когда огромные когти прижали ее тело к мягкому меху. Блуждающая Звезда почувствовала ее ужас и попыталась подбодрить девушку.

— Здесь мы в безопасности, Молли. Здесь нам не страшны никакие враги.

Но страх девушки почему-то не уменьшался.

— Я упала в воду,— прошептала она.— Я промокла, мне холодно.

Блуждающая Звезда увеличила температуру тела слиита, сделала его теплым. Но девушка все равно продолжала дрожать от страха.

— Я человек,— прошептала она.— Мне нужна пища, вода. Я должна есть, или я умру.

Перегруженный громкоговоритель проскрежетал сверху:

— Я принесу тебе еды, Молли Залдивар. И принесу все, что тебе необходимо. Но ты должна оставаться здесь, где мы будем в полной безопасности.

Блуждающая Звезда сделала пещеру более уютной — сжигающим лучом трансфлексионного поля она высушила воду, принесла из башни подушку мягкого сидения, чтобы Молли удобно было отдыхать. Она опустила дрожащую девушку на подушку и снова проникла в ее сознание, чтобы избавить Молли от парализующего ее ужаса. Почти сразу девушка уснула.

В обличье тела слиита Блуждающая Звезда отправилась в набег. Она покинула колодец, ведущий в сферическую каверну, пронеслась по узким коридорам, вылетела в основной тунель, а оттуда — во тьму ночи. Ей потребовалось всего несколько секунд, чтобы стрелой домчаться до ближайшего человеческого жилища. Она вынырнула из темноты прямо на небольшой коттедж, сплющила небольшое четвероногое, осмелившееся залаять на слиита, пробила стену и завладела ящиком-холодильником с человеческой пищей. Неся небольшой ящик в когтях слиита, она снова вернулась к холму, где остановилась, задумавшись. Молли Залдивар едва не умирала от ужаса. Это-то Блуждающая Звезда была в состоянии понять. Но отчего? Звезда, которая имела общую с другими разумными существами гоморфную черту — заблуждение, уверенность в совершенстве собственной структурной матрицы — не могла поверить, что Молли пугала ее собственная звездная сущность. Нет, несомненно, решила звезда, пугал Молли слиит, воплощение Блуждающей Звезды. По смутным обрывкам сведений, извлеченных из памяти Клиффа Хаука, Звезда поняла, что огромные слепые глаза слиита, его страшные когти — все это способно привести в ужас более слабое существо, чем сам слиит. Звезда решила покинуть облик слиита и появиться перед Молли в ином обличье. Неподалеку от каменной полки у входа в пещеру, на том месте, где бросила его Блуждающая Звезда, лежал корпус робота-инспектора. Звезда вошла в его корпус, включила трансфлексионное поле, подняла робота в воздух и, подхватив холодильник с едой, помчалась вдоль извилистых коридоров к вертикальной шахте, а из нее вынырнула в замораживающий свет холодно опалесцирующего облака в центре камеры-пузыря. Молли не спала.

Звезда, облаченная в яйцевидное тело робота, быстро затормозила и повисла вне пределов видимости девушки, покачивая эффекторами ящик-холодильник. Молли не лежала больше на принесенных для нее подушках. Она была внутри ажурной металлической башни, в отчаянии вращая ручки настройки древнего радио. Блуждающая Звезда прислушивалась сквозь рецепторы робота.

— Вызываю монитора Квамодиана! — взахлеб говорила девушка, всхлипывая.— О, пожалуйста, Энди Квам, отвечай!

Звезда знала, что передатчик не работает. Она повисла неподвижно, позволяя девушке выговориться.

— Молли Залдивар вызывает монитора Квамодиана! Энди, пожалуйста, слушай! Я попала в ловушку в пещере. Это создание... Блуждающая Звезда, или как там она называется.. держит меня в ловушке. Потому что она говорит... что любит меня. И она не отпускает меня ни за что!

Голова ее поникла, руки все еще не выпускали бесполезных ручек манипуляторов передатчика. Она всхлипнула.

— Пожалуйста, помоги мне! Это ужасное, отвратительное создание... монстр... Я пыталась обмануть его, сделать вид, что испытываю взаимность... чтобы оно отпустило меня! Но ничего не получилось...

Робот, в корпусе которого обитало сознание — небольшая часть Блуждающей Звезды, медленно подплыл к Молли, неся в эффекторах тяжелый холодильник с едой для нее. В сознании Звезды боролись чувства, для которых она еще не имела названия и в которых мало разбиралась. И з м е н а! Г н е в! М е с т ь!

Глубоко посаженные глаза Рифника пылали, словно плазменная панель робота.

— Квамодиан, пришпорь свою лошадку,— ревел он.— Я хочу прибавить это дьявольское создание к своим трофеям!

— Успокойся, Рифник,— раздраженно прошипел Энди.— Твоя коллекция трофеев меня не волнует. Я беспокоюсь только за жизнь Молли Залдивар.

Он склонился над пультом управления флаера. Он и в самом деле пришпорил машину, ведя ее на максимуме скорости, выключив автономные контуры управления и перейдя на ручное. Флаер был довольно жалким оружием в сравнении с существом, которое своей мощью равнялось звездам. Обыкновенный атмосферный флаер, имеющий в своем распоряжении несколько маломощных трансфлексионных лучей. Но это было все, чем располагал Квамодиан. Они стрелой мчались сквозь холодный утренний воздух над дорогой, держа направление на скрытые в глубокой дымке холмы и поднимавшийся за ними горный гребень. Над холмом с пещерой Рифника все еще поднимался в небо тонкий столб дыма. Квамодиан как раз провожал его взглядом, когда вдруг со щелчком ожил приемопередатчик флаера. Некоторое время в динамиках

трещало и гудело, но больше ничего слышно не было. Энди Квам раздраженно нахмурился и наклонил голову поближе к дикамику.

— Что там? — гулко проворчал Рифник, сведя свои кустистые брови в одну нить.

— Не знаю,— ответил Энди.— Ничего не слышно.

Действительно, слышен был только гул несущей волны. На секунду Энди подумал, что это Молли его вызывает, и эта мысль сразу же оживила воспоминание о ее огненных волосах, завораживающем овале лица, смеющихся глазах. Но из динамика донесся вовсе не ее голос. Кто-то пытался связаться с Энди. Непонятный голос... медленно, с трудом что-то выговаривающий. Энди вдруг почувствовал зябкую волну тревоги.

— Что это такое? — спросил Рифник.— Квамодиан, что ты делаешь?

— Тихо! — Энди коснулся регулятора настройки, стараясь сделать звук более отчетливым. Это не был тонкий голос робота. И в нем не ощущалось механической четкости транслятора-автомата. Разнообразные звуки, вырывающиеся из динамика, не относились к универсальному сигналу — коду интергалактического общества. Это был земной язык, английский. Но в этих звуках было что-то жуткое, чудовищно нечеловеческое. Это не было официальным сообщением, а скорее походило на бесконечный монолог, гневный и ортодоксальный. Искажение сигнала не давало возможности разобрать слова. И это наполняло сознание Энди страхом. Немного увеличив высоту, он перевел флаер на сверхзвуковую скорость. Узкая черная лента дороги начала все быстрее разматываться под ними, промелькнули и исчезли ближайшие холмы. Наклонный столб дыма превратился в темную мелькнувшую полоску. Внизу на дороге что-то медленно двигалось. Рифник схватил его за плечо.

— Это же наша машина! — проревел он.— Старый бульдозер, он остался еще от Плана Человека!.. Клифф использовал его... Теперь им должна управлять Блуждающая Звезда! Подбей его, парень!

Квамодиан дернул плечом, сбрасывая с него широченную лапу Рифника, и наклонился, всматриваясь в дорогу под ними. Это была громадная неуклюжая машина, лениво ползущая вперед на смешных старинных гусеницах. Ее раздвоенные на концах, словно вилки, манипуляторы то поднимались, то опускались над окрашенной в оранжевый цвет кабиной.

— Флаер,— приказал Энди,— подбей эту штуку!

Послышался тонкий свист выпущенных ракет, когда флаер послушно дал залп по ползущей машине. Эти посадочные ракеты обычно не использовались как оружие, но могли послужить таковым. Залп прошел мимо машины, выбив ряд лунок в покрытии дороги перед ней.

— Извините, монитор Квамодиан,— грустно сказал флаер.— Я для таких операций не приспособлен.

— Стреляй в гусеницы,— распорядился Квамодиан.— Ис-

пользуй все ракеты, если можно, но останови эту машину.

Бульдозер неукротимо полз вперед сквозь огненный ливень. Квамодиан развернул флаер и прошел над машиной, выпустив новый залп. Бульдозер повело вбок, казалось, машина скользит в луже огня, и Энди увидел, как бешено захлопала порвавшаяся гусеница. Бульдозер остановился. Флаер тут же взял управление на себя и завис над подбитой машиной. Энди Квам и Рифник смотрели вниз. Молчащая и сломанная машина стояла поперек дороги, усеянной лунками от разрывов ракет, несгоревшие остатки которых испускали удушливый дым. Энди Квам повернулся к Рифнику.

— Я остановил его по вашей просьбе,— сказал он сердито.— И не вижу, чего мы этим добились. Что ты теперь скажешь?

— Скажу — вперед и быстрее! — рявкнул Рифник.— Только что ты уничтожил один из инструментов Блуждающей Звезды, но мы пока не притронулись к самой бестии. Вперед, выкурим ее из норы.

Квамодиан пожал плечами и уже собирался приказать флаеру продолжать полет... Как вдруг завыла сирена. На панели расцвели во всей своей голографической красоте красные аварийные сигналы. Радар-маркер выделил летящий объект, показавшийся из-за леса позади флаера. Объект светился бледным, странного зеленоватого оттенка светом.

— Это космическое существо, называемое слиитом, монитор Квамодиан,— доложил флаер.— Имеются указания, что слиит в данный момент находится под контролем интеллекта, который вы ищете.

Реакция Рифника была более краткой, но более бурной.

— Это моя зверюга! — ухнул он.— Осторожно! Он каждый день ест на завтрак по дюжине таких флаеров!

— Осторожно? — проворчал Квамодиан.— Это пусть ваше создание поостережется! Флаер, ракеты остались?

— Две обоймы, монитор Квамодиан,— доложила машина.

— Прикончи этого зверя!

Ракеты рванули вперед, но странно... заряд не детонировал. Хвосты трассеров погасли, брызнув красными бледными искрами рядом с приближающимся слиитом.

— Слиит погасил их полем,— фыркнул Рифник.— Тебе надо применить что-нибудь посерьезнее.

— Стреляй последнюю обойму,— приказал Энди Квам, а сам шлепнул по выключателю ручного управления наводкой трансфлексионных лучей флаера. Он рванул излучатели и послал вперед бледные смертоносные пальцы лучей, направляя их на слиита, который с каждой секундой становился все больше и больше. Второй залп ракет закончился так же безрезультатно, как и первый. Внезапно флаер подкинуло, так что Энди налетел грудью на пульт.

— Неисправность, монитор Ква-модиан,— заикаясь, доложил флаер.— Энергоснабжение...

Тянувшиеся к слииту лучи побледнели, угасая, а тяговое поле исчезло еще быстрее. Зеленоватое свечение слиита вдруг стало ярче. Сирена попыталась завыть, но испустила лишь серию придушенных покашливаний, что и должно было означать аварийное предупреждение.

— Держись! — крикнул Энди.— Сейчас мы врежем...

И они врезались. И врезались очень сильно, аварийные энергоподушки не сработали. Сила удара заставила обоих мужчин покатиться по кабине, словно двух кукол в пустой скорлупе кокосового ореха. Слиит завис прямо над ними. Вид его приводил в ужас — размерами с крупную лошадь, похожий на кошку с вздувшимися под мягким мехом могучими мышцами... Светящиеся зеленые блюдца-глаза, огромные и холодные, слепо уставились на них...

Рифник поднялся на ноги и хрипло крикнул:

— Он... он может убить нас, Квамодиан! Глаза!

Квамодиану не требовалось предупреждений. Нечто в этих глазах уже запустило ледяные щупальца в его сознание, замораживая волю, пуская ледяной ток по позвоночнику и мускулам. Он напрягся, пытаясь заставить конечности двигаться, потянулся за пистолетом, который держал под сидением, но холод слишком глубоко проник в его нервы. Он коснулся пистолета, почти взял его в руку, но потом рукоятка выскользнула из пальцев, пистолет покатился по полу накренившейся кабины флаера. А слиит висел над ними, не спуская слепых мертвящих глаз, окруженных бледным мерцанием трансфлексионного поля. Огромные слепые глаза вдруг показались не такими огромными, и пронизывающие тело ледяные токи несколько уменьшились. Энди Квам не мог пошевелиться, он уже не был хозяином собственного тела, но, по крайней мере, подумал он, он уже не умирает глупо и бессмысленно. По какой-то причине существо уменьшило поток смертоносного излучения, высушивающего энергозапас флаера и едва не вынувшего жизнь из их тел.

— Я знал! — хрипло выдохнул Рифник.— Я знал, что она не сможет убить своего хозяина!

И с невероятным трудом, толчками, этот желтоволосый человек заставил себя встать на ноги, выпрямился, с агонизирующей медлительностью добрался до двери, вывалился наружу и снова заставил себя встать прямо рядом с огромным шелковистым телом космического создания. Уже забытый громкоговоритель передатчика флаера вдруг хрипло затрещал, и послышался голос:

— Уходи, Квамодиан. Я дарю тебе жизнь. Но уходи!

Это был тот же самый голос, который раздавался из динамика перед этим, безжизненный, нечеловеческий, приводящий в страх голос. Энди Квам, истратив последние силы, опустился на сидение. Он увидел, как сомкнулись вокруг Рифника громадные когти зверя, увидел, как космическое существо стремительно поднялось в воздух и, неся Рифника, с фантастиче-

ской быстротой исчезло в провале между холмами, откуда все еще поднимался тонкий столб дыма. Потом он почувствовал, как флаер слабо закачался, дернулся и медленно, с трудом поднялся в воздух. Квамодиан не отдавал ему приказаний, но направление полета не оставляло сомнений. Поднявшись на несколько сотен футов, он развернулся и направился обратно в поселок. Охота провалилась. Один из охотников оказался в плену у зверя, и со сверхзвуковой скоростью его уносили сейчас к пещере, где испытывало свои новые способности, расширяло свой репертуар эмоций и росло новорожденное существо. Второй же охотник беспомощно возвращался восвояси. И девушка, спасти которую они направлялись, была теперь так же недостижима для Энди Квама, как самая далекая из звезд. Он был уверен в одном — что он потерпел поражение. Он не смог справиться даже с игрушкой Блуждающей Звезды — слиитом. Его возможностей обыкновенного человека было явно недостаточно. И против могучей Блуждающей Звезды как таковой у него вообще не было шансов уцелеть. Слишком неравной была битва.

Блуждающая Звезда в обличье робота-инспектора медленно погружалась в светящийся опаловый туман холодной пещеры-шара в недрах холма. Ящик-холодильник с пищей, который она легко держала в эффекторах трансфлексионного поля, вдруг показался ей слишком тяжелым, и Звезда выпустила его. С грохотом, который прокатился по всей сферообразной каверне, холодильник рухнул на каменный пол, раскололся, разбрасывая все свое содержимое. Грохот испугал Молли Залдивар. Она подняла глаза, лицо ее было искажено и казалось нечеловеческим в призрачном, зеленоватом свете пещеры, она увидела яйцеобразный корпус робота, и ее вскрик нарушил тишину камеры. На миг при виде этого блестящего корпуса, приближающегося к ней, Молли охватила безрассудная надежда — вдруг это знакомый робот-инспектор из церкви Звезды каким-то образом пришел к ней на помощь, возможно, при непосредственной поддержке Энди Квама, который вот-вот и сам появится в пещере. Но эта надежда даже не стерла ужаса, написанного на лице девушки. Она с трудом поднялась, оставив бесполезное радио, и начала спускаться по спиральной лестнице ко дну пещеры-пузыря. Высокий мелодичный голос робота модулировался малоопытной в данном отношении Блуждающей Звездой.

— Молли Залдивар. Почему ты обманываешь меня?

Она не ответила. Последовала пауза. Звезда разбиралась с конфликтующими импульсами внутри девушки.

— Я не причиню тебе вреда,— сказала она протяжно.— Ты не должна бояться... потому что я люблю тебя, Молли Залдивар.

Лицо девушки дернулось, и она подняла руки навстречу парящему роботу.

— Если ты любишь меня, то почему не хочешь отпустить?

— Потому что люблю... я не смогу отпустить тебя никогда.

— Тогда я ненавижу тебя, монстр! — крикнула девушка изо всех сил.

В ее хриплом голосе сквозило отчаяние. Отчаяние также выражала земная аура, окружавшая девушку в глазах Блуждающей Звезды, цвет и узор которой говорили без всяких слов о ярости Молли. Звезда оставила ее стоять на месте, сама колесом закружила тело робота вокруг ажурной башни. Внезапно корпус робота показался Звезде тесным. Она оставила робота безвольно висеть на подушке трансфлексионного поля, а сама снова превратилась в почти невидимое облачко электронной плазмы. Она умостилась на металлических перилах, почти прямо под бледным молочным туманом, висевшим в центре сферической пещеры. Она обратилась к девушке голосом робота:

— Молли Залдивар, я сильна, а ты слаба. Твоя ненависть не причинит мне вреда, правильно?

Молли безвольно качнула головой, совершенно обессилев.

— Но я не причиню вреда тебе, если смогу избежать этого, Молли Залдивар. Мы останемся здесь до тех пор, пока ты меня не полюбишь.

— Тогда я здесь умру,— сказала девушка равнодушно.

Звезда потратила несколько наносекунд на обдумывание этой проблемы. Наконец она сказала:

— Тогда я включу тебя в свое сознание после того, как ты умрешь. И станешь частью меня, подобно Клиффу Хауку.

— Пожалуйста, не надо,— сказала девушка. Сначала ее голос был слаб от усталости, но потом начал набирать силу от гнева.— Ты говоришь, что любишь меня, что бы это для тебя ни значило. Но если это что-то для тебя значит, ты должна меня отпустить.

— Никогда, Молли Залдивар.

— Ты не имеешь права держать меня здесь.

— Имею, Молли Залдивар. Я сильнее тебя.

— Но есть существо еще более могущественное! — крикнула девушка.— Альмалик сильнее тебя! И он отыщет тебя даже здесь, как бы ты ни спряталась!

Блуждающая Звезда поискала в своих матрицах памяти значение слова «Альмалик». Почти нерешительно она спросила:

— Что такое «Альмалик»?

— Альмалик — это ведущая звезда гражданина Лебедь. Он командует миллиардами фузоритов, людей, роботов и звезд. И во множестве своем он тебя разыщет, здесь или в любом ином месте. И даже если бы ты был равен ему по силе, в своем множественном обличье он раздавит тебя своими легионами.

Электронная плазма заволновалась, размышляя, словно поверхность тихого пруда, в которую швырнули камень.

— Я уже встречалась с роботом Альмалика,— сказала она наконец.— И теперь он служит мне.

— Всего один робот! У Альмалика их миллиарды!

Блуждающая Звезда ничего не ответила. Она задумчиво прильнула к металлическому поручню древнего сооружения, изучая девушку. Та явно истощила свой запас энергии — зеленый огонь ауры, огонь ярости постепенно затухал, ожидая ответного хода Блуждающей Звезды. Для Звезды, которая мучительно овладевала тем, что люди называют эмоциями, существо Молли Залдивар было лучшим для этого стимулом, хотя и сбивало с толку. В сознании Звезды имелась достаточная часть первоначального содержания сознания Клиффа Хаука, чтобы придать напряжение и силу ее чувствам к Молли. Она обладала теперь двумя множествами поведенческих прототипов, которые можно было охарактеризовать, в общем, как любовь и как жалость. Блуждающая Звезда полностью отдавала себе отчет в том, что эта девушка существо слабое, маленькое, смертное и испуганное. Она даже испытала нечто вроде побуждения утешить ее, уменьшить боль и ярость. Но у нее просто не имелось эффекторов, способных справиться с этой задачей. Одновременно звезда понимала, что в некотором смысле девушка составляла для нее угрозу. Притяжение к ней другого человеческого существа, Энди Квамодиана, грозило новым попыткам вмешаться в существующее положение вещей. Блуждающая Звезда полагала, что попытка снова окажется неудачной, но все равно это раздражало ее, и она решила уделить часть внимания управлению своим дистанционным оружием — слиитом и манипулятором, чтобы использовать их как разведчиков против поселка Мудрый Ручей. Но некоторые загадки не поддавались разрешению, как ни старалась раскрыть их Блуждающая Звезда. Ответы на некоторые из них находились далеко от пещеры. Тогда Звезда покинула свой железный насест, оставив пещеру с облаком опалового тумана и дрожащую в страхе девушку. Блуждающая Звезда послала свое сознание во Вселенную. Она ощупала скопление темных холмов над пузырем-пещерой, растянула поле восприятия и охватила им несколько кубических миль пространства. Она наблюдала за гневом и страхом людей, у которых она похитила холодильник с продуктами, изучила спящее существо по имени Энди Квамодиан, определила расположение собственных инструментов — слиита и машины-манипулятора. Потом она потянулась еще дальше. Она тянулась вдаль и вширь, пока не ощутила всю шарообразность планеты Земля, крутившейся в пространстве между каменной голой Луной и распухшим красным Солнцем, которое ударило Блуждающую Звезду в первые минуты ее рождения. Солнце все еще не успокоилось, все еще сердилось, все еще волновалось. Блуждающая Звезда внимательно изучила его, избегая касаться — тройной шлепок плазменных разрядов не причинил ей вреда, но она считала неблагоразумным вызывать новые. Она еще больше расши-

рила поле своего восприятия, послав свои щупальца к далеким звездам. Она обнаружила, что это солнца, подобные земному Солнцу — одиночные, двойные, тройные, пылающие в пустоте и в пылевых скоплениях Галактики. Некоторые по размерам уступали замороженной Луне, другие во много раз превосходили массой и размерами злобное Солнце. И даже за самые звезды заглянула Блуждающая Звезда, обнаружив там бездну пустоты и свирепый космический холод. Потом в бесконечных потоках тьмы она обнаружила мерцающие огоньки иных галактик. Ничего ранее не подозревавшая об их существовании, Блуждающая Звезда изучила их число и разнообразие. И слабо, но все же ощутимо чувствовала она и присутствие некоего наблюдателя, близкого ей по духу, но недоступного ее восприятию. Она рванулась к ближайшим звездам. Альмалик. Пришло время проникнуть в сущность этого термина. Найти Альмалик оказалось просто. В памяти плазменного робота-инспектора имелись ясные указания относительно координат Альмалика в пространстве, и Блуждающая Звезда направила в ту сторону свое внимание. И встретилась с картиной могущества Альмалика, великолепием тринадцати его солнц, превосходивших размерами даже Солнце Земли, пытавшееся уничтожить новорожденную Блуждающую Звезду. Она изучила эти солнца, сосчитав их, измерила их энергию, бурлящую в темноте и пустоте космоса. Шесть великолепных двойных звезд, иерархически организованных в три пары. Одна обычная звезда, но со множеством вращающихся по орбитам планет. В видимом диапазоне эти тринадцать солнц излучали разные цвета, но Блуждающая сразу заметила, что все они имеют некое странное золотистое свечение...

И Альмалик тоже почувствовал мимолетное прикосновение.

— Здравствуй, Малыш!

Это были не слова. Альмалик не разговаривал. Он послал сигнал, который одновременно выражал и приветствие, и снисходительную жалость. Сигнал его был силен, но беззвучен и безмятежен. Блуждающая Звезда спокойно ждала продолжения.

— Малыш, мы следили за тобой.— Беззвучный голос был могуч, как гром, и нежен, как... что? У Блуждающей Звезды имелась лишь одна несовершенная аналогия. Как любовь.— Мы получили сообщение о тебе. Ты разрушила лелеемые нами структуры. Ты уничтожила существа, бывшие частью нас. Малыш, чего же ты хочешь?

Некоторое время Блуждающая Звезда обдумывала вопрос. С трудом она сформулировала ответ:

— Знаний. Опыта.— И после паузы добавила: — Хочу все!

Многочисленные солнца Альмалика засветились спокойным золотом. Это было почти как улыбка. Из-за изгиба земной

поверхности, из-за пылевых туч и тысяч звезд пришел ответ:

— Знания ты можешь получить. Задавай вопрос.

— Зачем тебе уничтожать меня? — сразу же спросила Блуждающая Звезда.

Беззвучный голос Альмалика был спокоен, как ночная прохлада, но в нем чувствовалась бездонная уверенность:

— Малыш, мы не сможем уничтожить тебя, как и любое другое разумное существо.

Зеленая вспышка гнева наполнила сознание Блуждающей Звезды. Создавалось противоречие. Утверждение Альмалика противоречило словам Молли Залдивар. Звезда не подозревала о существовании обмана до тех пор, пока Молли Залдивар не сказала, что любит ее, а потом не показала своим поступком, что солгала. Теперь Звезда знала об обмане, но не подозревала о наличии ошибок, присущих всем смертным людям. Противоречие означало ложь, означало вражду. Багровая ненависть заморозила Блуждающую Звезду, внезапная ярость потрясла ее плазменную основу. Она покинула просторы Вселенной, сжалась в глубины светящегося клубка и снова погрузилась в глубины горы, как раз в тот момент, когда планета начала поворачивать эту часть поверхности к зловещему багровому Солнцу. Великолепие Альмалика исчезло. На некоторое время. Блуждающая Звезда подплыла к Молли Залдивар. Высоким певучим голосом робота она воскликнула:

— Мы уходим отсюда. Альмалик солгал мне. Я его ненавижу!

Изумленная Молли лежала, вздрагивая на подушках сиденья и глядя на Звезду.

— Я ненавижу Альмалик,— сказала Блуждающая Звезда.— Он думает, что я маленькая и беспомощная и он может легко уничтожить меня. Но я расту. Я буду продолжать расти до тех пор, пока не стану могущественней Альмалика.

Казавшееся белым в опаловом свете центрального облака изумленное лицо девушки ничего не выражало. Она равнодушно ждала, что еще скажет Блуждающая Звезда.

— Я уничтожу Альмалик,— сказала Звезда высоким голосом робота.— И тогда ты полюбишь меня, Молли Залдивар, или я уничтожу и тебя.

Энди Квам посадил флаер перед куполом контроля движения рядом со станцией трансфлекса и проскрежетал сквозь сжатые зубы:

— Контроль движения? Соедините меня непосредственно с главным штабом Товарищества Звезды. Альмалик-3.

— Ваши полномочия, сэр? — вежливо поинтересовались из купола.

— Полностью уполномочен. Высшая первоочередность!

— Одну минутку, сэр,— с сомнением сказали в куполе. Однако не отказали Энди. Секунду спустя сообщили:

— Ищу ваш контур, сэр. Сейчас мы работаем с опознанием в двести секунд. Вы можете обождать?

— А что мне еще делать,— с мрачным видом проворчал Энди, снова погружаясь в сиденье. Мгновение спустя он спросил самого себя:— Все эти воинственные Блуждающие Звезды и Рифники — разве я привык иметь дело с подобными формами жизни?

Ответа не требовалось. Если для того, чтобы спасти Молли Залдивар, с этим нужно свыкнуться, он свыкнется. В противоположном конце площадки появилась бегущая маленькая фигурка. Подошвы бегущего вздымали фонтанчики пыли, и когда мальчик достиг флаера, он тяжело дышал.

— Проповедник! — выдохнул он широко раскрытым ртом.— Что произошло? Где Молли Залдивар?

— Она еще в пещере,— коротко ответил Энди.— Я так думаю, потому что я ее не видел.

— Тогда... что же вы намерены предпринять?

— Буду ждать.

Но им не пришлось ждать слишком долго. Щелкнул и загудел громкоговоритель, и голос, явно не принадлежащий человеческому существу, произнес:

— Товарищество Звезды. Говорит главнокомандующий отделом Монитор. Чем могу быть вам полезен?

— Вы можете выслушать меня наилучшим образом,— воинственно начал Энди Квам.— Пришлите сюда аварийную исследовательскую бригаду, и на двойной скорости! Говорит монитор Энди Квамодиан. Я прошу... нет, я требую принять неотложные меры!

Высокий сладкий голос сказал с некоторой печалью:

— А, это вы, монитор Квамодиан. Мы уже приняли во внимание ваши доклады и действия.

— Ха,— рявкнул Энди.— Еще бы! В чьем рапорте было сказано, что на свободу вырвался искусственный разум в форме Блуждающей Звезды? Что я потребовал у местных властей применить силу? Я отметил также, что некоторые люди и многоморфные существа пострадали в результате преступного эксперимента. Они были убиты, разрушены или напуганы. И вы проигнорировали все это.

— К сожалению, монитор Квамодиан, мы не видели причин к действию.

— Думаете, я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, монитор. Просто мы гораздо ниже оцениваем количественную необходимость действий.

— Понятно,— фыркнул Энди.— Тогда взгляните на дело с другой стороны. Я докладываю, что монитор Товарищества Звезды страдает параноидальным психозом. Он уверен, что на него и его друзей напали чудовища. В своем безумии он способен на насильственные акты. И это неизбежно повлечет дискредитацию всех мониторов Товарищества Звезды. Какую количественную оценку необходимо принять перед этой угрозой

и какие превентивные меры вы примете теперь?

— Что... что вы, монитор Квамодиан! Это все просто ужасно! Мы немедленно высылаем аварийную бригаду. Кто этот пострадавший психический монитор?

— Я! — отрезал Энди и отключился.

Они оставили флаер посреди площади перед воротами входа в станцию трансфлекса. Флаер тихо ворчал.

Какая глупость, они выставят вас из мониторов, как пить дать. Что тогда буду делать я? Возить каких-нибудь?

Дом мальчика был всего в нескольких минутах ходьбы. Энди принял душ, поел, жадно выпил густого молока, которым угостила его кухонная машина. Он решил собраться с силами и мыслями перед прибытием аварийной команды.

— Еще долго, Проповедник? — нетерпеливо спросил мальчик.— Они скоро будут здесь?

Квамодиан сделал приближенный расчет.

— Двадцать минут на обдумывание. Полчаса на сбор бригады. Десять минут на утверждение транспортной первоочередности... и несколько секунд на Транзит. Через час, я думаю, они будут здесь.

Ух! Значит, осталось десять минут. Нет, подумать только, каких-то десять минут, и я увижу всех этих трехголовых созданий, жуков с зелеными панцирями и...

— Делать замечания по поводу особенностных различий граждан Вселенной у нас не принято,— твердо напомнил ему Энди Квам.— Разве тебя этому не учили твои родители?

— Гм, да, учили,— признался мальчик.

— Кстати,— вспомнил Энди,— а где они, твои родители? Разве они не дома?

Мальчик переступил с ноги на ногу.

— Конечно, дома. Просто они... э-э-э... заняты.

— Руф, брось всю эту шушеру. Ты что-то скрываешь. Не могу понять, что именно и почему. Давай рассказывай.

— Проповедник, все это чепуха. Все дело в том,— он встревоженно посмотрел на Энди Квама. Энди ответил настойчивым взглядом.— Ну, понимаете,— сказал мальчик,— они просто вели себя немного странно. Они улетели на флаере в Нью-Йорк!

— Нью-Йорк! Да это две тысячи миль!

— Немного больше, Проповедник. Я так думаю, что только в один конец у них уйдет дня два.

— Но почему?

— Вот это и странно, Проповедник. То есть... с родителями у меня все в порядке, Проповедник. Они нормальные, совершенно. Просто они говорили то же, что говорите и вы. Насчет интеллекта на свободе, и что робот-инспектор их не слушает, и что у них нет прямого контакта с Альмаликом. Как у вас. Поэтому они решили лучше слетать в Нью-Йорк и доложить там об этом. Возможно, тамошние власти разберутся лучше.

Квамодиан был настороже.

— И все-таки, ты что-то скрываешь,— обвинил он Руфа.— Почему ты так стыдился рассказывать о родителях? Ведь Звезда действительно существует, правильно?

— Конечно, Проповедник. Только...

— Только что?

Мальчик вспыхнул.

— Просто они заговорили о ней два дня назад. Когда улетели.

— Но этого не может быть,— сказал Квамодиан.— Тогда она еще не была создана. А, я понял!

Мальчик кивнул с несчастным видом.

— Да, вот это меня слегка пугает, Проповедник. Они думали, что звезда уже существует, а на самом деле ее еще и в помине не было.

Они подошли к кубу трансфлекса, имея в запасе несколько минут, но бригада прибыла раньше времени. Они явно не теряли времени зря. Купол контроля приказал через радио флаера:

— Всем в сторону! Дайте дорогу прибывшим с Альмалика-3!

— Ух ты! — выдохнул мальчик. Его глаза напоминали сейчас кольцо Сатурна, и все волнения о родителях временно вылетели у него из головы.

— Где же они, Проповедник? Они же должны выйти?

Из куба станции вылетела полудюжина маленьких зеленых пружинок. Они вращались по орбитам друг возле друга, приближаясь к мальчику и Квамодиану, издавая высокочастотный свист.

— Что это? — потребовал ответа напряженный Руф.

— Пялиться невежливо, Руф,— напомнил Квамодиан.— Я сейчас не могу припомнить название... Какой-то многочленный гражданин.

— А там! О, у-ух ты! Поглядите-ка вон на того!

— Не волнуйся, все это вселенские граждане.

Но даже Квамодиан невольно задержал дыхание, когда из пенистого, почти прозрачного розового пузыря показались узкие, как щели, глазницы и похожие на акульи зубы гражданина явно плотоядного и хищного происхождения. Остальная часть членов прибывшей бригады оказалась не лучше. Один прыгал на чрезмерно мощных когтистых лапах, словно кенгуру, и имел две верхние лапы, которые казались совершенно безкостными, словно хобот слона. Каждый «хобот» заканчивался ярко-голубым манипулятором — почти дубликатом рыла крота. Но четвертый член бригады, который шагал сейчас навстречу Энди, был настолько человеком, что Энди вытаращил глаза. На нем было одеяние изысканного галактогражданина, лицо изукрашено косметикой почти до неузнаваемости, темные волосы вздымались надушенной ароматической башней. Но переменить ей одежду и грим, подумал Квамодиан, наденьте на нее простое платье Молли вместо

сверкающих обтягивающих брюк, пушистого корсажа и наплечников, избавьте ее кожу от нарисованных бриллиантов, соскребите с лица нарисованные двухдюймовые лохматые брови, ярко-голубые тоновые тени у глаз, румяна на щеках, и она будет совершеннейшим дубликатом Молли Залдивар. Она широким шагом приближалась к Энди Квамодиану — и вдруг замерла на месте. Ее оттененные голубым глаза широко раскрылись, словно у испуганной куклы. По краям, где кожу не слишком густо покрывала косметика, показался настоящий румянец. Яркие губы раскрылись, словно она хотела выдохнуть в изумлении: «Энди!», но не произнесла ни звука. Постепенно видимые участки кожи приобрели белоснежный цвет. Наконец она качнула высокой башней-прической и подошла к Энди Кваму.

— Монитор Квамодиан,— на едва уловимую долю секунды голос ее заметно дрогнул.— Или вы в самом деле не узнаете меня... Я старший монитор Клотильда Квай Квич. Возможно, вам интересно было бы узнать, что мне и моим подчиненным удалось вернуться в штаб-квартиру Товарищества, где мы начали новый анализ наших данных по Блуждающим Звездам.

Энди Квам проглотил собравшийся в горле комок, потер ладонь о куртку и протянул руку для пожатия.

— Я очень рад, что вам удалось вырваться,— пробормотал он.— Я пытался выяснить, что случилось с вами, но никто не мог мне объяснить.

— Чепуха. Перейдем к делу,— резко сказала Клотильда.— Пожалуйста, говорите кратко и с сознанием ответственности. Ваши идиотские действия на этой планете вынудили нас оставить более интересную работу в штаб-квартире. Мне дано задание разобраться с тем, что вы здесь накрутили. И, черт побери, что вы намерены делать теперь?

Квамодиан ощетинился, обороняясь:

— Я не вмешиваюсь в...

— Инспекторы по безопасности движения считают иначе,— резко перебила его Клотильда.— Если вам нужно объяснить на пальцах, то извольте: Блуждающая Звезда, с которой вступил в контакт Клифф Хаук, пыталась не допустить вашего вмешательства в судьбу новорожденной Блуждающей Звезды. Вот почему она послала Соло Скотта перехватить вас и не пустить на Землю. Вот почему она посадила вас в ловушку на собственной планете. Инспекторы предупреждают, что она будет предпринимать очередные акции, если вы не прекратите.

Она не дала ему времени поинтересоваться, каковы будут эти дополнительные акции.

— У меня и этих галактограждан мало лишнего времени. Мы хотели бы использовать наше пребывание здесь с максимальной эффективностью. Считаю, что лучше всего начать с визуального осмотра места происшествия. Совершенно не-

лепого и ненужного, вызванного лишь вашей глупостью.

— Но я не имею отношения к тому, что произошло здесь!— Энди Квам вспыхнул и опустил руку, которую ему так и не пожали.— Да я даже не смог выбраться из города...

— Не будем терять время.— Она не обратила внимания на слабый протест Энди Квама.— Мои товарищи могут передвигаться самостоятельно, но мне необходима какая-нибудь машина.

— Да, конечно.— Он беспомощно пожал плечами.— Вот вам мой флаер.

Не сказав больше ни слова, старший монитор Клотильда Квай Квич важно прошествовала мимо Энди и залезла в кабину флаера. Словно громом пораженный, Энди полез за ней. Мальчик поймал его за руку.

— Слушай, Проповедник! — прошептал он.— Что это на вас нашло?

— Не знаю.— Энди грустно покачал головой.— Я просто не знаю.

Секунду спустя он вслед за девушкой опустился на сиденье флаера.

Теперь Блуждающая Звезда значительно выросла, стала сильнее и умнее. Она чувствовала себя в поле тревожного наблюдения и заботы далекого наблюдателя, но не требовала помощи или защиты. Для глаз отчаявшейся Молли Залдивар она не слишком изменилась, потому что в лучшем случае представляла для девушки облако будущей электронной плазмы, контролирующей бурю заряженных частиц, которая мгновенно убила бы Молли, если бы энергия самой Блуждающей Звезды не привязывала ее компоненты к центральной части. Но звездное создание ело и росло. Оно ассимилировало нейтронные реакции Клиффа Хаука, робота и слиита и еще сотен живых организмов, поглощенных ею. До полной зрелости ей, конечно, было еще очень далеко. Просто она стала более взрослой в размерах, возможностях, знаниях. Но до зрелого понимания самой себя этому существу было еще весьма далеко. Молли сохраняла полное молчание, видя, как огненный вихрь призвал к себе слиита и вошел в черное ужасное тело космического хищника. Слиит спикировал на Молли и подхватил ее совершенно безболезненно, но весьма решительно и хладнокровно в свои жуткие когти, острые как бритва, грани которых теперь были прикрыты бронированными чехлами-ножнами. Он поднялся в воздух, пронзил светящийся туманный овал в центре сферической каверны и принялся кружить по извилистым коридорам, выбираясь на поверхность. Молли не двигалась. Она уже была не в состоянии ни волноваться, ни испытывать страх. Она была полностью пассивна. Она не стала бы сражаться даже в том случае, если бы знала, насколько близка к смерти из-за гибельного излучения опалесцирующего облака. Но она этого не знала. Ее ауру, по которой

Блуждающая Звезда судила о состоянии сознания Молли, не разнообразили даже оттенки эмоций. Ни зеленого сияния ненависти, ни фиолетового или голубизны страха. Ни искры любви. Эмоции покинули Молли, оставив темноту ожидания. Оберегая Молли в пузыре воздуха, увлекаемого трансфлексионным полем слиита, Блуждающая Звезда покинула земной шар. Они продрались сквозь густой слой солнечной атмосферы — такой тонкий на расстоянии одной астрономической единицы, что приборы людей едва способны были зарегистрировать наличие этих газов, но весьма ощутимый при скоростях, которые мог развивать слиит при поддержке Звезды. Несмотря на это, всего несколько секунд спустя они миновали газовых гигантов — Юпитер и Сатурн — и межпланетное пространство стало почти пустым. Блуждающая Звезда пришпорила слиита. Казалось, само время остановилось. Теперь Блуждающая Звезда управляла не физической энергией. Это были трансфлексионные поля слиита и ее самой. Неимоверными прыжками устремились они сквозь складки пространства и световых лучей, сквозь жгучий мороз, сквозь головокружительные бездны. Они неслись к золотым солнцам Альмалика. И прибыли на место. Тихий могучий голос выдохнул в ухо Молли Залдивар.

— Смотри же! — почти беззвучно выдохнула Звезда.— Я начала уничтожать Альмалик!

— Это тебе не по силам,— отозвалась Молли угрюмо.

— Смотри! — снова послышался крик и затих.

Теперь Блуждающая Звезда заставляла вибрировать сами молекулы воздуха, производя слышимые для девушки звуки. Громкость такой речи была невелика, но в замкнутом атмосферном пузыре, когда она не могла оторвать глаз от двенадцати сверкающих звезд и одного, тринадцатого, почти ослепительного Альмалика, посреди полнейшего безмолвия космического пространства, звук этот показался ей оглушительным, потому что не было других звуков, способных перекрыть этот, не считая биения сердца девушки, ее дыхания и слабых, бессмысленных вздохов слиита.

— Я начинаю,— послышался шепчущий вопль, и, подобно коршуну, падающему на жертву, Блуждающая Звезда взяла курс к ближайшей планете.

Это была небольшая планета, уступающая по размерам Плутону и еще более удаленная от своего светила. Горизонт казался странно округленным, а поверхность была покрыта шарами замерзших газов. С помощью энергии, черпаемой из своих бесконечных резервов, Блуждающая Звезда овладела планетой, вошла в нее, стала ею. Она снова выросла. Жадно и мгновенно поглощала она новые атомы, всасывала электроны в свои расширяющиеся матрицы, пила добавочную энергию из ледяного камня. Она протянула в окружающее пространство исследовательские зонды-щупальца, обнаружила крутящуюся вокруг планеты маленькую луну. А еще

дальше — металлическую структуру с органическими массами организованного вещества внутри. Блуждающая Звезда не догадывалась, что это космический корабль. Но ей до этого не было дела. Она сразу же с огромной силой притянула к себе корабль, и он рухнул на лед маленькой планеты, оставив после себя огромную воронку. Со слиитом она обошлась более аккуратно, но все же недостаточно ловко. Существо ударилось о шпиль окаменевших гидратов, беззвучно завопило и обмякло. И с исчезнувшим полем слиита сразу испарилась в пустоту воздушная оболочка. Молли Залдивар лежала, открытая убийственному вакууму пространства. В течение нескольких наносекунд Блуждающая Звезда раздумывала, что же она натворила. И, насколько это было для нее возможно, она встревожилась. Наконец она протянула один из своих зондов к погребенной под слоем замерзших газов каменной полке и затрясла ее, создавая звуковые биения-вибрации.

— Молли Залдивар! — загрохотала планета.— Что с тобой случилось?

Девушка не ответила. Свернувшись, она лежала на кристаллическом снегу планеты — на собственном теперь снегу Блуждающей Звезды — рядом со скорчившимся черным телом слиита. Она не дышала — ей нечем было больше дышать. Темная кровь закипела и замерзла на ее лице.

— Молли Залдивар! — застонала скальная порода планеты.— Ответь!

Но не было ответа. Блуждающая Звезда оценила свои возросшие силы, оценила их могущество. Теперь она была планетой. В оболочке из смерзшихся газов, со скелетом из скального гранита, с подобием сердца из остывающих озер магмы. Блуждающая Звезда еще не привыкла к тому большому телу. Но она сожалела, что тело это было так неласково к Молли Залдивар — такое безвоздушное, такое неласковое, такое ледяное... Из остатков разбитого космического корабля показались структуры организованной огранической материи, облаченные в искусственные металлиоидные шкуры. Звезда не понимала, что эти галактограждане могли бы оказать помощь Молли Залдивар. Не думая, она протянула эффектор и уничтожила их. И снова испытала чувство, подобное сожалению, потому что вдруг поняла, что эти структуры имели в своем распоряжении запас воды и воздуха, тепло и герметические оболочки, и все это можно было использовать для Молли. Неважно. Блуждающая Звезда была теперь планетой и распоряжалась ресурсами целой планеты. Она не даст Молли погибнуть. Она экранировала Молли от сурового мороза космического пространства, заключила в купол трансфлексионного поля, нагрела замороженные газы вокруг нее. С помощью частиц материи, взятой от уничтоженных ею существ, Звезда залечила нанесенный Молли легкий ущерб. Она разогрела ее затвердевшее тело, помогла ей снова начать дышать, раздула затеплившуюся искорку жизни... И девушка заговорила.

— Что ты делаешь со мной, монстр? — простонала она.

— Я спасаю тебе жизнь, Молли,— прогрохотали скалы.— И еще я уничтожаю Альмалик.

— Не выйдет, монстр! — всхлипнула девушка.

— Смотри! — трансфлексионное поле Блуждающей Звезды стало теперь гораздо обширнее, обнимая все континенты сумеречного ледяного мира, все его древние скалы, снежные моря, всю его огромную массу... И со всей своей новой мощью Блуждающая Звезда приготовилась ударить по Альмалику. Она задержала бег планеты по орбите и повернула его к внутренним областям системы, к белому великолепию солнца, самой яркой звезде союза Альмалика. И, питаемая ненавистью, она все быстрее шла на столкновение со звездой.

Слиит был жестоко ранен. Но существо, которое самой эволюцией было создано для убийства пироподов в открытом пространстве космоса, не так-то легко было умертвить. Он зашевелился. Огромные пустые глаза уставились в пространство, потом повернулись навстречу взгляду Молли Залдивар. Под темной толстой кожей забегали волнами сокращающиеся мышцы. Снова ожило его трансфлексионное поле. Слиит поднялся над слоем замерзшего газа, на котором лежал, и его певучий шелест стал громче. Слиит не был разумным существом в понимании человека или другого галактогражданина, но он обладал рудиментом сознания. Он сознавал, что нечто управляло им некоторое время. Что это нечто сейчас исчезло — Блуждающая Звезда была полностью поглощена контролем за корой планеты. И слиит вспомнил Молли Залдивар...

А когда Блуждающая Звезда снова обратила внимание на девушку, той уже не было. Блуждающая Звезда быстро отправилась на поиск и нашла ее. Молли бежала. Взобравшись на шелковистый мех спины слиита, закутанная в его трансфлексионные поля, она все дальше и дальше уносилась от ледяных полей планеты, направляясь к внутренним мирам той большой звезды, к которой сейчас упорно приближалась и сама планета. Блуждающая Звезда метнула им вслед щупальце плазмы-электронов, смешанных с собственным трансфлексионным полем. Щупальце легко пронзило тело слиита, сотрясая маленький пузырь Молли.

— Куда ты летишь, Молли Залдивар? — визгливо пропел воздух вокруг нее.

Она повернула голову, глядя на светящийся плазменный палец Блуждающей Звезды, но ничего не ответила. Звезда замерла, рассуждая. Странно. Очень странно, но Звезде девушка показалась очень красивой. Волосы ее отливали красным в свете красных солнц Альмалика. Голубые солнца подчеркивали фиолетовый цвет ее глаз. Но какое это имеет значение, спросила саму себя Блуждающая Звезда. Она была заинтересована, ей было любопытно. Почему эти адсорбированные матрицы органического вещества, называющиеся Клифф Хаук, до сих пор оказывали на нее такое влияние?

Блуждающая Звезда снова заставила воздух издать пронзительный вскрик:

— Я люблю тебя, Молли Залдивар! Когда-то я была крохотной — ты могла даже не увидеть меня. Теперь я огромна — а ты лишь пылинка в сравнении со мной. Мы никогда не были равны, и я не вижу места для любви между нами... но я люблю тебя!

— Ты безумна, чудовище,— сказала Молли наконец. Но в ее глазах появилась теплота. Блуждающая Звезда задумалась на мгновение.

— Куда ты направляешься? — снова потребовала она ответа.

— К населенным планетам Альмалика. На Каймар. Там они с тобой справятся, если я предупрежу их.

— Ты ненавидишь меня, Молли Залдивар?

Нахмурившись, девушка поглядела на огненный эффектор огненной Звезды и покачала головой.

— Ты не выбрала свой облик.

Блуждающая Звезда пристально сканировала ауру Молли, ища признаки зеленого огня ярости — но их не было. Тогда она поспешно спросила:

— Теперь ты меня любишь?

Лицо Молли, коричнево-золотое в свете солнц Альмалика, странным образом сморщилось.

— Но как это возможно? Я человек, а ты... монстр!

И глаза ее, фиолетово-голубые, влажно блеснули, когда она повернулась к сияющему плазменному эффектору Звезды.

— Я люблю тебя!

— Сумасшедшая! — всхлипнула девушка.— Наверное, мне жаль тебя. Ты так печально искорежена сложившимися обстоятельствами, все твои силы тратятся напрасно.— Она тряхнула головой, и разноцветные искры от солнц Альмалика затанцевали в ее волосах.— Мне очень жалко тебя! — Она помолчала, потом добавила: — Если я люблю кого-то, то это малыша Энди Квама. Да, монстр, я вернусь к нему. Как только я достигну обитаемых планет, я передам предупреждение... и тогда тебя уничтожат... Я вернусь на Землю через трансфлексионную станцию. Но мне жаль тебя, монстр!

— Я буду уничтожен?

— Будешь... если только сначала не убьешь меня, чтобы я не успела предупредить обитаемые планеты.

Блуждающей Звезде понадобилось несколько микросекунд на размышление. Затем она снова заставила воздух завибрировать.

— Я не уничтожу тебя,— изверг воздух атмосферного пузыря.— Но и меня не смогут уничтожить! Наблюдай! Я убью Альмалик до того, как ты сможешь предупредить кого-нибудь! — И она втянула свой огненный палец. Девушка с изумлением смотрела вслед огненной полосе.

Блуждающая Звезда концентрировала свою энергию,

готовясь к нападению. Она увеличивала напряжение трансфлексионных полей, двигающих ее планетарную массу. Гранит коры застонал и завизжал, когда она принялась уплотнять шар, сплющивая пики и хребты, сжимая свежие пустыни, делая из планеты более компактный снаряд. Она мчала себя прямо к белому ослепительному солнцу. Я погибну, думала она, но Альмалик погибнет тоже.

Не спеша, почти беззаботно, скопления пустотных существ-фузоритов, составляющих заметную массу Альмалика, обратили внимание на агрессивного пришельца, и предупрежденное солнце лениво подняло плазменный эффектор, защищаясь. Но прореагировало на вторжение Блуждающей Звезды не белое солнце, лежавшее впереди. Эта звезда продолжала спокойно сиять, игнорируя опасность. Расположенное над ним могучее двойное солнце — золотой гигант и его мощный голубой спутник, вращавшиеся друг против друга по концентрической орбите — выстрелили разрядом плазмы. Разряд был выпущен из внутренних слоев желтого двойника, и энергия его была чудовищна. Гигантский разряд превосходил планетарное тело Блуждающей Звезды и светился так же ярко, как и сама звезда. С трансфлексионной скоростью метнулся разряд сквозь пустоту, гораздо быстрее, чем могла прореагировать или уклониться с его пути Блуждающая Звезда. Но разряд миновал ее и ударил в Молли Залдивар. Даже на межпланетном расстоянии, теперь разделяющем их, Блуждающая Звезда уловила красный всплеск ужаса, выпущенный излучением Молли, когда она увидела летящее на нее кольцо золотого огня.

— Помоги мне, монстр! — крикнула она.

Звезда не могла слышать слов, но содержание было понятно. И она поспешила на помощь. Она выбросила в направлении Молли собственный поток ионов, соединяющих частицы трансфлексионных полей, создавая витками плазменный щит вокруг ловушки и слиита. Но щит оказался недостаточно мощным. Золотая рука Альмалика была сильнее. Она пробила защитную стену плазмы, образовав вокруг Молли и слиита сеть огненных нитей, потом унесла свою добычу к желто-голубому солнцу. Блуждающая Звезда не могла помочь Молли. Но чувство, которое они еще не научилась распознавать как дикую радость, пронизало плазменные матрицы звездного создания.

Она звала меня! Она просила помощи! Если я не могу помочь ей, то все еще могу уничтожить белую звезду Альмалик.

Блуждающая Звезда притормозила свой бег, испытывая свои силы, готовясь взять под контроль еще более могучие энергии, чем те, которыми она уже располагала. Она еще недостаточно сильна, холодно расценила Звезда свои возможности. Еще рано. Нужно стать сильнее. Планета была покрыта замерзшими газами, и под гранитной корой она еще не умерла — полужидкие массы железа и более тяжелых состав-

ляющих еще не растратили окончательно свой жар и радиоактивность. Из них Блуждающая Звезда стала поглощать энергию и тепло. Вдоль плазменных волноводов стреляли контролируемые молнии. Масса планетного тела была теперь для нее не более чем камень пращника — оружие, снаряд, способный убить Альмалик. Блуждающая Звезда повышала напряжение тяговых полей до тех пор, пока не задымились раздавленные горные хребты, а снежные моря не начали кипеть. Глубины коры сотрясались от мощных землетрясений. В возрожденном небе планеты искрилось полярное сияние. Блуждающая Звезда разгонялась, готовясь уничтожить вражеское солнце. Но Альмалик уже был готов к бою. Двойное солнце над ним снова ударило голубым огнем плазменного разряда. Огненная шпага пронзила все защитные поля, кипящие моря, пробила кору сейсмическими волнами. Блуждающая Звезда хладнокровно подсчитала урон. Большой, но не слишком. Я все еще могу победить Альмалик. Плазменная змея свернулась кольцами, отошла, потом ударила еще и еще раз. Она испещрила поверхность планеты огромными раскаленными кратерами, потрясла весь ее организм разрушающими волнами, так что даже сама Блуждающая Звезда испытала дикую боль. Но она не позволила уничтожить себя. Собрав последние резервы своей энергии, напрягая трансфлексионные поля, удерживая атомы распадающегося мира в невидимом кулаке, она отважно училась на ходу, пытаясь использовать энергию самого разрушающего разряда, бьющей золотой плазменной змеей. Молли Залдивар и слиит давно исчезли из ее поля восприятия, несмотря на чувствительность ее дистанционных зондов-рецепторов. Плазменная сеть унесла их к какой-то из внутренних планет. На расстоянии многих астрономических единиц не осталось частиц материи больше молекулы, которая не была бы затянута Блуждающей Звездой или не испарилась бы, превращенная в энергию. Блуждающая Звезда уцелела и не была разрушена. Она упрямо двигалась вперед, чтобы нанести разящий удар по спокойно ожидающему ее белому солнцу. Она почувствовала, как гордится ее дикой бунтарской выходкой далекий наблюдатель и как они оба переполняются радостью.

— Монитор Квамодиан,— жизнерадостно сообщил флаер,— если вы намерены что-то услышать, вам придется вооружиться инвертором. Иначе не услышите. А они говорят о вас.

Квам бросил взгляд на старшего монитора Клотильду Квай Квич, которая с презрительно поджатыми губами осматривала кабину флаера, что-то неодобрительно бормоча себе под нос.

— Не знаю, стоит ли,— тихо сказал Крамодиан.

Не глядя на него, девушка громко сказала:

— Ваше желание не играет особой роли, монитор. Не-

сомненно, могут возникнуть такие ситуации, когда галактограждане будут вынуждены задать вопросы непосредственно вам, чтобы получить справку или инструкцию. Я не хотела бы отвлекаться на перевод реплик, следовательно, вам необходимо обзавестись соответствующим акустическим устройством.

Энди Квам заворчал, но принял маленькую ушную раковину, которую протянул ему эффектор флаера.

...старая развалина,— пропищал ему в ухо пронзительный голосок.— Мы последуем за вами, но двигайтесь как можно быстрее.

У голоса была странная эхообразная окраска, словно в унисон разговаривал хорошо обученный хор. Квамодиан решил, что это говорит многочленный организм — зеленые спирали. Не обращая на реплику внимания, он быстро осмотрел показания приборов флаера. Гомеостатические устройства флаера успели исправить нанесенные повреждения, запаслись новыми обоймами ракет. Едва ли они понадобятся, с надеждой подумал он. Но это лучше, чем ничего.

Мы в полной готовности,— объявил он, в последний момент заколебался и добавил:— Кажется.

— Тогда, может быть, приступим к делу? — спросила Клотильда с обиженным нетерпением.

Квамодиан мрачно согнулся над пультом и поднял флаер в воздух. Солнце ударило прямо в глаза, когда он разворачивал машину. Увеличившийся в размерах красный диск так потускнел, что Квамодиан мог смотреть на него почти свободно. Диск был усеян темными пятнами. Энди хотел обратить на внешний вид диска внимание девушки, но передумал... хотя она и не новичок на этой планете и могла обратить внимание на то, что Солнце выглядит необычно. Пускай сама убедится, решил Квамодиан. В любом случае это не играло особой роли. Главное, у него теперь есть подмога своего рода, слабенькая, но все же это помощь в борьбе с Блуждающей Звездой. Они стрелой понеслись на юг, миновав озеро и первые небольшие холмы. Многочленный зеленый галактогражданин легко следовал за флаером вместе с розоватой полупрозрачной сферой. Галактогражданин-хищник покачивался на сиденье позади Энди, а Руф сидел на полу между ними, с опаской поглядывая на зубы гражданина. В инверторе транзитной ушной раковины непрерывно гудел разговор, но Квамодиан не обращал на него внимания. Его не интересовало мнение этих существ, касалось ли оно его самого, флаера, планеты или еще чего-нибудь. Ему нужна была лишь их помощь. Когда они достигли цели, успело стемнеть. Солнце еще не закатилось полностью, но его потерявшие яркость лучи создавали впечатляющую картину заката в западной стороне горизонта и почти совсем не освещали вход в пещеру. Энди Квам предусмотрительно описал круг над пещерой, пытаясь обнаружить слиита или какое-либо другое опасное существо.

Но не обнаружил ничего. На всей местности вокруг лежал зловещий красноватый отсвет, но все пребывало в неподвижности. Он осторожно подвел флаер к остаткам развороченной двери в пещеру.

— Пустынно,— пропел тоненький хор голосов многочленного организма.— Мы ничего не регистрируем. Еще ниже имеется второй вход.

Старший монитор Клотильда Квай Квич бросила нерешительный взгляд на Энди Квама.

— Здесь заметны следы значительных разрушений,— признала она.

— Я же вам говорил!

— Да. Вероятно, произошла ошибка.

— Еще ниже,— пропели спирали.— Новые сигналы. Достойно рассмотрения.

Послышался шепот розового галактогражданина:

— В глубинной области этого района были приведены в действие силы значительной величины и энергии. До сих пор имеется источник энергии с необычными характеристиками.

— Нужно произвести расследование,— почти извиняющимся тоном произнесла старший монитор.

— Верно,— проскрежетал Квам и послал флаер спиралью вокруг горы, отыскивая нижний вход. Пенисто-розовый гражданин-облако оказался там раньше всех, повиснув у входа в пещеру, подобно струйке пара из носика чайника.

— Идите вперед,— прошептал он.— Рассредоточенная материя вроде моего тела легко уязвима.

Но Квамодиан не ждал разрешения. Он бросил флаер в глубину зева пещеры, шаря лучом прожектора в поисках слита, Молли Залдивар или каких-нибудь следов. Но он обнаружил лишь спирально суживающийся ход с явными признаками разрушения.

— Энергия высокой мощности,— пропели зеленые спиральки, крутясь вдоль взорванной стены со скрученными стальными рельсами подпорок.— Явные следы трансфлексионных полей. Следы плазменной активности.

Руф, позабыв о зубастой пасти галактогражданина, наклонился через плечо Квамодиана.

— Ух ты, Проповедник! Что-то здесь в самом деле здорово шарахнуло!

В этом сомнений не было. Оглядываясь по сторонам, пока флаер скользил вперед на подушке трансфлексионных полей, Квамодиан сразу понял, что случившееся в этом замкнутом пространстве имело источником не просто химический взрыв. Впервые Квамодиан осознал по-настоящему, что скрывается под термином «Блуждающая Звезда». Хотя вначале существо было крохотным, с массой чуть больше грамма, оно было способно командовать силами, скручивающими стальные балки и крушившими гранит, словно песок. Длинномордый галактогражданин поднял голову и что-то провыл. Инвертор в ухе Квамодиана тут же перевел фразу:

— Осторожно! Старший монитор, не доложить ли нам сначала Альмалику?

Девушка закусила губу, уже собираясь что-то сказать, но Квамодиан ее опередил.

— Нет! — проскрежетал он.— Мы и так слишком долго тянули. То есть вы. Возможно, Молли Залдивар умирает сейчас... или даже...— он не закончил фразы.

И тут они подошли к центру подземной спирали коридора. Квамодиан быстро глянул вниз, сглотнул, посмотрел на девушку и послал флаер вниз, в вертикальную шахту. Они осторожно спускались по стволу шахты. Первым двигался флаер Квамодиана, вторым — спиральный многочленный галактогражданин, третьим — розовое псевдооблако. Диск туманного зеленоватого света постепенно превращался в шар, и наконец они оказались в обширном сферическом пространстве в самом центре основания холма.

— Поразительно! — прошептала Клотильда.

Розоватый гражданин-облако проговорил с опаской:

— Энергия достигает весьма значительной величины. Я не хотел бы приближаться!..

— Тогда оставайтесь на месте,— буркнул Квам.— Интересно... что это такое? У вас есть сведения о чем-либо подобном?

Девушка покачала головой.

— Какая-то древняя военная база, как мне кажется. Очевидно, сохранилась еще с дней Плана Человека. Для большей части того периода не сохранилось архивных документов. Но этот ядерный огонь! — она показала на облако опалесцирующего тумана, висящее над металлической платформой.— Какой источник энергии! Я почти готова поверить вам, монитор Квамодиан. С такой энергией и в самом деле можно было попытаться создать Блуждающую Звезду.

Энди Квам ехидно усмехнулся, но ничего не ответил. Держа вспотевшие ладони на рукоятках управления ракетами, он опустил флаер еще на фут, к влажному от сырости полу пещеры. Разбитый и сплющенный короб оранжевой кабины, расчлененный мотор и траки гусениц манипулятора заставили его зябко поежиться — казалось, некая необузданная сила в гневе невиданно жестоко расправилась с невинной машиной. Но среди обломков машины виднелись остатки и других устройств. Примитивный пищевой рефрижератор с покрашенным в белый цвет кожухом. Квам не сразу узнал его, и даже когда узнал, не мог понять его назначения... но наконец содрогнулся, осененный догадкой. Это означало, что Молли Залдивар была здесь. Пища предназначалась именно ей! Но содержимое холодильника было беспорядочно разбросано. Дверь перекосилась, и по всему полу пещеры разлетелись пищевые пакеты и коробки. И что это за расколотый черный корпус, лежащий перпендикулярно решетке, сквозь которую отводился избыток воды в пещере?

Клотильда узнала его первой.

— Робот-инспектор! — выдохнула она.— Тогда... тогда это правда!

— Правда? — с обидой переспросил Руф.— Мисс Квай Квич, да мы об этом вам твердим всю дорогу! Конечно, это правда!

Но было слишком поздно, чтобы Энди Квам мог насладиться триумфом. Он едва слышал обмен репликами. С прищуренными глазами, сконцентрировав внимание, он бросал луч прожектора по всем направлениям, осматривая огромную базу. Но больше в пещере ничего не было. Обломки на полу, ажурная, как паутина, металлическая башня и зловеще мерцающее облако ядерной энергии. Да влажные капающие стены. И больше ничего. Он был уверен, что Молли Залдивар побывала в этой каменной каверне. Но сейчас ее здесь не было. Куда же она пропала? Его отвлек нервный вздох галактогражданина-облака.

— Это энергия,— с отчаянием прошептал он,— она ионизирует мой газ. Мне становится трудно контролировать собственное тело. Я должен вернуться на поверхность.

— Вперед! — рассеянно сказал Энди.

— Вероятно, нам нужно сделать то же самое,— пролаял со своего места галактогражданин-хищник.— Это опасно.

— Одну минутку! — попросил Энди.

Он наблюдал, запоминал, анализировал. С бесстрастием хладнокровного логика он осознал, что, начиная с того момента, когда им было получено сообщение от Молли Залдивар — за многие галактики от этого места — он позволил своим страстям, своей любви к Молли целиком управлять своими действиями. Все его навыки мышления, так тщательно отработанные, все приемы анализа и синтеза, составлявшие основу его обучения как монитора, были совершенно забыты. Но сейчас он снова начал пользоваться этими своими умениями. И перед его мысленным взглядом начала разворачиваться картина событий. Клифф Хаук, бунтовщик, авантюрист, искусный инженер-транзитник. Рифник, очерствевший женоненавистник. И оба здесь, с этой огромной энергией в руках, месяцами и даже годами без всякого надзора со стороны. Все было вполне логично, отметил Энди. Научное любопытство Хаука, человеконенавистничество Рифника, в особенности ненависть к фузоритам-Посетителям. Все сходилось — люди, место, возможности. Они создали Блуждающую Звезду, а она в ответ убила одного из создателей, а второй бесследно исчез. Но едва ли они причинили вред Молли Залдивар. Блуждающей Звезды здесь больше не было. Иначе ее энергия сразу же была бы засечена любым галактогражданином в бригаде. Звезда исчезла. И, как чувствовал Квамодиан, с ней исчезла и Молли Залдивар.

— Энди,— нерешительно сказала девушка-монитор.— То есть я хотела сказать, монитор Квамодиан...

— Да, что такое?

— Возможно, наши товарищ правы. Мне... мне это место не нравится.

Квамодиан нахмурился. Потом ужасное подозрение проникло в его мысли.

Клотильда! Что сказало облако?

Вы имеете в виду галакто...

Да! Об энергии! Что он сказал?

Ну, что она ионизирует его газ. Ему необходимо вернуться на свежий воздух.

Флаер! — воскликнул Энди Квам.— Уровень радиоактивности! Скорее!

Я думал, что вы так и не поинтересуетесь,— обиженно сказал флаер.— Излучение смертельно опасно. Восьмикратное превышение предельно допустимого уровня. Безопасное время на данном расстоянии один час. Мы подвергаемся излучению уже девятнадцать минут. Я был намерен подать сигнал тревоги через шестьдесят секунд.

Улетаем отсюда! — приказал Энди Квам.— Скорее!

Флаер дернулся, повернулся, взял направление на вертикальный тунель в потолке. Светящаяся смертельным излучением туманная сфера мелькнула мимо окон, потом потянулась тупая спираль коридора. Но Энди Квам не замечал ничего. Он все еще видел перед собой что-то гораздо более страшное. Радиация, изливающаяся из туманного облака ядерного огня, который уже не первый век пылал в сферической пещере, была смертельна. Приборы флаера измерили ее интенсивность. За их показания можно было ручаться. Квамодиан сам настраивал и проверял их. Если они говорили, что максимально безопасное время пребывания в пещере было один час, то возможная ошибка составляла плюс-минус одну минуту, не больше. Но волновала Квамодиана не собственная безопасность и не безопасность Клотильды или мальчика. Как долго пробыла Молли в этой шарообразной пещере, впитывая смертельные лучи? Квамодиан мог полагаться только на догадку. Однако с того момента, как Молли была похищена из маленького коттеджа Руфа, прошло примерно восемнадцать часов. И в любом случае она должна была провести в пещере хотя бы половину этого времени. И коль скоро она действительно пробыла в пещере так долго или хотя бы приблизительно столько, она была уже практически мертва.

Они вырвались из пещеры в прохладную ночь. И даже весь страх и страдания Квамодиана оказались бессильны отвлечь его внимание, едва он поднял взгляд на небо. Над ними распростерся небесный купол, покрытый кружевной сетью голубого и фиолетового огня. Беззвучно извивались титанические медленные молнии бледных разрядов, такие яркие, что от деревьев на склон холма падали тени. Галактогражданин-хищник подался вперед, его морда оказалась рядом со щекой

Квамодиана. Энди Квам почувствовал на щеке его горячее, слегка отдающее рыбой дыхание, когда тот тихо провыл:

— Кажется, это необычный для вашего неба спектакль. Вы можете объяснить, что случилось?

— Я думаю, наше собственное светило превратилось в Блуждающую Звезду,— прямо ответил Квамодиан,— но не знаю, как это произошло.

— Но это невозможно! — воскликнула девушка.— Солнце не относится к разряду мыслящих звезд. Еще ни разу не было зарегистрировано с его стороны даже намека на сознательную деятельность!

Квамодиан развел руками, указывая на яростное полярное сияние в небе.

— Тогда объясните вы, что это значит,— сказал он.

Послышался далекий хор зеленых спиралей:

— Мы зарегистрировали повышение стелларной активности излучения этого светила. Она увеличилась примерно в два раза. Три вывода. Первый: звезда вошла в стадию предновой. Отклоняется — это невозможно. Второй: предыдущая оценка интеллекторной способности Солнца была ошибочной. Невероятно. Отклоняется. Третий: Солнце обрело сознание.

— Вы считаете, что оно превратилось в Блуждающую? — резко спросила девушка.— Какова вероятность такого феномена?

— Мы не имеем данных для сравнения и расчета вероятности,— пропели спирали.

— Доложите Альмалику,— распорядилась старший монитор Клотильда Квай Квич.— Пожалуйста! У вас имеется транзитный орган коммуникации!

— Мы принимаем сигналы Альмалика с непонятными помехами,— ответили спирали.— Они не имеют смысла. И подтверждения получения наших донесений мы тоже не можем получить.

Квамодиан решил, что с него достаточно.

— Забудьте об этом Альмалике! — воскликнул он.— И на наше солнышко тоже пока внимания не обращайте — этим мы займемся позже. Сейчас меня больше всего беспокоит судьба девушки. Девушки по имени Молли Залдивар. Вероятно, она где-то поблизости. Кто-нибудь из вас имеет возможность засечь ее?

Тишина.

— Попробуйте! — рявкнул Энди Квам. И галактогражданин-хищник с неохотным видом задрал морду.

— Уже некоторое время,— пролаял он негромко, а транзитный инвертор в ухе Квамодиана преобразовал его слова в понятный для землян язык,— я чую присутствие добычи на одном из тех холмов.

— Добычи?

— Наследственная черта,— объяснил галактогражданин.— Это особая модуляция хемохарактеристики в обтекающем

потоке воздуха. Как вы говорите, особый запах. Но... простите, ведь старший монитор Клотильда Квай Квич является человеком-самкой, а вы, монитор, человеком-самцом, не так ли?

— Так. Ну и что?

— В таком случае, эта добыча представляет собой другой объект. Не тот, который вы ищете. Это человек-самец, и он сильно ранен.

Они пронеслись над покрытой выбоинами дорогой и начали снижаться к склону холма, на котором зубастый галактогражданин почуял присутствие человека. Его обоняние не обмануло. Человек оказался Рифником. Он лежал, прислонившись к стволу кедра или сосны и в мерцающем бледном свете зарева на небесах казался очень бледным и измученным. Кожа на лице посерела. Одна рука — страшно опухшая, висела на перевязи. Он равнодушно взирал на опустившийся флаер и выпрыгнувшего из него Квамодиана.

— Мне нужно поговорить с вами! — с ходу заорал Квамодиан.

— Только *покороче*, — *проворчал* Рифник. — Вы видите, мне нездоровится.

Где Блуждающая Звезда? Где Молли Залдивар?

Рифник неуклюже пошевелился, сморщившись от боли в руке.

— Их нет. Куда они исчезли, я не знаю.

— Когда это произошло?

Рифник устало покачал головой. Побледнев от боли, он вытащил из кармана короткую черную палочку, надкусил кончик и принялся с отвращением жевать.

— Особый корень, растет на Рифах, — сказал он почти неслышным голосом. — Отвратительная гадость, но снимает боль. До сих пор это был мой личный заменитель Альмалика. Куда убралась Блуждающая Звезда? Откуда я знаю? Вечером она сбросила меня здесь. Пару часов назад что-то унеслось туда, — он слабо взмахнул рукой вверх, одновременно показывая в сторону холма, где находилась пещера-лаборатория. — Я видел яркий свет в небе.

— Северное сияние? Зарницу? — настаивал Квамодиан.

— Да нет. Зарницы пляшут с самого заката. Это было что-то другое. По-моему... — голос его затих, потом он встряхнулся и закончил: — По-моему, Блуждающая Звезда ушла в космос. Возможно, забрала с собой и девчонку.

Тут вмешалась монитор Клотильда Квай Квич.

— Энди! Этот человек умирает! Необходимо доставить его в больницу!

Рифник с трудом усмехнулся, пожевал губами еще секунду, потом выплюнул на камень струю темной жидкости.

— Неплохая идея, мисс, — сказал он. — Только в больницу мне уж поздно. Мне требуется в церковь.

— Вот это да, Проповедник! — выдохнул Руф, широко раскрыв глаза. Он стоял за спиной Энди, и на его лице танце-

вали отблески зарниц.— Никто и никогда бы не подумал, что он скажет т а к о е!

— И не сказал бы никогда, — прогрохотал Рифник,— если бы у меня был другой выбор! Но я уже знал, что так придется сделать. Этот ваш робот-инспектор сказал мне несколько недель назад. «Вредоносный фузоритный вирус»,— так он сказал. И, очевидно, очень радовался, если только роботы способны радоваться. И он сказал мне, что Посетители смогут помочь мне, а доктора — нет. Кажется, он не соврал.

— И вы, следовательно, присоединяетесь к Альмалику,— констатировал Энди Квам.

Рифник с сожалением пожал плечами, поморщившись от боли.

— Я приручил своего последнего слиита,— прохрипел он.— Кончилась свободная жизнь.— Спазм боли заставил побледнеть его покрытое шрамами суровое лицо.— Не думай, что мне это очень нравится, Квамодиан! Но у меня полтела словно в огне.

— Прекрасно! — воскликнул Энди Квам.— Это отлично! Если тебе нужно до Мудрого Ручья, ты можешь сразу расплатиться за проезд!

Мальчик громко вздохнул, и даже Клотильда Квай Квич метнула в Энди пораженный взгляд. Рифник облизнул губы, глядя на Квамодиана.

— О чем ты?! Я слишком плох для шуток.

— Вот и прекрасно, потому что я не шучу. Я намерен оставить тебя догнивать здесь... если только ты не убедишь меня, что стоит поступить иначе.

— Как?

— Проще простого! — сурово сказал Квамодиан.— Просто расскажи мне правду о том, чем ты тут занимался с Клифом Хауком.

Глаза Рифника засветились бешенством в многоцветном мерцании полярного сияния. Если бы он обладал трансфлексионной энергией слиита, Энди Квам был бы парализован или убит на месте. В этом взгляде были ненависть и безумие, которых хватило бы для того, чтобы сбивать с орбит планеты. Но взгляд быстро погас. Рифник отвернулся. Челюсть его опять заработала. Он сглотнул, сплюнул на камень тонкую струйку черного сока корня и сказал:

— Почему бы и нет? Теперь это уже все равно, верно? Ведь Посетители скоро начнут копошиться у меня в мозгу и выставят перед Альмаликом все мои секреты. Поэтому я могу рассказать тебе все и сам, прямо сейчас. Но только сначала помоги мне сесть во флаер, Квамодиан. Я не шучу, мне и в самом деле очень плохо.

Энди Квам помог огромному охотнику забраться в пузырь кабины флаера, и тот тяжело опустился на сиденье. В тот же момент автоматический контур принял во внимание его вес и увеличил упругость подушки. Рифник, чуть покачиваясь, сидел и смотрел на собравшихся вокруг.

— Правда заключается в том,— сказал он,— что Клифф Хаук работал для меня. Наглый щенок! Я знал, он мнил себя большой личностью. Искал чисто научных знаний и так далее. Но мне нужно было лишь лекарство от вируса. Он спал во мне с того самого момента, когда я подцепил его в Рифах двадцать лет назад. Я не собирался позволить ему убить меня, Квамодиан. Но я и не собирался впускать в себя Посетителей!

Он осторожно погладил своими толстыми огрубевшими пальцами руку на перевязи, глядя на многоцветное светящееся небо.

Конечно, кое-что из того, что предлагали Посетители, было мне по душе. Физическое бессмертие. Лекарство от вируса, сила, слава, власть... Блуждающая Звезда была моим способом получить все это, не пуская в тело паразитов... Хаук был всего лишь моим инженером.

— Итак, ты знал, что Клифф Хаук создает Блуждающую Звезду? — Квамодиан подался вперед, всматриваясь в обескровленное обмякшее лицо Рифника.

Две звезды, Квамодиан. Первая убежала,— он усмехнулся сквозь новый приступ боли. — Похоже, и вторая тоже.

— Понимаю,— сердито сказал Энди, глядя вверх, на пылающие зарницы.— Первая вошла в Солнце. Теперь наше светило — тоже Блуждающая Звезда!

Рифник пожал плечами.

— Монитор Квамодиан! — вскричала Клотильда.— Об этом нужно немедленно доложить! Поскольку наши галактограждане потеряли связь с Альмаником, мы должны немедленно вернуться в Мудрый Ручей и доложить через трансфлексионную станцию поселка.

— Об этом уже доложено,— спокойно сказал Энди Квам.

— Но это невозможно! Каким образом? Мы ведь только что узнали...

— Родителями Руфа. Они ведь знали об этом, верно? — Мальчик кивнул с довольным видом. Глаза его сияли.— И они отправились в Нью-Йорк, чтобы сообщить о появлении Блуждающей Звезды.

Рифник осторожно почесал бок, поежился и застонал.

— Значит, все встало на свои места, правильно? Так как теперь насчет того, чтобы отвезти меня в Мудрый Ручей?

— Еще одну минутку,— сказал абсолютно спокойно Квамодиан.— Еще один вопрос. Какое отношение ко всему этому имеет Молли Залдивар?

— Эта глупая девчонка? Она сгубила Хаука! Да, он был в нее влюблен. Она пыталась остановить его и все испортила.

Он застонал и схватился за грудь, согнувшись пополам.

— Но я не знаю, где она сейчас, Квамодиан! — простонал он.— Пожалуйста! Разве тебе мало? Или ты хочешь, чтобы эта вирусная штука прикончила меня?

По пути в Мудрый Ручей Энди Квам связался с контрольным куполом станции и запросил внеочередной сеанс связи.

— Тридцатиминутная задержка всех сообщений, монитор Квамодиан,— ответил купол.— Я вызову вас, когда освободиться ваш канал.

Мрачно поджав губы, Энди приказал флаеру приземлиться у церкви Звезды. Теперь, когда они узнали причину странного поведения Солнца, ответственность не так давила на его плечи. Удастся ли Альмалику каким-то образом справиться с проблемой или нет, Квамодиану было все равно. Сейчас его мысли были полностью поглощены тревогой за Молли Залдивар, силой унесенной в космос Блуждающей Звездой и обреченной на скорую смерть от лучей старой ядерной батареи в подземной пещере Рифника. Что касалось самого Рифника, то Энди Квама совершенно не волновало, погибнет ли он или впустит в себя фузоритов-Посетителей. Но сцена внутри церкви Звезды несла заметный отпечаток великолепия. Их приветствовал новый робот-инспектор, яйцеобразное черное тело которого возбужденно подпрыгивало на подушках пола — он был взволнован присутствием стольких галактограждан. Хоть день был и будний, в кружок под куполом с горящими солнцами Альмалика собралось несколько спасенных членов Товарищества Звезды. Квамодиан и старший монитор Клотильда Квай Квич возглавляли процессию. За ними следовал, хромая, Рифник. За Рифником мягко ступал галактогражданин-хищник, потом многочленный согражданин — зеленые спирали.

В авангарде шествовало розовое облако. Опустившиеся на колени поклоняющиеся пели хвалу Альмалику. Потом поднялся Хуан Залдивар и задал Рифнику традиционный вопрос — понимает ли он природу симбиотической жизни и по собственной ли доброй воле избрал присоединение к симбиозу. Понимает ли он, что делает выбор навсегда? На каждый вопрос Рифник отвечал хриплым «да». Он опустился на колени, и все сопровождающие опустились вместе с ним. Их золотистые знаки светились в полумраке купола.

Они снова затянули песнь, и голоса их торжественно перекатывались под огромным куполом, на котором горели тринадцать звезд Альмалика.

Рифник вдруг издал внезапный протестующий вскрик. Он наполовину поднялся, повернулся в неожиданной тревоге, потом качнулся вперед, падая на поврежденную руку. Квамодиан услышал сухой шипящий треск. Пять золотых знаков отделились, танцуя, от светящихся знаков на телах и лицах спасенных и поплыли к растянувшемуся телу Рифника. Они собрались в маленькое облачко золотого пламени. Золотой шар огня с шипением погрузился в тело Рифника. Рука его вдруг взлетела вверх, тронула щеку и медленно опустилась. В свежем воздухе поплыл густой аромат фузоритов-Посетителей. Стоны Рифника затихли. И в этот момент пение кончилось. Рифник

вздрогнул, открыл глаза, легко поднялся и подошел к Энди Квамодиану, пожимая его руку.

— Спасибо, друг! — прогудел его мощный голос. Его грубое, покрытое шрамами лицо вдруг осветилось нежной, безмятежной улыбкой. Над спутанной грязной бородой горела теперь звезда Посетителей.— Вся моя боль исчезла.

К нему подошел Хуан Залдивар и взял за руку.

Теперь ты спасен! Ты больше никогда не испытаешь боль, торжественно сказал он.

Купол контроля связался с Альмаликом. Но имелись некоторые затруднения.

Какие именно? — взорвался Квамодиан.— Мне нужно *немедленно связаться с Альмаликом! А потом* самому отправиться туда!

— Очень сожалею,— сладким голосом пропел купол.— Но для этого нужно удостоверить ваше право первоочередности...

— Но я этого как раз и требую! Чрезвычайная обстановка! Произошло несчастье!

Но,— снова пропел купол,— когда вы вчера прибыли сюда, вы тоже говорили о чрезвычайном происшествии.

Да, я был прав! Теперь у меня есть новые факты. Солнцам Альмалика грозит немалая опасность!

— Энди,— прошептала Клотильда,— можно я поговорю с ним? Возможно, он выслушает меня.— Но Квамодиан оборвал ее одним свирепым взглядом. Она сразу же подчинилась, не сказав ни слова. С момента посещения пещеры, когда все убедились, что опасения Квамодиана имеют реальную почву, она стала гораздо мягче, женственнее.

— Назовите эти факты,— мелодично пропел купол.

— Они уже должны быть известны Альмалику,— сказал Квамодиан.— Он имеются в сознании человека по прозвищу «Рифник», который только что принял в свое тело Посетителей. Я требую нашей немедленной переброски в систему Альмалика, чтобы я соединился с ним и помог в интерпретации и использовании этой новой информации.

Он не упоминал своей личной и самой жгучей причины. Это было бесполезно, поскольку едва ли произвело бы впечатление на транзитные матрицы контрольного купола. Но он не терял отчаянной надежды, что Молли Залдивар может быть обнаружена вместе со своим похитителем где-то среди многих солнц Альмалика. И если это произойдет, Квамодиан хотел быть в этот момент там.

— Секунду! — пропел купол. Энди Квам нетерпеливо заерзал на сиденье. Клотильда Квай Квич задумчиво нахмурилась.

— Но у н а с имеется право первоочередности,— заметила она.

— Что ты хочешь этим сказать? — подпрыгнул Энди.

— Ничего, Энди. Просто все, кроме тебя, могут сейчас отправиться к Альмалику и помочь тебе получить право первоочередности.

— Согласны,— пропел хор зеленых пружинок.— В нетерпении. Срочно. Предлагаем не откладывать.

А галактогражданин-облако вздохнул:

— Против Альмалика могут быть использованы могущественные силы. Необходимо срочно начать подготовку к отражению нападения.

— Делайте, что хотите,— упрямо стоял на своем Квамодиан.— Я поступаю по-своему.

Клотильда с сомнением посмотрела на него, но ничего не сказала. Во всяком случае, она была избавлена от этой необходимости. Сквозь коммуникаторы-вставки в их ушах заговорил контрольный купол.

— Монитор Квамодиан, ваша просьба отклонена. Старший монитор Клотильда Квай Квич, вы и остальные члены вашей бригады лишены пока что права на первоочередность. В этот район пространства переброска прекращена полностью.

Все были поражены ужасом, услышав такую новость. Зеленые пружинки бешено завертелись по своим взаимоцентрическим пружинным орбитам, их коллективная мысль превратилась в нечленораздельное бормотание, испуганное и возбужденное, совершенно непонятное для других. Галактогражданин-хищник жалобно завыл и придвинулся к мальчику. Руф широко раскрытыми глазами смотрел на Энди Квама. Розоватый галактогражданин-облако тихо предрекал ждущие их впереди несчастья и катастрофы, а рука Клотильды Квай Квич невольно сжала руку Энди Квама.

— Почему? — гневно потребовал он ответа.— Мы мониторы! Нам не может быть отказано в праве транспортировки

— Всякая транспортировка прекращена,— мрачно доложил контрольный купол.— Ваша штаб-квартира сообщает об аномальных астрономических феноменах среди планет и солнц Альмалика. Робот-инспектор, будьте добры, расскажите подробнее.

Ранее незамеченный черный яйцеобразный корпус робота плыл к ним через площадь. Его овальный плазменный сенсор светился холодным светом. Зазвучал его высокий голос:

— Это правда, монитор Квамодиан. Внешняя планета Альмалик-13 вдруг сошла с орбиты. Она движется курсом на столкновение со своим светилом, превосходя нормальное ускорение поля гравитации в несколько раз.

Глаза Квамодиана сузились. В голове его завертелся жуткий вихрь нехороших предчувствий. Молли там! Он был почти уверен в этом. Он обязан добраться туда.

— Не удивительно! — рявкнул он, удивив даже самого себя.— Это я как раз и надеялся предотвратить! Я должен добраться туда немедленно, чтобы все же свести потери к минимуму или вообще избежать их, если такое возможно.

— Это невозможно, монитор Квамодиан,— пропел робот.— Столкновение планеты Альмалик-13 с солнцем ожидается в течение ближайших нескольких часов. Все тран-

сфлексные станции используются для эвакуации планет, которым грозит опасность. Хотя их явно недостаточно. Будет спасена лишь часть населения. В этих условиях запрещены любые встречные переброски.

Клотильда громко вздохнула. Галактогражданин-хищник задрал к небу зубастую пасть и издал протяжный жалобный вой.

— Но... но я должен попасть туда! — заикаясь, пробормотал Квамодиан.— Чтобы помочь.

Робот-инспектор никак не прореагировал на этот крик души. Его блестящий черный корпус неподвижно висел в воздухе.

— Проповедник, что случилось? — со страхом спросил Руф.— Он умер?

Квамодиан, не поворачивая головы, покачал ею. Плазменный сенсорный овал робота замигал, потом погас совсем. Три черных кнута эффектора выскользнули из-под яйцевидной скорлупы и безвольно повисли, покачиваясь, чертя полосы в пыли, покрывающей площадь.

— Робот-инспектор! — жалобно позвал Энди Квам. Рядом с собой он услышал шепот девушки:

— Произошло что-то ужасное! Он совершенно прекратил связь с окружающим миром!

Вдруг эффекторы быстро убрались обратно в корпус. Овал мягко засветился.

— Мы получили дальнейшие указания нашего главного штаба,— прогудел он.— В сообщении говорится, что Блуждающая Звезда, вторгшаяся в систему Альмалика, уничтожила два оригинальных интеллекта в солнцах Альмалика и вне дрила вместо них собственные транзитные матрицы. Сейчас она атакует планеты Альмалика-13.

Квамодиан замер, затаив дыхание.

— Вызови Лебедя!— потребовал он.

— Святой Альмалик, ведущая звезда Лебедя, вызывает вас,— прерывал его высокий голос робота.— Ваше право внеочередной трансфлексионной транспортировки подтверждено. Вы и ваши спутники можете отправиться через станцию Мудрый Ручей немедленно!

На расстоянии нескольких световых столетий от Земли сознание Блуждающей Звезды крепло и заострялось в топке космической ярости. Гигантское создание из свободных электронов и плазмы размышляло, ведя диалог с самим собой, словно звездный Гамлет.

«Мои моря кипят... Из светящихся ран сочится магма — кровь. Сама кора моя пробита варварскими копьями звезды... И все же я себя бросаю вперед, к огромному светилу впереди».

Внутренние планеты Альмалика мелькали мимо. Всего несколько часов, и они вместе с окружающим пространством растворятся в кипящем море частиц светила, которое намере-

валось уничтожить Блуждающая Звезда. И по-прежнему Альмалик не оказывал сопротивления. Огромный, непрерывно увеличивающийся в размерах, он безмятежно лежал перед Блуждающей Звездой, прекрасный и спокойный, ничуть не взволнованный нападением. Но теперь Блуждающая Звезда была зрелой и опытной — по крайней мере, по собственным меркам. Она пережила миллиарды циклов уплотненного внутреннего развития. Она познала в полном смысле эмоции или хотя бы те поляризованные тропизмы связи матриц, которые заменяли ей эффект продукции желез на организм человека. Она познала злость, и спокойная гордость солнца перед ней вызывала еще большую злость.

«Если только он признает меня! Если только признается, что велел Солнцу Земли уничтожить меня! Если извинится за обман, за то, что презирал меня... возможно, тогда я отведу удар».

Но Альмалик игнорировал агрессора. Зато другие обитатели планетной системы обратили внимание на пришельца. Хотя великое белое солнце продолжало безмятежно сиять, Блуждающая Звезда обнаружила, что стала объектом нападения извне. Голубой компонент системы нанес удар клинком из плазмы, чудовищной струей раскаленной плазмы и вибрирующих трансфлексионных полей. Клинок пронзил сердце Блуждающей Звезды, оттянулся и ударил снова. Сильная боль пронзила Блуждающую до самого глубинного кольца плазменных матриц. Но она не была уничтожена. Она собрала силы и начала искать способ отбить атаку голубого гиганта. И она нашла этот способ. Пролетая мимо пятой планеты Альмалика, Блуждающая Звезда протянула в пространстве свои плазменные руки и сорвала с орбиты связку лун. Она сплавила их в единое тело и присоединила к собственным транзитным матрицам. И их новой массой укрепила свою защиту. Теперь, обезопасив себя, она принялась питаться энергией самих атакующих разрядов. Она пила их трансфлексную энергию, впитывала золотые разряды и голубые разряды, скручивала собственные поля и бросала свою увеличивающуюся массу вперед с новой силой, стремясь к сводящему с ума своим спокойствием белому светилу, которое продолжало сиять, презрительно не замечая усилий Блуждающей Звезды. И на этом первая фаза битвы завершилась. Хотя Блуждающая Звезда ни разу не нанесла ответного удара по нападавшим на нее звездам-гигантам, те уже были побеждены. Израсходовав гигантскую энергию на плазменные выстрелы, они исчерпали свои силы. Их плазменные бичи внезапно втянулись обратно и бесследно исчезли. Голубой гигант померк и сжался, желтый распух и приобрел красный оттенок. И в следующее мгновение они оба умерли. Хотя их ядерный огонь и не погас, теперь эти светила сияли впустую — интеллект, обитавший в них, исчерпал свою энергию и погас. Разумная жизнь покинула эти звезды. Гнев, страх и волевое действие исчезли. Голубой

гигант снова увеличился в размерах, а золотистое солнце снова приобрело прежний облик. Теперь это было лишь шары ядерного газа, обыкновенные атомные топки, которые больше не контролировались транзитными матрицами звездного разума. Это была безоговорочная победа Блуждающей Звезды. Но ее главный враг — большая белая звезда — по-прежнему сиял впереди. Он еще не был побежден. Даже если и был напуган, то не подавал виду. Блуждающая Звезда чувствовала, что огромный интеллект белого светила наблюдает за ней внимательно, но странным образом совершенно без всякого страха. Это было ненормально. Почему звезда не просит пощады или не вступает в переговоры? Это было необычно и почему-то тревожило Блуждающую Звезду. Но она ни на шаг не свернула бы с намеченной тропы. Она мчалась вперед, чтобы покончить с белым светилом, его надменной гордостью. Выпустив на поиски зонды, она нашла новое топливо для своей вендетты. Пролетая мимо астероидного облака, она смахнула его и прибавила к собственной массе. Потом протянула энергетические щупальца к голому каменному спутнику четвертой планеты и снова сплавила его массу со своей, подобно тому, как стремилась уничтожить и поглотить массу всех солнц Альмалика. Уже само предвкушение этого дало ей особую радость победы и разрушающей силы. Тринадцать светил или погибнут, или потеряют в жестокой борьбе способность поддерживать в себе разум. Будет разрушено около сотни обитаемых планет и тысячи малонаселенных планетоидов. Миллион миллиардов живых существ исчезнут в белом кипении плазмы, когда смерть придет к Звезде... И среди них, думала Блуждающая Звезда со слабым уколом боли, будет и обыкновенный конгломерат живой материи по имени Молли Залдивар.

«Я не хочу, чтобы Молли Залдивар погибла. Но она должна погибнуть. Я не спасу ее, но я и не хочу гибели ее, так как люблю ее».

Не замедляя своего смертельного падения к белому гиганту Альмалика, Блуждающая Звезда протянула вперед тонкие нити плазменных эффекторов. Их сенсоры прочесывали кубические мили пустоты, пока наконец не нашли Молли. Она по-прежнему сидела верхом на слиите, далеко опередив Блуждающую Звезду. Слиит опускался в атмосферу третьей планеты. Рука золотого гиганта, освободившего Молли от пасти Блуждающей Звезды, уже исчезла, но Молли Залдивар была жива. И она почувствовала осторожное прикосновение щупалец Блуждающей. Она подняла голову и без ошибки нашла то место в пространстве, где сконцентрированные массы энергии неслись к своей страшной цели.

— Это ты, чудовище? — прошептала она.

Блуждающая Звезда ничего не ответила. Она только наблюдала и ждала.

— Монстр,— сказала Молли более уверенно.— Я знаю, что ты здесь. Мне все равно.— Она помолчала секунду, подав-

шись вперед, облокотившись на покрытую черным мехом спину слиита, глядя на затянутый облаками диск планеты внизу.

— Ты сделал столько зла, чудовище,— выдохнула она.— И все-таки... ты старался быть добрым со мной. Чудище, мне так жаль, что тебе пришлось воевать с Альмаликом!

Блуждающая ничего не ответила. Но она прозондировала внутренний спектр мыслей Молли, ауру ее эмоций, обнаружила темную тень печали, а рядом с ней бледное золотистое свечение — чего? Любви? Привязанности? Симпатии? Так, во всяком случае, решила Блуждающая Звезда. Она уменьшила толщину своего плазменного щупальца до предела, ей достаточно было лишь наблюдать за девушкой, пока она думала. Сила Звезды была безмерно больше возможностей девушки. Звезда могла сорвать ее со спины слиита в любое мгновение. Энергия, двигавшая планетами и уничтожавшая разум звездных существ, была способна втянуть слиита и девушку обратно в ядерное сердце звезды и понести их вместе с самой Звездой к столкновению с гордым белым солнцем впереди. Но она не сделала этого. Она лишь внимательно наблюдала, как без всяких препятствий девушка, защищенная полем слиита, которое окружало ее мерцающей оболочкой, исчезла в свечении ионизированных верхних слоев атмосферы планеты, быстро опускаясь к поверхности с ее городами и миллиардами населявших их галактограждан. Третья планета была сине-зеленым миром. Красивым миром. Миром мирных морей и щедрых материков. Берега ее морей и рек усеяли великолепные города. Их населяли разные виды существ, входящих в союз Альмалика. Блуждающая Звезда наблюдала, как слиит падает к башням и шпилям одного из городов. Было еще не поздно. Звезда могла подхватить девушку прямо сейчас, вернуть ее к себе — стоило лишь чуть-чуть напрячь одну из многих могучих плазменных рук. Но звезда приглушила свою энергию. Она только смотрела, и все ближе, ближе становился момент столкновения, который уничтожит, расплавит этот мир и уничтожит заодно организованный конгломерат органического вещества, называемый Молли Залдивар.

Флаер, несший своих органических пассажиров, сопровождаемый зелеными спиралями и розовым гражданином-облаком, падал в бесконечную глубину транзитного перехода, пока не вынырнул вдруг в порту Каймара, венца всех городов планеты Каймара, главного города в системе Альмалик. Рука Клотильды Квай Квич в испуге сжала руку Энди Квама. За его спиной тихо выдохнул Руф:

— Проповедник, кажется, мы попали в нехорошее место!

Огромный центральный купол города был заполнен галактогражданами всех видов и цветов. Многие были гуманоидами и даже людьми — спокойные земляне, бронзовые гиганты-Рифники. Но здесь же находились галактограждане мириадов различных форм тела или вообще не имеющие

форм — жидкие и газообразные существа, состоящие из организованной материи и не имеющие в своей структуре ни грамма вещества. Диафрагма трансфлексного купола за их спиной уже сокращалась, принимая беглецов, которым повезло попасть в первую очередь. Теперь они находились на пути к какому-то другому миру. Крики, возгласы, свист, электронные сигналы, тысячи других звуков, тысячи самых разнообразных существ, которые не могли попасть в куб передатчика станции, сливались в единый зов о помощи. Прямо перед флаером повисли двадцать кристаллических галактограждан. Их острые, как бритва, голубые грани ослепительно сверкали в лучах Альмалика. Квам опустил флаер на рампу, открыл дверь купола кабины и выбрался наружу, поднырнув под группу кристаллических созданий.

— Нужно выбираться из этой толкотни,— пропыхтел он.— Штаб-квартира Товарищества Звезды находится прямо вон там... Кажется.

— Правильно, Энди,— задыхаясь, произнесла Клогильда. — Нужно добраться туда, они должны по-прежнему действовать и... — но ей не хватило дыхания, и она не договорила.

Им оставалось только прокладывать путь сквозь толпу галактограждан. Паники не было. Гибель угрожала всем, но врагов не было. Однако здесь собралось множество галактограждан, и было совершенно ясно, что купол может эвакуировать в оставшиеся минуты лишь незначительную их часть. Многим удалось добраться лишь до центрального купола города. Все существа пытались сохранить спокойствие и порядок. Все были храбры. Но все они уже знали, что обречены. Наконец бригаде удалось выбраться на свободное пространство и перевести дух. Менее всего досталось гражданину-хищнику. Он глянул на Руфа и пролаял свои соображения, которые тут же были переведены транзитным переводчиком в понятные слова:

— Пусть щенок сядет нам на плечи! Иначе нам не пробраться!

— Никогда! — вспыхнул Руф.— Я тоже могу идти, если вы идете. Вперед, Проповедник, мы теряем время!

Из всех членов бригады более всего помяли розового галактогражданина-облако. От основной массы отделились маленькие облачка розового пенистого вещества. Некоторые продолжали плыть за ним вслед, надеясь присоединиться к основной массе, другие безнадежно потерялись в плотной толпе за их спинами. Содружество зеленых пружинок лишь укоротило орбиты вращения, сохраняя оптимальную скорость и расстояние между сочленами своего организма.

— Ладно,— сказал Энди Квам.— Двинулись!

Но поднявшийся в куполе за их спинами страшный шум заставил их обернуться. Все галактограждане — теплокровные или нет, гуманоиды или аморфы — все они сейчас смотрели вверх, обратив взоры на прозрачный купол. Там, ворвавшись в голубой покой безмятежного неба Каймара, висел

сверкающий плазменный шар агрессора – Блуждающей Звезды. Несмотря на расстояние в многие миллионы миль, скорость ее была так велика, что огненный шар в ореоле молний заметно перемещался по небу. Энди Квам с трудом опустил глаза.

— Пойдемте! — сказал он.— У нас гораздо меньше времени, чем я предполагал.

Большой зал Товарищества Звезды был пуст. В зале, способном вместить тысячи, сейчас не было ни души, лишь тринадцать солнц Альмалика гордо сияли на куполе.

— Я не понимаю,— скорбно произнесла старший монитор Клотильда Квай Квич.— Я предполагала, что хотя бы здесь мы найдем кого-нибудь, кто...

В ушах Квама зазвенел хор зеленых пружинок:

— Никакой информации. Никаких следов функционирования. Данное здание полностью покинуто.

Мальчик крепко сжал руку Энди.

— Однако, Проповéдник, Альмалик велел нам явиться именно сюда, разве не так?

— Да, он дал нам разрешение. Непосредственно,— сказал Энди, осматривая зал.— Но, видимо, что-то произошло...

Розовый гражданин-облако устало прошептал:

— Непонятное существо высшего масштаба наблюдает за нами...

Квамодиан рухнул в кресло и попытался собраться с мыслями. Времени, без сомнения, было слишком мало. Он рассчитывал, что Товарищество Звезды сможет оказать ему помощь. Возможно, он немного оторвался от реальности, но он и в самом деле рассчитывал увидеть в зале толпы поклоняющихся, застать в многочисленных секциях и кабинетах кипучую деятельность, связанную с бесконечным потоком заданий Альмалика. Он предполагал, что у входа их встретит робот-монитор, направит их непосредственно к какому-нибудь влиятельному лицу, которое получит сообщение о Блуждающей Звезде и... начнет действовать. Начнет действовать немедленно, чтобы спасти этот мир и все миры системы Альмалика. Он совсем не ожидал, что здание окажется брошенным. Остальные ждали, что предпримет Энди. Квамодиан понял, что ему придется принимать решение за всю компанию — правильное или неправильное, но придется. И с каждой секундой оставалось все меньше и меньше времени. Он поднялся.

— Ладно,— сказал он,— пойдемте обратно к станции. Возможно, мы там найдем монитора, и он нам поможет.

— Опять через толпу! — запротестовал Руф.— Проповедник! Это невозможно!

— Возможно или невозможно, но ничего другого не остается. Если только у тебя не появилось идеи получше.

Но как только граждане повернулись, собираясь уходить, в их ушах мягко пророкотал Голос.

— Подождите,— сказал Голос.

Они замерли на месте. девушка умоляюще смотрела на Энди. Она ничего не сказала вслух, но губы ее шевельнулись, произнося одно лишь слово:

— Альмалик!

Энди кивнул, и тут же снова заговорил Голос.

— Смотрите! — сказал он.

И огромный купол поднялся на подушке трансфлексионного поля, открывая великолепие небес самого Альмалика. Сейчас был день, и мерцающие звезды, для обозрения которых был придумал купол, не были видны. Но огненный шар Блуждающей Звезды доминировал в небе, уничтожая красоту спокойных облаков. И еще ближе, уже совсем близко к ним приближался...

— Это мисс Залдивар! — крикнул мальчик.- Посмотрите, Проповедник! Это она, на слиите!

Они провели в большом зале не более четверти часа, и за все это продолжительное время Энди едва был способен вздохнуть. Он был полностью подавлен величием самого Альмалика, наблюдавшего за ними, думавшего о них, помогавшего им. Даже близость девушки, ради которой он пересек половину Вселенной, не могла нарушить чар этой бессмертной и могучей звезды. Хотя того, что она сказала, было вполне достаточно, чтобы вызвать у Энди прилив отчаянной энергии. Потому что Молли Залдивар, как сказала она сама, скоро должна умереть.

— Энди, дорогой,— прошептала она, и голос ее, доносившийся через пространство обширного зала, показался Энди небывало тёплым и любящим.— Нет, не подходи ко мне! Я заражена радиацией — той, из старой установки Плана Человека в пещере, и новой... С ее помощью это чудовище пыталось спасти мне жизнь. Вернее, дать мне жизнь, потому что в тот момент я была уже мертва. В любом случае, если ты подойдешь близко, ты тоже можешь погибнуть...

Но, несмотря на эти слова, Энди Квам шагнул вперед, намереваясь броситься к Молли. Она жестом остановила его.

— Пожалуйста,— прошептала она,— не надо! Что ты должен был сообщить, зачем прилетел с Земли?

Запинаясь, он рассказал ей все о Рифнике и о том, что поведал Рифник. Тем временем Клотильда и мальчик стояли рядом, молчаливые и испуганные.

Молли Залдивар выслушала рассказ. Лицо ее было неподвижно, хотя глаза расширились, потом вдруг метнулись в сторону, когда она заметила, как рука Клотильды ищет руку Энди Квама.

Потом Молли сказала:

— Спасибо, Энди. Ты всегда был моим самым лучшим другом. Я...— Самообладание едва не изменило ей, но она, тут же взяла себя в руки и улыбнулась.

— Я не слишком жалею, что придется покинуть этот мир, дорогой Энди. Но мне очень жаль, что я покидаю тебя.

И в следующее мгновение ее уже не было. Взобравшись на спину слиита, она опять устремилась в небо. Тем временем огромный купол величественно опустился на место, окончательно скрыв Молли из виду.

Блуждающая Звезда чувствовала страх далекого наблюдателя, страх отца за сына, которому угрожает опасность. Она хотела позвать на помощь, но дистанция была слишком велика, в тысячи раз больше возможного. Даже гораздо более короткий сенсор, наблюдавший за Молли Залдивар и слиитом, вдруг оборвался, и Звезда потеряла Молли из виду. Она попыталась снова нащупать их, потеряв многие пикосекунды, но напрасно. Девушка была полностью блокирована какой-то могучей силой, сделавшей Молли совершенно недоступной для усилий Звезды. Звезду наполнило чувство, которое соответствовало тягостной тревоге у людей, но на эмоции уже не оставалось времени. Звезда все ближе и ближе подходила к солнцу-врагу, и ей теперь требовалось собрать все силы для ожидающего ее впереди главного столкновения. Третья планета осталась далеко позади, Звезда миновала в своем стремительном полете орбиту второй, скрытой от нее огромным шаром белого солнца. Огромный белый диск сиял прямо впереди, неумолимо увеличиваясь в размерах.

«Звезда по-прежнему не обращает на меня внимания. Она отказывается сопротивляться. Она не предлагает вступить в переговоры, принести мне извинения за совершенное нападение с помощью двух других звезд! Она только наблюдает за мной. Дразнит меня!»

— Чудовище, подожди!

Тонкая нить энергозонда Блуждающей Звезды снова ожила, передавая сообщение. Звезда сконцентрировала восприятие и увидела, что вслед за ней мчится на слиите Молли Залдивар. От нее исходила непонятная Блуждающей Звезде энергия, отчего Звезда испытала некоторую неуверенность. Слабое человеческое существо, непрочный конгломерат органических молекул, каковым являлась эта девушка, не имел права располагать такой энергией. Это было просто невозможно, тем более в тот момент, когда время существования этого организма стремительно летело к концу. Блуждающая Звезда потратила несколько наносекунд, исследуя возможность того, что именно ее враг, Альмалик, наделил девушку такой силой. Потом она отбросила эту возможность. Теперь это просто не имело особого значения. До столкновения оставались минуты. Уже сейчас вокруг Блуждающей Звезды кипела тонкая внешняя атмосфера белого солнца. Звезда не собиралась останавливаться; возможно, даже уже не могла остановиться — инерция общей массы ее планетарного тела была слишком велика, чтобы ее можно было сразу нейтрализовать. Но через плазменный эффектор она послала Молли сообщение, заставив сферу воздуха, уно-

симого слиток в космическое пространство, завибрировать, рождая слова.

— Что ты хочешь, Молли Залдивар? — пропела Звезда тонким голоском.— Ты любишь меня? Теперь?

Ответ заставил содрогнуться раскаленную кору планеты, которая была телом Звезды.

— Люблю ли я тебя, чудовище? Не знаю. Не могу представить... И все же... Да, возможно, люблю. Если это так важно сейчас...

Тело Блуждающей Звезды затряслось, кипящие океаны магмы затянулись тучами испарений. На мгновение Звезда ослабила свою могучую хватку трансфлексионных полей, в которых она держала планету. В измученных небесах заплясали чудовищные молнии. Но Молли продолжала:

— Но у меня уже не осталось времени, чтобы любить кого-нибудь. Тело мое умирает, и я хочу сказать тебе нечто. Чудовище, послушай меня, пожалуйста. А л ь м а л и к т е б е н е в р е т!

Судорога сомнения свела великую радость Блуждающей Звезды.

Послушай меня, чудовище! Альмалик никогда не причинял тебе вреда. Он просто не может этого сделать. Он не может нанести вред ни тебе, ни любому мыслящему существу. Никогда!

Теперь Блуждающая Звезда сотрясалась от ярости. Скальную кору ее тела рассекли трещины, и наружу выплеснулась белая магма. Воздух, окружавший Молли в маленьком пузыре слиита, содрогнулся от крика:

— Ложь! Снова ложь! Солнце Земли пыталось убить меня! И оно было подчиненным Альмалика! И товарищи Альмалика. две двойные звезды, тоже пытались это сделать!

Но голос Молли Залдивар был спокоен и тверд.

— Нет, чудовище! Один раз я действительно тебе солгала, так как боялась тебя. Но Альмалик никогда не лгал и не пытался причинить тебе вред. Да, Солнце Земли ударило тебя! Но это был твой собственный брат!

Блуждающая Звезда остановила в полете свой могучий эффектор, которым собиралась ударить Молли. Она озадаченно повторила:

— Брат?

— Да, твой брат. Еще один искусственно созданный плазменный интеллект, выпущенный на волю перед тобой. Он занял Солнце и попытался уничтожить тебя, добравшись сюда заранее и оккупировав две звезды в системе Альмалика — голубой и желтый гиганты. Именно он и сражался с тобой! Но ты победил его, чудовище. Теперь его больше не сущетствует, и ты должен остановиться, прежде чем уничтожишь Альмалик.

Блуждающая Звезда молчала. Плазменные матрицы ее интеллекта обрабатывали только что услышанную информацию.

Брат?! — снова прошептала она тоненьким голоском.

Ужасное подозрение заверещало, зашевелилось у нее внутри, заставив кору планеты содрогнуться.

Если я ошибаюсь, подумала она, если я ошибаюсь, то я совершаю ужасное и непоправимое деяние...

Если она ошибалась, значит Альмалик всегда был ее другом. И всего через несколько минут Альмалик будет уничтожен! Аккуратно и методично Блуждающая Звезда перестроила свою сеть сенсоров, бросила сканирующие зонды вниз, к спокойно ждущему белому солнцу, такому близкому и такому теперь уловимому. Она прощупала все окружающее пространство. Скорость ее планетарного тела, с таким ускорением разгонявшегося сотни миллионов миль, была огромна. Остановка была невозможна. Слишком рьяно тратила Блуждающая Звезда энергию на разгон планеты, направляя ее к белому солнцу. Было слишком поздно, чтобы остановиться. Быстро и тщательно рассчитала она вероятные траектории, по которым можно было отклонить — не остановить, нет, это было невозможно — но хотя бы отклонить ее планетарное тело, чтобы оно миновало белую звезду и ушло во мрак пространства... Невозможно! Слишком поздно! Хорошо. Она попыталась рассчитать путь сквозь корону звезды. Это уничтожит саму планету, нарушит энергетический баланс белого солнца, но в основном Альмалик уцелеет... Тоже невозможно. Тоже слишком поздно. Впав в аналог человеческого отчаяния, Блуждающая рассчитала вероятность пробить верхний слой белого солнца по касательной, миновав сердцевину. Альмалик будет ранен, начнется небывалое извержение энергии глубинных слоев, но белое солнце не погибнет... Но и это оказалось невозможно. Скорость была слишком велика, время столкновения слишком близко. Что бы ни предприняла сейчас Блуждающая Звезда, она столкнется с белым солнцем практически лоб в лоб. И они исчезнут в инфантильном взрыве Сверхновой, уничтожив себя и все окружающее на расстоянии в световой год и даже больше.

«Мне жаль,— думала Блуждающая Звезда.— Я очень жалею теперь. Мне жаль Молли Залдивар. Мне жалко Альмалика. Жалко Альмалика. Жалко мне тех миллиардов проживающих на планетах системы живых существ. Мне жалко себя!»

И через тонкий щупалец-нить эффектора, с помощью которого она поддерживала контакт с Молли, Звезда послала ей сообщение, что надежды больше нет. Но контакт исчез. Она снова прощупала все пространство вокруг в поисках Молли Залдивар и слиита. Напрасно. Каким-то образом Молли Залдивар исчезла. Энергетические матрицы, составлявшие основу существа звезды, были потрясены болью и скорбью. В отчаянии она бросила всю имеющуюся у нее энергию к белому диску, такому близкому и уязвимому, Солнце внизу выбросило огромные струи огня, планетарное тело Блуждающей Звезды раскололось, не выдержав яростных усилий, направлен-

ных исправить то, что она натворила. Но все было напрасно, Осколки планеты размерами с целые астероиды продолжали мчаться вперед уже сами по себе.

— Смотри, Малыш. Вот голубая звезда. Бери ее себе. Используй ее энергию, если хочешь.

Блуждающая Звезда выбросила во всех направлениях сеть сенсоров, чтобы отыскать источник этого могучего голоса, нежного и спокойного. Но сенсоры ничего не обнаружили. Однако Блуждающая Звезда знала, кто говорит с ней — это сам Альмалик, огромный, раздавшийся, окольцованный яростным пламенем солнцедиск внизу. Голубая звезда? Ради чистого любопытства Блуждающая Звезда бросила в том направлении щупалец-зонд. Голубой гигант пустовал с тех самых пор, как Блуждающая Звезда уничтожила безумный интеллект, обитавший в нем. Голубое солнце словно ждало нового обитателя. Блуждающая Звезда почувствовала вдруг, что какая-то сила помогает ей. Сила, которой она не могла подобрать названия. Это был не только Альмалик, звезда, которую она едва не уничтожила, но вся сумма разумов, совместное усилие всех живых существ — органических, неорганических, звездных — все они помогали Блуждающей Звезде, подбадривали ее, придавали необходимые силы. И она переместилась вдоль линии своего сенсора, войдя в ожидающее светило. В сетку ее матриц влилась новая энергия. Ресурсы гигантской стелларной печи были теперь полностью в ее распоряжении. Могучими плазменными руками она потянулась к остаткам покинутого тела планеты. К усилиям Блуждающей Звезды присоединилась энергия белого пламени Альмалика, а к белому пламени и пламя золотое. Несколько вращений электрона Блуждающая Звезда размышляла над загадочным феноменом — золотистая звезда была мертва, она наверняка не могла принимать участие в спасательной операции. Но она помогала отвести опасность! Золотистые руки плазмы соединились с белыми и голубыми. Все вместе, ловко и мощно они потащили осколки планеты в сторону. Те не выдержали атаки соединенной силы трех Солнц. Распавшись на миллионы мелких частиц, миновавших огромный диск Альмалика, они по кометной орбите устремились в бесконечное космическое пространство. Опасность миновала. Альмалик был спасен! И теперь у Блуждающей Звезды была возможность осознать, что она приобрела, получив могучее стелларное тело... и что потеряла. Она почувствовала радость и горячее одобрение того, далекого наблюдателя... который стал теперь еще ближе к ней, хотя она не была уже полностью Блуждающей Звездой. Уже не была! Великий звенящий хор звездных голосов приветствовал ее как нового брата среди братьев.

— Присоединяйся к нам, брат, — сказал этот великий коллективный голос,— будь один из нас. Стань единым со всеми существами, деля-

щими с тобой умение мыслить. Стань един с Альмаликом.

И одна часть Блуждающей Звезды радовалась, но другая испытывала муки непривычной печали по Молли Залдивар, обреченной на смерть из-за слабого органического тела. Теперь навсегда потерянной.

В могучем голосе чувствовалось удовольствие и чуть заметная едкая жалость.

— Послушай, брат,— сказал он.— Ты дал ей силу. Мы дали ей вместо дома наше пустовавшее солнце!

И, не веря себе, Блуждающая Звезда выстрелила ярким голубым плазменным протуберанцем в сторону золотистого солнца. И золотое солнце встретило сенсор Блуждающей своим собственным сенсором. Золотистая и голубая нити коснулись друг друга и сплелись. Звезды смотрели на них в радости.

Голос, заговоривший с Блуждающей Звездой, не был голосом человека, но что-то человеческое в нем явно чувствовалось... что-то веселое и нежное, что-то очень напоминавшее голос Молли Залдивар, что-то очень дорогое.

— Здравствуй, монстр! — сказал голос.— Добро пожаловать! Навсегда!

СЫН КУНГА

...Когда Дэнни Дейлхауз приехал в Софию, он не знал ни того, что это только первый этап его гораздо более долгого путешествия, ни того, что он встретится со своими будущими спутниками. Он не знал и никогда не слышал ни об этом грандиозном проекте, который носил непривлекательное название «Н-ОА Бес-бес Джеминорум 8426», ни об этих людях. Их имена были Анна Димитрова и капитан Мегги Минингер. Поводом для приезда явилась десятая Генеральная Ассамблея Мировой конференции по экзобиологии. И время встречи было не самым плохим. Была весна и на это время весь мир, казалось, погрузился в приятную легкую жизнь. В большом холле Науки и Культуры на открытие собрались три тысячи человек. И интерес к встрече был таким, что шестьсот пятьдесят ученых не могли найти себе места в зале. Даже переводчики сидели в кабинах по двое.

Открыл сессию симпатичный подтянутый Карл Саган. Выглядел он весьма моложаво, несмотря на свой солидный возраст. Его речь уже приближалась к концу, когда Дэнни Дейлхауз отыскал свободное место в задних рядах. До этого он никогда не бывал в Болгарии. Его восхитили солнечные парки и он дал себе слово побывать в музее древних икон в соборе Святого Стефана, в нескольких кварталах отсюда. Но Дэнни не хотел пропустить речь Сагана и первое заседание. Ведь на нем должны были прочесть важнейшие доклады. Имена многих докладчиков он слышал впервые. Конечно, эта работа Сагана, подумал он. Саган как почетный председатель пропустил все тезисы через свои фильтры. Значит, то, что осталось, очень полезно послушать. Саган говорил вдохновенно и, закончив, сошел с кафедры под аплодисменты. Так как основным докладчиком был американец, председателем назначили представителя другого блока. Таков международный этикет. Им стал англичанин из группы Фред Хойл Кэмбридж. Несколько представителей Блока Горючего остались послушать его из солидарности, но большинство политиков покинули зал. Поэтому Дейлхауз смог занять лучшее место в центре. Он удобно устроился и приготовился слушать нудные речи и столь же нудные язвительные замечания председателя. Из открытого окна на него волнами накатывал цветочный запах. В Болгарии меньше, чем в Америке, пользуются кондиционированным воздухом. Так как были уже прослушаны доклады Блоков

Горючего и Продовольствия, протокол требовал, чтобы выступил председатель Блока Народов. Им оказался пакистанец, который прочел первый доклад под названием «Измерение жизненно важных параметров планет звездных систем Альфа Драконис, Процион, 17-Каппа Инди и Семистеллар Объект Кунга». Дейлхауз было задремал, но когда услышал в наушниках название доклада, выпрямился и шепнул соседу:

— Кто этот парень?

Соседкой оказалась женщина. Она показала Дейлхаузу программу и имя докладчика: доктор Ахмед Дулла, университет имени Зульфикара Али Бхутто, Хайдарабад. Когда Дэнни наклонился к программке, он понял, что запах цветов исходит от женщины, а не из окон. Дейлхауз поднял на нее глаза. Блондинка. Немного пухленькая, но с приятным, доброжелательным лицом. Возраст трудно определить, вероятно — тридцать с небольшим. Со времени развода Дейлхауз стал обращать внимание на сексапильность женщин — своих коллег и случайных знакомых. Однако был осторожен. Он улыбкой поблагодарил соседку и выпрямился. В первой части доклада не оказалось ничего особенного. Сообщения о зондаже Альфа Драконис уже публиковались. Дейлхауз не был расположен слушать о фотометрических измерениях, которые установили наличие в иссякающей атмосфере растительной жизни с фотосинтезом. Таких планет уже найдено и исследовано множество. Исследования проводились тахионными зондами размером не больше грейпфрута, напичканными аппаратурой и способными преодолевать межзвездные пространства за неделю. Казалось, пакистанец решил сообщить каждую цифру своего доклада, перечислить все открытые планеты с иссякающей атмосферой и условиями, непригодными для жизни. Зонд, изучавший Процион, исчез, и сообщение о Проционе получилось самым коротким. Данные по 17-Каппа Инди были лучше — кислородная атмосфера, хотя перепады температуры слишком велики, да и прочие параметры - так себе. Но самое воодушевляющее содержалось в конце. Семистеллар Объект Кунга был немногим больше, чем его планета. Хотя звезда оказалась маленькой, у нее хватало энергии, чтобы излучать достаточно тепла. И у этой звезды была своя планета, причем с многообещающими параметрами. Теплая, влажная, плотная атмосфера с парциальным давлением кислорода, идеальным для жизни. Даже для жизни исследовательского отряда с Земли. Конечно, если кто-то согласится вложить деньги, чтобы отправить ее туда. И анализы были превосходными. Двуокись кислорода, следы метана, но только следы. Хорошая фотометрия. Отсутствовал единственный параметр — радиоизлучение. А в остальном — все было так же, как на Майами Бич. Пакистанец очень долго объяснял, как открыли звезду Кунга. Ее заметили сотрудники Большого радиотелескопа в горах Таигла. Открытие стало прямым результатом мудрости и предвидения председателя Мао. Это не представляло интереса ни для кого, кроме председателя Блока Народов, который глубокомысленно кивал

головой. Но планета казалась на удивление странной. Хотя это и не входило в сферу специальных интересов Дейлхауза, он отметил для себя, что биологическим исследованиям подвергнуто только одно полушарие планеты. Занятно! Это озадачило многих. Дэн посмотрел в зал и увидел перешептывающихся людей. Дейлхауз попросил ручку у соседки и сделал заметку в своей программе: «Исслед. Зв. Кунга. Возможно более полн. ознакомл.» Названия планеты не написал. Может, она его еще не имела, хотя он слыхал, как некоторые из Блока Народов называли ее с почтением — Сын Кунга. Что ж, бывают названия и похуже.

...Что можно сказать о таком человеке, как Дэнни Дейлхауз? Начальная школа, средняя школа, колледж, высшая школа. Он получил диплом с отличием в двадцать шесть лет, когда работ было еще мало. Год обучал новичков биологии, еще год стажировался в Тбилиси — и защита докторской диссертации. Ему уже было за тридцать, когда он получил должность на факультете экзобиологии в Мичигане. Дэнни был среднего роста — правда, повыше среднего, сто семьдесят сантиметров, и довольно тощий. Кроме того, его нельзя было назвать симпатичным. Но он был умен. Настолько умен, что за три года работы в Мичигане стал одним из ведущих экспертов Блока Продовольствия по расшифровке данных тахионных зондов. Дейлхауз с высокой степенью вероятности определял, существует ли жизнь на той или иной планете и даже предсказывал ожидаемые формы жизни. Затем он начал работать так успешно, что стал известен в мире интерпретаторов телеметрических данных, и его искусство признали столь ценным, что было решено не рисковать его жизнью и не включать в экспедиции к отдаленным мирам. Поэтому он сосредоточился на профессиональном совершенствовании, а также увлекся скалолазанием, яхтами и бегом на длинные дистанции. Кто знает, какие физические данные могут потребоваться, когда ему повезет и он будет включен в состав ежегодной экспедиции к далеким звездам. Развод дал ему дополнительные преимущества. Человек, которому не надо спешить домой, может больше отдаваться работе. Дейлхауз не хотел, чтобы Полли уходила. Но когда она собрала вещи и ушла, он быстро понял, что холостая жизнь не так уж плоха.

Вечером в аперитив-баре он снова столкнулся с блондинкой. Дэнни пришел на пресс-конференцию, но толпа в конце зала оказалась слишком плотной и в ней преобладали репортеры, привычные к такой обстановке. Между их головами и камерами Дэн мельком заметил Сагана и Иосифа Шкловского. Они что-то говорили, улыбаясь, а затем двинулись к лифтам. Вся толпа пошла за ними. Дейлхауз заказал выпивку и оглянулся. Блондинка пила скотч с двумя невысокими смуглыми улыбающимися мужчинами. Нет. Скотч пила она одна. А эти двое пили апельсиновый сок. Мужчины вскоре встали и попрощались с нею. Дейлхауз тут же воспользовался возможностью для разговора.

— Вы не возражаете, если я здесь сяду? Я Дэнни Дейлхауз, Мичиган.

— Мегги Миннингер,— ответила она.

Очевидно, она ничего не имела против его компании. Не возразила и тогда, когда он предложил взять ей еще один скотч. А затем еще заказала ему и себе. Она была не против того, чтобы прогуляться с ним под покровом теплой болгарской ночи. Даже согласилась зайти к нему распить бутылочку болгарского вина. И весь этот день, когда Дэнни Дейлхауз впервые услышал о Звезде Кунга, оказался для него весьма успешным и приятным. Следующий день выдался не таким удачным. Правда, с раннего утра он начинался вполне хорошо. Они проснулись в объятиях друг друга и, не меняя положения, сразу же занялись любовью. Завтракать было еще рано, поэтому они допили оставшееся вино, приняли душ, оделись, Затем решили прогуляться. Ночью прошел небольшой дождь. Улицы были влажными. Но воздух остался теплым, и в розовом рассвете желтые дома в стиле Марии Терезы выглядели уютными и дружелюбными.

— Больше всего,— сказал Дэнни, обнимая Мегги за талию,— мне хочется взглянуть на звезду Кунга.

Мегги с интересом взглянула на него.

— У тебя для этого есть деньги?

— Нет. Пожалуй, нет. Наш МТИ получил в прошлом году дополнительные ассигнования, но у нас никогда не хватало денег, чтобы запустить зонд с человеком на борту.

Она потерлась лбом о его плечо.

— Ты деятельнее, чем кажешься.

— Что?

— Ты не кажешься сильным, Дэнни, мальчик, но каждую минуту знаешь, что делать. Верно? Как в прошлый вечер. Эти два араба никак не уходили, стараясь заманить меня с собой. Но ты вовремя появился.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Нет?

— Не совсем.

Однако она не собиралась ничего объяснять, поэтому Дэнни вернулся к тому, что действительно интересовало его.

— Планета очень многообещающая, Мегги. Может быть, даже есть цивилизация. Ты понимаешь это? Следы двуокиси углерода и озона...

Она возвразила:

— Но никакого радиоизлучения.

— Да. Но это ничего не доказывает. Двести лет назад никто не слышал радиосигналов с Земли, а цивилизация существовала.

Она поджала губы, но ничего не сказала. Ему показалось, что ее что-то тревожит. Может, что-то по женской части. Дэн не считал себя крупным знатоком женщин. Он огляделся, поискав, чем бы развлечь ее.

— Посмотри на этих парней.

Они проходили мимо мавзолея Димитрова. Хотя был ранний час и вокруг не было ни души, кроме них двоих,— два человека стояли совершенно неподвижно в своей старинной опереточной форме. Даже кончики перьев на их шлемах не шевелились. Мегги посмотрела, но, по-видимому, что-то более важное волновало ее.

Этот полет займет по крайней мере два года,— сказала она. Ты действительно хотел бы полететь?

Я... я не понимаю тебя, Мегги,— пробормотал он, в самом деле ничего не понимая.

Она сказала нетерпеливо:

А, черт! Если бы у тебя были деньги, ты полетел бы?

Испытай меня.

Ахмед горит желанием попасть туда. Вероятно, он уже заручился согласием Блока Народов — наследников Мао на финансирование полета к Кунгу.

— Что ж, это тоже хорошо. Мне плевать на политику. Мне все равно, какая страна впервые встретится с цивилизованными собратьями. Просто я в этот момент хочу быть там.

А мне не все равно,— пробормотала она. Выскользнув из его объятий, Мегги стала прикуривать сигарету.

Дейлхауз остановился, глядя, как она ладонью прикрывает огонь от легкого утреннего ветерка. Вчера они неплохо выпили и совсем мало спали. Он чувствовал внутреннюю слабость от вчерашнего, но на Мегги, казалось, это не отразилось. Впервые в жизни Дейлхауз лег в постель с женщиной, с которой даже не обменялся парой слов — кто она, чем занимается. Он совершенно не знал ее разумом, только чувством. Затем он подумал, что в 10.00 начинается доклад, который он хотел бы послушать: «Предварительные исследования первого контакта с субтехнологическими разумными существами». Кроме того, хотелось бы получить дополнительные сведения о планете Звезды Кунга. Дэн бросил взгляд на часы: 7.30, уйма времени. Город еще спал. Правда, где-то вдалеке звенели первые трамваи. Впереди по улице, которой они шли, показались два милиционера, шагающие плечом к плечу. Дубинки мерно покачивались у поясов в такт шагам. В Софии больше не происходило ничего. Это заставило его подумать о собственном доме в Ист-Денсинге. В такое время года и дня университетский городок бурлит, готовясь к сессии. А он сам в это время шел или ехал на велосипеде, направляясь в рабочий кабинет. После развода он всегда старался пораньше покинуть пустой дом. Дэнни напомнил себе, что София вовсе не похожа на его городок. Это настоящий город со всеми его атрибутами. А Ист-Денсинг больше похож на веселую деревушку. И Мегги Миннингер тоже не похожа на Полли, смуглую, быструю. Что же такое эта Мегги Миннингер? Дейлхауз терялся в догадках. Она совсем не похожа на его знакомых. Она не из их круга. Вчера, в Большом холле Культуры и Науки днем она была его ученым коллегой. Затем ночью она была именно такой

женщиной, какую хотел бы видеть в своей постели каждый мужчина американец. Но кто она сейчас? Они уже не шли рядом, прижавшись друг к другу. Мегги опережала его на метр. Она шла твердым шагом, глубоко затягиваясь сигаретой, смотрела только вперед. Наконец она повернулась к нему.

— Университет штата Мичиган, Институт экстрасолярной биологии. Дэниел Дейлхауз, бакалавр, магистр, доктор. Разве я не говорила, что изучила все материалы о тебе, прежде чем вылететь из Вашингтона?

— Ты? — удивился он.

— У тебя интересный доклад. Думаю, что ты говоришь серьезно о своем желании лететь. Дэнни, мальчик, я могу тебе помочь.

— Как?

— Деньгами, мой милый. Это все, что я могу дать. Разве ты не заметил эмблему с моим именем и должностью, когда раздевал меня? Я работаю в КИЭКОМе.

— Хвала КОМу, откуда происходят все блага,— с чувством процитировал Дэнни. Это была строфа из институтской песни. Ведь ежегодно институт Дэнни получал средства из Комитета по Исследованию и Эксплуатации Космоса. Только благодаря этим дотациям и мог существовать институт.

— Почему я раньше не встречал тебя?

— Я работаю там с февраля. Я — вице-секретарь новых проектов. Такой должности раньше не было. Так что я первый вице-секретать. А до этого я преподавала в своей альма-матер. Маленькая школа без факультета экстрасолярной биологии. Ну так что?

— Ты о чем?

— Ты спишь? Хочешь участвовать в эспедиции к Звезде Кунга?

— Я? О, Боже, конечно!

Она взяла его руку, легко похлопала.— Считай, что все улажено. Что это?

— Но...

— Я же сказала — все улажено.— Она больше не смотрела на него. Что-то иное привлекло ее внимание. Они вошли в большой парк, аллея вела их к мемориальному комплексу. Справа и слева у входа в аллею высились две бронзовые скульптурные группы. Дейлхауз шел за Мегги. Он ничего не понимал, он еще не мог поверить ее словам.

— Думаю, я должен принять предложение,— пробормотал он нерешительно.

— Тупица! Сколько можно говорить. Ты получишь официальное приглашение.— Она рассматривала бронзу.— Посмотри на это!

Дейлхауз глядел на фигуры без интереса.

— Это воинский мемориал,— сказал он.— Солдаты и мирные жители.

— Разумеется, но он совсем не старый. Пулемет у сол-

дата... и этот, на мотоцикле. И посмотри: некоторые солдаты — женщины.

Она наклонилась и рассмотрела надпись на кириллице.

— Проклятье. Не понимаю, что написано. Но эти рабочие и крестьяне приветствуют освободителей, да? Наверное, это последняя большая война — Вторая мировая. Это Болгария, а значит, Красная Армия изгоняет отсюда немцев, и все болгары встречают ее цветами, сердечными рукопожатиями и кружками с чистой родниковой водой. Дэнни, оба моих деда сражались в ту войну. И одна из бабок. Двое на этой стороне, а она на другой.

Дейлхауз с любопытством посмотрел на нее. Все-таки странно видеть человека, который так интересуется той войной, хотя каждый знает, что любая война — это только борьба за рынки.

— А что с твоей второй бабкой? Она жива?

Мегги коротко взглянула на него.— Погибла во время бомбежки,— сказала она.— А вот это любопытно.

Скульптуры действительно могли заинтересовать любого знатока войны. Каждая фигура выражала мужество, радость победы, решимость в самых лучших традициях соцреализма. Все фигуры были выполнены так, чтобы вписаться в прямоугольный объем, и поэтому очень напоминали сардин в банке, которые переплелись между собой. Интерес Мегги к этой скульптуре был интересен сам по себе. Дейлхауз заметил, что милиционеры уже прошли мимо и теперь разворачивались, чтобы идти в обратном направлении. Взгляды их были непроницаемыми.

— Так что любопытного в солдатах? — спросил он.

— Это же мои противники, дорогой Дэн, разве ты не знаешь? Марджори Мод Миннингер, капитан армии США, закончила Вест Пойнт. Видел бы ты меня в форме! — Она закурила, а когда протянула сигарету Дэну, чтобы он зажег ее, он понял, что это вовсе не табак.

Медж задержала дым в легких, затем выпустила струю.

— Какие были времена! — мечтательно проговорила она, глядя на бронзовые изваяния.— Посмотри на этого молодца, который поднял ребенка в воздух. Знаешь, что он говорит другому солдату? — Давай, Иван. Я подержу ребенка, пока ты позабавишься с его мамашей, а затем подержишь ты, а я сменю тебя.

Дейлхауз рассмеялся. А Мегги продолжала:

— А ты знаешь, что говорит этот мальчик? — Ой, доблестный солдат Красной Армии, тебе нравится моя сестра? Что ты дашь за нее? Шоколад? Русские сигареты? — А офицер, который берет цветы из рук женщины? Он говорит: Послушай, товарищ! Зачем ты воруешь народное достояние из парка? Смотри, чтоб тебе не пришлось надолго отправиться в лагерь. Немцы ушли, с ними покончено. Но теперь здесь советские солдаты...

— О, Мегги,— беспокойно сказал он.— Идем.

Он вдруг заметил, что милиционеры не улыбаются больше, и вспомнил, правда поздновато, что вся городская милиция прошла краткосрочные курсы иностранных языков. Все-таки в городе происходит крупная международная конференция, и милиция должна быть на высоте.

Все, что можно было сказать об Анне Димитровой, вряд ли нужно говорить, потому что это было очевидно с первого взгляда. Нежная восторженная девушка, способная любить и внушать любовь. Иногда ее мучили жесточайшие головные боли, и тогда она была раздражительной, теряла ориентацию, боль буквально ослепляла ее. Но она старалась переносить такие приступы, не причиняя никому беспокойства.

Анна встала рано, как и рассчитывала, пробралась на кухню, чтобы сварить кофе своими руками. Никакого суррогата для Ахмеда! Когда она принесла ему кофе, он поднял свои длинные, разбивающие сердца ресницы, и улыбнулся. Легкие морщинки пробежали вокруг его темнокарих глаз.

— Ты слишком добра ко мне, Нан,— сказал он на урду. Она поставила чашку возле него и опустилась на колени, чтобы потереться щекой о его лицо. Ахмед не признавал поцелуев, за исключением таких обстоятельств, какие она, хотя и испытывала необычайное искушение, не хотела включать в свои планы.

— Вставай и быстро одевайся,— сказала Анна.— Я хочу показать тебе свое доброе чудовище.

— Чудовище?

— Ты увидишь.— Она выскользнула из его объятий и направилась под душ. Долго стояла под струей горячей воды. Сегодня ни в коем случае нельзя допустить головной боли. Позже, когда она уже сушила волосы полотенцем, тихо подошел Ахмед и пробежал пальцами по узкому шраму на голове.

— Милая Нан,— сказал он.— Столько выдержать, чтобы изучить урду. Я выучил его без такой операции.

Да, это операция и принесла ей жуткие головные боли. Она на мгновение прижалась к нему, затем завернулась в полотенце и улыбнулась.

— Сейчас у нас нет времени для ласк, если мы хотим увидеть чудовище в утреннем свете. Кроме того, я сделала операцию на мозге не только для того, чтобы изучить языки. Это помогло мне стать хорошей переводчицей.

— Мы в Пакистане такого не делаем,— сказал он.

Нан вышла из ванной и, занимаясь своими делами, прислушивалась к возгласам Ахмеда, который плескался под струей холодной воды. Нан серьезно думала о нем. Она была практичным человеком. Она, не задумываясь, пожертвовала бы материальными выгодами ради принципа или чувства, но при этом хотела точно знать, ради чего жертвует, каковы ставки. А сейчас ставка достаточно высока — ее любовь к Ахмеду. Болгария, как и Советский Союз, была одним из государств, экспортирующих продовольствие и лояльно относящихся к остальным странам Блока Народов. И тем не менее,

политические проблемы существовали и между ними. Нан и Ахмед редко могли видеться друг с другом, и единственный выход был в том, чтобы ей или ему сменить гражданство. А Нан знала, что Ахмед не пойдет на это. Но действительно ли она хочет связать свою жизнь с милым пакистанцем? Сможет ли Нан жить в перенаселенных сонных городах Блока Народов? Она видела их. Они по-своему красивы. Но пища в основном — растительная, полное отсутствие личных машин, замкнутость, погруженность людей в себя... Хочет ли она этого? Там приятно быть в гостях. Месяц, два... Но всю жизнь?.. Она быстро оделась, так ничего и не решив. Часть мозга контролировала ее действия, другая же обдумывала планы на сегодняшний день конференции. Все-таки операция по расщеплению мозга — прекрасная вещь. Весьма расширяет возможности человека. Однако сейчас даже ее расщепленного мозга не хватало на мысли об Ахмеде. Нан быстро прибрала постель, вымыла и убрала посуду и буквально вытащила Ахмеда за дверь. Небо было ярко розовым, но солнце только-только взошло. Самое время, если они поторопятся. Она потащила его вниз по лестнице, не дожидаясь лифта. Они выбежали во двор, затем на пересечение двух бульваров. Здесь она остановилась и обернулась.

— Ты видишь?

Ахмед прищурился от солнца.

— Я вижу собор,— хмыкнул он.

— Да, это собор. И чудовище.

— Чудовище? Собор?

— Да.

— Хм! Святой Стефан — чудовище?.. О! Кажется, я понял. Вон те окна наверху — это глаза. А окна внизу — зубы.

— Он улыбается нам, ты видишь? А вон там — уши и нос.

Ахмед уже смотрел не на собор, а на нее.— Ты очень странная девушка. Интересно, какой ты будешь в Пакистане?

У Нан перехватило дыхание.— Нет, нет, пожалуйста, замолчи,— она взяла его за руку.

— Давай просто погуляем.

— Я еще не завтракал, Анна.

— У нас много времени,— она повела его через парк к Университету.— Ты прости меня за то, что я так плохо переводила тебя,— она засмеялась.

— Я бы не узнал этого, если бы ты не сказала мне.

— Очень плохо, Ахмед. Я смотрела только на тебя, когда ты говорил о звезде Кунга, и забыла, что нужно переводить.

Он взглянул на нее.— Знаешь, сам Наследник Мао заинтересовался ею. Именно он выбрал название планеты. Он был в обсерватории, когда открыли звезду. И думаю...

— Что ты думаешь, Ахмед?

— Я думаю, что должно произойти нечто необычное,— осторожно сказал он.

Она рассмеялась и погладила его по щеке.

— Анна,— выдохнул он и остановился посреди бульвара.— Слушай, если меня не будет долгое время, ты не забудешь меня?

— Пожалуйста, Ахмед, милый...

— Я знаю, что трудно,— сказал он.— Я знаю, что Пакистан — бедная страна. У нас нет нефти, как в странах Ближнего Востока или в Англии. Поэтому мы присоединились к Блоку Народов.

— Мне нравится Пакистан.

— Ты была в Пакистане еще ребенком,— сказал он с горечью.— Но можно быть счастливым даже в стране Блока Народов.

Проехал троллейбус, за ним, тихо шурша шинами, три длинных черных автомобиля. Нан потащила Ахмеда на тротуар, радуясь случаю сменить тему разговора. Плохо то, что на международных конференциях, думала Нан, приходится встречаться со своими политическими противниками, которые иногда кажутся совсем не противниками. Она сейчас вовсе не имела в виду свой роман с Ахмедом. Нан не хотела испытывать неудобства и страдать. Она прекрасно знала, каковы ставки в этой игре. Как переводчик с четырех основных языков и дюжины менее значительных, она могла бы найти работу в любой стране, особенно в странах Блока Продовольствия, от Москвы до Канзас-Сити, от Рио до Оттавы. Она встречала тех, кто перешел на другую сторону, в другие Блоки. Видела в Сиднее девушку из Уэльса, даже в ее университете были две японки. Они жили по соседству с ней. Все отчаянно старались приспособиться к жизни в новых условиях — и все же сразу бросалось в глаза, что они другие. Однако нынешнее утро и Ахмед были слишком прекрасны для таких тоскливых размышлений. Одна часть ее мозга переключилась с беспокойства на размышления о планах на день, другая, которая воспринимала и обобщала происходящее вокруг, фиксировала внимание на том, что она видела.

— Смотри,— сказала она, стиснув локоть Ахмеда.— Что там происходит?

Это происходило возле Мемориала Освобождения. Блондинка, которую она видела на одном из приемов, спорила с двумя милиционерами. Один держал ее за руку. Другой постукивал дубинкой по руке и что-то втолковывал мужчине, по виду профессору, который тоже, скорее всего, прибыл на конференцию.

Ахмед остался безучастным к этому. Он сказал:

— Американцы и болгары. Пусть Жирные решают свои проблемы между собой.

— Нет, нет,— возразила Нан.— Может, я смогу чем-нибудь помочь.

После долгих разговоров дело закончилось тем, что Нан Димитрова оказалась тоже арестованной. Виноватой была американка. Она должна была знать, что не стоит отпускать шуточки по адресу Красной Армии, если их может услышать

полиция столицы самой русофильской страны. Но даже если американка и не знала этого, она должна была бы догадаться, что не стоит настаивать на том, чтобы об инциденте узнал американский посол. До этого момента милиционеры ждали случая, чтобы закончить разговор и отпустить нарушителей. Но как только был упомянут посол Америки, дело сразу приобрело международную окраску. Единственным положительным моментом оставалось то, что Ахмед не замешан в этом деле. Нан отослала его прочь в самом начале. И Ахмед охотно ушел. Двух американцев и Нан препроводили в народный Дворец Юстиции. Поскольку это было воскресное утро, им пришлось провести много часов на деревянной скамье, пока удалось собрать членов магистрата. Никто не охранял их. И Нан была уверена, что никто и не остановит, если они встанут и уйдут из здания. Но она не хотела, чтобы инициатива исходила от нее. Американка тоже не желала использовать шанс. А мужчина не уходил потому, что оставалась женщина. Нан с неудовольствием осмотрела их, особенно пышную американку, которая была чересчур откормленной даже для представительницы страны Блока Продовольствия. Да, подумала она, нам не приходится выбирать союзников. Мужчина ей понравился. Пожалуй, он немного тощ по сравнению со своей партнершей.

Время шло. Милиционер принес им крепкий чай. Постепенно совместное заключение немного сблизило их. Они уже оживленно болтали, когда явились члены магистрата. Чиновники отказались вызвать представителей посольства и настоятельно советовали в будущем руководствоваться здравым смыслом, которым Господь наградил людей, и хорошими манерами, которым без сомнения обучали их родители. После этого их отпустили с миром. Они пропустили десятичасовое заседание конференции, и что еще хуже, не попали на ленч, устроенный для делегатов. Так как это был воскресный день, все рестораны Софии оказались забиты, поэтому все трое остались без завтрака. Такой была первая встреча этих троих людей... Вторая встреча состоялась много позже и очень далеко от Земли. Дэнни Дейлхауз выяснил, что его доклад прочитал за него коллега. Так что то, что он пропустил заседание, вовсе не было катастрофой. Более того, в этом были даже свои преимущества. Он заручился обещанием Мегги, что она устроит ему место в экспедиции на Звезду Кунга. Сидя в лайнере, который уносил его домой, Дейлхауз сочинил официальное письмо Мегги с просьбой зачислить его в штат экспедиции. К рассвету они уже были над Лабрадором, самолет плавно летел сквозь ночную мглу. Дейлхауз в одиночестве съел завтрак — яйцо и кофе,— который ему приготовила сонная стюардесса. После этого он сидел и рассеянно смотрел через иллюминатор на проносящиеся внизу облака. Он думал о Звезде Кунга.

На следующий день, после того как Мегги Миннингер вернулась в Вашингтон, она получила официальное письмо Дейлхауза. Однако к этому времени Мегги уже сама начала работу по претворению проекта экспедиции в жизнь. Из своей квартиры она позвонила государственному секретарю по культурным связям. Время уже было нерабочее, но Мегги без труда связалась с секретарем. Она была его дочерью. Мегги коротко рассказала о том, как долетела, а затем сразу перешла к делу:

— Папа, мне нужна поддержка проекта межзвездной экспедиции.

Короткое молчание. Потом он спросил:

— Зачем?

Теперь, обдумывая аргументы, замолчала Мегги. Ради увеличения знаний человечества? Ради потенциальной экономической выгоды Соединенных Штатов и стран Блока Продовольствия? Или потому, что она обещала Дейлхаузу? Каждый из этих доводов имел смысл для той или иной части человечества, а последний был важен лишь для нее одной. Мегги привела только тот аргумент, который мог подействовать на отца.

— Потому что, если не полетим мы, то полетят эти сукины дети пакистанцы.

— Сами? — даже за три тысячи километров Мегги уловила сомнение.

— Китайцы примут участие. Они очень заинтересованы.

— Ты знаешь, сколько это будет стоить,— это был не вопрос, так как ответ они знали оба. Даже простая капсула с сообщением, весившая всего несколько килограммов, требовала затрат в пару миллионов долларов, если ее нужно было переправить из одной звездной системы в другую. А она хотела отправить по меньшей мере десять человек со всем снаряжением. Это обойдется в триллионы.

— Много,— сказала она,— но полет стоит этого.

Отец хмыкнул с восхищением.

— Ты всегда была расточительным ребенком, Мегги. Как ты хочешь протащить это через комитет?

— Думаю, что мне удастся. Предоставь это мне, мама.

— Хм. Хорошо, я помогу тебе. Что тебе нужно от меня сейчас?

Мегги колебалась. Это была открытая телефонная связь, и она тщательно подбирала слова.

— Я попросила этого пака прислать нам полный отчет. Конечно, если бы я первой познакомилась с ним, это дало бы мне преимущество.

— Разумеется,— согласился отец.— Что еще?

— Пока я не ознакомилась с отчетом, ничего не могу просить.

— Понимаю. А что вообще нового? Как тебе понравились наши смелые болгарские друзья?

Она рассмеялась.

— Полагаю, ты знаешь, что я была арестована.

— Я только удивлен, почему тебя не арестовывают ежедневно. Ты ужасный ребенок. Ты пошла не в меня.

— Я скажу матери об этом,— сказала она и повесила трубку.

Вскоре она получила микрофильмированный доклад пакистанца, уже переведенный. Она внимательно прочла все, делая заметки для себя, затем оттолкнула бумаги и откинулась в кресле. Этот чертов пакистанец не рассказал и трети того, что было в отчете. Он даже не упомянул о существовании трех основных форм жизни. По крайней мере три формы жизни организмов имели социальную структуру. Антропоиды, затем существа, живущие в норах — теплокровные и мягкокожие, и, наконец, существа, живущие в воздухе. Вернее, они проводили большую часть жизни в воздухе, но крыльев не имели. Они не были птицами, а поднимались в воздух с помощью воздушных баллонов, шаров. Три формы социальной жизни! Может быть, хоть одна из них окажется разумной настолько, чтобы создать цивилизацию! Эта мысль привела ее к Дэнни Дейлхаузу, к его докладу о первом контакте с разумной жизнью на субтехнологическом уровне. Она взяла его письмо и ухмыльнулась. Бедняжка Дэнни даже не знает, что просит. Ведь стоимость экспедиции семнадцать биллионов долларов. Семнадцать биллионов долларов — это примерная стоимость Манхеттена... годовой доход многих стран... двухлетние выплаты США за горючее... уйма денег.

Она положила бумаги в красную папку с надписью СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО и заперла их в сейф. Затем стала пробивать то, что обещала Дэнни Дейлхаузу.

Много можно сказать о Мегги Миннингер, но самое главное то, что она всегда знала, чего хочет. А хотела она многого, причем самого разнообразного. Все ее желания были выстроены в мозгу стопочкой, по степени их важности. Третье или четвертое желание сверху было менее важно, чем второе, а первое сверху оказалось в данный момент самым главным, для выполнения которого Мегги готова применить все силы, все возможности. Через неделю она должна была предстать перед комитетом сената по Космическим Исследованиям. Это время она использовала для того, чтобы сообщить Дейлхаузу, как изменить текст его письма, чтобы шансы на успех увеличились, а также заполнить пробелы в образовании. Чтобы перебросить космический корабль с людьми из одной звездной системы в другую, необходимо вывести его на орбиту. Тахионная транспортация — весьма элегантное достижение человеческой техники. Как только капсула переводилась в определенное зарядное состояние, она начинала подчиняться тахионным законам. При этом капсула может двигаться со скоростью, превышающей скорость света, преодолевая громадные расстояния за короткий срок, для чего требуется удивительно мало энергии. Парадокс тахионного процесса заключается в

том, что для медленного движения требовалось гораздо больше энергии, чем для движения с бóльшей скоростью. Самое главное и сложное — изменить зарядное состояние капсулы. Требуется огромная платформа. Платформа очень дорогая, а кроме того, очень тяжелая. Вывести ее на орбиту чрезвычайно сложно. Нужно сжечь сотню киллограммов горючего, чтобы перевести грамм вещества в тахионное состояние. А горючее — это горючее. Это может быть нефть, может быть что-то другое, заменяющее нефть. Во всяком случае, нужно сжечь полмиллиона метрических тонн нефти, чтобы послать десять человек и минимум аппаратуры к Звезде Кунга. Это не просто стоимость в долларах. Это четыре супертанкера, полных нефти, которые доставила одна из нефтедобывающих стран. Интерблочный комитет по импорту и ценам очень плохо относится к странам Блока Продовольствия и непрерывно повышает цены на нефть. Так что стоимость экспедиции может возрасти до такой цифры, которую Мегги и Дейлхауз и представить не смогут. Когда все числа благополучно перекочевали из бумаг в ее голову, Мегги закрыла сейф в кабинете. Она направилась в комнату 201— КАБИНЕТ СЛУШАНИЯ, понимая, что подготовилась к разговору полностью. Теперь перед нею возникло очередное препятствие. Мегги терпеть не могла препятствий. Ее отточенный мозг рассекал проблему на части и она концентрировала свое внимание на решении каждой. Проблема Комитета представлялась ей состоящей из четырех частей: председатель, лидер меньшинства, советник Комитета и сенатор Ленц. Мегги подготовила стратегию борьбы с каждым из них. Лидер меньшинства был другом ее отца, поэтому можно было оставить его отцу.

Председатель лелеял мечту стать президентом. Он никогда не упускал возможности поднять волну — ведь это была реклама. Так что с ним нужно держать себя скромнее, чтобы ему казалось, что это он владеет инициативой. После того, как она принесла присягу и прочла свой меморандум, председатель первым стал задавать вопросы.

Председатель: — Ну, мадам, уверен, что ваши намерения самые лучшие, но вы знаете, сколько приходится нам здесь, на Холме, работать, чтобы снизить дефицит?

Капитан Миннингер: — Конечно, сенатор.

Председатель: — И вы хотите, чтобы мы дали вам Бог знает сколько миллионов долларов на этот проект?

Это звучит оптимистично. Он не сказал: сумасшедший проект или что-нибудь вроде этого.

Капитан Миннингер: — Не хочу, сенатор. Надеюсь на это. Я надеюсь, что Комитет одобрит проект, так как, по моему мнению, все расходы, вложенные в него, со временем многократно окупятся.

Председатель: — Мы не можем тратить деньги налогоплательщиков на надежды.

Капитан Миннингер: — Я знаю это и ценю. Я прошу деньги

не на надежду. Это реальность, это расчет. Не только мой, но и коллективный расчет хорошо информированных экспертов.

Председатель: — Мы получаем много проектов, которые базируются на весьма авторитетных оценках. Мы не можем финансировать все проекты.

Капитан Миннингер: — Конечно, сенатор. Я не появилась бы здесь, если бы не была уверена в вашей компетентности и здравом смысле.

Председатель: — Ну, что ж. Кто-нибудь из моих коллег хочет задать вопросы?

Конечно, они хотели. Вопросов было много, но мало по существу. Самые значительные люди, сенатор Ленц и лидер меньшинства, держались в тени, ожидая своего часа. Остальные старались выговориться, чтобы их имена попали в отчет о заседании, что укрепило бы их положение. Самую сложную проблему представлял главный советник. Он был умен. И его основная задача — сделать так, чтобы Комитет не попал в какую-нибудь неприятную историю. А задача Мегги в данный момент заключалась в том, чтобы для Комитета сказать «да» сулило меньше неприятностей, чем сказать «нет».

Мр. Джианпаоло: — Вы говорите, что вложения окупятся. Вы имеете в виду реальные ценности или нечто абстрактное — знания и тому подобные ирреальные штучки?

Капитан Миннингер: — И то, и другое.

Мр. Джианпаоло: — Да, м-с Миннингер? Доллары вернутся?

Капитан Миннигер: — Исходя из прошлого опыта и наших знаний о планете — да. Определенно, да.

Мр. Джианпаоло: — Можете ли вы сказать, в каком виде вернутся доллары?

Капитан Миннингер: — В широком смысле — могу. Из всех сообщений явствует, что там имеются ценные сырьевые ресурсы. А кроме того, важно присутствие разумной жизни. Разумеется, пока это только показания приборов.

Мр. Джианпаоло: — Насколько я знаю, интерпретация показаний приборов всегда вызывает споры.

Капитан Миннингер: — Совершенно верно. И именно поэтому следует направить на планету экспедицию. Экспедиция должна точно выяснить то, что другим способом мы выяснить не можем. Если бы мы точно знали, что найдем там, то не стоило бы посылать людей. Но тут есть и другая сторона, более важная причина для экспедиции. Эта причина — приоритет, лидерство.

Мр. Джианпаоло: — Лидерство?

Капитан Миннингер: — Все страны, экспортирующие продовольствие, видят в нас лидера. Я не думаю, что кто-то из вас хочет обмануть их надежды. Такая возможность выпадает раз в жизни. Я здесь потому, что не хочу брать на себя

ответственность за то, что мы упустим ее. Пусть Комитет проанализирует все и примет на себя эту ношу.

Так как на открытой сессии ничего не решалось, Мегги была уверена, что у членов Комитета будет время обдумать и понять, какую ношу она может скинуть с себя, если проголосует за принятие проекта. Однако Мегги не забывала, что главным дирижером событий был Джианпаоло. Он слишком умен, чтобы закончить это заседание на той ноте, которая бы удовлетворила Мегги. Он стушевал ее драматическое заявление с помощью выуживания у нее самых разнообразных технических данных.

— Да, мистер Джианпаоло, я знаю, что сила тяжести на планете меньше, чем на Земле, а атмосферное давление выше, чем земное, на несколько процентов. Но количество кислорода то же самое...

Он расспрашивал ее о непрерывном выделении газообразных веществ на холодной части планеты, о резервах внутреннего тепла. Он долго спорил с ней по поводу классификации планеты по последнему каталогу ОАО: Бес-бес Джеминорум 8326 или Бес-бес Джеминорум 8426, так как в ее отчете приведены оба обозначения. Видимо, машинистка сделала ошибку. Эта дискуссия длилась так долго, что даже председатель запротестовал. И затем, вполне довольный, что ему удалось усыпить половину аудитории, Джианпаоло попросил десятиминутный перерыв, после которого снова бросился в атаку.

Мр. Джианпаоло: — Капитан Миннингер, я уверен, что вам известно, сколько стоит запуск тахионного корабля. Во-первых...

Капитан Миннингер: — Да, сэр. Знаю.

Мр. Джианпаоло: — Вы не понимаете, что это огромные деньги. Корабль будет стоить не менее шести биллионов долларов.

Капитан Миннингер: — Да, сэр. Но, как заявил вице-президент на Десятой Ассамблее Всемирной конференции по экзобиологии, у нас уже есть такой корабль. Он может быть использован для выполнения самых разнообразных задач.

Мр. Джианпаоло: — Но, как сказал вице-президент, время использования корабля расписано. И тем не менее, вы настаиваете на отправке экспедиции на... как называется планета?

Капитан Миннингер: — Сын Кунга. Хотя это еще не официальное название.

Мр. Джианпаоло: — Надеюсь, что нет. Но такая экспедиция означает прекращение исследования Проциона VI. А вы знаете, что, по предварительным данным, эта планета имеет твердое ядро и, следовательно, перспективна с точки зрения добычи урана для наших энергетических установок... Англичане запустили эту штуку. Они заверили всех, что в соответствии с существующими международными соглашениями сделают данные своих исследований Проциона доступными всем.

Капитан Миннингер: — Да, сэр. Но вы же знаете, что до-

быча урана на Проционе, очистка его и доставка на Землю будет обходиться очень дорого. С этой точки зрения Бес-бес Джеминорум гораздо более перспективна.

Мр. Джианпаоло: — Да, капитан Миннингер. Мы уже выслушали вашу точку зрения по этому вопросу.

Такой конец был обнадеживающим. Англичане не сообщили, но и Мегги, и Джианпаоло знали, что приборы не обнаружили информации о радиации на Проционе. Может, там и есть уран, но на глубине многих тысяч метров. Мегги подробно ознакомилась со всеми официальными отчетами. Так что теперь она была вполне удовлетворена: события двигались в нужном ей направлении. Оставалась еще проблема сенатора Ленца. Он был твердым орешком и играл большую роль и здесь, в Комитете, да и в сенате тоже. С ним нужно поработать индивидуально и в частном порядке. Мегги уже кое-что придумала.

Она решила возвращаться в Хьюстон кружным путем, через Денвер. Отец отвез ее в аэропорт Даллеса на своем автомобиле. Впрочем, это был не его автомобиль. Он принадлежал государству. Как и сам Годфри Миннингер, если хорошо подумать. Автомобиль был и свидетельством его положения, и необходимостью. Дважды в день служащий связывался с электронной системой автомобиля, чтобы убедиться, что автомобиль и Миннингер существуют и не похищены.

— Ты прекрасно вела себя на слушании,— сказал он, дочери.

— Благодарю, папа. И спасибо за доклад пакистанца.

— Нашла в нем, что хотела?

— Да. Ты поговоришь с лидером меньшинства?

— Уже.

— И?

— О, с ним все ол райт. Если ты пройдешь Гуса Ленца, я думаю, что Комитет у тебя в кармане. На слушании он молчал.

— Я и не думала, что он будет говорить.

Отец подождал, но так как Мегги не продолжала, не стал задавать вопросов. Он сказал:

— Относительно твоего друга пакистанца есть еще сведения. У него была встреча в Кушуи с весьма значительными людьми.

— Кушуи? Где это, черт побери?

— Мне бы хотелось знать больше об этом. Это местечко в провинции Синьцзян. Пока у нас нет полных сведений о встрече. Это городок возле Лоб-Нора и не очень далеко от большого радиодиска. Сам Наследник Мао был в прошлом году там раз пять или шесть.

— Похоже, они что-то затевают.

— Вероятно. Я верю в твои оценки ситуации. И вот лучшее доказательство твоей мысли — Наследник решил сделать то, о чем ты просишь нас.

— Дерьмо!

— Не беспокойся. Я уже сообщил об этом лидеру меньшинства, и не сомневаюсь, что тот обо всем доложит Джанпаоло. Так что это сработало в твою пользу.

— Но я хочу быть первой!

— Первые не всегда снимают сливки. Сколько людей открывали Америку до того, как Англия положила ее себе в карман? Но расскажи, что интересного на этой планете?

Мегги смотрела на проносящиеся мимо пригороды Вирджинии — высокие дома, окутанные сетью солнечных батарей.

— Все в докладе Ахмеда Дуллы, папа.

— Я не читал его.

— Жаль. Это маленькая звезда со множеством мелких планет. Но есть одна планета размером с Землю. Чуть меньше сила тяжести, чуть плотнее атмосфера. Это настоящее богатство, папа. И там есть жизнь.

— Мы и раньше находили жизнь.

— Мох и амебы? Здесь совсем другое. Настоящая жизнь. Скорее всего, разумная. И может быть, уже есть цивилизация. Но планета интересна и в другом отношении.

Она почти задохнулась от возбуждения.

— Эта планета не вращается. Она ведет себя так как наша Луна — всегда повернута к звезде одной стороной. Так что на одной стороне планеты вечный день!

Отец слушал ее внимательно. Когда она замолчала, чтобы перевести дух, он сказал:

— Ты должна знать еще кое-что. Страны Блока Горючего ведут между собой переговоры о шестидесятипроцентной надбавке на цену за нефть.

— Боже, папа! Значит, мне уже никогда не пить скотч?

— Нет, на этот раз не Англия. Это китайцы.

— Но они же экспортируют народ, рабочие руки!

— Они экспортируют все, что им захочется,— поправил отец.— Единственная причина, которая привела их в Блок Народов — это то, что они могут играть там первую скрипку. Наследник Мао и играет там первую скрипку. Наследник Мао ведет свою игру. Он объявил, что сам повысит цены, независимо от результатов голосования Блока. Саудовцы, индонезийцы и прочая мелкота поддерживают его. Они тоже хотят играть в игру вместе с большими мальчиками.— Он задумчиво помолчал.— Так что твоя просьба о полумиллионе тонн нефти несколько несвоевременна.

— Понимаю. А что же мы собираемся делать? Я не имею в виду мой проект. Я имею в виду страну.

— Что мы не собираемся делать,— угрюмо ответил он,— так это поднимать цены на зерно. Мы не можем. Хитрость Наследника Мао заключается в том, что он поднимает цены на экспорт горючего. Внутри Блока они останутся низкими. Так что их затраты на ирригацию и прочее не повысятся. И внутренние цены на зерно — тоже. Если мы поднимем цены, они

просто откажутся покупать его. Мы, конечно, выдержим это. Но Советы, Индокитай, бразильцы... их экономика потерпит крах. И тогда Блок разрушится. Именно этого и добивается Наследник Мао.

Он припарковал автомобиль возле аэропорта. Прежде чем выключить радио, сказал дочери:

Если ты хочешь протолкнуть свой проект, действуй быстро.

Мегги выскользнула в сырой теплый воздух. Вдали темнели вздыбленные хвосты лайнеров. Некоторые из них разогревали моторы, и в воздухе стоял гул. Мегги прошла за отцом, который подхватил ее сумки и направился к терминалу.

— Папа,— сказала она.— Я могу сказать об этом сенатору?

— Нет, нет! Возможно, он уже знает, но ты не должна знать!

Она расхохоталась.

— Ну ладно, придется действовать по-другому. Постой, папа. Я не полечу в Хьюстон.

— Почему?

— Я полечу по другому маршруту.

На прощание Миннингер поцеловал дочь возле стойки, где шла регистрация пассажиров на Денвер. Он смотрел, как она исчезает в туннеле, со смешанным чувством восхищения и опасения. Ему хотелось спросить, как она собирается обработать сенатора Ленца, но он не стал. Этим же рейсом летел и Ленц. Из-за того, что полет был ночной, самолет задержался здесь на двадцать минут для дозаправки и прогрева. Пассажиры поднялись на борт. По салону сновали стюардессы, рассаживая их по местам. Моторы работали, нагоняя теплый воздух в салоны. Мегги воспользовалась случаем, чтобы умыться, причесаться, подновить косметику. Она видела, как сенатор поднимался в самолет. Она раздумывала, сменить ли ей форму на что-то более женственное, но решила, что не стоит. Это будет выглядеть расчетливым действием, а Мегги рассчитывала действия так, чтобы не выглядеть расчетливой.

Гул моторов прянутых и пассажиры стали пристегиваться. Самолет несколько раз тряхнуло, он стал плавно набирать высоту. Спустя некоторое время Мегги встала и пошла к стойке, чтобы заказать себе выпивку. Через пару минут к ней присоединился улыбающийся сенатор. Сенатор, несмотря на свой авторитет, был немногим старше сорока лет. А выглядел моложе. Он уже дважды разводился. Его избиратели в Колорадо посмеивались над его невезением в семейной жизни, но исправно переизбирали его. Он мог бы стать председателем собственного комитета, но предпочел участвовать в других комитетах, где было интереснее и где он был на виду. Когда-нибудь этот парень собирается стать президентом США, и все знали это.

— Мегги,— сказал он,— я предчувствовал, что это будет приятный полет, но только сейчас убедился в этом.

Мегги похлопала по сидению рядом с собой.

— Вы дадите мне семнадцать биллионов? — спросила она.

Ленц рассмеялся.

— Вы не теряете времени, дорогая.

— У меня нет времени. Блок Народов собирается сам наложить лапу на планету, если мы не решимся. Впрочем, они полетят в любом случае. Это гонки.

Он нахмурился, кивнул на стюардессу — маленькую, смуглую. Она была в форме Юнайтед Эрлайнс и носила ее, как сари. Когда им принесли заказ, он сказал:

— Я слышал, что ты сказала, Мегги. Это звучит неплохо. Только не знаю, стоит ли это семнадцати биллионов долларов.

— Есть еще кое-что, чего вы не имели возможности прочитать. Вы обратили внимание на ту часть, где говорится о том, какое солнце имеет эта планета?

— Не уверен.

— Оно маленькое, но расположено совсем близко. Излучает в основном низкие длинные волны. Света мало, но много тепла. И планета постоянно повернута к светилу одной стороной.

— И что?

— Энергия, сенатор. Солнечная энергия. Весьма экономично.

— Не совсем понимаю, о чем вы говорите. Значит, это солнце более горячее, чем наше?

— Нет. Но оно ближе. И самое главное, оно не движется относительно планеты. В чем основная проблема с солнечной энергией у нас? Солнце постоянно перемещается по небу. А половину суток вообще скрывается за горизонтом. А там, Гус, там же никогда не бывает ночи!

Ленц кивнул, немного выпил, ожидая продолжения.

— Там нет темноты, нет зимы. Более того, даже облака там не помеха для приема солнечной энергии.

— Разве там нет облаков? — удивился Ленц.

— Есть. Но длина волны излучения такова, что облака не могут служить экраном. Они пропускают энергию беспрепятственно. На земле мы можем использовать не более десяти процентов солнечной энергии, а там будем использовать все сто.

Ленц задумался на мгновение.

— Интересно,— сказал он и жестом показал, чтобы им наполнили бокалы.

Мегги не стала мешать ему обдумывать услышанное. Скоро он спросит, что даст эта энергия в сотне световых лет от Земли его избирателям в штате Колорадо. Она уже подготовила ответ на это, но предпочитала выждать, пока он спросит.

Но когда он спросил, вопрос застал ее врасплох.

— Мегги, что ты имеешь против этого пакистанца?

— Пакистанца? Нет, ничего.

Кажется, ты слишком серьезно относишься к соревнованию.

Но не на личном уровне, Гус. Я, конечно, не люблю пакистанцев, но с некоторыми из них у меня дружеские отношения. С одним я училась в Вест Пойнте. Ничего парень. Гладил мою форму и никогда не мозолил глаза, если чувствовал, что я не хочу его видеть.

— Понятно,— заметил Ленц.

— Да, да,— Мегги задумалась.— Так что я против Ахмеда вовсе не потому, что он пакистанец. Я против пакистанцев потому, что они на другой стороне. И ничего не могу с этим поделать. Я пустила корни в своей команде.

— В какой, Мегги? В Блоке Продовольствия? В США? Или ты имеешь в виду женщин-офицеров Армии США?

Она хихикнула.

— Всех и именно в таком порядке.

— Мегги,— серьезно сказал он.— Тебе не кажется, что мы слишком много выпили? Я не хотел бы решать серьезные вопросы в таком состоянии.

— А почему нет, Гус? Закажи еще пару порций, и мы потоворим обо всем.

Он повиновался. Пока готовили выпивку, он сказал:

— Ты хорошая девушка, Мегги. Но только немного кровожадная. Жаль, что ты училась в Вест Пойнте.

— Ты неправ, Гус. Жаль, что так мало молодых американцев идет в армию.

Он покачал головой.

— Я голосовал за то, чтобы упразднить военные академии и урезать военный бюджет.

— Я знаю и осуждаю тебя.

— Ты не права. У нас нет выбора. Мы не можем рассчитывать на войну, Мегги. Разве ты не понимаешь этого? Даже пакистанцы могут стереть нас с лица земли, не говоря уже о китайцах, турках, поляках и остальных из Блока Народов. Я не упоминаю об англичанах, саудовцах, венесуэльцах. Мы не можем победить никого. И все это знают. Они не враги...

— Они же соревнуются с нами, сенатор,— сказала капитан Миннингер, выпрямившись и тщательно подбирая слова.— Экономически. Политически. И во всех остальных отраслях жизни. Вспомните Клаузевица: война — это логическое продолжение политики. Нет, я понимаю,— быстро сказала она,— что мы не можем заходить так далеко. Мы не хотим уничтожить планету. Я знаю, о чем вы говорите. Это, как сказал один русский космонавт... как же его фамилия? А, Севастьянов. Это было сказано очень давно.— Когда я был в космосе, я видел, как мал наш мир. И я понял, как важно для всех нас научиться жить вместе. Вот так, Гус. Но научиться жить вместе не означает, что некоторые народы будут жить лучше, дру-

гие — хуже. Вот последний факт. Люди Блока Горючего поднимают цены. Люди Блока Народов требуют большей оплаты за экспортируемых рабочих, иначе их не выпустят за границу, и что мы тогда будем делать без рабочих рук? И мы сопротивляемся. А когда я сражаюсь, Гус, я сражаюсь до конца. Я сражаюсь, чтобы победить. И играю, чтобы выиграть. А сейчас я хочу выиграть Звезду Кунга. Я знаю, что на планете есть много полезного для нас. И хочу, чтобы она служила нам. Нам — это означает нашему Блоку, Соединенным Штатам, штату Техас, городу Хьюстону. И многому другому, чему я служу. И хочу, чтобы то, чему я служу, было всегда первым, преуспевающим, лучшим во всем. Я думаю, что это и есть патриотизм, сенатор. Сомневаюсь, что вы на это сможете возразить.

Он задумчиво посмотрел на нее поверх бокала, затем поднял его.

— За вас, Мегги. Вы — настоящая железная леди

Она рассмеялась.

— Ол райт,— сказала она, смягчившись.— За это я выпью. А как насчет моих денег?

Ленц выпил и поставил бокал.

— Хочешь ты этого, или нет, но все мы только часть сообщества. И предлагать мне свой проект — это не значит предлагать его всему сообществу. Мы должны сотрудничать со всеми странами Блока.

— Чепуха, Гус. Мы же платим за все!

— Да, во всяком случае, девяносто процентов.

— Почему бы нам не заплатить все и не взять в свои руки?

— Потому что,— раздельно сказал он,— потому что я не буду голосовать за это.

Мегги долго молчала, оценивая приоритеты. Затем пожала плечами.

— Пусть так,— сказала она.— Я не возражаю, если мы примем в игру несколько пешек. Канадцев, бразильцев. Может, болгар. К тому же я знакома с одной болгаркой...

И тут она остановилась. Ей пришла в голову мысль, что она все же обязана этой Нан, как там ее фамилия, но одновременно она вспомнила, что болгарка была близка с тем самым паком...

— Нет,— сказала она.— Подумав, я решила, что болгары нам ни к чему. Может, взять парочку из Советского Союза? Если мы пошлем десять человек и шесть из них будут самые чистокровные «Made in USA» — то я буду довольна.

— Хм,— Ленц задумчиво смотрел на нее. Самолет начал снижаться.— Посмотрим,— сказал он.— Что же мы будем делать этой ночью, которую Бог подарил нам, Мегги? Уже слишком поздно, чтобы усиленно думать, и слишком рано, чтобы идти спать. Хочешь посмотреть звезды просто так?

— Именно этого я и хочу,— ответила она, допила бокал и поднялась. Они прошли через салон в переднюю рубку и встали,

опершись о поручни и глядя сквозь стекло. Самолет летел над холмами Западной Вирджинии. Впереди над горизонтом плыла торжественная Венера. Немного погодя Ленц обнял ее.

— Просто проверяю,— сказал он,— насколько ты действительно железная леди.

Мегги прильнула к нему охотно. Ленц не был крупным мужчиной. Не был он и красивым, но он был теплый, мускулистый, и рука его приятно согревала. Существуют гораздо более низкие способы борьбы за голоса в сенате, чем этот, подумала она, поворачивая к нему лицо с влекущими губами...

Ленц сделал все. Полный состав Комитета одобрил проект, и через три месяца, в жаркий день Джорджии, Мегги была вызвана из отряда по телефонному звонку высшего ранга. Она не мылась уже три дня. Летние полевые маневры проводились в условиях, максимально приближенных к боевым. Она была вся потная, грязная, в глине. Мегги знала, что от нее пахнет совсем не духами. Кроме того, ее отряд готовился к штурму высоты. Так что к телефону она подошла в очень плохом настроении.

— Капитан Миннингер! — рявкнула она.— И, черт побери, позаботьтесь, чтобы вызов был действительно важным!

В ушах ее раздался смех отца.

— Это ты сама решишь,— сказал он весело.— Десять минут назад Президент подписал билль.

Мегги буквально рухнула в кресло сержанта.

— Боже, папа! Это так здорово!

Она смотрела на стены командного трейлера, не видя их, и думала, что сейчас важнее — вернуться в отряд или позвонить Дэнни Дейлхаузу.

— ...что? — она вдруг поняла, что отец продолжает говорить.

— Я сказал, что у меня для тебя есть еще новости, не вполне радостные. Это насчет твоего пака.

— Что с ним папа?

— Дело в том, что он собирался на каникулы, помнишь? Так вот, он отправился на прошлой неделе.

Пилотом был Виссарион Ильич Капелюшников. Он был низеньким, смуглым — таковы традиции космонавтики. В числе его предков имелось гораздо больше татар, чем это можно было предположить по его фамилии. Инженер экспедиции тоже был советский, но высокий, с вьющимися волосами. Его звали Петя Кривитин. Номинальным командиром экспедиции был высокий американец, Алекс Вудринг. Сейчас они все говорили одновременно. Алекс пытался рассудить двух русских. Помогала ему Гарриет Сантори, переводчица. Однако она плохо это делала, и командир никак не мог примирить двух спорящих. Капелюшников собирался опуститься на планету и начать исследования. Кривитин хотел изучить показания пробных зондов, чтобы выбрать место для посадки. Гарриет требовала

от них, чтобы они вели себя как взрослые люди. Трудность Вудринга состояла в том, что пока они не приземлятся, капитаном оставался Капелюшников, а он, Вудринг, обладал только формальной властью. И весь этот шум продолжался уже больше часа. Дэнни Дейлхауз проглотил желание вмешаться в спор. Он ослабил пристяжные ремни и посмотрел в иллюминатор. Вот она, планета. Она заполняла весь иллюминатор. До нее всего лишь сотни тысяч километров. Это уже не «вдали», а тут, «внизу». И вот они там спорят, но никто из них не знает, что участвует в его экспедиции. Ведь ничего бы не вышло, если бы он не убедил эту блондинку из армии поддержать экспедицию. Кто-то сказал ему на ухо:

— Как ты думаешь, мы когда-нибудь сядем на планету?

Дэнни обернулся. Это была Спарки Кербро, довольно приятная женщина, но после того, как они все провели девятнадцать дней в пространстве в двадцать кубических метров, им было трудно выносить друг друга.

— Планета очень оригинальная. Она не похожа ни на что.— Спарки продолжала говорить, явно стараясь быть дружелюбной.

Дейлхауз заставил себя ответить. Она ведь ни при чем, если он не выносит звука ее голоса, ее запаха. А кроме того, она действительно права. Сын Кунта в самом деле не был похож ни на одну из планет. Дэнни знал, как должны выглядеть планеты. Некоторые из них были красные и мутные, как Марс, некоторые молочно-белые, как Венера. Эта планета даже не пыталась выглядеть правильно. Но в этом была вина не планеты, а самого Кунга. Он был необычной звездой. Если бы Сын Кунга вращался вокруг земного Солнца, он выглядел бы великолепно. Он имел все краски Земли. А здесь планета не имела настоящего солнечного света. Кунг едва тлел. Он был немногим ярче, чем земная Луна. Так что Сын Кунга получал от своего светила кроваво-красный свет и отсюда, из космоса, был похож на открытую рану. Отсюда даже невозможно различить, какая сторона планеты дневная, а какая ночная. Можно только угадать переход от темного к очень темному. Кривитин заверил их, что как только они окажутся на поверхности, глаза быстро приспособятся, и они будут видеть нормально. Однако отсюда все выглядело весьма сомнительным. И ради этого, думал Дэнни, я бросил прекрасную работу в штате Мичиган.

Русский язык достиг своего крещендо в перепалке, но внезапно спор затих. Кривитин, улыбаясь так, будто столь жаркие споры были не больше, чем дружеской болтовней, занялся аппаратурой. Затем посмотрел на Дэнни и Спарки.

— Сара, дорогая,— сказал он на прекрасном английском языке.— Тебя ждут в главной каюте. Тебе тоже лучше пойти туда, Дэнниел.

— Мы будем садиться? — спросила Спарки.

— Нет, нет. Капни, наконец, понял необходимость перейти на другую орбиту.

— Дьявол! — кратко выразилась Спарки. Ее тоже одолевало страстное желание скорее оказаться на твердой почве. Дейлхауз полностью разделял ее чувства. Значит, им болтаться здесь еще день, по меньшей мере.

Да, я согласен,— сказал Кривитин.— Но Алекс хочет, чтобы вы снова попытались поймать сигналы пипов*.

Гарриет принялась жаловаться, но Дейлхауз не стал слушать. Он отстегнул ремни и достал кассеты с информацией, которые спрятал на случай перегрузок при посадке. Он включил магнитофон, вставил в ухо наушник. Послышалось шипение ленты, случайные щелчки и далекий угрюмый вой. Это были звуки, посылаемые посадочным зондом. Его задача заключалась в том, чтобы обнаружить биологические объекты и исследовать их во встроенной лаборатории. Однако микрофоны воспринимали только звуки, которые приходили снаружи. Он пожал плечами. Наконец, звуки стали громче и чище. Это был уже нейтральный аппарат-исследователь. У него имелся локатор двуокиси углерода. Как самка комара, которая ищет кровь, чтобы оплодотворить яйца, аппарат дрейфовал до тех пор, пока не обнаруживал двуокись углерода. Затем он летел по следу и находил источник. После этого аппарат кружился поблизости, засекая и передавая звуки. Но какие звуки! Иногда они были похожи на звук трубы большого оркестра, иногда — на крики ребенка, занятого азартной игрой. Дейлхауз записал частотный спектр — от единиц герц, которые человеческое ухо воспринимать не способно, до звуков, издаваемых летучей мышью. Он идентифицировал по крайней мере двадцать фонем. Это не были крики птиц. Это был язык, Дэнни в том был уверен.

Внезапно на него повеяло теплом. Дэнни потянулся к иллюминатору, где всплыл тускло-красный Кунг. Дэнни опустил темный экран, смотреть на звезду небезопасно, можно обжечь кожу. Теплота охватила его, сразу же захотелось спать.— Почему нет? — подумал он. Он выключил магнитофон, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и приготовился уснуть. Но вдруг услышал свое имя.

— Дейлхауз! Кривитин! Ди Паоло! Все на корабле! По местам!

Он стряхнул сон, пожалев, что нет под рукой чашки кофе, и пошел в рубку. Алекс Вудринг сказал:

— Тебе нужно посмотреть на это. Пипы передали еще один ответ, и Гарриет записала его на ленту.

Дейлхауз придвинулся ближе к экрану, чтобы лучше видеть. На экране было растение красного цвета необычной формы с грушеподобными плодами, свисающими с ветвей.

---

* Пипы (сокр.) — представители Блока Народов.

— Перекрути ленту, Гарриет,— нетерпеливо сказал Вудринг. Изображение на экране погасло.

Затем появилось новое изображение. Сначала Дейлхауз подумал, что он видит еще одно растение — вероятно, пустынное. Красные и желтые шары росли из чего-то, что Дейлхауз принял за губку. А затем ЭТО пошевелилось!

— Боже,— прошептал кто-то. Дейлхауз почувствовал, как комок подкатил к горлу.

— Что это?

— Кажется, похоже на белую мышь,— сказал Моррисон, биолог.

— Но что произошло?

— Произошло то,— сказал биолог с оттенком профессионального превосходства,— чего я сам еще не понимаю. Пипы передали речевое сообщение в зашифрованном виде.

— Но ведь они обещали делиться информацией,— рявкнул Дейлхауз.

— Ну, так они и делятся. Я полагаю, что Наследник Мао дал указание опубликовать отчет на сессии ЮНЕСКО. А затем, после того как копия попадет в Нью-Йорк, она будет передана нам. Но это будет не скоро. А того, что мы видели, достаточно для того, чтобы понять — это не такая гостеприимная планета, как нам хотелось бы.

Он замолчал, затем продолжал:

— Я не думаю, что то, что мы видели — то, что произошло с подопытной белой мышью,— инфекционное заболевание. Это больше похоже на аллергическое явление. Я не могу себе представить микроорганизм, так быстро приспособившийся к нашей биохимии. Я думаю, что мы так же ядовиты для них, как они для нас. Поэтому мы будем есть только свою пищу, пить свою воду.

— Значит, мы все же будем приземляться?

Капитан Капелюшников сказал по-русски:

— Да!

Он кивнул, затем пробормотал что-то переводчице, которая сказала:

— Он говорит, что мы для этого сюда и прилетели. И что мы предпримем все меры предосторожности. Посадка будет со следующей орбиты.

Дейлхауз снова прокрутил странные песни зонда-комара, но вся аппаратура для серьезных исследований была уже упакована. Теперь не было смысла снова доставать ее. Как бы убить время? Засыпая, он думал о планете. Как же назвать ее? Дитя Кунга, Сын Кунга? Клонг — Сын Кунга — так окрестил планету кто-то из американцев. Но это неудачное название.

Когда Дэнни проснулся, ему вручили тюбик с густой желеобразной массой. Нужно намазать все тело и одежду. Это должно предохранить от инфекций на первое время, пока люди еще не сориентируются. Затем он снова оделся и стал ждать.

Электронщик засекал все источники излучения на планете и наносил их на карту Солнечной системы.

Кажется, передают две станции,— прокомментировал Дейлхауз.

— Да. Я думала, что это базовый лагерь, а это поисковый отряд. Вот здесь база пипов,— она коснулась ногтем точки, расположенной на берегу большого залива.— А здесь другая станция.— Она показала на другой берег залива.— Мы знаем, что это их база. Мы фотографировали ее с орбиты. Кажется, они даже не устроились еще по-настоящему. Это импульсные кодовые сигналы научной информации, которые принимаются тахионными приемниками, а затем передаются на Землю.

— А что на другой стороне залива?

— Больше ничего. Есть стойбище каких-то антропондов. Но радио у них, конечно, нет.

Она сняла датчик с виска и протянула его Дейлхаузу.

— Послушай этот сигнал.

Дейлхауз прикрепил датчик. Звук оказался чистым, двутональным. Он повторялся снова и снова.

— Печальный звук,— сказал он.

Женщина кивнула.

— Я думаю, что это сигнал отчаяния,— сказала она.— Только на него никто не отвечает.

Давайте поговорим о Шарн-игоне. Представьте себе ласкового и веселого человека, которого любят дети, который танцует польку, читает елизаветинские стихи и знает, почему Тибальд — величайший мим из всех, когда-либо живших на Земле.

— Это и есть Шарн-игон?

Нет. Это просто аналогия. А предположим, что вас спросят: видели ли вы когда-нибудь этого человека? Вы задумаетесь, будете перебирать в памяти все встречи. Нет, скажете вы, почесав затылок, думаю, мы никогда не встречались. Предположим, что мы вам скажем: ведь вы встречались! И это было неделю назад, в понедельник. Он выехал автобусом А-37, на который вы сели. И вы опоздали на встречу с налоговым инспектором, потому что этот человек не разменял вам пятидолларовую банкноту.

Что скажите вы тогда? Возможно, вы ответите:

— Ну, конечно! Я прекрасно все это помню! Но это был совсем не тот приятный веселый человек, которого вы обрисовали. Это был водитель автобуса.

Вот так это может быть, если говорить о Шарн-игоне. Достаточно легко представить себе, что вы встречались с ним. Давайте поставим мысленный эксперимент и посмотрим, к чему он приведет. Предположим, что вы находитесь вне времени и пространства, как некий герой Уэллса. Вы смотрите на него со своего облака. Ткните пальцем в бесконечность. И вы притронетесь к планете Шарн-игона, вы откроете его для себя. Что же вы увидите? Некто попытается описать его, сказав,

что он консерватор, высоконравственный и необыкновенно честный. Другой отвергнет все ваши заявления и скажет, что Шарн-игон буквально кричит от неизлечимой душевной боли. Но может случится так, что вы при первом взгляде ахнете и отдернете палец. Вы скажете:

— Боже! Это же не человек. Это для нас чуждое существо! Оно живет на планете, расположенной в тысяче световых лет от нас. Планета вращается вокруг звезды, которую мы никогда не видели. И, кроме того, это существо ужасно! Если бы меня спросили, на что оно похоже, я бы сказал — и не погрешил бы против истины,— что оно похоже на раздавленного краба.

И, конечно, вы были бы правы.

Однако Шарн-игон считал себя иным. Во-первых, он не был просто фантазией природы. Он был личностью. У него имелись родственники. Он жил в обществе, жил по строгим законам и повиновался жизненному укладу своего общества. Он не был похож ни на одного из кринпитов — так его народ называл себя, несмотря на то, что, на взгляд человека, все они были неразличимыми. Он был Шарн-игон. Например, Шарн-игон ненавидел Празднество Приветствия Кольца — а сейчас наступило именно это время. Для него оно означает одиночество и самый худший цикл. Он ненавидел бодрый шум, наигранную веселость, фальшь, загадочные сантименты. Все магазины и бордели были заполнены народом, так как каждый старался приобрести подарок или стать беременным, но для Шарн-игона все это бесплодная суета, так как он был одинок. И если бы вы спросили его, он бы ответил, что ненавидит Празднество Приветствия Кольца. Он сказал бы, что всегда ненавидел его. По крайней мере, с тех пор, как стал зрелым. Праздник нужен молодым, вступающим в половую зрелость. Но это не полная правда. Всего лишь за цикл до этого он и его муж-жена Чи-прюитт провели весьма приятно это празднество. Но Чи-прюитт ушел. Шарн-игон послал вызов, споткнувшись о Привидение, лежащее на его пути. Ему показалось, что Привидение назвало его имя. Но это было слишком невероятно. Помедлив в нерешительности, он пробился через толпу и зашел... назовем это баром...— чтобы пропустить стаканчик-другой. Посмотрим на Шарн-игона, запутавшегося в галлюциногенных сетях, пробивающегося через толпу кринпитов.

Он был привлекательным с точки зрения соплеменников; по-мужски широк — почти два метра от обода до обода, но удивительно строен, всего сорок сантиметров в узкой части панциря. Несмотря на его хмурый вид, самцы и самки обращали на него внимание. Он был молод, обладал достаточной сексуальной потенцией и имел успех в выбранной им профессии. Впрочем, это не совсем верно, так как тут опять возникал парадокс. Профессией Шарн-игона была социальная деятельность. В этом и заключался парадокс: к таким, как он, кринпиты обращались только тогда, когда у них начинались неприятности. Кринпиты создали общество, в котором каждый зависит

друг от друга. Причем непохожее на общество технологической культуры, развившееся на Земле. Может быть, аналогию можно найти в тесных семейных кланах бушменов или эскимосов. Там жизнь племени зависела от каждого его члена. Так что Шарн-игон мог считать себя счастливым и успешно делающим свое дело. Праздник Кольца всегда приносил ему урожай ущербных личностей, уделом которых становилось одиночество среди всеобщего ликования. Во время праздников Шарн-игон всегда был занят больше, чем обычно.

Посмотрите внимательно на Шарн-игона с точки зрения своего облика. Он наверняка может показаться вам странным, даже отвратительным. Его могучий панцирь был усыпан чем-то похожим на хитиновые крылышки. Некоторые из них были в несколько сантиметров высотой, другие меньше. И между ними бегали мелкие насекомые, похожие на вшей. Но это вовсе не вши. И даже не паразиты, если, конечно, забыть о том, что каждый детеныш по сути паразит для своей матери. А это и есть малыши, детеныши. Шарн-игон был не единственным кринпитом в баре, вступившим в пору воспроизводства рода. Из сотни кринпитов в баре у каждого восьмого из десяти по панцирю бегали детеныши. Иногда кто-нибудь из этих суетящихся малышей падал вниз или перелезал на панцирь другого кринпита; когда они соприкасались, начиналась возня. Ведь если он не попадал обратно, то погибал. Панцирь Шарн-игона по окружности крепился к телу с помощью подвижных хитиновых пластин, которые находились в постоянном движении — то сжимались, то расширялись, как меха аккордеона.

Он прошел по натоптанному грязному полу на своих суставчатых ногах. Их было не менее десятка. Приняв три быстрых и почувствовав себя лучше, он покинул бар и пошел, не торопясь, по дороге. Ничего определенного у него в голове не было. По сторонам дороги тянулось то, что вы могли бы принять за японские ширмы. Они не были украшены ничем, но, соединенные между собой, тянулись вдоль дороги. Ширмы скрывали дома и коммерческие здания. Некоторые из них, подобно бару, заполнены кринпитами, другие почти пустые. Ширмы тоже покрыты маленькими крылышкоподобными выступами, но это единственное их украшение. Можно было сразу заметить, что ширмы даже не покрашены. Кринпиты не знали, что такое краски, живя в тусклом багровом свете звезды Кунга. Так что, даже если бы ширмы были покрашены, этого невозможно было бы заметить в таком свете. Вот так бы вы увидели все своими глазами землянина. Но каким представлялось это взгляду кринпита? Бессмысленно спрашивать, потому что у кринпитов не было глаз. На их панцирях имелись светочувствительные элементы, но никакого хрусталика, никакой радужной оболочки, ни мозаики чувствительных клеток, которые могли бы анализировать изображение и переводить его в информацию

Но и в темноте жизнь кипела. Здесь было очень шумно. Каждый кринпит постоянно произносил одно имя — разумеется, имя не в том смысле, который мы имеем в виду, когда говорим, что имя жены Рузвельта — Элеонора. Здесь имя было тем звуком, который присущ каждому индивиду общества. Это звук, который вел их постоянно, чем-то прощупывая пространство вокруг кринпита. Этот звук возвращался к тому, кто его послал, и приносил информацию чувствительному мозгу. Звуки, импульсы, которые кринпиты посылали вперед, и были их именами. Все звуки отличались между собой, характеризуя каждого отдельного индивида. Слуховой аппарат кринпита располагался на нижней поверхности живота и представлял собой туго натянутую барабанную перепонку. Перепонка крепилась к животу связками и с ее помощью можно было производить различные звуки, барабаня коленями по перепонке и изменяя ее натяжение в разных местах. Так что идущий кринпит всегда звучал во время ходьбы. Они не могли ходить тихо. Причем это не были случайные звуки. Все они четко звучали и контролировались. Все они составляли язык, очень сложный для понимания. Самыми простейшими звуками были имена кринпитов. Эти звуки определялись чисто физическими параметрами тела. Но кринпиты могли производить и другие звуки в частотном диапазоне их слуха. В этом их «голоса» были схожи с человеческими. И куда бы ни шел Шарн-игон, он испускал этот звук: Шарн — резкий усеченный звук с легким шипением, игон — дробное стаккато, опускающееся на тон ниже. Все кринпиты издавали присущие им звуки и никогда не издавали другие, если обращались не к соплеменникам. Но звуки исходили не только от кринпитов. Все вокруг них излучало звучание. Каждое строение было снабжено приводимой в движение ветром шумовой машиной. Это трещотки, трубы, колокольчики, струны — все они предназначались для того, чтобы давать определенные шумовые сигналы, благодаря которым кринпиты могли ориентироваться в пространстве.

Так что человеческому взгляду Шарн-игон представился бы неуклюжим крабом, ковыляющим среди скопища себе подобных в полутьме багрового света и в какофонии звуков, доносящихся со всех сторон. Но для Шарн-игона все представлялось совсем по-другому. Он бесцельно шел по хорошо знакомой улице. Улица тоже имела название, и оно переводилось, достаточно близко к оригиналу, как Большой Белый Путь. На перекрестке Шарн-игон вступил в беседу со знакомым.

— Ты не знаешь, где находится Чи-прюитт?

— Нет. Справка: статистически возможно, что он сейчас на берегу озера в деревне.

— Почему?

— Некоторые там заболели. Много любопытных. Рассказывают об Аномальных Привидениях.

Шарн-игон поблагодарил за сведения и повернул к озеру. Он вспомнил, что возле резиденции Чи-прюитта некоторое время

назад видели Привидение. И оно было аномальным. Обычно существует два вида Привидений. Верхние Привидения привычные и легко видимые — они производили очень много шума. Однако они не отражали звуковых сигналов кринпитов. Если их удавалось схватить, они служили хорошей пищей. Нижние Привидения почти невидимы. Они редко издавали звуки и отражали очень мало звуковых сигналов кринпитов. Их обнаруживали в основном тогда, когда их подземные ходы наносили повреждения строениям кринпитов. Они тоже отлично шли в пищу и кринпиты с удовольствием охотились на них, особенно если удавалось обнаружить гнездо с детенышами. Шарн-игон спустился к Рыбному Рынку и пошел вдоль берега озера. На фоне мягко перекатывавшихся волн залива Шарн-игон чувствовал нечто, почти невидимое. Хотя кринпиты редко использовали металлы, Шарн-игон сразу почувствовал яркость одного из них. Однако этот яркий металл плавал над чем-то мягким и неметаллическим, почти не отвечающим эхом на его сигналы. И все же яркая часть объекта не только ослепительно отражала сигналы Шарн-игона, но и генерировала собственные звуки слабого высокого тона, слегка напоминающие журчание песка при ветре. Шарн-игон не смог идентифицировать эти звуки. И не удивительно: он никогда не видел ни телекамеру, ни радиопередатчик. Он остановил одного из кринпитов, который в раздражении покидал группу соплеменников, и спросил его, что случилось.

— Некоторые кринпиты попытались съесть Привидение. Им стало плохо.

— Это Привидение нанесло им вред?

— Нет. Им стало плохо после еды. Одно Привидение еще там. Есть не советую.

Шарн-игон внимательно прислушался к странным звукам.

— Ты тоже ел Привидение?

— Совсем немного, Шарн-игон. Мне тоже плохо.

Шарн-игон потер нижнюю челюсть и пошел дальше, беспокоясь о Чи-прюитте. Он не слышал его в толпе, но шум вокруг был слишком сильным. По меньшей мере две сотни кринпитов собрались тут. Они ползали по песку, карабкались и соскальзывали с панцирей соседей. Все они копошились возле кровавой массы, которая некогда была Привидением. Шарн-игон остановился и нерешительно прозондировал звуком окружающее пространство. И вдруг откуда-то сзади он услышал свое имя, плохо произнесенное, но достаточно различимое: Шарн-игон. Он повернулся и тут же обнаружил источник звука. Привидение. Это оно произносило его имя. Шарн-игон осторожно приблизился к нему. Ему не нравился запах, приглушенный смягченный звук. Но им двигало любопытство. Во-первых, его имя, Шарн-игон. И тут же еще что-то. Другое имя? Это, конечно, не имя кринпита, но что? Привидение все время повторяло этот звук.

...На другом берегу залива Культурной Революции, в пятнадцати километрах отсюда, Фенг Хуа-цзе пополоскал корзины в пурпурной воде и понес их к куполообразному строению, которое было основной базой Блока Народов. Отсюда, с берега, невозможно увидеть приземлившийся корабль. Прозрачные купола скрывали его. Через прозрачную стену ближайшего купола — стена могла быть сделана непрозрачной, но группа решила, что экономия энергии более важна для них, чем имитация обстановки в помещениях,— Фенг смог различить двух женщин, работавших в помещении для больных. Они занимались этим потому, что в противном случае сами бы лежали в постелях. Женщины едва передвигались, но еще могли позаботиться о больных и о себе. Фенг поставил корзины в помещение, сожалея об оставленном драгоценном иле. Однако это было его собственное решение: не использовать ил для удобрений их маленького сада. По крайней мере, до тех пор, пока они не узнают, что убило одного члена экспедиции и от чего заболели еще четверо. Почти половина действующих членов экспедиции была выведена из строя. Фенг не хотел рисковать. Жаль, что их биолог тоже заболел — сейчас его знания были бы очень полезны. Но Фенг сам в молодости изучал биологию и сейчас проводил эксперименты с животными, посылая отчеты в Пекин, и четыре раза в день осматривал больных. Он задержался в радиорубке. Видеоэкран, отслеживавший путь небольшого отряда, который должен был пересечь залив, показал все ту же монотонную картину. Очевидно, камера была оставлена на корабле, который сейчас, видимо, дрейфовал в медленном течении, поэтому на экране лишь изредка появлялась полоска берега на расстоянии примерно в четверть километра. Порой можно было рассмотреть двигающихся на берегу антропоидов и их приземистые здания. Но Фенг не видел ни Ахмеда Дуллу, ни костариканца, который ушел с ним.

Возле купола с аппаратурой связи два вестиндийца лениво нагружали почву в плетеные корзины. Фенг резко прикрикнул на них, и они сразу зашевелились веселей. Они тоже больны, но еще не ясно, той ли болезнью, что и остальные. Фенг с завистью подумал, что вестиндийцы чувствуют себя как дома. Жара и влажность такие же, как в их родных джунглях. Но хуже всего здесь дело обстояло со светом. Вечный багровый полумрак — никогда не освещается по-настоящему и никогда нет полной темноты. Фенга постоянно мучили головные боли — с самого первого дня их пребывания здесь. Он объяснял это напряжением зрения. Но, по крайней мере, он не ел ничего, что росло на этой планете. Ему повезло, а может, он просто мудрее, чем те четверо, которые заболели, и один, что умер, не говоря уже о бесчисленных крысах и морских свинках, с которыми проводились эксперименты. Фенг выругался. Почему он позволил этому длинноносому дикарю с гор Дулле уговорить его разделить отряд? Правда, это про-

изошло до того, как заболели пятеро. Но все равно, это была ошибка. Феng подумал, что когда он вернется в Чензи, у него будет достаточно времени для раскаяния. Если он вернется.

Он набрал две корзины ила, поднял их на коромысле и пошел осматривать дамбу. Это его самая большая надежда. Когда дамба будет построена, у них окажется достаточно электроэнергии для ультрафиолетовых ламп. И тогда эти скудные ростки земных растений дадут хороший урожай. Если все-таки почва здесь плодородная. Феng с удовлетворением взял землю, потер ее между пальцев, даже понюхал. Очень плодородная почва. Единственно, чего здесь не хватает, это солнечного света. А когда будет построена дамба, электричества хватит на всех. Феng подумал, что они здесь получат урожаи, которым позавидует любое хозяйство в провинции Чанси. Когда он возвращался, пошел дождь. Крупные ленивые капли падали на спину Фенга, впитываемые хлопчатобумажной курткой. Это хорошо, что здесь много воды. Феng подумал, что дождь прибивает к земле летучие споры здешних растений. Это тоже хорошо. Может, именно споры — причина болезней людей. Даже сквозь облака Феng ощущал тепло Кунга. Звезды на небе видно не было, но ее свет придавал зловещий вид облакам, висящим над далеким серым городом. И так будет до тех пор, пока движение воздушных масс не унесет облака, и тогда на небе снова появится этот тлеющий раскаленный уголь — звезда Кунг. Феng направился по лесной тропе к лагерю. Он решил проверить ловушки. Попались два многоногих существа, похожие на земноводных рыб. Одно из них погибло, второе пожирало его. Феng оглушил добычу, но освобождать ловушку не стал. У них сейчас нет людей, чтобы заниматься животными. Три ловушки были спущены, но пусты. Одну кто-то утащил. Феng раздраженно выругался. Все-таки они очень мало знают о фауне планеты и, в частности, этого леса. Например, кто украл ловушку? Большинство здешних существ, которых они встречали, похожи на жуков или ракообразных. И ни одно из них не больше ладони человека. Но ясно, что существовали и более крупные существа. Разумные обитатели селения на берегу залива — доказательство тому. Они размером с человека. Но дикие никогда людям не попадались. А в этом лесу наверняка кто-то живет. Иногда их можно услышать, даже увидеть неясные тени, но ни разу еще не удалось поймать ни одного обитателя леса или просто сфотографировать его. Как же они могут выглядеть? Волчьи клыки, кошачьи когти, клешни краба?.. Феng перестал думать об этом — такие мысли ни к чему не приведут. Во всяком случае, нет сомнения, что местная фауна тоже считает людей несъедобными, как и люди считают несъедобными местных животных. Впрочем, может, еще не все лесные обитатели поняли это. Вообще похоже на то, что люди ничего не могут есть на этой планете. Вся природа не похожа ни на что земное. И все же Феng добьется, чтобы поля

планеты давали урожай! Вдруг он услышал свое имя. Он быстро повернулся и пошел к лагерю. Возле берега сквозь редкие кусты увидел одного из членов экспедиции, который возбужденно размахивал руками. Фенг подбежал к нему, едва дыша:

— Что? Что? — спрашивал он.

— Радиосообщение от Длинноносого. Это сигнал опасности, Хуа-цзе!

— Черт! И что он сказал?

— Он ничего не сказал. Это был автоматический аварийный сигнал. Я попытался вызвать его, но безуспешно.

— О,— Фенг нервно стиснул руки. Еще одна угроза коммуне. Два члена экспедиции в опасности, может, даже погибли. И все из-за того, что он по глупости позволил разделить силы. Две ничтожных личности, конечно,-- горец и испанец, но тоже люди. Их гибель может вызвать серьезные трудности. И пропали не только люди. Одна из трех телекамер. Радиопередатчик. Драгоценный пластик, из которого сделана их лодка. Это невосполнимые потери. Пришлось истратить много пластика, чтобы соорудить лазарет для больных. Это тоже глупость. Вполне можно было сделать барак из бревен и жердей, нарубив их в лесу. В этом климате такого убежища вполне достаточно. Почему он позволил израсходовать пластик, а не воспользовался тем, что предлагает природа? Можно ли построить новую лодку? Пожалуй, пластика хватило бы на корпус. Но если сделать лодку, кого послать на ней? Сначала их было одиннадцать. Один умер, два пропали, четверо больных. Не будет ли еще большей глупостью, если он снова разделит силы, чтобы исправить то, к чему привела его первая глупость? И кто может поручиться, что с теми, кто отправится на лодке, не случится то же, что произошло с горцем и испанцем?

— Мы идем, Хуа-цзе?

Он оторвался от своих размышлений.

— Что?

— Мы попытаемся помочь нашим товарищам?

Фенг стиснул руки.

— Как? — спросил он.

На планете, где нет ночей, дни бесконечны, размышлял Дейлхауз, углубившись на метр в клонгскую почву. Он рыл землю уже часов восемь. Хотя кучка грунта у края ямы была небольшой, Дейлхауз подумал, что он летел сюда вовсе не для того, чтобы копать отхожее место. Но его нужно выкопать, и из всех членов экспедиции он самый подходящий для этой работы. Они были на планете всего три дня — старые привычки отсчета времени умирали с трудом. И этого оказалось вполне достаточно, чтобы улеглись первые восторги. Участники экспедиции уже познали и неприятную работу, и скуку. А в первые часы после приземления, когда раскинули первый тент, на них

обрушился шторм, сорвавший палатку. Другим их «развлечением» стало всеобщее расстройство желудков, после которого строительство нужника стало жизненно необходимым. И что хуже всего, оказалось, что на планете есть недружелюбные к ним существа. Капелюшников отчаянно ругался по-русски, докладывая, что уже третий запущенный им зонд исчез с орбиты. Все это означало, что приключения с земли перенеслись и на Клонг. Внезапно его лопата ушла в пустоту. Дэнни потерял равновесие и упал в яму, лицом прямо в раскрывшуюся пустоту. Оттуда исходил тяжелый влажный запах. Ему тотчас пришли в голову замурованные подвалы с глухими камерами, и он услышал быстрые легкие шорохи. Змеи? Он содрогнулся при этой мысли и, как пружина, выскочил из ямы. То был самый настоящий земной страх, неуместный на Клонге. Вряд ли там нечто большее, чем гнездо крыс. Дэнни закричал:

— Моррисей!

Биолог находился в нескольких метрах от него. Он занимался посадкой растений, завернутый в пластиковые конверты.

— В чем дело?

— Я наткнулся на подземный ход. Хочешь взглянуть?

Моррисей взглянул на саженцы, на яму Дейлхауза и сказал:

— Конечно, но сначала я закончу посадку. Не копай больше, подожди меня.

Это был приятный приказ. Дэнни исполнил его с благодарностью. Он уже привык подчиняться, к тому времени, когда ему поручили копать нужник, он стал подручным для любого более ценного члена экспедиции, которому требовались рабочие руки. Гарриет он помогал устанавливать радио, Моррисею — таскать саженцы и удобрения, Кербо — разыскивать томаты в банках и кухонную утварь, раскиданную штормом. В общем — любому. Уже дважды приходилось опорожнять химический туалет на корабле, которым они пользовались, в мелкие ямы — он же и копал их где-нибудь в окрестностях лагеря. Никто не хотел ждать, пока он завершит устройство нужника. Более того, все они даже мешали ему закончить его, отвлекая. Это было неприятно. Но все же он на Сыне Кунга! Дэнни вдыхал запахи Клонга, похожие и одновременно не похожие ни на что земное. Видел ландшафт планеты — пока немного, но он еще осмотрит все. А сейчас он был именно тем, чем должен стать в компании специалистов. Он не был ни поваром, ни фермером, ни врачом, ни радиоспециалистом. И не обладал ни одним из полезных навыков, какими обладали остальные. Сейчас в экспедиции он был без дела и так будет до того момента, когда они вступят, наконец, в контакт с разумными существами и он сможет применить свои знания, ради которых его и взяли. Ну, а пока он был на подхвате. Русский пилот позвал его:

— Эй, Дэнни, я принес тебе попить. Возмести свой пот!

— С удовольствием,— Дэнни заметил, что Каппи поднял

стакан, в котором было на сантиметр воды. Русский широко улыбался. Дейлхауз жадно проглотил воду, вытер губы, затем влажный лоб. Капелюшников прав насчет пота. В этом жарком влажном климате они все буквально обливались. Пилот только что закончил монтаж дистиллятора. Он пока работал от паяльной лампы. Позже его перенесут на берег озера и он будет питаться солнечной энергией. Но сейчас он необходим здесь, экспедиция нуждалась в питьевой воде.

— Хорошо, да? — спросил Капелюшников.— Суди так: тебе стало лучше, значит, ты выпил не яд. О'кей! Тогда пойдем, принесем выпить Гаше.

Переводчица взяла на себя обязанности руководителя при установке лагеря, и никто ей не возразил. Половину своего времени она проводила на радиостанции, ища связь, другую половину раздавала задания и контролировала их выполнение. Может, она правильно поступила, подумал Дейлхауз, она самый упрямый человек в экспедиции, и никто не хочет спорить с ней. К тому же внешне она очень непривлекательна. Однако она с благодарностью приняла воду.

— Спасибо, что смонтировали дистиллятор. И, конечно, за нужник, Дэнни. А теперь, если вы оба...

— Я еще не закончил,— поправил ее Дэнни.— Джим сначала хочет посмотреть лаз. Есть что-то новенькое по радио?

Гарриет улыбнулась поджатыми губами.

— Мы получили радиограмму от пипов.

— О том парне, который пропал?

— Нет. Взгляните,— она подала им пленку с факсимиле и прочитала наизусть:

— «Народная Республика протягивает руку дружбы второй экспедиции, прибывшей на Дитя Кунга. Благодаря мирному сотрудничеству мы достигнем блистательных результатов на пользу всему человечеству. Приглашаем вас на празднование 1500-летия трудов Конфуция, в честь которого названа наша звезда».

Дейлхауз был поражен:

— Ведь это один из зимних праздников, верно?

— Ты прекрасно информирован, Дэнни. Этот праздник в декабре. Это поистине ответ Конфуция Ханнуке.

Дэнни нахмурился, соображая.

— Но ведь сейчас у нас октябрь!

— Молодец, Дэнни. Так как же ты истолкуешь их предложение?

— Не знаю. Что-нибудь вроде того, что они просят не соваться к ним пару месяцев.

— Видимо, так. Впрочем, нельзя сказать, что они недружелюбно отнеслись к нам,— сказала Гарриет, рассматривая пленку.— Обратите внимание, они называют имя Конфуция в латинском произношении, а не Кунг Фу-цзе, как он произносится по-китайски. Уже одно это говорит о почтительном к нам отношении. Но...— она нахмурилась, глядя на ленту. Глаза

ее были слегка выпучены, как у кролика, так как она носила толстые контактные линзы.— Но с другой стороны, они не преминули упомянуть, что мы вторая экспедиция.

— Подчеркнув то, что они первые. Но какая разница? Пусть даже они и первые. Согласно международным положениям, они не могут выдвинуть территориальные претензии ни на что, кроме области с радиусом в пятьдесят километров вокруг своей основной базы.

— Но они намекают на то, что могут объявить часть планеты своей собственностью.

Каппи надоели эти разговоры.

А от Ойли нет любовных писем?

Нюка ничего. Теперь насчет нужника...

Минутку, Гарриет. А что с тем паком, который попал в беду?

— Он все еще в опасности. Хочешь послушать последнюю ленту? — Не ожидая ответа, она включила плейер, зарядив в него кассету. Это был автоматический сигнал о помощи — каждые тридцать секунд закодированный СОС, затем пять секунд для пеленгования. Между сигналами, когда микрофон был включен, слышались окружающие звуки.

Все шумы я обрезала. Вот голос человека.

Ни Дейлхауз, ни Капелюшников не знали урду.

— Что он говорит? — спросил пилот.

— Просит помощи. Но он в плохом состоянии. Почти все время молчит и стонет.

Из плейера доносились звуки, как будто передавали концерт оркестра народных инструментов аборигенов Австралии.

— Что это, черт побери? — спросил Дейлхауз.

— Это,— сказала она,— тоже язык. Я работала над ним и могу определить несколько ключевых моментов. У них какие-то неприятности, но я не уверена, какие именно.

— Во всяком случае, им легче, чем паку,— хмыкнул Капелюшников. — Идем, Дэнни, надо работать.

Да, этот нужник...

— Нет, не нужник! Есть более важные вещи, чем дерьмо, Гаша.

Она молчала, глядя на пилота. Он был почти также бесполезен сейчас, как и Дейлхауз. Может быть, даже больше. Когда появятся первые контакты, понадобится и искусство Дэнни. Во всяком случае, они все надеялись, что вступят в контакт с разумной жизнью. А искусство пилота — это управление космическим кораблем, автомобилем, может, даже лодкой. На Кунге нет ничего подобного. Но у пилота было то, чего не хватало Дейлхаузу, — инициатива.

— Дорогая Гаша,— сказал он.— Теперь у нас есть вода. Из нее можно получить водород и сделать летательный аппарат.

— Ты хочешь летать с помощью водорода?

— Ты поняла меня, Гаша,— проснял русский. Он показал наверх.— Как они.

Дэнни посмотрел вверх, затем бросился в палатку за биноклем. Вот они, носимые ветром существа, высоко, почти под облаками. Они были довольно далеко, в двух километрах от них, и услышать их песни невозможно, но в бинокль Дэнни видел их достаточно ясно. В пурпурном небе виднелись их шары, ярко-зеленые и желтые. Да, это было зрелище. Некоторые светились сами, как светлячки. Их люминесцирующие шары были диаметром до пяти метров.

— Черт побери, Каппи,— спросил он,— ты полагаешь, что тоже можешь так летать?

— С легкостью, Дэнни. Нужно только сделать баллон и нагнать в него водород. Тогда можно летать.

— Ты молодец, Каппи,— торжественно заявил Дейлхауз.— Говори, что надо делать, и я сделаю. О, что это?

Стая шаров разнеслась в стороны и в открытом пространстве появилась точка, испускающая вспышки света. Затем до них донесся шум мотора.

— Это же вертолет! — изумленно воскликнул Дэнни.

Пилотом вертолета оказался низенький иранец. И не просто иранец, а репатриировавшийся в Англию уроженец Хьюстона, штат Техас. Они с Моррисеем выяснили это моментально.

— Помнишь Бисмарк?

— А ты был когда-нибудь в Ля Карафе? Я там жил.

Когда все собрались, пилот сказал:

— Рад встретиться с вами. Меня зовут Терри Войн, я принес вам официальное приветствие от нашей экспедиции, экспедиции Блока стран-экспортеров горючего. Вы выбрали прекрасное место для лагеря,— сказал он, оглядевшись вокруг,— мы же опустились прямо на полосе тепла. Здесь прохладный ветерок, и вы себе не представляете, как мы поджариваемся.

— Почему же вы сели там? — спросил Моррисей.

— О, мы делаем то, что нам велят хозяева. Разве у вас не так? Сегодня мне было приказано прилететь к вам и передать добрососедское приглашение.

Разумеется, в разговор вступила Гарриет.

— От имени стран-экспортеров продовольствия мы принимаем ваше приветствие и...

— Пожалуйста, не надо так официально, Гаша,— взмолился Капелюшников.— Но мы не единственная колония на Клонге, Терри Войн.

— Что такое Клонг?

— Так мы называем планету.

— Хм, Клонг. Нам приказано называть ее Джем — сокращенное от Джеминорум. Бог знает, как называют планету пипы.

— Вы собираетесь посетить их?

Войн кашлянул.

— Вообще-то намерены, но не знаю, насколько это реально. Вы прослушиваете их радиообмен?

— Конечно. И ваш тоже.

— Значит, вы слышали их сигналы бедствия. Бедняга попал в лапы к этим тварям, которых наш переводчик называет крипшитами. Вернее, они себя так называют. Мы предложили помощь пипам, но они, мягко говоря, послали нас подальше.

Моррисей посмотрел на Гарриет Их транслятор узнал больше, чем она. Биолог сказал:

— У нас с ними такие же отношения. Они сказали, что не желают видеть нас на их территории. Конечно, у них нет прав на такое заявление...

— Но вы не хотите начинать здесь международный конфликт,— закончил, кивнув, Терри.— Ну что ж, с точки зрения гуманности...— Он кашлянул и с благодарностью выпил стакан воды, который поднес ему Моррисей.— Ладно, будем честными. Из любопытства мы хотим посмотреть, что же здесь происходит, а из соображений гуманности решили помочь этому парню выбраться. Пипы, очевидно, не могут помочь ему. Понятно, почему они не хотят, чтобы мы вмешивались в это дело: не хотят, чтобы мы увидели, насколько они слабы. Нам тоже трудно... — он деликатно кашлянул,— но ясно, что нам на вертолете легче добраться до парня, чем вам снарядить пешую экспедицию. Мы охотно полетим на помощь. Но не одни. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Да,— фыркнула Гарриет.— Вы хотите, чтобы кто-то разделил с вами вину.

— Мы хотим выполнить интерблочную миссию спасения,— поправил ее Войн.— Я лечу спасать парня прямо сейчас. Но я хочу, чтобы со мной полетел кто-то из вас.

Восемь из десяти членов экспедиции сразу вызвались, но Капелюшников закричал: — Лечу я! — заглушив всех.

Гарриет посмотрела на остальных и сказала:

— Хорошо, иди, если хочешь. Хотя у нас мало людей, а работы много...

Дэнни Дейлхауз прервал ее на полуслове.

— Верно, Гарриет! Поэтому должен лететь я. Я мало что могу сделать сейчас здесь...

— Нет, Дэнни! Полечу я. Я — пилот.

— Прости, Каппи,— мягко сказал Дэнни.— Мистер Войн тоже пилот, а кроме того, у тебя есть дело — воздушный шар. Сделай его к моему возвращению. А во-вторых, это мое дело — контакт с разумными существами, разве не так? Я...— Он не ожидал возражений.— Кроме того, я знаю этого парня, который попал в беду. Это Ахмед Дулла. Нас обоих задержали полицейские в Болгарии два месяца назад.

Пилот увеличил обороты двигателя, и вертолет плавно поднялся в воздух. Дэнни развалился в кресле, восхищаясь щедростью, с которой Блок экспорта горючего растрачивал

свои богатства. Он даже не мог себе представить, как переправить вертолет весом в четыре тонны с Земли сюда.

— Ты не страдаешь воздушной болезнью? — крикнул Войн. Дэнни покачал головой, пилот ухмыльнулся и прибавил скорость.

К разочарованию Дэнни, стая воздушных шаров рассеялась, но в воздухе были и другие существа, которые, однако, старались держаться подальше от вертолета. Дэнни не мог рассмотреть их и подозревал, что существа действуют вполне сознательно, стараясь, чтобы их не было видно. Но внизу! Дэнни с наслаждением разглядывал диковинные ландшафты, проносящиеся совсем близко под ними. Ведь вертолет летел на высоте всего пятидесяти метров. Густые заросли лесов с деревьями, напоминающими многие земные и достигающими тридцати метров, мелкие животные, которые бросались врассыпную при их приближении, ища убежища. Камни, вода, почва — все окрашено немигающим зловещим багровым светом. Дейлхауз, конечно, изучал карту Клонга, но снимки, полученные с орбиты, не отражали и сотой доли того, что можно было увидеть глазами. Позади он увидел свой лагерь, расположенный на узком перешейке, отделяющем залив от моря или озера. Само море или озеро имело форму лимонной дольки и в свете Кунга казалось почти такого же цвета. Дальше по берегу располагался лагерь липов. А если глянуть в другую сторону, по направлению к экватору, где было сухо и жарко, можно увидеть лагерь гризи — представителей Блока экспортеров горючего. Однако сейчас не было видно ни того, ни другого лагеря. Вертолет летел над водой. Войн показал и Дейлхауз кивнул. Он видел, как постепенно вырисовывалась через багровый полумрак на дальнем берегу их цель.

Дейлхауз понял, что Войн был честен не до конца. Он не сказал, что это не первый полет к кринпитам. По крайней мере дважды он сюда уже летал. Об этом говорили снимки. Войн вытащил из ящика целую пачку в целлофановом пакете, быстро просмотрел их и протянул верхний Дейлхаузу.

— На берегу! — прокричал он.

Пальцем он указал на маленькую фигурку в нескольких метрах от воды. Рядом находился пластиковый челнок. А вокруг него сгрудились неприятные на вид существа, напоминающие крабов. Кринпиты. Некоторые из них были совсем близко от человека.

— Он еще жив? — спросил Дэнни.

— Не знаю. Он здесь уже несколько дней. Видимо, с водой у него все в порядке, но он, вероятно, очень голоден. И болен.

С воздуха деревня кринпитов была похожа на скотный двор. Строения без крыш напоминали загоны для скота. Кринпитов было довольно много, и двигались они на удивление быстро. И все явно почувствовали приближение вертолета. Некоторые подняли вверх безволосые лица, другие быстро поползли к берегу.

— Довольно противные на вид,— крикнул Войн.

— Послушай,— сказал Дэнни.— А как мы заберем отсюда Дуллу? Они не кажутся мне безобидными.

Да,— Войн опустил стекло в иллюминаторе и вошел в вираж. Покачал головой, затем спросил: — Это твой знакомый?

Фигура человека передвинулась, если сравнить с последней фотографией. Человек лежал лицом вниз. Невозможно было сказать, жив он или нет.

Войн задумчиво нахмурился, затем повернулся к Дейлхаузу.

Открой ящик у тебя под ногами и дай мне пару этих штук.

«Штуками» оказались металлические цилиндры с проволочными петлями на конце. Войн взял их с полдесятка, вынул петли и бросил в скопления кринпитов. При ударе из цилиндров повалил густой желтый дым, образовавший плотное облако. Кринпиты, как ошпаренные, выскакивали из облака.

Слезоточивый газ,— ухмыльнулся Войн,— им он очень не нравится. Он смотрел вниз. Почти все, кто окружал лежащего, разбежались. Все, кроме одного...

Этот, видимо, был в нерешительности, однако не отходил от человека. Он явно мучился нерешительностью, дергаясь взад и вперед, как бы не зная, бежать ему, или остаться... и сражаться.

— Что делать с этим сукиным сыном? — поинтересовался Войн. Но в это время кринпит быстро заковылял прочь, и Войн принял решение. Он опустил машину между кринпитом и пакистанцем.

— Хватай его, Дэнни! — крикнул он.

Дэнни выскочил на землю. Он подхватил пакистанца с большим трудом, чем ожидал. Хотя тот весил всего килограммов пятьдесят, но был как будто без костей, совершенно резиновый. Дэнни втащил его в кабину вертолета, и все это время Войн отчаянно ругался. Взревели моторы, аппарат стал подниматься, но тут они услышали скрежещущие звуки. Взрослый кринпит весом в две сотни киллограммов взгромоздился на правую плоскость. Войн выругался и налег на ручку управления. Вертолет накренился, как будто пытаясь опрокинуться, затем выпрямился и полетел.

Что будем делать, Войн? — крикнул Дэнни, стараясь втащить ноги пакистанца в кабину, чтобы закрыть дверь.— Ты не можешь просто сбросить его?

— Конечно, не могу,— Войн с беспокойством смотрел на когтистые ноги, пытающиеся продырявить пластик, чтобы добраться до него, затем повел машину домой.— Я всегда хотел иметь домашнее животное. Посмотрим, довезу ли я до дома это чудовище!

...К тому времени, когда он вернулся в свой лагерь, Дэнни полностью выбился из сил. Его переполняли одновременно и

удивление, и беспокойство. Он сделал краткое сообщение членам экспедиции и погрузился в глубокий сон. Ночь была весьма условным понятием на Клонге. Когда он проснулся, небо было таким же, как всегда — облака и багровый диск Кунга на небе. Снова началась обычная работа. Капелюшников и кто-то другой немного поработали за него, поэтому Дэнни пришлось копать чуть больше часа, да и то в основном он подравнивал стены. Дэнни с благодарностью подумал о своем помощнике.

После спасения пакистанца Войн полетел на свою базу. Он даже не спросил, жив ли Дулла, так как все его внимание было поглощено мощной фигурой, которая шевелилась почти рядом с его левым ухом. Он заранее предупредил членов своей экспедиции, и гризи приготовили сеть. Они спеленали кринпита так быстро, что тот даже не успел понять, что произошло. Затем быстро поели, сделали Дулле упрепляющие уколы, ввели в вену глюкозу. После этого покинули раскаленную пустыню и полетели в лагерь пипов. Там они оставили больного, выслушали пренебрежительную благодарность китайца, и Войн отвез Дэнни домой. Все путешествие заняло пять часов. И все это время беспокойство владело им. Это беспокойство было связано с кринпитом. Несомненно, он — существо разумное. Если даже забыть об их домах и строениях. Это доказывали его методичные попытки пробраться в вертолет и прекращение попыток, когда кринпит понял, что пластик слишком крепок для него. Кринпит почти не сопротивлялся, когда гризи накинули на него сеть и позволил отволочь себя в стальную клетку. Только когда дверь захлопнулась, он методично освободил от сети свои конечности. Дейлхауз провел много времени, наблюдая за ним и стараясь понять смысл его звуков. Однако эти звуки оставались для него только шумом, хотя он был уверен, что это язык.

Сам лагерь гризи поразил его. Стальные балки! Вертолет! Разное оборудование. Сколько же нужно сжечь драгоценного топлива, чтобы доставить все это с Земли? У них есть даже кондиционеры! Впрочем, без кондиционеров здесь просто не выжить, температура поверхности тут доходила до сорока градусов. Но никто же не заставлял их устраивать лагерь в таком пекле! И по контрасту с этим — лагерь пипов. Старый китаец сделал хорошую мину при плохой игре, хотя ясно, что прибытие больного поставило перед ним проблему — за ним некому ухаживать. Он с гордостью дал понять визитерам, что в пути еще одна экспедиция, почти такая же большая, как и эта... Но сколько у него людей сейчас?

Джим Моррисей прервал его размышления. Биолога не было в лагере в момент возвращения Дэнни, поэтому он попросил рассказать, что произошло. Дейлхауз повиновался, а затем спросил:

— Ты нашел что-нибудь в яме?

— А? Нет.— Вероятно, это уже было далеко в прошлом для

Моррисея.— Нет, я попытался прощупать ход, но все время попадал в тупики. Кто бы они ни были, они чрезвычайно умны. Как только ты попадаешь в их туннель, они сразу же заделывают наглухо все проходы.

— Значит, у тебя нет животных, которых ты переправишь на Землю?

— Нет животных? Никогда не говори так, Дэнни. У меня целый зоопарк. Крабокрысы, жуки, флайеры и много других. Бог знает, что они такое. Я думаю, что крабокрысы — родственники кринпитов, но это можно сказать с уверенностью только после палеонтологических исследований, а я даже еще не начал делать таxономию. А растения? Да, ты можешь называть их растениями, но я не понимаю, где там происходит фотосинтез.

Биолог разразился длинной речью по поводу этих странных растений и их непонятных свойств. Дэнни ничего не понял из этой речи, кроме того, что в пищу их людям с Земли вряд ли можно использовать. Наконец он не выдержал и сказал:

— Пожалуй, с меня хватит,— и похлопал биолога по плечу.

После этого он занялся нужником, вытащил из корабля химический туалет, закрепил его в яме и доложил Гарриет:

Все в порядке. Первоклассный американский нужник готов к работе.

Она прошла к нужнику, чтобы осмотреть его, и поджала тонкие губы:

— Дейлхауз, ты думаешь, мы животные? Неужели нельзя натянуть тент? Ведь здесь часто идут дожди. Посмотри на небо. Видишь, сколько облаков? Черт побери, Дэнни, почему я должна контролировать все, даже это?

Он натянул тент. Но буря, которая обрушилась на лагерь, оказалась слишком сильной. Молнии рассекали все небо от горизонта до горизонта. Кунг исчез с небосклона. Даже в том месте, где он находился, не было намека на светлое пятно. Единственным источником света оставались молнии. Сначала отказала энергетическая станция, затем вихрем сорвало тент палатки. Пока длилась буря, все промокли до нитки, промерзли и, выбравшись из-под обломков, снова начали собирать разбросанные вещи, восстанавливать палатку. Дэнни никогда не видал подобных бурь на Земле и теперь с тревогой думал о предстоящей жизни на этой коварной планете. И когда понял, что не спал уже двадцать часов, упал в постель и уснул. Снилось ему теплое тихое утро в Болгарии и красивая блондинка, лежавшая рядом.

Когда он проснулся, над ним стоял Моррисей.

— Вставай, я ложусь следующим.

Это была даже не кровать, а просто спальный мешок на надувном матрасе. Но все же тут было сухо и тепло. Дэнни неохотно уступил место биологу.

— Значит, лагерь цел?

— Более или менее. Но не подходи близко к Гаррнет. У

нее исчез радиоприемник, и она мечет громы и молнии.— Он залез в мешок, вытянул ноги и добавил: — Каппи хочет тебе что-то показать..

Дэнни не рвался к пилоту. Думал, что наверняка ждет какая-нибудь тяжелая работа. Каппи подождет, пока Дэнни хотя бы поест. Впрочем, думал он, с трудом пережевывая дневную дозу витаминов и минералов,— пища очень напоминала собачий бисквит — такая еда ненамного приятнее, чем копание нужника.

Но Капелюшников имел в виду совсем другое.

— Больше ни тебе, ни мне не придется копать землю. Я только что удостоен звания главного метеоролога. И должен запускать воздушные шары для контроля ветров, а ты будешь мне помогать.

— Гарриет была потрясена бурей? — предположил Дейлхауз.

— Гаша? Да. И хочет, чтобы мы предсказывали погоду. Но я намерен совершить путешествие по планете. Увидишь!

Дистиллятор Капелюшникова уже был приспособлен для работы от солнечной батареи. Вода из озера проходила между двумя алюминиевыми пластинами, пар оседал на пластиковом щите. Капли конденсировавшейся воды падали в бак, а часть воды при помощи электролиза делилась на кислород и водород. Из водородного накопителя маленький компрессор накачивал газ в металлический цилиндр.

Капелюшников проверил клапан и удовлетворенно кивнул.

— Баллон полон. А теперь иди и попросил теодолит у нашего шефа — Гаши. Постарайся, чтобы она не отказала. Тогда я покажу тебе нечто необыкновенное.

П счастью для Дейлхауза, когда он явился за теодолитом, Гарриет не было. Поэтому он без особых угрызений совести самовольно забрал прибор и вернулся к Капелюшникову, который уже заполнил пластиковый баллон водородом и устанавливал его на серебряное основание.

— Ну вот, все в порядке,— сказал он.— У тебя есть ручка?

— Ручка? У меня шариковая ручка.

— Не смейся над нашими старомодными советскими ручками,— сказал пилот.— Когда я запущу баллон, ты следи за ним и каждые двадцать секунд записывай показания приборов, которые я буду тебе сообщать.

Маленький баллон плавно взмыл вверх, и его тут же подхватил легкий ветерок. Хотя после такой бури Дейлхауз вовсе не ощущал движения воздуха, баллон двигался, явно повинуясь воздушным течениям. Капелюшников периодически сообщал Дэнни параметры полета и тот записывал. Но после девятого отчета русский выругался и выпрямился.

— Проклятый свет. Я ничего не вижу. В следующий раз нужно будет привязать свечку к баллону.

— Прекрасная идея. Но ты не объяснишь мне, чем мы занимаемся?

— Измерим силу и направление ветра. Видишь, ветры на разной высоте различны и по силе, и по направлению, шары летят по ветру, мы следим за шарами. А сейчас мы замеры будем делать реже. Скоро ты узнаешь о Клонге больше, чем думаешь.

Дейлхауз задумчиво наблюдал, как в багровом полумраке исчезали шары.

— Как же мы узнаем, куда они летят?

— О, Дэнни, Дэнни. Как невежественны вы, американцы! Простая тригонометрия. Я в течение двадцати секунд измерял полет шаров. Верно? Значит, у меня есть один угол треугольника. Второй должен быть прямым. Ты понимаешь, почему? Так что теперь я имею значение всех углов треугольника. Но не знаю его сторон.

— Ты их не можешь знать. Ты же не измерил высоту!

— Но я тщательно взвесил шар перед полетом. Расчеты очень просты. Дай бумагу с размерами,— он посмотрел на цифры.— Ужасный почерк. Хотя разобрать можно. Пойду заложу цифры в компьютер.

Если все так просто, зачем тебе компьютер?

Да, я легко сделал бы все расчеты, но компьютеру тоже нужна практика. Подожди меня.

Пока русский колдовал над клавиатурой компьютера, в палатку заглянула Гарриет.

— Прекрати это, Виссарион. У меня не то настроение, чтобы шутить. Расскажи Дейлхаузу, что ты собираешься делать.

Русский удивился, затем покачал головой:

— Ол райт! Бедный американец Дэнни, ты беспомощен без своих машин, без техники. Но не я. Я пилот! Я вовсе не желаю барахтаться здесь, как земляной червь, или ты в своем нужнике, Дэнни. Я хочу летать, а мне не дают горючего. Мне не дают материалов для постройки парусного глиссера. Гаша твердо говорит нет, так что же мне делать? Я смотрю вверх и вижу, как в небе летают эти существа на шарах, и я тоже хочу летать на шаре! — он ударил кулаком по панели компьютера. У меня теперь есть газ! Я получил информацию о воздушных потоках. У меня есть советское упорство и способность из ничего создать нечто. Кроме того, здесь сила тяжести небольшая и повышенное атмосферное давление. Так что сейчас я сделаю маленький шар, который поднимет меня, и я снова буду летать.

Волна энтузиазма захлестнула Дейлхауза.

— Это великолепно! А получится?

— Конечно.

— Значит, мы сможем приблизиться к этим существам на шарах? Гарриет, ты слышишь? Может, удастся вступить с ними в контакт!

— Прекрасно,— сказала она, и Дейлхауз более внимательно посмотрел на нее. Да, выглядела она очень угрюмой.

— Что случилось? — спросил он.

— Я обнаружила радио.

— Аппарат, который пропал во время бури?

Она засмеялась странным каркающим смехом.

— Надо быть идиотом, чтобы поверить, что аппарат унесло ветром. Он весит не менее двадцати килограммов. Мне пришло в голову, что он работает и ведет передачи. Так оно и оказалось. Я попыталась засечь его, и мне это удалось. Передатчик оказался...— она посмотрела на них — он оказался прямо под нами, под землей.

Минута была и оставалась минутой. Дэнни был уверен в этом, потому что в нем зародилось сомнение. Пульс его насчитывал сорок два удара в минуту по часам. За минуту он делал три вдоха. Так что маленькие промежутки времени не изменились. Но тысяча четыреста сорок минут, кажется, перестали представлять сутки. Порой ему казалось, что прошел целый день, а может, и больше, но по часам оказывалось, что истекло всего шесть или семь часов. Иногда он вдруг чувствовал, что страшно устал, и часы ему говорили, что миновало уже больше суток с тех пор, как он спал в последний раз. Гарриет пыталась подчинить их определенному распорядку не потому, что в этом была необходимость, а из-за ее любви к порядку. Но ей это не удалось. Они ели тогда, когда им хотелось, спали, когда хотелось, и вели отсчет времени не по часам, а по событиям. Первый визит воздушных существ произошел после большой бури и незадолго до того, как пипы получили подкрепление с Земли. Капелюшников запеленговал пропавший передатчик и обнаружил, что он находится на глубине двадцати метров под поверхностью. Это случилось, когда они отправили первое сообщение и первые образцы на Землю. И когда воздушные существа нанесли визит...

Да, это была чрезвычайное событие, изменившее очень многое

Дейлхауз проснулся с мыслями о воздушных существах. Он помог Моррисею проверить ловушки, приготовил себе еду, установил клапан на водяной душ. Но все время думал о шарах Капелюшникова. Дэнни отговорил его от использования одного большого баллона с водородом. Он был слишком велик, сложен в изготовлении, да и опасён в использовании, ведь одного случайного разрыва хватило бы, чтобы пилот рухнул вниз. Поэтому они сейчас наполняли водородом сотню небольших шаров. Капелюшников связывал их вместе. Теперь, даже если лопнет сразу несколько шаров, можно будет надеяться, что пассажир спустится на землю относительно медленно, а не разобьется в лепешку.

Капелюшников не доверил Дэнни заключительную часть работы.

— Нет, дорогой, полечу я, и я хочу сам убедиться, что все сделано правильно.

— Но ты будешь долго возиться. Позволь, я помогу.

— Нет,— ухмыльнулся пилот.— Я знаю, тебе тоже не тер-

нится подняться в небо. Но первым и единственным буду я.

Дейлхауз в бешенстве побрел прочь. Он уже торчит на этом Клонге больше двух недель, и за все это время он, автор труда «Предварительные исследования первого контакта с разумными существами», все еще не вступил в контакт с ними, хотя и видел их. Они ковырялись где-то под землей. Он сидел с криптитом в вертолете, и воздушные существа часто зависали в небе, хотя никогда не приближались. Тут есть целых три разумных расы, которые нужно изучать! А самое продуктивное, что он, Дэнни, сделал на этой планете — это выкопал яму для нужника.

Он прошел к палатке Гарриет, надеясь, что произошло чудо, и она проникла в тайну языка жителей планеты. Гарриет не было, но ленты лежали на месте. Он крутил ленты, напряженно пытаясь уловить смысл в странных звуках, пока в палатку не ввалился потный радостный Капелюшников.

— Все в порядке. Великолепный подъем, теперь нужно подождать и проверить, нет ли утечки газа. А ты наслаждаешься концертом своих воздушных друзей?

— Это не концерт. Это язык. Это совсем не случайные птичьи крики. Можно услышать и аккорды, и гармонию. Ты понимаешь что-либо в музыке?

— Я? О, Дэнни, я пилот, а не длинноволосый скрипач.

— Все равно. Во всяком случае, это скорее хроматические звуки, а не диатонические. Они близки к тому, что можно услышать у Скрябина.

— Прекрасный композитор,— просиял русский,— но скажи, зачем ты слушаешь записи, когда можно слушать сами голоса?

Дэнни удивленно поднял голову. Действительно, он различал голоса воздушных существ, доносящиеся снаружи.

— И к тому же,— продолжал Капелюшников,— ты отбиваешь хлеб у Гаши. Она переводчик, а не ты, и у нее трудный характер. Так что выходи на улицу и слушай своих зеленых и розовых друзей.

Воздушных существ было так много, что они закрывали часть неба и мешали друг другу. Весь лагерь глазел на них. Красный свет Кунга освещал их, но многие как бы светились сами, излучая розовое или зеленое сияние. Их песни были громкими и чистыми. Гарриет уже была тут. Она установила свои микрофоны везде, чтобы не упустить ничего, лицо ее выражало недовольство. Однако это не говорило ни о чем, такое выражение было для нее обычным.

— Почему они подлетели так близко? — удивился Дейлхауз.

— Я не хочу отбирать у тебя кусок хлеба, дорогой Дэнни. Ты специалист. Но может быть, их привлекает свет маяка, который мы установили для пилота вертолета?

Капелюшников показал на вершину башни, где горел прожектор.

— Хм,— Дэнни задумался.— Проверим. Будь добра, принеси переносной фонарь. Тогда мы сможем рассмотреть их лучше, а может, они подлетят еще ближе.

— Хорошо,— Капелюшников исчез в палатке и вскоре появился, держа в одной руке фонарь, в другой батарею. Он отчаянно ругался на всех языках, стараясь распутать провода. Наконец, справился с ними и яркий луч ударил в небо. Он чрезвычайно возбудил воздушных существ. Крики, свист, щелканье многократно усилились. Они устремились к лучу фонаря.

— Как же они управляют полетом? — спросила Гарриет,— у них нет никаких органов управления, даже крыльев.

— Так же, как и я, дорогая Гаша,— улыбнулся русский.— Они перемещаются вверх и вниз в поисках подходящего по направлению воздушного потока. Держи фонарь, Дэнни. Я должен наблюдать за вашими действиями и убедиться.

Существа были совсем близко. Яркий свет фонаря позволял рассмотреть их окраску, которая переливалась самыми разными оттенками. Цветные полосы, разводы, сложные рисунки — совсем как камуфляжная окраска военных объектов во времена мировых войн.

— Изумительно,— проговорил Дэнни.— Но зачем им столько света, если они не видят его?

— Это ты так считаешь,— сказал Капелюшников.— Но ты же не знаешь природу их зрения. Может, для них этот свет такой же, как для тебя свет солнца. О! Прекрасный выстрел, Моррисей!

Дейлхауз от неожиданности подпрыгнул на месте, когда сзади раздался выстрел единственного в лагере пистолета. Одно из существ по крутой спирали полетело вниз.

— Я поймаю! — крикнул Капелюшников и бросился, чтобы не допустить удара существа о землю при падении.

— Зачем ты сделал это, черт побери! — крикнул Дэнни.

Биолог удивленно повернулся к нему:

— Мне нужны образцы фауны.

Гарриет зло рассмеялась.

— Стыдись, Моррисей. Ты даже не спросил разрешения у Дэнни на отстрел его друзей.

— Не смейся, Гарриет. У меня трудный день. Как бы я раздобыл образец этого существа, если бы не выстрелил?

— О, конечно. Дейлхауз, тебе не кажется, что они заметались в ужасе? — она показала на рассеявшуюся по небу стаю.

Вернулся Капелюшников, неся на плече пластиковый мешок.

— Чуть не подрался с одним из ваших друзей, кринпитов, огромным, безобразным. Не знаю, кто бы из нас победил, если бы он захотел оспаривать добычу.

— Но в окрестностях нет кринпитов,— сказала Гарриет.

— Сейчас есть, Гаша. Но не думай об этом. Лучше посмотри, какого красавца я принес.

Существо было живо. Более того, оно даже не было ранено. По крайней мере, крови они не увидели. Пуля попала в газовый пузырь, продырявив его. Маленькое личико все время гримасничало, как будто его мучил нервный тик. Большие глаза смотрели на них. Раздавались еле слышные вздохи.

— Ужасно,— сказала Гарриет, отступая,— почему он не кричит?

— Если бы я знал ответ,— сказал Моррисей,— мне не нужно было бы собирать коллекцию образцов местной фауны.— Он опустился на колени, чтобы лучше рассмотреть пленника.— Могу предположить, что моя пуля вышибла из него дух. Видимо, он пользуется водородом для движения голосовых связок.— Он покачал головой и посмотрел вверх.

— Может быть, подстрелить еще несколько?

— Нет!

— Боже, Дейлхауз! Гарриет права относительно тебя. Ну, хорошо. Посмотрим хотя бы внимательнее. Дай мне фонарь.— Капелюшников протянул ему батареи. Моррисей долго ковырялся, пока зажег фонарь.

Направляй свет на них, Моррисей!

Биолог направил луч на край стаи. Все больше существ слетались к лучу и вскоре все они сбились в плотный клубок.

Когда погас свет, стая стала действовать как единый организм. Они образовали эллипсовидный клубок вокруг луча. Песни их достигли крещендо, они непрерывно меняли конфигурацию клубка. Те, что были поменьше и менее яркими, оказались внизу, самые большие и наиболее яркие переместились наверх. Дейлхауз смотрел на это в изумлении и даже не заметил, что его лицо стало влажным. Он пришел в себя, только услышав удивленный крик Капелюшникова:

— Дождь!

Но это был не дождь. Жидкость была сладкой и немного липкой на губах. Она пробуждала что-то дикое, первобытное.

Только не глотать! — закричал Моррисей в панике, но многие уже облизывали губы.— Теперь уже ничего не поделаешь,— думал Дэнни. Если жидкость ядовитая, все они погибнут.

— Идиоты! — закричала Гарриет, вскакивая на ноги. Она никогда не была привлекательной, а сейчас вовсе напоминала ведьму: узкое лицо искажала гримаса, неровные зубы оскалены.

— Нужно смыть это! Тащите воду, Дэнни.

— Да, Гаша,— томно сказал пилот.

— Быстрее! — крикнула она.

— О, конечно,— он прошел несколько шагов, затем остановился и кокетливо посмотрел через плечо.— Алюша дорогая. Ты не можешь мне помочь принести воды?

Навигатор хихикнула. Она что-то ответила по-русски. Эти слова заставили ухмыльнуться Капелюшникова.

— Разве вы не понимаете, идиоты, что это опасно? — кри-

чала Гарриет, стиснув руку Дейлхауза. — Дэнни, ты всегда был мне более приятен, чем остальные. Принеси мне воды.

Он повернулся к ней и прошептал:

— О, да, дорогая, мы пойдем за водой вместе.

— Дэнни! — выдохнула она. Она уже не сердилась. Теперь она улыбалась, позволяя Дэнни увлечь себя к озеру.

Он снова скользнул языком по губам. Что бы это ни было, но чем больше он лизал, тем больше хотелось пить эту жидкость — ни сладкую, ни терпкую, не похожую ни на какой фруктовый или цветочный сок. Это было нечто, чего он не пробовал никогда. Он увидел, как Гарриет тоже провела языком по губам, и у него возникло странное желание вкусить эту жидкость с ее губ. Яростное желание вспыхнуло в нем, и он грубо обхватил Гарриет за талию и притянул к себе. Они страстно целовали друг друга, а их руки, помимо разума, ожесточенно срывали одежду. Им даже не пришло в голову спрятаться. И они не видели, что вокруг них все члены экспедиции, охваченные внезапным безумием, совокуплялись друг с другом... А над ними с пением кружили воздушные жители и опрыскивали их туманом сладостной жидкости.

Анна Димитрова сидела за столом возле окна греческой чайной в Глазго и писала письмо Ахмеду. Она вовсе не посылала этих писем. Это было бы слишком экстравагантно. Но каждую неделю в воскресенье она раскладывала их на столе и копировала лучшие места на микрофильм. Сейчас она сидела в лучах северного солнца, положив левый локоть на стол рядом с чашкой крепкого остывающего чая, опустив голову на руку и забыв об уличном шуме, о пролетающих мимо желто-зеленых автомобилях, и писала.

«Кажется, прошла вечность с тех пор, как я целовала твои ресницы и прощалась с тобой. Мне так не хватает тебя, милый Ахмед! Здесь ужасно. Ужасно и противно. Здесь пахнет нефтью, выхлопными газами. Жуткие запахи. Пусть. Еще пять, десять лет и в их Северном море нефть кончится, и тогда мы посмотрим.

У меня жуткие головные боли. Я думаю, это от их языка. Очень трудно говорить на их языке. Но все будет хорошо, дорогой Ахмед. Головные боли пройдут. Мои боли в сердце гораздо мучительнее и они пройдут не скоро...»

— Еще чаю, мисс?

Английские слова резанули ухо Нан. Она моргнула и подняла голову:

— Благодарю, нет.

— Скоро мы подадим ленч, мисс. Сегодня очень вкусный сульваки.

— Нет, нет, спасибо. Я должна возвращаться в отель.

Она подумала, что слишком много времени просидела над письмом и теперь ей нужно торопиться. Снова вернулась головная боль. Да, эти резкие, чуждые, грубые звуки болью

отдавались в ее голове. Но, разумеется, дело было вовсе не в языке как таковом. Скорее, дело в том, что она стала дипломатическим переводчиком. Научные доклады было легко переводить. Ведь многие слова звучали одинаково на всех языках. В дипломатии риск был гораздо большим. Здесь имели значение любые нюансы. Ведь безразлично, каким тоном вы будете говорить о поляриметрии в рентгеновском спектре. Но в речи об установке радиостанции в Средней Атлантике любая неточность выражения могла привести к войне.

Нан оплатила чек и осторожно пошла по Галлоугейт, сторонясь громадных автобусов, проносящихся по улице. Выхлопные газы вызвали кашель. У нее першило в горле.

Она проходила мимо магазинов, таких оживленных, ярких и веселых, но не смотрела на витрины. Нынешняя мода дойдет до Софии только через пару лет. Но ей это безразлично. Приятно купить новое платье и надеть его для Ахмеда. Сейчас же, когда он был за миллионы километров от нее, Нан одевалась как можно проще, чтобы не привлекать к себе внимания. Все вечера она проводила одна, слушая музыку и изучая языки. Главным ее развлечением стало перепечатывание редких писем Ахмеда. Хотя они не были очень веселыми. Она узнала, что Сын Кунга оказался довольно угрюмой и жестокой планетой.

Нан повернула, чтобы пройти до отеля по набережной и избежать уличного шума. Но это было невозможно. Автомобили проносились и тут. Даже поверхность воды Клайда была покрыта нефтяными разводами. Как здесь жить? И этого можно было избежать. Только немного подумать. Разумно спланировать. Зачем очистители в центре города? Зачем загрязнять реку, которая могла бы стать чистым и свежим оазисом в этом мире нефти и бензина? Зачем выкачивать нефть со дна океана, если она могла бы стать поставщиком энергии, например, водорода, который продавала бы им соседняя Исландия?

Но Сын Кунга...

На Сыне Кунга все было по-другому. Как ей хотелось оказаться там! С Ахмедом. Но не только для того, чтобы быть с ним, сказала она себе, но чтобы стать частью нового мира, где можно правильно построить жизнь. Избежать все земных ошибок. Их дети могли бы стать уверенными в своем будущем. Конечно, дети ее и Ахмеда. Нан улыбнулась про себя. Она была честной перед собой и прекрасно понимала, что Сын Кунга казался ей привлекательным только потому, что там был Ахмед. Если бы она оказалась там! Она различала между строк его писем тревожные нотки. Многие члены экспедиции заболели. Некоторые умерли в первые дни. И его письма написаны и отправлены именно в первые дни. Может быть, и он... Нет. Она все же не могла отогнать эту мысль. Нет, нет, не надо думать об этом. Есть и другие тревожные темы. Например, на том снимке, который он прислал, он выглядит

ужасно похудевшим. На снимке Ахмед был один, но Нан заметила, что на его плече лежала чья-то рука. И она дала бы голову на отсечение, что это рука женщины.

— Мисс Димитрова! Нан!

И тут она поняла, что ноги принесли ее в отель и что ее приветствует мужчина, которого она почти узнала. Смуглый, низенький, пухлый, среднего возраста. На его губах была улыбка дипломата, и даже в полумраке отеля она заметила на нем костюм из настоящей мягкой шерсти.

Он тут же представился:

— Я Тим Гулсмит. Помните? Мы встречались на приеме в прошлом месяце.— Он щелкнул пальцами.— Ваши вещи собраны? У вас есть время, чтобы выпить?

Теперь она вспомнила его. Он был очень настойчив, ухаживая за ней. Даже поджидал ее в коридоре и тут же пускался в длинные разговоры. Иногда очень откровенно. Нан объяснила ему, что все это ни к чему не приведет. Она не объяснила причины. Ведь дело тут вовсе не в том, что она любит другого. Дело в социалистической морали. В. И. Ленин говорил об этом. Свободная любовь, конечно, хорошо, но кто захочет пить из сосуда, которого касались тысячи губ до тебя? Тут она вспомнила, что в Москве к каждому питьевому крану цепью прикована кружка, из которой наверняка пили тысячи людей. Пусть люди Блока горючего делают что хотят — индивидуальный разврат, групповые оргии, что угодно. Она здесь не для того, чтобы осуждать их поведение, но девушке из социалистической страны не к лицу даже курить на улице. Эти принципы внушены ей с детства, и теперь, когда она стала взрослой, она не собиралась отказываться от них.

— Сэр,— начала она, вспомнив, что каждый англичанин любит, чтобы к их имени добавляли эту бессмысленную приставку,— я рада снова видеть вас, но сейчас я должна лететь в Нью-Йорк на дебаты в ООН и у меня совершенно нет времени...

— О, у вас полно времени, дорогая. Именно для этого я здесь.— Бой!

Тотчас к ним подкатил бой со своей тележкой. Это было совершенно ни к чему. Для ее маленького чемодана не требовалась тележка. Она сама с легкостью донесла бы его.

Сэр Тим усмехнулся:

— Мы, англичане, очень консервативны, даже в приверженности ко всяким старым развалинам. Даже от лошадей мы отказались через много лет после того, как от них отказались в других странах. К счастью, мы можем позволить себе такой консерватизм. А теперь, может, зайдем в бар?

— Нет, сэр. За мной сейчас должен заехать автомобиль, чтобы отвезти в аэропорт.

— Он уже здесь, дорогая. Я сам привел его. Правительство доверило мне Конкорд-111 и я сам вожу его. Когда я услышал, что здесь находится друг Год Миннингер, я сразу

освободился от дел, чтобы приехать. Вам понравится машина. Она очень просторная, мы долетим до Нью-Йорка за девяносто минут.

Ужасно. Конечно, англичане многое могут позволить себе. Океан нефти под Северным морем и щупальцы их станций уже добрались до Среднеатлантического хребта. Но это ужасно аморально.

Однако возможности отказаться у нее не было. Сэр Тим разбил все ее возражения, и прежде чем она поняла, что случилось, она уже садилась — о, Боже,— в сверхзвуковой самолет.

Как только они пристегнулись, и мягкие кресла приняли их, перед ними возник столик с бутылками и стаканами. Самолет взмыл вверх. Ускорение было пугающим. Земля удалялась с небывалой скоростью. Странно, но она совершенно не слышала шума двигателей.

— Как тихо,— сказала она, отодвигаясь от нахальной руки сэра Тима.

Он хмыкнул:

— Пять тысяч километров в час. Весь звук остается сзади. Вам нравится?

— О, да,— согласилась она, стараясь помешать ему налить в свой стакан вино. Но это ей не удалось.

— По вашему тону можно судить, что вы сказали нет.

— Может быть, сэр Тим. Ведь самолет сжигает уйму нефти.

— Он ее совсем не сжигает. Горючее здесь — кислород и водород. Никакого загрязнения.

— Но чтобы получить водород, нужно сжигать нефть.— Она подумала, сможет ли поддерживать разговор о химии в течение перелета через Атлантику, и решила, что это невозможно. Поэтому она выбрала другую тему.

Но лететь страшно, через эти окошечки ничего не видно.

А что там видеть? Вы хотите смотреть на облака?

Я летала над океаном много раз, сэр. И там есть на что посмотреть. Айсберги. А здесь на высоте двадцати пяти тысяч метров смотреть не на что.

— Не могу согласиться с вами,— сказал сэр Тим, недвусмысленно придвигаясь к ней.— Будь моя воля, я бы вовсе не делал окон в самолетах.

Нан смочила губы виски и сказала:

— Но это так необычно. Может, вы покажете мне самолет?

— Показать самолет?

— Да, пожалуста. Это интересно.

— Что тут смотреть, дорогая? — Он пожал плечами. — Впрочем, как хотите.

Она поднялась с благодарностью. Наконец-то он будет вынужден убрать руку с ее колена. Головная боль уменьшилась. Возможно, потому, что она теперь дышала чистым воздухом, а не смогом Глазго. Но оставалась очень неспокойной.

Он дал ясно понять, что они единственные пассажиры самолета. Это подействовало на нее обескураживающе. Правда, она надеялась на помощь стюардесс, но они все трое ушли в служебное помещение. Так что этот небольшой салон стал гораздо интимнее, чем ей хотелось. Но когда они вошли в другое помещение, ей стало совсем не по себе. Она надеялась, что это и будет служебное помещение, а оказалось — спальня. Здесь даже была — разве можно поверить в это? — кровать. И разумеется — для определенных действий.

— Вот это помещение,— сказал у нее за плечом сэр Тим,— вам следует осмотреть. Вперед. Нан, пусть эмоции ведут тебя.

— Нет, нет,— вскрикнула она, пытаясь освободиться от его похотливой руки.— Сэр Тим,— сказала она серьезным тоном,— должна сообщить вам, что я помолвлена. И мне неприлично находиться в подобной ситуации.

— О, как старомодно!

— Сэр Тим,— она уже почти кричала. Она была зла не только на него, но и на себя. Если бы она подумала хоть немного, то поняла бы, к чему все это приведет, и избежала бы этого. А теперь она в ловушке: перед ней постель, а позади этот грязный тип. Его губы уже прижались к ее уху и что-то шепчут. Снова ее голова взорвалась болью. В отчаянии она ухватилась за соломинку.

— Мм... мы говорили о Годфри Миннингере?

— Что?

— Годфри Миннингер. Отей моей хорошей подруги, капитана Мегги Миннингер. Мы говорили о нем в отеле.

Он некоторое время молчал, не выпуская ее, но и не пытаясь прижать к себе.

— Вы хорошо знаете Года Миннингера?

— Только его дочь. Я когда-то спасла ее от тюрьмы.

Его объятия разжались. Через момент он легко шлепнул ее и отпустил.

— Идемте выпьем,— сказал он и позвонил, вызывая стюардессу. Улыбка сатира сменилась улыбкой дипломата.

Разговор снова стал нейтральным. Они вернулись на места, и Нан даже заказала стюардессе стакан крепкого чая вместо виски, на котором настаивал сэр Тим. Он, казалось, чрезвычайно заинтересовался маленьким эпизодом в Софии и потребовал, чтобы она подробно рассказала об этом. Снимали ли у них отпечатки пальцев? Занесли ли данные о них в книги? Вызывали ли Анну в милицию впоследствии, допрашивали ли ее?

Его интересовали самые тривиальные вещи, но Анна была рада рассказывать ему обо всем, пока длился полет через Атлантику, лишь бы он держал при себе свои противные руки. Выкачав у нее все, он откинулся на спинку кресла, смакуя виски и глядя в задумчивости на темно-голубое небо.

— Очень интересно,— наконец сказал он.— Бедняжка. Я знал ее еще с детства.

Нан не могла себе представить Мегги Миннингер девочкой, но промолчала. Сэр Тим продолжал: — И тот старый Год. Вы давно знакомы с ним?

— Лично я не знакома,— осторожно сказала Нан, стараясь не солгать.— Но он — крупная величина в делах культуры. А меня эти вопросы очень интересуют.

— Культура,— протянул задумчиво сэр Тим. Казалось, он хотел искренне улыбнуться, но не позволил себе этого.— Вы очень милая,— сказал он и посмотрел на часы.— О, почти прилетели,— с сожалением сказал он.— Но я надеюсь, вы позволите мне проводить вас в отель.

Утренняя сессия ООН оказалась очень утомительной. У Нан не было времени даже для ленча. Она была занята редактированием переводов компьютера. Полуденная сессия стала настоящей кошачьей дракой. Дебаты о праве ловли криля в Атлантике. Это пища, поэтому споры разгорелись жаркие. Переводить приходилось очень тщательно, и Нан не могла расслабиться ни на секунду. В каждом языке свои названия для рыболовных судов, морских продуктов, моряков. Она переводила с трех языков: русского, болгарского и английского. Когда говорили на других языках, она молчала, но напряженно слушала. Головная боль терзала ее.

Такова была цена того, что оба полушария ее мозга были искусственно расщеплены, чтобы она могла легко изучать языки. Когда ей предложили эту операцию, то не сказали, с какими мучениями это сопряжено. Впрочем, откуда им знать. Ведь если сам не испытал такой боли, не понять мучения другого.

И хуже всего, что она очень устала и очень хотела спать. Сэр Тим сопровождал ее в отель и даже попытался сунуть ногу в дверь. Руки его беспрестанно шарили по ее телу, пока они ехали в лимузине. Единственным способом избавиться от него она сочла жалобу на смертельную усталость: если сразу не ляжет спать, то упадет.

Итак, она уснула. И проснулась в полночь, понимая, что больше не уснет. А что делать одиннадцать часов до начала утренней сесии? Конечно, писать Ахмеду. Несколько часов ушло на изучение неправильных глаголов английского языка. Еще час на работу с магнитофоном для шифровки произношения. Но затем она ощутила усталость. Сейчас бы хорошо пройтись по университетскому парку. Но он в Софии, за десять тысяч километров отсюда. В Нью-Йорке не было такого свежего утреннего воздуха. И она пошла в кабину переводчика с ощущением, что уже проработала целый день без отдыха.

...Сейчас выступал сэр Тим. Лицо его было пурпурно-красным и он буквально кричал. Одной половиной мозга Нан думала, почему он кричит, в то время, как другая половина автоматически занималась переводом. Странно, сколько страсти, и все ради этой рыбы. Даже не рыбы, а мелкого рачка. Нан знала, что он продается в банках в виде серого

порошка под названием «белковый концентрат». Ясно, что это годится в пищу, но аппетита не вызывает. В богатой продовольствием Болгарии такой продукт спросом не пользовался.

Но сэр Тим был крайне возбужден. Он кричал, что этот продукт жизненно важен для стран Блока торючего. И его нужно предоставить Блоку. Страны Блока уже создали большой флот для ловли и обработки криля в холодной Атлантике. Он сослался на Морское право, на Британско-Португальский договор 1342 года. Заявил, что криль абсолютно необходим сельскому хозяйству Англии. Здесь его прервал уругвайский делегат:

— Сельское хозяйство! Вы скармливаете протеин скоту!

— Конечно,— твердо сказал сэр Тим.— У нас нет таких пастбищ, как в вашей стране. Чтобы накормить скот, нам нужно ввозить...

Кто-то из американской делегации громко и неприятно рассмеялся, и уругваец осуждающе постучал по столу.

— Значит, вы скармливаете его животным, сэр Гулсмит? У нас есть сведения вашего министерства здравоохранения, что вы кормите крилем ваших кошек и собак! Как это понимать?

Сэр Тим мученически посмотрел на президента ассамблеи.

— Сэр, я должен просить, чтобы вы воздействовали на моих оппонентов и потребовали от них уважения.

Президентом был здоровенный негр из Ганы. Он ни разу не посмотрел ни на одного из ораторов. Он не поднимал глаз от стола, так как секретарь непрерывно подкладывала ему документы на подпись. Он сказал:

— Я прошу делегата Уругвая воздерживаться от вопросов и замечаний, пока делегат Соединенного Королевства не закончит свое выступление.

Сэр Тим благодарно поклонился.

— Благодарю, но я уже почти кончил. Конечно, какая-то часть криля идет на корм домашним животным, другая часть на удобрение полей, третья на добавление протеина в знаменитый английский биф. Но разве это предмет для разговора? Я думаю, нет. Думаю, никто из делегатов не может посягать на традиционные права Англии ловить рыбу и криль в международных водах и использовать улов в своих целях. Если нам никто не будет мешать, заверяю вас, что с нашей стороны инцидентов не будет. Мир будет сохранен.

И он сел на место, почтительно поклонившись президенту, сардонически улыбнувшись уругвайцу и весело — Анне, сидящей в кабине переводчика. Она чуть не задохнулась от негодования: до чего же легкомысленный субъект! Однако сэр Тим тут же стал серьезным и начал что-то писать, даже не обратив внимание на то, что президент закончил подписывать документы, со щелчком застегнул портфель и сказал:

— Мы получили сведения, что выступление следующего делегата будет длинным. Сейчас уже четыре часа, поэтому я

предлагаю перенести дебаты на завтрашнюю утреннюю сессию.

В зале поднялся шум. Нан откинулась в кресле, потерла виски. Поднялась, чтобы быстро перекусить, а затем приготовилась спать, долго спать.

Нет. Ничего не вышло. Когда она покинула кабину, к ней явился посыльный и вручил записку от сэра Тима. «Абсолютно необходимо, чтобы вы присутствовали на приеме в ДВЛ. Я буду сопровождать вас». Значит, отдыха не будет. Она могла бы отказаться, но сэр Тим заручился поддержкой главы болгарской миссии при ООН, и тот все равно заставил бы ее пойти на прием. Она быстро вымылась, оделась так, как ей казалось подходящим для этого случая, и вышла из отеля на улицу. В голове у нее непрерывно стучало. Она сказала свое имя охраннику у дверей ДВЛ. Тот сверился со списком, официально улыбнулся и пропустил ее.

Какой гвалт! Сколько дыма, запахов пищи и вина! И вот, наконец, сэр Тим с букетом в руке. Другой рукой он обнимал за плечи пухлого смуглого ухмыляющегося человека, которого Нан не сразу узнала. Но это был именно тот уругваец, которого сэр Тим час назад обвинил в оскорблении.

— Нан! Эй, Нан! Иди сюда! — сэр Тим представил их. Нан не могла найти причины для отказа и поняла раньше, чем это случилось, что Гулемит снова будет ее лапать. Именно это вскоре и произошло. Цветы оказались пармскими фиалками — совершенно не по сезону,— и предназначались именно ей. Гулемит настоял на том, чтобы самому приколоть цветы на ее грудь и затратил на это гораздо больше времени, чем требовалось. Остальные старались не замечать этого, хотя и посмеивались.

Нан рассердило, что этот наглец шотландец демонстрирует перед всеми близость к ней, как бы намекая на существующие между ними интимные отношения. Тем более здесь, где собрались люди из соперничающих блоков. Что скажет глава ее делегации, когда узнает об этом? Сэр Тим и саудовец — из Блока экспорта горючего. Уругваец — из Блока народов. Его союзники здесь — две китаянки в туфлях на высоких каблуках и пиджаках из синего шелка в неомаоистском стиле.

— Вы даже не можете себе представить,— ухмыльнулся сэр Тим, познакомив их друг с другом,— что наши друзья прячут в рукаве на завтра. Расскажи, Ляо-цзен.

Одна из китаянок положила руку на локоть Нан и улыбнулась. К этому времени она уже прилично выпила и несколько растягивала слоги, но речь ее была вполне разборчива.

— Народная республика Бенгалия передает чрезвычайное сообщение. Весьма решительное сообщение, мисс Димитрова. Относительно многонациональной экспедиции стран Блока экспортеров продовольствия и ее насильственных действий против аборигенов Сына Кунга.

— Насилие? Что вы имеете в виду? — спросила Нан, уди-

вившись и испугавшись. Неужели на планете начались военные действия, и Ахмед оказался втянутым в них?

— Вот так, дорогая девочка,— хмыкнул сэр Тим,— маленькая банда вашего друга Года начала стрелять по безвредным воздушным существам, но вы не беспокойтесь. Я не думаю, что это серьезно. Мы ведь собрались не для этого, сеньор Коррубиас?

Уругваец пожал плечами.

— Официальных консультаций с Народной Республикой еще не было, это правда.

— А неофициальных?

Коррубиас посмотрел на старшую китаянку, которая кивнула и сказал:

— Я могу высказать свое личное мнение. Считаю, что акты насилия о которых мы слышали, чепуха — разве можно серьезно относиться к стрельбе по резиновым воздушным шарам?

— Сообщают и о насилии над земной расой,— сказала китаянка. Она сделала еще глоток из стакана и с таинственным видом посмотрела на сэра Тима.— Но это тоже... Откуда нам знать, что эти существа действительно разумны. Не будем же мы осуждать фермера из Небраски, который, вспахав поле, разрушил нору крота?

— Так можно утверждать,— сказала Нан, сама удивляясь резкости своего тона,— что и раса ракообразных пострадала от действий землян. Но сэр Тим остановил ее, мягко нажав на плечо. Она не протестовала. Внезапно Нан подумала: вдруг группа Ахмеда повинна в этих насильственных действиях, о которых она так мало знала.

— Мне понравилась ваша пикировка,— сказал сэр Тим, пряча за улыбкой угрозу, звучавшую в его словах. Нан задумалась, почему он так откровенно и настойчиво афишировал свою близость с нею, обнимая ее за плечи, постоянно наполняя ее бокал. Да, окружающие могут подумать, что он частый гость в ее постели. Она вспыхнула при одной этой мысли. Плохо, когда люди видят твою распущенность, но быть виноватой без вины... это ужасно! Почему сэр Тим всячески старается создать у людей такое впечатление о ней? Может быть, среди людей Блока экспортеров горючего это считается нормальным? А может, он старается продемонстрировать, что все еще может удовлетворить женщину? Что это за люди, которые окружают ее здесь?

— Простите меня,— сказала она, оглядываясь вокруг, как бы ища туалетную комнату. Но как только ей удалось избавиться от общества сэра Тима,— странно, что он не последовал за ней в туалет, — она пошла в буфет. Нужно восстановить сахар в крови. Может, это уменьшит головную боль, снимет усталость, и тогда она сможет придумать, как ей освободиться от настойчивых ухаживаний сэра Тима.

Стол оказался очень богатым. Даже в Софии он не мог быть богаче. Она знала, что банкет устраивала делегация Тибета.

Но откуда такой богатый стол? Икра вряд ли была привезена с Гималаев. И эти фрукты на льду высокогорных районов не растут. А в центре стола высились искусно приготовленные копии представителей рас Сына Кунга! Ракообразный был изваян из клубничного шербета. Нечто длинное, тонкое,— подземный житель? — сделан из фуаграсс! Рядом с нею возле стола стоял седовласый человек. Он попросил более молодого спутника положить ему на тарелку эти лакомства. Полная ложка фуаграсс, кусочек мяса, крузосан, ложку — воздушного шара... Человек перехватил взгляд Нан и молча улыбнулся.

Отвратительное зрелище. У Нан сразу пропал аппетит, она отвернулась от стола и тут же увидела сэра Тима, который направлялся к ней. Странно, но он кивнул ей и показал... на кого? На седого человека возле стола? Она присмотрелась более внимательно. Они встречались? Нет. Но лицо его было знакомо. По фотографии. Но фотография явно не из газет. Она повернулась к нему, но молодой человек тут же оказался между ними, вежливый, готовый ко всему. К чему? Может, он считает ее убийцей? И тут она вспомнила, где видела это лицо.

— Вы Годфри Миннингер,— сказала она.

На лице его выразилось удивление.

— Да.

— Мы никогда не встречались, но я видела ваш портрет в газетах. С дочерью. Я — Анна Димитрова, и мы встречались с вашей дочерью в Софии.

— О, конечно! Ангел-спаситель! Все в порядке Тедди, — сказал он телохранителю, тот отошел в сторону и начал накладывать в тарелку салаты.— Рад встретиться с вами, Анна. Мегги где-то здесь. Но она не хочет есть. Она унаследовала от матери метаболизм. Она не может даже смотреть на пищу. Пойдемте разыщем ее.

Капитан Миннингер задумчиво пила перье, позволяя пятидесятилетнему японскому атташе думать, что он, наконец, пробился через ее защитные бастионы. Вдруг она услышала сзади голос отца.

— Мегги, дорогая. Для тебя сюрприз. Ты помнишь Анну Димитрову?

— Нет,— Мегги внимательно осмотрела женщину. Не с вызовом, а так, как человек изучает карту незнакомой земли. Затем в голосе ее как бы щелкнуло реле.— Да,— поправила она себя.— Болгарка. Рада видеть вас здесь.

Разумеется, она вовсе не хотела входить в дружеские отношения с этой болгаркой. Но, с другой стороны, она и не хотела заиметь врага в ее лице. Эта женщина валялась в постели с пакистанцем, как его? Ахмед Дулла, член первой экспедиции пипов на Клонг. Может, эта связь окажется полезной, поэтому Мегги повернулась к японцу и сказала:

— Тацу, позвольте представить вам Анну Димитрову. Она мне здорово помогла в Болгарии. Знаете, я иногда очень не-

осторожно шучу. Мне бывает трудно удержаться. И конечно, я сказала что-то ужасное в Болгарии. Политика, разумеется. И попала в неприятную историю. Тут же явилась Нан. Совершенно мне незнакомая. Просто хороший человек. Она вытащила меня из неприятностей. А где тот приятный молодой человек, с которым вы были тогда, Нан?

— Ахмед на Клонге,— сказала Нан. Ей не понравился покровительственный тон, каким с ней говорила эта пухлая блондинка.

— Да? Какое совпадение. Вы, конечно, помните доктора Дейлхауза? Он тоже там. Может, они там встретились.— Она заметила знаки своего отца и спросила: — Папа, что ты беспокоишься? Я опять сказала что-то не то?

Годфри Миннингер улыбнулся.

— Я беспокоюсь о том, что нам уже пора. Ты не забыла, что у тебя назначена встреча в МТИ?

— О, дорогой, совсем забыла.— Неправда. Мегги не забыла о назначенной встрече, которая должна была состояться завтра утром. И она знала, что отец тоже не забыл.

— А кроме того,— продолжал отец,— если ты еще немного побудешь здесь, завтра тебя одолеет зуд. Ты забыла, что у тебя аллергия на цветы?

Тоже ложь, у Мегги не было никакой аллергии. Но она сказала:

— Ты так заботлив, папа. Нан, жаль, что наша встреча была такой короткой, но я очень рада была повидаться. И ты, Тацу, когда будешь в Хьюстоне, заходи.— Японец что-то просвистел и поклонился. Если он когда-нибудь появится в Хьюстоне, я сбегу, подумала Мегги. Для нее лечь в постель с мужчиной давно перестало быть проблемой, но для этого все же нужен взаимный интерес, а не только мужские притязания.

В автомобиле, где на переднем сидении уже сидел телохранитель, она спросила:

— В чем дело, папа?

— Может быть, эта провинциальная болгарка вовсе не такая уж простушка, как кажется. Тедди незаметно пощупал ее. У нее в корсаже микрофон.

— У нее? Не может быть.

— Это факт. Может быть, это дело их службы безопасности, кто знает? Там было полно акул. Может, она — одна из них.

— Ты хочешь знать, что я вытянула из японца? — и она рассказала, что ей удалось узнать о Бенгальской резолюции.

Отец откинулся назад.

— Обычная возня в кулуарах ООН. Я перевернул твое ведро с помоями, ты забросила мне на крышу дохлую кошку. Они собираются опубликовать это?

— Ты прав. Он не сказал об этом. Кажется, он относится к резолюции не очень серьезно.

Отец в задумчивости почесал затылок.

— С этими парами никогда ничего не знаешь. Наследник Мао сделал ставку на Клонг. Бенгальцы не начнут ничего, пока не прояснится что-либо в отношении Запретного города.

Ты думаешь, моя миссия закончилась провалом?

О, нет. Не беспокойся. Расслабься. Ты совсем как твоя мать. Она была очень эмоциональной. Когда тебя похитили, я думал, что у нее будет припадок.

Зато ты всегда был очень спокоен и не собирался шевельнуть даже пальцем ради меня.

— Но я же знал, что с тобой все будет ол райт. Я действительно знал.

— Ладно, не будем говорить об этом.— Мегги сложила руки на коленях и посмотрела в окно. Между комплексами небоскребов ООН и аэропортом не было никаких зданий. Там было пусто. Однако Мегги все равно смотрела туда. Она была погружена в свои мысли. Наконец,она медленно сказала:

— Послушай, папа. Я хочу усилить нашу миссию. Именно теперь.

— Почему такая спешка?

— Не знаю, но чувствую, что нужно торопиться. Я хочу сделать это до того, как пипы и гризи пустят там глубоко свои корни и забросят туда столько людей, чтобы объявить Клонг своей собственностью. Я хочу, чтобы мы там были самыми первыми и самыми сильными, потому что я хочу эту планету видеть нашей.

— Чепуха, милая. Разве в Вест Пойнте тебя не учили приоритетам? Вся эта возня насчет криля, а теперь еще гризи снова угрожают поднять цены... Ты понимаешь, какая сложная обстановка? Сейчас передо мной — сложная задача и я могу заниматься только ею.

— Но, папа, я не хочу говорить, насколько важна моя миссия. Ведь это целая планета.

— Разумеется, но...

— Никаких но. Мне кажется, ты не понимаешь, какие выгоды сулит владение целой планетой. Для нас, папа, только для нас! Разрабатывать все природные ресурсы планомерно и самым рациональным образом. Горючее. Города, которые не будут уничтожать природу. Поля и пастбища. Индустрия, развивающаяся по строго намеченным планам, в зависимости от насущных потребностей. Планирование роста населения. Мы вырастим новое, сильное, уверенное в себе поколение. Это будут американцы, папа. Может, сначала там будет трудно, но через сотню лет каждый захочет жить только там. И я хочу сделать это.

Годфри Миннингер вздохнул и с любовью посмотрел на дочь, самую старшую и самую беспокойную из всех его детей.

— Ты еще хуже, чем была твоя мать,— сказал он.— Ну что ж, я выслушал тебя и посмотрю, что можно сделать.

Технологическая башня-2 высилась на берегу Чарльз Ривер и превосходила по объему все старые здания вокруг. В башне не было аудиторий, не было администрации. Это был чисто исследовательский комплекс с мощным вычислительным центром в подвале. На крыше было установлено множество антенн для изучения космического излучения.

Массачусетский технологический институт имел богатые традиции в исследовании космоса. Здесь работали на этом направлении еще тогда, когда в печати не было ни одной работы по теме. Мегги Миннингер провела шесть месяцев в этом заведении, изучая космические дисциплины. И теперь старалась не порывать контакты с МТИ.

Женщина, с которой Мегги хотела увидеться, обладала огромной властью в МТИ, хотя была всего лишь помощником декана. Она организовала завтрак по просьбе Мегги и пригласила руководителей пяти факультетов. Женщина представила всех друг другу и сказала:

— Мегги, дорогая, переходи сразу к делу. Наши люди не очень любят собираться так рано.

Меги попробовала круто сваренное яйцо.

— Я прекрасно понимаю их, если их всегда собирают на такой завтрак. Ну что ж, к делу. У меня есть десяток голограмм Сына Кунга. Просто изображения и никакого звука.— Она откинулась в кресле и щелкнула тумблером. В розоватой дымке появилась голографическая картина.— Вероятно, вы видите это не впервые,— сказала она.— Это криппит. Представитель одной из трех, вполне возможно, разумных рас. И единственная раса с урбанистическим уклоном. Сейчас вы увидите их дома. Это жилища без крыш. Видимо, криппиты не страдают от непогоды. Непонятно, зачем им дома, но, тем не менее, они есть. Кажется, с этой расой нам будет проще наладить торговые отношения. К сожалению, пипы первыми вступили с ними в контакт. Но мы перехватим инициативу.

Главой конструкторского отдела была тоненькая женщина, которая ограничила завтрак стаканом сока и чашечкой кофе.

— Перехватим инициативу — это что, капитан Миннингер? — спросила она.

Мегги смерила ее взглядом и решила не ввязываться в драку.— Для начала, доктор Равеналь, я бы хотела, чтобы ваши люди изготовили образцы для торговли. Для всех рас. Ведь все они когда-нибудь станут нашими торговыми партнерами.

Экономист посмотрел на чудище в панцире:

— Партнеры — это означает двустороннюю торговлю. Что могут продавать они, и что стоило бы вывозить оттуда?

Мегги хмыкнула.

— Я думала, вы об этом не спросите.— Она поставила кейс на пол, расстегнула замки, потом поставила его на стол, сдвинув блюдо с яйцами.— Пока что мы не имеем продуктов их производства.— Но посмотрите на это.— Она достала тон-

кую эластичную пленку.— Из этой пленки сделаны шары у воздушных существ. Они имеют утечку водорода всего один процент за двадцать четыре часа. Мы можем приобрести очень много такой пленки, если создадим мощный рынок.

— Вам пришлось убить его, чтобы получить это?

— Хороший вопрос,— Мегги с улыбкой кивнула экономисту.— Нет. Существует другая, неразумная раса с такой же структурой тела. Так как вы обеспечите рынок? Если я хорошо помню, немцы использовали желудок осла, когда строили дирижабль Гинденбурга.

— Понимаю,— сказал экономист.— Значит, нам нужно наладить контакт с изготовителями цеппелинов.

— Я уверена,— сказала Мегги,— что у вас есть идеи получше. О, я забыла еще упомянуть о том, что Национальный фонд науки выделил субсидии, которые только и ждут того, кто возьмется за работу.— Спасибо тебе, папа, за этот подарок, подумала она.

Экономист не был главой факультета, если бы не научился вовремя отступать.

— Я вовсе не имел в виду отвергать ваше предложение, капитан Миннингер. Это действительно заманчивое предложение. Что еще у вас?

— У нас есть образцы, которые пока не изучены досконально. Правда, они не должны были появиться здесь. В Кемп Детрик еще не знают, что они исчезли.

Все зашевелились. Декан быстро сказал:

— Мегги, я думаю, у нас у всех мелькнула одна мысль, когда ты упомянула Кемп Детрик. В этом нет ничего, связанного с биологическим загрязнением?

— Конечно, нет! Нет, поверьте мне. Иногда я выхожу за рамки, но не настолько, чтобы нарушить закон о биологической безопасности.

— Тогда почему Кемп Детрик?

— Потому, что это чуждые организмы,—объяснила Мегги.— Каждый образец герметически запакован в целлофан. Снаружи все обработано кислотой и ультрафиолетовым излучением. Нет, подождите...— добавила она, улыбнувшись. Все присутствующие за столом тотчас отдернули руки от пленки.— Эта пленка о'кей. Кажется, на ней нет патогенов или аллергенов, но все же с ней нужно обращаться осторожно.

— Большое спасибо, капитан,— сказал один из деканов.— А почему вы так уверены насчет пленки?

— Я съела кусочек три дня назад.— Она сразу же овладела вниманием и продолжала.— Вот эта группа — образцы растений. Они обладают способностью к фотосинтезу, причем в инфракрасной части спектра. Интересно для агрономов? Конечно! А это — предметы искусства. Это изделия кринпитов, тех самых, что похожи на раздавленных крабов. Эти штуки способны «петь», достаточно потереть их о хитиновый покров.

Женщина-конструктор взяла в руки один из предметов, разглядывая его через прозрачные пластинки.

— Вы сказали, что нам нужно разработать образцы для торговли и обмена?

— Да,— последней из кейса Мегги вытащила папку, на красной обложке которой четко виднелись слова: «Совершенно секретно».

— Это отчет о трех расах Сына Кунга. Пока что военные его засекретили, но это ненадолго. Через десять-двадцать дней он будет зачитан в ООН.

Все шесть деканов потянулись к документу, но женщина-дизайнер оказалось самой проворной.

— Хм,— сказала она, листая папку.— У меня есть аспирант, который сможет переварить это. Могу я показать ему документ?

— Конечно. Оставим эту копию и образцы нашим друзьям, а сами пройдем к нему. Я хочу поговорить с ним.

Через пятнадцать минут Мегги, сопровождаемая деканом, и тощий, возбудимый молодой человек по имени Уолстер Пинсон встретились лицом к лицу.

— Вы можете сделать это? — спросила Мегги.

— Это... это большая работа.

Мегги положила руку ему на плечо.

— О, я уверена, что вы сможете. Впрочем, скажите, как вы думаете начать?

Пинсон задумался.

— Во-первых, нужно понять, в чем их первоочередная нужда,— предложил он.

— Любопытно. Должно быть, это очень трудно. Могу сказать, что самая основная задача у всех — остаться в живых. Почти все они тратят все время, чтобы сожрать что-нибудь, даже кого-нибудь из разумных собратьев.

— Каннибалы?

— Не думаю, что это можно определить именно так.

— Значит, хищники,— сказал Пинсон, кивнув.— Что ж, пусть это будет стартовая позиция. Будем создавать им средства защиты от низших форм жизни.

— О, да! — воскликнула Мегги.— Мы не хотим давать им в руки оружие друг против друга. Мы не хотим войны.— Она посмотрела на часы.— У меня идея, Уолстер. Завтрак у меня был довольно скудным, а уже время ленча. Почему бы нам не поесть вместе? Я знаю тут одно местечко, где бывала студенткой. Довольно старый мотель, но пища превосходная. Если у вас есть время...

— О, у меня есть время,— сказал Пинсон, с любопытством поглядывая на Мегги.

— Это за Гарвард Сквер, но нам нужно взять кэб. Только уговор — плачу я. Мне выдают деньги на представительские расходы.— Когда они спускались вниз, мимо них пробежала стайка первокурсников, торопившихся на лекцию. Провожая их взглядом, Мегги спросила:

— Может, вы знаете студента Ллойда Уэнсли? По-моему, он только что поступил.

— Вряд ли. Он ваш друг?

— Нет. Я знала его еще ребенком. Просто я знакома с его родителями. Так что вы сказали о средствах самозащиты?

Через несколько часов, проведенных довольно приятно, Мегги уселась в кэб возле старого мотеля. Если кухня и не была такой же хорошей, как в добрые старые времена, то комната оказалась уютной, а постель мягкой и широкой. Когда кэб подъехал к Гарвард Сквер, она, повинуясь импульсу, сказала водителю:

— Поезжайте к Масс Эйв. Я хочу сделать маленькую экскурсию.— Через несколько кварталов она приказала свернуть в боковую улицу и осмотрелась. Она тут же узнала все. Супермаркет, парикмахерская, а там, за углом, та самая квартира, где она прожила десять месяцев с Ллойдом-младшим. Это было время, когда Мегги совсем близко подошла к тому, чтобы стать женой, матерью. Старина Ллойд! Ему было тридцать, когда ей было всего девятнадцать, и он выглядел так импозантно в офицерском клубе, что никто не мог предположить, каков он в постели. Даже если лечь с ним пару раз, как это предусмотрительно сделала Мегги. При одном взгляде на окно бывшей спальни у нее судорогой свело спину и шею от воспоминания о том, как она забивалась в угол постели и закрывала голову подушкой, чтобы не слышать, как Ллойд занимается самоудовлетворением. Она даже не могла устроить ему скандал по этом поводу, так как за дверью спал шестилетний приемный сын.

Конечно, было бы неплохо увидеть Ллойда-младшего уже взрослого. Но лучше не видеть. Она не встречалась с ними со времени разрыва и теперь не хотела искушать судьбу. Все-таки эта ненормальная связь очень подействовала на девушку, какой она была. Счастье, что это не навсегда отвратило ее от мужчин.

Вернувшись в отель, она нашла послание от отца.— «Постарайся услышать передачу новостей».

Она включила телевизор, и, поискав передачу по всем каналам, услышала о политическом скандале в Бостоне, интервью с лидером Ред Сокс и, наконец, то, что хотела услышать.

— К удивлению всех делегатов ООН, польский делегат Владислав Пженский объявил, что его правительство согласно с резолюцией Бенгалии. Страны Блока Продовольствия решили послать комиссию с широкими полномочиями, чтобы изучить акты насилия против аборигенов планеты Конг, или Сын Кунга. В комиссии не будет представителей крупнейших держав — США и СССР. В нее войдут офицеры из Польши, Бразилии, Канады, Аргентины и Болгарии.

Дэнни Дейлхауз подскочил и подхватил теодолит, не дав упасть ему на землю. Моррисей, ухмыльнувшись, извинился.

— Вероятно, я потерял равновесие.

— А может, снова захотел женщину,— сказал Дэйлхауз. Он был зол не только на Моррисея. И понимал, что злость его вызвана тем, что Капелюшников летает, а он сидит.

На них на всех подействовало то вещество, которым шаристы обрызгали их. С тех пор они время от времени вдруг впадали в состояние жадной похоти и эйфории. Дейлхауз не считал, что Моррисей более других подвержен таким вспышкам, но был уверен, что биохимик отдается страстям с большей охотой. Моррисей обнаружил, что в этом странном веществе, по-видимому, сперме самцов шаристов, содержались какие-то галлюциногены, возбуждающие человека сильнее других известных на Земле афродизнаков. Исследуя сперму, Моррисей больше других подвергался воздействию этих галлюциногенов и теперь почти постоянно находился в состоянии похоти.

Высоко в небе описывала спираль гирлянда ярко-желтых шаров. Это экспериментировал Капелюшников, изучая воздушные потоки на разной высоте. Когда работа будет закончена, у них накопится достаточно информации, чтобы совершать воздушные путешествия. И тогда наступит очередь Дейлхауза. Он уже устал ждать.

— Каппи,— сказал он в микрофон,— тебе не пора на землю?

Как раз тогда, когда Капелюшников ответил по-русски, к ним подошла Гарриет и, услышав голос Каппи, раздраженно дернула головой. Такой уж характер. Все-таки она настоящая сука,— думал Дейлхауз. После того, как они пришли в себя в тот странный вечер, она неожиданно закричала:

— Животное! Разве ты не понимаешь, что мог сделать меня беременной!

Он об этом вообще не думал. Но бесполезно, понял Дэнни, напоминать ей, что она была так же безумна, как и он. После того случая Гарриет снова замкнулась и стала еще более раздражительной, не позволяя в своем присутствии даже самых невинных шуток на сексуальную тему.

— У меня есть для тебя новые записи,— неохотно сказала она.— Я поняла структуру языка и сегодня вечером ознакомлю с ним весь лагерь.

Она смотрела на Каппи. Он кружил в воздухе, и когда подлетал к шаристам слишком близко, они бросались от него прочь.

Структура языка...

Торопить Гарриет бесполезно. Предварительные исследования первого контакта с субтехнологическими разумными существами — как это теперь далеко! Дейлхауз прикинул, что уже сделано. Совсем немного. Они так и не вступили в контакт ни с кринпитами — крабовидными, ни с подземными жителями — буровертами. Газовые мешки висели вокруг в воздухе, как и в тот день, когда окропили членов экспедиции своей спермой. Однако они не приближались настолько, чтобы Дэнни

мог установить контакт, и висели себе над лагерем на высоте сотен метров, спускаясь только тогда, когда обитатели лагеря уходили или же спали. Несомненно, они уже встречались с земными существами и знали, что их следует опасаться.— Видимо, на поверхности планеты жили враги шаристов. Но Дэнни было от этого не легче.

Правда, когда эти существа находились в пределах видимости, можно было фиксировать их песни с помощью направленных микрофонов. Гарриет сказала, что разгадала структуру языка. Она сказала, что это не песни птиц и не крики тревоги. Она сказала, что всех обучит этому языку. Но Дэнни знал, что нельзя верить всему, что говорит Гарриет. Он понимал, что им нужен другой переводчик. Расщепление мозга, конечно, облегчает изучение языков, но при этом зачастую служит причиной плохого самочувствия, в частности, вызывает сильнейшую головную боль. Иногда даже изменяет личность человека. Видимо, что-то в этом роде и происходит с Гарриет. Но кроме того, расщепление не всегда бывает эффективно,— человек без способностей к языкам не приобретает их и после операции. Однако Дэнни был уверен, что с этим у Гарриет все в порядке.

Они передали на Землю все три ленты. Рано или поздно мощные компьютеры сделают свое дело. Но сейчас Дэнни очень хотел оказаться в небе, рядом с шаристами, изучить их язык испытанным способом. Все остальное — только компромисс. Они испробовали все, что было в их силах: воздушные шары с сенсорными устройствами, настроенными на живых существ, ловушки для кринпитов, микрофоны под землей для буровертов, направленные микрофоны для шаристов. У них были уже километры пленки с записями самых разнообразных звуков и самых разнообразных движений. И среди этих пленок вряд ли было более нескольких метров с полезной информацией.

И все же кое-что удалось завершить. Во всяком случае, Дэнни смог отправить пару отчетов на Землю. Пусть ему позавидуют коллеги из МТИ. Правда, сам он не был удовлетворен и продолжал изучение.

Главное, что нужно разгадать,— тайна трех независимых рас, живущих на планете. Между расами не было никакой взаимосвязи. По крайней мере, люди не замечали ее. Буроверты вообще, казалось, не вступали ни с кем в контакт. Шаристы и кринпиты хоть и вступали, но совсем не для гармоничного сотрудничества. Шаристы никогда не опускались на землю. На поверхности у них было много врагов: одни из них были похожи на летучих мышей, другие — на лягушек. Боялись они и кринпитов. Если же шарист подлетал к земле так близко, что враги могли до него дотянуться, он, как правило, тут же и погибал, поэтому вся жизнь шаристов протекала в воздухе, а конец свой они находили в желудке одного из земных существ. Такой невеселой была судьба этих симпатичных безвредных летунов.

Капелюшников скользил совсем низко над землей в одном

из воздушных потоков. Оказавшись на высоте пяти метров, он спустил веревку и скатился по ней вниз. Шары проволокли его несколько метров по земле, затем он привязал шар к дереву и встал.

Дрожь волнения охватила Дэнни в предчувствии первого полета. Пожалуй, самое трудное, думал он, это посадка. Он направился к Капелюшникову, чтобы помочь ему, и внезапно остановился, оглушенный выстрелом у себя за спиной.

Он в ярости обернулся:

— Какого черта, Моррисей?

Биолог снова вскинул винтовку на плечо.

— Я добываю образцы, Дэнни,— сообщил он радостно. Видимо, при выстреле он учел направление и силу ветра, так как шарист упал прямо к его ногам.

— А, черт,— выругался он.— Снова самка.

— Неужели? — изумился Дэнни, глядя на то, что показалось ему чудовищным пенисом.— Ты уверен?

— Меня эта штука тоже сначала ввела в заблуждение,— ухмыльнулся Моррисей.— Однако у самцов такого органа нет. Да, у них нет пениса. Эти существа занимаются любовью не так, как мы, Дэнни. Самки выкидывают яйца прямо в воздух, а самцы направляют в них свою сперму.

— Когда же ты понял это? — Дейлхауз был обеспокоен. Ведь основным правилом экспедиции было: новыми открытиями нужно делиться со всеми немедленно.

— Я думал, это связано с их способом производства водорода,— сказал Моррисей. - В этом процессе участвует излучение солнца. Когда они видят свет наших прожекторов, начинается процесс оплодотворения. А поскольку мы оказались под ними как раз в такой момент, нас и опрыскало их спермой.

— Я знаю, чем нас опрыскало,— сказал Дэнни.

— Да! И ты знаешь, что когда я, препарируя тела шаристов, добирался до половых органов, я ощущал сильнейшее возбуждение, и оно доходило до оргазма. Эта работа мне очень понравилась.

— И ты убиваешь их именно для этого? Ты же спугнул всю стаю. Как мне теперь наладить контакт с ними?

Моррисей ухмыльнулся и не ответил. Дейлхауз понял его без слов. Какие бы эмоции ни были присущи шаристам, страх не входил в их число. Моррисей уже подстрелил не менее дюжины шаристов, но стая все время находилась в пределах видимости. Может, их привлекает свет? На планете, где постоянно царил сумрак, такого понятия, как день, не существовало. Люди пытались создать его подобие, включая прожектора «утром» и выключая их на «ночь». Искусственный световой день длился двенадцать часов. Один прожектор был включен постоянно — чтобы отпугивать хищников, говорили члены экспедиции, но на самом деле из-за того, что ими владел первобытный страх темноты.

Моррисей поднял шариста — тот был еще жив и слегка шевелился. Здесь, на земле, шаристы никогда не издавали

звуков. Моррисей объяснял это тем, что их голосовые связки приводятся в движение водородом, а газовые мешки были теперь пусты. Но это существо пыталось что-то сказать. Первый шарист, подстреленный Моррисеем, жил целых сорок часов. Бродил по лагерю, волоча за собой пустой мешок, и его вид вызывал сострадание. Дейлхауз невольно обрадовался, когда шарист, наконец, умер. Этот же умер почти сразу, и Моррисей сунул его в свою сумку.

К ним подошел Капелюшников, потирая поясницу.

— Кто поднимается в воздух первым, всегда чем-то жертвует. Ну, Дэнни, ты еще хочешь лететь?

— Ты имеешь в виду — прямо сейчас? — удивился Дэнни.

— А почему бы и нет? Ветер благоприятствует. Вот только нужно еще пару баллонов наполнить.

Это заняло гораздо больше времени, чем предполагал Дэнни. Наполнить газом два баллона, чтобы они могли поднять человека, насосом, который выпускал воздуха больше, чем накачивал, оказалось делом трудным и долгим. Дейлхауз ел, прогуливался, пытался заняться чем-нибудь еще, но все время возвращался к насосу и поглядывал на гроздь болтающихся на веревке шаров.

Погода постепенно портилась, облака закрывали небо от горизонта до горизонта. Но Капелюшников был настроен оптимистически.

— Облака унесет ветром, и небо прояснится,— сказал он уверенно.— *Все о'кей. Привязывайся, Дэнни.*

Дэнни, не вполне ему доверяя, все же накинул на себя ремни. Он был выше, но гораздо легче русского, и мощный Капелюшников хмыкнул, стравливая излишки водорода.

— Иначе,— объяснил он,— ты улетишь в свой Мичиган.

На плечах были быстро отстегивающиеся замки, и Дейлхауз дотронулся до них.

— Нет, нет! — запротестовал русский.— Можешь воспользоваться ими, когда будешь на высоте двести метров, если тебе недорога жизнь.— Он показал Дэнни два контрольных шнура.— Это не реактивный самолет, понимаешь? Это шар для свободного полета. Здесь нет горючего. Ты можешь летать, куда тебя тащит ветер. Все дело в том, чтобы найти нужный поток. Если тебе нужно опуститься — страви газ. Но лучше его экономить.

Дейлхауз покрутился, чтобы ремни легли поудобнее. Совсем не похоже на планеры, подумалось ему, на которых он летал над озером Мичиган. Но если на этой штуке смог полететь русский, значит, сможет и он. По крайней мере, Дэнни надеялся на это.

— Я готов,— сказал он.

— Тогда летим,— объявил Капелюшников. Накинул на себя ремни, застегнул их, поднял с земли довольно большой камень и кивнул Дэнни, чтобы он сделал то же самое. Кто-то из стоящих рядом поднял камень. По команде Капелюшни-

кова отвязали шары. Русский, неуклюже подпрыгивая, приблизился к Дэнни.

— У тебя все в порядке? — Дэнни кивнул.— Тогда бросай камень и летим!

Он бросил свой камень и по диагонали полетел вверх. Дейлхауз сделал глубокий вдох и последовал его примеру. Казалось, все было в порядке. Не было никаких перегрузок, только онемели ноги. Дэнни смотрел вниз, пока не поднялся на высоту с полсотни метров.

Они дрейфовали на юг вдоль побережья. Высоко над ними, чуть в стороне, парили шаристы. Внизу виднелся лагерь экспедиции. Дэнни уже был на уровне последней ступени их ракеты, на которой они должны были вернуться на Землю. Слева от него расстилалось море, и вдали виднелись острова, покрытые густой растительностью. Вдруг он услышал крик Капелюшникова.

— Что? — переспросил он. Расстояние между ними увеличивалось. Каппи был метров на сорок выше и летел в глубь материка. Видимо, он попал в другой воздушный поток.

— Сбрось... немного... балласта! — кричал русский.

Дейлхауз кивнул и потянул за шнур, связанный с клапаном. Ничего не получилось.

Он потянул сильнее. И тут же из танка на него хлынула вода. Танк находился где-то над пассажиром. Вымокший Дэнни выругался и решил потом этот элемент конструкции доработать.

Но он летел!

Не очень красиво. Совсем не грациозно. Даже с управлением едва справлялся, и первый час полета провел, гоняясь за Каппи по небу. Это было похоже на игру в догонялки. Правда, Капелюшников делал все, чтобы облегчить ему задачу, но Дэнни так и не смог приблизиться к русскому.

Но он летел! Это было как во сне. Полное завоевание воздуха! Никаких двигателей. Никаких крыльев. Никакой техники. Он просто плыл в океане атмосферы, не делая для этого никаких усилий.

Такие чувства владели им и в этот, первый раз, и в дальнейшем. Со временем он приобрел опыт управления. И войти в контакт с шаристами оказалось несложным делом. Он не пытался догнать их, это было бы бессмысленно, ведь они более искусные пилоты. Они сами подлетали к нему, окружали, заглядывали в лицо, пели... О, как они пели!

Всю следующую неделю, вернее, то время, что здесь, на Клонге, можно было условно принять за неделю, Дейлхауз провел в воздухе. Жизнь в лагере проходила без него. Даже Каппи чаще бывал на земле, чем он. Ничто не привязывало Дэнни к земле. Он ощущал себя гостем, когда ему приходилось спускаться, чтобы поесть, поспать, наполнить баллоны. Гарриет прикрикнула на него, когда он потребовал данные о языке шаристов. Видимо, она и сама еще не слишком много

знала. Она сожалела о том, что приходится тратить энергию на генерацию водорода. Даже Моррисей молил Дэнни найти время для помощи ему в изучении других существ. Но Дэнни уже был не с ними. Он жил в небесах Клонга. Из жалкого любителя он превратился в искусного аэронавта. Даже стал обмениваться информацией, правда весьма элементарной, с некоторыми шаристами. Один из них, самый крупный — почти два метра в диаметре, казался Дэнни дружелюбней других. Дэнни назвал его Бонни Принц Чарли. А как шарист сам себя называет, он понятия не имел. Если бы не было физической необходимости, Дэнни вообще не возвращался бы в лагерь.

Но там была и Гарриет. Дэнни нужна была ее помощь в переводе. Правда, вскоре он убедился, что многие из ее заключений неверны. Тем не менее это было все, чем он располагал в общении с изумительными существами воздуха. Дэнни ругался с Гарриет и доводил ее до слез, требуя научить его языку, на котором говорили шаристы, но толку было мало. И все же с течением времени между ним и шаристами стали устанавливаться некоторые отношения.

Никто не знает, какая часть нашего образования может оказаться полезной в жизни. Долгое изучение грамматики Хомского, критики Дарти и Лоренца не могло пригодиться в небесах Клонга. Но Дэнни благословлял каждый час, проведенный под парусами на озере, и каждый вечер, когда он играл в квартете. Язык шаристов фактически был музыкой. Даже в языке китайцев не было такого разнообразия тональностей, как у шаристов в их песнях. Еще не понимая их, Дэнни смело вступал в их хор, и они отвечали ему, хотя и без особого энтузиазма, но с любопытством. Друг Дэнни даже научился выпевать его имя.

Дэнни понял, что некоторые песни шаристов есть не что иное, как предупреждение об опасности. Причем различались три вида опасности: одна с земли и две, не схожие друг с другом, с воздуха. Один из звуков означал приближение акулы воздуха — самого опасного врага шаристов.

Что касается другого звука, то, насколько мог понять Дэнни, он означал опасность сверху, и не простую, а смертельную. Дэнни размышлял об этом часами, но так ни до чего и не додумался. И Гарриет не могла ему помочь, из-за чего Дэнни сделал ее жизнь настоящим адом. Вскоре с Земли пришли некоторые расшифрованные данные, и Гарриет смогла составить для него несколько фраз. Теперь он смог пропеть: «Я друг...»,— на что, к удивлению Дэнни, его приятель Чарли в ответ разразился целой песней.

— Да, да, конечно! Мы друзья!

И весь хор присоединился к нему.

Коварная погода благоприятствовала Дэнни восемь дней. Но потом поднялся ветер, по небу понеслись облака. При сильном ветре даже искусные шаристы с трудом могли дер-

жаться вместе, а Дэнни буквально несло по небу. Он только старался держаться поближе к лагерю. Стая шаристов тоже не улетала далеко. Наконец, Дэнни сдался и решил приземлиться. Он пропел прощальную песню и тут же услышал в ответ песню «Опасность с воздуха». Сначала он подумал, что это связано с погодой, но вдруг сквозь свист ветра он услышал звук мотора геликоптера.

Дейлхауз оставил стаю, взмыл вверх, чтобы найти подходящий поток, и полетел к лагерю. Да, действительно, к лагерю спускался геликоптер гризи с флагом «Юнион Джек» на хвосте. Такая расточительность!.. Мало того, что израсходовали уйму энергии, доставив сюда геликоптер, они еще позволяют себе совершать развлекательные прогулки! Как это типично для гризи, сидящих на нефти!

Дэнни выругался с презрением. Если б гризи отдали им хотя бы часть тех килокалорий, которые они так беззаботно тратят, он, Дэнни, давно имел бы компьютер. Капелюшников запустил бы свой глайдер, Моррисей поставил бы на свою лодку хороший мотор и уже давно имел бы полную коллекцию образцов морской фауны.

Да, в мире что-то не так, если горстка людей беззаботно может жечь горючее только потому, что им посчастливилось жить там, где горючего много. Конечно, когда запасы нефти кончатся, эти страны будут такими же нищими, как паки или перуанцы. Но радоваться этому не придется. Ведь закат этих наций будет означать закат всего мира... По крайней мере, мира Земли. Возможно, что-то и удастся сделать. К этому надо готовиться, все обдумать. Обязательно установить контроль над рождаемостью, чтобы увеличение населения не поглотило окончательно скудные ресурсы. И разделить богатства Клонга так, чтобы ни одна нация, ни один человек не получили преимущества перед остальными. Попытаться добиться всеобщего объединения...

Внезапно Дейлхауз осознал, что погрузился в мечты. Ветер занес его гораздо дальше, чем он предполагал. Он оказался почти над открытым морем. Дэнни быстро спустил водород и приземлился на песчаной косе. Теперь придется идти пешком в лагерь и тащить шары. Капелюшников будет в бешенстве. Вздохнув, Дэнни отправился в путь. Начался дождь.

Дождь шел, не прекращаясь ни на минуту. Не сравнить, конечно, с тем штормом, который обрушился на лагерь после их приземления. Но от того, что дождь лил и лил с унылым постоянством, казалось, теперь все обречены постоянно жить в воде, шлепать по грязи. Весь лагерь превратился в болото. Дэнни с сожалением понял, что летать сейчас невозможно, и занялся шарами, надеясь, что погода изменится. Гарриет Сантори совсем осатанела, ругаясь абсолютно со всеми. Моррисей в своей палатке сортировал образцы, рисовал какие-то таинственные схемы и поглядывал на мутное небо, качая головой. Дэнни составлял длиннейшие послания на Землю...

— Если ты внимательно присмотришься, то заметишь, что растительность распределена неравномерно. Видишь эти оранжевые кусты? Они растут по определенным четким линиям. Я уверен, что подземные жители удобряют почву таким образом, что ее избирают растения определенных видов. Подобие этому есть и на земле. Возьми, например, земляных червей... Они взрыхляют почву, и растения растут лучше, конечно, процессы, возможно, другие, но результат тот же.

Джим Моррисей сел на стул и с тревогой посмотрел на Дэнни. Тот задумался, прислушиваясь к ударам дождевых капель о полотно палатки.

— Ты сказал мне больше, чем я хотел узнать, Джим. Но я тебя понял. Ты хочешь, чтобы я помог тебе копать. А сможем ли мы копать так быстро, как требуется?

— Именно поэтому я взял у Война канавокопатель. Он работает все время, пока идет дождь. Я думаю, подземные жители ощущают вибрацию земли, и хочу, чтобы они привыкли к этому прежде, чем мы начнем.

— Ты объяснил Войну, зачем тебе это нужно? Полагаю, они и сами хотят заниматься подземными жителями.

— Именно поэтому я и не сказал ничего. Я сообщил, что мы хотим выкопать новые ямы для уборных. Сейчас машина как раз над теми кустами, которые, с моей точки зрения, наиболее интересны.— Джим встал.— Ты идешь со мной?

Дэнни с тоской подумал о своих воздушных друзьях, гораздо более привлекательных, чем эти черви или крысы. Но сейчас не было возможности подняться в воздух...

— Да,— откликнулся он.

Моррисей ухмыльнулся.

— Ну что ж, это было самое простое — уговорить тебя. Теперь задача посложнее — убедить Гарриет.

Гарриет повела себя именно так, как они и предполагали.

Вы серьезно думаете вытащить кого-то из этой грязи, выкопав несколько дыр в земле? — саркастически спросила она.

— Послушай, Гарриет,— старался не взорваться Моррисей,— дождь уже почти прекратился.

— Но у нас тысяча более важных дел!

— Это будет забавно,— вмешался Капелюшников.— Настоящий спорт для английских джентльменов — раскапывать лисьи норы!

— Это не просто норы,— подхватил Моррисей.— Взгляни на результаты сейсмических исследований. Здесь, под землей, большие камеры — размером в двадцать квадратных метров. Это не просто туннели. Может быть, города.

— Моррисей, я понимаю, почему никто из нас не верит тебе. Ты говоришь глупости. Города! Да, я вижу под землей пустоты, но называть их городами...

— Хорошо, хорошо. Это не города. Может, даже не деревни. Но все-таки это что-то. Может, помещения, где они

содержат своих детей. Может, склады пищи. О Боже, ну я не знаю! Может, это сцена, где они дают балетные представления или играют в бинго. Какая разница? Раз они бо́льшие, значит, должны иметь какое-то назначение. И жителям земли гораздо труднее закрыть эти проходы.

Джим выразительно посмотрел на Алекса Вудринга. Тот осторожно кашлянул и сказал:

— Я думаю, это разумно, Гарриет.

Она задумчиво поджала губы.

— Разумно? Нет, я не могу считать это разумным. Конечно, ты глава экспедиции, по крайней мере номинально. И если ты считаешь, что это разумно...

— Я считаю, что это хорошая идея,— повторил Вудринг.

— Может, ты дашь мне закончить? Если ты решил забыть о соглашении, по которому все решения должны приниматься единогласно, тогда мне сказать больше нечего, вас ведь больше.

— Гаша, дорогая,— примирительно сказал Капелюшников,— заткнись, пожалуйста. Расскажи о своем плане, Джимми.

— Слушайте. Во-первых, выкопаем яму — как можно бо́льшую. И все сразу прыгнем в нее. Нам прежде всего нужны образцы — значит, надо хватать их: все, что попадется на глаза. Мы должны застать их врасплох. А кроме того,— добавил Моррисей,— двое из нас понесут вот это,— он показал на фотокамеру.— Здесь есть яркие лампы-вспышки. Мне пришла в голову эта идея, когда я пил с Войном. Гризи везде таскают с собой такие камеры, делая снимки для развлечения. Вспышка временно ослепит обитателей подземелья, и мы легко захватим их.

— Временно, Джимми? — спросил Дэнни.

— В этом я не уверен,— неохотно ответил Моррисей.— Конечно, глаза их должны быть чувствительными, если... если у них вообще есть глаза.

— Ол райт. Что ж, мы сделаем именно так. Кроме того, у нас будут переговорные устройства, используем их, если что-то случится с кем-нибудь.

Джимми обвел всех не слишком решительным взглядом.

— *Если* кто-либо заблудится и тому подобное, пусть вызывает помощь и копает вверх. Мы по несущей частоте сможем запеленговать и откопать попавшего в беду.

Капелюшников прикрыл ему рот ладонью:

— Джим, дорогой, только не пугай нас, а то мы все разбежимся. К делу.

Гарриет не собиралась принимать участие в этой авантюре. Настояла только, чтобы два человека остались наверху: вдруг придется откапывать наших героев. Зато Спарки сказал, что никто лучше нее не справится с канавокопателем.

И вот шесть человек с лампами и веревками собрались вокруг машины, готовые прыгнуть вниз по приказу Моррисея

Машина начала работать, выбрасывая наверх комья почвы, пропитанные водой. Через минуту все было готово. Моррисей проглотил комок, стоявший в горле, перекрестился и спрыгнул вниз. За ним Алекс Вудринг, Дэнни, Капелюшников, ди Паоло и Спарки. По плану они должны были разбиться на пары, чтобы исследовать каждый туннель. Предполагалось, что они обнаружат много туннелей. Но яма, куда они попали, была не более метра в ширину. Это оказался просто туннель. Ди Паоло упал Дэнни на ногу, а Спарки свалилась ему на спину. Втроем они ворочались в яме, стараясь высвободиться, и отчаянно ругались. Если тут и были подземники, подумал Дэнни, то они давно разбежались.

— Не терять времени! — крикнул Моррисей.— Дейлхаўз! Спарки! За мной!

Дэнни обернулся и увидел фигуру Моррисея на фоне светлого круга от лампы. Тот на четвереньках пробирался за ним.

Дэнни приблизился к нему и спросил:

— Ты видишь что-нибудь?

— Нет. Молчи. Слушай.— Голос Моррисея был глухим, но Дэнни хорошо расслышал его. И вдруг он уловил еще что-то. Что? Звук был слабым, и было непонятно, что это. Крики белок?

Его собственное дыхание, шорох одежды мешали слушать, но несомненно что-то было!

Яркая вспышка ослепила его, стало больно глазам. Это была лампа Моррисея, вспыхнувшая теперь далеко впереди. Все, что мог увидеть Дэнни,— это скрюченная спина, ввинчивающаяся в грязные стены туннеля. Теперь Дэнни был уверен, что слышал рассерженные крики белок. Естественно,— подумал он, внезапно проникшись симпатией к подземникам,— что они еще могут думать о нас? Наверняка они считают нас хищниками, несущими смерть и разрушения. Наткнувшись на спину Моррисея, он остановился. Тот рявкнул через плечо:

— Сволочи! Они блокировали его.

— Туннель?

— Да, туннель. И довольно крепко. Как им это удается делать?

Внезапно Дэнни охватил какой-то атавистический страх. Заперты! А в другом направлении?.. Дэнни лег на бок и посмотрел назад. Скрюченный силуэт Спарки вырисовывался на фоне багрового неба планеты. Слава Богу! Но даже теперь он ощущал одеревенелость мышц шеи — от древнего страха человека быть погребенным заживо. И тут он вспомнил, что туннель проходит прямо под канавокопателем. А что если тяжелая машина провалится в туннель?..

— Джимми,— крикнул он,— как ты думаешь — может, стоит вернуться?

— Пожалуй. Нам здесь ничего не сделать. А вдруг ребятам повезло больше, чем нам.

Но Капелюшников с остальными был уже наверху. Он по-

мог им вылезти из ямы. Его отряду удалось пройти по туннелю всего метров десять, а потом туннель тоже был заблокирован. Группа Моррисея прошла вдвое больше, но с тем же результатом. Подземники откликнулись на вторжение очень быстро. Несомненно, условия жизни на Клонге научили их действовать именно так. Однако для людей это означало, что добыть образец подземной фауны трудно, и, вероятно, еще труднее будет установить контакт. Дэнни с нежностью подумал о своих воздушных друзьях: насколько приятнее летать по небу, чем копаться в грязи, как крыса.

Капелюшников отряхнул грязь с него, затем со Спарки Гербо.

— Послушай, дорогая,— сказал он,— ты возмутительно грязная.— Пойдем искупаемся вместе в озере.

Девушка с добродушной улыбкой увернулась от его объятий.

— Узнаем сначала, чего хочет от нас Гарриет,— сказала она.

Гарриет стояла в дверях палатки в сотне метров от них, явно поджидая путешественников, а когда они вошли, с неудовольствием осмотрела их.

— Понимаю, полный провал,— заключила она.— И этого следовало ожидать...

— Гарриет! — попытался остановить ее Моррисей.

Она подняла руку.

— Но это неважно. Может, вам интересно узнать, что произошло, пока вы копались под землей?

— Гарриет, нас не было всего минут двадцать! — взорвался Моррисей.

— И тем не менее. Во-первых, пришел сигнал с земли. Мы получим подкрепление. И пипы тоже. Во-вторых...— Она отступила в сторону, позволяя им выйти из палатки. Все снова столпились вокруг нее.

Дейлхауз был ошарашен.

Гарриет язвительно проговорила:

— Вы хотели поймать подземное существо? Мы нашли его, когда оно воровало наши припасы. Конечно, если бы вы были тут, а не теряли времени на глупости, вы помогли бы нам...

Капелюшников взвыл:

— Гаша! Не тяни! Вы поймали подземника?

— Конечно,— ответила она.— Мы посадили его в одну из клеток Моррисея. Он страшно оцарапал меня. Что хорошего можно было ожидать, когда я почти одна...

Они не дали ей закончить. Все ворвались в палатку.

Затхлый мышиный запах здесь был в тысячу раз сильнее, чем в туннеле. Дейлхауз почувствовал дурноту от этого запаха. Подземник был длиной почти в два метра. Маленькие близко посаженные глазки над узким длинным носом излучали злобу. Однако стоны подземника вызвали у Дэнни жалость. Подземник грыз железные прутья клетки и одновременно цара

пал пол коготями. Тело его покрывала короткая шерсть, а шесть сильных мускулистых ног были с острыми коготями. Зубы же у него были такими крепкими, что один из прутьев решетки пленник почти уже перегрыз. При этом он все время жалобно стонал.

Сейчас в стае было много детенышей. Они юрко сновали между двухметровыми сферами взрослых шаристов. В хоре четко выделялись тоненькие детские голоса. Они пели тихо, стараясь экономить водород, которого и так было мало в их пузырях. Чарли величественно парил в стае, руководя хором детенышей, которые то и дело сбивались с ритма, наблюдал за небом, чтобы вовремя предупредить всех об опасностях. Он вел стаю, прислушиваясь к песням.

Было много восторженных песен. Но много было и песен-жалоб. Восторженные он пропускал мимо ушей, а песни-жалобы выслушивал внимательно, готовый помочь и посочувствовать. Несколько самок оплакивали детенышей, которые, слишком рано возомнив себя взрослыми, неразумно израсходовали свой водород и упали в безжалостный мир внизу. Другие проклинали Среднее Солнце, погубившее их детенышей.

Чарли знал об этом и вел стаю, стараясь избежать такой опасности.

— Никогда, никогда,— пел хор,— никогда мы не будем плодиться вблизи Нового Солнца.

Самки выражали согласие, но некоторые из самцов возражали:

— Но как мы узнаем, какое Солнце опасно, а какое нет? И где же тогда плодиться? Дети Трех Солнц живут повсюду.

Ответная песня Чарли была убеждающей:

— Я спрошу моих друзей со Среднего Солнца. Они знают все.

Он узнает, он узнает, — пел хор.

Но самцы задавали прямой вопрос:

— И мы будем это помнить?

Песня стаи вовсе не была мирной и спокойной. На фоне доминирующей мелодии в нее то и дело вплетались мотивы недовольства. Даже сам Чарли иногда фальшивил и повторялся, вместо того чтобы переходить на новые мотивы. В его мозгу рождалось сомнение, но Чарли не осознал еще, что его породило, и потому не мог выразить его в песне. Вся она была сплошь тревога и недоумение. Кто такие люди Трех Солнц? Откуда они явились? Похожи на шаристов, однако его друг Дэнни Дейлхауз объяснил, что они совсем не такие.

Сначала появились люди Маленького Солнца. Первое время они казались просто другими наземными жителями, хотя сразу же зажгли Маленькое Солнце. Но их лагерь был на границе владений Чарли, и стая почти не обращала на них внимания.

Затем появилась группа друзей Чарли и после этого еще одна группа — люди большого Солнца. Эти были ужасны! Их

солнце всегда ярко светило. Ярче, чем настоящее. И так как голос инстинкта направлял шаристов к свету, Чарли было до боли трудно повернуть стаю прочь от Большого Солнца. Прибывшие люди спускались вниз на огненных столбах. В это время стая была далеко, и поэтому никто не пострадал. И огни уже погасли. Люди Большого Солнца послали вверх одного человека на странной штуковине, которая жужжала и сеяла вокруг себя смерть. Когда кто-либо из стаи приближался к ней, что-то разрывало его шар и он падал на землю, беспомощный и неспособный издать хотя бы один звук. Стая стала держаться от них подальше. Как и от двух других групп прибывших людей. Одна из этих групп убивала, люди второй группы не могли летать совсем, и вряд ли их можно было считать разумными... За исключением Дэнни Дейлхауза.

Чарли пел о своем друге:

— Дэнни Дейлхауз и его товарищ Каппи — разумные существа! Они летают с изяществом настоящих шаристов. Жаль, что даже Среднее Солнце светит слишком ярко, вызывая у нас оплодотворение. Дэнни и Каппи тут ни при чем, они не виноваты. Когда светит Кунг, шаристы оплодотворяются. Актиническое излучение всегда приводит к оплодотворению.

Стая медленно плыла к клубящемуся облаку. Чарли повысил голос:

— Поднимайтесь, братья!

Хор подхватил его слова.

— Поднимайтесь, сестры и друзья! Поднимайтесь, старые и молодые! Следите за окрестностями — нет ли хайхэй во влажном тумане. Держите маленьких поближе к себе!

Каждый член стаи пел во весь голос, и стая собралась в компактный шар, плывущий в облаках. Теперь они казались друг другу сквозь туман привидениями. Но песни были слышны всем. Чарли и несколько взрослых самцов летали вокруг стаи, охраняя ее. Если бы вдруг появились хайхэй, самцы не смогли бы защитить ни стаю, ни самих себя, но они пропели бы песню-предупреждение, и тогда стая бросилась бы врассыпную. Погибли бы только слабые.

При столкновении теплых воздушных потоков с холодными образовывались густые облака, в которых нередко скрывалась опасность — акулы воздуха хайхэй. Они никогда не спали и постоянно рыскали в поисках еды, потому что всегда были голодны. Хайхэй летали очень быстро, у них были острые когти и клыки. Но маленькие мешки с водородом не позволяли им свободно держаться в воздухе.

На этот раз стае повезло — в воздухе не было убийц. Чарли пропел благодарственную песню, когда стая благополучно вылетела из облаков на чистый воздух.

Стая дрейфовала к Полюсу Тепла. Чарли внимательно выбирал нужные потоки воздуха. Он всегда чувствовал, на каком уровне их подхватит воздушный поток. Ему не нужно было думать, рассчитывать — он просто знал это. Чарли не

хотелось улетать далеко от своего друга,— он так давно его не видел. Он просигналил стае подъем вверх, на сотню метров. Все подхватили его песню, и вниз начали падать капли воды: стая сбрасывала балласт. Вскоре снова все сбились вместе — на новом уровне, и поток понес их к лагерю Среднего Солнца.

Хайхэй по-прежнему не было видно, и Чарли опять запел благодарственную песнь. Как хорошо плыть в воздухе...

Они уже приближались к границе своей территории, когда Чарли увидел в нескольких километрах от них другую стаю. Чарли наблюдал за нею спокойно. Между стаями не было соперничества. Временами они дрейфовали вместе целыми днями, даже смешиваясь между собой. Иногда отдельные особи переходили из одной стаи в другую, и никого это не трогало. Они становились полноправными членами нового сообщества и начинали петь новые песни. И тем не менее стаи обычно держались внутри своих ничем не обозначенных пространств. Небо было для всех одно, и места обитания разных стай ничем, в сущности, не отличались. И все же некоторые области были более привлекательны. Область, где люди Большого Солнца построили сверкающие хижины и зажгли огромные лампы, была одной из самых любимых. Приятные потоки воздуха обтекали пологие холмы, и хайхэй здесь было мало. Чарли запел песню сожаления — о том, что им долго придется избегать этой области. Берег бухты, где поселился Дэнни Дейлхауз с друзьями, наоборот, редко посещался шаристами. Водяные пары океана создавали здесь густую облачность, в которой скрывались убийцы. Любой член стаи мог бы оспорить решение Чарли вернуться туда, и был бы прав. Однако жизнь шаристов подчинялась строго определенным законам, и решения вождя не оспаривались никогда. Если он говорил — сделай это, то это делалось. Чарли был самый старший, и его песни имели перевес. Если кто-то из самцов заводил свою песню, Чарли умел настоять на своем.

Кроме того, все знали, что Чарли привел в стаю своего друга, который принес новые и удивительные песни. Это была личность. Странная, это да. Но совершенно не похожая на ползающих по земле людей Маленького Солнца или летающих по воздуху с помощью машин-убийц людей Большого Солнца. Когда стая приблизилась к лагерю людей Среднего Солнца, все стали разворачиваться лицом вниз, чтобы первыми увидеть Дэнни и Каппи. И когда первый из стаи заметил одного из них, песня превратилась в триумфальную.

Но как странно выглядел теперь Дэнни! Его воздушный мешок и раньше не отличался красотой и изяществом, а теперь стал еще более бесформенным. Чарли бы его не узнал, если бы не был уверен, что во всем мире нет второго Дэнни.

Стая стала спускаться вниз, чтобы встретить Дэнни, распевая песню приветствия, которую Чарли сочинил для друга.

Дэнни так же был рад увидеть своих друзей, как и они его. Ведь прошло столько времени!.. После шторма пришлось

много работать, приводить все в порядок. А потом прибыл второй корабль — с новыми людьми и контейнером нового оборудования. Это было прекрасно, но потребовалось время для того, чтобы установить аппаратуру, включить ее, настроить. Кое-что из доставленного предназначалось в дар шаристам. Чтобы это поднять, нужно было сделать и наполнить новые шары, перераспределить балласт. Дэнни не был уверен, нужно ли это делать.

Но самым ценным грузом было с полкилограмма микрофиш, которые прибыли из Лаб. А-Л. Выяснилось, что профессор Д. Дейлкауз стал широко известен среди ксенобиологов. Его статьи печатались во всех журналах и активно обсуждались. На конференции в Мичигане развернулось настоящее сражение. Как увязать теорию Дарвина с эволюцией шаристов? Самки выпускают нитевидные яйца в воздух, и образуется прозрачная паутина, которую самцы орошают своей спермой одновременно. Так где же отбор наиболее сильных и приспособленных к жизни? Как может следующее поколение унаследовать силу, разум, сексуальную привлекательность в условиях, когда самцы передают свои гены в облако смешанного генетического материала самок? Роль основного производителя здесь взял на себя случай, который и определяет, кто будет отцом, а кто матерью будущего шариста. Да, у шаристов никогда не будет своих донжуанов. Любой из них мог бы быть лучшим производителем, но кто именно — это навсегда останется неизвестным.

Чарли мог бы внести ясность, если бы его спросили. Шаристы вступают в половую зрелость, когда начинают свободно летать. Но они все разных размеров. Чем старше, тем крупнее. А следовательно, тем больше спермы для оплодотворения яйцеклетки в облаке, выпущенном самкой. Люди же, напротив, перестают участвовать в эволюции, прожив половину жизни, и селекция перестает играть свою роль. Именно поэтому человечество так и не избавилось от болезней старости — рака, артритов, атеросклероза. Эволюция не смогла сбросить со счетов особей, не подверженных таким болезням, так как человек, заболевший одной из них, уже выпадает из процесса эволюции — не воспроизводит потомства.

У шаристов все по-другому. Гиганты вроде Чарли оплодотворяют примерно половину яйцеклеток, в то время как молодые выпускают жалкие капли. Чарли и ему подобные доказали свою способность к выживанию через простейший тест — они выжили.

Дейлкаузу очень хотелось поговорить с Чарли именно об этом. Он хотел опробовать новые конструкции языка, созданные для него большим компьютером Земли. Кроме того, Дэнни думал о подарке с Земли для стаи. С точки зрения людей Земли это лучший подарок. Разумеется, и не просто подарок. Но Дэнни понимал, что за все нужно платить. Распевая песни Чарли, он жертвовал воздухом. Впрочем, как и все шари-

сты. Когда шаристы пели, они расходовали газ и теряли высоту. А теряя высоту, рано или поздно оказывались на поверхности планеты. И если их там не съедали, то они барахтались, беспомощные и безголосые, дожидаясь, пока смогут набрать достаточно газа для подъема. Однако эту цену они платили с радостью. Жить — значит петь. Жить немолча — все равно что умереть. Да, в большинстве случаев пение — это цена жизни.

Ценой подарка, принесенного Дэнни, была жизнь пятерых шаристов, которых отправили на Землю.

Исследователи из Кемп Детрик хорошо поработали над присланными образцами. Двоих, погибших во время полета, препарировали сразу же. Этим двоим повезло. Остальных исследовали в живом виде. Самый большой и сильный из них выдержал две недели.

Экспериментаторы из Кемп Детрик тоже заплатили свою цену: восемь из них погибли от клонгианских болезней, а один имел несчастье сойти с ума и теперь до конца жизни не мог подвергать стрессам экспериментальные образцы. Шаристы вряд ли сочли бы такую расплату несправедливой.

Дэнни Дейлхауз снял с плеча сверхлегкий карабин и прицелился. Сам карабин весил не больше килограмма, а бо́льшая часть веса приходилась на высокоскоростные пули. Это было неудачное решение. Дэнни предчувствовал, что отдача после выстрела отбросит его на полнеба. Зачем здесь нужны высокоскоростные пули? Кого здесь убивать? Однако партия, прибывшая с Земли, привезла приказ Комитета Мира Объединенных Наций, по которому пули должны быть именно такими. И вот они у Дэнни.

Дэнни снова надел на плечо карабин и снял с другого плеча карабин для Чарли. Кто-то где-то решил, что это нужно Чарли и его стае для защиты от хищников. Он весил совсем немного и приводился в действие не крючком, а натягиванием игл либо капсул с той или иной жидкостью. Иглы предназначались для воздушных хищников, а жидкость — для наземных хищников типа крабов, в тех случаях, когда шаристы, вынужденные спуститься на землю, подвергнутся их нападению. Жидкость не убивает, а лишь парализует живые существа.

Дейлхаузу нужно было здорово потрудиться, чтобы все это объяснить Чарли. И он начал. Поднял лук-карабин вверх и запел песню, в которой главным был мотив, разработанный для него компьютером МТИ:

— Я принес тебе подарок!

Чарли разразился трелью. Дейлхауз разобрал всего несколько фраз, но понял, что это песня благодарности и вежливого любопытства. Маленький магнитофон на поясе Дэнни зафиксировал песню для анализа.

Далее Дэнни пропел:

— Ты должен лететь со мной и найти хаихэй.

Это была трудная фраза. Дэнни, пока разучивал ее, чуть

не сорвал себе голос. Однако Чарли вроде бы понял его. Так как песня благодарности сменилась тонкой мелодией беспокойства, Дэнни рассмеялся:

— Не пугайся. Это будет охота за ним. Я убью его этим подарком, так что стая больше не будет бояться.

Потом была песня смятения. В ней многократно повторялось слово «стая».

Оставалось самое трудное.

— Ты должен покинуть стаю,— пропел Дэнни.— Она будет в безопасности. Мы вернемся. Но прежде мы с тобой должны найти хайхэй.

Это заняло много времени. Но постепенно смысл дошел до Чарли. Он пропел песню доверия своему другу с Земли, выразив готовность отправиться с ним в трудное и опасное путешествие.

Через час после того, как они опустились вниз, оставив стаю позади, песни Чарли стали печальными. Хайхэй не было видно. Они миновали лагерь Блока Продовольствия, пролетели над побережьем, обогнули залив над колонией пипов. Дэнни уже начал сомневаться, правильно ли компьютеры Земли нашли слова для его песни-обращения. Но вот он уловил в песне Чарли смертельный страх — когда нырнули под скопление облаков. Из одного облака появилась тень хищника-убийцы.

Дэнни испытал искушение убить его из своего карабина. Все-таки *приближение хайхэй внушало ужас даже ему.* Однако он подавил это желание — ему нужно было продемонстрировать Чарли возможности нового оружия.

— Смотри! — Он поднял оружие, приспособленное для конечностей шариста. Ловя тело небесной акулы в перекрестье прицела, он все время прислушивался к низкому тремоло Чарли, выводящего песню ужаса. Когда акула приблизилась на двадцать метров, он нажал курок.

Десяток металлических игл полетел навстречу акуле расширяющимся конусом. Для успеха достаточно было одной иглы. Воздушный мешок акулы был пропорот в нескольких местах, и из него потекла жидкость. Акула вскрикнула от боли и удивления, но для следующего крика ей уже не хватило воздуха, и она полетела вниз. Ее страшная морда была искажена болью и ненавистью. Ужасные когти конвульсивно сжимались и разжимались в нескольких метрах от них.

Чарли испустил трель изумления, а потом разразился песней триумфа.

— Великолепно, Дэнни! Ты убьешь всех акул?

— Нет, не я, Чарли. Ты сделаешь это сам.— И, зависнув в воздухе, Дэнни стал учить его, как обращаться с оружием. Для существа, которое никогда не имело дело с техникой, умница Чарли довольно быстро освоил все операции. Дейлхауз дал ему возможность немного попрактиковаться, терпеливо показывая, как заряжать, как прицеливаться и стрелять.

Они уже были не одни. Стая полетела за ними и теперь

была в полукилометре от них. Ее песни донеслись до Дейлхауза. Он понимал, что стая ждет разрешения приблизиться к вожаку. Внизу был лагерь пипов, и Дэнни мог разглядеть их лица, на которых было написано любопытство. Пусть смотрят, думал он. Пусть видят, как представители Блока Продовольствия налаживают контакты с аборигенами Клонга. Пипов оставалось совсем мало, и не было пока столь разрекламированного пополнения.

Пополнение... Дейлхауз сразу вспомнил, что еще не все сообщил Чарли.

— Это подарок,— пропел он.— Тебе. Но мы тоже хотим кое-что попросить у тебя.

— Что именно? — вежливо спросил Чарли.

— Я пока не знаю, какими словами это назвать. Но скоро сумею сказать тебе. Мои соплеменники хотят попросить тебя доставить кое-что кое-куда. Некоторые из этих вещей вы оставите на Земле, другие вернете назад.

Обучая Чарли, как пользоваться камерами и магнитофонами, датчиками и сейсмологическими микрофонами, Дэнни ломал голову над тем, как объяснить ему, где установить их. Что было так просто на Земле, оказывалось почти невозможным здесь, на Клонге.

— Опасность! Опасность! — раздались крики из стаи.

Дэнни быстро осмотрелся. На них падала тень акулы. Она подлетела сзади, куда Дэнни просто не смотрел, а Чарли был слишком занят новыми игрушками.

Если бы не крики стаи, они были бы захвачены врасплох. Однако реакция у Чарли оказалась лучше, чем у Дэнни. Он быстро повернулся и, прежде чем Дэнни успел снять свой карабин с плеча, показал, что хорошо усвоил урок. Хищник, судорожно извиваясь, полетел вниз.

— Прекрасно! — воскликнул Дэнни.

И Чарли запел:

— Какой чудесный подарок!

Они полетели к стае.

Иглы огня начали вонзаться в стаю. Они прилетали из лагеря пипов.

— Беда! — вскричал Дэнни.— Эти идиоты стреляют ракетами!

Ракеты взрывались в центре стаи, и тут и там вспыхивали огненные факелы водорода.

Прошло совсем немного времени с того момента, как Дулла пришел в себя, поэтому он еще плохо сознавал, что происходит вокруг. Сначала он услышал странные звуки, которые были ему непонятны, и какие-то незнакомые люди тащили его к аппарату, которого он тоже никогда не видел. Затем боль, ужасная боль...

Позже он долго слышал, как люди говорили о нем. Но он не испытывал никакого желания вступать в разговор. Приходя в

сознание, он понимал, что боль уже ушла. Эти гризи применили к нему неприятные методы лечения, но они помогли. Он остался жив. Исчезли опухоли, слепота. Он только очень ослабел.

Когда Дулла проснулся в другой раз, он понял, что может держать глаза открытыми. Возле него стоял Фен Хуа-цзе. Китаец очень исхудал. Дулла подумал, что Фен выглядит еще хуже, чем он сам.

— Тебе лучше? — невесело спросил Фен.

Дулла задумался.

— Пожалуй, да. А что случилось?

— Я рад, что тебе лучше. Длинноносые принесли тебя от твоих друзей жуков. Они сказали, что ты будешь жить, но я не поверил. Ты был без сознания очень долго. Хочешь есть?

— Да. Впрочем... нет,— поправился Дулла.— Хочу, но не сейчас. Сейчас я хочу в нужник.

— Тебе помочь?

— Нет, я сам.

— Я рад этому,— сказал Фен, который прислуживал как сиделка, пока Ахмед был без сознания. Пакистанец мучительно медленно поднялся с циновки и, пошатываясь, побрел в уборную.

Он осмотрелся вокруг. Лагерь представлял печальное зрелище. Правда, крутилось водяное колесо, а значит, была энергия. Но где обещанное электричество, богатый урожай, удобства? И где люди?

Фен последовал за ним и грустно смотрел, как Дулла опорожняет мочевой пузырь.

— Почему ты здесь стоишь? — рявкнул Дулла, с трудом затягивая шнур пижамы.— Что происходит? Почему сделано так мало?

Лидер развел руками.

— Что я могу сделать? Нас было десять. Двое умерли в том путешествии, которые ты счел необходимым. Один умер здесь. Двое были так плохи, что их пришлось отправить на Землю — благодаря гризи. Итальянец спит, две женщины собирают топливо.

— Собирают топливо? Разве мы снова стали крестьянами?

Лидер вздохнул.

— Я сделал, что мог.— Он сказал фразу, которую часто произносил про себя.— Помощь придет. Сам Наследник Мао распорядился. Два больших корабля, люди, материалы. Скоро...

— Скоро! А до того что? Мы ничего не будем делать?

— Иди в постель,— осторожно сказал Фен.— Ты устал. И утомил меня. Если хочешь — поешь. Еда есть: дали Жирные. Иначе не осталось бы в живых никого.

— Теперь мы уже попрошайки! — вспыхнул Дулла. Он покачнулся и ухватился за плечо Фена.— Для этого я учился столько световых лет. За это я чуть не погиб! Какими мы будем выглядеть идиотами, когда вернемся на Землю.

Фен покачал головой. Он снял с плеча руку пакистанца и

отошел в сторону: от давно не мывшегося Дуллы ужасно пахло. Незачем было ему говорить об этом, тот знал это сам. Фен принял подачку Жирных, так как иначе бы они все умерли от голода. Он принял помощь гризи для освобождения Дуллы и возвращения больных на Землю. А теперь там судачат о том, что Фен Хуа-цзе слабо подготовил доверенную ему экспедицию. Сейчас его наверняка критикуют со всех сторон. Когда он вернется на Землю, если вернется, самое большее, на что он может рассчитывать,— это снова оказаться нищим биохимиком на Желтой реке. А если его не снимут до тех пор, пока не прибудут два больших корабля...

О, тогда... Он снова вспомнил послания с Земли. Второй корабль доставит не десять, не пятнадцать, а целых тридцать пять человек. Агроном... Он продолжит то, что начал Фен, станет возделывать земные злаки. Нет никаких сомнений, что во втором или третьем поколении растения будут давать урожаи. Два высококвалифицированных переводчика, причем один с расщепленным мозгом. Доктор... Нет, поправил себя Фен, хирург с мировой репутацией, специалист по сложнейшим травмам. Судя по фотографии, ростом метра два и черен, как волос ребенка. Три человека — специалисты по выживанию. Один из них ранее служил в Красной Гвардии, а пройдя курс обучения скаутов, практиковался в пустыне Гоби, затем в Гималаях.

А второй корабль доставит фотоэлектропреобразователи, способные вырабатывать энергию напряжением 230 вольт в большом количестве. Пластик, топоры и мачете, несколько винтовок, легкие велосипеды, компьютер с шеститерминальной системой, радиооборудование, лазер. И продовольствие, достаточное для того, чтобы безбедно прожить несколько месяцев...

Это казалось сном.

Но Фен знал, что среди этих тридцати пяти человек обязательно найдется кто-нибудь, кто спокойно подойдет к нему и скажет:

— Фен Хуа-цзе? Меня направил сюда Наследник Мао, чтобы выслушать твои объяснения, почему потерпел неудачу проект, на который мы возлагали столько надежд.

И после этого начнется для Фена самое трудное. Оправданий его никто не примет. Посланника будет интересовать, почему трое умерли, двое отправлены домой, а остальные сделали так мало. Такие мысли теснились в голове Фена. Но он сказал только:

— Иди спать, Дулла. Ты мне уже надоел.

Дулла не пошел спать. Гнев придал ему силы. Он разбудил итальянца.

— О, ты уже ожил? — Спадетти потянулся и погладил подбородок, отливающий синевой.— А мы думали, тебе хана. Я даже держал пари на дневную долю еды.

— Я только что говорил с Феном, этим кретином.

— Дулла, он ни в чем не виноват! Просто мы первые.

И мы делали ошибки, без которых не обойтись. Они послужат уроком другим.

— Я не желаю быть учителем Жирных и гризи! Я вообще не хочу, чтобы они были здесь. Это должна быть наша планета, и мы сделаем ее такой, какой она нам нужна.

— Да,— согласился Спадетти.— Я тоже так считал. Но что мы можем? Каждое наше действие казалось правильным. Даже твое решение завязать дружбу с аборигенами...

— Эти животные? Никто из них не может стать другом.

— О, ты неправ, Дулла. Наши соперники достигли кое-каких результатов. Шаристы переносят их аппаратуру по всей планете. А гризи подучают червей, чтобы они сделали туннель под нашим лагерем и подслушивали наши разговоры. Может, они и сейчас слушают.

— Чепуха. Ты прямо идиот.

— Возможно. Однако это не чепуха,— улыбнулся итальянец, нисколько не обидевшись.— Конечно, я пошутил, но доля правды тут есть. А чего достигли мы? Чего достиг ты, Дулла, посетив колонию своих друзей, кроме того, что потерял двоих? Мы потерпели неудачу, вот и все.— Он зевнул и почесался.— А теперь, Дулла, сделай милость, дай мне возможность проспаться. Вокруг все так жестоко, что лучше жить во сне.

— Пей свое вино и спи,— холодно сказал Дулла.

— О, Дулла, неплохая идея. Вот только если бы тут было настоящее вино, а не эта мерзость...

— Свинья,— сказал Дулла, но тихо, чтобы Спадетти мог сделать вид, что не слышал. И повернулся, чтобы дойти до своей постели и сесть, не слушая больше жалобы того, кто пил вино, сделанное им самим из сока местных фруктов. Может, этот сок убьет его? А почему нет? Один запах этого зелья отбивал аппетит у Дуллы, хотя он знал, что поесть необходимо. Со времени высадки на Клонг он потерял десять килограммов, и худеть дальше недопустимо.

Выпив воды, Дулла заметил возле постели небольшой сверток. Развернул его. Это оказались микрофильмы — письма с Земли.

— О, ты нашел свои любовные письма! — воскликнул итальянец.— Жаль, что я не смогу их прочитать — не знаю языка. Но девушка очень симпатичная.

Не обращая внимания на Спадетти, Дулла прошел в радиорубку, где было единственное работающее устройство для чтения. Итальянец прав: почти все об одном и том же. Ей не хватает Дуллы. Она думает о нем. Она с грустью вспоминает дни, проведенные с ним в Софии.

Но на фотографиях Анна была в Париже, в Лондоне, в Каире, в Нью-Йорке... Неплохо же она проводит время!

Богатые страны! И разные, так как богатство одних обеспечено горючим, других — продовольствием... Но богатство есть богатство. И его, представителя пипов, отделяет от болгарина, жителя страны Блока Продовольствия, большее расстояние,

чем от кринпита. Но тут же он подумал, что несправедлив. Нан совсем не такая. К тому же она провела детские годы в Хайдарабаде.

Избавившись от тошнотворного запаха вина, Дулла почувствовал голод. Он нашел немного жареной кукурузы и начал есть, просматривая письма Анны и сообщения с Земли. Да, много событий произошло, пока он был как бы вне жизни. Жирные получили с Земли подкрепление. Официально считалось, что это отряд ООН для поддержания мира, но это заявление могло обмануть только аборигенов Клонга. Гризи запустили спутник с астрономической обсерваторией, и последуют изменения радиации Клонга. Правда, эксперимент нельзя считать чистым, но все же Дулла изучал результат с изумлением и завистью. Ведь это его собственный проект! Работа, которой он обучался два года! Какая неудачная экспедиция! Он с отвращением посмотрел на разбросанные ржавеющие приборы, которые валялись в палатке только потому, что некому было на них работать. Как много нужно сделать! Настолько много, что он даже не знал, с чего начать.

Снаружи послышались рассерженные голоса. Дулла выглянул из палатки. Из-за чего-то ссорились Фен и итальянец, а в небе зависла стая шаристов. Если бы Наследник Мао был более дружелюбным с другими странами и если бы Фен был меньшим идиотом, тогда они могли бы иметь геликоптер, как гризи, или сделали бы воздушный шар, как Жирные. И он смог бы тоже летать со стаей. Но этот шанс упущен. И даже кринпиты, с которыми Дулла хотел установить контакт, были ему такими же чуждыми, как и раньше. Да, он рисковал. Он вспомнил свои ощущения, когда лежал беспомощным среди шевелящейся массы этих крабообразных. Если бы они не начали поедать тех двоих, то его бы уже не было в живых. И ведь весь риск впустую. Даже того единственного кринпита, с которым можно было бы попытаться установить контакт или хотя бы сохранить его как образец, идиот Фен умудрился отдать гризи.

Внезапно до него донеслись другие звуки — какое-то бурление и свист. Дулла выбежал из палатки. Он увидел, как огненные стрелы вонзаются в небо, а Фен с итальянцем отчаянно борются. Одна из ямайских женщин ругала их обоих.

— В чем дело? — крикнул Дулла.

Итальянец оттолкнул Фена и повернулся к нему. Глаза его светились возбуждением.

— Фен решил приветствовать наших друзей.— Он показал на небо, где взорвались ракеты и тут же появились огненные шары. Шары вспыхивали один за другим, подожженные искрами.

— Идиоты! — закричал Дулла.— Вы видите, что вы наделали?

— Я поджег всего несколько шаров, ну и что? — сказал Спадетти.

— Шары! Протри глаза, пьянчуга. Ты видишь — там чело-

век? Он решит, что мы пытаемся убить его. Теперь он вернется на свою базу и доложит, что Народная Республика объявила им войну. Это может плохо кончиться для нас.

— Тише, Дулла,— сказал Фен.— Теперь нам плевать на отношение к нам Жирных и гризи. Помощь уже в пути.

— Ты такой же идиот, как и он. Зачем нужно было стрелять?

— Хотелось бы мне,— ответил Фен,— чтобы тебя не спасали, Дулла. Здесь было спокойнее, пока ты торчал у кринпитов.

— А мне бы хотелось,— выпалил Дулла,— чтобы нашим лидером был кринпит, который хотел меня убить. Он менее безобразен, чем ты, и гораздо умнее.

Этот кринпит был за много километров от лагеря пипов и почти так же зол, как Дулла. Его привели в почти безумное состояние голод и постоянный ослепляющий шум в лагере. В мире кринпитов никогда не было тишины, но уровень шума всегда был приемлемым. Шестьдесят-семьдесят децибелов, за исключением редких случаев грозы с раскатами грома.

Для Шарн-игона пребывание в лагере стало пыткой. Иногда здесь было тихо и спокойно, иногда ослепительно шумно. У кринпита не было внутреннего механизма для уменьшения чувствительности слуховых нервов. Шарн-игон понятия не имел, какие тут приборы и для чего они. Но он мог распознать каждый прибор: завывание сверлильной машины, мягкий рокот геликоптера, визги электропилы, глухие удары водяного насоса. Шарн-игон прибыл в лагерь почти ослепшим. После пребывания возле мотора геликоптера он чувствовал себя как человек, долго смотревший на солнце незащищенными глазами. В состоянии слепоты он оставался очень долго. Его сразу же поместили в железную клетку. Кринпит пытался перегрызть прутья, но это ему не удалось. Как только появлялась царапина, прут сразу же заменяли новым. Ядовитые Привидения — обитатели лагеря — без конца беспокоили его, называя его имя, имитируя каким-то таинственным образом произносимые им звуки. Шарн-игон понятия не имел о звукозаписи, и когда воспроизводился его собственный голос, он ощущал себя как человек, впервые увидевший в зеркале свое отражение. Он понял, что Ядовитые Привидения хотят поговорить с ним, но редко откликался. Ему нечего было сказать им.

И он умирал от голода. Его кормили почти одними растительными продуктами. Ел он с отвращением, и голод еще больше усиливался от запаха Нижних Привидений и даже Верхних Привидений. Но Ядовитые Привидения не давали ему мясного. И потом, почти все время вокруг был этот ослепляющий шум... Шарн-игон был близок к тому, чтобы сойти с ума.

Но он цеплялся за жизнь, потому что у него была цель. Ядовитые Привидения убили Чи-прюитт. Он еще не научился различать Привидения и не знал, кто из них убийца. Да это было и неважно. Виновны все. Кринпиту было ясно, что для

отмщения он должен убить как можно больше Привидений, но он не знал, как это сделать. Он стер когти и края панциря, но прутья решетки держались.

Когда лагерь затихал, кринпит разговаривал с Верхним Привидением, содержащимся в соседней клетке.

— Я хочу съесть тебя,— сказал он ему. Если б не решетка, Привидение было бы легкой добычей. Оно потеряло газ полностью и теперь корчилось на полу в клетке. Его песни стали еле слышны.

— Тебе до меня не добраться, если ты не сбросишь свой панцирь. А тогда я съем тебя.

Кринпит мог объясняться со своим соседом. Совместная жизнь многих поколений на одной планете привела к тому, что все они теперь немного понимали друг друга.

— Я съел уже несколько таких, как ты,— сказало Верхнее Привидение.— Особенно мне нравится спинка.

Хвастается, конечно, думал Кринпит. Но все это было правдой. Шаристы нападали на кринпитов, когда те меняли панцири.

— Послушай,— прошептало Верхнее Привидение,— я умираю. Можешь съесть меня, если хочешь.

Шарн-игон с грустью ответил:

— У меня тоже положение безвыходное, так что можешь есть меня.

И вдруг он заметил, что Привидение каким-то образом оказалось вне клетки.

— Как ты выбрался?

— Я так близок к смерти,— слабо пропело Привидение, что легко пролез между прутьев. Мне продырявили мешок с газом, и жизнь утекает из меня.

— Как бы мне также пролезть?

— Почему ты не откроешь клетку? Убивающие суют такую твердую штуку в определенное место клетки, когда хотят открыть ее.

— О чем ты говоришь?

— Подожди, тут есть одна такая. Я покажу.

Понятия Шарн-игона о ключах и замках отличались от человеческих. Однако и у кринпитов было нечто подобное. Он ерзал от нетерпения, пока умирающее Привидение тащилось к клетке с чем-то твердым и блестящим во рту.

— Ты освободишь меня? — спросил кринпит.

— Но ты же меня съешь.

— Да, съем. Но ты ведь все равно умрешь.— И Шарн-игон добавил: — Твой голос очень слаб.

Шарист что-то печально просвистел. Видимо, примирился с этой неизбежностью.

— Если ты освободишь меня,— начал торговаться Шарн-игон,— я убью за тебя Ядовитое Привидение.— И признался: — Я все равно буду убивать, так как они убили мою жену.

— Сколько убьешь? — с сомнением пропел шарист.

Сколько смогу. Одного обязательно... Нет, двоих. Двоих — за тебя и остальных, а сколько смогу — и за себя.

— Троих за меня. Трое напали на меня и причинили мне боль.

— Хорошо, троих. Но давай быстрее, а то Привидения вернутся.

Через несколько часов, уже на пределе своих сил, Шарн-игон приблизился к деревне кринпитов. Это была не его деревня. Он давно слышал доносящиеся отсюда звуки, но был настолько болен и слаб, что добирался очень долго.

— Шарн-игон, Шарн-игон,— бормотал он, приближаясь к чужой деревне.— Я не ваш. Шарн-игон...

Мимо проползла самка, даже не обратив на него внимания. Это удивило его, несмотря на то, что именно этого он и ожидал. Каждый шаг по деревне давался ему с трудом.

— Шарн-игон! — опять позвал он.— Я хочу поговорить с кем-нибудь из вас, хотя я не ваш.

Ответа, конечно, не последовало. Контакт оказалось установить не просто. Деревни были изолированы друг от друга как географически, так и в прочих отношениях. Они не воевали, но и не поддерживали никакой связи.

— Шарн-игон! — начал он снова, и тут наконец-то навстречу ему выполз самец-мать. Не заговорил с ним, но и не уходил. Двигаясь, он произнес свое имя:

— Тшар-п-фланг.

— Хороши ли празднества, чужой брат? — вежливо спросил Шарн-игон.

Ответа не было, только снова было названо имя, на этот раз громко и отчетливо.

— Я не ваш,— сказал Шарн-игон.— Мне неприятно находиться здесь. Вам это тоже неприятно. Однако я должен поговорить с тобой.

Снова послышалось имя чужого кринпита, и вот Шарн-игон услышал:

— Зачем ты здесь, Шарн-игон?

У него дрогнули колени:

— Мне нужна пища. Шарист был такой тощий, что мне не удалось восстановить силы.

Шарн-игон постарался не есть отравленных Привидений. Он был уверен, что убил двоих, а третий если и останется в живых, то придет в себя нескоро. Так что он отдал долг шаристу.

Но он еще не отомстил за Чи-прюитт.

Шарн-игон с трудом сломал традиционные барьеры между деревнями. Это заняло много времени и отняло у него много сил. Но в конце концов Тшар-п-фланг предоставил ему кров и выполнил его просьбу.

Шарн-игон ел то, что ему принесли, а Тшар-п-фланг оживленно разговаривал с жителями деревни за стенами хижины. Затем все они вошли и окружили Шарн-игона, наблюдая,

как он управляется с едой. Шарн-игон игнорировал все вежливые звуки любопытства до тех пор, пока не наелся. Затем отодвинул в сторону объеденный скелет и заговорил.

— Ядовитые Привидения убили мою жену и не съели ее.

Послышались возгласы осуждения.

— Они схватили меня и посадили в клетку. Они забрали моих детенышей и утащили куда-то, но я уверен, что и их они не съели.

Снова оглушительные звуки — смесь сочувствия и гнева.

— Они захватили Верхнее и Нижнее Привидения и много других живых существ, но не съели. Я убил троих. Хотел бы убить и больше. Вы друзья Ядовитых Привидений?

Тшар-п-фланг с презрением сказал:

— Нет. Их друзья — Нижние Привидения.

Кто-то заметил:

— Но Привидения умеют убивать. Они говорили с нами на нашем языке и требовали, чтобы мы не воевали с ними, а то нас перебьют.

— Ядовитые Привидения лгут! — воскликнул Шарн-игон.— Послушайте, они уверяют, что прилетели из другого мира, подобного звездам на небе. Вы знаете, что такое звезды?

— Говорят, они светят на небесах.

— От небес исходит тепло. Я не слышал ничего об этих звездах. Как бы громко я ни кричал, я не слышал эха от них.

— Мы тоже говорили об этом,— осторожно сказал Тшарп-фланг.— Но мы боимся Ядовитых Привидений: они убьют нас и не станут есть.

— Да, возможно, так и будет,— сказал Шарн-игон. И, помолчав, продолжал: — Если мы не убьем их первыми. Если все наши деревни не объединятся, и не нападут на них, и не убьют их всех.

Мегги Миннингер больше не была блондинкой. И в паспорте ее имя было другим. Согласно путевым документам, она была теперь майором, направляющимся к новому месту службы. Хотя генерал, подписавший документы, санкционировал возможную задержку, вряд ли он предполагал, что майору придется задержаться в Париже.

В маленькой комнате отеля Мегги съела несколько круассонов с апельсиновым соком и позвонила, чтобы узнать, не пришло ли письмо, которое она ждала.

— Сожалею, мисс Бернарди, но ничего нет,— вздохнула консьержка.

Мегги с отвращением надкусила еще один круассон. Франция номинально входила в Блок Продовольствия — в основном за счет вин — но, черт побери, что за гадость подают здесь на завтрак!

Она устала от этой комнаты, от застоявшегося запаха, оставленного здесь предыдущими постояльцами. Ей хотелось двигаться, а места было мало. Пока она торчит в этой комнате,

кораблн пипов летят на Клонг, собирается новая миссия стран Блока Продовольствия и только Бог знает, что происходит в Вашингтоне и ООН.

Закончив завтрак, она быстро оделась, а когда спустилась вниз, увидела на столе записку: «Мисс Эстер Бернарди ждут в 15.00 для встречи».

Видимо, записка ждала ее уже давно. Мегги не стала ругаться с консьержкой. Ей нужно решить, как убить время. Еще целых пять часов! Она пошла на улицу Конартин, раздумывая, чем же заняться. Время надо было потратить хоть с какой-то пользой.

День выдался теплый. Запах газолина висел над Плас Опера. Хотя Франция принадлежала к Блоку Продовольствия, она была гостеприимна по отношению и к арабам, и к пипам. Вот еще одна причина, почему нельзя доверять лягушатникам, думала Мегги. Но не сейчас же заниматься подобными проблемами. Сейчас необходимо на что-то потратить пять часов. Могло быть только одно решение. Она должна делать то, что делает большинство американок в Париже. Она пойдет по магазинам. Это лучший способ не привлекать к себе внимания. К тому же ей самой этого хотелось.

Тайной страстью Мегги, которую она тщательно скрывала, было хождение по магазинам. Она с удовольствием щупала ткани, примеряла одежду, обувь. В ее маленькой квартире в Хьюстоне было две комнаты, и обе, как и гостиная, были завалены покупками. Они были засунуты в шкафы, под диваны прямо в пластиковых мешках: свитера, которые она никогда не надевала, одежда, скроенная, но не сшитая... Спальня ее всегда была чисто прибрана: никогда не знаешь, кто сегодня ляжет с тобой. Но эти две тайные комнаты были частью ее сущности. Мегги Миннингер не делала дорогих покупок. Не потому, что была скупа,— ее счета в банке были неограниченными. Но у нее был свой особый вкус, который и определял характер покупок. Периодически она объявляла войну своей расточительности, и тогда Миссия Доброй Воли и Армия Спасения растаскивали ее залежи. Однако спустя неделю все начиналось сначала.

Мегги не привлекали обычные ловушки для туристов на Елисейских полях. Магазины фирм «Юниприкс», «Прентампс» и «Галери Лафайет» — те были в ее вкусе. К тому же она понимала, что не может целиком отдаться своей страсти. Ведь ей некуда было девать покупки, а оставить их в гостинице — значит привлечь внимание. Поэтому пять часов она провела в парижских магазинах, и для продавцов это было настоящей пыткой, что Мегги Миннингер вовсе не беспокоило. Когда, наконец, такси ровно в три часа доставило ее к отелю, настроение у нее улучшилось. Она пересела в другой автомобиль и откинулась на твердую пластиковую спинку сиденья, ожидая, что будет дальше. Водитель остановился на Плас Венесуэла.

Среди туристов мелькнуло лицо ее отца, который вовсе не удивился, увидев ее.

— Привет, дорогая,— сказал он.— Я принес твою игрушку.

Она взяла у него камеру и придирчиво осмотрела ее. Камера была тяжелее, чем казалась на вид. Значит, нужно быть осторожной и не давать ее никому.

— Не пытайся снимать,— сказал отец, садясь в машину.— Повесь на шею, и все. А когда прибудешь, куда направляешься...— Он нажал на затвор, и камера открылась, обнаружив предмет, отливающий тусклым металлическим блеском.— Это то, что тебе надо. И еще сто тысяч нефтедолларов в сумке.

— Спасибо, папа.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Ты не сказала матери, что я позволил тебе пойти на это?

— Конечно, нет!

— И не говори,— одобрил он задумчиво.— Как обстоят дела в Кемп Детрик?

— Неплохо, папа. Ты дашь мне транспорт, и я смогу послать несколько стоящих парней.

Он кивнул.

— Ты знаешь, пипы обстреляли одного из наших парней. Все обошлось без последствий, но прецедент есть.

— Он не отстреливался?

— Нет! Это твой старый знакомый по Болгарии. Насколько я знаю, он не верит в то, что применение силы подействует. По моему требованию, он доложил об инциденте в ООН. У него есть ленты и снимки, доказывающие, что это было нападение.

Отец взглянул в окно машины. Они уже пересекли Сену и углублялись в рабочий пригород Парижа.

— Здесь я выйду. Увидимся в Вашингтоне, дорогая. Береги себя.

На следующее утро Мегги была в Триесте. Но здесь она была уже не Мегги Миннингер и не Эстер Бернарди, а сонной швейцарской домохозяйкой. Югославскую границу она пересекла на наемном фиатовском электромобиле. С нею ехали женщины, намеревавшиеся купить дешевые овощи в Югославии. Приехав в Загреб, она пересела в автобус, который направлялся в столицу. Предмет, который передал ей отец, находился в плоском пластиковом мешке под свитером и старой потрепанной книжкой. Она очень устала и хотела спать.

Мегги росла в семье Годфри Миннингера. Она была единственным человеком в мире, которому ее отец доверял полностью. Вначале он делился с ней потому, что она еще ничего не могла понять и можно было спокойно говорить при ней все. Затем потому, что она стала хорошо его понимать. Она знала курьеров и двойных агентов. Она выросла в атмосфере шпионажа и тотальной подозрительности, ликвидаций

предателей и врагов в самом центре зловещей паутины, окутавшей весь мир.

Но сейчас она была не в центре паутины, а на самом краю ее, где риск был особенно огромным, а наказание мгновенным и жестоким. Она быстро шла по улице, избегая прямых взглядов. Двери маленьких магазинчиков были открыты, и ее это радовало. Потянуло острым запахом жарящегося мяса из закусочных, тошнотворным запахом немытых подмышек из одежных лавок. Вскоре она увидела дом, который искала. Надпись гласила: «Электротек, Мюнхен». Офис располагался над небольшой мастерской, где мужчина что-то шил на допотопной швейной машинке.

Она взглянула на часы: до встречи еще полчаса. Человек, с которым она должна встретиться,— маленький щуплый итальянец в пиджаке футбольного клуба Скопле. Пока поблизости не было никого, кто походил бы на него.

Она заметила несколько ларьков вокруг двухэтажного дома, напоминавшего здание вокзала в каком-нибудь заштатном американском городишке. Базар?.. Мегги влилась в толпу женщин и мужчин с корзинами розовых помидоров. Здесь же шныряли ребятишки. Да, на базаре она ни у кого не вызовет подозрений.

Однако она была голодна. Был сезон клубники, и Мегги купила полкило ягод и бутылку пепси. Уселась на край каменной балюстрады и стала есть. Конечно, она с бóльшим удовольствием съела бы бифштекс с кровью, но где здесь такое найдешь. А так она, по крайней мере, ничем не отличалась от окружающих: простая домохозяйка, направляющаяся по своим обычным делам.

Ровно в два часа она была перед «Электротек, Мюнхен» и, стоя здесь, изучала, как ей было предписано, путеводитель по Белграду. Она прождала полчаса, изредка приглядываясь к прохожим, затем со злостью сунула путеводитель в урну. Значит, свидание переносится на десять вечера в старый отель, большой и роскошный. Но, черт побери, что ей столько времени делать?

Она шла по улицам. Трудно пробыть семь часов на ногах, но изредка можно останавливаться и пить содовую. Слава Богу, она наконец-то нашла кафетерий. Эти странные буквы весело горели над входом. Мегги изучала в университете кириллицу, и даже ее скудных знаний хватило, чтобы понять — одна из ее проблем решена. Она с трудом заказала себе что-то, как ей показалось — жареного цыпленка с зеленью и овощами. Времени у нее в запасе было много. Поев, она расплатилась и снова оказалась на улице. Не пропускала ни одного туалета, ни одной лавчонки. Прошлась по ботаническому саду, по бульвару маршала Тито. А затем хлынул дождь. Она спаслась от него в кино, где до девяти смотрела чешскую комедию с субтитрами на сербско-хорватском. В кино она думала только о том, как бы не заснуть.

Но когда она пришла в отель, то столкнулась с серьезной проблемой: итальянец не явился.

Мегги шаталась от усталости, ее одежда была грязной. Ей казалось, что от нее уже стало нести потом. Отец не все предусмотрел, думала она с горечью. Он должен был предвидеть, что портье обратит внимание на потную замызганную иностранку, которая вдруг появится среди этой роскоши, мрамора под музыку струнного трио. Если бы она была мужчиной, все было бы проще. Можно было бы прикрыться проституткой. Взять хотя бы вон ту тощую блондинку, сидящую в одиночестве у камина, или пышную брюнетку, которая уже дважды покидала холл, и каждый раз с другим мужчиной, и опять возвращалась, чтобы подцепить нового клиента. Мегги отказалась от кампари и заказала официанту турецкий кофе. Итак, встреча теперь состоится завтра в полдень. Но где провести ночь?

У проституток есть комнаты. Прикинуться одной из них?.. Идея не то чтобы претила Мегги с моральной точки зрения. Просто она сразу поняла, что это неосуществимо практически. Даже если бы она сняла комнату, ее сразу выкинули бы вон как посягнувшую на монополию местных проституток. Мегги изучающе оглядела мужчин, сидящих в одиночестве: некоторые наблюдали за ней с явным интересом.

Она взяла кофе и подсела к блондинке. Заговорила с нею по-английски, полагая, что в таком отеле проститутки должны знать самые необходимые в их обиходе слова.

— Сколько за ночь? — спросила она.

Блондинка изобразила возмущение.

— С тобой? Какая мерзость. Я никогда не занималась этим с женщинами.

— Пятьдесят долларов.

— Сто!

— Ол райт, сто. Но только ты должна будешь выполнять все мои желания, а у меня вкус не совсем обычный.

Блондинка пожала плечами, подозвала официанта.

— Сначала купи мне настоящий виски, а потом объяснишь, что у тебя на уме. Тогда и посмотрим.

На следующее утро Мегги проснулась свежей и отдохнувшей. Она вымылась под душем, переоделась и с улыбкой заплатила проститутке.

— Могу я задать вопрос? — спросила женщина, пересчитывая деньги.

— Конечно.

— Мне пришлось гладить тебе шею, пока ты не заснула. Это действительно удовлетворяет тебя?

— Еще как! — снова улыбнулась Мегги.

Она величаво вышла из мотеля, вежливо кивнув местным полицейским в мешковатой униформе. Бульвар вывел ее к кафе «Лондон». В кафе за столиком сидел с кружкой пива щуплый

итальянец. На нем была шапочка с эмблемой спортивного клуба Скопле.

Мегги села за его столик, заказала кофе и удалилась в дамский туалет. Когда она вернулась, итальянца не было. Пластиковый мешок, который она оставила на стуле, казался нетронутым, но, ощупав его, она поняла, что камеры в нем уже не было, а вместо нее в мешке лежало что-то вроде толстой книги.

Мегги пересекла границу тем же способом, каким прибыла сюда. Вскоре она уже была в Триесте и вернула себе прежний облик. В самолете, который нес ее в Париж, она заперлась в туалете и исследовала содержимое пластикового мешка.

Каким образом Джелизи стал в большой армии шпионов тем, кому можно доверять, она не знала. Он не произвел на нее впечатления преданного человека. Однако выполнил все, что от него требовалось. Маленькое устройство было на пути к цели, а в ее руках были микрофильмы, зафиксировавшие все секретные переговоры между Землей и лагерем Блока Продовольствия на Клонге. Отец будет доволен ею.

До сих пор Анна Димитрова видела в Соединенных Штатах то, что есть в большинстве стран мира: аэропорты, комнаты отелей, улицы городов... Но сейчас она с живым интересом смотрела на ландшафт, разворачивающийся перед нею, пока она ехала в скоростном электробусе к месту назначения. Столько открытого пространства! Не занятого даже фермами.

Больше половины пассажиров в электробусе были американцами. Некоторые из них курили, невзирая на запрещающие надписи, другие жевали резинку, трое на заднем сиденье по очереди прикладывались к бутылке. Американский сержант, который сразу же предложил ей полплитки шоколада, сейчас утешал чем-то женщину-агронома из Канады.

Нан внушала себе, что американцы ей понравились, хотя это было нелегко. Почти все мужчины старались завязать с ней дружеские отношения и по прошествии всего нескольких минут уже силились превратить их в сексуальные. Даже вьетнамский полковник, что сидел перед нею, такой любезный и обходительный, вскоре начал делать весьма двусмысленные намеки на прекрасном английском языке. Нан уже поменяла шесть мест, отчаявшись найти спокойное. Теперь она сидела, глядя в окно, но ничего не видя. Какой отвратительный, наглый, бесцеремонный народ!..

Нан пощупала магнитофон, который лежал в кармане ее блузки. Она помнила содержание пленки наизусть. Как всегда, оно было формальным и исключительно коротким: «Дорогая Анна! Я благодарю тебя за твои письма и часто думаю о тебе. С признательностью, Дулла».

Мог бы потратить побольше долларов,— подумала она и тут же оборвала себя. Ахмед был из бедной страны. Каждая

буква, переданная из Клонга на Землю, стоила чрезвычайно дорого. Сама она, отправляя свои письма, тратила уйму денег. Ей никогда не приходилось экономить каждый цент. Со вздохом она отбросила мысли о Дулле и начала думать о более близких вещах. Вскоре электробус остановился. Три американца в военной форме вошли в салон. Один поднял руку, призывая к тишине.

— Приветствуем вас. Прошу предъявить документы.

В окно Нан увидела нечто вроде баррикады, опутанной проводами. Возле нее стояли еще двое солдат. Они внимательно смотрели на бус. Странно. Они охраняли место как строго секретный объект, а не как центр подготовки ученых и персонала для мирной экспедиции на Клонг. Когда сержант подошел к ней, она подала ему паспорт и улыбнулась. Сержант — высокий негр,— не замечая ее улыбки, спросил:

— Имя?

— Оно же есть в паспорте. Анна Елена Димитрова. Место рождения? Мареж, Болгария, город к югу от Софии, недалеко от границы с Югославией.

— Приложите пальцы, пожалуйста.

Она приложила пальцы к подушечке и к белой карточке, которую он затем вложил в ее паспорт.

— Документы вам вернут позже,— сказал он и спросил: — Вы любите танцевать? Сегодня в клубе играет прекрасная группа. Спросите меня, если мы не увидимся раньше. Мое имя Лерой.

— Благодарю, Лерой.

— Увидимся вечером, красотка. — Он подмигнул ей и отошел.

Анна нашла платок и стерла краску с пальцев. Эти американцы еще хуже, чем сэр Тим. Не только американцы, поправила она себя, вспомнив блудливые руки вьетнамского полковника. Неужели так будет все время? А может, будет еще хуже, когда все они окажутся в маленьком лагере в составе небольшой колонии на Клонге.

Но тогда Ахмед будет где-то поблизости. В другом лагере, да. Но она сможет найти способ увидеться с ним. Одна мысль об этом делала ее пребывание в чужой ненавистной стране вполне переносимым.

На следующий день жизнь ей показалась более интересной. Она не смогла бы принять приглашение Лероя, даже если бы захотела. Просто не было времени.

Выдача одежды:

— Вы должны носить все время только эту одежду, кроме тех случаев, когда получите указание инструктора.

Указание по квартире:

— Вы должны поддерживать чистоту в квартире все время!

Короткое расписание дня:

— Завтрак в 6.00 С 7.00 до 11.00 вы будете заниматься по индивидуальному плану, чтобы приспособить ваши знания к условиям на Клонге. С 12.00 до 16.30 — курс выживания в условиях, приближенных к Клонгу. С 18.00 до 22.00 ваше личное время, за исключением тех случаев, когда вам придется проходить дополнительные курсы на выживание. Выходные? Кто здесь спрашивает об этом? А, вы! Нет, выходных у Вас не будет...

Все это кончилось лишь к полуночи. Когда Анна втащила свой чемодан в маленькую комнату, выделенную ей, она увидела, что ее соседом оказался вьетнамский полковник. Даже здесь чин имел свои привилегии. Но у Анны не было привилегий, и ей пришлось удалиться. После долгих споров в офисе до двух часов ночи она, наконец, получила место в другой комнате, где соседкой была женщина.

Завтрак был на удивление обильным. Яйца, хлеб с джемом и мармеладом, кокосовое масло на каждом столе.

Позавтракав, курсанты выстроились на улице. Дул холодный ветер. После переклички все разбились на группы и разошлись по местам занятий. Анна входила в одну группу с женщиной-агрономом из Канады и двумя незнакомыми мужчинами. Они прошли по улицам лагеря, мимо бейсбольного поля, между бараками и постройками неизвестного назначения, у которых стояли вооруженные охранники. Вскоре они оказались возле открытой площадки, всего с квадратный метр. В центре площадки находился шар. Он был привязан к вбитым в землю кольцам. Площадку окружал забор, у ворот стояли охранники. Прежде чем курсанты вошли в ворота, у них тщательно проверили документы.

В стороне горел огонь в печи, труба которой соединялась с отверстием в днище шара. Анна не могла себе представить, зачем нужен этот шар. Она не могла также понять, зачем здесь нужны охранники. Почему они вооружены? Какой враг может угрожать тренировочной площадке научной экспедиции, которая является, по сути, сборной командой всего мира?

Анна прошла через ворота и очутилась в длинном загоне с белым пластиковым куполом вместо крыши. Атмосфера в нем была сырой и тяжелой, густо настоянной на неизвестных запахах. Тускло-красный свет вначале мешал что-либо разглядеть, но затем Анна стала различать фигуры людей, ходивших вдоль небольших прозрачных пластиковых куполов. Свет исходил от нескольких ламп с тлеющим разрядом.

Человек, который привел их сюда, обратился к Анне:

— Вы нормально себя чувствуете?

— Кажется, да.

— Некоторым очень противен запах.

Анна принюхалась: перец, чеснок, гнилостный запах джунглей...

— Нет, сносно.

Женщина из Канады сказала:

—Звук очень странный.

Это из-за положительного давления внутри сферы. Ваши уши немного заложило.

— Я слышала о странных заболеваниях.

— Здесь их нет,— ответил проводник.— Но, разумеется, и здесь есть риск погибнуть. Не от болезней, а от аллергии. Вам всем сделают необходимые прививки. Димитрова, вы лингвист? Вы пойдете со мной, остальные подождут нас здесь.

Он повел Анну вдоль ряда куполов. Ее глаза уже привыкли к свету, и теперь она видела, что здесь собраны образцы флоры и фауны Клонга. Каждый образец был под своим куполом. В основном это были растения, некоторые громадных размеров. Сколько же энергии, подумала Анна, пришлось затратить, чтобы переселить эти гиганты за сотни световых лет. Проводник направился туда, откуда доносились необычные звуки.

— Добро пожаловать в наш зоосад,— пригласил он.

И здесь она увидела шариста. Она узнала его сразу: такого странного существа не могло быть нигде во всей Вселенной! Шарист сидел в клетке. Он был ранен, и его шар пульсировал, был опавшим и почти что лежал на полу. Анна увидела пластиковую трубку, тянувшуюся от насоса к шару. Женщина с магнитофоном склонилась над насосом. Подкручивая клапан подачи воздуха, она слушала жалобные песни шариста.

Неудивительно, что голос был такой слабый: женщина подавала воздуха ровно столько, чтобы шарист мог только петь,— для взлета его не хватало. Женщина подняла голову и сказала:

— Вы Димитрова? Я Джулия Арден. А это,— она показала на клетку,— Ширли. Сейчас она поет о своем детстве.

Анна всплеснула руками, глядя на маленькое тельце, жалкое и сморщенное. Так эти песни — язык?! Она не могла представить, как можно это понять.

— Я буду стараться, мисс Арден, но неужели вы думаете, что сможете обучить меня этому языку?

— Я? Нет. Я буду помогать, но учить вас будут компьютеры. Однако по-настоящему вас может обучить только Ширли. Она любит петь для нас. Бедняжка! Ведь это все, что она может.

Анна долго смотрела на Ширли, затем воскликнула:

— Какой стыд! Разве вы не видите — ей больно!

Женщина пожала плечами.

— А что я могу поделать? — Она говорила скорее агрессивно, чем защищаясь.— Я не думаю, что Ширли с удовольствием выполняет свои обязанности. Но этого нельзя сказать и обо мне. Поставлена задача изучить язык, Димитрова, и думайте только об этом!

— Но ей больно...

Джулия Арден рассмеялась и покачала головой.

— Милая, вы только что приехали, подождите пару дней. Тогда мы снова поговорим о боли.

С 7.00 до 11.00 Анна Димитрова так напрягала свой мозг,

что под конец ей стало казаться, что она вот-вот умрет. Но 12.00 до 16.00 она также истязала свое тело, как бы уравновешивая обе эти нагрузки. Джулия Арден оказалась права. Через сорок восемь часов Анна стала экспертом по боли. Каждый вечер, когда ложилась в постель, все ее тело болело так, что она с трудом удерживалась, чтобы не принять таблетки, которые ей давали. Она не могла принимать их, так как ее мозг должен был бодрствовать даже во сне. Она продолжала учиться и ночью, когда под подушкой работал магнитофон с песнями шариста. Утром же она просыпалась от дикой головной боли.

Тем не менее к болям, донимавшим ее, Анна почти привыкла. Гораздо хуже было другое — от прививок кожа ее покрылась пятнами, струпьями, прыщами, некоторые из них гноились. Вдобавок она чихала и кашляла, глаза ее слезились, из носа постоянно текло. И Анна не была исключением. У всей ее группы была такая же реакция на противоаллергические прививки. Если так тяжело переносить профилактику, то какой же должна быть сама болезнь? Анна поняла эту разницу, когда им показали снимок несчастного пипа, умершего от аллергии прежде, чем были разработаны защитные меры. Снимок поразил ее. Это было ужасно. И как Ахмед справляется с этим? Он ничего не писал; должно быть, он очень отважен.

Каждый полдень, невзирая на болезненное состояние, их гнали на поле для физических занятий. Прыжки и бег, полоса препятствий, лазание вверх по веревке... Руки у нее сначала покрылись волдырями, затем превратились в сплошные раны, которые затянулись заскорузлой коркой и загрубели. Колени постоянно кровоточили. Все тело там, где не было прыщей, усеяли синяки и ссадины.

Она держалась только потому, что понимала — это необходимо. Клонг — не место для пикника. Это планета неизвестных и, может быть, смертельных опасностей. Пусть курс обучения жесток и беспощаден, но он поможет ей встретить опасности и преодолеть их. Пусть она попала сюда не добровольно, но отказываться от экспедиции ей не хотелось.

И, наконец, самый главный аргумент. Это — путь к Ахмеду. Поэтому она старалась изо всех сил и втайне гордилась, что многое у нее получается лучше, чем у других. Вьетнамский полковник однажды упал с большой высоты, когда взбирался по канату, и был отправлен в госпиталь. Он вернулся на следующий день, прихрамывая, но такой же игривый. А вот женщина лет сорока, которая свалилась при подъеме на холм, так и не вернулась к ним.

Здесь быстро завязывались дружеские отношения. Она уже называла полковника Гай, хотя его звали Нгуен, уважая его за острый ум и чувство юмора. Она научилась не оставаться наедине с ним или с сержантом Свеггертом, да и с любым другим мужчиной. У всех у них в присутствии привлекательной женщины откуда-то появлялись резервы сил. Да и не только

привлекательной. Ее соседка по комнате Елена Кристианиди была не слишком хороша собой, но не однажды Нан, возвращаясь домой вечером, находила дверь запертой. Из комнаты доносились прерывистое дыхание, слабые стоны, хихиканье. Когда Елена извинялась перед нею, Нан говорила:

— Ол райт, Крис. Не говори об этом.

Но это было для нее не ол райт. Она нуждалась во сне! Неужели им не нужен сон?

Когда дни перешли в недели, усталость уменьшилась, ссадины зажили, реакция на антиаллергены стала слабее. Головные боли, правда, не прекратились, но Нан привыкла к ним. Она даже принимала участие по вечерам в дружеской болтовне в холле. Какие здесь рассказывались истории!.. Одни уверяли, что рождены для полета на Клонг и для создания новой человеческой расы, другие — что экспедиция направится не на Клонг, а на другую планету, название которой держится в тайне. Была и такая версия — что собравшихся здесь направят вовсе не в космос, а на захват шотландских нефтяных вышек или для основания колонии в Антарктике, где будут расплавлены льды,— там они создадут новую страну Блока Продовольствия. Сначала эти истории пугали Анну, затем стали забавлять, а потом наскучили. Она попробовала сочинять сама и убедилась, что ее выдумки принимаются с таким же интересом, как и рассказы остальных. Однако кое-что из того, что она слышала, казалось правдоподобным. Даже самое страшное. Например, необъяснимый инцидент в космосе, когда погибли не только корабли пипов с подкреплением, но и сам тахионный спутник. Нан даже опоздала на обед, чтобы успеть прослушать вечерние новости. Да, все подтверждено официально. Какой ужас! Что теперь будет с Ахмедом? Но затем объявили, что Народной Республике предложили помощь экспедиции Блока Горючего и другие. Анна, полная радости, поспешила в столовую и там предложила всем составить послание с выражением симпатии и добрых пожеланий их коллегам из Блока Народов. Все лица повернулись к ней, люди начали перешептываться, но в конце концов предложение было принято, письмо составлено, и все подписались под ним. На следующий день ей даже простили опоздание на занятия, так как она относила документ в офис. Комендант в офисе выслушал ее, трижды перечитал письмо и пообещал отправить его по назначению.

Вечером она рассказала о своем визите; ее рассказ утонул в потоке других слухов. Во-первых, кто-то сообщил о прибытии новой большой партии курсантов. Во-вторых, стало известно, что уже намечена дата их отлета на Клонг. И в-третьих, кто-то сказал, что весь проект аннулируется.

Черт знает что! Нан со злостью швырнула вилку в тарелку.

— Как можно верить во всю эту чепуху? Неужели такое может быть?

Но большинство не обратило внимания на ее вспышку, а

на своем бедре Нан ощутила чью-то руку. Это был полковник, который старался держаться поближе к Нан, чтобы, как он говорил, не упустить свой шанс.

— Прекрасная Анна,— сказал он,— не будьте дурочкой. Я кое-что знаю и могу сказать, что все это правда.

Верность одного из слухов подтвердилась на следующее утро. На базу прибыло шестьдесят пять курсантов, одного, вернее, одну из них Анна знала. Это была блондинка, дочь Годфри Миннингера.

Разумеется, все сразу пошло кувырком. Их распределили по комнатам по-другому, чтобы дать место вновь прибывшим. Но не только поэтому, сообразила Нан. Часть старых и большинство новых курсантов поселили в бараке, за километр от старой резиденции. Соседка Анны тоже переехала, и Анна боялась, что снова окажется вместе с полковником Гаем. Но этого не случилось. Он поселился в другом бараке, и соседкой Анны оказалась женщина-агроном из Канады, специалист по выращиванию злаков в необычных условиях.

Мегги Миннингер заметила Анну в толпе и помахала ей рукой. Но поговорить им не пришлось. К тому же Анна и так на целый час опоздала на встречу с Ширли.

Ширли была не просто объектом изучения. В мозг Нан проникли шаристские песни. Сначала она понимала только простые фразы, потом стала воспринимать абстрактные понятия, а затем полностью вжилась в образ чуждого ей существа. Она никогда не считала себя певицей, но Ширли была снисходительна. Они часами пели друг другу, и песни Ширли становились все печальнее, все чаще отчаяние звучало в них. Иногда ее пение делалось бессвязным. Она рассказала Нан, что является последней из десяти прибывших с Клонга на эту негостеприимную для них Землю. Она понимала, что жизнь ее на исходе, что ей никогда больше не придется петь в стае. И она была трижды права. Ей было уже не суждено вернуться на родную планету.

Через два дня ее не стало. Придя в зоосад, Анна увидела, что клетка пуста, а Джулия Арден дезинфицирует ее.

— Не расстраивайся,— сказала Джулия.— Ты узнала все, что должна была узнать.

— Я плачу не из-за того, что не успела научиться всему, что надо. Я потеряла нечто дорогое...

— Боже! Иди вон отсюда, Димитрова. Как только они взяли тебя сюда? С ума сойти — плакать над безмозглым существом! К тому же ты получаешь любовные письма от пипа — ты действительно не в себе.

Вернувшись к себе, Анна бросилась на постель и позволила себе разрыдаться, чего с ней не случалось уже много месяцев. Она плакала, грустя по Ахмеду, по Ширли, и еще потому, что ей было жалко себя, весь мир. Неужели люди могут быть такими ужасными, жестокими?..

В этот день физические упражнения стали для нее настоящей мукой. Занятия курсантов перешли в совершенно новую стадию. И группа Анны, и те, что прибыли, начали заниматься уже не укреплением мускулов, а освоением новой, незнакомой, по крайней мере Анне, аппаратуры. Она обратила внимание, что некоторые курсанты уже знакомы с нею. И что за аппаратура! Брандспойты, огнеметы, лазерные пушки, гранатометы... Для чего они? Анна делала все, что ей приказывали. И тем не менее попала под сильную струю воды, сбившую ее с ног. Сержант Свеггерт поднял ее.

— Зря утруждаете себя! — рявкнула Анна.— Со мной все в порядке.

— Конечно,— примирительно сказал сержант.— Для того чтобы обращаться с этой штукой, мускулы не нужны. Только немного мозгов.

— Я не согласна.

Он покачал головой.

— Почему ты такая упрямая, Анна?

— Я не хочу учиться обращению с оружием.

— С каким оружием? — воззрился он на нее.— Это оружие не предназначено для убийства разумных существ, как уверяет полковник Миннингер. Это было бы против законов человечности. Но мы собираемся на чужую планету, где население летает в воздухе, передвигается по земле и даже под землей. Так что если вам вздумается сесть на землю, вы рискуете тем, что подземные жители откусят вам половину вашей очаровательной попки. Вот чтобы такого не происходило, мы учимся пользоваться этой аппаратурой.

— Во всяком случае,— сердито сказала Анна,— мне не нужна ваша помощь. И я не верю ни вам, ни полковнику Миннингер.

Свеггерт, посмотрел ей в лицо, поджал губы.

— Хелло!.. Вот и полковник... А мы как раз говорили о вас.

— Я поняла это.— Миннингер подошла ближе.

Анна повернулась к ней. Выглядела Мегги, как без всякого сочувствия отметила Анна, очень плохо. Противоаллергены сделали свое дело.

— Хватит, сержант,— сказала Мегги.— Димитрова, зайдите ко мне после занятий.

Она повернулась и повысила голос:

— Хорошо, ребята! Ниже задницы, покажите, как вы умеете ползать.

Возмущенная Анна вместе со всеми бросилась в грязь и поползла по-пластунски. Это же тактика пехоты! Зачем это нужно в научной экспедиции?

Она сдерживала свой гнев до того момента, когда постучала в дверь полковника Миннингер.

— Заходи.

Мегги сидела за столом в халате. Поднос с наполовину съеденным обедом был отодвинут в сторону.

— Садись, Анна,— пригласила она.— Закуришь? Или хочешь выпить?

— Нет, благодарю.

Мегги встала и налила себе виски. Она предпочла бы толику марихуаны, но не хотела курить при этой болгарке. Сделала глоток, спросила:

— Что ты имеешь против сержанта Свеггерта? Это личный вопрос.

— Ничего. Просто не хочу ложиться с ним в постель.

— Димитрова, ты же не монахиня. И тебя никто не заставляет спать с ним. Почему ты не хочешь позволить ему помочь тебе, просто протянуть руку?

— Полковник Миннингер,— чеканя слова, произнесла Анна,— вы предлагаете мне поощрять сексуальные заигрывания, чтобы легче было преодолеть полосу препятствий?

— Я не предлагаю тебе это, Димитрова. Что с тобой? Свеггерт так ведет себя со всеми. Такова его натура. Он пристает даже ко мне. Я могла бы отправить этого сукина сына в те места, куда он запускает руки во время занятий. Но я не делаю этого, потому что он хороший специалист. И хороший человек. Он всегда поможет другому. Ты ведь можешь только пообещать переспать с ним. Никто не заставит тебя сдержать обещание, хотя я порекомендовала бы его как партнера. Он очень хорош в постели.

— Но это аморально, полковник Миннингер.

Мегги допила бокал и налила еще.

— Ты несчастна здесь, Анна.

— Это точно, мисс Миннингер. И я не просилась сюда.

— А я просилась.

— Возможно, но не я...

— Я просила не только за себя, но и за тебя. Я знала только твое имя, и было чрезвычайно трудно найти тебя в Болгарии. Тебя считают крупным специалистом-переводчиком.— Она допила виски и отодвинула бокал.— Слушай, Анна, ты мне нужна. Этот проект очень нужен мне. Он будет нужен и тебе, если ты проникнешься патриотизмом.

— Патриотизмом?

— Пусть не патриотизмом, а преданностью,— терпеливо сказала Мегги.— Преданностью нашему Блоку. Мы тут все из разных стран, но цель у нас одна.

Анна была больше озадачена, чем рассержена рассуждениями странной американки. Она попыталась объяснить Мегги то, что чувствует:

— Мой дом — Болгария, и я люблю его. Блок Продовольствия — это абстрактное понятие, мисс Миннингер. Я понимаю, что в мире существует две сотни наций, которые могут иметь врагов. Но я не могу сказать, что ощущаю преданность

какому-либо союзу, и уж, во всяком случае, не Блоку Продовольствия.

— А человечеству в целом? — спросила Мегги.— Вот ты только что сказала — мир состоит из двухсот наций. Однако Клонг может принадлежать только одной нации. Никакой борьбы. Никаких шпионов. Никаких дел для рыцарей плаща и кинжала. Кто колонизировал Америку?

— Что? — Анна с трудом следила за ходом ее мысли.— Англичане? А до них были датчане...

— А еще до того — испанцы и итальянцы, а может быть, и те, кого ты так любишь,— полинезийцы, китайцы, викинги... Кто знает. Но сейчас в Америке живут только американцы. А кто будет жить на Клонге через пару поколений? Клонгианцы или как там они назовут себя. Просто раса людей. Все равно, откуда они придут. Все они будут равны, все будут иметь равные возможности. Ты и я можем сделать это реальностью, Анна. Пойми, мы можем построить мир без национальных барьеров, без войн и соревнований, которые способны его разрушить. Ты понимаешь, что значит построить такой расовый мир, чтобы начать все с нуля?

Анна помолчала.

— Я... я сама думала об этом,— призналась она.

— Разумеется. А я хочу, чтобы это произошло. Хочу заложить основы общества, которое понимает необходимость переговоров, планирования, сотрудничества. Ты знаешь, сколько мы вложили в это мероприятие? Четыре корабля... Почти девяносто человек. Тридцать пять тонн оборудования. Это очень много, поверь мне. Это поразит всех, в том числе и пипов. Гризи, конечно, поднимут цены. Нам нужны все ресурсы. Завтра соберется одна палата Конгресса.

— Ходят слухи,— осторожно сказала Анна,— что проект может быть закрыт...

По лицу Мегги пробежала тень.

— Нет,— покачала она головой,— этого не произойдет, потому что этот проект слишком важен. Именно поэтому я и просила за тебя, Анна. Если мы пошлем девяносто человек, то это должны быть лучшие из лучших. А ты лучший переводчик из всех, кого я знаю.— Она дотронулась до руки Анны.— Ты понимаешь?

Анна отодвинулась, но не слишком резко, чтобы не обидеть собеседницу.

— Да,— неохотно подтвердила она.— Но с другой стороны — нет. Все это хорошо, мисс Миннингер, но при чем тут огнеметы и другое оружие? Значит, мы хотим построить монолитный мир, уничтожив кого-то?

— Нет, Анна! — воскликнула Мегги, вложив в эти слова всю силу своей убежденности.— Даю тебе слово, нет!

Снова наступило молчание. Наконец, Анна нарушила его.

— Ясно,— сказала она.— Вы даете мне слово.

— А что я могу еще сделать?

Анна задумалась.

— Мы здесь совсем не общаемся с внешним миром. Мы бы хотелось обсудить этот вопрос с другими людьми. Лучше всего с делегацией моей страны в ООН.

— Почему нет? — согласилась Мегги.— Вот что я скажу. Когда закончатся тренировки, у нас будет три дня отпуска. Я сама собираюсь в Нью-Йорк. Поедем вместе. Побродим по ресторанам, заглянем на какую-нибудь вечеринку. И ты сможешь поговорить с кем захочешь. Идет? Анна колебалась. Потом сказала:

— Ол райт, мисс Миннингер. Это довольно заманчиво.— Однако она не собиралась обсуждать свои планы с Мегги.

— Отлично, милая,— закончила разговор Миннингер.— Теперь, если ты не возражаешь, я оставлю тебя: мне нужно принять ванну.

Мегги заперла за болгаркой дверь и с удовольствием залезла в ванну, обдумывая разговор. Эта идиотка и не знает, что, покинув Кемп Детрик, она сможет попасть только на взлетное поле. Шанс поговорить с кем-либо у нее появится лишь на Клонге. А там пусть болтает, что хочет.

Впрочем, Анна Димитрова — это всего лишь одна из проблем, и не из сложных.

«Ходят слухи, что полет будет отменен!» Черт возьми! Если болгарка слышала это, значит, слышали все. И, вероятно, слухи близки к истине.

Мегги позволила себе в ванне пять минут размышлений. Затем она вышла из ванной, накинув полотнеце,— не для того чтобы прикрыться, а чтобы не видеть свое тело, покрытое отвратительными прыщами. Она не хотела видеть его таким. И тем более не хотела, чтобы видел сенатор.

Набирая номер сенатора, Мегги посмотрела на себя в зеркало. Да, вид неприглядный, поэтому она и не включила видеоканал.

— Хелло, милый,— сказала она.— Прости, что нет изображения, но в этом медвежьем углу нет нужной аппаратуры, и к тому же...— она хихикнула,— я только что из ванной и не одета.

— Хелло, Мегги.— Тон у сенатора был нейтральным. Он как бы говорил: да, между нами достаточно близкие отношения, но только не нужно пользоваться этим и давить на меня.— Полагаю, что ты звонишь насчет нового полета?

— Только полагаешь, Адриан? Три недели назад ты голосовал за него.

— Я сам знаю, за что голосую, Мегги.

— Разумеется, Адриан. Послушай, я позвонила не для того, чтобы ссориться.

— Нет, конечно. Ты позвонила, чтобы попытаться сохранить меня в упряжке. Я был уверен, что ты позвонишь. Ты хочешь сказать мне, что в предприятие вложены огромные

средства и нельзя отказываться от проекта и выбрасывать деньги в трубу.

— Что-то в этом роде, сенатор,— нехотя призналась Мегги.

— Я уверен в этом. Ты знаешь, что все это уже обсуждалось раньше. Каждый раз, когда вам нужны деньги, вы просите немного, чтобы провести исследования. Затем начинаете требовать больше, так как получены хорошие результаты и исследования нужно продолжить. После требуете еще больше, так как в работу уже вложено много денег и глупо бросать ее на середине. А в результате мы получаем такие никому не нужные вещи, как новые ракеты, оборонительные противоракетные системы, ядерные бомбардировщики. И вовсе не потому, что этого хочет правительство, а потому, что нет возможности остановиться, коль работа начата. Может быть, пришло время остановить эту затею с Клонгом, Мегги? Через три дня состоится заседание комитета. Я не знаю, за что я буду голосовать, так как не имею еще всей информации. Но сейчас я не могу обещать ничего.

Мегги удалось скрыть разочарование, но с гневом справиться она не смогла.

— Адриан, в чем дело? Понимаешь ли ты, как мне дорог проект?

— Ты думаешь, я не знаю? Слушай, Мегги, это открытая линия, но все же я скажу тебе кое-что интересное... Передо мной завтрашний номер утренней газеты «Геральд», и в ней сообщение из Пекина. Слушай... «Авторитетные источники сообщают: исследование остатков тактраповых спутников показало, что взрыв, уничтоживший сателлит и два транспортных корабля, имеет подозрительное происхождение...»

— Я слышала об этом, Адриан. Но пишут и о том, что диссиденты Народной Республики наверняка замешаны в этом деле.

Сенатор молчал. Мегги много бы дала, чтобы увидеть сейчас выражение его лица, пусть даже при этом и он увидел бы, как она обезображена. Она даже протянула было руку к выключателю видеоканала. Но тут сенатор снова заговорил:

— Думаю, это все, что ты можешь сказать, Мегги. Я согласен с тобой в одном — вы втянули нас в дело слишком основательно.— И он отключил связь.

Мегги десять минут сидела в задумчивости, затем схватила трубку и набрала номер дежурного офицера.

— Говорит полковник Миннингер. Сообщите руководителю тренировок, что меня завтра не будет, и подготовьте транспорт к восьми часам. Мне нужно в Нью-Йорк.

— Есть, мадам.— Офицер не удивился. Ни один участник проекта не мог покидать базу, таков был приказ. Но он также знал, кто подписал приказ.

Мегги сидела в комнате ожидания Совета Безопасности и ждала вызова. Она не обращала внимания на разговоры чле-

нов делегации Перу, которые сидели тут же. Ее мысли были далеко, на Клонге, за много световых лет отсюда. Вскоре появилась молодая негритянка и пригласила ее. Женщина провела ее в скромный кабинет, на двери которого была надпись: Только для высшего персонала».

— Хелло, папа,— сказала Мегги, как только закрылась дверь, и подставила щеку для поцелуя.

Отец не стал целовать ее.

— Ты выглядишь ужасно,— сказал он как-то отстраненно, без сочувствия в голосе.— Какого черта тебя туда понесло?

Мегги была захвачена врасплох. Это был не тот вопрос, которого она ждала и который готова была обсудить. Но ответила сразу:

— Я обучаю колонистов тактике выживания.

— Посмотри на это.— Отец протянул ей пачку снимков.— Образцы из личной коллекции Наследника Мао. Стоили мне кучу денег.

Мегги взяла один снимок. Это была голограмма. Она чуть повернула ее, чтобы получить трехмерное изображение. Критически заметила:

— Здесь я выгляжу слишком толстой.

— А это взято у курьера в Оттаве. Полагаю ты узнаешь. Вот один из троих парней кидает гранату. А это — струя из огнемета. А вот одна из девушек, не могу сказать кто. Она поражает кого-то, очень похожего на кринпита. Кажется, у нее меч...

— О, папа, это не меч. Это простой нож. К тому же это только имитация. Муляж.

— Черт побери, Мегги. Это же подготовка к войне.

— Это борьба за выживание,— поправила она.— А как ты думал? Наши ребята и девушки встретятся на Клонге с опасностью — все эти кринпиты, шаристы, подземные черви... Не забывай и о гризи, и о пипах. Я не проповедую убийство пипов. Я просто учу, как защищаться, чтобы остаться в живых.— Лицо ее затуманилось.— И все же мне хотелось бы знать, как ты получил эти снимки.

— Ты узнаешь,— угрюмо сказал он.— Дело не в том. Это ведь просто копии, а оригиналы у пипов, да и у Тима Гулсмита они тоже есть. На следующей неделе гризи и пипы на Клонге узнают, что межнациональная дружба кончилась. Ты слышала дебаты в совете?

— Что? Да, конечно.

— Послушай, Перу расширила морские границы на тысячу километров...

Мегги поморщилась.

— При чем здесь события на Клонге?

— Перу не стала бы ничего предпринимать без солидной поддержки. Номинально они входят в Блок Продовольствия, но если пропадает рыба... Поэтому они стараются поддерживать дружеские отношения с другими блоками.

— С какими?

Отец оттянул пальцами уголки глаз, сделав себя похожим на китайца. Хотя в этой комнате вряд ли были устройства для подслушивания, не стоило рисковать, упоминая без особой необходимости имя Наследника Мао.

Мегги долго сидела молча — пока в ее мозгу работало сортировочное устройство, раскладывающее приоритеты по шкале. Наконец, она нашла главное:

— Пап, Перу может хоть выпить свое море. И я не потеряю сон из-за того, что у нас есть шпион. Я переживу и небольшой скандал с военной подготовкой. Все это будет длиться только две-три недели, пока мы здесь. Именно поэтому я решила увидеться с тобой. Адриан Ленц колеблется. Мне нужна помощь, папа. Не позволяй ему закрыть проект.

Отец откинулся на спинку кресла. Мегги не привыкла видеть его таким усталым и измученным. Сейчас он выглядел стариком.

— Дорогая,— с трудом проговорил он,— разве ты не понимаешь, в каком мы сейчас тяжелом положении?

— Я понимаю, но...

— Нет. Слушай... Я думаю, что не понимаешь. Сегодня сел на мель танкер с шестьюстами тысячами тонн горючего, которое предполагалось доставить на Лонг-Бич. В обычное время это не имело бы особого значения: в Южной Калифорнии большие резервы. Но сейчас они все передали для нашего проекта. Так что, если этот танкер не будет в течение сорока восьми часов снят с мели, Лос-Анжелес останется без горючего. Ты представляешь, какая будет реакция?

— Ну и что, если кто-то пошумит...

Он поднял руку.

— А сегодняшнее сообщение? Пипы уверяют, что их спутник был именно уничтожен.

— Нет! Это случайность! Бомба должна была уничтожить корабль снабжения.

— Случайность в подготовке — тоже преступление, Мегги.

— Но они не смогут это доказать. Им на меня не выйти... если не...

Она взглянула на отца. Тот покачал головой.

— Итальянец уже ничего не скажет. Его убрали.

Значит, бедный Гвидо уже не сможет истратить свои сто тысяч нефтедолларов.

— Он хорошо поработал,— сказала она.— Посмотри микрофильмы. Ты получишь доказательство, что гризи построили свою базу именно там, где данные сейсмического сканирования позволяют предположить большие запасы нефти. Это же нарушение международного договора.

— Не будь ребенком. Что можно сделать с таким доказательством? Сэр Тип и Слопи не могут доказать, что ты передала Джелизи бомбу; но они и не нуждаются в этом. Им достаточно просто знать. И они знают, об этом говорит выступ-

ление Перу. Не считая мелких неприятностей, о которых ты еще не слышала. Вроде взрыва американского посольства в Буэнос-Айресе. Это небольшой подарок от сэра Тима или от Наследника Мао, насколько я могу судить. Ты можешь угадать, что последует завтра.

Мегги поймала себя на том, что с ожесточением расчесывает свои струпья, и поспешно опустила руку.

— Дерьмо,— бросила она и задумалась.

Вообще-то, думала она, основные правила не изменились. Соотношение национальных сил осталось прежним. Ни одна нация не смогла бы одержать решительную победу во всем мире. И Блок Продовольствия, и Блок Горючего, и Блок Народов — все они обладали достаточной мощью, чтобы сокрушить врага, и каждый знал об этом. Более того, даже небольшая страна могла нанести врагу сокрушительный удар. Конечно, весь мир уничтожить она не могла, нет. Однако Перу обладала достаточно мощным оружием, чтобы настаивать на своем решении. В мире постоянно происходили пограничные инциденты, гибли люди, но никто не хотел доводить дело до крайности, все знали, чем это может кончиться.

— Папа,— сказала Мегги,— ты знаешь, что никто не предпримет чего-либо серьезного. Баланс сил не позволит!

— Чепуха! Баланс сил нарушится сразу, как только кто-то совершит ошибку. Пипы сделали ошибку, открыв огонь по шаристам на Клонге. Я сделал ошибку, позволив тебе отвезти бомбу в Белград. Настало время исправить ошибки, дорогая.

Впервые Мегги Миннингер реально ощутила страх.

— Папа, значит, ты не собираешься помочь мне уговорить Ленца?

— Я скажу больше: я согласен с ним. Завтра у меня встреча с Президентом, и я буду советовать ему закрыть проект.

— Папа!

Он колебался.

— Дорогая, может быть, позже. Когда все успокоятся...

— Но тогда будет поздно! Пипы пошлют подкрепление, как только запустят новый спутник. А гризи? И...

— Все решено, Мегги.

Она изумленно смотрела на него. Перед ней сидел не тот Годфрид Миннингер, который прежде всего был ее отцом и за спиной которого она чувствовала себя всесильной и решительной. Перед Мегги был совсем другой человек — жесткий и непреклонный. Именно таким и знало Годфрида все его агентство. А вот она таким его еще никогда не видела.

— Я не могу изменить своему решению,— произнесла она.

Годфрид Миннингер не ответил.

— Ну что ж,— сказала она,— не вижу причин оставаться здесь. Гуд бай, папа. Увидимся позже. Береги себя.

Не глядя на него, она встала, взяла сумочку и офицерскую фуражку и вышла из комнаты. Если ее отец упрям и решителен, то ведь и она такая же.

Она спустилась вниз и вошла в телефонную будку. На экране появилась женщина ослепительной красоты. Однако то был не символ секса, а настоящее произведение искусства.

— О, Марджори,— сказала она.— А я думала — ты здесь по шпионским делам. Но что случилось с твоим лицом?

Мегги потерла свой покрытый прыщами подбородок.

— А, это. Просто реакция на прививки. Могу я увидеться с тобой?

— Конечно, дорогая. Прямо сейчас?

— Да.— Мегги положила трубку.

Но прежде она посмотрела в зеркало, чтобы проверить макияж.

Мать Мегги Миннингер жила в одном из самых высоких и дорогих небоскребов Нью-Йорка. Это было старомодное строение, возведенное во времена, когда энергия еще была дешевой и можно было не экономить на звуко- и теплоизоляции, на создании комфортных условий жизни. Теперь, когда нефть безумно дорога, жизнь в таком здании доступна лишь очень немногим. Алисии Хоув и ее теперешнему мужу роскошная квартира была по карману.

Привратник, приветствуя Мегги, сказал:

— Рад вас видеть, мисс Миннингер! На этот раз вы будете жить у себя?

— Боюсь, что нет, Харан. Мне просто нужно поговорить с матерью.

— Да, мисс Мегги. Она ждет вас.

Алисия Хоув поднялась с кресла навстречу дочери и, целуя ее, окинула Мегги все понимающим, проницательным взглядом.

— Тебе надо похудеть на пару килограммов, дорогая.

— Обещаю тебе это, мама... Знаешь, мне нужна от тебя одна услуга.

— Конечно, милая.

— У папы возникли некоторые трудности, а мне нужно выйти на публику. Я хочу провести пресс-конференцию.

Муж Алисии Хоув был владельцем большой телесети с выходом на три главных города. Ему принадлежали также три главных спутника-передатчика.

— Думаю, что кто-то из людей Гарольда поможет тебе,— медленно сказала она.— А в чем дело?

— Мама, это тебе знать не нужно.

Мать вздохнула. Выйдя замуж за Года Миннингера, она привыкла жить, не интересуясь ничем. Когда она с ним развелась, то думала, что обрела свободу. Она никогда не говорила со своим экс-мужем откровенно. Не потому, что не любила его. В глубине души она всегда считала его образцом мужчины. Однако боялась, что случайное слово, сказанное ею кому-либо, если она будет много знать, может привести к мировой катастрофе.

— Дорогая,— сказала Алисия,— я же должна как-то объяснить Гарольду.

— О, конечно. Я хочу рассказать о Джеме. Планете Джем. Я собираюсь туда, мама.

— Да, ты говорила мне. Через пару лет, когда все успокоится.

— Я хочу успокоить всех сейчас, мама. Я хочу, чтобы Соединенные Штаты послали туда достаточно сил и сделали эту планету пригодной для жизни. Чтобы любой американец мог посетить ее в любое время. Я хочу сделать это сейчас. Я, предполагаю полететь туда через три недели.

— Мегги! Неужели, Мегги?

— Ты же не будешь возражать, если я хочу этого?

Алисия Хоув никогда не могла устоять против такого аргумента дочери. Не хотела и сейчас отказывать ей. Тем более что мысль о дочери, несущейся сквозь пространство туда, где люди умирают в страшных мучениях, приводила ее в ужас, хотя Мегги давно доказала, что может постоять за себя.

— Хорошо. Видимо, я уже не могу запереть тебя дома. Ол райт. Ты не сказала мне, что я должна сделать.

— Попроси Гарольда выпустить меня в программе новостей. Он знает, как это устроить. Правительство против полета на планету. Оно урезает фонды, жалуется на возникшие проблемы. Я хочу, чтобы все знали, насколько важна для нас эта планета, я хочу рассказать народу все.— И Мегги добавила из соображений стратегии: — Папа сначала поддержал меня, а теперь переменил мнение и хочет, чтобы проект закрыли.

— Значит, ты борешься против собственного отца?

— Да.

Алисия Хоув улыбнулась. Ее теперешнему мужу это могло понравиться. Она направилась к телефону.

— Я скажу Гарольду, что тебе *нужно*.

Анна Дмитровна сидела в большой комнате за круглым столом. На голове у нее были наушники. Она сидела с закрытыми глазами, губы двигались, а голова покачивалась, когда она старалась уловить ритм песни шариста, записанной на пленку. Но это было трудно, так как на пленке был голос не только шариста, но и кринпита. Пленка была записана несколько недель назад. Единственный оставшийся в живых кринпит разговаривал тогда с Ширли, единственным оставшимся в живых шаристом Кемп Детрик.

Настоящее имя шариста было не Ширли. Оно звучало примерно так — Моахри Валун, что значило — «нежно-золотой носитель облаков». Скрипы и постукивания кринпита с трудом воспроизводили звуки шариста, но Ширли понимала его. Анна тоже хотела понять и прокручивала ленту снова и снова.

— Май хмий (эти существа не похожи на нас) и ууу (они жестокие животные).

И ответ Ширли:

— Ньюа майн на хуа (они убили мои песни).

Анна сняла наушники и потерла лоб. Сегодня головная боль очень сильна. И эта ужасная комната! Двадцать наушников и двадцать магнитофонов перед двадцатью одинаковыми стульями с жесткими прямыми спинками. Так ужасно! Анна слишком устала, поэтому выключила магнитофон, повесила наушники на спинку стула и встала. Она хотела попрощаться со своим собратьями по проекту, которые пришли вместе с нею, но оказалось, что все ушли, она осталась одна. Было уже почти одиннадцать. А в шесть часов гонг поднимет ее с постели!

Быстро идя по пустынной улице домой, Анна вдруг изменила курс. Она решила выпить чего-нибудь с кофеином; может, это избавит ее от головной боли. Но когда она опустила доллар в автомат и подставила стакан, она вдруг поняла, что зря пришла сюда. Такой ужасный, раздирающий уши шум! Дюжина парочек бесновалась под музыку проигрывателя в одном углу. Компания людей восточного типа собралась в другом углу и пела под гитару, совершенно не обращая внимания на проигрыватель. Но хуже всего был шум из телевизионной ниши: возбуждение крики, смех. Что они там увидели? Неужели их так забавляет рекламный ролик?

— О, Нан! — окликнула ее соседка.— Ты пропустила все. *Она* была великолепна.

— Кто? Что я пропустила? Кто великолепен?

— Лейтенант-полковник Миннингер. Это действительно супер. Ты знаешь,— доверительно сказала женщина,— я всегда недолюбливала ее. Но сегодня она была прекрасна. Она выступила в шестичасовой передаче новостей. Это было небольшое интервью, просто рассказ о Джеме. Я не знаю, как они протащили ее на экран, но сделали они это не зря. Она прекрасно говорила. Она сказала, что Джем дает надежду всем несчастным в мире. Она сказала, что там вся ненависть будет забыта. И что там, на чужой планете, каждый ребенок сможет выбрать себе идею и мораль, и у каждого будет пространство, чтобы жить так, как ему хочется, как он решил.

Анна захлебнулась кока-колой.

— Полковник Миннингер сказала это?

— Да, да, Нан, и это было великолепно. Мы все тронуты. Даже люди, подобные Студу Свеггерту и Нгуену. Комментатор спросил ее, правда ли, что на Джем будут посланы войска. И она сказала: «Я сама солдат. В каждой стране есть солдаты, и каждый из нас молит Бога, чтобы ему не пришлось воспользоваться своими знаниями и умением. Но на Джеме мы сможем сделать нечто полезное. Для мира, а не для уничтожения. И позвольте нам полететь туда, чтобы сделать это...» Что? — спросила женщина, так как Нан пробормотала что-то по-болгарски.

— Нет, нет, продолжай, пожалуйста.

— Хорошо. Комментатор сказал, что отклики обществен-

ного мнения будут потрясающими — телеграммы, звонки. В студию, в Белый Дом, в ООН.

Анна забыла о головной боли.

— Может, я была несправедлива к полковнику Миннингер. Я потрясена.

— Да, и я тоже. Она заставила нас почувствовать, что мы здесь делаем великое дело. И все говорят об этом!

Да, говорили все. Не только в этом кафе. Звонили сенатору Ленцу и требовали от него поддержать героев Джема. Телефон Годфри Миннингера звонил лишь один раз, и на другом конце провода был сам Президент Соединенных Штатов. Когда Годфри повесил трубку, лицо его было напряженным, но, расслабившись, он улыбнулся:

— Дорогая,— сказал он в никуда,— черт бы побрал твое черное сердце! Ты заставила своего старого отца гордиться тобой.

На протяжении двадцати километров Чарли и его стая старались следовать за маленьким бипланом, который летел в небе Джема, но без толку. Шаристы взмывали вверх, спускались вниз, отыскивая подходящие воздушные потоки, которые несли бы их к Полюсу Тепла. Они находили потоки, однако все реже и реже. Чарли пропел прощальную песню в микрофон передатчика, и в кабине биплана стало оглушительно шумно. Звуки песни перекрыли даже рокот двигателей:

— Сколько шума! — крикнул Капелюшников на ухо Дэнни Дейлхаузу.— Выключи, пожалуйста.

— Я сначала попрощаюсь.— И Дэнни пропел песню, а потом выключил передатчик.

Стая осталась далеко позади. Дэнни наклонил голову, высматривая лагерь гризи, но его еще не было видно. Они летели почти по прямой к Полюсу Тепла над гористой местностью. Гризи поступили глупо, устроив свой лагерь в самой негостеприимной части планеты. Но, может быть, у них были свои соображения?

Капелюшников склонился к нему, хлопнул по плечу.

— Все в порядке! — прокричал он.— Конечно, такой полет — это совсем не то, что заниматься любовью с ветром на воздушном шаре. Здесь с ним приходится сражаться. Но у тебя очень опытный пилот за рычагами управления.

— Я не жалуюсь.

У Дэнни не было оснований жаловаться. Биплан был настоящим чудом техники на Клонге — на Джеме, как они сейчас называли эту планету. По крайней мере, теперь они летят. До лагеря гризи было трудно добраться другим способом. На Джеме нет автомобилей, потому что нет дорог. Можно было бы проехать на тракторе, но тракторов здесь тоже нет. Даже гризи не могут позволить себе иметь трактор. Эти тупоголовые гризи умудрились расположить лагерь в десяти километрах от ближайшего судоходного водного пространства, так что лодки

исключаются. И вот теперь они летят на встречу, которая должна наладить дружеские отношения между всеми людьми на Джеме. Дейлхауз посочувствовал этим бедным, гордым, упрямым пипам, которые сейчас проделывали тот же путь, двигаясь пешком. И может быть, шли где-то внизу, под ними.

Так что сам по себе полет — это их триумф, хотя Дэнни слегка мутило. Но причина крылась не в воздушной болезни, а в пище, которая была в их рационе. В лагерь прибыли двадцать два новых человека, и поэтому приготовление еды стало проблемой. А эти новенькие привезли с собой свой аппетит, но не догадались прихватить с собой хорошего повара. Еда была отвратительной. Но никто не осмеливался жаловаться, так как выразившего недовольство назначили поваром.

Их лагерь рос. Третий корабль снабжения принес нечто неожиданное. Этот маленький, с виду нелепый, двукрылый самолет выглядел совершенно неуместно здесь, но тем не менее он работал и летал! Кроме того, прибыло много аппаратуры и механизмов, для того, чтобы Каппи мог изучать своих подземных друзей в туннелях, а Дейлхауз получил радио для связи с Чарли. Новый спутник Аргус будет фотографировать облачность и поможет им предсказывать погоду. Или прогнозировать ее с большей или меньшей точностью. Он также поможет им наладить контакт с разумными существами. Чарли был в восторге от своего арбалета и радио. Свою новую аппаратуру испытал и Джим Моррисей. С помощью привезенных источников энергии он проделал три больших отверстия вдоль туннеля. Затем устроил ловушку, стену которой облицевал моноокисью кремния, чтобы подземники не могли быстро заделать отверстие. Таким образом ему удалось добыть несколько особей, и хотя для Дейлхауза они уже не годились, сам Моррисей был доволен.

Еще бóльших чудес они ожидали от следующих кораблей. Кроме нового оборудования сюда должны прибыть сто человек. Это будет настоящий город! И сейчас надо было готовиться к их приему. Правда, неизвестно, с какой целью прибудет подкрепление. Разумеется, тем, кто сейчас находится в лагере, нужны разные специалисты. Во-первых, хороший повар. Зубной врач. Побольше красивых женщин. Хороший переводчик. Вспомнив о переводчике, Дейлхауз оглянулся, чтобы посмотреть, как устроилась сзади Гарриет. Ее безбожно трясло, когда самолет проваливался в воздушные ямы. Будь на ее месте кто-то другой, Дэнни пожалел бы его, но для Гарриет у него не нашлось сочувствия. Глаза ее были закрыты, на лице застыло выражение обиды из-за того, что она оказалась самой маленькой и потому именно ей пришлось упаковаться в эту коробку.

— Приближаемся! — крикнул Капелюшников.

Дэнни посмотрел вниз, но сквозь постоянный полумрак джемианского неба увидел лишь облака.

Но вот в просвете сверкнул ослепительный белый ободок Полюса Тепла. И что-то еще. Теперь уже сами облака свети-

лись ослепительно ярко. Когда биплан вынырнул из них, Дэнни понял причину столь яркого свечения.

— Боже! — воскликнул Каппи.— Неужели им не стыдно?

Источником света был сам лагерь. Эта «иллюминация», прорезающие сумрак лучи прожекторов, освещенные окна и даже... да, уличные фонари,— восхитили Дейлхауза. Это не лагерь экспедиции. Это настоящий маленький городок.

Вертикальный луч прожектора качнулся, приветствуя прибытие биплана, и ушел в сторону, чтобы не слепить пилота. Капелюшников пробормотал что-то неразборчивое в микрофон, прислушался и пошел на вираж.

— В чем дело? — спросил Дейлхауз.

— Ничего. Просто больше не нужно спешить. Пипы еще в пути, так что мы можем осмотреть это чудо, прежде чем приземлимся.

Это было действительно чудо. В лагере гризи было всего сорок человек, но домов казалось больше. Домов, а не палаток или пластиковых шатров. Из чего они их делают? Некоторые дома напоминали бараки, другие были индивидуальными бунгало. Здесь же была конструкция, напоминающая Эйфелеву башню в миниатюре. Некоторые дома достигали двадцати пяти метров в высоту. И еще какой-то конус с лепестками высился в дальнем конце лагеря. Что это? Похоже, он состоит из центрального цилиндра и тонких металлических полосок вокруг. Солнечный генератор? Если это так, то мощность его не меньше мегаватта. А башня с пропеллером, вращающимся в горизонтальной плоскости? Может, это кондиционер?

Гарриет приподнялась, перегнулась через плечо Дэнни и ахнула.

— Но это же... Это жуткое расточительство! — хрипло сказала она в самое ухо Дэнни.

— О да, дорогая Гаша,— согласился пилот.— Как было бы чудесно, если бы мы могли позволить себе то же самое!

Сквозь скрипы и постукивания, издаваемые эскортом, образованным кринпитами, Ахмед Дулла услышал отдаленный шум.

— Отпустите меня. Подождите. Постарайтесь не шуметь,— приказал он на смеси урду и языка кринпитов. Эта смесь позволила наладить контакт с существами. Он соскочил с носилок, на которых несли его кринпиты, взобрался на дерево и осмотрелся. В небе под облаками он увидел маленький кургузый самолетик.

— Значит, прибыло еще одно чудо техники,— констатировавал он.

Кринпит по имени Джорн-фтит тоже пристально глядел на необычный объект в небе. Он махнул массивной клешней:

— Мне непонятен смысл твоих слов.

— Ерунда. Давай двигаться дальше.— Дулла был не в настроении и не хотел разговаривать с этими гипертрофиро-

ванными жуками. Однако они были ему нужны.— Тащите носилки в мой мешок,— приказал он.— Я пойду сам. Слишком трудная дорога, чтобы ехать.

Они поднимались из долины на каменистые холмы, и растительности становилось все меньше. Вместо деревьев встречались странные растения типа кактусовых. Дулла с отвращением смотрел на них. Изучать растения, находить новые продукты питания — вот путь, на котором отцы стали независимыми от машинной цивилизации внешнего мира. Так перед отлетом говорил Фен-Хуа-цзе. Но Дулла был астрофизиком, а не ботаником и не собирался следовать дурацким инструкциям.

Сейчас небо было открытым, и Дулла ясно видел кружащий самолет и огненное зарево Полюса Тепла. Так... Гризи имеют геликоптер, у Жирных появился аэроплан. А на чем прибыл представитель Народной Республики на эту встречу? На носилках, которые тащат странные существа, напоминающие сплющенных крабов. Дулла закурил. Если бы Фен прислушался к его словам, они бы настояли на том, чтобы встреча состоялась в их лагере. Тогда они избежали бы унизительной поездки на пластиковых мешках, которые несут эти странные существа из детских сказок. Какая катастрофа! А все ошибки Фена. Или Наследника Мао. Экспедиция должна была бы быть технически оснащена. Но этим занимались китайцы, и проект с самого начала был обречен на провал.

Кринпиты вдруг остановились, и Дулла, споткнувшись о них, чуть не упал.

— В чем дело? — спросил он.— Почему вы встали?

— Быстро приближается громкий предмет,— проскрипел Джорн-фтит.

— Я ничего не слышу.— И тут, отвлекшись от своих мыслей, Дулла увидел под холмом клубы пыли. На вершину холма вскарабкалась машина, похожая на трактор, и двинулась им навстречу. До нее оставалось с полкилометра.

— Еще один триумф расточительства,— пробормотал он.— Как они осмеливаются ехать нам навстречу, если я могу дойти сам?

Кринпит вопросительно проскрипел что-то, и Дулла сказал:

— Ладно. Положите носилки, теперь я понесу мешок сам. Спрячьтесь. Я не хочу, чтобы гризи увидели вас.

Но смысл его слов не дошел до кринпитов. Они никогда не прятались друг от друга. Дулла попытался объснить:

— Идите за холм. Гризи вас там не заметят. Я вернусь сюда примерно через такое же время, какое занял у нас подъем от реки.— Он не был уверен, что кринпиты поняли его. У них было обостренное чувство времени, но понятие о нем и о его делении на определенные периоды было совершенно другим. Все же они покорно повернулись и двинулись прочь. Дулла пошел навстречу приближающемуся трактору.

Водителем был кувейтец, видимо переводчик, так как он приветствовал Дуллу на языке урду

— Тебе нравится идти пешком? Забирайся сюда ко мне.

— Ты очень любезен,— улыбнулся Дулла.— Действительно, сегодня немного жарко для прогулки.

Это вовсе не любезность, думал он. Это их проклятое высокомерие.

Ахмед Дулла был уверен, что он единственный человек на Джеме, чей родной язык урду. Поэтому гризи и послали ему навстречу переводчика, хотя были уверены, что Дулла говорит и на других языках.

Придет время, думал Ахмед, когда он сполна рассчитается с этими грязными свиньями. И он поехал в направлении лагеря гризи, дружески болтая с кувейтцем. Вежливо отметил залитое огнями место обитания гризи, хотя внутри у него все клокотало от ярости.

Официальным хозяином встречи был Чесли Понтекрафт, лондонец по рождению, но не коренной англичанин. Кожа у него была пурпурно-коричневая, а волосы цвета белой шерсти. Кодированные сообщения с Земли дали Дулле полную информацию о каждом члене экспедиции гризи. И о Жирных тоже. Он знал, что Понтекраф был отставным маршалом авиации и номинальным командиром экспедиции. Но он также знал, что фактически экспедицией руководило одно из гражданских лиц из Саудовской Аравии.

Понтекрафт прошел вдоль длинного стола для конференций (деревянного, привезенного с Земли), предлагая собравшимся напитки и сигары.

— Ваш бренди, доктор Дейлхауз? — спросил он.— Или , может, кока-колу? Апельсинового сока, к сожалению, нет, но зато есть лед.

— Мне ничего,— отказался Дулла.— Полагаю, пора перейти к делу.

— Конечно, доктор Дулла.— Понтекраф тяжело уселся во главе стола и осмотрел всех.— Вы не против, если я займу председательское место?

Дулла посмотрел, не возражают ли Жирные, и, увидев, что нет, заговорил на секунду раньше, чем они.

— Пожалуйста, маршал Понтекрафт,— тепло сказал он.— Мы — ваши гости.

Однако в душе он понимал, что это еще одно оскорбление.

Рядом с председательствущим сели два помощника: переводчик-кувейтец и женщина, наверняка та самая, которая принимает решения. По одну сторону стола расположились трое Жирных — Дейлхауз, их русский пилот и их переводчик. С третьей стороны стола он оказался один. Разве можно было яснее показать, насколько он, представитель Блока Народов, один и незначителен?

Он сказал:

— Так как мы на переговорах и все говорим по-английски, я предлагаю отпустить переводчиков. Наша старая посло-

вица гласит: успех переговоров обратно пропорционален квадрату количества участников.

— Я останусь — быстро сказал переводчик Жирных.

Понтекрафт поднял брови, привстал, но ничего не сказал и снова уселся, ожидая возможности начать. Женщина что-то прошептала маршалу. Дейлхауз после колебаний встал и протянул руку Дулле.

— Рад видеть, что с тобой все в порядке, Ахмед,— сказал он.

Дулла легко коснулся его руки:

— Благодарю... Спасибо, что помогли вернуться в лагерь. Раньше у меня не было возможности поблагодарить вас.

— Рад был помочь. К тому же приятно видеть кого-то из вашей экспедиции, мы так редко видимся.

Дулла посмотрел на него. Затем настойчиво сказал:

— Может, начнем? Я проделал долгий путь, чтобы попасть сюда...

— Ну конечно,— сказал Понтекрафт.— Господа, мы собрались здесь, чтобы попытаться наладить наши отношения на этой планете. Я знаю, какую грызню на Земле начали наши хозяева. Нам нужно постараться сделать так, чтобы свара не перекинулась сюда.

Дулла с удовольствием сделал замечание:

— Прошу ограничиться наблюдениями только со своей стороны.

Все происходило так, как он и предполагал: гризи оскорбляют всех, кроме своих. Пусть этот вестиндиец, дед которого был контролером в лондонском метро, изображает из себя кретина, если ему хочется. Но только не представителя Народной Республики.

— Господин Дулла, мы пригласили вас сюда потому, что мы все работаем над одними и теми же проблемами. Ваша экспедиция переживает трудности, вы знаете об этом. Экспедиция Блока Продовольствия и наша — в таких же условиях. У вас даже нет доктора...

— Если еще не упоминать о многом другом,— вставил Дейлхауз.

Понтекрафт продолжал:

— И энергетические ресурсы очень и очень ограничены. По решению ООН, мы все должны сотрудничать и нести равную ответственность. В частности, в областях научных исследований. Мы занимаемся геологией, и вы не можете не признать, что мы ведем честную игру.

— Да, конечно,— сказал Капелюшников.— Вы по чистой случайности оказались в той зоне, где находятся запасы нефти.

— Верно,— подтвердил Дулла.— Я полагаю, мы все знаем об этом, маршал.

Да, это хорошо, что Жирные и гризи сразу стали ссориться.

— Что случилось, то случилось,— надменно сказал маршал.— Но здесь очень много работы, и мы не можем делать все. Например, астрофизика... Мы запустили на орбиту лабо-

раторию, но — и вы знаете об этом — аппаратура плохо работает. Позвольте мне показать вам кое-что.

Он встал и повесил на стену экран, затем включил прибор, и на экране появился какой-то график.

— Вы видите наш солнечный генератор. Это кривая выходной мощности генератора. Посмотрите, на кривой имеются выбросы. Вам это может показаться мелким фактом, но наш генератор — точный прибор. Он не сможет хорошо работать, если постоянные величины не будут действительно постоянными.

Дулла смотрел на график с черной завистью. Именно из-за этого он и появился здесь. Ведь он, помимо прочего, специалист по звездам! Он едва заметил, что в разговор вступил Дейлхауз:

— Если излучение Клонга такое непостоянное, то это для нас важнее, чем всплески на кривой вашего генератора.

Понтекрафт кивнул:

— Конечно. Мы и сами потрясены этим. Может быть, Клонг — нестабильная звезда?

— Вряд ли,— усмехнулся Дулла.— Каждый знает, что вспышки возможны всегда.

— Да, но никто не знает, сколько их и какой они мощности. А мы должны знать это точно. Мы и хотели определить это по результатам астрофизических исследований, которые ведет ваша экспедиция, доктор Дулла.

Дулла взорвался.

— Это уж слишком. Как можно голодному человеку заниматься астрофизикой? И кто в этом виноват?

— Но не мы же, старина,— негодующе сказал Понтекрафт.

— Но кто-то взорвал наши корабли, старина. Кто-то убил тридцать восемь человек — граждан Народной Республики, старина!

— Но это было... — Понтекрафт прервал фразу на полуслове. Он сделал видимое усилие, чтобы овладеть собой.— Пусть так,— снова начал он.— Но работа должна быть сделана, кто-то должен ее сделать. У вас есть аппаратура, у нас нет. По крайней мере, пока с Земли не прибудет телескоп. У нас есть люди, у вас их нет.

— Прошу прощения. Позвольте мне проинформировать вас, что я — директор Института планетологии в университете имени Зульфикара Али Бхутто и получил ученую степень по астрофизике...

— Никто не оспаривает ваших ученых званий. Мы только сомневаемся, что в теперешнем положении вы способны проводить исследования. Лучше прислать вам нашего астрофизика. А еще лучше переправить вашу аппаратуру сюда. Здесь и условия для наблюдения более подходящие.

— Нет, никогда! Ни то, ни другое!

— Не думаю, что это честно. Разве мы не сотрудничаем в производстве продуктов питания?

— Какого питания? Для нас вы производите совсем немного риса. Вы делаете все для себя.

Дейлхауз примирительно сказал:

— Мы можем больше производить риса, если вы его так любите.

— Как великодушно! — фыркнул Ахмед.

— Подождите, Дулла. У нас ведь тоже есть к вам претензии, если хотите знать. Например, стрельба...

Дулла сделал гримасу.

— Это была глупость Хуа-цзе. Народная Республика уже выразила свое сожаление.

— Кому? Мертвым шаристам?

— Да,— сказал Дулла с нескрываемой издевкой.— Да, мы передали соболезнование вашим друзьям, газовым мешкам. И вашим, сэр, тем, кто копаются в земле и которых вы считаете очень нужными и полезными.

— Если вы имеете в виду кринпитов,— сказал Понтекрафт, едва сдерживая себя,— то мы, по крайней мере, не заставляем их таскать носилки.

— Нет! Но вы заставляете их помогать вам эксплуатировать минеральные ресурсы. Разве не правда, что у них появились болезни, вызванные радиацией?

— Нет. Во всяком случае, не здесь. Мы используем их для добычи различных образцов на тех или иных территориях. И, может быть, некоторые из них получают какую-то дозу облучения. Но я должен сказать, что категорически отрицаю обвинение в том, что мы эксплуатируем их.

— О, я уверен, что вы этого не делаете, маршал Понтекрафт, ведь ваши собственные предки на своей шкуре испытали всю тяжесть эксплуатации чужеземцами.

— Послушайте, Дулла...

Но Понтекрафта перебила женщина из Саудовской Аравии:

— Я думаю, что нам нужно прерваться для ленча. У нас много вопросов для обсуждения, и ссоры не помогут решению проблем. Давайте попытаемся начать все сначала после ленча.

Следующая беседа, состоявшаяся после ленча, в полдень, проходила спокойнее, но Дэнни Дейлхаузу и она не показалась продуктивной.

— Все-таки мы немного разорили их на мясо,— усмехнулся он, взглянув на Каппи.

— Его вкус до сих пор у меня во рту,— прорычал русский.— О, как много у них тут хорошего. Не только еда.

С этим нельзя было спорить. Они долго стояли, наблюдая, как быстро и легко возводился новый дом. Техника тут применялась весьма широко.

— А вы видели, что на склонах вон того холма? — В голосе Гарриет была зависть.— Террасы с рядами зеленых саженцев. Зеленых! Эти гризи используют лампы, дающие спектр солнца, чтобы выращивать земные растения!

— У меня такое ощущение, какое было в семнадцать лет,— сказал Каппи.— Я тогда приехал в Москву из Нижнего Тагила.

Москва меня ошеломила. Трамваи, высотные дома, магазины, рестораны... — Он показал на колонну солнечного генератора с розеткой отражателя.— Это потрясающе, друзья. Неудивительно, что они пригласили нас сюда. Им нужно поразить нас, доказать, что они вправе диктовать свою волю, так как сильны.

Они обогнули бараки и вышли к аэродрому. Тут Капелюшников улыбнулся:

— Эй, Войн! — закричал он.— Иди попрощайся с родственниками из провинции.

Ирландец, поколебавшись, подошел к ним.

— Хелло. Только что подвез нашего друга Дуллу: он отправился домой.

— Он, кажется, в плохом настроении,— заметил Дейлхауз.

Пилот улыбнулся.

— Да, должен сказать, его самолюбие серьезно пострадало. Он не хотел, чтобы мы узнали, как он использовал для поездки кринпитов. Вы-то знаете? Они спустились по реке на лодке, а восемь-десять километров кринпиты тащили его на носилках.

Гарриет заметила:

— У него было бы получше настроение, если бы ты, Дэнни, не оскорблял его.

— Я? Как?

— Он решил, что ты издеваешься над ним, сказав, что слишком мало пипов выжило. Лицо у него сразу вытянулось.

Дейлхауз запротестовал:

— Я не это имел в виду. Просто у него такой характер — все принимать в штыки.

— Ладно, забудь,— посоветовал Капелюшников.— У него дружки — эти крабы, пусть они и заботятся о его настроении.

— Этого я тоже не понимаю, Каппи. Кринпиты едва не убили его.

— Да, как получилось, что они таскают его на себе по джунглям пакистанского сахиба?

— Я не могу этого объяснить,— угрюмо глянул на Дэнни Войн.— И не могу сказать, что это мне нравится. Помните первого кринпита, которого мы принесли сюда? Его звали Шарн-игон. Он ненавидит всех людей. Его подруга погибла при первом контакте с пипами, и теперь он хочет мстить. Он подбивает на бунт всех кринпитов поблизости, и мы не можем наладить с ним контакт. Я предполагаю — он считает, что пипы достаточно наказаны, и хочет помочь им наказать нас. Так что будущее мне представляется весьма мрачным.

Войн шел с ними к взлетной полосе, избегая смотреть в глаза. И то, что он говорил, скорее походило на монолог, чем на разговор.

Капелюшников примирительно сказал:

— Эй, Войн, ты обижен?

— Я? Почему? — Но Войн не взглянул на русского.

Каппи посмотрел на своих товарищей, затем снова обратился к Войну:

— Ты знаешь, что мы оба члены великого братства пилотов. Почему мы должны ссориться?

— Да я не с тобой лично,— сказал Войн.— Я бы дал съесть себе ползадницы, если бы таил злобу против тебя. И мне хотелось бы более открыто говорить о том, чем мы здесь занимаемся.

— Так почему скрытничаете? — вступил в разговор Дейлхауз. — Ведь мы делаем одно дело... Так сказал Понтекрафт. И мы должны делиться информацией.

— Да, у Понти правильные идеи. Но их можно истолковать двояко. Вы ведь тоже не сказали о своих маленьких шалостях. Например, о то что вы вооружили шаристов.

— Нет! Этим занимаюсь лично я, Войн. Мы дали им немного простейшего оружия для обороны против воздушных акул хайхэй. И это все.

— Да, но они могут применить оружие против любого. А если вспомнить случай с кораблем пипов...

— Да, конечно. Такой же случай, как с вашим самолетом...— После некоторого колебания Войн замолчал.

— Продолжай же,— потребовал Дэнни.— Что ты хотел сказать? — Ничего. Забудь это.— Войн оглянулся, затем быстро сказал: — Вы видите, что мирная конференция не принесла никакого результата. События развиваются так, что у меня появились дурные предчувствия. Местные кринпиты нападают на наших подземников — все это происки пипов, я думаю. Взорвали корабль пипов. Вы говорите, что это случилось, а мы полагаем, что это ЦРУ. Вы дали оружие шаристам. И ваш самолет...— Он помолчал, глядя на Капелюшникова.— У меня есть глаза и потому нет желания говорить откровенно. Может быть, в другой раз. Так что до свидания, желаю приятного полета.— Он кивнул и пошел обратно к базе.

Капелюшников, сдвинув брови, смотрел ему вслед.

— У меня тоже дурные предчувствия,— сказал он.— И относительно дорогого друга и пилота Война. Мне бы хотелось задать ему несколько вопросов, да время неподходящее.

— А мне бы хотелось побольше узнать, для чего они используют подземников,— сказал Дейлхауз.— И, честно говоря, мне неприятно, что на нас возлагают ответственность за случай с кораблем пипов. Ты думаешь, это правда?

Капелюшников задумчиво посмотрел на него.

— Ты очень хороший парень, Дэнни, но ты не умеешь удивляться,— ответил он.— Вот, например, тебе не странно, что у гризи есть взлетная полоса, которая совсем не нужна геликоптеру?

— Да, я не обратил на это внимания,— признался Дэнни.

— А я обратил. Так же как Войн обратил внимание на бомбовый люк в нашем самолете. Вы с Гашей тоже видели его

и только спросили — зачем это, с какой целью? А когда пилот видит такую шутку, он спрашивает себя — зачем в самолете, предназначенном для научных исследований, бомбовый люк?

В тридцати метрах от взлетной полосы Мать Др-Ши проснулась от запаха цианида, слишком слабого, чтобы быть опасным, но достаточно сильного, чтобы не оставить его без внимания. Снова эти Панцирные Дьяволы...

Она властно позвала дежурного члена семьи. Им оказался Т-Вихр, малорослый подземник, в обязанности которого входило удовлетворять потребности Матери, когда она просыпается. Сейчас в ее выводке было семеро — все самцы, и ни один из них не был похож ни размерами, ни силой, ни умом на их отца. Внезапно она рассердилась.

— Воду! — приказала она хриплым рычанием.— И пищу. И кого-нибудь, чтобы почистить меня.

Т-Вихр сказал покорно:

— Здесь только я, Мать Семьи. Я быстро принесу пищу и все сделаю, пока ты ешь.

— А почему никого нет?

— Все на обучении у Новых Дьяволов. Они приказали, чтобы были все.

Мать Семьи презрительно фыркнула, но она была не очень раздражена этим.

Т-Вихр вернулся с пищей. Это были только тюберы и раковина с водой. Но в придачу к этому он принес немного свежих листьев и фруктов с Поверхности.

— Дали, или взял? — Она подозрительно принюхалась.

— Это подарки Новых Дьяволов, Мать Семьи,— извиняющимся тоном ответил молодой самец.

Она снова фыркнула. Однако зелень была вкусна, а она голодна. Все съев, она опорожнила свой желудок в раковину, которую Т-Вихр сразу закрыл.

— Будут еще поручения, Мать? — вылизывая ее мех возле заднего проходного отверстия, спросил он.

— Нет. Иди.

Он коснулся ее носа и, извиваясь, уполз, чтобы опростать раковину в камере гниения. Следующий член семьи смешает фекалии с растительной массой, и эта смесь будет перегнивать, для того чтобы в будущем служить удобрением.

Несмотря на то, что Т-Вихр был хорошим ребенком, вскоре она должна будет расстаться с ним — когда выводок подрастет и каждый начнет свою жизнь. Это время близко. При каждом ее пробуждении вымя становится все меньше и тоньше. Взрослые самцы это знают, и она нередко чувствовала, как они пробирались в ее гнездо, чтобы коснуться носом ее ануса, проверить, насколько она готова к совокуплению. Только вчера самец с ногами в шрамах спросил ее:

— Что тебе захочется в следующий раз? Раковину кринпита? Живого Летающего Дьявола? Голову Нового Дьявола?

— Твою собственную голову,— ответила она раздраженно.

Он рассмеялся и уполз. Но он вернется. И нельзя сказать, что мысли о нем были неприятны матери. Ее сестра совокуплялась с этим самцом раньше, до двух выводков. Прекрасное потомство — две самки. Сестра говорила, что он неутомим при совокуплении. Что ж, совокупление — это долг каждой самки, но оно вдвойне приятнее, если самец принесет тебе хороший дар.

Слабый отдаленный рокот заставил ее вздрогнуть. Опять Новые Дьяволы! Раньше такие раскаты и вибрация земли означали, что наверху сильная буря или упало большое дерево. А теперь Новые Дьяволы срывают холмы, взрывают склады, и трудно довериться в такой обстановке своим чувствам. Она поползла вдоль стены по камере, принюхиваясь, ощупывая, проверяя, все ли на своем месте. Органы вкуса, обоняния и осязания были главными в ее жизни. Др-Ши ощущала свет, хотя и не нуждалась в нем. Для индивидуумов ее народа глаза были лишь придатком, которым они пользовались, поднимаясь на поверхность. Да и наверху они не были необходимостью, так как из-за плотных облаков и постоянного полумрака все равно не было ничего видно.

Привет, Др-Ши.

Она фыркнула, сразу узнав самку у входа в камеру.

— А, это ты, Др-Шью. Входи, входи.

Самка вошла, и Др-Ши сказала:

— Я пошлю за едой.

— Я уже поела,— вежливо ответила Др-Шью.— Какие прекрасные дары для совокупления!

Она с завистью посмотрела на коллекцию. Шесть выводков, шесть подарков. Какой-то никому незнакомый твердый предмет, украденный у Новых Дьяволов, нога краба — первый подарок и наименее ценный — когти шариста... Все это было добыто на поверхности, с большим риском. Немало самцов погибло. Враги были везде...

Приличия соблюдены, и Др-Шью перешла к делу:

— Отец моего последнего семейства умер от плохого воздуха. И еще трое молодых — в другом семействе...

— Жаль,— сказала Др-Ши. Эти слова не относились к самцу — он сделал свое дело. Но от цианида умерли молодые!

— Я боюсь за наши жизни,— сказала Др-Шью.— С тех пор как пришли Новые Дьяволы, наши камеры и туннели в постоянной опасности.

— Я тоже об этом думала,— призналась Др-Ши.— Почему бы нам, матерям, не пойти учиться?

— Но они же участся приносить смерть! Мы с тобой Матери, Др-Шью? — Она была шокирована.

— Кринпиты приносят нам смерть, разве нет? Наши молодые блокировали галереи, откуда приходит плохой воздух, но нет уверенности, что Панцирные Дьяволы не сделают новые дыры.

— Я не могу приносить смерть. Разве только — чтобы добывать пищу.

— Слушай внимательно, Др-Ши... — угрюмо заговорила Др-Шью. Она поколебалась, затем решилась: — Есть история... Не от кринпитов. Может, от Летающих Дьяволов... — Это была обычная форма выражения сомнения. Но в данном случае Др-Ши не сомневалась, что это правда.— Панцирные Дьяволы рассказывали одному из наших, что Новые Дьяволы уничтожили целый город нашей расы. Он сказал, что Новые Дьяволы считают нас паразитами и не успокоятся, пока не уничтожат всех. Вот почему дали кринпитам плохой воздух.

— Но Новые Дьяволы учат наших, как уничтожать кринпитов.

— Следующая часть истории еще более любопытна. Но я думаю, что так оно и есть. Эти Панцирные Дьяволы рассказывали, что есть три типа Новых Дьяволов: одни уничтожили город, другие направили к нам плохой воздух, чтобы извести нас... А третьи учат наших молодых. И это они уничтожают Летающих Дьяволов и кринпитов, а также всех Новых Дьяволов. Но они не убивают нас.

Длинное тело Др-Ши задрожало от возбуждения.

— Это ложь! — вскричала она.— Они послали наших молодых куда-то, откуда вернулись лишь немногие, да и те вялые и больные. Они только и говорят, что о смерти.

— Я и мои сестры тоже слышали это.

Др-Ши фыркнула. Складки кожи вокруг ее носа дрогнули.

— Считаю,— заговорила она снова,— это хорошо, что наши учатся убивать. Если мы убьем кринпитов, они не смогут больше впускать плохой воздух в наши туннели. Если мы поможем Новым Дьяволам уничтожить других Новых Дьяволов, то те не смогут помогать ни кринпитам, ни Летающим Дьяволам против нас.

— И я так думаю, Др-Ши.

— Я также считаю, что если мы поможем нашим Новым Дьяволам уничтожить других Новых Дьяволов, то позже мы сможем уничтожить и их самих.

— И тогда наши дети будут снова принадлежать нам!

— И наши туннели снова будут темными и безопасными. Да! Я предлагаю собрать всех, и Т-Вихрь начнет обучать нас тому, чему они учатся у Новых Дьяволов.

Жесткие условия подъема определяются законами природы. Дэнни Дейлхауз мог поднимать в воздух все, что ему хотелось, при помощи простого добавления шаров с водородом. Чарли же это не удалось. Он мог поднимать только то, что было ему под силу, и все. Чтобы перенести вверх дары Дейлхауза, приходилось жертвовать балластом, а следовательно, подвижностью. Поэтому поднимать все дары возможности не было. Дейлхауз уговорил его отдать арбалет другому самцу из стаи, и Чарли взмолился:

— Если уж я не могу иметь и то и другое, то оставь мне громкоговоритель. Оставь мне его!

— А если тебя убьют хайхэй, какой прок будет от радио?

Но Чарли сделал вид, что не понял вопроса. Он вместе со стаей распевал что-то вроде рапсодии, и громкоговоритель обогащал звучание хора. Дейлхауз перестал уговаривать его.

То, что у Чарли было радио, имело свои плюсы и минусы. Хорошо, что Дейлхауз теперь мог связаться со стаей с земли, если, конечно, она не была слишком далеко. Это было известно майору Сантангело, новому коменданту лагеря. Стало гораздо труднее, чем раньше, договариваться насчет полетов. А в лагере оставаться уже совсем противно. Сантангело взял в свои руки все. Он доказал это, отослав Гарриет и Алекса Вудринга в отдаленные районы, чтобы они попытались наладить контакт с племенами подземщиков, которые еще не связались с гризи. Весь лагерь теперь был окружен оборонительными сооружениями.

Голос Дейлхауза прорвался сквозь песню стаи:

— Я должен вернуться. К нам летит большая группа людей, которая везет яд.

— Мы полетим с тобой, полетим с тобой...

— Нет, нет,— не разрешил он,— слишком много хайхэй возле лагеря.— Это было правдой.— Летите в Мокрую Долину и посмотрите, все ли в порядке у наших людей.

— Это не нужно,— ответил Чарли.— Мы видели крылья твоего друга Каппи, который только что прилетел оттуда.

Действительно, над линией побережья Дэнни увидел биплан, заходящий на посадку.

— Тогда до свидания,— сказал Донни и, умело открыв кран для выпуска водорода, спустился в нижние слои атмосферы, где его подхватил и понес к лагерю ветер.

Он уже прекрасно пилотировал на шарах. Пролетев над земляным фортом, выстроенным по приказу коменданта на побережье, он опустился на землю. Затем, собрав обвисшие шары, перебросил их через плечо и пошел в водородную лабораторию. И тут его везение кончилось. Возле Капелюшникова и Сантангело собралась половина лагеря. Сюда же шли Джим Моррисей и еще несколько человек. Их лица были сумрачны. Дейлхауз схватил Моррисея за руку:

— Что случилось?

— Большие неприятности, Дэнни. Пропали Гарриет, Вудринг, Дугаченко. Каппи говорит, что лагерь разрушен, а они пропали.

— Гарриет?

— Все, черт побери! Там кровь и следы кринпитов по всему лагерю. Идем, нужно знать, какие будут приказания.

Приказания! Как похоже на армейского офицера, который сразу же в незнакомой обстановке начинает отдавать приказы направо и налево. Дейлхауз подошел к собравшимся вокруг Сантангело и Каппи и услышал:

— ...Не знаю, есть ли кринпиты в Мокрой Долине...

— Если ты живешь в Беверли Хилл, то откуда тебе знать, есть ли змеи в Калифорнии. Но когда ты будешь бродить вокруг Голливуда, то они быстренько отгрызут тебе кое-что... Хватит спорить! — сказал майор.— Те, кто получил приказ, пусть займут свои посты. Через двадцать часов сюда прибудут четыре корабля, и для врага будет очень соблазнительно застать нас врасплох. Этого допустить нельзя. По местам!

Дейлхауз еще не получил приказа и потому не поспешил за остальными, а, обогнув барак, подошел к радиорубке. Там дежурные внимательно смотрели на экран дисплея, где отсвечивались зеленые символы на координатной сетке. Четыре корабля снабжения уже находились на орбите Джема и сейчас делали окончательную корректировку курса перед посадкой. Дейлхауз был уверен, что сюда придет и Капелюшников. Действительно, через минуту возле рубки появился пилот.

— А, Дэнни. Ты нашел прекрасное убежище, чтобы спрятаться от коменданта. Подожди, я проверю, все ли идет нормально.

Капелюшников посмотрел на экран, переговорил с дежурным и, пожав плечами, повернулся к Дейлхаузу.

— Корабли на курсе. Теперь вопрос — правилен ли курс? Мы это определим... Бедная Гаша!

— Ты уверен, что она погибла? — спросил Дейлхауз.

— Трупов я не видел. Но, Дэни, крови было очень много.

— Так трупов ты не видел?

— Нет, Дэнни. Видел кровь. Видел разодранные палатки, разбросанную одежду, разбитое радио. И везде следы кринпитов. Я искал, кричал, облазил все кусты. Тел не нашел и полетел домой. Жаль Гашу, не говоря об Алексе и Грегори.

Дэнни покачал головой.

— Кринпиты такие шумные. Я не понимаю, как они могли застать наших врасплох. Если бы они ждали нападения, то могли бы постоять за себя. Сантангело заставил их взять оружие.

Дэнни покачал головой.

— Если хочешь, летим со мной, и ты увидишь все собственными глазами. Но не сейчас. Первый корабль готов сойти с орбиты, и я должен сам наблюдать за посадкой.

Половина персонала первого корабля были военные — факт, который в другое время произвел бы неприятное впечатление на Дэнни, но только не сейчас. Когда корабль был еще на орбите, командир — вьетнамский полковник — получил по радио сообщение о событиях в лагере, поэтому, как только была произведена посадка, отряд с оружием занял позиции по периметру лагеря. На втором корабле тоже были в основном военные, но среди прибывших Дейлхауз увидел знакомое лицо. Он задумался и вскоре вспомнил: болгарская девушка, которую он встречал в Софии. Он помахал ей рукой. Девушка удивилась, потом улыбнулась и ответила на приветствие. Очень привлекательна, подумал он.

Между майором Сантангело и прибывшим полковником состоялся долгий разговор, и вскоре весь лагерь был мобилизован. Вьетамец — его имя было Три — взял Капелюшникова и поднялся с ним в воздух. Самолет сначала облетел лагерь на большой высоте, затем — едва не касаясь верхушек деревьев. Все палатки были разбросаны, и к тому времени, как приземлился третий корабль, они располагались четырьмя шеренгами — по шесть в ряд. По углам лагеря были выкопаны окопы, в них установили и огнеметы, сгруженные с третьего корабля. Те, кто не имел военной специальности, разгружали корабли, разбивали палатки, рыли окопы, вбивали металлические шесты вокруг лагеря. С третьего корабля выкатили две катушки с металлической проволокой, и как только последний корабль прилетел, лагерь превратился в неприступную крепость.

Небо Джема было необычайно чистым, когда на горизонте появился четвертый корабль. Началась посадка, которая для Дейлхауза, хотя он видел пять таких посадок, казалась чудом. Все они были разными, как и корабли. Первым человеком, вышедшим из высокого серебристого корпуса, была Мегги Миннингер.

Удивительным было не это, а то, что она не прилетела ни на одном из предыдущих кораблей. Дейлхауз вдруг понял, что ждал ее появления. Она выглядела усталой, измученной, но ему она всегда казалась великолепной. Женщины экспедиции Блока Продовольствия не могли сравниться с ней в сексуальной привлекательности. Если не считать редких случайных связей с женщинами экспедиции, в основном от скуки, сексуальная жизнь Дэнни была неинтересной и безрадостной. Мегги напомнила ему лучшие времена.

Мегги изменилась с тех пор, как он видел ее в Софии. Знаки на ее мундире были не капитанскими, а полковничьими. Она отошла в сторону, чтобы проследить за высадкой. Полковник Три и майор Сантангело уже приготовились рапортовать. Она внимательно слушала их, а глаза ее оглядывали лагерь и защитные сооружения. Затем она заговорила короткими отрывистыми фразами. Дейлхауз был слишком далеко от нее, чтобы слышать, но не сомневался — это приказы. Три спорил о чем-то. Мегги сердечно обняла его за плечи, затем похлопала по заду, и он, ухмыляясь, пошел выполнять приказ. Мегги и Сантангело пошли на командирский пост, и Дейлхауз стал думать о том, чего можно ждать от появления Мегги Миннингер.

Она увидела его и раскинула руки:

— О, Дэнни! Рада видеть тебя! — И расцеловала.— Ты изумительно выглядишь!

— Ты тоже,— сказал он.— Поздравляю.

— С прибытием? О, ты имеешь в виду орлов? Мне их дали, чтобы я была в одном звании с Гаем Три... Где-то тут должна быть Димитрова. Ты видел ее? Теперь, если Пак нанесет визит, мы можем посидеть и вспомнить старые добрые времена.

— Полковник Миннингер...

— Ол райт, майор, я иду... подожди Дэнни. Мы посмотрим, что нужно сделать.

Он смотрел ей вслед. Раньше, когда он учился в колледже и люди еще не понимали, что войны совсем не нужны, полковники были другими. И не потому, что Мегги была женщиной, красивой и молодой. Полковники казались более значительными, чем Мегги, особенно те, кто имел право нажать кнопку в кризисной ситуации.

Грузный человек в форме сержанта подошел к нему:

— Вы доктор Дейлхауз? Для вас почта в библиотеке.

— О, благодарю.— Дейлхауз обратил внимание, что сержант был озадачен и не понял его.— Прекрасный человек ваш полковник,— сказал он легкомысленным тоном и пошел, не дожидаясь ответа.

Бóльшая часть почты была из Мичигана и Дабл-А-Л, но одно из писем было сюрпризом для него. От Полли. Дейлхауз почти забыл, что у него была жена! Он не мог понять, почему она написала ему. Он положил микрофильм в карман и направился в лабораторию Капелюшникова. Там пилот собрал все, что, как он считал, могло понадобиться ему на Джеме. И среди прочих вещей здесь было устройство для просмотра микрофиш. С расчетливым любопытством Дейлхауз вставил письмо своей экс-жены в рамку.

«Дорогой Дэниел! Не знаю, известно ли тебе, что дедушка Мелвей умер прошлым летом. По завещанию он оставил Гранд Хавен Хауз нам. Я думаю, что он не успел изменить завещание после нашего развода.

Разумеется, дом не очень дорогой, но все же, по оценкам, стоит 43500 фунтов стерлингов. Я в небольшом замешательстве. Мне бы хотелось, чтобы ты прислал заверенное нотариусом заявление, что не претендуешь на свою долю. Есть ли там нотариус? В противном случае сообщи, что ты собираешься делать. С нами все в порядке, Дэниел, хотя тут случились разные события. Детройт снова охвачен забастовками. Из-за этого правительство повысило налоги. Передачи по ТВ ограничены только международными сводками. Почти все считают, будто это вызвано тем, что вы на Джеме. Но вы не виноваты. Я всегда помню о тебе, Дэниел, надеюсь — и ты обо мне. Паулина».

Сидя на постели Капелюшникова, Дейлхауз задумался. Гранд Хавен Хауз. Это просто бунгало, построенное пятьдесят лет назад и лишь немного перестроенное. Он и Полли провели в нем медовый месяц — снежный январь, когда дул пронзительный ветер с озера Мичиган. Конечно, она должна иметь дом. Кто-нибудь в лагере сможет заверить его заявление. Это будет достаточно законно, чтобы удовлетворить суд.

Он поднялся, размышляя о новостях с Земли. Они были не слишком интересные. И он подумал о шаристах, о сложностях жизни на Джеме. Однако мысли его снова вернулись к письму. Мятежи, грабежи, забастовки... Дэнни решил, что нужно поговорить с кем-нибудь из вновь прибывших, как только они уст-

роятся. Например, с этой болгарской девушкой. Она может рассказать ему, что происходит на Земле, к тому же она весьма привлекательна. Он лег, раздумывая, стоит ли ему выходить отсюда.

— Хелло, доктор Дейлхауз? — раздался девичий голос.— Мистер Капелюшников сказал, что вы здесь. Но я, должна признаться, не сразу ему поверила.

Дэнни открыл глаза и сел. У входа стояли Каппи и Анна Димитрова. По выражению лица пилота было ясно: откровенничая с девушкой, он надеялся, что тут никого нет. Однако он улыбнулся и сказал:

— Аннушка, ты должна верить мне. Дэнни, я привел твоего старого друга.

Дейлхауз пожал Анне руку, заметив, какая приятная у нее улыбка. Если бы она не зачесывала волосы назад и больше пользовалась косметикой, то была бы очень хороша.

— Я как раз хотел поговорить с вами, мисс Димитрова.

— О, ради Бога, зовите меня просто Анной. Ведь мы с вами сидели в одной камере.

— Только не задерживай дорогого Дэнни,— попросил Капелюшников.— Он очень голоден и будет крайне огорчен, если пропустит великолепный обед с мясным блюдом.

— Хорошой ход, Каппи,— заметил Дэнни.— Но я не голоден... Как дела на Земле, Анна? Я слышал, плохие новости.

Лицо Анны затуманилось.

— Если вы слышали о жестокостях, насилиях, беспорядках, то это правда. Перед нашим отлетом по ТВ объявили о введении смертной казни в Лос-Анжелесе и городах Европы.

— Боже мой!

— Да, там творится что-то ужасное. Мы привезли свежие газеты, записи телепрограмм. А кроме того, в библиотеке Мегги Миннингер более двадцати тысяч книг в микрофишах.

— Двадцать тысяч! — Дейлхауз покачал головой.— Никогда не думал, что она такой любитель книг.

Анна улыбнулась и села на пол, скрестив ноги.

— Пожалуйста, устраивайтесь и вы поудобнее. Меня тоже удивила Мегги Миннингер.— Она помолчала, как бы в нерешительности. Затем продолжала: — Мегги обещала, что перед отлетом даст мне возможность переговорить с нашей делегацией. Но не получилось. Никому из нас не разрешили покидать лагерь. Нас привезли прямо на космодром. Может, она не хотела рисковать, так как обстановка очень нестабильна.

— Неужели все так плохо?

— Видишь, Дэнни,— сказал Капелюшников,— мы должны радоваться, что находимся на столь далекой планете, в этом тропическом раю. Здесь, правда, недавно загадочным образом исчезли три человека...

— Это другое дело,— сказал Дэнни.— Мегги Миннингер, кажется, не слишком обеспокоена этим.

— Да, причин для тревоги нет, дорогой Дэнни. Мы с вьет-

намским полковником обшарили буквально все вокруг в радиусе десяти километров — с помощью магнитометра, сканера и хорошего глаза пилота. Уверяю тебя, вокруг нет ни одного металлического предмета, кроме консервных банок, и ни одного живого существа крупнее краба. Так что можешь спать спокойно, Дэнни... В собственной постели,— со значением добавил он.

Нан сразу все поняла.

— Это хороший совет, Каппи.— Она поднялась.— Я воспользуюсь им.

— Я провожу тебя,— сказал Капелюшников.— Не утруждай себя, Дэнни, я вижу,— ты очень устал.

Анна вздохнула:

— Господин Капелюшников не желает замечать, что я тоже устала после долгого перелета и трудной посадки... Надеюсь, мы с вами будем друзьями. Только постарайтесь вести себя не как неотесанный казак с неопытной девушкой.

Каппи смутился, затем рассердился. Но, переборов себя, улыбнулся.

— Аннушка, вы настоящая славянская девушка. Да, мы будем друзьями сейчас. А может, и потом... Но,— поспешил он добавить,— я стану ухаживать за вами в истинно советском стиле: никаких пошлостей и непристойностей. Хорошо? А теперь пройдемся втроем до вашей палатки.

Анна рассмеялась и похлопала его по плечу:

— Русский медведь! Ну ладно, идем.

Она вышла на улицу и остановилась, глядя на притихший лагерь. Формально день закончился, однако Кунг светил в небе.

— Не знаю, смогу ли я привыкнуть к миру, где не бывает ночи,— пожаловалась она.

— Да, подчас это крайне неудобно,— согласился Капелюшников.

Они прошли к той части лагеря, где располагались палатки женщин. На самой большой уже висела надпись: «Полковник М. Миннингер, командир».

— Вот, Мегги уже устроилась,— заметил Дейлхауз.

— Привилегии чина.— Капелюшников посмотрел на высящиеся громады только что прибывших кораблей. Один высокий и стройный, три других — приземистые конусы с широким основанием.

— Странно,— сказал Дэнни,— эти три корабля совсем не похожи на остальные.

Каппи взглянул на него.

— Ты очень наблюдателен.— Тон его был таинственным.

— Ол райт, Каппи, в чем секрет?

— Секрет? Ничего загадочного нет. Видно с первого взгляда.

— Ну расскажи, Каппи. Все равно ведь расскажешь, рано или поздно.

— Во-первых, обратите внимание на форму трех кораблей. Представьте, что вы разрезали их пополам, получив маленькие конусы, расставили эти шесть конусов по углам лагеря, убрали стекла с продолговатых окон и установили там крупнокалиберные пулеметы. Что получится в итоге? Укрепления, форты.

— Но в это нельзя поверить,— возвразила Анна.— Мы же мирная исследовательская экспедиция, а не армия завоевателей.

— Да. А то, что большая часть членов экспедиции военные,— просто совпадение.

Дейлхауз и девушка рассматривали кораблй.

— Но все же я не верю,— упорствовала Анна.— Может...

— Подожди! — воскликнул Дейлхауз.— Эти три корабля даже не ступени для возврата на Землю.

Капелюшников кивнул.

— Верное наблюдение! — Затем добавил: — Библиотека из двух тысяч книг, космический корабль, легко разбирающийся на защитные укрепления и не имеющий возможности для полета обратно. Так что вывод один; — многие из нас вряд ли вернутся на старушку Землю.

На следующий день Дейлхауз поднялся в небо, и это было его победой. Он не знал, сколько таких побед еще сможет одержать. День начался крайне неприятно. Ровно в 8.00 был объявлен подъем. Оказалось, что с этого дня в лагере установлена военная дисциплина и все они поступили под командование майора. По пути в столовую Дэнни заметил слугу, который нес два прикрытых подноса в палатку Миннингер. Слуга! Даже последний командир, Гарриет Сантори, не заходила так далеко. Возвращаясь из столовой, Дэнни увидел вьетнамского полковника, выходившего из палатки Мегги. Его мало волновало, кого Мегги пускала в свою постель, да и все эти военные Микки Маусы были совершенно неинтересны ему. В то же время Дэнни не мог наслаждаться свободным полетом в небе Джема, как обычно.

Во-первых, Чарли и его стаи не было поблизости, отчасти потому, что Сантангело потребовал, чтобы они облетели другие территории в поисках разумных существ. Но в основном потому, что сам Дэнни не хотел, чтобы они летали здесь, так как возле лагеря в облаках было много хайхэев, ждущих свои жертвы. Дэнни сам настаивал, чтобы шаристы держались не ближе двух километров от лагеря гризи,— может, этого достаточно для безопасности. У Дэнни с собой был карабин, и он надеялся подстрелить парочку хайхэев, пока подлетит Чарли со своей стаей. В лагере уже был один шарист, ожидающий, когда его мешок, пропортый хайхэем, заживет и он сможет подняться в воздух. Дэнни не хотел, чтобы Чарли присоединился к нему.

Стараясь выглядеть как можно более привлекательным для хайхэев, он подлетел к густому облаку. Именно в таких облаках скрывались акулы воздуха. Но либо в этом облаке не было никого, либо акулы не были голодны. Дэнни не хотел

погружаться в облако. Он предпочел бы встретиться с акулой в чистом небе, где его невозможно застать врасплох. Ветер понес его над лагерем, и Дэнни посмотрел вниз. Около двадцати человек все еще разгружали корабли. Другие вырубали лес и кустарники вокруг лагеря, чтобы расширить его. Маленький трактор тащил поваленные стволы. Вот это новость! Значит, предполагается распахать землю для посева злаков. А что? Если Жирные могут выращивать свежую зелень, то почему не можем мы? Но что-то тревожило Дейлхауза. Может быть, солдаты? Неужели они будут работать в поле? Или заставят работать других? Он отогнал эти мысли — слишком мала высота полета. Дэнни спустил немного балласта, и вода вылилась на землю. Мысль, не покидавшая его, стала тревожно-навязчивой. Почему-то вспомнился профессор антропологии — мягкий нетребовательный человек, чем-то напоминавший Алекса Вудринга... Алекса Вудринга, который мертв. Так же, как и Гаша и болгарский капрал, которого он так и не видел.

Очевидно, хайхэи уже научились отличать человека от шариста, и сегодня их не обмануть. Он неохотно повернул назад, пролетев над пляжем, и опустился на крупный песок. Когда он собрал баллоны, к нему подошла Мегги Миннингер в сопровождении женщины-сержанта, которая была у нее в услужении.

— Прекрасно летаешь, Дэнни,— сказала Мегги.— Как воздушный шарик. Дашь мне попробовать?

Он некоторое время рассматривал ее. Она действительно выглядела хорошо, даже в полумраке Клонга, который затемнил цвет ее губ и притушил золото волос.

— Как только прикажешь, Мегги, или... полковник?

Она рассмеялась.

— Вы, штатские, с какой-то подозрительностью относитесь к чинам. Нет, сейчас я на отдыхе, так что — Мегги. Не бойся, ты привыкнешь к дисциплине и субординации.

— Не уверен, что мне хочется привыкать.

— Захочешь,— пообещала она.— Тинка, ступай вперед, мы немного пройдемся.

Сержант прошла вперед, внимательно рассматривая изгородь из колючей проволоки. Солдаты подняли изгородь, так что они втроем прошли под проволокой. Часовой отсалютовал Мегги, и та ответила мягкой улыбкой.

— Если человек захочет здесь искупаться,— спросила она.— его никто не съест?

— О, мы здесь постоянно купаемся.

— Искушение большое. Ты со мной?

Дейлхауз покачал головой, но не в знак отрицания, а от удивления.

— Мегги, ты совсем не похожа на полковника. Я думал, что полковники все время думают о солдатах, оружии, укреплениях.

— Дорогой Дэнни,— добродушно промолвила она.— Я не

так давно полковник и военное дело знаю чисто теоретически. Но полагаю, что основной принцип я постигла: полковник не должен что-либо делать. Главное — следить, чтобы остальные были заняты. Этим утром я уже здорово поработала.

— Да, я видел, как из твоей палатки вышел полковник Три.

Мегги задумчиво взглянула на него, но ничего не сказала. Затем заговорила снова:

— По всему периметру у меня стоят часовые, вся местность просматривается с воздуха. А кроме того, Тинка прекрасно владеет всеми видами оружия. Так что все будет хорошо.

— Я беспокоюсь не за свою безопасность.

— Да, конечно. Тебя солдаты под моей командой беспокоят, и я благодарна тебе за это.— Мегги ухмыльнулась и похлопала его по руке.— Подожди минутку.— Она достала сигарету, зашла за него, чтобы укрыться от ветра, и умело закурила. Глубоко затянувшись, протянула сигарету Дэнни и, выдохнув воздух, сказала:

— Тинка, когда в следующий раз будешь готовить наркотик, сохрани семена. Может, их здесь можно вырастить.

— Да, мэм.

Дэнни затянулся, начиная расслабляться. Да, с Мегги Миннингер, по крайней мере, не скучно. Выдыхая дым, он с некоторым восхищением смотрел на нее. Она быстро приспособилась к здешней жаре, непривычно низкой силе тяжести, повышенному давлению, которое сначала немало досаждало им всем. Да, она была женщиной особого типа. К тому времени, когда сигарета кончилась, они уже были далеко от изгороди лагеря — возле пляжа. Мегги остановилась, осматриваясь.

— Неплохо. Тинка, займи позицию.

— Да, мэм.— Сержант направилась к вершине ближайшего холма, и Мегги скинула форму. Под ней у нее ничего не было.

— Если будешь купаться, иди, если нет, помоги Тинке караулить.— И она с шумом бросилась в воду.

От наркотика или из-за чего-то другого, настроение у Дэнни улучшилось. Он рассмеялся, сбросил одежду и присоединился к Мегги. Через десят минут они уже лежали на пляже, обсыхая.

— О,— сказала Мегги,— если бы у меня были лишние люди, я заставила бы их очистить песок от камней. Я собираюсь создать хороший лагерь, Дэнни. Ты знаешь, что мы устроим, например, сегодня вечером?

Он повернул голову.

— Что?

— Первые танцы Блока Продовольствия на Джеме.

— Танцы?

Она ухмыльнулась.

— Понимаешь, что я хочу сказать? Вы впервые поселились здесь и никогда не думали об этом. А дело простое: выров-

нять площадку и запустить магнитофон. Вот и все. Танцы — лучший в мире способ поднятия духа.

— Вероятно, ты лучший полковник в армии США, который придумывает развлечения.

— Полковник должен думать и об этом, Дэнни.

— Конечно, Мегги. Но видишь ли при нынешних обстоятельствах...

— Ладно, я оденусь, если это поможет тебе сосредоточиться. Это не просто развлечение. Я хочу поговорить с тобой.

— О чем?

— Обо всем, что ты сам хочешь мне сказать. Как, по-твоему, идут дела. Что делается не так, как должно. Чему ты научился за время пребывания здесь.

Он оперся на локоть, чтобы видеть ее всю. Мегги почесала голый живот прямо над темным треугольником волос.

— Ты же видела все наши донесения о контактах с разумными существами.

— Да. Я даже видела некоторых в Детрике, правда, они были в плохом состоянии. Особенно подземники.

— Крипи? Нам с ними не очень везет.

— Должна сказать — жалкие существа.

— Да. Но мы получили только десять подземников, и лишь двое из них были живыми. Моррисей составил донесение, но еще не отправил. Он сказал, что они подземные фермеры. Они выращивают тюберов на потолках своих туннелей. Он хотел переговорить с переводчицей, которая прилетела с нами,— не помню, как ее имя.

— Сандра Леклер? Она не прилетела, Дэнни. Я вычеркнула ее из списка.

— Почему?

— Политика. Она из Канады. Тебе это о чем-нибудь говорит?

— Ни о чем.

— Я так и думала. Канада голосовала в ООН за предложение Перу. Значит, она связана с пипами. И каждый знает, что Канада тяготеет к пипам. Сейчас Канада политически ненадежна. На этот полет было записано четыре канадца, и я всех вычеркнула.

— Это звучит как бред сумасшедшего,— сказал Дэнни.

— Нет, это реальность. У меня нет времени учить вас жизни, Дэнни. Что еще? Я имею в виду подземников.

Он задумчиво смотрел на нее. Мегги лежала на спине, заложив руки за голову и подставив свою наготу сиянию Кунга. Хотя она была несколько полноватой, ее талия красиво переходила в выпуклость бедер, а груди торчали упруго вверх, несмотря на то, что она лежала на спине. Не у многих женщин можно наблюдать подобное. И под этими светлыми волосами таился такой ум, какой было трудно предположить в красивой женщине.

Он отодвинулся и произнес:

— Ну что же, есть еще шаристы. Я много знаю о них. Одна стая улетела к Полюсу Тепла, другая находится поблизости. В основном они придерживаются одних районов обитания, постоянных...

— Ты был недавно в лагере гризи?

— Да. Мы летали туда с визитом. Об этом ты хочешь расспросить меня?

— Я об этом знаю, но расскажи.

— Добро. У них очень много такого, чего нет у нас.— Дэнни описал машину, которая отливает блоки для домов, плазменный генератор, ферму, кондиционер, лед.

— Отлично,— прокомментировала Мегги.— У нас будет все это, Дэнни, я обещаю. Ты видел аэроплан и четыре глайдера?

— Нет. Но там есть взлетная полоса. Она не имеет смысла, если они летают на вертолетах. Ты знаешь о базе на Фарсайде?

— Фарсайд? Теплая сторона Джема? Какого черта им там надо?

— Я тоже хочу это знать. Но база там есть. Почему, ты думаешь, мы сделали четыре лишних оборота вокруг Джема перед спуском? Я сфотографировала и просмотрела радаром все, что смогла. Я знаю каждый спутник Джема. Я знаю каждое пятно на нем, излучающее энергию. И мне очень не нравится то, что я знаю. База на Фарсайде — неприятная для меня неожиданность. Ты видел детей в лагере гризи?

— Детей? Нет. Но почему...

— Я думаю, они прилетели сюда целыми семьями, Дэнни. А значит, у них планы больше, чем просто у исследовательской экспедиции. А бейсбольное поле там есть?

— Бейсбол? — Он уселся, глядя на нее.— Зачем это нужно? Может быть, крикет, футбол, но бейсбол...

— Жаль, что не видел,— не стала объяснять Мегги.— Последний вопрос. Ты не встречался с человеком по имени Тамил?

— Вряд ли. Подожди, маленький человек с бритой головой? Шахматист?

— Не знаю. Он индонезиец.

— Нет, не уверен. Но мне кажется, там был нефтяник. Не помню его имени. Я с ним не говорил: не был уверен, что он знает английский.

— Жаль.— Мегги задумалась на момент, затем села, закрыв глаза.— И эти твои шаристы полетели туда?

Мегги поднялась, сделала несколько шагов к воде, и теперь Дейлхауз видел только ее, все остальное исчезло. Еще Хоггарт говорил, что самая красивая линия в природе — это изгиб женской спины, и Мегги, силуэт который вырисовывался на фоне багрового неба, была прекрасным подтверждением этого. Дейлхауз почувствовал возбуждение, в нем проснулось желание. Но только самое легкое. Стимулом к этому была красивая обнаженная женщина, но его отрезвляло то, что она говорила.

Он еще не мог понять, какие чувства питает к Мегги Миннингер. Он отвел глаза и сразу забыл про желание.

— Здесь еще есть хайхэй!

— Хайхэй? Кто это?

— Это хищники. Все они слетаются сюда, к лагерю. Во-первых, их привлекает свет, а во-вторых, они охотятся на шаристов, которые держатся вблизи лагеря. В этих облаках полно хайхэй.

Стая шаристов уже была близко: ее песня слышалась в сотне метров отсюда. А сверху и сзади к стае быстро приближались три зловещие тени.

— Так это и есть они, как ты их там назвал? Посмотри-ка на нее! — воскликнула Мегги, когда первая из акул мгновенно пробила шар самки-шаристки, перевернулась в воздухе и устремилась за падающей жертвой, чтобы смертельным ударом прервать ее предсмертную песню.— Какой прекрасный иммельман совершила эта акула! Никто этого не делал со времен второй мировой войны.

— Это не представление, черт тебя дери! Она же погибла!

Еще два хищника нанесли удар, и еще два шариста, кувыркаясь, полетели к земле. Это не была стая Чарли. Эти несчастные не были друзьями Дэнни.

— Видишь, что сыплется из самок? — спросил Дейлхауз.— Это их яйца. Они будут летать в воздухе долго, но не будут оплодотворены, пока...

— К черту яйца! Меня восхищает акула! Какая прекрасная машина для убийства! Дэнни, я понимаю, почему здесь так плохо идут дела. Вы нашли себе не тех союзников. Мы должны подружиться с акулами.

Дейлхауз был поражен.

— Это же звери! У них даже нет разума.

— Покажи мне любого профессора, и я смогу доказать тебе, что он осел. Много ума тебе понадобится, чтобы начать летать?

— Но шаристы наши друзья. Они делают наблюдение с воздуха. Хайхэй никогда не смогут этого сделать. Почему ты хочешь, чтобы мы объединились со злейшими врагами шаристов?

— Да, я знаю, тут могут возникнуть проблемы.— Мегги смотрела на акулу, которая наслаждалась пиршеством, разрывая на части тело еще живой жертвы.— Плохо,— философски заметила она. Нагнувшись к Дэнни, она взяла его за руку, не отрывая глаз от жуткого зрелища.— Ты уверен, что нам не удастся убедить наших ученых попытаться объединиться с акулами? Или помирить шаристов с ними?

— Это невозможно. Даже если как-нибудь сумеешь объяснить хайхэй, чего ты хочешь. Они даже не поют. А пение — это смысл жизни шаристов. Они не общаются с существами, которые не поют.

— О? — Мегги задумчиво посмотрела на него. Затем освободила руку и села на песок, не сводя с него глаз.— Ска-

жи мне, Дэнни, ты не хочешь заняться со мной чем-то...

Он посмотрел на нее. Неужели кровавая сцена сексуально возбудила ее? Дэнни взглянул на вершину холма, где виднелась голова Тинки, стоящей на страже.

— Может, нам лучше вернуться?

— В чем дело, малыш? Ты не любишь делать это при зрителях? Тинка нас не побеспокоит.

— Я не думаю о ней.

— Тогда о чем же? О, я могу предположить. Ты думаешь о полковнике.

— Мне плевать на него.

— Не думай об этом, малыш.— Мегги похлопала по земле рядом с собой. Помедлив, он сел, но не очень близко.— Ты думаешь, я спала с этим Три?

— Нет. Я не думаю, я знаю. Но это твое дело. Может, я немного старомоден и брезглив...

— Дэнни, ты очень хорош в постели.— Она улыбнулась, но без прежней мягкости.

Он пожал плечами.

— Идем обратно, полковник.

— Останемся,— сказала Мегги.— Когда полковник говорит, что надо остаться, нужно подчиниться.

Вожделение полностью покинуло Дэнни. Разозлившись, он спросил прямо:

— Значит, ты приказываешь мне лечь с тобой?

— Нет, конечно, милый.— Она ухмыльнулась.— Я никому не могу приказать этого, разве что очень узкому кругу лиц. Да и то не часто, так как это не дисциплинарное награждение.

Полностью расслабившись, Мегги достала из кармана сигарету с марихуаной и прикурила. Тело ее было загорелым — никаких следов бикини или бюстгальтера. Она глубоко вдохнула дым и протянула ему сигарету. Перед Дэнни вспыхнули воспоминания о времени, проведенном с нею в Болгарии, и он забыл все плохое, связанное с последними днями.

— Слушайся Мегги,— она прерывисто дышала.— Наклонись вперед.

Утолив первую страсть, он некоторое время не шевелился. Затем Мегги выпрямилась, подпрыгнула и бросилась в воду. Дейлхауз последовал за ней. Они плескались, хохотали, а когда вышли из воды, Дэнни снова был готов отдаться страсти, и Мегги, с удовлетворением подметив это, крикнула:

— Тинка, сколько времени?

— Тринадцать двадцать, мэм.

Мегги быстро оделась и наклонилась, чтобы поцеловать Дэнни, который натягивал штаны.

— Пора возвращаться. У меня сегодня много работы перед танцами. Дэнни, я буду тебе благодарна, если ты сделаешь для меня кое-что.

— Что именно?

— Научи Тинку обращаться с этими шарами.
— Зачем?
— Мне нужно. Это очень важно.
Дэнни задумался.
— Конечно. Попробовать я могу, но не уверен, что она быстро научится.
— Она научится быстро, я обещаю. Теперь возвращаемся — вызываю тебя на соревнование.
Они пробежали сотню метров. Сначала Мегги бежала впереди, но затем Дэнни обогнал ее, но она схватила его за руку, и они пошли шагом.
— Спасибо за разминку,— задыхаясь, проговорила она.
— Какую разминку — бег, плавание или?..
— За все, дорогой Дэнни.— Она тяжело дышала. Не доходя до ворот, Мегги остановила его.— Я хочу сказать тебе одну вещь.
— Что именно?
— Я хочу все поставить на свои места. С Нгуеном Три я отдаюсь животной страсти, удовлетворяю инстинкты. С тобой же занимаюсь любовью.

...Двенадцать охранников по периметру, двое возле бухты, трое у радиорубки, еще восемь на разных постах. Таким образом, оставалось еще сто двенадцать человек — и все, как один, пришли на танцы. Мегги поздравила себя с большим успехом. Когда закончился очередной танец и послышался латиноамериканский мотив, ее пригласили сразу трое. Но она сказала, что хочет немного передохнуть, а затем произнесет небольшую речь.
Мегги отошла в сторону и уселась, скрестив ноги. Родители снабдили ее хорошим здоровьем. После тяжелого дня ум ее был ясен. Она сделала все, чтобы ослабить тягостное ощущение, вызванное гибелью трех людей,— собрала всех на танцы, подготовила все для миссии Тинки, организовала охрану лагеря и разгрузку корабля. Начала еще множество важных дел и постаралась привлечь на свою сторону Дэнни Дэйлхауза. Это было личное дело, но тоже важное. Мегги всегда думала о перспективе, старалась предвосхитить события. Если в будущем на Джеме сформируются супружеские пары, Дэнни, пожалуй, лучшая кандидатура для нее.
Мегги с некоторых пор была убеждена, что здесь она делает то дело, ради которого рождена. И самое главное — это делать его правильно. А что может быть важнее, чем правильное начало. Никаких фальстартов. Люди счастливы, когда у них много работы. А когда много времени, надо организовать развлечения. Джем принадлежит им, и они должны тут жить и работать.
Ожидая, когда кончится «Ча-ча-ча», Мегги обдумывала следующий день. Первый корабль уже разгружен, и можно начать его демонтировать на две части и установить в необходимых местах на границе лагеря. Дэйлхауз или Капелюшников?

Пожалуй, русский должен сопровождать Тинку в лагерь гризи. Его даже можно кратко посвятить в тонкости миссии Тинки. Нужно организовать рабочую команду для монтажа ферм. Через две недели она должна знать все о каждом члене экспедиции.

«Ча-ча-ча» закончилось, и кто-то выключил магнитофон, посмотрев на Мегги. Та кивнула и встала. Шум и смех затихли. Сто лиц повернулись к ней. Она улыбнулась, ожидая полной тишины. Они выглядели так же, как слушатели в Вест-Пойнте, как представители в Палате Общин Конгреса США, как любые слушатели, перед которыми она выступала. Она всегда могла сделать так, чтобы слушатели полюбили ее, поэтому она любила их.

— Приветствую вас, дорогие друзья, на первых танцах Экспедиции Блока Продовольствия. Я — полковник Марджори Миннингер, США, командир лагеря. Некоторые из вас уже хорошо знакомы друг с другом. Остальным еще только предстоит познакомиться, так как вам ничего другого не остается. Об этом я не беспокоюсь. Вы ведь прекрасно подобранная команда.— Мегги позволила себе обвести взглядом всю аудиторию и с юмором добавила: — Хотя вы сами не знаете об этом.— Послышался смех.— Так что теперь давайте знакомиться. Гай! Сент! Где вы? — Она представила Три и Сантангело, вышедших вперед.— Теперь Винс Кудахи. Ты где? Винс — наш математик, и к тому же капеллан. Он согласился быть капелланом нашей миссии, хотя учился в Фордземе. Так что, если кто-то из вас захочет пожениться, у Винса есть право узаконить ваши отношения.— Снова смех.— Он немного старомоден, но для его обязанностей это необходимо.— Снова смех, но уже с нотками неуверенности.— А если у вас возникнут некоторые сложности с женитьбой, то вам надо встретиться с Чичи Аркашвили. Чичи! А, вот она, наш доктор. Постарайтесь обойтись без нее в течение двадцати четырех часов, так как ей нужно развернуть кабинет. А потом она будет готова принять любого из вас.— На этот раз смеха не было. И Мегги ждала этого. Она дала время осознать сказанное и продолжала: — Как вы видите, мы планируем создать здесь настоящую базу, так что большинство из вас останется на планете навсегда. Для тех, кто решит остаться и создать семью на Джеме, я предлагаю специальный приз. Тысяча нефтедолларов за первого официального ребенка, родившегося в лагере. И имя ему будет Марджори — в честь меня, вашего первого начальника.— Дождавшись аплодисментов, она закончила: — А теперь — танцы!

Загремела музыка, Мегги спрыгнула на площадку, схватила первого попавшегося мужчину и закружилась с ним.

Следующие полчаса Мегги играла роль хозяйки бала, и это очень ей шло. Она танцевала с мужчинами, которые жались по уголкам, она следила, чтобы музыка не прерывалась, чтобы выпивка была на столах. Она очень хотела, чтобы на этом празднике не было недовольных. Завтра будет время подумать о

том, что нужно сделать для будущей жизни здесь. А сейчас все идет хорошо. При любой возможности она разговаривала то с одним, то с другим о том, что и как нужно сделать. Это привело ее в хорошее настроение, и она по-настоящему наслаждалась танцами. Она пила с теми, кто пьет, курила с теми, кто курит, и танцевала со всеми. Все идет хорошо. Тинка предупредит ее, когда настанет время прекратить танцы. Мегги танцевала, веселилась и внимательно наблюдала. Из своих наблюдений она извлекла только одно: все развивается так, как она рассчитывала.

Она прошла по кругу, кивая, улыбаясь. Тинка шла за ней, сунув руку в карман и внимательно глядя на нее, готовая к действию в любой момент. Мегги взглянула на нее и покачала головой. Сейчас она была действительно счастлива и расслабилась. Ей не нужно было ничего. Однако у нее были и свои личные проблемы. Подойдя к доктору, она шепнула ей на ухо:

— Ваши холодильники готовы принять сперму и яйцеклетки, док? Мне кажется, я готова сделать свой вклад.

— Завтра к полудню мы будем готовы,— ответила Чичи Аркашвили.— Но, судя по тому, как часто молодые люди и девушки скрываются в кустах, нам вряд ли это понадобится.

— Лучше подготовиться на всякий случай. Иначе, когда придет время, будет поздно.

Если бы Мегги имела возможность, она привезла бы с Земли бочку спермы и бочку яйцеклеток. Ибо только с таким генофондом можно рассчитывать на стабильное и здоровое потомство. Тем более, что на таком расстоянии весомость ее аргументов была ограниченной.

Невдалеке от нее сержант Свеггерт, прибывший на первом корабле, домогался любви болгарской девушки Димитровой. В обычное время Мегги не стала бы вмешиваться, но сейчас Анна была ей нужна для одного дела.

— Тинка,— бросила она через плечо.

— Да, мэм.

— Оставайся рядом.— Мегги подошла к сержанту и Анне, и те сразу замолчали.

— Простите, что прервала вашу беседу,— произнесла она.

Димитрова посмотрела на нее.

— Ничего,— сказала девушка,— сержант хочет мне показать то, чего я не хочу видеть.

Мегги улыбнулась.

— Ты извинишь нас, сержант? — Когда Свеггерт отошел достаточно далеко, чтобы не слышать, она спросила: — Как насчет индонезийского языка, Димитрова?

— Индонезийского? Это не мой язык, но документ я могу перевести вполне удовлетворительно.

— Мне не нужно переводить документы. Мне надо знать, как сказать: «Доброе утро. А где здесь поле для бейсбола?»

— Что?

— О, черт! Просто скажи, как надо произнести.

Анна поколебалась, а затем сказала:

— Селамат паги. Димана лензиган бейсбол?

— Хм,— Мегги задумалась, взглянула на Тинку. Та пожала плечами.— Хорошо. Запиши мне эти слова. И еще: «У тебя есть карта?»

— Саудара пунджа пета?

— Слышишь? — спросила Мегги у Тинки.— Не уверена? Димитрова, ты все запишешь для нее.

Ей показалось, что болгарка будет возражать, но та кивнула, и Анна с Тинкой отошли в сторону. Сержант Свеггерт издали смотрел на них со спокойным интересом. Мегги засмеялась.

— Ну что, сержант, хочешь пригласить меня на танец? Или ты хочешь показать мне ту маленькую штучку, которой пытался соблазнить Димитрову? Кстати, судя по твоей комплекции, она не такая уж маленькая.

— Черт побери, полковник, ты заставляешь меня краснеть.

— Ну ладно, Свеггерт,— добродушно проговорила Мегги.— Ты неплохой парень, но сейчас не время для твоих вожделений.

— О, полковник, здесь совсем другое дело! Тут в лагере есть прирученные шаристы. Это очень интересно!

—Да? — Мегги посмотрела на него и поняла, что им действительно владеют не плотские вожделения.— Я посмотрю.— Мегги последовала за сержантом и увидела шариста, который был привязан и пел мягкую скорбную песню. Он был гораздо больше по размеру, чем самка, которую она видела в Детрике.

— Что он говорит? — спросила она.

Сержант сделал строгое лицо и ответил:

— Не знаю, мэм. Хотите поближе посмотреть? Потяните за веревку.

Мегги задумчиво посмотрела на него. Сержант был прав — это было интересно. Она потянула за веревку.

— Черт! Это существо очень сильное. Эй, Свеггерт! Что ты делаешь?

Сержант наклонился и что-то вытащил из-под брезента.

— Просто факел, мэм.

— Что ты собираешься делать?

Он лукаво улыбнулся.

— Я никогда не видел, но ребята говорят, что это любопытное зрелище. Надо просто поджечь мешок с газом.

Мегги посмотрела на печальное сморщенное лицо шариста.

— Сержант,— сказала она упрямо,— подожги этот чертов факел.

— Это приказ, мэм?

— Подожги! — крикнула она.— Или...

И он поджег...

Через четыре дня Анна, наконец, получила разрешение связаться по радио с лагерем пипов. Когда дежурный просигналил: «Давай!», она взяла микрофон и заговорила на урду:

— Анна Димитрова из Экспедиции Блока Продовольствия. Я хочу говорить с Ахмедом Дуллой.

Дежурный включил микрофон и сказал:

— Теперь ждите. Для ответа нужно минут десять.

— Разве я не могу говорить прямо с доктором Дуллой?

— Только не с пипами, мэм. Мы передаем сообщение — они передают ответ. Если захотят.

— Ужасно. Я подожду на улице.— Выходя, она добавила: — Позовите меня, когда придет ответ.

— Заметано.

Какая глупость, думала она, усаживаясь в позе лотоса под тускло-багровым сиянием Кунга. Десять минут! Но она ждала гораздо дольше, чтобы получить возможность услышать голос Ахмеда. Так что этот срок совсем не такой уж большой. В лагерь пипов недавно прилетел корабль, маленький, конечно, но по крайней мере, пипы теперь уже не будут столь беспомощны и зависимы от других колоний. Вокруг лагеря кипела работа. Был очищен и засеян почти гектар земли на склонах холмов, уже были установлены столбы с лампами дневного света. Монтировался солнечный генератор; уже действовал небольшой, но надежный атомный генератор.

Анна была лучшим из трех переводчиков экспедиции; а со времени исчезновения Гарриет единственной, кто мог постигнуть все тонкости незнакомых языков. Язык кринпитов она знала не в совершенстве. Но было ясно, что практики у нее здесь будет мало. Что касается подземников, то она провела много времени с Джимом Моррисеем, который, видимо, считал эти существа полностью принадлежащими ему. Микрофоны, которые он устанавливал в туннелях, не доносили ничего, кроме шорохов, повизгивания, а большей частью эти микрофоны просто воровали.

Но с шаристами у нее дела шли хорошо. Она работала в тесном сотрудничестве с доктором Дейлхаузом, но только по радио, так как ее охватывал страх при одной мысли подняться в небо с помощью такой ненадежной штуки, как воздушный шар. Русский пилот с Тинкой улетели на шарах с каким-то идиотским секретным поручением, а ее вызвали по радиорубке и направили в маленький госпиталь. Там ей было нечего делать, так как еще не было пациентов.

И все же, несмотря ни на что, невзирая на тревогу и неудобства жизни, она была всего в нескольких сотнях километров от Ахмеда! Не говоря уже о головокружительном ощущении, что она на Джеме! На другой планете! Под другим светилом! Так далеко от дома, что даже Солнце не видно в багровеющем небе Джема! Анна еще не рискнула выйти в джунгли, хотя другие уже ходили и вернулись в целости и сохранности, потрясенные странностью и загадочностью нового, незнакомого мира. Она даже не купалась ни в озере, ни в море, хотя искушение было очень велико, но она не захватила купального костюма, а времени его сшить не было. Поэтому она не валялась с осталь-

ными на пляже у моря, а только с завистью смотрела, как люди весело плещутся в воде. Предполагалось, что они работают на сборке гидроплана, стоящего у берега.

— Димитрова!..

Анна подскочила и вошла в радиорубку. На ленте было напечатано: «В настоящее время Ахмед Дулла отсутствует. Послание будет передано ему сразу по прибытии в лагерь». На английском. С неправильными выражениями. Видимо, в лагере Наследника Мао плохой переводчик. Скрыв разочарование, она поблагодарила дежурного и побежала к забору, окружавшему лагерь. Черт побери, как можно работать, если у нее нет возможности удовлетворить самое большое желание! Да, очень жалко. Где же он может быть?..

Анна почувствовала, что снова начинается головная боль. Хлопоты и возбуждение по прибытии на планету отодвинули боль на задний план, у нее не было времени думать об этом. И вот снова. Деятельная по натуре, Анна считала, что безделье вовсе не излечивает головную боль, а лишь усугубляет ее. Что же делать? Если бы у нее был подходящий костюм, она с удовольствием присоединилась бы к тем, кто собирает гидропланы. Или пошла бы на склон, где трудились сельскохозяйственные рабочие, но она не умела водить трактор. Солнечный генератор? Она не понимала в этом деле ничего, но была физически сильной и хотела работать. Почему бы и нет? К несчастью, среди работающих она увидела сержанта Свеггерта. Она сразу повернулась и ушла.

Анна избегала Свеггерта с той самой ночи, когда вернулась с Тинкой, прислугой полковника, и застала Мегги и сержанта в весьма недвусмысленном положении. Она сразу повернулась и убежала, вся красная от смущения. И в лагере не было никого, с кем она могла бы поделиться. Тинка говорить об этом не будет, сержант тем более. А полковник... Анна не понимала полковника Миннингер. Избегать ее она не могла, но Мегги и словом не обмолвилась о случившемся. Эта гордая американка отдается человеку, который социально намного ниже ее. Может, в этой похоти виновата атмосфера Джема, действующая возбуждающе? Она слышала разговоры об оргиях, которые здесь устраиваются.

Анна незаметно для себя очутилась возле пропускного пункта у забора и сразу осознала, что хочет сделать.

— Я хочу прогуляться,— сказала она охраннику. Тот пожал плечами и безразлично посмотрел, как она прошла через ворота и оказалась за колючей проволокой ограждения. Через некоторое время лагерь исчез из виду.

Если она не может видеть Ахмеда, то, по крайней мере, может осмотреть Джем. Она пробиралась через заросли, постоянно прислушиваясь к шелесту листьев на ветру, потрескиванию стволов. Здесь не было диких зверей, которые могли бы причинить ей вред. А вблизи лагеря вовсе не было животных. Одни ушли отсюда, другие погибли, отравившись отходами

пищи людей. Земная биохимия была столь же враждебна жителям Джема, как биохимия Джема враждебна жителям Замли. Но у обитателей Джема не было своего Кемп Детрика, где бы они могли приспособиться к новым условиям и сделать необходимые прививки. Однако даже то, что устояло перед натиском земной цивилизации, было чудесно и загадочно. Анна остановилась и осмотрелась. Здесь невозможно заблудиться, заверила она себя, ведь море постоянно находится слева. В любой момент можно спуститься к берегу и вернуться обратно. И выбиться из сил здесь тоже нельзя, так как уменьшенная сила тяжести позволяет легко перепрыгивать через коряги и камни. Только бы не разболелась голова.

Но что это за звуки?.. Как будто кто-то простонал, и затем на высохшую корягу упала палочка. Такие звуки, записанные на магнитофон, она слышала. Кринпиты! Возможно, не социальная раса. Возможно, это дикий кринпит-одиночка, очень опасный... внезапно сзади послышался голос:

— Анна, тебе не страшно одной в лесу?

На урду! И с той сдержанной страстью, какую она слышала раньше! Прежде чем повернуться, она уже знала — это Ахмед!

Часом позже она лежала в его объятиях, боясь шевельнуться, чтобы не разбудить его. Звуки кринпитов были слышны все время — то близко, то в отдалении. Она улыбнулась про себя, подумав, что кринпит был свидетелем того, как они занимались любовью. Ну и ладно. Никакого стыда в этом нет. Это совсем не то, что у развратной блондинки-американки. Ведь это Ахмед. Он всхрапнул и проснулся.

— Анна, значит это не сон?

— Нет, Ахмед.— Она поколебалась, затем мягко спросила: — Этот сон я видела так часто... нет... подожди, Ахмед... не сразу... дай мне посмотреть на тебя. Ты так похудел. Ты был болен?

Черные глаза подернулись грустью.

— Болен? Да. И еще я голодал.

— Почему? Какой ужас...

— Почему голодал? Но это понятно. Потому, что ваши люди уничтожили наш транспорт.

— Это невероятно.

— Но так и было. Пища на много дней, научные инструменты... и тридцать пять человек, Анна.

— Возможно, это случайность.

— Ты очень наивна.— Он поднялся рывком, натянул брюки.— Я не обвиняю тебя, Анна Но преступление совершилось, и кого-то нужно обвинить.— Ахмед исчез за деревьями, и через минуту она услышала, как он мочится в кустах.

И снова послышались звуки кринпитов. Совсем рядом. Если бы она больше занималась ими в Детрике... Она позвала:

— Ахмед! — И услышала его смех.

— О, Анна, мой приятель испугал тебя? Он не причинит тебе вреда. Мы для него несъедобны.

— Я не знала, что у тебя такие друзья.

— Нет, мы не друзья. Но я враг его врагов, так что мы союзники. Иди, погуляй, Шарн-игон,— сказал он, как будто обращался к домашнему животному.

Ахмед вышел из-за кустов, и вслед за ним появилось кошмарное существо. Анна никогда не видела близко живого взрослого кринпита и не предполагала, насколько они огромны и как громко звучат их голоса. Кринпит остановился, казалось, разглядывая Нан, хотя глаз у него не было. Среди странных звуков, издаваемых им, она разобрала слова на урду:

— Это та, которая умрет?

— Нет, нет,— быстро ответил Ахмед и заговорил также на непонятном языке. Анна не разобрала ни слова.— Я сказал, что ты моя жена.

— Жена?

— Да. У них очень богатая сексуальная жизнь.

— Пожалуйста, Ахмед, я не расположена шутить. Кринпит сказал «умрет», что это значит?

— Ты наивна,— задумчиво сказал Ахмед. Затем пожал плечами. Он не ответил, но развернул тряпку, показав, что было в нее завернуто. Широкое плоское металлическое лезвие, острое, как бритва, и рукоятка, приспособленная к ладони человека.

— Ахмед! Это же меч!

— Мачете. Но ты права, сейчас это меч.

— Ахмед.— Сердце Анны отчаянно билось.— Несколько дней назад были убиты три человека из нашего лагеря. Я думала, что это случайность, но теперь я так не думаю. Ты знаешь что-то об этом?

Он вонзил мачете в землю.

— Ол райт, если ты хочешь знать, я скажу. Нет, я не убивал их. Но я знаю об их гибели. И я не скорблю по ним и надеюсь, что многие из Жирных погибнут. А если понадобится, то я и сам помогу им умереть.

— Но Ахмед... дорогой, милый, это же убийство! Хуже, чем просто убийство, это война. Подумай, что об этом скажут на Земле... И там разразится война...

— Ну и что? — в ярости крикнул Ахмед.— Что будет? Бомбардировка Пакистана? Пусть! Пусть они уничтожат Хайдабарад, Мултан, пусть бомбардируют Карачи и все побережье. Ты была там, Анна! Какую часть Пакистана они уничтожат? Что бомбы могут сделать в горах? Народ выживет. Погибнет правительство, интеллектуалы, торговцы, промышленники — да! Погибнут все кровососы, ну и пусть! Народ в горах останется!

Анна молчала, напуганная его словами, ища слова и не находя их.

— Но... — наконец промолвила она.— Только не злись. Но какой в этом смысл?

— Ты разве не понимаешь? Что нам делать? Дать им воз-

можность уморить нас голодом? У нас один маленький корабль, а у них целый флот. И если война распространится... — он поколебался, затем выкрикнул: — Хорошо! Пусть все богачи перебьют друг друга. Нам-то что за дело? Вспомни, шесть из десяти живущих на Земле — наши! Если после войны на земле выживет миллион, то шестьсот тысяч из них будут — граждане Народной Республики. А здесь...

Она покачала головой:

— Тоже шестьдесят процентов?

— Нет, больше. Если на Сыне Кунга кто и выживет, то наших — сто процентов.

Началось время дождей. Мощные облака неслись по небу по направлению к Полосу Тепла, где выливались дождями, не долетающими до поверхности земли. На высоте двух километров они превращались в пар. Стая рассыпалась по небу на площади в один километр и распевала нестройным хором.

— Терпение, терпение,— внушал им Чарли,— мы должны оставаться тут, мы должны остаться.

И стая повторяла:

— Мы должны остаться.— Но песня была печальной.

Чарли обещал двуногому другу, что они будут оставаться над станцией в ожидании некоторых странных и непонятных событий. Но ему было крайне неприятно, что стая в таком беспорядке. Он почти физически ощущал дискофорт. Место, за которым он обещал следить, находилось недалеко от лагеря Большого Солнца. К лагерю нельзя было близко подлетать: огненные стрелы, выпущенные оттуда, поразили многих из его стаи. Дейлхауз сказал ему, что это трудное задание. Но он также сказал, что оно чрезвычайно важное. Чарли внимательно осматривал горизонт. Никаких признаков самолета, появления которого он ждал. Но он заметил тонкие серебряные нити, плывущие по небу. Он запел песню сбора стаи и спустил газ. Стая последовала за ним, опустившись до уровня, где ветер подхватил их и понес от дождя к этим серебряным нитям.

Песня стаи стала красивой. Летающие существа находились на вершине невидимых столбов поднимающегося воздуха, где можно было найти лучшую пищу: мелких насекомых, споры и семена растений и многое другое. Стая начала кормиться. Раньше это было лучшее время для нападения хайхэй, которые вонзались в стаю, нанося смертельные удары направо и налево. Но так было раньше! Чарли запел хвалебную песню в честь своего друга Дэнни, который дал им оружие, поражающее хайхэев за сотню метров. Не только самцы, но даже некоторые самки были вооружены. Хайхэй научились распознавать стаю Чарли и держались от нее подальше.

Самолета в небе не было, в лагере Большого Солнца тоже не происходило ничего необычного. Чарли расслабился и стал есть. Однако глаза его постоянно просматривали весь горизонт. Но ни аэроплана, ни нового друга, который должен был

подняться в воздух, не было. Они дрейфовали вместе с облаком, удаляясь от лагеря Большого Солнца. Почти все уже насытились и распевали песни благодарения. «Хорошая стая»,— подумал Чарли, и запел:

— Хватит кормиться, хватит. Нужно лететь!

— Куда лететь? Куда лететь? — послышались голоса тех, кто еще не успел насытиться. Они стали жаловаться, что должны поесть, иначе погибнут.

— Потом, потом! — скомандовал Чарли.— Летите за мной!

И он запел новую песню, песню долга, которой научил его Дэнни. Когда звучала эта песня, нужно было забыть обо всем, кроме того, что существует станция, за которой надо наблюдать. А помимо этого, следовало избегать лагеря Большого Солнца, следить за появлением хайхэй. Столько обязанностей, как новых, так и старых!. Чарли долго вел своих собратьев, наблюдая за небом, как и обещал. И все же не он первый заметил это. Откуда-то сзади донесся голос старой самки:

— Новая Небесная Опасность!

— Громче! Громче! — потребовал он. Но голос был слабым: у старой самки осталось совсем мало газа. Чарли поднялся на встречном потоке и тоже увидел.

— Я вижу Небесную Опасность! — пропел он, и стая подтвердила. Это была механическая вещь из лагеря Среднего Солнца. Он знал, что летит Другой Друг, который часто летал с Дэнни, и Новый Друг, которого он никогда не видел. Все было так, как говорил Дэнни. Биплан спланировал над деревьями и сел в десяти километрах от лагеря гризи. Вышедшие из самолета Капелюшников и женщина начали наполнять шары из маленьких баллонов.

Когда Новый Друг поднялся на шарах в воздух, самолет взлетел и повернулся к далекому океану. Новый Друг нашел нужный поток и полетел прямо в лагерь Большого Солнца. Чарли не осмелился подлететь ближе, но видел, как женщина спускала газ, приближаясь к лагерю. Она спустилась недалеко от лагеря куда-то в лес. Все произошло так, как говорил Дэнни.

— Все сделано,— торжественно пропел Чарли.

— А что теперь? — спросила стая, кружась возле него, после того как исчез Новый Друг.

— Я спрошу воздух.— Маленькая нога включила передатчик, и Чарли пропел песню приветствия Дэнни. Пропел дважды, вслушиваясь каждый раз, как учил его Дэнни. Ответа не было, только неприятный шум отдаленных разрядов.

— Нужно подлететь ближе к лагерю Среднего Солнца,— объявил Чарли.— Радио не может петь далеко.

Чарли быстро отыскал нужный поток и пропел:

— Полетели!

Стая собралась вокруг него — все четырнадцать — и полетела за ним, знающим, куда лететь и что делать. В полете

они потеряли старую самку — у нее кончился газ и она не могла больше держаться в воздухе. Исчезла также и одна молодая. Так что, когда они прилетели в лагерь Среднего Солнца, их осталось всего двенадцать...

В кабинет Мегги Миннингер вошел Капелюшников.

— Есть сообщения? — спросила она.

— Дэнни получил радиограмму от своих газовых мешков: «Ваш друг спустился поблизости от лагеря гризи. Все в порядке».

— Когда это было?

— Кто знает? Может, несколько часов назад. Вскоре после того, как я покинул место высадки шпиона.

— Ол райт. Благодарю.

Когда Капелюшников вышел, Мегги хотела было позвонить в радиорубку, но потом передумала. Если поступят сведения, дежурный сообщит ей. Как будут вести себя гризи? Поверят ли они, что Тинка очутилась там случайно? Может быть, она?.. Вопросы множились в ее голове, а ответа на них не было.

Но Мегги Миннингер не привыкла к такому состоянию. Ровно через час радист запросит лагерь гризи, а пока нужно подождать. Она решила просмотреть список дел на день. На сегодня она сделала пятнадцать отметок в календаре. Все намеченное шло по расписанию, каждый получил четко сформулированное задание. Сев зерна шел по плану, границы лагеря тщательно охранялись и укреплялись. Мегги посмотрела на крупномасштабную карту, занимающую всю стену ее кабинета. Обозначения ручьев и высот явно недостаточно информативны: нужно дать им названия. Но это потом.

Вошел дежурный.

— Мэм, сержант Свеггерт хочет видеть вас. Говорит, что дело не очень срочное.

Мегги написала на календаре: «Свеггерт».

— Я сообщу, когда смогу принять его.

Она еще не знала, как поступить со Свеггертом. У нее был широкий выбор возможностей: от высмеивания до обвинения в изнасиловании. И что она выберет, будет зависеть от него самого. Пока что он вел себя достаточно разумно.

Но с другой стороны, ее авторитет в лагере пока что был основан только на военной власти, которую ей дала Земля. А кто знает, долго ли Земля будет поддерживать ее. И долго ли просуществует колония. Вести с Земли были плохими, настолько плохими, что она даже не распространяла их среди колонистов. Во всяком случае, ее предупредили, что подкреплений и кораблей снабжения в ближайшее время не предвидится. Она ждала чего-то подобного и тем более это ее насторожило.

В блокноте она сделала две записи: «Медицинский банк, пища на шесть месяцев». Очень жаль, что агрономом была канадка. Мегги были нужны верные и надежные помощники на таком ответственном участке. Ведь урожай — это вопрос жизни и смерти колонии, и к тому же Мегги не хотела, чтобы в

лагере обо всем знали. По крайней мере, пока. Впрочем, ладно, с этим можно подождать.

Прошло сорок минут. Мегги достала из ящика стола сигарету, закурила. «Свеггерт!»

— Джей, пригласи сержанта! — крикнула она.

— Есть, сэм. Он ушел, но я пошлю за ним.

Мегги откинулась в кресле, обдумывая линию поведения со Свеггертом. И тут зазвонил телефон. Это был дежурный радиостанции.

— Полковник? Я только что говорил с гризи о сержанте Пеллатинке.

— Я тебе не приказывала этого.

— Да, мэм. Но я постоянно посылаю вызов на ее частоте, как мне было приказано. Их радист ответил мне. Он спросил, не потеряли ли мы ее. Я сказал, что сержант не отвечает на вызовы, и гризи сообщил, что они вышлют поисковую группу в окрестности лагеря.

Мегги сделала глубокую затяжку. Судя по сообщению шаристов, гризи не могли не видеть посадки сержанта. Значит, сейчас они нагло солгали.

Сержант Свеггерт был во многом похож на Мегги Миннингер. Если он замечал что-то плохое, то не жалел сил и энергии на то, чтобы исправить положение. И когда он увидел, что, переместив третий пулемет на два метра к озеру, они увеличат зону обстрела, он приказал своим людям сделать это. На работу ушло почти пять часов, зато теперь, припав к прицелу, он был удовлетворен. Он видел, что все пространство простреливается и никто не сможет подойти к лагерю незаметно. Все боеприпасы были разложены по местам, телефон подключен и проверен, прожекторы установлены. Они будут периодически включаться и сканировать всю территорию вдоль границы. Во время боя многие из них будут уничтожены врагом, но в лагерь никто не пробьется живым.

Правда, Свеггерт прекрасно понимал, что прямой атаки не будет. Может быть нападение с воздуха. Или ракетный обстрел, А может, ничего этого не произойдет. Если спросить его, сержанта, то он ответил бы, что война здесь была бы безумием. Из-за чего драться, когда в этой чертовой дыре нет ничего, даже самого маленького города. Да, он так и сказал бы, если бы его спросили, но такой ответ ни в коем случае не остановил бы его, если бы драться все же пришлось. В глубине души он трусил. Почему полковник заставляет его ждать? Если она собирается расправиться с ним, то чего она ждет?

— Сержант,— послышался голос дежурного,— вас вызывает полковник.

— Агги, прими командование,— приказал Свеггерт.— Если к моему возвращению не будет все в порядке, ты пожалеешь.

Он подбежал к палатке командира и вошел. Мегги Миннингер что-то ела и читала микрофиши. Она не подняла глаз.

— Граница хорошо охраняется, сержант? — спросила она.

— Да, мэм. Поблизости летает стая газовых мешков. Может, мы снова вызовем у них извержение?

Она отложила ложку и посмотрела на него.

— Что значит «вызовем», сержант?

— О нет, мэм! — Боже, она оскорбилась! Сержант понял, что серьезные неприятности весьма близки.— Я ничего не имел в виду, мэм, кроме того, что дела идут сложно и людям нужно расслабиться. А как можно сделать это проще, чем в сексуальном наслаждении?

Мегги долго разглядывала его.

— Хорошо, сержант, только попридержи свой язык.

— Конечно, полковник. Есть, полковник.

Свеггерт буквально вылетел из палатки. Черт, чуть не вляпался! Если бы он не был пьян, он не осмелился бы на такое. Но, черт возьми, игра стоила свеч. Вспомнив, как искусно она отдавалась ему, одурманенная извержением шариста, он ощутил возбуждение. Вернувшись на пост, он с разочарованием посмотрел на своих людей. Капрал Кристианидис была слишком костлявой, но все равно, лучшего у него под рукой не было.

— Агги, возьми Петерсона и еще четверых. Будь на посту, пока мы немного развлечемся. Крис, вы пойдете со мной. Те, кто не хочет идти, могут остаться.

Свеггерт прошел со своим отрядом к пустым палаткам на краю лагеря. Он мог бы заняться этим на открытом воздухе, на глазах у всех, но, черт побери, есть возможность, почему бы не укрыться в палатке.

Он остановился. Нан Димитрова и Дэйлхауз разговаривали со связанным шаристом, доставившим Свеггерту с полковником столько приятных минут. В нескольких метрах от них пилот Капелюшников жаловался на что-то полковнику Три. Черт побери, это некстати. Но у него было разрешение Миннингер, а он считался только с ней. Свеггерт вытащил фонарь и направил луч на трепещущее существо.

— Что ты делаешь, сержант? — крикнул Дейлхауз.

— Хочу немного развлечься. Полковник разрешила.

— Мало ли что она сказала!

— Если вы не верите мне, спросите у нее. Не подвинетесь ли, сэр, вы заслоняете свет.

Анна Димитрова положила руку на плечо Дейлхауза, который собирался резко ответить, и сказала:

— Для шариста это вовсе не развлечение, сержант Свеггерт. Вызывать сексуальный всплеск насильно — значит причинить боль и страдание. А это существо может умереть.

— Ну и что, Анна? — ухмыльнулся Свеггерт.— У меня разрешение полковника. Присоединяйтесь к нам. Дейлхауз, что вы делаете?

Дейлхауз включил радио и запел в микрофон. Свеггерт обратился к подошедшему к ним полковнику Три:

— Полковник, у меня есть разрешение Миннингер вызвать извержение спермы, а этот парень хочет помешать мне.

Три, заложив руки за спину, произнес тонким детским голосом:

— Будет интересно посмотреть, как это они делают.

Шаристы разлетелись по небу в полном беспорядке. Они пели громко, но не в лад. Их голоса доносились с неба и звучали из динамика Дейлхауза. Свеггерт стоял неподвижно, стараясь унять ярость, зревшую в нем. Черт бы побрал этот Клонг! Здесь мало даже разрешения командира! И полковник Три не спешил поддержать его

— Черт бы вас побрал! — прорычал он.

Но внезапно выражение лица Дейлхауза изменилось. Он пропел короткую фразу. Ответ пришел каскадом музыкальных трелей. Дейлхауз замер, Анна Димитрова ахнула.

— Три, обратился Дэнни к полковнику.— Чарли сообщает, что на пляже криппиты едят твоих людей.

— Но криппиты не едят людей,— заметил полковник.

А Свеггерт крикнул:

— Там никого нет. Периметр надежно охраняется.

Дейлхауз переспросил Чарли и, получив ответ, пожал плечами.

— Так он говорит. Может, он ошибается. Я думаю, он не понимает, что это убийство.

Свеггерт погасил фонарь.

— Нужно доложить полковнику.

— Правильно,— сказал Три.— Дейлхауз сделает это. А вы, сержант, соберите отряд за тридцать секунд. И в полном боевом снаряжении. Пойдем посмотрим, что там случилось.

Через полчаса Мегги Миннингер во главе отряда в тридцать человек встретила возвращающихся полковника Три, сержанта Свеггерта и его людей. Они несли двоих. Один лежал на носилках, сделанных из двух связанных плащей, второй висел на плече Свеггерта. Оба были мертвы. Когда сержант положил свою ношу на землю, стало ясно, почему мертвого было легко нести: у человека не было обеих ног и части головы. Второе тело было меньше изуродовано, и Миннингер узнала сразу: Тинка.

Пока Свеггерт докладывал, Мегги стояла неподвижно. Криппитов поблизости не было. Видимо, они ушли далеко, так как их не было даже слышно. Оба были уже мертвы, когда прибыл отряд, но тела были еще теплыми. У мужчины под одеждой был непромокаемый пакет. Мегги взяла его и развернула. Из оказавшегося там документа выяснилось, что это индонезиец, на контакт с которым шла Тинка. Кроме того, в пакете, были и очки — не оптические, с плоскими стеклами, детского размера. Как они попали туда? Может, Тинку и индонезийца схватили как шпионов и они бежали? Но как им удалось проделать такой долгий путь до лагеря гризи сюда, где они погибли?

Вернувшись в лагерь, Мегги получила ответ на один вопрос.

Дейлхауз сообщил, что шаристы видели на берегу остатки резиновой лодки. Мегги вертела в руках очки, слушая Дэнни и кивая. Она еще не была готова воспринять смерть Тинки как трагедию. Она внимательно изучала очки. Они были не совсем прозрачные.

— Интересно,— произнесла Мегги,— вероятно, это фоточувствительные очки.— Она посмотрела сквозь них на угольно-багровое небо Кунга.— Только зачем они нужны на Джеме?

В шести километрах от берега, где Шарн-игон убил Ядовитых Привидений, он остановился и забился в щель под утесом. Ему нужно было спрятаться, чтобы отдохнуть. Зарываться в землю было опасно из-за Нижних Привидений. Но здесь они вряд ли есть: слишком близко от воды. Они не любят, когда вода затопляет их туннели.

Устраиваясь поудобнее, Шарн-игон думал о своем союзнике — Ядовитом Привидении Дулле. Он не ощущал симпатии к нему, какую испытывал бы к дружественному существу, не считая Дуллу таковым. Дулла был для него всего лишь орудием. После того, как они убили привидения, которые Дулла называл гризи. Причем Дулла бежал быстрее его и убежал дальше, но Шарн-игон не считал это предательством. Если бы он был быстрым, а Дулла медленным, он поступил бы так же. Дулла был полезен как орудие, он двигался быстро и мог заговорить с привидениями, отвлечь их внимание от Шарн-игона, который приближался и убивал. Ядовитые Привидения так легко убивать! Достаточно нескольких ударов. Правда, у некоторых было оружие, и Шарн-игон научился уважать определенные виды оружия. Но у этих двоих на пляже был только маленький пистолет, пули из которого отскакивают от его панциря. Этих двоих он смог бы убить и без помощи Дуллы.

Шарн-игон подвигал панцирем, закапываясь поглубже в свое убежище, и затих. Его органы слуха внимательно следили, не приближается ли опасность с воды или суши, а тело прослушивало вибрацию земли, чтобы не пропустить приближения Привидений снизу. Этих он боялся больше всего. Разумеется, при нормальных обстоятельствах его панцирь служил бы надежной защитой от привидений. По крайней мере, до тех пор, пока он находился на поверхности. Нижние Привидения редко выходили на поверхность, так как здесь они становились глухими и слепыми. Но обстоятельства были ненормальными. Шарн-игон не просто устал, он был болен. Он был готов к тому, чтобы вылезти из панциря и сменить его. Но сейчас не время, ведь рядом не было Чи-прюитт (ее панцирь давно засох), и некому было охранять его во время смены, когда он был совершенно беззащитен.

Внезапно его желудок опорожнился, съеденная пища хлынула из него широким потоком. Это еще больше ослабило его, но успокоило. Отдохнув немного, он стал чистить панцирь от нечистот. Несомненно, Ядовитые Привидения будут мстить за

убийство на пляже. Немного мяса привидений попало к нему в желудок, и это отчасти было причиной его плохого состояния. Да, с самого появления в его городе Ядовитые Привидения причинили ему только горе, они изгнали радость из его жизни. Кринпиты не плачут. У них нет ни слезных желез, чтобы вырабатывать слезы, ни глаз, чтобы испускать их. К счастью, у них нет и чувства жалости и нет социальных табу, чтобы запретить выражать свое горе любым способом.

Через час Шарн-игон очистил панцирь от последних остатков чужой крови. Он проделывал это в полной тишине, лишь изредка раздавался стон или удар клешни о панцирь. Звуки более счастливых времен родились в его мозгу. Он слышал снова Чи-прюитт, маленькую самку, с которой он предавался радости и которая родила маленького кринпита. Это было прекрасное существо...

Как все изменилось теперь! И в этом виноваты Ядовитые Привидения. С тех пор, как они появились и как погибла Чи-прюитт — зря она ела этих пришельцев,— мир Шарн-игона рухнул. И не только из-за Чи-прюитт. Кринпиты, которых он поднял против Ядовитых Привидений — гризи, как называл их Дулла,— понесли жестокую кару. Их деревня была атакована с воздуха, многие кринпиты погибли. А сколько он сумел убить в отместку? Очень мало. Двоих на берегу. Еще несколько, которых он и Дулла застали врасплох на удаленной станции... Очень мало... И все планы Дуллы провалились. Деревня кринпитов, которых они пытались склонить к нападению на лагерь Жирных, не сдержала своего обещания. Он и Дулла долго выжидали возможности напасть, но так и не дождались. Пока эти двое не приплыли на резиновой лодке...

От воды послышался звук. Шарн-игон замер. Он старался не дышать, чтобы производить как можно меньше шума. Он прислушался и услышал слабое, еле уловимое эхо, отраженное от воды. Лодка. И в ней Ядовитое Привидение. Еще одно, готовое умереть? Оно приближалось. Шарн-игон выбрался из укрытия, готовясь к нападению, и тут услышал свое имя. А затем имя своего союзника — Аxx-мед! Шарн-игон пополз по песку, готовый приветствовать союзника или убить его. Дулла крикнул:

— Быстрее! Жирные ищут тебя. Нам нужно бежать!

С Шарн-игоном на борту лодка передвигалась очень медленно. Она не могла утонуть, так как в ее ячейках было много воздуха. Они плыли через Широкую Воду, постоянно наблюдая за воздухом, чтобы нападение Верхних Привидений не застало их врасплох. Маленький парус помогал им, но у лодки не было киля, потому, когда ветер усиливался, им приходилось спускать парус и переходить на весла. Шарн-игон чувствовал себя отвратительно. И каждый удар волны причинял ему страдания.

— Если бы не вы, моя жена была бы жива.

— Ты дурак, Шарн-Игон! Она же пыталась убить нас. Не наша вина, что она погибла.

— И моя деревня подверглась нападению. Еще одна деревня была уничтожена полностью. Я очень болен.

— Поговорим о чем-нибудь другом, Шарн-игон. Поговорим о том обещании, которое кринпиты дали нам относительно нападения на Жирных. Они нарушили свое обещание.

— Во мне говорят мое горе и гнев, Ахмед Дулла.

— Поговорим о моем горе и гневе. Мы оба пострадали в борьбе против нашего общего врага.

— Пострадали?

— Да, пострадали. После того, как ты, по своей неуклюжести, уничтожил мое радио, я не слышу голосов из моего лагеря и не знаю, живы они или нет. Может, они уже погибли!

— Сколько их, Ахмед Дулла?

— Больше десяти.

— А сколько погибло наших? Одних самцов две сотни, а если считать и самок, то двести пятьдесят. А если считать и детенышей...

Они еще не переплыли Широкую Воду, как Шарн-игон понял, что в городе, который он считал средоточием всей трагедии,— тишина. Из города доносилось только эхо. Раньше город издавал звуки — прекрасные звуки. Но теперь Шарн-игон не слышал ничего! Ничего! Он слышал только эхо своих собственных звуков, отражающихся от знакомых холмов, лодок, полуразрушенных зданий, пустых панцирей... Город был мертв.

Ядовитое Привидение Дулла что-то говорил, и Шарн-игон с трудом выделил слова:

— Еще одно нападение! Город пуст. Гризи вернулись, чтобы завершить свое дело.

Шарн-игон не мог ничего сказать. Глубокая тишина так придавила его, что даже Ядовитое Привидение удивилось:

— Ты болен? Что случилось?

С огромным усилием Шарн-игон ответил:

— Ты уничтожил мой город и моих друзей!

— Я? Нет! Не я и не люди Народной Республики. У нас нет столько сил, чтобы сделать это. Это гризи!

— От которых ты поклялся защитить нас! — Шарн-игон поднялся на ноги, зависнув, как башня, над Дуллой. Тот вскрикнул. Но кринпит не напал на него, а бросился из лодки. Здесь было мелко. Шарн-игон встал на илистое дно, чтобы его дыхательные отверстия были над водой. Он пошел к берегу, взбалтывая воду. Трагедия поразила его. Мертвы! Все мертвы! Улицы пусты, на них валяются только высохшие панцири. Дома пусты. Нет ни самцов, ни самок, ни детей...

Дулла подгреб к берегу и звал его из лодки, махал руками:

— Шарн-игон! Теперь мы братья по несчастью. Мы связаны с тобой больше, чем раньше!

— Все мои братья мертвы. Мне нужны новые союзники, Ахмед Дулла.

Шарн-игон навалился на него. Дулла заметил опасность и попытался улизнуть, но было поздно. Ему не удалось увер-

нуться от удара тяжелой клешней. Убедившись, что Дулла мертв, Шарн-игон оставил его и побрел между пустыми панцирями, которые когда-то носили его друзья. Он остановился передохнуть у стены лавки, которую раньше часто посещал.

Кринпит чувствовал удовлетворение от смерти еще одного Ядовитого Привидения. Но боль подступила к нему: конечности ныли; все тело болело, казалось, панцирь слезал с него. Вроде, для этого время еще не наступило. Но тем не менее оно пришло. Один на открытом пространстве, бывшем когда-то его домом, без кого-либо рядом, способного позаботиться о нем, пока он беспомощен, Шарн-игон начинал менять панцирь...

В час тридцать майор Сантангело вместе с пилотом третьего корабля вошел в палатку командира.

— Хорошие вести, Мегги. На Плохих Холмах нашли уголь. В двух километрах отсюда. Кроме того, мы можем использовать для нагрева парового котла пластины одного из кораблей; если прибудут турбины, то можем запустить генератор на полную мощность без использования резервов топлива.

— Как скоро?

Сантангело посмотрел на инженера.

— Через десять дней? Возможно, через две недели.

— Даю одну неделю,— рявкнула Мегги.— А как насчет горючего для самолетов?

— Моррисей обещал проверить ферментацию в самое ближайшее время.

— Хорошо,— сказала Мегги.

Когда они ушли, Мегги взяла микрофон.

— Есть сообщения?

— Нет, мэм. Они еще на орбите и спускаются, затрачивая минимум энергии.

Она отложила микрофон. Ну, что ж, корабль снижается на орбите, а не в сотне световых лет от них. Но последний шаг затягивался. Капитан сообщил, что у него мало резервов для маневра и он ждет благоприятных условий для спуска. А это может продлиться несколько дней. Однако это плохой знак! Если корабль отправили почти без резерва, значит, дела на Земле обстоят неважно. Даже хуже, чем можно заключить из трактрановых радиограмм. Мегги посмотрела на часы: 1.45.

— Пришлите доктора Аркашвили,— велела она.

Вскоре пришла доктор с чашкой дымящегося кофе.

— Вот кофе, Мегги. Но было бы лучше немного поспать.

Мегги понюхала напиток и с наслаждением отхлебнула.

— Скорее бы они сели,— проговорила она.

Среди того, что она заказала на Земле, были зерна кофе и семена, чтобы попытаться вырастить его здесь. Во всяком случае, следующие несколько лет придется обойтись без кофе. Вероятно, гризи уже сумели получить первый урожай, но делиться, конечно, не будут. Они уже сейчас ничего не дают; даже консультации по радио. А пипы вообще не отвечают

В лагере пока все здоровы, если судить по рапортам медиков. Антиаллергические меры действуют очень эффективно, а на Джеме больше нет ничего, что было бы враждебно организму человека. Так, ерунда: головная боль, аппендиксы, зубы...

— Только никаких операций,— произнесла Мегги резко.

Доктор задумалась.

— Все, что угодно: таблетки, уколы, а чтобы предотвратить беременность — презервативы. Если кто-либо захочет ребенка — искусственное оплодотворение. Как у нас с банком спермы?

— Прекрасно. Двадцать восемь яйцеклеток в криогенной камере и около сотни образцов спермы.

— Хорошо, но должно быть лучше. Мне нужен стопроцентный охват. Если что-либо случится с кем-то, я не хочу, чтобы пропали его гены. Или ее. Это же несложно. Так что получи по четыре образца от каждого человека. Чему ты улыбаешься?

— Сейчас у меня есть две оплодотворенные яйцеклетки, так что мы можем хоть сейчас начать производство детей.

— Хм,— задумчиво сказала Мегги,— и от кого же они? Говори, не стесняйся, я же твой командир.

— Одна от Анны Димитровой.

— Черт! И чей же ребенок?

— Можешь спросить ее, если хочешь. Я не спрашивала.

Мегги изумленно покачала головой.

— Я считала ее меньше всего способной на это. А вторая? Погоди! Не может быть, чтобы я... Я же принимала таблетки.

— Таблетка не предохраняет яйцеклетку от оплодотворения. Она просто не дает ей развиться.

Мегги смотрела на доктора.

— Черт бы меня побрал...

Нгуен Дао Три опоздал на десять минут. У него были заспанные глаза, и он непрерывно зевал.

— Мне не подходит здешний распорядок,— пожаловался он.

— Послушай, Гай, вместо того, чтобы спать со мной, ты волочишься за каждой юбкой в лагере...

— О, Марджори, я бы предпочел, чтобы время моего сна совпадало с твоим.

— Ну что ж, может, когда-нибудь и совпадет. А пока мы опоздали для инспекции.

Она допила кофе и поднялась.

Люди работали хорошо. Граница была прекрасно укреплена и надежно охранялась. Пахотная площадь все время расширялась. Мегги каждый день осматривала все подробно, не гнушаясь залезать во все дыры. Пока что все шло хорошо. Никто не нападал, даже кринпиты. Но они были изолированы в мире врагов. Благодаря шпионским спутникам и наблюдениям шаристов, из перехваченных и расшифрованных радиоконтактов, из микрофишей индонезийца Мегги составила четкое представление о том, чем занимаются гризи. Или, вернее, занимались несколько недель назад. Они оккупировали лагерь пипов,

захватили там все. Они уничтожили все живое вокруг себя и продолжали убивать кринпитов и расстреливать шаристов. Подземников они, видимо, сумели приручить, и те помогали им эксплуатировать подземные ресурсы Джема. Гризи разработали какое-то средство — пока еще не было известно, какое именно,— отпугивающее кринпитов. Если бы... Черт побери! Что они сделали! Если бы отец послушал ее и дал бы ей необходимые средства для освоения планеты!

Нельзя сказать, что она плохо работала. Но Мегги любила быть во всем первой, а обстоятельства складывались так, что она оставалась на втором месте: гризи контролировали всю планету. Под ее началом было только пространство, ограниченное изгородью. А у гризи было три отдельных поселения, включая и то, что раньше принадлежало пипам. Если не считать показаний спутников, полетов шаристов и редких вылазок Капелюшникова (что было чрезвычайно опасно: можно было лишиться единственного самолета). Мегги была слепа, она не видела, что делалось на планете. Она запретила даже Дэнни Дейлхауз подниматься в воздух. Во-первых, она не хотела рисковать его жизнью, во-вторых, лучше тратить энергию на защиту лагеря, на освещение посевов. Она направила его вместе с Моррисеем и Димитровой на обучение к агроному Внезапно она задумалась: Дэнни и Димитрова? Может... А может, и нет. Они друзья, но не до такой степени. Не кто же тогда?

Мегги посмотрела на Гая Три, беседовавшего с охраной. Кто же отец ее собственного ребенка? Дейлхауз? Три? Этот сукирн сын Свеггерт? Эти трое. Но который из них? Раньше она вдоволь поиздевалась бы над собой: зачем такие проблемы. К чему знать, кто впрыснул в тебя семя? Но сейчас это тревожило ее. Все-таки это будет ее ребенок в новом мире. И кто же его отец? Ну, ладно. Нужно заниматься делом.

— У нас в лагере есть лучники? — спросила Мегги.

Три, объяснявший, как вооружить лодку, замер на полуслове.

— Что? — изумленно спросил он.

— Люди, которые умеют стрелять из лука, черт побери. Я хочу организовать состязание.

— Прекрасно, Марджори. Но я полагаю, что в лагере нет ни луков, ни стрел.

— Те, кто знают, что такое лук и стрелы, могут сделать их. Мы установим призы за победу — кофе, сигарету, я пожертвую бутылку виски.

Совершенно сбитый с толку Три пробормотал:

— Ну что ж, я думаю, что это пригодится на охоте.

Мегги кивнула, не ответив. На кого охотиться? Каждое животное, которое можно увидеть здесь, надежно защищено панцирем. Таковы особенности эволюции.

Они осматривали станцию, когда явился дежурный из радиорубки.

— Корабль идет на посадку, полковник,— сообщил он.— Через пару минут мы увидим его.

— Слава Богу. Гай, организуй разгрузку. Скажи майору Аркашвили, чтобы все было наготове на случай неудачной посадки.

Посадка была, можно сказать, и удачной, и неудачной. Вернее, ее вообще не было. В воздухе появилась кабина, раскачивающаяся на больших парашютах. Но она не приземлилась на посадочной площадке на берегу, а исчезла в джунглях, примерно в километре от лагеря.

К счастью, никто не пострадал. Пятнадцать человек, находившихся в кабине, добрались до лагеря сами, и двенадцать из них были молодые женщины. Бог услышал молитвы Мегги. Им пришлось преодолеть очень сложный путь в джунглях. Но они дошли. Просмотрев опись того, что было на корабле, Мегги, наконец, позволила себе расслабиться. Прибыло все до последней мелочи из того, что она просила,— семена, орудия труда, оружие, различные тренажеры. Конечно, этого недостаточно — но было все, что она просила.

Теперь нужно было работать. Организовать рабочие бригады и их охрану. Кринпитов вблизи лагеря не было видно, но леса кишели ими. Первый отряд отправился в джунгли, и Мегги успокоилась только тогда, когда он вернулся, неся коробки с пищей, ящики с микрофишами, упакованные велосипеды, электронное оборудование. Мегги с радостью приветствовала всех. Маленький черный майор сказал ей, похлопав по сумке:

— У меня есть кое-что для вас, полковник. Это частное, мэм.

— Пройдемте ко мне, Вандемир. Кажется, так ваше имя?

Он вежливо кивнул и прошел за нею в кабинет, где положил сумку на стол.

— Вот, мэм,— сказал он, открывая сумку.

Оказалось, что это микро-ЭВМ с индикаторной панелью на жидких кристаллах. Майор нажал на клавишу, и экран загорелся, высветив ряд символов.

— Это устройство для контроля за спутниками, мэм. Сейчас на орбите двенадцать спутников.

Мегги нежно прикоснулась к прибору — почти сексуальное чувство овладело ею, и тепло пошло по всему телу.

— А можно найти спутники гризи?

— Да, мэм. Мы уже зафиксировали четыре спутника, среди них главный тактрановый передатчик. И два спутника пипов, но, кажется, они перестали быть активными.— Майор набрал какую-то комбинацию на клавишах, и цвет символов изменился.— Зеленые — наши; красные — пипов, а желтые — гризи. Если в радиусе двух миллионов километров что-то произойдет, система сразу зафиксирует это и выдаст информацию.

Тепло продолжало согревать тело Мегги. Это было именно то, о чем она мечтала, о чем просила самым настоятельным образом.

— Благодарю, майор. Покажите, как с ним работать, а затем я хочу, чтобы мы вели наблюдения по очереди по двенадцать часов в день.

— Есть, мэм,— ответил он ровным тоном.— И вот еще письмо для вас от вашего отца.

Это было настоящее письмо, а не микрофиш. Бумажное письмо в конверте, а на конверте стояло ее имя, написанное подчерком Годфри Миннингера.

— Благодарю, майор. Можете идти и возьмите с собой ЭВМ.— Когда он повернулся, она спросила: — Майор, дома дела идут совсем плохо?

Тот помолчал, а затем проговорил:

— Очень плохо, полковник. Совсем плохо.

Мегги стояла молча. Затем сунула письмо в карман и подошла к окну, чтобы посмотреть, как идет разгрузка. Она не была готова осознать слова: «очень плохо». Она смотрела на то, как сержант Свеггерт уже крутится возле двух новых девушек, как один из грузчиков уронил прожектор, который разбился вдребезги, а пальцы ее все время ощупывали письмо в кармане. Когда загудел колокол, позвав на завтрак, Мегги больше не могла сдерживаться. Она взяла поднос с едой и достала конверт.

— «Мегги, дорогая!

Я послал тебе все, что ты просила. Но дальнейшие поставки исключаются. Дела обстоят совсем плохо. Мы находимся в состоянии боевой готовности, и лишь один Бог знает, сколько это может продлиться.

Так что ты будешь на год, а то и больше предоставлена самой себе. Президенту угрожают импичментом, а может, и того хуже. На прошлой неделе были две попытки убийства президента. Я подсказал ему, как надо действовать. Ввести смертную казнь. Распустить конгресс. Подавить беспорядки, но он политик. Он надеется уладить дело. Однако уладить все мирным путем — это значит урезать все наши военные программы. В том числе и твою, дорогая.

Я не рассказывал бы тебе обо всем этом, если бы не был уверен, что ты поймешь все правильно и справишься с трудностями».

И это все, даже подписи не было. Мегги долго сидела с письмом в руке и только потом заметила, что завтрак уже остыл. Она уже не хотела есть. Однако ей стало ясно, что продовольствие нужно экономить, поэтому она заставила себя съесть все до последнего кусочка.

И вдруг она поняла, что в лагере что-то изменилось. Случилось что-то плохое. За завтраком сержант Свеггерт услышал странные звуки, не очень громкие и не близко. Звуки напоминали выстрелы. Никто из сидящих в палатке не слышал ничего. Свеггерт положил на большой кусок хлеба омлет и ветчину, а затем вышел из палатки.

Послышался третий выстрел. На этот раз сомнений не

было. Это именно выстрелы. Какой-то сукин сын играет с винтовкой. Конечно, ругать его нельзя: случилось самому Свеггеру увидеть кринпита, он и сам не удержится и пальнет в него. Но патроны нужно экономить. Он прибавил шаг и пошел к периметру. Обогнув кухню, он увидел людей, глядящих на тропу в джунглях, которая вела к месту посадки кабины. Другие люди уже бежали туда, и, когда Свеггерт приблизился, их уже было не меньше двадцати. Говорили все возбужденно и беспорядочно.

— Кто там? — спросил сержант, схватив за плечо капрала Кристианидис.

— Кажется, Агги с двумя молодыми. Они решили сделать еще рейс. Лейтенант Маклин только что послал туда патруль.

— Тогда ждите, пока они не вернутся,— приказал Свеггерт. Но он сам не хотел бы подчиниться такому приказу. Стрелять в джунглях — это было непохоже на Агги. Толпа все увеличивалась. Пришел полковник Три, похожий на маленькую китайскую куклу. Затем несколько человек из палатки, где находилась столовая. И наконец сам командир лагеря, полковник Мегги Миннингер. Все окружили ее, наперебой рассказывая о том, что произошло. Мегги послушала немного и рявкнула:

— Тихо! Возвращаться назад. Где Маклин? Посмотрим, что он скажет.

Но Маклин не говорил ни слова. Он шел, держа карабин в руках и постоянно озираясь. Когда он приблизился, все увидели, что идущие за ним двое что-то несут. Шествие замыкал солдат, тоже с карабином наготове. Они несли тело женщины, лицо которой было неузнаваемо. Когда ее опустили на землю, оказалось, что одна рука ее вывернута, в на груди пулевое ранение.

— Кринпиты! — воскликнул майор Сантангело.

— У кринпитов нет оружия,— поджав губы, сказала Мегги.— Может, и кринпиты, но не одни. Три! Проверить границу. На боевые посты — полный запас оружия и патронов. Сантангело, соберите всех по тревоге. Свеггерт, возьми трех человек. Пойдешь со мной. Три, вы со своим отрядом следуйте за нами в двухстах метрах.

— Есть, мэм.— И Свеггерт принялся отдавать распоряжения.

Полковник слушал доклад Маклина. По его словам, он прошел всего полпути по тропе, когда наткнулся на труп и на разбросанные и разоренные мешки с припасами. Где остальные двое, он не знает, так как вернулся назад за подкреплением. Мегги Миннингер больше слушать не стала. Повернувшись к майору Сантангело, она дала приказ Свеггерту следовать за ней.

С двадцатисекундным интервалом они начали по очереди перебегать открытое пространство. Свеггерт, укрывшись под деревьями и дожидаясь остальных, слышал отдаленные звуки, издаваемые кринпитами. Следующий за ним солдат, упав на землю рядом, тоже услышал.

— Кринпиты,— прошептал он.

Свеггерт кивнул и велел ему молчать. Мегги перебежала открытое пространство, опустилась на колено и прислушалась. Затем подняла руку и приказала двигаться дальше. «Чертова баба»,— подумал Свеггерт. С тех пор как случилось то, о чем он вспоминал с удовольствием, Мегги пренебрегала им. Дав своим людям сигнал идти вперед, он упал на землю рядом с Мегги.

— Это здесь,— тихо проговорил он.

— Вижу, сержант. Вперед. Я не хочу, чтобы Сантангело наступил мне на зад.

— Есть, мэм.— Свеггерт повел людей вперед, пробиваясь сквозь джунгли. Звуки кринпитов все еще слышались вдали, но не приближались.

Вскоре впереди показалась темная громада корабля, стоящего на небольшой поляне. Сержант махнул рукой, чтобы привлечь внимание Мегги, и показал на вершину деревьев. Она кивнула, он бросился к дереву, закинул за плечо карабин и начал взбираться наверх. Лезть было легко, но крона была слишком густой, и ему пришлось несколько раз менять положение, чтобы увидеть корабль и поляну. Прямо перед кораблем лежали изуродованные трупы двух его солдат. Кринпитов поблизости не было, и их звуки, казалось, отдалились еще больше.

Свеггерту стало немного легче. Какого черта он боится кринпитов? Они настолько шумные создания, что ближе, чем на двадцать метров, незамеченными подойти не могут. А тогда о нем позаботится его карабин. Разумеется, кринпиты могут оказаться не одни. С ними может быть пара гризи. Ну и что? Гризи есть гризи — какие-нибудь арабы. Когда он боялся их? Сдвинув пилотку на затылок, он стал спускаться. Что бы там ни было на этой поляне, он уничтожит всех, устроит небольшой спектакль для Мегги Миннингер... Что-то шевельнулось в кустах справа. Сержант приготовил карабин, но это оказался солдат из его патруля. Успокоившись, Свеггерт навел оптический прицел на полковника. Перекрестие прицела задержалось на лице, затем спустилось ниже к туго обтянутым брюками ляжкам. Может, когда-нибудь снова...

Слабый звук, раздавшийся сзади, заставил его замереть. Он слишком поздно понял, что кринпиты и люди были не единственными существами на Джеме. Повернувшись, сержант увидел странное длинное существо, прыгнувшее на него. Половиной из десяти рук оно схватило его, в одной из пяти других держало пистолет — или что-то похожее. «Чертово создание, оно почему-то в солнечных очках»,— успел подумать Свеггерт, отчаянно пытаясь добраться до карабина. Но было поздно. Он не слышал выстрела, но пуля пробила ему голову.

Мегги Миннингер не стала ждать конца и первой вернулась в лагерь. Поняв, кого надо искать, сорок человек прочесывали местность. Они нашли только трех подземников, и среди них

того, кто убил сержанта Свеггерта. «Тебе всегда везло, сукин сын,— подумала она.— Теперь тебе нечего бояться смертной казни за изнасилование полковника и кого бы то ни было.» Окликнув проходящего мимо человека, она послала его в радиорубку. Еще не дойдя до офиса, услышала голос по громкоговорящей связи:

— Майор Вандемир. Сообщение полковнику.

Мегги столкнулась с ним в дверях. Добросовестный человек. Он быстро бежал, был полуодет, но принес с собой кейс.

— Откройте! — рявкнула она.— Они вооружили против нас подземников. Пистолеты и солнечные очки. Об этом хотела сообщить Тинка. Быстрее!

— Есть, мэм.— Майор Вандемир с трудом открыл футляр.— Готово, мэм,— доложил он.

— Уничтожить их!

— Кого, мэм?

— Гризи. Все их спутники.— Пока он набирал нужную комбинацию, Мегги подумала и добавила: — И спутники пипов тоже.

Годфри Миннингер проснулся от ощущения, что кто-то трясет его кровать. Но никого не было. Он был один в комнате, как и все те, кто жил по всему миру в номерах отелей Холидей Инн или Ховард Джонсон Мотор Лодж. На столике возле постели стоял телефон, возле стены серел экран телевизора. Телефон выглядел необычно. Он был кнопочным, и по его панели пробегали разноцветные огоньки. Штора закрывала одну стену. Но за шторой было не окно, а огромный экран, панель дисплея. В окне не было надобности, так как комната находилась на глубине двадцати метров под землей.

На часах было 6.22. Миннингер приказал разбудить его в семь. Следовательно, не звонок разбудил его. Миннингер задумался. Включая телевизор, открыл штору, чтобы выяснить ситуацию. Но решил ничего не предпринимать. Если возникнет реальная угроза, он узнает и так. Миннингер умел отключаться от неприятных мыслей. Он встал, надел халат и прошел в ванную. Потом сделал себе кофе.

Минуты пробуждения ото сна всегда были драгоценными для Года Миннингера. Он считал, что оба его брака расстроились именно из-за того, что его жены не могли понять, что первые полчаса после пробуждения с ним нельзя начинать разговор.— Это было время для кофе, для концентрации сил и мыслей. Разговоры мешали ему. Это была слабость Годфрида, но он не хотел пожертвовать ею ни для кого.

Кофе был нужной температуры и он выпил его как лекарство, глоток за глотком. Затем, сбросив халат, сел в позу полулотоса, расслабился и погрузился в мантру. Он никогда не мог понять, что происходит с его нейронами и синапсами, когда он практикует трансцедентальную медитацию, и даже не пытался. Во всяком случае, это занимало у него двадцать

четыре сотни секунд из двадцати четырех часов. Он никогда не обсуждал полезность этого, и ему не приходилось защищать свою привычку. К тому же он был уверен, что это помогает ему. Каким образом? Он не мог ответить. Но он чувствовал себя более уверенным, спокойным. Да, это выгодное вложение менее трех процентов времени. Годфри сидел, закрыв глаза, и тело медленно покидало его. Его будто окутывала звуковая вуаль. Мозг его превращался в рецептор. Он сам не вносил ничего, только воспринимал. Перед глазами замелькали лица, загадочные силуэты, формы, которые не переходили друг в друга. Некоторые из них были божественно прекрасны, другие дьявольски безобразны. Они не пробуждали никаких эмоций. Демонические гримасы не пугали, очаровательные улыбки не привлекали. Они просто существовали. Обрывки разговоров нанизывались друг на друга и протекали через него, как разговоры за соседним столом в ресторане. Циркулирующая память пропускала их через себя, и мозг оставался безразличным к ним.

А между тем, в двух километрах отсюда, на глубине полукилометра под водой, в подводной лодке, принадлежащей Блоку Горючего, вице-адмирал ливийского флота вводил программу в того. Кто Имеет Свое Имя в Себе. Миннингер не знал этого. Мысли его свободно растекались по всем направлениям бесконечности внутри его мозга. Но он не смог бы сделать ничего, даже если бы знал обо всем. Постель задрожала снова. Это не землетрясение. В Западной Вирджинии землетрясений не бывает, подумал он, выходя из своего состояния и готовясь открыть глаза. Толчок был более резкий, чем при землетрясении, более быстрый, чем смещение земной коры, но не был особенно сильным. Он даже не смог бы разбудить его, Годфри Миннингера, если бы тот спал. Но что-то произошло: мигнул свет ламп. В двухстах метрах под землей в горах Западной Вирджинии свет не мог мигать. Система энергоснабжения на плутониевых генераторах была абсолютно изолирована от всех внешних событий. Стрелы молний не могли поразить трансформаторы под землей. Ветры не могли порвать линии электропередачи, ибо все они были проложены в трубах под землей. Внезапно мелькающие огоньки на телефоне погасли, остался один красный. Зазвенел зуммер, он поднял трубку.

— Миннингер.

— Ракетный удар, сэр. Три ракеты. Структурных повреждений нет. Ракеты выпущены из области поблизости от провинции Синцзянь.

— Сейчас буду,— сказал Миннингер.

Он еще выходил из медитации, поэтому не смотрел на ситуационную панель. Но он не мог не принять душ и не побриться. Годфри втер дезодорант под мышки («Как французская проститутка»,— с отвращением подумал он), пробежал щеткой по волосам, оделся и по тихому, устланному ковром коридору быстро вошел в командный пункт. Ситуационная карта светилась.

— Ваш кофе,— промолвила лейтенант Вейненштат. Это были ее единственные слова: она знала привычку шефа. Миннигнер взял кофе, не отрывая глаз от карты. Ярко-красные звезды на ней показывали уничтоженные мишени. Голубые звезды обозначали мишени, уничтоженные другой стороной. Это были Вашингтон и Ленинград, Буэнос-Айрес и Ханой, Чикаго и Сан-Франциско. Красные профили на карте были вражескими ракетными кораблями, пораженными ответными ударами. Их было больше сотни. Тут же было и около шестидесяти уничтоженных голубых. Пульсирующие звезды — красные и голубые — это еще не уничтоженные боевые соединения. Их было совсем немного, и число их постоянно уменьшалось. Канзас-Сити, Каир и целый комплекс вокруг Франкфурта только что перестали существовать.

Вторая чашка кофе уже была не лекарством, а удовольствием. Выпив кофе, Миннингер спросил у лейтенанта Вейненштат:

— Какова возможность второго удара?

— Довольно большая. В настоящий момент сотня ракет готова была нанести удар. Но мы непрерывно сокращаем их количество. У нас примерно восемьдесят. И только два наших подземных укрепления уничтожены. Поверхностная радиация в допустимых процентах, во всяком случае, внутри этих машин.

Она велела налить еще кофе и добавила: — Пока рано говорить, но Кукурузный пояс, кажется о'кей. Также Мексика и юго-запад Тихоокеанского побережья. Но мы потеряли Империал Вэлли.

— Так что пока дела идут неплохо.

— Можно сказать, да.

— На следующие сутки они могут начать снова.

Роза Вейненштат кивнула. Общеизвестно, что каждая большая страна имеет скрытые резервы ракет. Их нельзя запустить в течение десяти минут простым нажатием кнопки, как ракеты с подводных лодок. Но их нельзя и уничтожить, так как неизвестно, где они находятся.

— Да, мы не можем предотвратить этот удар,— сказал Миннингер,— так как их спутники наполовину ослепили нас.

— Мы также ослепили их, Годфри. У них нет глаз на орбите.

— Да-да, я понимаю. Здесь мы выиграли. Проклятые идиоты! Ну что ж, приступим к работе.

Работа Миннингера не имела отношения к обменам ракетными ударами, призванными превратить поверхность Земли в подобие ада. Это была не его компетенция. Он приступит к своим делам сразу же после окончания военных действий.

Тем временем один из этих проклятых идиотов закончил программирование и теперь старался собрать команду для запуска. Это было непросто. Нейтронная бомба сделала свое дело. Ее излучение, проникнув сквозь слой воды и стальную обшивку субмарины, вывело из строя большую часть команды. Сам вице-адмирал ливийского флота получил пять тысяч рад.

Он знал, что ему осталось жить несколько часов. Но если повезет, то мишень, куда он направлял удар, просуществует еще меньше.

Три часа сна было явно недостаточно. Миннингер знал, что, не выспавшись, он становится брюзглив и раздражителен. Его люди тоже знали это и прощали его.

Через каждые пять минут карта исчезала, и на экране появлялись десятисекундные картинки: индустриальные объекты, степень их разрушения, гистограммы, демонстрирующие соотношение боевых сил враждующих сторон и их эффективность. В соседней комнате работали люди, непрерывно корректируя информацию на основе поступающих данных. Миннингер даже не взглянул на них. Его заботы были чисто политическими и организационными. Роза Вейненштат контролировала их, каждые несколько минут появляясь в комнате. Сам Миннингер имел постоянную связь с правительством. Он говорил с сенаторами, офицерами главного штаба, губернаторами. Это все были американцы. Их союзники по Блоку Продовольствия находились в особом кабинете, и если кто-то из них требовал внимания, то это расценивалось Миннингером как недопустимая наглость.

— Он не удовлетворен контактом со мной,— сообщала Вейненштат.— Может, вы уделите ему пару минут, Годфри?

— Дерьмо.— Миннингер отложил перо и кивнул, чтобы она включила связь.

На экране появилось лицо маршала Красной Армии Брессариона. Но из динамика звучал голос его переводчицы.

— Маршал,— сказала она,— не сомневается, что ваш штаб действует по приказу президента, но он хочет знать, кто президент. Мы знаем, что Вашингтона больше нет и Убежищ Первого и Второго тоже не существует.

— Нынешний президент,— заговорил Миннингер, с трудом подавляя раздражение,— это Генри Монкас, который был спикером Палаты Представителей. Он назначен согласно нашей конституции.

— Да, конечно,— промолвила переводчица после того, как маршал, выслушав ответ, что-то пролаял по-русски.— Но маршал не может добиться с ним связи.

— Проблемы связи существуют,— согласился Миннингер.— Кроме того, у меня есть сведения, что президент сейчас переселяется со своим кабинетом в более безопасное место. Маршал должен понять, что в этом случае связь с ним затруднительна.

Брессарион выслушал ответ и снова заговорил с переводчицей. Переводчица наверняка смягчила большинство выражений маршала:

— Мы понимаем это, но существуют вопросы законности, и маршал хотел бы выслушать некоторые объяснения от самого президента. Алло... Алло...

Изображение маршала Брессариона исчезло. Роза сказала:

— Я подумала, что в такой момент помехи на линии связи будут очень вовремя.

— Правильно. Кстати, а где этот сукин сын?

— Генри? О, он в безопасности. Он приказал вам сообщить ему новости примерно через час.

Миннингер задумался.

— Скажи ему вот что. Пусть захватит команду для защиты от радиации и перебирается сюда. Здесь он будет в большей безопасности, чем в своей дыре.— Он взял ручку. Сейчас было бы неплохо выпить апельсинового сока, чтобы отрегулировать концентрацию сахара в крови. И вообще, он был голоден.— Вот и мы увидим президента,— сказал он в пустоту.

В субмарине вице-адмирал собрал команду. Все были смертельно поражены радиацией и непрерывно блевали. В кают-кампании пахло, как в припортовом баре. Однако люди выполняли свои обязанности. Ливийская военная доктрина заключалась в том, что лучше иметь одну большую ракету, чем несколько маленьких. И когда эта гигантская ракета разорвала поверхность воды, она сразу была засечена десятком радаров. Испуганные жители видели яркую вспышку и огненный хвост, направляющийся на запад. Кубинский крейсер попытался перехватить ракету с помощью залпа крылатых ракет, но безуспешно. Это была ракета, которую легко опознать, но трудно уничтожить. Она пересекла пространство над побережьем Флориды. Десятки раз ее могли бы сбить специальные ракеты, предназначенные именно для обороны от подобных ракет, но они были давно уничтожены. Ни одна такая установка уже не функционировала.

Миннингер смотрел на последнюю фотографию Мегги. Его дочь выглядела усталой, стоя над трупом кринпита, но счастливой. Это был хороший снимок высокого качества, и Год Миннингер держал его в бумажнике. Вейненштат внимательно разглядела фото, прежде чем передать ему.

— Она делает вам честь, Годфри,— проговорила Роза.

Он вложил в бумажник снимок.

— Да. Надеюсь, что у нее все хорошо. Вы не можете себе представить, какой была ее мать! Когда я сказал ей, что Мегги нужна одежда, она потребовала, чтобы я заказал тысячу метров тканей.

— Надеюсь, что она не в мать.

«Я действительно надеюсь»,— подумал он про себя. Роза внимательно посмотрела на него.

— Вы не беспокоитесь о ней, не так ли? Потому что нет оснований... Одну минуту...— Вейненштат включила наушники, и лицо ее стало серьезным.

— В чем дело?

Она выключила радио.

— Генри Монкас. Он погиб в своем убежище. Теперь они пытаются определить, кто будет следующим президентом.

— Дерьмо! — Годфри Миннингер смотрел на остатки своего завтрака, но не видел ничего.— О, это плохо, Роза. И хуже всего, что у нас нет выбора.

Она хотела что-то сказать, но передумала. Он заметил ее колебания.

— Что ты хотела сказать, Роза?

Лейтенант пожала плечами.

— Неужели нет выбора?

Миннингер ухватился за ее слова:

— Говори, Роза.

— Может... может быть, поехать в Канаду?

Ливийская ракета пролетела над Алабамой, над Ашвилем, над Джонсон-Сити. Она летела, повторяя профиль земной поверхности, зафиксированный в ее памяти. И один за другим отключались затворы безопасности взрывного устройства по мере того, как его параноидальный мозг начинал опознавать близость объекта, для уничтожения которого он был предназначен.

— Это плохо, Роза,— сказал Миннингер, усаживаясь за стол.— Может быть, следовало отдать Мегги матери, чтобы она растила дочь. Сейчас у Мегги наверняка был бы муж и двое детей... Возможно, и мир был бы совсем другим.— Годфри подумал, услышит ли он когда-нибудь голос дочери.

— Роза,— произнес он,— свяжись с Хьюстоном. Спроси, есть ли связь с Джемом. И с другими колониями тоже.

— Прямо сейчас, Годфри? Хорошо, дайте десять минут.

— Прекрасно. Десять минут,— разрешил он.

Но Миннингер не дождался. Прежде чем прошли десять минут, он был уже мертв.

Вдали показалась лодка. В пещере позади Анны Димитровой встала капрал Кристианидис,— нет, лейтенант Кристианидис, поправила себя Анна,— и навела на лодку полевой бинокль.

— Кринпиты,— сказала она.— Сукины дети. Наведи на них карабин, Нан, но не стреляй до приказа.

Бессмысленно! Она и так не выстрелит. По крайней мере, до тех пор, пока не убедится, что в лодке одни кринпиты и нет Ахмеда Дуллы. Впрочем, она не была уверена, что выстрелит даже в том случае. Она не могла стрелять в живое существо и говорила об этом, но никто не хотел слушать. Хорошо, что у ее карабина оптический прицел, и она могла пользоваться им как биноклем.

Лодка исчезла за поворотом, но Нан уже убедилась, что людей в ней нет. Лодка была большая. Она была уже близко. Был виден один кринпит, который отчаянно боролся с парусом, чтобы направить лодку к лагерю. Лодку уже видели все, и десяток карабинов был нацелен на нее. Через громко-

говорители донесся голос Три, который приказал не стрелять без команды. Возле воды стояла Мегги Миннингер, не обращая внимания на дождь, вода струями стекала с нее.

Анна протерла прицел и снова посмотрела. Этот кринпит казался ей незнакомым. Какое разочарование. Да, глупо надеяться, что Ахмед снова появится в ее жизни. И даже если появится, то как она должна относиться к нему, если он пришел, взял ее и снова исчез, оставив одну. Конечно, он человек другого мира. Но на кого сейчас можно положиться? Мир, из которого она прилетела, уничтожил себя сам, а мир, куда она попала, кажется, хочет сделать то же самое. Чем кончилось секретное совещание Мегги Миннингер с офицерами, она не знала. И не хотела знать. Но оно могло означать смерть для всех.

Кринпит был уже у берега. Он приподнялся и, перевалившись через край лодки, выполз на берег. Он оказался очень большим. Полковник Миннингер и десяток солдат окружили его.

«Вероятно, они убьют кринпита,— подумала Анна.— Ну и пусть».

Внезапно внимание Анны привлек бежавший к ней солдат

— Димитрова! — крикнул солдат.— Он говорит! Полковник хочет, чтобы ты перевела.

И вот уже Анна вслушивается в странные звуки, издаваемые большим кринпитом.

— Он говорит, что Народная Республика обессилела, и он хочет помочь нам в борьбе с Блоком Горючего.

— Идиот! Что он может сделать своими маленькими конечностями?

Головная боль стиснула мозг Анны, словно тяжелые мешки обрушились на ее череп. Ее начало подташнивать.

Шарн-игон был в очень плохом состоянии. Звуки, которые он издавал, были похожи на передачу испорченного радио. Панцирь его был болезненно-желтого цвета. Из сочленений сочилась густая грязно-красная жидкость.

— Он линяет,— объяснила Анна полковнику.— И очень страдает. Видимо, это вызвано химическими веществами, которыми травят их люди Блока Горючего.

— Ты сама выглядишь неважно, Димитрова.

— Нет, я могу продолжать, полковник.— И все же Анна встала подальше от кринпита. Жидкость, которая сочилась из него, окрасила песок вокруг. От существа исходил тошнотворный запах гниющего сала. То, что она отошла от него, не помогло. Головная боль не проходила. Более того, усиливалась с каждым мгновением.

Мегги Миннингер пробежала рукой по волосам, откинула их назад. Сейчас она была похожа на маленькую девочку.

— Как ты думаешь, Гай? Может, теперь действительно у нас будет свой кровожадный тигр-людоед?

— Отказываться не стоит, Мегги. Но он вряд ли сможет повредить гризи.

— Что он говорит, Димитрова? Может ли он напасть со своими друзьями на лагерь гризи, если мы попросим?

— Трудно понять, что он говорит, полковник. Он говорит на урду, но очень мало и плохо. Кроме того, сознание затуманено. У него мания убийства, и ему все равно — кого. Он говорит, что хочет убить меня.

Миннингер оценивающе посмотрела на кринпита.

— Думаю, что в таком состоянии он вряд ли способен убивать.

— Разве бывает такое состояние, когда можно убивать? — спросила Анна.— Я даже не могу подумать о том, что мне придется убивать. Это сумасшествие — убивать, когда и так мало осталось в живых.

Мегги подняла руку, чтобы остановить яростную реплику Гая Три.

— Об этом мы поговорим потом. Ты плохо выглядишь, Димитрова. Иди выспись.

— Благодарю, полковник,— произнесла Анна. Она буквально ненавидела Мегги, причем ненависть эта усиливалась оттого, что она видела участие в глазах полковника. Как осмеливается эта кровожадная ведьма чувствовать жалость?

Анна пошла в палатку. Началась гроза, и молнии сверкали над водой. Она почти не чувствовала дождя. Каждый шаг отзывался мучительной болью в голове. Она знала, что помимо головной боли в ней зреет новая, более страшная боль, готовая вылиться наружу. И она хотела быть самой собой, когда это случится. Она вошла в палатку молча, не сказав ни слова женщине, которая жила вместе с нею. И почти сразу заплакала. Анна плакала беззвучно. Только ее дыхание заставило чернокожую девушку, лежавшую на кровати, приподняться и посмотреть на нее. Анна молчала, и девушка улеглась снова. Анна спать не могла. Она не уснула ни через час, ни позже. Она плакала молча, будучи не в силах сдерживать боль. Исчезли надежды Она не поняла того, что кринпит сказал ей сразу же, но теперь поверила ему. Теперь у нее не было причин оставаться на этой планете. Ахмед Дулла мертв...

Она проснулась от громких разухабистых звуков веселой танцевальной музыки. Принятый ею план очистил ее разум, а сон освежил ее. Приняв душ, Анна окончательно пришла в себя, причесалась и оделась. Музыка напомнила о том, что сегодня еженедельные субботние танцы — очередная эксцентрическая выходка Мегги Миннингер. Какая она странная! Танцы и смерть.

На последнем корабле с Земли прибыли не только продукты и научные инструменты, но и разные ткани. Анна сшила себе блузку и юбку. Нельзя сказать, что это был праздничный наряд, однако и не рабочая одежда. Она давно не тан-

цевала, но ей не хотелось сейчас быть в кругу тех, кто наслаждался.

Она прошла мимо генератора, возле которого находился кринпит. Его охранял солдат с карабином. Дождь прекратился, и угрюмый Кунг светился на небе. Анна взяла в буфете немного сыра и два бисквита, а затем снова вышла на улицу. Идти было некуда. Сейчас никто не ходил в лес. Они жили, ели, спали, работали в пространстве, которое можно было обойти за десять минут. Но сейчас почти все были на танцах, и только охранники находились на своих местах. Она прошла на пляж и присела, опершись о пулемет.

Ахмед мертв... Ей было неприятно думать о том, что Ахмед с самого начала относился к ней не так серьезно, как она к нему. И тем не менее, это было именно так, и не стоило себя обманывать. Анна научилась как бы рассекать свою боль на части. То, что она никогда больше не увидит его, не коснется его сильного тела, не будет лежать рядом, пока он спит,— все это реальность, и этого уже не изменить. Как не изменить того, что она никогда не выйдет за него замуж, не будет иметь от него детей и не состарится рядом с ним. То, что стало ее мечтой, ее фантазией, никогда уже не могло осуществиться.

Анна снова поплакала немного, затем вздохнула и вытерла слезы. То, что потеряно, сказала она себе, потеряно уже давно. С того момента, как он прилетел на Джем, Ахмед стал совсем другим человеком. Он умер. И теперь все кончилось. Она вынуждена жить для себя, и ее жизнь будет протекать только здесь, в лагере, ибо другого места просто не существует. Придется пойти на танцы, подумала она и усмехнулась. Но она просто так не могла пойти туда. И не потому, что не хотела танцевать. Причина лежала где-то глубже. Анна прекрасно понимала, какие мысли владели Мегги Миннингер, Нгуен Три и другими ястребами, в руках которых находится судьба лагеря. Сколько безумия в их головах! Они решили вести войну даже здесь, после того, как люди Земли уничтожили сами себя. И тем не менее, они танцуют, смеются, веселятся. Какой хирург разделил их мозги так, что днем они планируют смерть, а вечером пьют, флиртуют и ночью занимаются сексом? Как Ахмед презирал их!

Но Ахмед мертв. Она глубоко вздохнула и решила больше не плакать. Она встала и размяла затекшие ноги. Кринпит медленно полз к воде, чтобы попить после неаппетитной пищи. Солдат сопровождал его. Анна не хотела приближаться к кринпиту, но ей нужно было сполоснуть тарелку, чтобы отнести ее на кухню. Внезапно она услышала свое имя. Его назвал русский пилот Капелюшников. Он сидел, скрестив ноги, у оружейного склада и беседовал с Дэнни Дейлхаузом. Анна подошла к ним и поздоровалась.

— Аннушка, Дэнни Дейлхауз рассказал мне о смерти Ахмеда Дуллы. Я глубоко сочувствую.

Первый раз с ней говорили об этом. Оказалось, что она может ответить.

— Благодарю,— сказала она,— но неужели ты стал монахом и не танцуешь сегодня вечером?

— Там нет никого, с кем я хотел бы танцевать. А кроме того, у нас с Дэнни интересный разговор о рабстве.

— И к чему же вы пришли? — спросила она.— К тому, что мы все рабы прекрасной блондинки-полковника?

Дейлхауз, отвечая на вопрос, мягко сказал:

— Я знаю, в каком ты настроении, Анна. Я тоже сочувствую тебе.

— Настроении? — переспросила она, глядя на него в упор.— Да, возможно, я подавлена. Думаю что мой дом уничтожен. Да и твой тоже. Ты отважнее, чем я. Я трусиха, поэтому меня очень тревожит, что здесь может случиться то же, что на Земле. Я подавлена тем, что мой друг погиб. Я подавлена тем, что полковник хочет смерти еще многим людям. Ты можешь представить, что она планирует сделать подкоп под лагерь гризи и взорвать там ядерное оружие. Все это не может привести меня в хорошее настроение.

«Зачем я это говорю?» — спросила себя Анна. Но она знала, что если они будут выражать ей сочувствие, то она заплачет. А она не хотела плакать перед ними. Дейлхауз нахмурился.

— У нас нет ядерного оружия,— промолвил он.

— Идиот,— отрезала Анна.— У твоей любовницы есть все, что она хочет иметь. Я не удивлюсь, если у нее есть танковая дивизия или соединение подводных лодок. Она украшена оружием, как дешевыми драгоценностями. Запах оружия постоянно витает вокруг нее.

— Нет,— сказал он.— Ты ошибаешься, ядерной бомбы нет. Она не могла бы скрыть этого. И она не моя любовница.

— Мне на это наплевать. Она может предаваться сексуальным развлечениям с кем угодно. И ты тоже.

Капелюшников кашлянул.

— Мне кажется, что внезапно меня потянуло на танцы.

Он встал, и Анна взяла его за руку.

— Я прогоняю тебя, извини.

— Нет, нет, Аннушка. Времена трудные для всех, так что нечего извиняться.

Он похлопал ее по руке, затем улыбнулся и поцеловал ее.

— Что касается меня,— проговорил пилот,— то я вижу, что прекрасная блондинка бродит одна и, возможно, захочет потанцевать с каким-нибудь новым кавалером вроде меня. А ты не хочешь танцевать? Или пообщаться другим способом? Нет? Тогда оставайся с моим другом Дэнни.

Они видели, как русский небрежно приблизился к Мегги, услышали ее смех, когда он заговорил с ней. Затем он пожал плечами и пошел к танцплощадке.

Кринпит в своем беспорядочном передвижении по пляжу

подобрался к ним. Это ощущалось по сильному запаху и тяжелому прерывистому дыханию. Анна прислушалась.

— Он бормочет о своей любви. Кто-то убил ее, но я не могу понять, кто и как. Думаю, что Ахмед имел к этому отношение, и поэтому кринпит решил мстить людям. Но он стал союзником Ахмеда. Дэнни, разве это не безумие? Ведь убийство — это уже конец всему. И это не зависит от того, кто убивает, почему убивает. Только убийство имеет значение.

Дейлхауз встал, глядя на танцующих.

— Она идет сюда,— сказал он.— Слушай, пока она не подошла. Насчет того, что она моя любовница...

— Пожалуйста, Дэнни, не обращай внимания на мои слова. Я действительно в плохом настроении. Так что не думай об этом...

Он был явно не удовлетворен и хотел бы продолжить разговор, но Мегги подошла слишком близко. Она остановилась, чтобы прикурить, осмотрела кринпита и его охранника, сейчас являющего пример настоящего солдата — подтянутого, в полной боевой готовности. Затем она улыбнулась Нан и Дэнни.

— Болтаете? — дружелюбно спросила Мегги.— Когда ты последний раз надевал наушники, Дэнни?

Дэнни спохватился и натянул наушники. Они были подключены к подземному датчику, предупреждающему о появлении подземников. Но внизу было тихо.

— Извини, Мегги.

Она покачала головой.

— Когда ты на посту, я для тебя полковник. А теперь, когда все стало ясно, я предлагаю немного покурить, прежде чем начнем говорить о деле.

— Я не употребляю наркотиков,— отказалась Анна.

— Жаль.— Мегги проследила, как Дэнни глубоко затягивается одурманивающим дымом, затем продолжила: — Я хочу немного использовать твоего друга Чарли. Мы хотим нанести удар по лагерю гризи, и Чарли будет оружием.

Дейлхауз от неожиданности закашлялся.

— Он... он не может...

— Спокойно, Дэнни. Переведи дыхание и слушай. Буря кончилась. Я возьму с собой пятнадцать человек, в том числе и тебя, Дэнни. Мы захватим лагерь без труда. Только я не хочу брать самолет, чтобы они не увидели нас. Так что основную задачу выполнит Чарли.

— Чарли не умеет воевать.

— Разумеется. Я не думаю, что твой друг, как и ты, хладнокровный убийца. Но я не заставляю тебя убивать. Ты будешь поддерживать связь. Чарли будет наблюдать. Гризи не обратят внимание на одинокий газовый мешок.

— Как не обратят? Они стреляют в каждого шариста...

— Дэнни, мне не нужны твои советы. Я приказываю тебе.— Мегги выбросила окурок и затоптала его ногой.— Видишь ли, гризи обязательно придут к тому же выводу, что и я. Только

я пришла первой. Все это как-то нужно решать. Единственный путь — уничтожить противника. Единственное, что должен делать Чарли, это висеть в воздухе с радио и сообщать нам, не выслали ли гризи самолет и не выступили ли они против нас. Я поведу отряд, но мы будем слепы без прикрытия в воздухе. Мы должны знать, когда нам следует прятаться. Ведь для него это простая задача, не так ли?

— Да, конечно. Но, Мегги! Ведь он почти единственный оставшийся в живых. Полезно спросить...

— Опять ты делаешь ту же ошибку, Дэнни. Я не спрашиваю, а приказываю. Если он не сделает этого, то я превращу его в небольшой факел.— Она дружелюбно посмотрела на Дэнни.— Так что после танцев я сообщу об этом людям, а завтра мы уже будем в пути.

— С атомной бомбой для Блока Горючего? — резко спросила Анна.

Лицо Мегги Миннингер застыло. Через мгновение она ответила:

— Пожалуй, я пропущу это мимо ушей, Димитрова, я не приказываю тебе молчать, но смотри чтобы ты этого больше не говорила. Все, что ты слышишь, когда переводишь, засекречено.

— О, Боже! — воскликнул Дэнни.— У тебя есть ядерная бомба?

— Заткнись, Дэнни. Ты здесь, чтобы слушать, не приближаются ли подземники.

— Мегги... вернее, полковник. Если ты имеешь в виду запасы плутония для станции, то их недостаточно для создания бомбы.

— Ошибаешься, Дэнни. Достаточно 1800 граммов. А у меня чуть более 6000. В ящиках с надписью «Горючее». Все это планировалось давно, и из этого можно легко создать небольшую атомную бомбу. О, конечно, это не стомегатонная бомба, даже и не килотонная, но мне и не нужна большая. Я не хочу уничтожать лагерь гризи. Я хочу завладеть им. Я хочу забрать припасы пищи, оружия. И я знаю место, куда заложить бомбу. А потом пусть они идут к нам на поклон.

Мегги выглядела такой деловитой и такой невинной, что Дейлхауз даже не поверил, что она вынашивает такие планы.

— Это же... неспровоцированная агрессия!

— Ты не прав, Дэнни. Это превентивная мера. У гризи нет выбора. Просто они не поняли этого.

— Черт! Так же было и с Перл-Харбором!

Она широко раскрыла глаза.

— Ну и что? Если бы японцы развили успех Перл-Харбора, произвели высадку, то история пошла бы совсем по другому пути.

Казалось, Мегги чрезвычайно довольна собой. Внезапно она остановилась, выбрала местечко посуше и села на землю.

— Вам, моим старым друзьям по Болгарии, я должна

признаться, что я устала, что я испугана. Ведь дела у нас идут совсем не так, как мы мечтали. Я... что с ним?

К ним приблизился кринпит, скрипя и пощелкивая. Анна прислушалась.

— Трудно понять. Он говорит о Ядовитых Привидениях, о Верхних Привидениях. То есть о нас и о шаристах. Видимо, он начал путать.

— Я думаю, что для каждого из нас все враги одинаковы. Скажи, чтобы он убрался. Мне не нравится его запах.

— Хорошо, полковник Миннингер.

Но прежде, чем Анна успела составить фразу, Мегги остановила ее.

— Подожди. Что это?

На фоне музыки послышался голос по трансляционной сети.

— Не понимаю,— ответил Дэнни, но я слышу что-то. В лесу... нет... в воздухе.

Внезапно музыка смолкла, и послышался испуганный голос:

— Полковник Миннингер! Весь персонал! Приближается самолет!

Теперь уже было ясно слышно: летят вертолет и самолет. Танцующие смешались.

Над деревьями появились два силуэта. Они летели медленно: вертолет и самолет, которого они еще не видели. Наверняка они явились не с миром. Солдаты, сидящие в вертолете, открыли огонь ракетами, а самолет поливал лагерь пулеметным огнем. Пулеметы были установлены на крыльях. Самолет заходил над лагерем, открывая огонь, затем разворачивался и делал новый заход. При одном из заходов самолет выпустил четыре ракеты и палатки вспыхнули, как порох. Охранники, отреагировавшие быстрее, чем танцоры, открыли ответный огонь. Мегги вскочила и бросилась к ближайшей ракетной установке. Самолет устремился к ней, открыв огонь из всех пулеметов и из огнемета. Мегги, увидев, что пули ложатся возле нее, упала рядом с кринпитом. Чудовище из последних сил поднялось во весь рост и всеми двумя центнерами рухнуло на Мегги Миннингер.

Шарн-игон знал, что это его последняя линька, мучительная, болезненная. Он знал, что никогда не сможет насладиться новым прочным панцирем, не сможет ощутить приятное чувство близости с самкой. Он пытался предупредить своих новых союзников о приближении Ядовитых Привидений. Но они были глухи к сверкающим звукам с неба, глухи к его предупреждению. Он давно задумал помочь им уничтожить друг друга как можно скорее, а оставшихся он хотел уничтожить сам. Но, вероятно, он уже сделал все, что мог. Дикая боль туманила его мозг. Ослепительные звуки летящих машин и взрывы бомб довели его до безумия. Шарн-игон стал настолько немощным, что мог убить только одно Ядовитое Привидение. Может

быть, этого будет достаточно. Он поднялся на ослабевшие конечности и рухнул на слабое мягкое тело, как раз когда его лизнул обжигающий язык огненной лавы.

К этому времени весь лагерь, вернее то, что от него осталось, стрелял по целям. Но те уже находились вне досягаемости — над водой в километре от лагеря. Самолет и вертолет сделали пару кругов и полетели прочь, не возобновляя нападения. Следующий удар будет нанесен с другого направления.

Из одного укрепления вдруг раздался крик, и два солдата исчезли в обрушившейся земле. Подземники смогли убить только десять человек. Даже в защитных очках они не могли противостоять обученным солдатам в бою на поверхности земли. Если бы самолет еще атаковал, но он улетел. Поэтому вскоре пятьдесят подземников валялись на земле, орошая ее черной водянистой кровью. Никто больше не вылез из-под земли. Тоннель был надежно заделан.

Дэнни Дейлхауз стоял, молча глядя на море, а медсестра перебинтовывала ему рану на плече. Воздушные пираты исчезли. Море тихо плескалось перед ним.

— Почему они нас не прикончили? — спросил он.

Ответа не последовало.

Битва кончилась, и лагерь пытался вернуться к обычной жизни, когда они нашли Мегги Миллингер — еще живую. Она лежала под мертвым зловонным кринпитом более двух часов, оглушенная, полузадушенная, неспособная сбросить с себя эту массу. Сначала она хотела по-королевски наградить своего избавителя, но сейчас люди, подошедшие к ней, слышали только сдавленные угрозы и требование освободить ее. Мегги вытащили и отвели подальше, отворачивая носы, так как от нее исходил ужасный запах. Ее непрерывно рвало, и в промежутке между приступами она отчаянно ругалась. Подбежал доктор, но она не нуждалась в ее услугах. Она мечтала только о том, чтобы избавиться от тошнотворного запаха кринпита. Она позволила Чиги раздеть ее и отвести к воде. Через полчаса Мегги уже могла передвигаться сама, правда, очень неуверенно. Она подошла к зловонной каше, бывшей когда-то кринпитом. Отойдя, она отдала приказ убрать его.

Почему они остановились? Лагерь был в их руках. С какой точностью они уничтожили тяжелое оружие с первого захода! Теперь у них не осталось ни одной ракетной установки, ни одного пулемета. Только пистолеты и винтовки. Из ста восьмидесяти человек двадцать два были убиты и пятьдесят ранены.

Воздушные пираты улетели без повреждений. Подземников уничтожили, но если бы самолет и вертолет продолжали атаку, подземники запросто прикончили бы всех. Почему? Время было согласовано точно. Как только аэроплан кончил стрелять, вышли подземники. Это не могло быть совпадением. Было ясно,

что гризи подготовили их для нападения, а затем бросили их на произвол судьбы. Но почему?

Спасибо папе за его последний подарок! Тонна оружия и патронов уничтожена, но на прибывшем корабле осталось еще не меньше тонны. Там есть и палатки, и пища. Самолет Каппи прошит пулями, но есть запасные части для ремонта. И самое главное: шесть килограммов плутония остались неповрежденными. Убитых, конечно, не заменить. Хуже всего, что появились искалеченные. Теперь они будут обузой. Нгуен Три потерял ногу и много крови. Шестеро получили сильные ожоги. Двое серьезно ранены. Легкораненных тоже очень много. Теперь нужно выделять людей для ухода за ними. Для того, чтобы вместить всех пострадавших, не было даже большой палатки, поэтому их положили на тюфяки прямо на улице. Только бы не пошел дождь. Пока что для них сделано все,— думала Мегги, обходя раненых.

Один человек при приближении Мегги привстал. Это была лейтенант Кристианидис. Видимо, она получила сильные ожоги.

— Полковник,— проговорила она,— я покинула свой пост у радио...

Мегги посмотрела на доктора, та покачала головой.

— Ложись, Крис. Расскажешь после.

— Нет, я в порядке. Когда они прострелили палатку, я выбежала, но оставила работать микрофон. Я записала весь разговор. Только говорили они на разных языках.

— Спасибо. Теперь ложись,— приказала Мегги и крикнула: — Дэнни! Проверь радиорубку. Если магнитофон работает, позови меня.

Он плохо выглядит, думала она, наблюдая, как Дэнни положил на землю узел с одеждой и, не говоря ни слова, направился в радиорубку. Впрочем, все мы выглядим не лучше. Особенно я. Палатка Мегги была уничтожена, и сейчас на ней была одежда одной из погибших женщин, не подходившая ей по размеру — покойница была выше и толще.

Когда Дейлхауз позвал ее, она уже забыла, зачем посылала его. Но она пошла к радиорубке. Палатка была цела, в ней светились только пулевые отверстия. В палатке уже сидела Димитрова. Дейлхауз запустил пленку, а Анна, надев наушники, приготовилась переводить.

— Сначала один из пилотов сказал: «Цель!» — и база подтвердила. Затем несколько раз включались передатчики пилотов, как будто они хотели говорить, затем заговорила база: «Задержать операцию. Не атаковать!» И тут один из пилотов — по акценту египтянин — сказал: «Удар нанесен. Мы заставили замолчать их ракетные установки. Примерно двадцать пять человек убито». Затем какое-то бормотание, которого я не могу понять, и снова база: «Приказываю немедленно прекратить операцию». Потом слова другого пилота, ирландца: «Мы барражируем над водой, наблюдаем, ждем дальнейших инструкций». С базы последовала инструкция возвращаться,

не возобновляя нападения. После этого на ленте ничего нет, кроме инструкций по посадке.

Это все? — спросила Мегги.

Да, полковник, больше ничего.

Но почему же они переменили решение в ходе операции? — спросила Мегги.

Ни Дэнни, ни Димитрова не дали ответа. Но она не ждала его. Дело не в том. Гризи объявили войну, и если они решили закончить ее посредине, это их проблема, а не ее. Она не передумает. Для Миннингер атака на ее базу решила все. Так что теперь не было вопроса — зачем. Оставался один вопрос — как? Как навязать им сражение и выиграть его?

— Ты можешь копать в таком состоянии? — спросила она Дэнни.

— Думаю, да, хотя рана кровоточит. Смогу

— Тогда помоги Капелюшникову копать могилы. Димитрова, теперь ты будешь радиооператором. Никаких передач. Только слушай. Если гризи будут переговариваться, я хочу знать о чем.

Мегги оставила их и направилась в одну из уцелевших палаток. Она хотела побыть одна, чтобы подумать. Мегги закрыла за собой дверь, села и закурила сигарету, глядя в пространство. У нее не было сомнений, что она выиграет войну, потому что у нее осталась козырная карта. И не один плутоний. Вторая карта — самолет майора Вандемира. Ведь на орбите еще четыре спутника. Один ударит по основной базе гризи, второй — по базе на Фарсайде. Она может сделать это в любой момент. Основная трудность заключалась в том, что Мегги не хотела уничтожать технику гризи. Она хотела сохранить ее. Так что спутники и бомбы применять было бы весьма нежелательно. Нет. Это должна быть наземная операция. Может быть с плутонием, если правильно заложить его в нужное место. Конечно, жаль, что гризи опередели ее и уничтожили ракетные установки. Но это не катастрофа. Жаль также, что теперь уменьшилось количество боевых солдат.

Мегги Миннингер только что приняла решение, определяющее будущее человеческой расы на Джеме, хотя и сама не знала об этом.

— Единственное, что утешает,— сказал Дейлхауз Капелюшникову,— так это то, что уничтоженные объекты в основном военные. По крайней мере, теперь мы можем заняться тем, для чего прилетели сюда,— научной работой.

Капи хмыкнул и выбросил из ямы несколько лопат земли.

— Да, конечно.— Он вытер пот с лица.— Только один вопрос: какова настоящая цель экспедиции?

— Выжить! И сохранить все! Бог знает, что произошло на Земле. Может быть, мы единственные оставшиеся в живых люди, и все плоды нашей пятитысячелетней цивилизации здесь: и достижения науки, и вершины искусства.

— Слишком большая ответственность для гробокопате-

лей,— заметил Капелюшников.— Конечно, ты прав, Дэнни. У нас в Советском Союзе говорили — любое путешествие начинается с первого шага. Какой шаг сделаем мы?

— Ну...

— Нет, подожди. Вопрос чисто риторический. Первый шаг очевиден. Когда закончим копать могилы для наших ушедших друзей, ты, Дэнни, пойдешь к полковнику и доложишь, что можно начинать погребальную службу.

Каппи воткнул лопату в грязь и сел. Он выглядел крайне растерянным. Дэнни, впервые видевший его таким, сказал:

— Ол райт. Мы слишком устали. Нужно отдохнуть.

Пилот покачал головой, затем улыбнулся.

— Я не только устал, Дэнни. Я ведь русский. А это очень тяжелая ноша. У нас, в СССР, есть другая пословица: сотня лет больше, сотня лет меньше — какая разница? Но я скажу тебе правду, Дэнни: все пословицы — чушь. Я знаю, что мы делаем — я, ты, все мы. Мы делаем, что можем. Не так много, как хотелось бы, но все, что можем.

Дейлхауз положил лопату и направился к штабу, размышляя. Тяжелая ответственность! Слишком многое невосполнимо — и это уже потеряно. Слишком мало шансов на то, что уцелели Триумфальная арка, Британский музей, Парфенон, не говоря уже о миллиардах человеческих жизней. Дэнни с трудом сознавал, что никогда уже не услышит симфонии, не увидит балет, не поужинает в роскошном ресторане на крыше небоскреба. Столько утеряно навсегда! И сколько еще будет утеряно... Однако не потеряно главное: надежда. И они могут выжить. И построить все снова. И даже лучше, имея опыт прошлых ошибок на родной планете...

Возле штаба толпились люди, и туда подошла Мегги с парой своих помощников. Дэнни ускорил шаг и прибыл как раз вовремя. Анна доложила:

— Только что пришло сообщение, полковник. Я воспроизведу ленту для вас.

— Давай,— сказала Мегги. Она задыхалась от быстрого шага и была близка к обмороку. Но собралась с силами и приготовилась слушать.

Дэнни узнал голос. Это был чернокожий вице-маршал авиации Понтекрафт. Он говорил недолго.

— Это официальное послание лагеря Блока Горючего лагерю Блока Продовольствия. Мы предлагаем немедленное перемирие. Мы предлагаем, чтобы мы и вы не приближались к чужим лагерям ближе, чем на двадцать километров. Ждем ответа в течение часа.

После паузы заговорил другой голос, с явным ямайским акцентом:

— Как вы поняли, наше нападение на вас было спровоцировано нападением на наши спутники. Приказ был отдан после тщательного изучения возможных альтернатив гибели спутников. Мы хотели уничтожить вашу базу полностью, но

ограничились минимальными потерями с вашей стороны. Поэтому мы предлагаем перемирие. Помните, наша звезда Кунг нестабильна. Она близка к тому, чтобы вспыхнуть. Мы уверены в этом, так как уровень радиации постоянно колеблется. Во время нападения мы получили данные от наших астрофизиков, что вспышка произойдет в ближайшее время. Точного времени мы не знаем. Видимо, в пределах от сорока восьми часов с этого момента до двух недель. Если вы принимаете перемирие, мы передадим вам все данные, и ваши специалисты смогут оценить правильность наших выводов.

Голос немного дрогнул, затем тон сообщения стал менее официальным:

— Мы не знаем положения дел на Земле. Думаем, что и вы тоже не знаете. Но очевидно, что мы, живущие на Джеме, единственные представители человеческой расы во Вселенной. Мы считаем, что все ресурсы сейчас нужно направить на то, чтобы подготовиться к вспышке. Если мы будем продолжать войну, то можно с уверенностью сказать — мы все погибнем. Я не предлагаю работать вместе. Я предлагаю кончить войну. По крайней мере, до окончания кризиса. Пожалуйста, ответьте нам в течение часа. Боже, помоги нам всем.

Мегги закрыла глаза. Все молча смотрели на нее. Она открыла глаза, собралась с духом и сказала:

— Ответь им, Димитрова. Передай, что мы принимаем предложение, запроси технические данные и скажи, что мы свяжемся с ними снова, как только нам будет что сказать. Люди, война окончена.

Через десять минут весь лагерь знал об этом. Мегги выступила по трансляционной сети, прокрутила ленту с предложениями гризи и рассказала о приближающейся катастрофе. Затем она приказала Алексису Харкурту изучить данные, полученные от гризи, и сообщить ей результаты. Повернувшись к Дэнни, она сказала:

— У меня нет теперь кровати, но мне нужно поспать хотя бы час.

— Ложись в моей палатке.

— Я ждала, что ты это предложишь.— Мегги посмотрела на тускло-багровое небо, где в облаках прятался Кунг, и покачала головой.— Ужасный день. И он еще не кончился. Знаешь, что я хочу сделать на митинге?

— Понятия не имею.

— Разумеется. Тебе никогда не догадаться. Я хочу заявить о полной отставке полковника Мегги Миннингер от активной деятельности.

— Что?

— Закрой рот, Дэнни, и не стой столбом. Мы создадим гражданское правительство. Оно начнет действовать, когда худшее останется позади. А может, и раньше, мне все равно. Может быть, ты и все те, кто выступал против армии, правы. Теперь очевидно, что мои действия привели к тому, чего я

хотела. Я полагаю, что нужно провести выборы в правительство и ты должен стать его главой.

— Зачем? Почему я? Мегги, ты хочешь, чтобы я все расхлебывал?

— Почему ты? Потому что ты практически единственный, кто остался из первых поселенцев. Ты и Каппи. Потому что тебя все любят. Потому что ты единственный в лагере, кто может управлять, и к тому же ты не солдат. Я не давлю на тебя. Решай сам. Но я буду голосовать за тебя. Хотя...— добавила она,— вряд ли наше решение изменит что-либо.

Они были уже у палатки, и Мегги задержалась у входа, глядя на небо.

— Черт,— сказала она,— опять начинается дождь.

— Раненые! — воскликнул он.

— Да. Надо построить навес. Жаль, Дэнни, я надеялась, что перед митингом мы с тобой немного развлечемся в постели.

Дэнни не мог удержаться от улыбки.

— Мегги, ты очень странный человек. Иди ложись.— Когда она вошла в палатку, Дэнни обнял ее.— Я никогда не мог предположить такого поворота. Что заставило тебя поверить в гражданское правительство?

— Что заставило? Может, этот чертов кринпит. Если бы он не рухнул на меня, вы сейчас хоронили бы меня вместе с другими. Он отдал свою глупую жизнь, чтобы спасти меня. Хотя я и не доверяла ему.

Их осталось так мало, что для митинга не потребовалось включать трансляцию. Те раненые, которые могли сидеть, слушали сидя, а остальные расположились на мокром помосте танцплощадки. Мегги Миннингер говорила, стоя на небольшом возвышении. Она рассказала о выводах Харкурта.

— Данные, полученные от гризи, относятся большей частью к геологии, а не к астрономии. Они выкопали множество шурфов. Из данных очевидно, что вспышка происходит регулярно раз в двадцать-тридцать лет. Судя по количеству пепла и угля, происходит увеличение уровня излучения на семьдесят процентов при длительности вспышки в неделю, а может и дольше. Этого достаточно, чтобы убить нас. Как теплом, так и ионизирующим излучением. Когда это случится? Они предполагают, что минимум через десять дней. Я могу только подтвердить это.

Из толпы послышался шепот.

— Из полученных данных видно, что температура поверхности постепенно повышается уже две недели, поэтому и погода испортилась. Во время вспышки температура поверхности будет между 35 градусами и точкой кипения воды. Я не думаю, что она будет выше, хотя трудно предположить, что будет в момент вспышки. Во всяком случае, то, что может гореть,— сгорит. Например, леса. Но не сразу, сначала они высохнут. После этого температура упадет, начнутся сильные

дожди, которые зальют пожары. Период дождей продлится несколько недель. А затем все придет в норму.

— Но не останется ничего живого,— добавил кто-то.

Харкурт развел руками.

— Может быть. Но если будут убежища, то можно выжить.— Он хотел продолжить, но Мегги остановила его.

— Ты говоришь без большой уверенности.

— Да.

Дейлхауз встал.

— Алекс, почему же на Джеме есть жизнь, если эти вспышки происходят регулярно?

— Я могу только высказать предположение. Сначала • растительности. Она выгорает, но затем из корней прорастает новая. Семена, вероятно, выживают тоже. А обильные дожди после вспышки дают хороший старт растительности. Первобытные люди на Земле тоже выжигали леса для удобрения почвы. Я не знаю животного мира. Подземники, возможно, не почувствуют особых неудобств, если, конечно, у них есть запасы еды. Большинство из них выживает. Может быть, и кринпиты. Они хорошо защищены от внешней среды. Им не нужно беспокоиться, что вспышка ослепит их,— у них ведь нет глаз. Панцирь надежно защищает их внутренние органы.

— А как насчет Чарли?

— Не знаю. Тут сложнее. Думаю, что вспышка уничтожит всех взрослых, но их разбросанная сперма сможет дать потомство. Разумеется, возникнут сильные мутации. Эволюция на этой планете происходит очень быстро.

— Но если все существа могут выжить, то почему не можем мы? — спросила Мегги.

Харкурт пожал плечами.

— Они приспособлены, а мы нет. Кроме того, я говорил о выживании расы, а не отдельных особей. Может, выживет один процент. Может, меньше.— Он осмотрел аудиторию.— Сколько будет один процент от нас?

— Ясно,— сказала Мегги.— Я полагаю, всем ясно. Значит, нам нужно строить убежище, защищающее от теплового удара и ионизирующее излучения. И строить надо быстро. Есть у кого-нибудь идеи относительно этого?

Харкурт колебался.

— Понятия не имею. Палатки бесполезны. О, я еще забыл упомянуть о ветрах, которые в это время будут очень сильными. Так что убежище должно выдержать ураганный ветер, скоростью до двухсот километров в час. Я подумал, нельзя ли использовать туннели подземников? Однако мало кто из нас выдержит жизнь под землей при высокой температуре, без вентиляции.

Все молча оценивали такую возможность. Затем встал Капелюшников.

— Можно сделать вот что — человек пятнадцать взлетят в капсуле и продержатся на орбите, пока все кончится.

— Но там будет жарко,— запротестовала Мегги.

Каппи покачал головой.

— Только радиация. Стальная обшивка отразит процентов девяносто, а может быть, и полностью защитит. Единственная проблема — как выбрать этих пятнадцать счастливчиков?

Мегги задумалась, затем произнесла:

— Нет, это последнее дело, Каппи. Здесь другая проблема — что будут делать эти счастливчики, когда вернутся на мертвую планету. Ведь никого из нас не будет в живых. Думаю, что те, кто полетит туда, должны не возвращаться на Джем, а попытаются добраться до Земли или до других колоний. Здесь им не выжить.

Харкурт кивнул и добавил автоматически:

— Но не вся планета будет мертва.

— Что?

— Да, только половина планеты. Та, что обращена к Кунгу. На Фарсайде, обратной стороне, будет даже незаметно, что была вспышка. Но нам это все равно, потому что мы живем здесь и у нас нет времени, чтобы построить там обогреваемый купол, изолированный от окружающей среды, и перебросить все туда. В чем дело?

Мегги внезапно разразилась хохотом.

— Сукины дети! — воскликнула она.— Снова убеждаешься, как ты глуп, когда начинаешь верить людям. Эти ублюдки гризи обманули нас. Они предложили мир не потому, что хотят мира. Они прекратили войну потому, что поняли — мы и так погибнем!

— Но... они...

— Нет! Они не погибнут! У них есть база на Фарсайде! — Она покачала головой.— Люди! Я хотела заявить о том, что передаю власть гражданскому правительству. Но теперь я считаю, что с этим можно повременить. У нас есть необходимость выполнить военную работу. Когда эта сторона будет залита губительной радиацией и умирать от жары, гризи спрячутся в уютном гнездышке на той стороне планеты. Им будет наплевать на то, что творится здесь. Да, гнездышко у них будет очень уютное. И я хочу отнять его у них.

Дэнни уже больше часа летел над высокогорной пустыней. Ущелья и каньоны проплывали под ним. И только изредка попадались зеленые островки, слишком маленькие для того, чтобы сесть. Капелюшников сжался, насколько было возможно. Он проделал огромную работу по разведке и сократил пешему отряду, пробивающемуся сквозь джунгли и пустыню, сотни километров. И тем не менее им оставалось еще не менее трех дней пути, и каждый шаг давался с огромным трудом.

И все-таки уже давно Дейлхауз не чувствовал себя так хорошо. Несмотря на то, что Мегги Миннингер допустила ошибку в заказе обуви, так что он натер правую ногу до пу

зырей. Однако он не был самым невезучим. Трое из отряда остались совсем без обуви.

— Мы вернемся за вами,— обещала Мегги.

Но Дейлхауз понял, что она лжет. И по глазам остающихся было видно, что и они это понимают.

И все же он был счастлив, шагая вперед, хотя иногда ему не хватало дыхания. Полет для него был не работой, а отдыхом. Но теперь они забрались туда, где полеты небезопасны. Дождь шел с перерывами уже восемь часов, заставляя их дрожать от холода. Они промокли до нитки и задыхались от удушливого пара, исходившего от промокшей одежды. Впрочем, это не имело значения. Плохо было то, что нельзя было видеть Чарли и двух оставшихся в живых членов его семьи. Дэнни забрал у них радио, так как гризи могли перехватить сигналы. И когда рассеивались облака, Дэнни обшаривал небо в поисках своих друзей. Он ни разу не видел их, не слышал их песен, но знал, что они поблизости, в небе.

Их было двенадцать человек, пробивающихся к лагерю гризи. Они ушли с базы, приказав оставшимся изображать, что на базе их по крайней мере вдвое больше. Оставшиеся прекрасно понимали, что если миссия отряда провалится, то выжить им не суждено. Мегги сама передала гризи последнее сообщение:

— Мы начали строительство подземного убежища. Когда вспышка закончится, поговорим о мире. А пока мы будем стрелять в любого, кто приблизится к нам.

Сейчас им оставалось десять километров пути. Три часа для человека в хорошем физическом состоянии. Но — целый день хода для измученных людей. Сложность заключалась не только в том, что им приходилось преодолевать различные препятствия, но и в том, что они были нагружены до предела. Им пришлось нести на себе все: пищу, оружие, воду, различное снаряжение. Самыми тяжелыми оказались цилиндры с надписью: «Элементы питания, замена». Каждый цилиндр весил не менее килограмма. А двенадцать цилиндров — это уже тяжкая ноша.

Сначала они несли эти цилиндры так, чтобы исключить возможность их соединения, необходимого для образования бомбы. Лейтенант Кристианидис следила за тем, чтобы расстояние между несущими было не менее метра. Конечно, вероятность того, что при падении цилиндры образуют критическую массу, была мала. К тому же Мегги заверила всех, что без сложного оборудования и взрывателей бомба не сработает, поэтому им приходилось тащить на себе еще двенадцать килограммов сложной аппаратуры. И тем не менее все были крайне осторожны.

В конце каждого прохода Мегги обходила весь лагерь, проверяя груз. На этот раз, подойдя к Анне Димитровой, сидящей очень близко к Дэнни Дейлхаузу, она спросила ее в упор:

— Ты беременна?

Что? Что за вопрос?

Мегги покачала головой.

— Прости. Я устала. Я должна знать, что с тобой все в порядке.— Она ухмыльнулась и подмигнула Анне и Дэнни. Но когда отряд снова отправился в путь, Анна уже несла только фляги с водой, а красные цилиндры перекочевали на спину Марджори Мозелер.

Мегги выглядела ужасно, и с каждым шагом вид ее становился все хуже. Ее пикантная пухлость давно исчезла. Впервые на лице обнажились скулы, а голос стал хриплым. Пребывание под кринпитом в течение двух часов подавило ее защитные рефлексы. К тому же на коже появились зловещие пятна коричневого цвета, похожие на ожоги. Она уверяла, что они не болезненны. Дэнни понимал, что она лжет. Но он считал, что Мегги не лжет, уверяя, что бомба, которую они несут, не будет использована. Он первым предложил это, и Мегги сразу согласилась.

— Конечно,— сказала она.— Я не хочу уничтожать лагерь. Мне нужен этот лагерь — и не просто для нас, но для будущего всей человеческой расы на Джеме. Бомба нужна нам только для угрозы. Для этого мы и несем ее.

Дэнни сказал об этом Анне на последней остановке перед тем, как они приблизились к лагерю гризи.

— Она думает о будущих поколениях. Она считает, что наши гены и хромосомы не должны подвергаться воздействию радиации.

— Конечно,— не удивилась Анна.— Я тоже так считаю.

Так что у Дэнни была надежда. Она привела его через джунгли ко входу в грязную пещеру, через которую они могли проникнуть в туннель к подземникам, ведущий под лагерь гризи. Она теплилась у него, когда майор Вандемир и Кристианидис собирали взрыватель и вставляли стержень детонатора. Она не покидала его и тогда, когда Мегги, Вандемир и еще двое с тяжелым грузом исчезли из виду. И та часть его жизни, нет, жизни всех, которую они прожили до этого момента,— эта часть жизни была их позором, несчастьем, бесчестьем, Может быть, даже хуже. Дэнни не мог думать об этом иначе, как о чем-то грязном и предательском. Это было не что иное, как грабеж со взломом! Воровство! Но это должно прекратиться. Должно наступить лучшее время. Надежда на лучшее не покидала его целых два часа с того момента, как Мегги и остальные исчезли в туннеле. Она не покидала его до той минуты, как Крис Кристианидис посмотрела на часы и сказала:

— Ну вот. С этого момента никому не выходить. Лицом к стене. Руками закрыть глаза. Когда появится огненный шар, не открывать глаза. Затем выждать десять минут. Я скажу, когда...

И тут Дэнни не выдержал, закричал:

— Она не сделает этого! Она же обещала!..

— Дэнни, она не может поступить иначе! Она дала ложное обещание гризи. Мы захватили продовольствие и оружие. Мы выступим против них и уничтожим всех!

— Это безумие! — кричала Анна.— Радиация убьет нас, если мы войдем в лагерь!

— Может быть. У меня есть счетчик, мы проверим. Самое главное — самолеты. Если мы захватим их, то сможем перелететь на их базу на Фарсайде.— Крис колебалась. Она была посвящена в тайну с самого начала и понимала, что они задумали преступление.— Во всяком случае,— наконец проговорила она,— мы уже ничего не можем сделать. Бомба будет взорвана через десять минут. Прячьте головы! — И только сейчас надежда Дэнни погибла окончательно.

Для самки подземника тоже все было кончено. Слепая и одинокая, она двигалась по туннелю в то единственное место, куда ее вел инстинкт. Оно располагалось на глубине тридцати метров под землей. Место для выращивания молодняка, для любовных игр и место, куда приходили умирать. Мать Др-Ши никогда не была здесь раньше. Она была главою семейства, ей было предназначено судьбой нести ответственность. Однако она знала, что придет время, когда в конце жизни ей придется увидеть эти старые туннели и умереть в них. И вот это время пришло, и она приползла сюда. Она не видела ничего, но что-то здесь было не так. Мать подняла переднюю часть туловища и спросила:

— Здесь есть кто-нибудь?

Ответа не было. Ни звука. И никакого запаха, кроме запаха давно умерших. Др-Ши снова крикнула. Не потому, что надеялась получить ответ, а просто по привычке быть методичной во всем.

— Есть кто-нибудь, кто слышит меня?

Никого. Здесь мог быть только кто-нибудь из одичавших молодых, которые носятся по туннелям Но здесь даже их не было. Но Мать не испытывала злобы к Двуногим, которые выжгли ее глаза своими стробоскопами. Она отомстила им за то, что они отравили туннели, за то, что совратили молодых на путь злобы и убийства. Она сражалась против них, Двуногих, и даже против своих молодых, принявших новую веру. И вот теперь туннели пусты. Было бы не так печально, если бы она могла видеть слабый фосфоресцирующий свет разлагающихся останков. Что у нее осталось? Вкус уже не имел значения — еды почти не было. А зачем обоняние? Нюхать пыль под ногами? Др-Ши чувствовала бы себя гораздо лучше, если бы была заточена в своей норе, как в счастливые годы жизни... Она потянулась и издала мягкий кошачий звук отчаяния. Ее начинал мучить голод. Двуногие уничтожили все хранилища для еды, отравили почти все туннели, тянувшиеся на десятки километров во все стороны... Внезапно в километре отсюда на поверхности земли раздался звук. Это был не простой

звук. Воздушная волна ударила по ее ушным перепонкам, и в голове возникло неприятное жужжание, похожее на беспорядочные крики о помощи перепуганных детенышей. Однако с этого момента уже никогда детеныши не будут звать Др-Ши на помощь...

Левое колено Мегги ужасно болело и кровоточило. Кожа давно была стерта до мяса. Ей было все труднее поспевать за двумя, что ползли впереди. Бог создал ее совсем не для того, чтобы ползать часами по подземным туннелям высотой всего девяносто сантиметров. Чтобы не опираться на больное колено, она попыталась ползти, перенося центр тяжести на руку и здоровую ногу. Но через два метра она просто упала, и ползший за ней Вандемир едва не наткнулся на нее. Двое впереди продолжали движение, так что Мегги пришлось удвоить усилия, чтобы не отстать, а это еще больше увеличивало ее мучения.

Она остановилась и посмотрела на часы. Больше четверти часа до взрыва. До того, как две гранаты подорвут бомбу. К этому моменту они удалились примерно на километр. Достаточно для того, чтобы не пострадать. Она крикнула:

— Отдых! — И перевернулась на спину, тяжело дыша затхлым воздухом.

По счастью, в туннеле было не совсем темно, что оказалось для нее неожиданностью. Глаза ее уже привыкли к темноте, и она различала световые пятна, такие слабые, что даже было невозможно сказать, какого они цвета. Вдруг Мегги услышала позади глубокий вздох. Затем снова воцарилась тишина.

— Ван! — крикнула она.— Майор Вандемир!

Грязные стены поглотили ее голос, ответа не было. Она перекатилась на живот, развернулась и поползла назад. Запахло мышами. Мегги включила фонарь на шлеме и увидела, что майор мертв. Один из подземников побывал здесь: нож, торчащий из глаза майора, подтверждал это.

— Черт,— прошептала Мегги и вытащила пистолет.

Свет фонаря прорезал тьму, но не смог успокоить ее. Туннель был извилистым, с боковыми ответвлениями, в каждом из которых мог поджидать враг. Она хотела крикнуть, но передумала. Зачем? Им не вынести Вандемира из туннеля. К тому же его тело загораживало весь туннель и могло сослужить последнюю службу — закрыть путь преследователям.

Есть лучший способ. Мегги достала одну из двух гранат, завела ее на десять щелчков и, толкнув к майору, поползла прочь как можно быстрее. Через минуту-две она бросилась ничком на землю, закрыв голову. Позади раздался взрыв, и она поняла, что обрушился туннель, похоронив доблестного майора. После взрыва она вдруг осознала, что не слышит своих спутников.

— Сэм! Четник! — закричала она.

Они не отвечали, видимо, не слышали ее зова. Мегги, не выключая фонарь на шлеме, поспешила за ними. Боль в колене отошла на задний план. Когда часы показали время взрыва, она еще не нагнала своих спутников.

Она снова легла на спину. Можно было уже не прикрывать голову. Либо она погибнет тут, либо нет. Все зависит от того, далеко ли ей удалось отползти от места взрыва. Расстояния должно хватить. Взрыв, по расчетам, должен уничтожить только оружие гризи. В расчетах она была уверена. Карта, ради которой Тинка и индонезиец пожертвовали собой, ясно показывала, где находятся жизненные центры базы. Однако рассматривать карту на поверхности и попытаться сориентироваться под землей — разные вещи. Сейчас Мегги даже не была уверена, что они двигаются в нужном направлении. Надо было протянуть от выхода шелковый шнур...

В это время раздался взрыв. Точно в назначенный срок. И она осталась жива. Ей даже не было страшно. Значит, хотя бы в этой части ее план сработал. Теперь, если Крис правильно проведет атаку... если они не забудут накидки от радиации... Если гризи не успеют опомниться и оказать сопротивление... если бомба заложена туда, куда надо... слишком много если. Нет, ей нужно быть там, наверху, со всеми, а не здесь.

Какой-то глухой звук привлек внимание Мегги. Она обернулась и увидела, что целая секция потолка, рухнув в туннель, завалила его. Последствия взрыва? Маловероятно. Это подземники пытаются устроить ловушку для врага. Ведь ее было так просто выследить по кровавому следу от раны на колене.

Пора выбираться отсюда. Содрогаясь от мучительной боли и замирая от страха, Мегги ползла вперед. Через десять метров голова ее уткнулась в стену. Она снова включила свет. Свежая земля, выхода из туннеля нет. Значит, подземники замуровали оба выхода. Быстро обернувшись, она убедилась, что сзади никого нет. Она была одна. Обращаясь к стене, Мегги Миннингер сказала:

— Самое страшное для человека — это быть погребенным заживо.

Она ждала, надеясь услышать хоть слово. Затем вытащила пистолет и поискала рукой лопатку. Ее не было, вероятно, она потеряла ее. Остаются только пальцы. Мегги отбросила пистолет и стала ногтями разрывать стену. Сначала с яростью. Потом в ужасе. И, наконец, потому, что больше ей ничего не оставалось.

От горизонта до горизонта, насколько мог видеть Чарли, все было затянуто облаками. Буря ослабевала там, вблизи океана, но здесь, над лагерем гризи, она продолжалась. Уже несколько часов он не видел земли и несколько дней не видел отряд своего друга Дэнни. Ветер, сильный и безжалостный, тащил его и двух оставшихся в живых самок по направле-

нию к Полюсу Тепла. Они устали и выбились из сил, к тому же потеряли высоту.

Пока они сражались с ветром, появилась новая стая, летящая от Полюса. Чарли повел свои остатки на соединение с ней. Он жаждал новых слушателей, чтобы пропеть им песни о новых друзьях с Земли, а также услышать песни, которые он не знал. Стая была небольшая, меньше шестидесяти взрослых, но в ней были новые голоса, которых Чарли никогда не слышал. И он с радостью устремился к ним.

И тут небо озарила белая вспышка. Она захватила всех врасплох. Чарли оказался одним из счастливчиков. Он смотрел в другую сторону и поэтому не ослеп. Он видел, как преобразилось вечно хмурое багровое небо, озарившееся невиданным сиянием. Затем он услышал какой-то звук, и черное облако смешалось с облаками джемианского неба.

Песни приветствия сменились криками боли и ужаса. Чарли мог ответить только призывами подниматься. Старшие члены стаи подхватили песню, и самки стали сбрасывать балласт, но испытывали сильную боль и не могли слышать песни Чарли. Хотя они находились далеко от взрыва, шквальный ветер разметал стаю по небу. Чарли никогда не ощущал таких ударов ветра. Он всегда мог предсказать заранее, что начнется буря, и можно было уйти от нее, подняться выше облаков, пропустить ее под собой. На этот раз не было никакого предупреждения. Ему казалось, что ветер отрывает его конечности. Его несло через чужую стаю, он сталкивался с самцами, самками, сбивал молодых.

И затем снова без предупреждения острый запах самок ударил в ноздри. Пора оплодотворения! Самки уже выпустили длинные серебристые нити яйцеклеток. Весь воздух был пропитан требованием оплодотворения. Для Чарли и других взрослых самцов не было вопроса, что делать: сеять семена, оплодотворять яйцеклетки. Сама природа требовала этого. Поверхность воздушных мешков натянулась. На их лицах было выражение боли. Боль должна кончиться, когда исторгнется семя.

Но это ненормально, неправильно! Чарли со страхом задавал свои вопросы стае, которая пела вместе с ним. Почему происходит оплодотворение? Почему огонь пришел с враждебной земли, а не с неба? Что означают этот жар, грохот и дикий ветер? Всем своим телом Чарли понимал, что это неестественно. Почему это огромное черное облако все время растет, намереваясь проглотить их всех?.. Этот вопрос непрестанно мучил и Чарли, и всю стаю, пока обжигающий жар ядерного пепла не выжег им глаза, не спалил их газовые мешки, выпустив водород, и не заглушил их песни навсегда...

Ядерный взрыв на этой планете был невиданным зрелищем. Его мощность была менее килотонны, и вряд ли на Земле его заметили на фоне многомегатонных взрывов, иско-

реживших земную поверхность. Когда гранаты сблизили своим взрывом плутониевые стержни, мощная цепная реакция пришла в действие. И затем раздался взрыв. Все, что окружало плутониевый заряд: оболочка, стены туннеля — обратилось в горячий газ с давлением в биллионы атмосфер. Газ стремился вырваться на свободу. И вырвался. За одну тысячную долю секунды образовался огненный шар диаметром пятьдесят метров. И этот шар стал расширяться во все стороны со скоростью пятьсот километров в час. Он был ярче, чем Кунг, ярче, чем Солнце Земли, ярче, чем сто солнц, собранных вместе. Но по мере охлаждения жара яркость его начала уменьшаться.

Люди, скорчившиеся в пещере, видели вспышку даже с закрытыми глазами, а сильный удар ощутили своими телами, когда затряслись стены пещеры. Грохот был ужасающий. А затем услышали голос Кристианидис:

— Не вставать! Глаза не открывать! Ждите!

Почти десять минут она держала их в пещере и только потом позволила открыть глаза. Осторожно выглянули они из-за хребта. И с ужасом увидели содеянное Мегги Миннингер. Ядерный гриб вонзился глубоко в атмосферу, пробив дыру в облаках, но вершины гриба не было видно. Лагерь гризи, казалось, почти не пострадал. С лица земли был сметен только склад, горело несколько палаток. Повсюду бродили ошарашенные люди.

— Она... она промахнулась! — крикнула Крис, и Дэнни Дейлхауз не мог понять, сердится она или радуется.

Эпицентр взрыва был в полукилометре от лагеря. Мегги промахнулась. Вся сила взрыва пропала напрасно. Однако тепловой удар был достаточно эффективен. Люди, находившиеся вблизи, ослепли и получили ожоги. Никто не предупредил их, что нужно закрыть глаза и не смотреть в сторону взрыва.

— Проверить оружие,— приказала Крис. Она сняла очки: глаза ее покраснели и опухли. Но голос был решителен: — Накинуть плащи! Идем!

Дейлхауз встал и натянул пластиковый плащ. Неужели этот плащ защитит от радиации? Он поднял карабин и вставил магазин. «Зачем я делаю это?» — подумал он, но медленно побрел вместе с отрядом, в котором осталось лишь девять человек, к лагерю гризи. Дэнни шагал и твердил себе, что все неправильно. Неправильно тактически: ядерный взрыв вывел из строя только тех, кому не повезло. Оставшиеся в живых оправятся. Неправильно стратегически: они не имели права попадать в такую ситуацию. И самое главное: неправильно морально. В каком мире они собираются жить, если в борьбе за него сами нападают друг на друга исподтишка?

Дейлхауз посмотрел на людей, шедших в затылок один другому. Все смотрели вперед, на лагерь гризи. Неужели никто из них не чувствует того же, что и он? Он остановился:

— Крис, я не хочу делать этого!

Лейтенант медленно повернулась к нему так, что ствол автомата уперся ему в живот.

— Вперед, Дэнни.

— Нет, подожди, Крис...

Она резко сказала:

— Я ждала этого от тебя. Мы пойдем туда. Все. Полковник Миннингер приказала, и я выполню приказ. Иди.

Остальные встали, глядя на них. Все молчали, наблюдая, как Дейлхауз рассматривал ствол автомата, направленный уже ему в переносицу. Он ответил:

— Нет, Крис.

Выражение лица Крис изменилось, посуровело, и он понял: да, она нажмет курок.

— Убери автомат, лейтенант! — крикнула Анна.

Она направила свой пистолет в спину лейтенанта.

— Я не хочу убивать,— сказала Анна.— Но так же не хочу нападать на этот лагерь.

Дейлхауз шагнул вперед и, взяв автомат из рук Кристианидис, швырнул его далеко в кусты, куда тут же забросил и свой. Через секунду то же сделала Анна, а за нею и остальные.

— Идиоты! — крикнула Крис.— Они перестреляют вас, как кроликов!

Дейлхауз не ответил. Он смотрел на лагерь, где люди уже заметили их. У них было оружие, и они наблюдали за драмой, разыгрывающейся на холме. Дэнни поднял руки вверх и пошел к лагерю. Краем глаза он заметил, что Анна сделала то же самое. Может, Крис права? Может, кто-то из гризи уже прицелился и готов стрелять? Но он уже ничего не смог бы сделать. Как ни была велика их вина, она уже не была его виной, и впервые он ощутил в душе мир и покой...

Что можно сказать о всех действующих лицах этой истории? О Марджори Миннингер, и Дэнни Дейлхаузе, и Анне Димитровой, и Ахмеде Дулле, и Чарли, и Шарн-игоне, Матери Др-Ши?

Они делали что могли, что считали необходимым. И обо всех них — о любом живом существе — человеке или представителе другой расы — можно сказать одно: все они умерли. Некоторые пережили войну. Некоторые пережили вспышку. Но в борьбе со временем выживших не оказалось.

А что можно сказать о прекрасной и могущественной женщине по имени Мускарт Гринклоуд Ан-Гуен?

В ней есть частицы Мегги и Нан, и некоторых других. Некоторые следы обусловлены цепочками ДНК, другие — генами живших раньше людей. Она никогда не знала их, потому что с тех пор прошло уже шесть поколений.

Как все мы, она не была единой личностью. В ней заключалось три личности, или шесть, или сто, если учесть те отпечатки, которые наложили на ее личность множество людей, живших рядом. Для своего любовника она была желанной

подругой, с которой приятно провести уик-энд на озере Дьяволов. Для внуков она была строгим учителем, который водил их по музеям и зоосаду. Для всех жителей, зарегистрированных в Войн-Фен Метрополитен Ареал она была выборным судьей, контролирующим деятельность правительства. Или, вернее, не правительства. Муски была твердым приверженцем Шести Принципов Джемианской Республики, из которых самым главным принципом было: никакого сильного центрального правительства. Понятие «правительство» было давно забыто, сгорело в огне вспышки, умерло от голода в годы отчаяния. Оно исчезло с Джема полторы сотни лет назад. И никто не хотел возвращения этого ужаса, особенно Муски. Правительство было таким же чудовищем, как армия, как голод. Муски была готова драться за свои Принципы и готова была отдать за них по капле всю кровь, так же как и молодые добровольцы-миллионеры и Приниматели Даров.

Но чтобы понять, что такое Муски, рассмотрим три главных ее ипостаси, и это поможет нам разобраться в сложном и своеобразном мире Джема.

Во-первых, Муски производила больше, чем десятую часть продовольствия для Войн-Фен, и почти все оно приходило из-под земли. Конечно, она создавала его не сама. Она стояла у ворот галереи. Старые добрые времена частной собственности умерли вместе с правительством. Муски не была владелицей чего-либо, она была равной среди равных. Но выполняла при этом специальные обязанности.

Вы могли бы подумать, что она похожа на виргинского фермера, присматривающего за батраками. Но это ошибочный вывод. Здесь не было собственности, здесь не было эксплуатации. Кринпиты приносили им дары с подземных ферм. Это были именно дары, их давали добровольно. Если Муски не нравились дары, она не приказывала их заменить. Она просто отказывалась. Тогда кринпит спокойно возвращался в свою деревню, где мог свободно голодать. В метре от Муски подземники опрыскивали кринпитов антиаллергеном. Здесь тоже обходились без применения силы. Если кринпит не давал им даров, они не опрыскивали его. И кринпит мог по своей воле болеть и даже умереть. Так что кринпит был абсолютно свободен и мог выбирать то, что он хочет сам, без всякого принуждения. В этом мире не было никакой эксплуатации никого, никем и никогда. Это был один из Шести Принципов.

Кринпит знал это и наслаждался свободой, так же как радио, барабанами, металлическими предметами, которые давала ему Муски сама в обмен на то, что он давал ей. Подземники тоже знали это и тоже были благодарны, особенно за то, что Двуногие улучшили их туннели. И подземники помогали сильным рабочим кринпитам возделывать урожай на подземных фермах. Они тоже получали много такого, чего не знали их далекие предки, вечно жившие под землей. Шаристы тоже знали это, и в воздухе тоже постоянно звучали песни.

И, конечно, Муски Гринклоуд Ан-Гуен прекрасно знала это. У нее было все, что она хотела. А наибольшее удовлетворение ей доставляла твердая уверенность в том, что Шесть Принципов неукоснительно соблюдаются, справедливость торжествует и каждый на Джеме — человек, кринпит, шарист, подземник — имеет все. Хотя, может, и не всегда столько, сколько она. Во-вторых, Муски была добровольным служащим. Она была выборным судьей, который добровольно отдает свое время служению Обществу, даже по праздникам.

Она вышла из сельскохозяйственной галереи на поверхности под купол города Жирных. Муски была довольно красивая женщина. Она загорела под искусственным солнцем плавательного грота. Она была высокой и весила шестьдесят килограммов, хотя талия у нее была пятьдесят сантиметров. Ее любовник предпочитал иметь дело с нею, а не с более молодыми девицами. Когда Муски шла по холмам Воспоминаний, приветствуя всех, мужчины не отводили от нее глаз.

Скинув обувь для удобства, она села на диван.

— Я хотела бы начать,— произнесла она с солнечной улыбкой.

Остальные шесть выборных судей согласились с нею и сказали, что тоже готовы начать обсуждение дел. Большинство дел были самыми ординарными, и согласие судей достигалось сразу же. Все берегли силы для действительно стоящего дела. Со своего места под бюстом Матери Кристианидис Роанок Фрайбер рассказала о том, как идут дела по очистке озера Дьявола. Вся животная жизнь в озере была почти уничтожена с тех пор, как был изобретен Фермент Соли, служащий антибиотиком против всех форм жизни на Джеме.

— Осталось еще несколько грузовиков, и озеро будет абсолютно чистым,— сказала т-Фрайбер.

Оторвавшись от любования своими десятисантиметровыми ногтями, Зод Хауз Фларенборн предложила давать дополнительные дары милиционерам, так как многие из них пострадали при исследовании старых туннелей подземников и освобождении дальних лагерей кринпитов. Все согласились, что это надо сделать, Женщина в милицейской форме около двери удовлетворенно кивнула. Затем лицо Муски затуманилось. Она осмотрела всех сидящих:

— Я слышала, что пришло сообщение с Альфабазы.

Наступила тишина. Это дело было связано с грядущими изменениями, и никто не хотел рассматривать его. Все судьи зашевелились в своих креслах под бюстами предков. Каждый ждал, чтобы заговорил кто-то другой. Наконец, т-Фрайбер высказала свое мнение:

— Лично я считаю, что наши предки поступили неправильно, возобновив исследование космоса. Они добровольно выделили большие средства, чтобы вывести на орбиту тактрановый спутник. И что мы получили? Горе и смятение.— Т-Фрайбер перечислила все предыдущие контакты: угрозы со сто-

роны марсианских колоний, мольбы о помощи с самой Земли, дюжина предложений с Альфаколоний наладить регулярные сообщения между Альфой и Джемом. Из других частей Вселенной — ничего.

Муска ждала мнения остальных. Затем спросила:

— Интересно, стоит ли нам дальше отвечать на послания с Альфабазы?

Никто не ответил. Следовательно, все согласны, что не стоит. И судьи перешли к разговору о том, как растет население планеты: от ста восьмидесяти выживших к тысяче восьмистам в третьем поколении и почти к четверти миллиона в шестом поколении. Теперь можно не бояться, что человечество умрет. Человек на Джеме будет процветать. Это напомнило Муски, что ее последний ребенок готов родиться. Она позвонила в госпиталь по телефону. Сиделка даже в этот час была на месте. Но новости были плохие: ребенок родился мертвым.

— Я ругаю себя за это,— сказала Муски доктору,— что выбрала... как ее имя, доктор?

— Мери Глоубак.

— Да, Мери. Ей почти шестьдесят лет, и мне нужно было пригласить кого-нибудь помоложе, чтобы родить мое дитя.

— О, не порть себе день,— сказала доктор.— Всякое может случиться. Помни, что почти все твои дети живы, и еще троих вынашивают другие сиделки.

— Ты очень добра.— Муски повесила трубку с улыбкой. Но новость сразила ее.— Мне хотелось бы уйти,— сказала она. И все были рады этому предложению, так как всем хотелось по домам, к своим семьям...

И третья ипостась Муски — это мать, уважаемая глава семьи. Это была не самая маленькая часть ее. Ее семья была огромна. Сорок четыре человека живых детей, из которых десяток старших уже многократно сделали ее бабушкой, а три самых младших еще находятся внутри трех женщин, добровольно согласившихся выносить их и родить. Она напомнила себе, что нужно сделать подарок Мери Глубак за добровольное согласие оплодотвориться ее яйцеклеткой. Не такой большой подарок, как обычно, ведь ребенок родился мертвым. Скоро Рождество, и все эти женщины придут ее поздравлять. Муски с удовольствием ждала этого дня.

Но не все думы о семье были приятными. Когда она шла по аккуратному саду туда, где спала и хранила свои вещи, из кустов навстречу ей выскочил подросток. Это был д-Дейлхауз Дольфин Ан-Гуен, один из ее сыновей. Он тяжело дышал от бега. Муски вздохнула и сказала:

— Очень приятно, что ты спешишь поздравить меня, Дольф.

Он остановился и посмотрел на рождественское дерево посреди сада, украшенное огнями и звездой на вершине. Очевидно, он забыл о каникулах. Муски снова вздохнула.

— Счастливого Рождества, Дольф. Присядь и успокойся.

Они сели на скамью из прессованной глины под деревом.

Муски не смотрела на сына. Она знала, что несмотря на все недостатки, он не начнет говорить без разрешения, и хотела, чтобы мальчик ощутил мир и покой в саду. Здесь стояли статуи первого Поколения Восемнадцати Матерей из золота, пятьдесят две Кормилицы из хрусталя и восемьдесят Отцов, высеченных из гранита, который добывали в скалах возле Полюса Тепла. Двадцать один человек из выживших, которые не внесли вклада в гены ныне живущих, тоже были увековечены в статуях, но эти статуи находились в самых дальних уголках сада. Имена тех, кто пережил вспышку на Форсайде, были выгравированы на серебре, как бы подернуты морозом. Те, кто пережил катастрофу в катакомбах подземников, получили надписи из рубина. Остальные, пережившие вспышку в орбитальных капсулах, под машинами, в пещерах, в других местах, где они могли укрыться от гнева звезды, были украшены оранжевым хризолитом, напоминающим цвет пламени. Это произошло шесть поколений назад. Когда Муски почувствовала, что это святое место подействовало на ее сына, она промолвила:

— Ол райт. Можешь говорить, что хочешь, Дольф.

Он не мог дождаться этого момента и не скрывал своего нетерпения.

— Хорошо! Я скажу! Ты делаешь ошибку, Мать Муски. Мы не можем сказать нет Альфабазе! Не можем!

Он был ужасно упрям. Даже свиреп.

— Да, я сказал, не можем! Это преступление против человеческой расы! Джем разлагается на наших глазах, Мать Муски. Это единственный шанс для нашего развития. На Альфабазе есть высокоэнергетическая технология. Ты знаешь, что значит их предложение? Они могут перевести в тахионное состояние десятки тонн. Мы не можем сделать этого даже ради спасения собственной жизни.

— Милый Дольф. У нас на Джеме очень много горячих проблем. Ты знаешь, сколько бродит диких стай кринпитов? Кринпитов, которые впали в дикое состояние? Подземников, которые стали совершенно неуправляемыми и бесполезными? Наш долг...

— У нас долг перед человечеством!

— Да, конечно. И мы выполняем его. Наши предки отдали жизнь, чтобы спасти нас, и мы строго блюдем Шесть Принципов. У нас нет тирании, национализма, расовых распрей. Мы не насилуем Джем, мы служим его процветанию. Мы экономим его ресурсы, а на Альфе снова развивают индустрию, и с ней возрождается все зло технологической цивилизации.

— Боже! — воскликнул Дольф.— Ресурсы! Да мы пальцем не пошевельнули, чтобы тронуть их! Ты знаешь, что горючее образуется быстрее, чем мы используем его?

— Прекрасно! Но будь разумен, Дольф, дорогой! Зачем ты портишь мне праздник своими глупыми идеями? Предположим, что кто-то примет твои предложения. Кто будет разрабатывать ископаемые минералы?

— Кринпиты! Подземники! Люди! Машины! Я не знаю. Если кто-либо не захочет работать, надо его заставить!

Мускарт была ошарашена.

— Ты испортил мне праздник. Какой стыд! — Упрямый подросток и неумелая сиделка — ее праздник испорчен, еще не начавшись. Дольф ее любимый сын. Она восхищалась его легким телом, быстрым умом. Но как он может не принимать этот рай и не быть в нем счастливым, как все остальные?

Каникулы Дольфа тоже были испорчены, и он, злой и растерянный, сел на каменную скамью, даже не слыша веселого пения вдали. Если бы он сумел заставить ее понять! Покорение Джема дорого обошлось людям. И не только в первый ужасный год. В первые десять лет произошло еще несколько вспышек Кунга. Было восемь вспышек, и только две или три из них обошлись без страшных последствий. Людям пришлось вынести многонедельное заточение под защитным куполом, страшный голод в течение следующих полутора лет, пока планета не восстановила себя. Стоило ли людям платить жизнями за существование на такой планете?..

Подземник с четырьмя садовниками-кринпитами, панцири которых были покрыты блестящим праздничным лаком, прошли мимо Дольфа. Внезапно он услышал вдали песню.

Спаси всех нас от сил Сатаны,
Когда мы уйдем звездным путем...

Черт бы пробрал это время радости, думал он. Время самоубийц! Время медленной смерти в довольстве, когда вся остальная Галактика благодаря достижениям технологии стремится Бог знает куда! Ярость боролась в нем с праздничным настроением. Но постепенно ярость отступила. Дольф вдруг вспомнил, что нес подземник,— бледно тлеющий ультрафиолетовый факел, и решил пойти к рождественскому дереву. Кринпиты уже растащили по сторонам скамьи и столы для пикников, чтобы освободить пространство. После этого они удалились. Подземники установили факелы по местам и ожидали распоряжений. На дереве привязанные шаристы распевали свои сладкие песни. Молодые люди складывали возле дерева одежду и бежали к украшенному стволу.

— Пора начинать! — закричали все, и шаристы затянули песню «Добрый король Венцеслав». Подземник поджег факелы. Шаристы все как один вздрогнули, и душистые нити полились на землю. Под рождественским деревом пары сплелись в экстазе традиционного Кольца.

И Дольф не смог устоять. Ярость погасла. Рождество победило. Он скинул одежду и бросился к дереву. «Зачем сражаться за Утопию?» — думал он. В этот момент в нем кончился процесс взросления. И начался процесс умирания. Что, по сути, одно и то же.

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

РИФЫ КОСМОСА 3
ДИТЯ ЗВЕЗД 129
БЛУЖДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА 244
СЫН КУНГА 379

Зарубежная фантастика

ВЫПУСК 18

Фредерик Пол, Джек Уильямсон

РИФЫ КОСМОСА

Составитель *В. П. Кирчев*

Технический редактор *О. Цыплакова*

Дата в печать 08.12.92. Уч.изд.л. 35,81. Усл.печ.л. 30,24.
Тираж 52.000. Цена договорная. Заказ 765

Кишинев, предприятие «ЭЯ»

Издательско-полиграфическая фирма
«Центральная типография»
277068, Кишинев, ул. Флорилор, 1.